

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 516. Июль

• ФИЛОЛОГИЯ

• ФИЛОСОФИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• PHILOLOGY

• PHILOSOPHY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 516. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Киселев В.С. «Некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание»: литературная репутация поэта в 1797–1812 гг.	5
Коротченко Т.В., Новикова Е.Г. Последняя англоязычная версия «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: системное описание	17
Крапивина К.П. Документность как типологическая характеристика интерфейсного текста (на примере текстового редактора Notepad++)	24
Крымская С.М. Статус реальности в современном книжном сериале (на примере романа Веры Богдановой «Семь способов засолки душ»)	34
Матханова И.П. Референциальный потенциал местоименного наречия ПО-ДРУГОМУ и способы его актуализации в высказывании	42
Падерина Е.Г. Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья вторая	51

ФИЛОСОФИЯ

Оболкина С.В. «Цифровая физика» как модус механизма 58	58
Тихонова С.В., Пеннер Р.В. Нейросетевая перспектива трансформации понятия «медиа»	67

ИСТОРИЯ

Емец С. Роль посредников в образовательной мобильности снизу (на примере китайских студентов в России)	75
Коломина А.М. Перспективы климатического и энергетического сотрудничества России и Казахстана с использованием потенциала Сибири	83
Медведев В.Е. О лабретках и их роли как маркеров этнокультурных соотношений в неолите Тихоокеанского Севера и соседних территорий	92
Никитин Д.С. Индийский национальный конгресс в годы генерал-губернаторства лорда Хардинга (1910–1916)	100
Рыбаков Д.Ю., Рыбаков А.Д. История изучения и культурная принадлежность городища Козюлино II	106
Терехов О.Э., Терехова О.Н. Немецкий историзм как историко-культурный феномен в современной российской историографии	114
Туарменский В.В., Паничкин Ю.Н. М.Н. Галкин-Враской: становление исследователя (итоги экспедиции 1858–1859 годов в Туркестан)	119
Федотова И.В. Образ маршала М.Н. Тухачевского в периодической печати в годы Перестройки в СССР (1985–1991 гг.)	127

ПЕДАГОГИКА

Бордовская Н.В., Гнедых Д.С., Кошкина Е.А., Хромова М.А., Посохова С.Т. Методология междисциплинарного исследования развивающего взаимодействия студентов с генеративным искусственным интеллектом в образовательных целях	140
Борзова Е.В., Шеманаева М.А. Исследование генеративной функции искусственного интеллекта при разработке планов урока иностранного языка	151
Ванягина М.Р., Цепилова А.В., Бажутина М.М. Модель иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов: унификация и диверсификация	160

CONTENTS

PHILOLOGY

Kiselev V.S. “Some of Zhukovsky’s poems still deserve flattering attention”: the poet’s literary reputation in 1797–1812	5
Korotchenko T.V., Novikova E.G. The last English translation of “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky: system description	17
Krapivina K.P. Documentality as Typological Characteristic of Software Interface Texts (Based on the Notepad++)	24
Krymskaya S.M. The status of reality in the modern book serial (based on the example of Vera Bogdanova’s novel “Seven Ways to Salt Souls”)	34
Matkhanova I.P. The referential potential of the pronominal adverb <i>PO-DRUGOMU</i> [differently] and the ways of its actualization in the utterance	42
Paderina E.G. Problems of commenting on the perception of “Selected Passages from Correspondence with Friends” by contemporaries (1846–1847). Article II	51

PHILOSOPHY

Obolkina S. V. “Digital physics” as a modus of mechanism	58
Tikhonova S.V., Penner R.V. Neural network perspective of transforming the concept of “media”	67

HISTORY

Jemec S. The Role of Intermediaries in Transnational Mobility from Below (the Case of Chinese Students in Russia)	75
Kolomina A.M. Prospects for Russia-Kazakhstan climate and energy cooperation realizing the Siberian region potential	83
Medvedev V.Y. Labrets and Their Role as Markers of Ethnocultural Relations in the Neolithic of the Pacific North and Neighboring Territories	92
Nikitin D.S. Indian National Congress in the years of the Hardinge’s Government (1910–1916)	100
Rybakov D.Yu., Rybakov A.D. The history of research and cultural affiliation of the Kozyulino II hillfort	106
Terekhov O.E., Terekhova O.N. German Historicism as a Historical and Cultural Phenomenon in Contemporary Russian Historiography	114
Tuarmensky V.V., Panichkin Yu.N. M.N. Galkin-Vraskoy: becoming a researcher (results of the 1858–1859 expedition to Turkestan)	119
Fedotova I.V. The image of Marshal M.N. Tukhachevsky in the periodical press during the years of Perestroika in the USSR (1985–1991)	127

PEDAGOGICS

Bordovskaia N.V., Gnedykh D.S., Koshkina E.A., Khromova M.A., Posokhova S.T. Methodology of Interdisciplinary Research on Students’ Developmental Interaction with Generative Artificial Intelligence for Educational Purposes	140
Borzova E.V., Shemanaeva M.A. Research of the Artificial Intelligence Generative Function in Creating Foreign Languages Lesson Plans	151
Vanyagina M.R., Tsepilova A.V., Bazhutina M.M. Model of foreign-language professional and communicative competence for students of non-linguistic universities: unification and diversification	160

Косова Е.А., Галустян О.В. Анализ проблемы цифровой доступности электронного обучения в психолого-педагогической литературе	172
Ермакова Ю.И., Поршнева Е.Р. Формирование комплексной профессиональной компетенции бакалавров филологии в процессе языковой подготовки в условиях региона	186

ПРАВО

Коновалова Л.Г. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти и парламентаризм	196
Корсаков К.В. Противодействие вовлечению российской молодежи в ряды террористов и экстремистов как элемент системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью	205
Крипиневич С.С. Уголовно-правовая и процессуальная индивидуализация как основа для продолжения дифференциации уголовно-процессуальной формы	216
Рябинина Т.К., Чистилина Д.О., Ряполова Я.П. Цифровая трансформация уголовно-процессуального доказывания: преимущества и риски	223
Соломин С.К., Соломина Н.Г. О значении субъективной обязанности должника в правовой конструкции гражданско-правового обязательства	237
Храмов А.А. Понятие, виды и классификация предпосылок формирования новых отраслей в системе права	247

Kosova Y.A., Galustyan O.V. Analyzing the Problem of Digital Accessibility in E-Learning in Psycho-Pedagogical Literature	172
Ermakova Yu.I., Porshneva E.R. Development of comprehensive professional competence of philology bachelors in the process of language training in the regional context	186

LAW

Kononova L.G. Assessing the effectiveness of executive authorities and parliamentarism	196
Korsakov K.V. Countering the involvement of Russian youth in the ranks of terrorists and extremists as an element of the system of combating terrorist and extremist activity	205
Kripinevich S.S. Criminal law and procedural individualization as a basis for continuing differentiation of the criminal procedure form	216
Ryabinina T.K., Chistilina D.O., Ryapolova Ya.P. Digital transformation of criminal procedure evidence: advantages and risks	223
Solomin S.K., Solomina N.G. On the meaning of the subjective obligation of the debtor in the legal structure of a civil obligation	237
Khramov A.A. Definition, Types and Classification of Prerequisites of Formation of New Bodies in a System of Law	247

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/15617793/516/1

«Некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание»: литературная репутация поэта в 1797–1812 гг.

Виталий Сергеевич Киселев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kv-uliss@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа в статье выступает начальный период в складывании литературной репутации В.А. Жуковского (1797–1812 гг.). Выделяются произведения, успех которых обеспечил выдвижение поэта на заметное место в отечественной словесности, определяются стратегии авторского поведения и взаимодействия с институтами дружеских обществ (круг Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, младокарамзинисты) и профессиональной литературы (книгоиздатели, журналистика). Обозреваются читательские отзывы и первые отклики критики на события писательской карьеры В.А. Жуковского.

Ключевые слова: литературная репутация, русская литература, В.А. Жуковский, литературная критика, журналистика

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В.А. Жуковский в прижизненной критической рецепции».

Для цитирования: Киселев В.С. «Некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание»: литературная репутация поэта в 1797–1812 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 5–16. doi: 10.17223/15617793/516/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/1

“Some of Zhukovsky’s poems still deserve flattering attention”: the poet’s literary reputation in 1797-1812

Vitaliy S. Kiselev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru

Abstract. The subject of analysis in the article is the initial period in the folding of the literary reputation of V.A. Zhukovsky (1797-1812). The first stage of the writer’s approval in the literary field (1797-1807) was an attempt to rely on the resources of two systems of literary communication-friendly communities and professional relations. On the one hand, already in the Moscow noble boarding house and a friendly literary society adjacent to it, Zhukovsky found himself in a rich circle environment, the limits of which expanded in the early 1800s. Thanks to the entry into the orbit of the contacts of N.M. Karamzin and I.I. Dmitrieva, and with them most Moscow writers, on the other hand, the need for earnings moved to professional literary activity - translation. Thus, the initial literary reputation of Zhukovsky was primarily in a non-public circle environment, related to friendly, and reactions to transfers from publishers and critics (P.I. Makarov in 1803, M.T. Kachenovsky in 1806) were an addition to it. In artistic terms, rapid recognition was due to the orientation of the young poet to the authoritative Karamzin canon both in prose miniatures and in poetic experiments. An important episode that emphasized the symbolic recognition was the well-known history of the publication of the “rural cemetery” in the December issue of “Bulletin of Europe” for 1802, hopes did not disappear in the “Belevsky solitude”, in 1806, an artistic breakthrough ended when several dozens of new lyrical works of different genres came out of the pen of Zhukovsky. In artistic terms, they demonstrated the fullness of mastering the author of the genre palette of Karamzinism and turning it into a regular participant in literary life. The editor also succeeded in critical materials, and different genres - a review of a new book, a review of the play and the performance (in “Moscow Notes”), an article on aesthetics, a historical genre review - and these samples of Zhukovsky will later reprint in the collections of his prose. Finally, in 1808-1811 Zhukovsky creates each year more than a dozen new poems of different genres. Almost all of them quickly find themselves on the pages of the “Herald of Europe”, offering the reader more and more versions of the genres of the Karamzinsky canon - romance, songs, a love and friendly message, landscape lyrics, elegy for death, epitaphs and, of course, ballads. Thus, the author’s reputation of Zhukovsky during the editing of “Bulletin of Europe” acquired genuine volume, which emphasized the success of his five-volume anthology “Collection of Russian Poems” (published in 1810-1811). With the invasion of the Napoleonic troops, a new and staged

reputation knot for Zhukovsky began: the brightest young poet of the generation by the will of fate and turned out to be an ordinary militia who passed with the Russian army from Borodino to Vilno, and the modest actor of the camping printing house, becoming the immediate witness of historical events, implemented them into the lyrical documents The camp of Russian soldiers ”, “The leader of the winners ”). The energy contained in this situation and charging these texts could not remain - and already at the beginning of 1813 she strongly changed the path of the literary career of Zhukovsky.

Keywords: literary reputation, Russian literature, Vasily Zhukovsky, literary criticism, journalism

Financial support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386: History of Russian literary criticism of the first half of the 19th century: Vasily Zhukovsky in lifetime critical reception.

For citation: Kiselev, V.S. (2025) “Some of Zhukovsky’s poems still deserve flattering attention”: the poet’s literary reputation in 1797–1812. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/1

Четверть века назад А.И. Рейтблат в статье «Как Пушкин вышел в гении» в качестве одной из актуальных задач современной истории русской литературы назвал изучение литературных репутаций [1]. С тех пор количество исследований в этом направлении существенно увеличилось, однако качественного прорыва пока не произошло, и мы имеем весьма неполное представление не только об общих интенциях и инструментах в структурировании поля литературы в ту или иную эпоху, но и о ходе составления большинства авторских репутаций даже классиков отечественной словесности. Одной из таких лакун является репутация В.А. Жуковского – поэта, чье творчество вошло в гимназическую программу еще в 1820-е гг. [2. С. 13] и с тех пор выступает неотъемлемой частью национального культурного канона. Историками литературы накоплен огромный материал как о его художественном наследии, так и о его деятельности, в совокупности влиявших на формирование репутации. Между тем она как целостный феномен никогда еще не становилась предметом внимания литературоведения. Подчеркнем здесь принципиальное различие – существует много работ, в том числе этапных для жуковедения, обобщающих биографию поэта, динамику его творчества, поэтику и место в литературном процессе тех или иных жанров (стихотворных и прозаических) или даже оценку современниками отдельных произведений (в частности, в комментариях к «Полному собранию сочинений»), однако они создают лишь контекст для понимания авторской репутации. Сама же она формировалась под действием несколько иных факторов, недостаточно пока изученных и, тем не менее, определявших динамику читательской рецепции, циркуляцию символического капитала внутри писательского цеха, логику взаимодействия литературы и других социальных институтов (власти, церкви, словесных корпораций и др.) Синхронизация и сведение в единую картину именно этого материала является целью данной статьи.

Настоящая статья включена в проблематику проекта, посвященного изучению рецепции личности и творчества Жуковского в прижизненной литературной критике [3]. Между тем мы исходим из того факта, что как влиятельный институт русская литературная критика оформилась лишь в 1830–1840-е гг., а репутация Жуковского сложилась гораздо ранее – еще в

1810-е гг., а уже в 1820-х гг. подверглась канонизации. Таким образом, ранние разрозненные журнальные отзывы о произведениях поэта и событиях его профессиональной карьеры нужно оценивать на фоне более широких процессов, в которых пересекаются интенции художественного и институционального плана.

Первый этап утверждения писателя в литературном поле (1797–1807) представлял собой попытку опереться на ресурсы двух систем литературной коммуникации – дружеских сообществ и профессиональных отношений. С одной стороны, уже в Московском благородном пансионе и смежном с ним Дружеском литературном обществе Жуковский оказался в насыщенной кружковой среде, пределы которой расширились в начале 1800-х гг. благодаря вхождению в орбиту контактов Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, а с ними и большинства московских, а позже и части петербургских литераторов, с другой стороны, дилетантские занятия словесностью дохода не приносили, а деньги были постоянно нужны, что подвигало к более профессиональной деятельности – переводческой. Тем самым первоначальная литературная репутация Жуковского складывалась прежде всего в непубличной кружковой среде, родственно-дружеской, а дополнением к ней служили реакции на переводы со стороны читателей, издателей и критиков.

В репутационном плане хороший трамплин представлял собой уже Московский благородный пансион, где поощрялись занятия литературой, имелась возможность напечатать свои произведения в учебном альманахе или даже настоящем журнале, где, наконец, завязывались перспективные знакомства. Всеми этими возможностями Жуковский воспользовался максимально, благо он проявлял не только художественный, но и организационный талант, признаваемый как наставниками А.А. Прокоповичем-Антонским и М.Н. Баккаревичем, так и однокашниками, что позволило ему стать председателем Собрания воспитанников пансиона. В плане контактов именно здесь установились первоначальные знакомства поэта с И.П. Тургеневым и его кругом, с М.М. Херасковым, М.Н. Муравьевым, Г.Р. Державиным, Н.М. Карамзиным и И.И. Дмитриевым. В плане публикаций хорошим каналом доступа к публике стали сначала учебные сборники «Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте» (1797–1800), а затем два выпуска альманаха «Утренняя заря» (1800,

1803), где были напечатаны его первые стихотворные опыты. Примечательно, что эти связи не разрывались – даже спустя два года после окончания пансиона во втором выпуске «Утренней зари» был помещен и его новый шедевр «Сельское кладбище» (1802), и старые стихи «Мир» (1800), «Человек» (1801) и миниатюры в прозе. Кроме того, поэтические и прозаические опыты Жуковского печатались и в примечательных журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Ипокрена», издававшихся в тот период П.А. Сохацким, также преподававшим в пансионе. В восприятии современников эти ранние публикации сливались в единый комплекс, как можно судить из самой первой публичной критической оценки творчества поэта, сделанной П.И. Макаровым в рецензии на два выпуска альманаха «Утренняя заря». Он писал, указывая на Жуковского и И.А. Петина: «Друзья отечественной литературы порадуются таланту молодых наших писателей – таланту, ожидающему единственно зрелости и тех идей, которые приобретаются не иначе, как долговременным наблюдением света» [4. С. 180–181]. И далее критик привел текст прозаической миниатюры Жуковского «Мысли на кладбище» [4. С. 181–183]. Иронической параллелью подобной многообещающей оценки можно счесть пожелание имениннику, высказанное А.П. Юшковой (впоследствии Киреевской и Елагиной) в письме от 29 января 1802 г.: «Прощай, любезный сочинитель. Желаю тебя скорей видеть, а покамест хочется хотя взглянуть на твой портрет, который, верно, будет в пантеоне российских авторов»¹ [5. Л. 4].

В художественном плане быстрое признание Жуковского было обусловлено ориентацией юного поэта на авторитетный карамзинский канон как в прозаических миниатюрах, так и в стихотворных опытах, уже к 1801 г. приобретших элегическую направленность. Важным эпизодом, подчеркнувшим не просто принадлежность к литературному направлению, но и символическое признание ее главы стала известная история публикации «Сельского кладбища» в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1802 г.: как рассказывал М.А. Дмитриев, Н.М. Карамзин отверг первый, еще пансионский вариант перевода, принесенный Жуковским, но второй вариант «принял уже с восхищением» [6. С. 182] и вскоре напечатал в своем журнале. Инициационная формула (патриарх оказывает внимание новичку) здесь органично соединилась с одобрением работы молодого поэта в элегическом жанре, опорном как для старших, так и для младших карамзинистов.

Важными репутационно маркированными шагами самоопределения в литературном поле стали для молодого чиновника Соляной конторы близкие знакомства с Н.М. Карамзиным и И.И. Дмитриевым. С первым Жуковский по линии Е.А. Протасовой (ее покойный муж был родным братом первой жены Карамзина) мог пересекаться в имении Плещеевых еще во второй половине 1790-х гг., однако документально подтверждены их контакты с декабря 1800 г., когда они встретились в доме И.П. Тургенева [7. С. 382]². Временем их тесного общения стала вторая половина 1802 г., в конце октября Е.А. Протасова с удовлетворением пи-

сала: «Очень меня радует, что ты видаешься с Николаем Мих<айловичем>» [8. Л. 11 об.]. Весной 1803 г. Н.М. Карамзин пригласил Жуковского пожить в своем подмосковном имении Свиблово, о чем тот тоже извещал Е.А. Протасову 21 апреля: «<...> я еду на месяц в Свиблово жить вместе с Николаем Михайловичем. Вообразите, какое блаженство, и порадуйтесь вместе со мною. Его знакомство для меня – счастье» [9. С. 494]. Тесно общались Н.М. Карамзин и Жуковский и в начале 1804 г. в Москве, а впоследствии и в те моменты, когда их пути пересекались на протяжении следующих двадцати лет [10–12].

В дневниковых записях Жуковского знакомство с И.И. Дмитриевым поставлено рядом со знакомством с Н.М. Карамзиным и отнесено к концу 1801 г., когда первый переехал в Москву. Летом 1802 г. Жуковский постоянно посещал бывшего обер-прокурора, вышедшего в отставку и жившего в собственном доме в приходе Харитония в Огородниках [13. С. 54, 56]. В начале мая 1803 г. Ан.И. Тургенев писал: «Ты славно проводишь время твое, и я тебя поздравляю с дружбою и связью с Карамзиным и Дмитриевым» [14. С. 425]. В периоды жизни в Москве Жуковский непременно общался с И.И. Дмитриевым, обмениваясь с ним книгами и помогая в разборе бумаг и подготовке к печати его сочинений. В свою очередь тот делился с молодым поэтом своими оценками текущей литературы и ее участников (например, подробно рассказав о своем конфликте с М.Т. Каченовским в 1806 г.) и нередко давал советы о темах возможных произведений, подсказав, например, в письме от начала мая 1806 г. рамку стихотворения «Песнь барда над гробом славян-победителей». Эти контакты вкупе с неизменно уважительными оценками позиционировали юного Жуковского как последователя карамзинской школы.

В ее рамках, однако, его положение было своеобразным. При том, что можно с достаточной уверенностью говорить о знакомстве Жуковского в первой половине 1800-х гг. с широким кругом московских литераторов, чему очень способствовало покровительство И.П. Тургенева, Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, все же он не был заметной фигурой в публичной словесности. Так, под его именем за период с 1803 по 1806 гг. вышли всего несколько произведений (повесть «Вадим Новгородский» и стихотворение «Песнь барда над гробом славян-победителей» в «Вестнике Европы» и отдельные книги перевод Сервантеса-Флориана «Дон Кихот Ламанхский»), а сам автор по преимуществу с конца 1803 г. жил в Белеве и Мишенском, лишь изредка посещая Москву и один раз Петербург (в марте 1805 г.). Основная его среда, исключая немногочисленные эпистолярные контакты со старшими товарищами в Москве, – это родственники и товарищи по Дружескому литературному обществу с дополнением в виде Д.Н. Блудова, Г.И. Гагарина, В.А. Озерова и нескольких других.

В кругу последних постоянно кипела не только повседневно-бытовая, но и литературная жизнь – обсуждались планы переводов и оригинальных произведений, читались новые стихи, оценивались новинки, про-

износился суд над книгами и персонажами современной словесности – причем позиция молодого поколения была достаточно свободной по отношению к мэтрам, достаточно вспомнить критическое мнение Ан.И. Тургенева о роли Н.М. Карамзина в русской литературе или столь же скептическое мнение о нем Д.Н. Блудова до личного знакомства осенью 1804 г. Наиболее концентрированно этот поиск самостоятельного места выразился в кратковременной (январь – июнь 1801 г.), но энтузиастичной деятельности Дружеского литературного общества, с его предощущением грядущей миссии, с желанием сказать новое слово в отечественной словесности. Пылкие речи и обсуждения литературных замыслов стали единственными плодами этого вполне камерного штюрмерства, однако именно здесь – в замкнутой среде, не выходя в публичное пространство – постепенно оформлялись авторские образы и репутации (капризный «философ» С.Е. Родзянко, энтузиаст и полемист Ан.И. Тургенев, тяжеловесно рефлексировавший А.Ф. Мерзляков, горациански умеренный Жуковский), наиболее плодотворные из которых вскоре молодое поколение будет продвигать в нарастающих конфликтах карамзинистов и архаистов, сторонников «истинной» и «ложной» чувствительности, в противостоянии отдельных групп и в персональных полемических баталиях.

На роль потенциального лидера, особенно после преждевременной смерти Ан.И. Тургенева в 1803 г., как раз больше всего подходил Жуковский. В отличие от всех своих друзей, активно делавших служебную карьеру, он оставил с мая 1802 г. чиновничье поприще и полностью сосредоточился на литературе. Писал он до 1806 г. немного, но каждое его новое произведение в кругу друзей воспринималось горячо и с интересом. Так, с восторгом отозвался о «Сельском кладбище» Д.Н. Блудов, прочтя публикацию элегии в конце декабря 1802 г.: «Вообще, мой друг, твоя элегия не только для твоих лет, но и для всяких лет прекрасна. Я назвал ее *chef-d'oeuvre*³ другому, но из твоих сочинений – она не должна быть *chef-d'oeuvre*. Сделай милость, сообщая мне всё, что сделаешь нового, я с истинным удовольствием учу твои стихи наизусть» [15. Л. 11 об.]. В схожем духе отзывался Ан.И. Тургенев 31 декабря 1802 г. / 12 января 1803 г. – 2/14 января 1803 г. из Вены: «Очень бы мне хотелось видеть твою “Элегию” и иметь понятие о том, какова она теперь» [14. С. 418]. 1 февраля 1804 г. тот же Д.Н. Блудов приветствовал выход в свет повести «Вадим Новгородский» и высказывал надежду на продолжение поэмы «Марьяна роща»: «Ожидаю чего-нибудь хорошего, я уверен, что повесть о Вадиме заставит забыть трагедию⁴. Но почему ты забросил свою поэму “Марьяна роща”? Название должно быть особенно тебя завлекать: я ждал тут много удовольствия и другим обещал <...>» [15. Л. 21 об.].⁵ 2 июля 1805 г. Ал.И. Тургенев спрашивал друга: «О твоей бездейственности я более жалею, нежели ты сам. Что ты голосу не подашь о себе публично? Зачем не кончил перевод “Элегии” Парни?»⁶ [16. С. 340]. В схожем духе подстегивал молодого поэта И.И. Дмитриев в письме от начала мая 1806 г.: «<...>

скоро ли мы увидим что-нибудь Вашего произведения? Не зародился ли какой-нибудь внучек Марфы Посадницы? Но я лучше бы желал увидеть колдунью в Марьиной роще, или, в духе идиллии, возвращающегося со службы воина в свою отчизну, или барда на поле битвы после ночного сражения, или оду “Песнопевец, или четыре времени дня” – но мало ли что приходит в голову на досуге» [17. Стб. 416]⁷.

Параллельно репутации яркого, но еще не реализовавшегося таланта, готовящегося к главным свершениям, существовал еще один репутационный аспект, связанный с профессиональной переводческой деятельностью Жуковского в 1800–1806 гг. В курсе ее были многие друзья, как ровесники (Ан.И. Тургенев, А.Ф. Мерзляков), так и старшие товарищи (И.И. Дмитриев, выступивший в 1806 г. посредником в передаче денег от П.П. Бекетова за перевод «Дон Кихота Ламанхского»), однако согласно аксиологии эпохи она воспринималась лишь в качестве способа заработать – и не более. Именно поэтому данная сторона остается пока наименее изученной и документированной в биографии Жуковского. Помимо нескольких имен издателей-заказчиков (И.Е. Зеленников, П.П. Бекетов, И.Ф. Керцелли) фактически ничего не известно об обстоятельствах подготовки перевода и публикации таких объемных работ, как романы «Мальчик у ручья» (1800) и «Дон Кишот» (1803–1806), повести «Ильдегерда» (1801), «Вильгельм Тель» и «Розальба» (1802), либретто «Четыре времени года» (1802)⁸. Между тем можно с уверенностью говорить о хорошей репутации Жуковского в среде московских книгоиздателей и книгопродавцев, благодаря которой через него искали, например, переводческую подработку сестры Юшковы (что отразилось в их письмах 1801–1807 гг.). Интересные реакции на переводы молодого автора можно найти в письмах родственников. Так, в 1801 г. Е.А. Протасова сообщала: «Посылаю 5 р<ублей> на покупку или на подписку за “Мальчика у ручья”. Уверена (знавши твой вкус), что она очень хороша, а для меня очень интересна будет» [8. Л. 3]. Она же 8 ноября 1802 г. приветствовала: «Расположение твое трудиться в переводе так, как ты описываешь, очень похвально. Хотя ты и ошибся в нумерации, но я понимаю, что ты надеешься получить 1500 р<ублей> в год, а не так, как ты написал 15000!» [8. Л. 6] По последнему высказыванию можно судить, что какое-то время Жуковский планировал полностью профессионализироваться и жить переводами. А переводил он, действительно, очень много, причем не только для заработка, но и для себя («Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей», «Избранные сочинения Жан-Жака Руссо», «Старые сочинения и переводы в прозе» и др.), очевидно, видя в этом способ самоопределения [20. С. 34–140].

Эти усилия оказались отмечены и публично. Вторая из ныне известных рецензий на произведения Жуковского была написана как раз журналистом-профессионалом М.Т. Каченовским и касалась перевода «Дон Кишота». Пользуясь репутационным успехом героя (см. далее), критик убеждал читателей в декабре 1806 г.: «Г. Жуковский оказал приятнейшее одолжение любителям

отечественной словесности, предложив им такую книгу, которая переведена и беспрестанно переводится на все языки и которую уже более двухсот лет люди всякого звания читают с великим удовольствием. <...> Читатели увидят это из следующего разговора между Дон Кишотом и ламанхским дворянином; увидят также, к какому классу переводчиков надлежит причислить г-на Жуковского» [21. С. 286, 288].

Надежды друзей и первые одобрения критиков не пропали втуне – период «белевского уединения» закончился в 1806 г. художественным прорывом, когда из-под пера поэта вышло несколько десятков новых лирических произведений разных жанров – элегий, басен, сонетов, эпиграмм, эпитафий, песен, а также ряд прозаических опытов. В художественном плане они продемонстрировали полноту овладения автором жанровой палитрой карамзинизма и превращение его в регулярного участника литературной жизни, благо значительная часть их через короткий срок (начиная с декабря 1806 г. и весь 1807 г.) окажется опубликованной в журнале «Вестник Европы». Особое читательское внимание привлекла публикация «Песни барда над гробом славян-победителей», о чем поэта, находившегося тогда в Москве, не преминули известить родственники. Так, 11 декабря 1806 г. в коллективном письме М.Г. Бунина передавала: «Твое сочинение очень хвалил <Ф.В.> Ростопчин». Здесь же А.П. Киреевская продолжала: «Надеюсь, что Вы доставите мне окончание “Барда”, Вы знаете, что я хотя и мало толку знаю в литературе, но больше всех радуюсь Вашими сочинениями. Жаль, что Вы продешевили их! Не мудрено, что Каченовский так охотно берет Ваши сочинения: они могут украсить всякий журнал! <...> Ростопчин еще раз был у тетушки и в восхищении от “Барда”!» [22. Л. 5–5 об.] К их хору присоединилась 29 декабря М.П. Юшкова: «Читала Вашего “Барда” в “Вестнике” и натурально восхищалась. Ежели бы он во всех произвел такое же чувство, как во мне, то, верно, французы были бы совершенно разбиты» [22. Л. 13]. В январе 1807 г. она же продолжала: «Мне очень было досадно, что я не видала письма Тургенева; сестрицы мне сказывали, что он очень хвалит Вашего “Барда”, которого и я читала в “Вестнике” и которым и я восхищалась» [22. Л. 4].

В порыве энтузиазма Жуковский пишет в декабре 1806 г. и январе-феврале 1807 г. большие письма А.И. Тургеневу и Д.Н. Блудову, рассказывая о своих замыслах и радуясь ответным похвалам, например, в письме от 24 декабря 1806 г.: «Стихи напечатаны в “Вестнике” прежде, нежели я получил твое воспламеняющее письмо, которое оживило мой гений. Для стихотворца, который себя чувствует, довольно двух судей, одаренных сродным с ним чувством: твоя похвала и Блудова стоят для меня похвалы всех наших почтенных сограждан и современников» [23. С. 47]. Этот энтузиазм не затухает в Жуковского и далее, подвигая к мысли развить успех и явиться перед публикой уже не только как плодовитый и успешный поэт, но и как действительный лидер молодого поколения карамзинистов. Пробы профессиональной переводческой деятельности убеждали, что хорошей площадкой здесь может выступить самостоятельное издание журнала, которое, с одной стороны, должно

было принести доход, а с другой послужило бы поводом для консолидации круга товарищей.

Выбор закономерен пал на «Вестник Европы», который в 1806–1807 г. находился в межеумочной ситуации: его редактор М.Т. Каченовский с мая 1806 г. был в конфликте с И.И. Дмитриевым, а в первой половине 1807 г. выступил на стороне А.С. Шишкова в полемике о русском и французском языке и, шире, в антифранцузской националистической пропаганде (пользовавшейся официальной поддержкой до заключения Тильзитского мира) [24], между тем он сотрудничал со многими сторонниками Н.М. Карамзина и обильно публиковал их произведения, в частности плоды музыки Жуковского. Для М.Т. Каченовского временный уход от редактирования стал способом смягчить репутационные потери, для Жуковского – вернуть журнал в лоно карамзинской традиции и тем самым перейти из статуса рядового участника школы в ранг ее активного деятеля и организатора.

Реальное положение оказалось, однако, намного сложнее. Со стороны родственников и друзей планы издания журнала и его первые номера вызывали только восторг. Вот несколько подобных отзывов: «Вы, верно, уже договорились о “Вестнике”, mon bien cher cousin⁹, и, верно, уже хлопчете. Дай бог Вам успеху, с большим удовольствием буду читать все, что Вам угодно. Я очень была бы счастлива, ежели мне удастся Вам помочь» [25. Л. 7 об.] (М.П. Юшкова, 11 октября 1807 г.); «С каким нетерпением мы ждем “Вестника”, этого пересказать нельзя; маминька уже подписалась на него» [26. Л. 25 об.] (М.А. Протасова, ноябрь 1807 г.); «“Вестник” всех нас восхищает. Прекрасно! Прекрасно! Базиль, мы уже все раза по три его прочли. Ва<сильи> Ив<анович> Киреевский также без памяти хвалит. Один Николай Петрович Свечин говорит (он здесь был, но ты не сказывай Маше об этом), что как ты это мог осмелиться такой журнал издавать, что тебе надобно для сего иметь сношение со всеми государственными кабинетами, знать секреты всех дворов, а что ты далее своего носу ничего не видал. Да и доказательство, что ты даже и переводишь очень дурно, потому что и “Донкишота” только одну часть напечатали, а прочих уже и не стали, так они дурно написаны. Это ему, будто, сказывал *Хвостов*» [25. Л. 1–1 об.] (Е.А. Протасова, 10 января 1808 г.). В последнем отзыве, пересказывающем оценку Д.И. Хвостова, отразились давние полемике круга И.И. Дмитриева с литераторами «Друга просвещения».

Приступая к редактированию «Вестника Европы», Жуковский и сам всю вторую половину 1807 и первую половину 1808 гг. был одержим энтузиастическим порывом возвысить уровень издания и, опираясь на поддержку друзей (Д.Н. Блудова, А.И. Тургенева, Д.П. Северина, П.А. Вяземского и др.), превратить его в энциклопедический орган европейского просвещения и рупор младокарамзинистского литературного сообщества¹⁰.

Но, как показала практика, формат подлинно энциклопедического издания, соединяющего политику, литературу, науку и быт, для русской журналистики оказался неподъемен до второй половины 1820-х гг.,

когда появилась практика редакционных групп. В одиночку же выполнять огромный объем подготовительной издательско-редакционной работы было возможно только на короткой дистанции и в ограниченном формате. В результате усилиями Жуковского в 1808 г. «Вестник Европы» приблизился к форме литературного альманаха, где центральную часть занимали разделы оригинальной поэзии и переводной прозы, а обрамлением служил небольшой блок новостей и публицистики [27, 28].

При этом прозаические переводы составляли более половины каждого номера журнала [20. С. 141–177]. Разыскания В.И. Симанкова позволили атрибутировать источники подавляющего числа этих переводов [29, 30], а подготовленные нами к печати письма М.Т. Каченовского к Жуковскому 1809–1811 гг. (то есть с момента возвращения первого к изданию «Вестника Европы») открывают «кухню» этой утомительной переводческой деятельности, за которую основной редактор и по совместительству кум платил соредактору аккордно за каждый номер, вычитая суммы за подписку на зарубежные журналы и альманахи, с которых осуществлялись переводы. Будучи поставленной на поток, подобная работа ощутимо удалялась от лелеемого Жуковским идеала просветительской авторской миссии и воспринималась как подсобная и коммерческая (в письмах к А.И. Тургеневу он назовет эти переводы поделками). Позднее писатель из огромного объема переведенной прозы выберет для переиздания 1816 [31] и 1827 [32] гг. лишь менее трети произведений разных жанров (повести, травелоги, письма, нравоучительные эссе, критические статьи). Таким образом, к 1809–1811 гг. Жуковский на деле узнал, насколько тяжела и не блестяща по финансовым и репутационным условиям профессиональная литературная деятельность.

Наиболее последовательно авторская программа журнала воплотилась в выпусках января – августа 1808 г., определивших новую репутацию поэта. В первых, это была достаточно качественная европейская беллетристика малых форматов (миниатюра, рассказ, повесть и т.п.), заимствованная из ходовых французских и немецких журналов и альманахов 1790–1800-х гг., а также из авторских собраний сочинений и книг. В ее состав Жуковский включил и несколько оригинальных произведений (например, повесть «Марьяна роща», в которую превратился прежний замысел поэмы с тем же названием, или аллегорическую сказку «Три сестры»), трансформирующих карамзинский прозаический канон (средние жанры, разговорный стиль) в сторону поэтической прозы с повышенным психологизмом, романтическими мотивами и небытовым характером [20. С. 177–222]. И если переводная проза журнала в целом воспринималась читателями с интересом, но акцентированных реакций не вызывала, то по поводу «Марьиной рощи» разгорелась небольшая полемика, отразившая повышенное внимание к повести, и в дальнейшем нередко вспоминавшейся (и даже переделанной А.И. Мещевским в поэму) и ставшей знаковой для репутации Жуковского. В журнале «Аглая» П.И. Шаликов опубликовал «Письмо любезному издателю “Вестника Европы”», где хвалил своего адресата («Но грации с удовольствием читают журнал

ваш; а ученые, а политики – что и говорить! Как журналист завидую – но самым дозволенным образом – участи “Вестника Европы”; как добрый приятель желаю любезному его издателю еще лучшей, еще блистательнейшей во всех трудах кабинета – и жизни!» [33. С. 29]), однако указал на пару бытовых несообразностей в сюжете повести. Жуковский, правда спустя время, откликнулся статьей «Благодарность любезному издателю “Аглаи”», в которой, рассыпавшись в похвалах и П.И. Шаликову, и самой форме комплиментарной критики, разъяснил несообразности с веретеном и лентами [34. С. 492–494]. А далее на обмен любезностями неожиданно откликнулся петербургский журнал «Цветник», в зачине статьи которого, посвященной совсем другой теме, неизвестный корреспондент не преминул поиронизировать над слащавостью подобных «polemik»: «Прочитав в “Аглае” письмо, заключающее *мануфактурное замечание сельских барынь* об ошибке автора “Марьиной рощи”, я ждал с большим нетерпением ответа издателя “Вестника Европы”: мне хотелось видеть войну двух издателей *журналов, читаемых во всей империи* и войну о *веретене*. Долго ожидание мое было тщетно, и я наконец не знал уже, чему приписать бездействие оскорбленного. <...> Наконец оно прервано и вместо мщенья мы увидели благодарность, сияющую во всем своем блеске. Признаюсь, нельзя без трогательного чувства, без умиления видеть тонкую осторожность, нежные укоризны, с одной стороны, с другой – признательность и великодушие! Эпитет *любезного*, столь приличный обоим издателям, находится при каждом обращении одного к другому» [35. С. 391–393].

Этот маленький, но примечательный эпизод 1809 г. отразил и репутацию Жуковского как редактора журнала, «читаемого во всей империи», и его статус примечательного прозаика («Марьяна роща» входила в дальнейшее во все собрания его прозы), и специфическую позицию по отношению к критике. В последнем аспекте, правда, проявилась непоследовательность. Карамзинский канон журнала требовал отказа от публичной критики и полемики. Напротив, отступление от этой позиции Каченовского в 1806–1807 гг. вызвало острое противодействие и ответные нападки дмитриевско-карамзинского круга. Казалось бы, с приходом Жуковского критический раздел должен был вновь исчезнуть, на что настраивала программная заглавная статья первого номера за 1808 г. «Письмо из уезда к издателю», но на деле критические материалы редактору удавались, причем разных жанров – обзор новой книги, рецензия на пьесу и спектакль (в «Московских записках»), статья по эстетике, исторический жанровый обзор – и эти образцы Жуковский впоследствии будет переиздавать в подборках своей прозы, поскольку они запомнились публике и стали знаковыми для автора [36. С. 70–90], с 1811 г., впрочем, никогда больше не обращавшегося к этому дискурсу. Более того, «Вестник Европы» в эпоху Жуковского не обошелся и без достаточно громких скандалов, например, после смерти С.С. Боброва, когда в одном июньском номере 1810 г. был напечатан – при полном согласии редактора – и некролог ему, и эпиграммы на Бибриса

П.А. Вяземского (а номером раньше К.Н. Батюшкова) [37]¹¹. Встать полностью вне полемической битвы набирающих силы младокарамзинистов с ветшающим поколением шишковистов Жуковский оказался не в силах, хотя до эпохи «Арзамаса» и держал дистанцию.

Новый образ Жуковского – журналиста, прозаика, критика – был бы, конечно, не полон без важнейшего компонента – поэзии. В 1808–1811 гг., продолжая лирический подъем 1806–1807 гг., он создает каждый год более чем по десятку новых стихотворений разных жанров. Почти все они быстро оказываются на страницах «Вестника Европы», предлагая читателю все новые версии жанров карамзинского канона – песни, любовного и дружеского послания [36. С. 107–128], романса, пейзажной лирики, элегии на смерть, эпитафии. И публика быстро начинает ощущать, что это поэзия иной природы, чем у Н.М. Карамзина и старших карамзинистов – психологизм и музыкальность в ней сочетается с преобразованием семантики, принципов словоупотребления, с иным характером образности, порождающим иллюзионистский эффект автономной реальности. Пожалуй, именно с этого периода стихи Жуковского начинают активно распространяться в списках. Эпистолярный родственников и друзей поэта полнится просьбами передать ту или иную тетрадь с его рукописями, дабы их переписать для себя и распространить дальше. Ту же роль выполняют и тетрадки номеров «Вестника Европы». А рядом с переписыванием – заучивание наизусть, переложение на музыку (стихи Жуковского – лидер по музыкальным переложениям из всех поэтов 1800–1810-х гг.), публичное чтение и театрализация. В сильной степени эта культура бытования стихов поддерживалась и инициировалась именно поэзией Жуковского (новые фигуры такого же характера и масштаба появились несколько позже). Спустя много лет совершенно разные люди вспоминали именно об этом – как бытовали и какой эффект производили его стихи. Так, например, писал В.Ф. Одоевский Жуковскому в январе 1849 г., передавая свои юношеские впечатления: «Вы были мне не товарищ! Помню, сквозь нелепые грезы детства, как мы, бывало, убегали в сад – правда, не под сень лип и платанов, но в кущу душистых тополей; был праздник – вышло новое стихотворение Жуковского! Мы теснились вокруг дерновой скамейки, где каждый по очереди прочитывал “Людмилу”, “Эолову арфу”, “Певца в стане русских воинов”, “Теона и Эхина” и прочитывал, едва переводя дыхание; мы любили каждое слово, заставляли повторять целые строчки, целые страницы, и новые ощущения нового мира возникали в юных душах» [38. Л. 230об.]. В параллель можно поставить, например, воспоминания М.И. Глинки 1854–1855 гг.: «Сентиментальная поэзия Жуковского мне чрезвычайно нравилась и трогала меня до слез (вообще говоря, в молодости я был парнем романтического устройства и любил поплакать сладкими слезами умиления)» [7. С. 259].

Но, конечно, квинтэссенцией поэзии Жуковского стал жанр, впервые заявивший о себе именно на страницах «Вестника Европы». Только с публикации баллады «Людмила» можно отсчитывать историю русской баллады, даже несмотря на наличие именитых

предшественников в лице Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, М.Н. Муравьева. От них произведение Жуковского отличал полный эффект погружения, не нуждающийся в опоре на реальный денотат. Если его элегии, песни и романсы отталкивались от жизнеподобных картин, суггестивно сдвигая их семантику и заставляя транслировать дополнительные трансцендентные смыслы, то баллада сразу переносила читателя в иное время и пространство. Как заметила М.Н. Виролайнен, «значение балладного творчества Жуковского для общего движения русской словесности заключается прежде всего в том, что здесь произошел принципиальный отрыв “мечты” от “существенности”, в том, что средствами поэтического слова был выстроен целый мир, организованный по собственным, независимым от житейских законам» [39. С. 8]. В «Вестнике Европы» поэт опубликовал только два своих первых балладных опыта (в мае 1808 г. «Людмилу» и в ноябре 1809 г. новую модификацию жанра – античную балладу «Кассандре»), но их значение было сразу почувствовано читателями – близкие увидели в них автопсихологический сюжет, а остальные оказались заворочены смелой фантастикой, динамичностью сюжета, яркостью образов и глубиной экзистенциальных конфликтов, за которыми стояла оригинальная художественная философия – судьбы, истории, природы [36. С. 91–107].

Второй взлет балладного вдохновения у Жуковского придется на 1812–1813 гг. (публикации с 1813 г.) – и это будет тоже время творческого энтузиазма и репутационного прорыва, что позволило поэту осознать их взаимосвязанность и заключить в письме к А.И. Тургеневу от 2 сентября 1813 г.: «Баллады мой избранный род поэзии» [23. С. 182]. П.А. Вяземский, прочтя в это время новый шедевр, писал Жуковскому в конце мая – начале июня 1812 г.: «Я прочел твою балладу “Светлану”. Браво! Как целое она лучше, по мне, двух первых <...> Меня восхищает точность твоих стихов, мера весьма трудная, а между тем многие строфы, в которых ни лишнего слова, ни упущенного нет. Пиши, Жуковский! Потомство твое, и ты его! <...> Я так обрадовался новой балладе, попавшейся нечаянно, столько раз ее перечитывал, что от первого до последнего стиха говорю ее наизусть» [40. С. 157]. Известно еще много отзывов современников на балладные публикации «Вестника Европы» и позднейшие (Н.И. Гнедича, С.П. Шевырева, М.А. Дмитриева), но выразительнее и точнее ставшего хрестоматийным отзыва Ф.Ф. Вигеля найти невозможно: «Упитанные литературою древних и французскою, ее покорною подражательницею <...>, мы в выборах его <Жуковского> увидели нечто чудовищное. Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною, да это все принадлежит к сказкам да разве английским романам; вместо Геро, с нежным трепетом ожидающей утопающего Леандра, представить нам бешенострастную Ленору со скачущим трупом любовника. Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их. Не знаю, испортил ли он наш вкус; по крайней мере создал нам новые ощущения, новые наслаждения. Вот и начало у нас романтизма» [7. С. 164].

Между тем, если персональная авторская репутация Жуковского в ходе редактирования «Вестника Европы» приобрела подлинную объемность, то с прагматически-коммуникативной точки зрения журнал вряд достиг предполагаемых в начале издания целей. До августа 1808 г. молодой журналист, не дождавшись сколько-нибудь значимого вклада товарищей (другие известные лица, приглашенные к сотрудничеству, вроде историка А.Л. Шлецера, тоже ответили отказом), формировал номера как своеобразные альманахи одного писателя. Затем наступила эпоха соредакторства с М.Т. Каченовским (конец 1808–1809 г.), а чуть спустя и просто работа по заказу последнего (1810–1811). Именно на последнем этапе к участию в журнале достаточно активно начинает подтягиваться молодое поколение карамзинистов (П.А. Вяземский, Д.П. Северин, К.Н. Батюшков и др.), но скромный статус Жуковского уже не позволял влиять на их консолидацию и проведение внятной общей линии. Разнобой в составе материала и в его качестве нередко порождал иронию друзей, как в письме П.А. Вяземского от середины июня 1809 г. с критикой статей, помещенных в № 11 («однако ж перечел твой последний номер и признаюсь, la monotonie l'accorder fort bien avec ma léthargie»¹²). Но уверяю тебя, если ты Мамышева своего не уймешь, он скоро будет описывать тебе, как пьют калмыцкие куры или ссут киргизские кошки <...> Позволь сказать тебе, что 11 твой № дурен – et que c'est scandaleux, de voir dans un journal rédigé par un homme à talents de misérables traductions d'un misérable Бунакова!¹³)» [40. С. 108, 109]. Спустя чуть более полугодия Жуковский 1 февраля 1810 г. отвечал ему в разочарованном тоне: «О себе самом нечего тебе сказать доброго: скучный “Вестник” и скучный “Вестник” и еще скучный “Вестник” – более ничего. Что бы ни было, а нынешний год есть последний моего ежемесячного бреда: надобно делать что-нибудь лучшее, чтобы не стоить твоих эпиграмм» [23. С. 82].

Важно отметить, что неоднозначный эффект вызвал и еще один проект Жуковского, над которым он работал по крайней мере с 1805 г., – составление и редактирование пятитомной антологии «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» (опубликована в 1810–1811 г.). С одной стороны, проект был продолжением профессиональной коммерческой деятельности поэта и выпускался для получения дохода. И в этом плане усилия редактора оказались вознаграждены – «Собрание» не только активно раскупалось, но и стало настольной книгой многих читателей. Так, по наблюдениям В.Э. Вацура, для А.С. Пушкина и лицеистов антология была чем-то вроде учебника литературы, причем «значительное число – если не большинство – цитат из русских стихов XVIII – начала XIX века в его сочинениях восходят именно к антологии, составленной Жуковским» [41. С. 312]. Успех антологии был обусловлен тем, что в отличие от кружковых альманахов и сборников 1800-х гг. Жуковский не пошел по пути представления «домашней продукции» какого-то одного локального сообщества. Даже подвергаясь упрекам друзей за включение в антологию «всех этих гад» «беседчиков» и угрозам в

пику ему выпустить «другой выбор наших стихотворений», который будет «строжайшим» [40. С. 153] (письмо П.А. Вяземского от 18 мая 1812 г.), Жуковский поставил во главу угла репрезентативность, стремление объять все лучшее в отечественной поэзии, а также интерес публики. Пять томов «Собрания» стали жанровым портретом российской лирической словесности рубежа XVIII–XIX вв.

Однако выпуск антологии предполагал большую работу не только по составлению, но и по взаимодействию с авторами произведений, по крайней мере с теми, кто продолжал принимать активное участие в литературном процессе. Это открывало для Жуковского возможности по расширению круга личных знакомств, но, с другой стороны, было чревато недовольством авторов и потенциальными конфликтами. Без них тоже не обошлось. Самый известный эпизод этого плана был связан с патриархом литературы – и в то же время сторонником антикарамзинского лагеря, сооснователем «Беседы любителей русского слова» Г.Р. Державиным. Посредником в общении с ним выступил А.И. Тургенев, который, вероятно, еще в 1808–1809 гг. показал ему план антологии и заручился согласием на включение в нее ряда его стихотворений. Однако после выхода в свет в 1810 г. первых двух томов «Собрания» Г.Р. Державин 18 марта 1811 г. неожиданно разразился гневным письмом к А.И. Тургеневу, где говорил о нарушении договора, присвоении авторских прав и попытке составителя нажиться на его славе, а также угрожал обратиться в правительство для конфискации уже отпечатанных книг и запрета планировавшихся [42. С. 208–210]. А.И. Тургенев 11 апреля 1811 г. ответил большим письмом, где разобрал все претензии патриарха и попытался умиротворить его, попутно весьма выразительно очертив репутацию Жуковского: «Осмеливаюсь еще прибавить, что Жуковскому 28-й год; многие из наших поэтов, которые после сделались украшением Парнаса, не написали в эти лета ничего даже изрядного, а некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание. Их немного, но все они ознаменованы печатью истинного таланта и не могут не быть известны вашему высокопревосходительству» [42. С. 214]. Тем не менее отношения были нарушены, и в следующих книгах «Собрания» произведения Г.Р. Державина отсутствовали. Восстановились связи только в 1816 г., когда Жуковский уже находился на вершине успеха [43. С. 939–945; 44].

К антологии были существенные претензии и со стороны товарищей-младокарамзинистов. Составление и публикация «Собрания» пришлось на годы постепенной консолидации их круга и усиления полемики с оппонентами, а выход в свет трех заключительных томов вообще совпал с моментом основания «Беседы любителей русского слова». Невозможность уложить материал антологии в единый художественный канон очень раздражала представителей всех литературных «партий», задававшихся вопросом о принципе отбора Жуковским авторов и их произведений. Свести воедино ряд таких претензий попытался П.А. Вяземский. Его «Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков» в свое время остались

домашним опусом, а при первой публикации оказались датированы 1809 г. Но, очевидно, они были составлены не ранее выхода в свет первых двух томов «Собрания», то есть в 1810 или в начале 1811 г. Среди прочих здесь звучали такие «запросы»: «Зачем не напечатали вы прекрасного перевода Мерзлякова Тиртеевых од, а напечатали его песню <...> Зачем не удостоили вы своим благоволением прекраснейшие стихи Магницкого на смерть Валериана Зубова, и оду Державина, писанную к нему же после возвращения из Персии, а напротив, зачем удостоили вы какую-то “Феодицею”, в которой нет ничего, кроме бомбаста, стоять в числе “Русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев”? <...> Чем прогневились перед вами “Дарования”, ода Карамзина, и “Фантазия”, ода Востокова? <...> отчего в одном первом томе находим мы четырнадцать пьес Капниста, а только четыре Дмитриева?» [45. С. 1–9] Неизвестно, удовлетворил ли Жуковский любопытство молодого критика, но сам составитель антологии находился в тот момент в ситуации сложного выбора.

К концу 1811 г. Жуковский снизил свое участие в «Вестнике Европы» и готовил все меньше материалов для него. М.Т. Каченовский еще сохранял надежды на сотрудничество и писал куму 3 января 1812 г.: «С нынешнего года начнется у нас новый счет, ежели Вы станете присылать свои пьесы, которыми весьма много меня одолжите при теперешних разнообразных моих упражнениях. Я и в прошедшем году тосковал о Вашей лени, быв крайне озабочен, входить же в связи ни с кем из прозаиков не хотел, со дня на день ожидал Вашего транспорта» [46. Л. 63]. Его надежды не оправдались – Жуковский ушел из профессиональной журналистики и больше в нее никогда не вернулся. Вместе с этим исчез и постоянный источник дохода, хотя, освобожденный от необходимости постоянно что-то переводить в прозе и на заказ, молодой поэт продолжил активно заниматься своими лирическими замыслами. В первой половине 1812 г. он жил у Плещеевых в Черни и буквально купался в атмосфере теплого дружеского общения и карнавалльно-пародийного творчества. Это, впрочем, не отменяло грозного вопроса о житейском и литературном будущем.

Вторжение наполеоновских войск неожиданно внесло в него новую перспективу. В конце июля 1812 г. Жуковский вступил в Московское ополчение, 12 августа получил чин поручика, а уже 26 августа, находясь в недалеком тылу, стал свидетелем Бородинского сражения. Директор полковой типографии А.С. Кайсаров, товарищ Жуковского по пансиону и Дружескому литературному обществу, через своего брата, полковника П.С. Кайсарова, отрекомендовал ополченца фельдмаршалу М.И. Кутузову «для лучшего употребления таланта поэта» [47. С. 51] (см. также [48. С. 71–75; 49]). Сопровождая русское войско вместе с типографией, Жуковский оказался в гуще той самой военной и политической жизни, которой чуждался и даже в «Вестнике Европы» полностью отдал на

откуп М.Т. Каченовскому, а участие в выпуске листовок, реляций и агитационных материалов непосредственно вовлекло его в отражение и словесное воплощение происходящего. Органичным продолжением этой рефлексии стали два ярчайших лирических опыта – «Певец во стане русских воинов» (первая редакция, 13–20 октября 1812 г., предположительно напечатано в походной типографии) и «Вождю победителей» (отпечатано в походной типографии 10 ноября 1812 г.). Как показал Ю.М. Лотман, оба эти стихотворения были тесно включены в полемики вокруг оставления Москвы, роли М.И. Кутузова, оценок Л.Л. Бенигсена и приобретали черты мгновенной литературной хроники, поэтической зарисовки из гущи событий, что решительно их отличало, например, от обобщенности ранней «Песни барда над гробом славян-победителей» 1806 г. Так завязался новый и этапный для Жуковского репутационный узел: самый яркий молодой поэт поколения волею судьбы и своей волею оказался рядовым ополченцем, прошедшим с русским войском от Бородино до Вильно, а скромный деятель походной типографии, став непосредственным свидетелем исторических событий, претворил их в лирический документ высочайшего уровня. Энергия, заключенная в этой ситуации и заряжающая эти тексты, не могла остаться втуне – и уже в начале 1813 г. решительно изменила траекторию литературной карьеры Жуковского, о чем мы уже писали в отдельной статье [50].

Обработывая свои военные дневниковые заметки и готовя их к публикации в 1814 г., когда репутационный прорыв уже произошел, Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера» создал выразительный образ этой ситуации декабря 1812 г., когда больной Жуковский лежал в Вильно, а в номерах «Вестника Европы» готовилась публикация его «Певца во стане русских воинов»:

18 декабря. Я два раза навещал одного <из> излюбленнейших поэтов наших, почтенного В.А. Жуковского.

Он здесь, в Вильне, был болен жестокою горячкою; теперь немного обмогается.

Отечественная война переродила людей. Благородный порыв сердца, любящего отечество, увлек его из круга мирных занятий, от прелестных бесед с музами в шумные поля брани.

Как грустно видеть страдания того, кто был таким прелестным певцом во стане русских и кто дарил нас такими прекрасными балладами!

Мой друг! сия война ознаменована какою-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное, отцы вырывались из объятий семейств, писатели – из объятий независимости и муз, чтоб стать грудью за родной предел. Последние, подобно трубадурам рыцарских времен или бардам Оссияна, пели и под шумом военных бурь.

Многие, цenia дарования любезного поэта, навещают его в болезни. Более всех принимает в нем участие почтенный генерал П.С. Кайсаров [51. С. 11–12].

Примечания

¹ Подразумевается издание Н.М. Карамзина и П.П. Бекетова 1801 г. «Пантеон российских авторов».

- ² Воспоминания П.А. Плетнева.
³ шедевром (франц.)
⁴ Подразумевается трагедия Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский».
⁵ Оригинал на франц. яз.
⁶ Вероятно, подразумевается стихотворение Жуковского «В разлуке я искал смягчение тяжких бед...».
⁷ Текст исправлен по автографу [18. Л. 100–101].
⁸ Только история перевода последнего проявилась недавно [19].
⁹ мой дорогой кузен (франц.).
¹⁰ См. его письма этого периода [23. С. 53–62].
¹¹ Ср. также выявленные М.Б. Велижевым аспекты конкуренции «Вестника Европы» с «Русским вестником» С.Н. Глинки [24].
¹² его однообразие очень хорошо сочетается с моей летаргией (франц.).
¹³ и что это скандально видеть в журнале, издаваемом человеком с талантами, жалкие переводы несчастного Бунакова! (франц.).

Список источников

1. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 51–69.
2. Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту : University of Tartu press, 2013. С. 7–34.
3. Киселев В.С. Творчество В.А. Жуковского в рецепции литературной критики первой половины XIX века: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 207–219. doi: 10.17223/24099554/21/10
4. Макаров П.И. Новые книги. Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1800 и 1803 г. В 12 д. л. Книжки: первая и вторая // Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. Июнь. С. 180–184.
5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 104. Карт. 6. № 39.
6. Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М. : Издание «Русского архива», 1869. 300 с.
7. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М. : Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 726 с.
8. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 11.
9. К биографии Карамзина // Русский архив. 1895. № 12. С. 493–497.
10. Кочеткова Н.Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 190–217.
11. Фрик Т.Б. «Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 72–80. doi: 10.17223/15617793/483/7
12. Березкина С.В. Жуковский и Карамзин (к вопросу о формировании литературной репутации поэта в 1797–1807 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/507/1
13. Дмитриев И.И. Сочинения. СПб. : Издание Е. Евдокимова, 1893. Т. 2. 340 с.
14. Вацура В.Э., Виролайнен М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 350–431.
15. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (РО ИРЛИ). № 21823.
16. Из писем к В.А. Жуковскому. Письма графа Д.Н. Блудова // Русский архив. 1902. № 6. С. 335–348.
17. Письма И.И. Дмитриева к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1871. № 3. Стб. 409–430.
18. РО ИРЛИ. № 28033.
19. Березкина С.В. Перевод либретто оратории Й. Гайдна «Времена года» – неизвестное произведение В.А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 34–58. doi: 10.17223/24099554/18/2
20. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : Издательство Томского университета, 2004. 406 с.
21. Каченовский М.Т. Новая книга. «Дон Кишот Ламанхский». Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским. В 6 томах. В 12 долю листа. Москва. В типографии Платона Бекетова // Вестник Европы. 1806. Ч. 30. № 24. С. 286–292.
22. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 45.
23. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский дом ЯСК, 2018. Т. 15. 1088 с.
24. Велижев М.Б. «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.
25. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 47.
26. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 16.
27. Киселев В.С. Формы коммуникативно-повествовательной интеграции в «Вестнике Европы» В.А. Жуковского (1808–1810 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3 (15). С. 101–112.
28. Киселев В.С. Эволюция коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника Европы» В.А. Жуковского (1808–1811) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 1 (17). С. 61–73.
29. Симанков В.И. Из разысканий о журнале «Вестник Европы» (1808–1810 гг.) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 106–125.
30. Симанков В.И. «Вестник Европы» (1802–1810): Источники переводов, авторство анонимных и псевдонимных текстов. Материалы к каталогу // Пушкинские чтения в Тарту 6. Тарту : University of Tartu press, 2020. С. 272–362.
31. Переводы в прозе В.А. Жуковского. М., 1816. Ч. 1–4.
32. Переводы в прозе В.А. Жуковского. СПб., 1827. Ч. 1–3.
33. Шаликов П.И. Письмо любезному издателю «Вестника Европы» // Аглая. 1809. Ч. 7. Июль. С. 26–29.
34. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 10, кн. 2. 832 с.
35. Два слова постороннего // Цветник. 1809. Ч. 3. № 9. С. 391–396.
36. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 524 с.
37. Проскурин О.А. Поминки по Бибрису. Почему в «Вестнике Европы» смеялись над покойником // Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М. : ОГИ, 2000. С. 81–115.
38. Российская национальная библиотека. Ф. 539. Оп. 1. № 96.
39. Виролайнен М.Н. «Узлы» и «циклы» в истории русской литературы // Русская литература. 2017. № 3. С. 5–13.
40. «Мы столько пожили с тобой на свете...» Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг. : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. Т. 1. 624 с.
41. Вацура В.Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л. : Наука, 1986. Т. 12. С. 305–323.
42. Сочинения Державина : в 9 т. СПб. : Издание Императорской Академии наук, 1871. Т. 6. 936 с.
43. Грот Я.К. Жизнь Державина // Державин Г.Р. Сочинения : в 9 т. СПб. : Издание Императорской Академии наук, 1880. Т. 8. 1044 с.

44. Файман Т. Державин и Жуковский. К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3 : материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту : University of Tartu press, 2004. С. 9–29.
45. Вяземский П.А. Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков (1809) // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб. : Издание графа С.Д. Шереметева, 1878. Т. 1. С. 1–9.
46. РО ИРЛИ. № 28075.
47. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. 274 с.
48. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. 192 с.
49. Березкина С.В. А.С. Кайсаров и Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова // Русская литература. 1986. № 1. С. 138–148.
50. Киселев В.С. «Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея»: литературная репутация В.А. Жуковского в 1813–1820 гг. // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 203–234. doi: 10.17223/24099554/23/11
51. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера // Русский вестник. 1814. № 7. С. 3–120.

References

1. Reytblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii (O literaturnoy reputatsii Pushkina) // Reytblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi. M. : Novoye literaturnoye obozreniye, 2001. S. 51–69.
2. Vdovin A., Leybov R. Khrestomatiyn-yye teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX stoletiya // Khrestomatiyn-yye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon. Tartu : University of Tartu press, 2013. S. 7–34.
3. Kiselev V.S. Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v retseptsii literaturnoy kritiki pervoy poloviny XIX veka: k postanovke problemy // Imagologiya i komparativistika. 2024. № 21. S. 207–219. doi: 10.17223/24099554/21/10
4. Makarov P.I. Nov-yye knigi. Utennyaya zarya. Trudy vospitannikov Universitetskogo blagorodnogo pansiona. M., 1800 i 1803 g. V 12 d. l. Knizhki: pervaya i vtoraya // Moskovskiy Merkurii. 1803. CH. 2. Iyun'. S. 180–184.
5. Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB). F. 104. Kart. 6. № 39.
6. Dmitriyev M.A. Melochi iz zapasa moyey pamyati. M. : Izdaniye «Russkogo arkhivA», 1869. 300 s.
7. V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov. M. : Nauka; Shkola «Yazyki russkoy kul'turY», 1999. 726 s.
8. NIOR RGB. F. 104. Kart. 8. № 11.
9. K biografii Karamzina // Russkiy arkhiv. 1895. № 12. S. 493–497.
10. Kochetkova N.D. Zhukovskiy i Karamzin // Zhukovskiy i russkaya kul'tura. L. : Nauka, 1987. S. 190–217.
11. Frik T.B. «Zhukovskiy yest' istinnyy nash braT»: N.M. Karamzin i V.A. Zhukovskiy (k probleme «Karamzin i yego okruzheniYE») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 483. S. 72–80. doi: 10.17223/15617793/483/7
12. Berzskina S.V. Zhukovskiy i Karamzin (k voprosu o formirovani literaturnoy reputatsii poeta v 1797–1807 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 507. S. 5–12. doi: 10.17223/15617793/507/1
13. Dmitriyev I.I. Sochineniya. SPb. : Izdaniye YE. Yevdokimova, 1893. T. 2. 340 s.
14. Vatsuro V.E., Virolaynen M.N. Pis'ma Andrey Turgeneva k Zhukovskomu // Zhukovskiy i russkaya kul'tura. L. : Nauka, 1987. S. 350–431.
15. Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury (Pushkinskogo Doma) Rossiyskoy akademii nauk (RO IRLI). № 21823.
16. Iz pisem k V.A. Zhukovskomu. Pis'ma grafa D.N. Bludova // Russkiy arkhiv. 1902. № 6. S. 335–348.
17. Pis'ma I.I. Dmitriyeva k V.A. Zhukovskomu // Russkiy arkhiv. 1871. № 3. Stb. 409–430.
18. RO IRLI. № 28033.
19. Berzskina S.V. Perevod libretto oratorii Y. Gaydna «Vremena godA» – neizvestnoye proizvedeniye V.A. Zhukovskogo // Imagologiya i komparativistika. 2022. № 18. S. 34–58. doi: 10.17223/24099554/18/2
20. Ayzikova I.A. Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2004. 406 s.
21. Kachenovskiy M.T. Novaya kniga. «Don Kishot Lamankhskiy». Sochineniye Servanta. Perevedeno s frantsuzskogo Florianova perevoda V. Zhukovskim. V 6 tomakh. V 12 dolyu lista. Moskva. V tipografii Platona Beketova // Vestnik Yevropy. 1806. CH. 30. № 24. S. 286–292.
22. NIOR RGB. F. 104. Kart. 6. № 45.
23. Zhukovskiy V.A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem : v 20 t. M. : Izdatel'skiy dom YASK, 2018. T. 15. 1088 s.
24. Velizhev M.B. «Vestnik YevropY» v literaturnoy i obshchestvennoy zhizni vtoroy poloviny 1800-kh gg. : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 181 s.
25. NIOR RGB. F. 104. Kart. 6. № 47.
26. NIOR RGB. F. 104. Kart. 8. № 16.
27. Kiselev V.S. Formy kommunikativno-povestvovatel'noy integratsii v «Vestnike YevropY» V.A. Zhukovskogo (1808–1810 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2011. № 3 (15). S. 101–112.
28. Kiselev V.S. Evolyutsiya kommunikativno-povestvovatel'noy struktury «Vestnika YevropY» V.A. Zhukovskogo (1808–1811) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2012. № 1 (17). S. 61–73.
29. Simankov V.I. Iz razyskaniy o zhurnale «Vestnik YevropY» (1808–1810 gg.) // Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. Vyp. 1. S. 106–125.
30. Simankov V.I. «Vestnik YevropY» (1802–1810): Istochniki perevodov, avtorstvo anonimnykh i psevdonimnykh tekstov. Materialy k katalogu // Pushkinskiye chteniya v Tartu 6. Tartu : University of Tartu press, 2020. S. 272–362.
31. Perevody v proze V.A. Zhukovskogo. M., 1816. CH. 1–4.
32. Perevody v proze V.A. Zhukovskogo. SPb., 1827. CH. 1–3.
33. Shalikov P.I. Pis'mo lyubeznomu izdatel'yu «Vestnika YevropY» // Aglaya. 1809. CH. 7. Iyul'. S. 26–29.
34. Zhukovskiy V.A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem : v 20 t. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. T. 10, kn. 2. 832 s.
35. Dva slova postoronnego // Tsvetnik. 1809. CH. 3. № 9. S. 391–396.
36. Yanushkevich A.S. V mire Zhukovskogo. M. : Nauka, 2006. 524 s.
37. Proskurin O.A. Pominki po Bibrisu. Pochemu v «Vestnike YevropY» smeyalis' nad pokoynikom // Proskurin O.A. Literaturn-yye skandaly pushkinskoy epokhi. M. : OGI, 2000. S. 81–115.
38. Rossiyskaya natsional'naya biblioteka. F. 539. Op. 1. № 96.
39. Virolaynen M.N. «Uzly» i «tsikly» v istorii russkoy literatury // Russkaya literatura. 2017. № 3. S. 5–13.
40. «My stol'ko pozhili s toboy na svetE...» Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg. : v 2 t. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2021. T. 1. 624 s.
41. Vatsuro V.E. Iz istoriko-literaturnogo kommentariya k stikhotvoreniyam Pushkina // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L. : Nauka, 1986. T. 12. S. 305–323.
42. Sochineniya Derzhavina : v 9 t. SPb. : Izdaniye Imperatorskoy Akademii nauk, 1871. T. 6. 936 s.
43. Grot YA.K. Zhizn' Derzhavina // Derzhavin G.R. Sochineniya : v 9 t. SPb. : Izdaniye Imperatorskoy Akademii nauk, 1880. T. 8. 1044 s.

44. Fayman T. Derzhavin i Zhukovskiy. K voprosu o tvorcheskoy nasledovaniy // Pushkinskiye chteniya v Tartu 3 : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 220-letiyu V.A. Zhukovskogo i 200-letiyu F.I. Tyutcheva. Tartu : University of Tartu press, 2004. S. 9–29.
45. Vyazemskiy P.A. Zaprosy gospodinu Vasiliyu Zhukovskomu ot sovremennikov i potomkov (1809) // Vyazemskiy P.A. Polnoye sobraniye sochineniy : v 12 t. SPb. : Izdaniye grafa S.D. Sheremeteva, 1878. T. 1. S. 1–9.
46. RO IRLI. № 28075.
47. Zeydlits K.K. Zhizn' i poeziya V.A. Zhukovskogo: Po neizdannym istochnikam i lichnym vospominaniyam. SPb. : Tip. M.M. Stasyulevicha, 1883. 274 s.
48. Lotman YU.M. Andrey Sergeyevich Kaysarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba yego vremeni. Tartu, 1958. 192 s.
49. Berezkina S.V. A.S. Kaysarov i Zhukovskiy v voyennoy tipografii pri shtabe Kutuzova // Russkaya literatura. 1986. № 1. S. 138–148.
50. Kiselev V.S. «Chudo, sotvorennoye toboyu, udivitel'noye chuda OrfeYA»: literaturnaya reputatsiya V.A. Zhukovskogo v 1813–1820 gg. // Imagologiya i komparativistika. 2025. № 23. S. 203–234. doi: 10.17223/24099554/23/11
51. Glinka F.N. Pis'ma russkogo ofitsera // Russkiy vestnik. 1814. № 7. S. 3–120.

Информация об авторе:

Киселев В.С. — д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 82/282
doi: 10.17223/15617793/516/2

Последняя англоязычная версия «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: системное описание

Татьяна Валериевна Коротченко¹, Елена Георгиевна Новикова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ tatyana1003@mail.ru

² elennov@mail.ru

Аннотация. Впервые системно изучена и описана последняя англоязычная версия «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, выполненная Гэри Морсоном в 2003 г. на основе сокращения перевода Кэннета Ланца (1993). Раскрываются основные особенности последней версии и рассмотрены принципы работы по отбору фрагментов. Установлено, что художественные тексты «Дневника» сохраняются в полном объеме, при этом социально-политическая проблематика произведения утрачивает свою целостность.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», Кэннет Ланц, Гэри Морсон, англоязычный перевод, рецепция

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>.

Для цитирования: Коротченко Т.В., Новикова Е.Г. Последняя англоязычная версия «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: системное описание // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 17–23. doi: 10.17223/15617793/516/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/2

The last English translation of “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky: system description

Tatyana V. Korotchenko¹, Elena G. Novikova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ tatyana1003@mail.ru

² elennov@mail.ru

Abstract. The article explores the contents and structure of the last English translation of “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky, which was made by Gary Saul Morson in 2003. It is an abridged version of a full English translation of “A Writer’s Diary” made by Kenneth Lantz in 1993. The relevance of the study is due to interdisciplinary character of modern literary criticism and significant gaps in the study of English translations of Dostoevsky’s journalism and their reception in the English-speaking world. Based on the analysis of G. Morson’s introduction, which is a certain meta text of the abridged translation, the essential principles that were used by the editor to cut “A Writer’s Diary” have been revealed. Thus, in Morson’s opinion, the abridged translation is not intended to be regarded as an end-to-end creative work, it is just the convenient way to make English readers familiar with Dostoevsky’s “A Writer’s Diary”. It is the reason why one of the principles to cut the book is to remove the repetitions in Dostoevsky’s reflections. The analysis of the structure of the abridged translation of “A Writer’s Diary” also demonstrates the fact that the main focus of this version is on the fictional writings. In addition, Morson conveys the chapters which are thematically connected to the fictional writings presented in “A Writer’s Diary”, thus giving English readers the opportunity not only to regard them in much broader context of the entire work, but also to trace the link between the journalism and fictional writings within the creative Dostoevsky’s laboratory. “A Writer’s Diary” is considered a main work in Dostoevsky’s journalism which revealed his talent as an original philosopher and political thinker. The 1876-1877 issues are the most politics-oriented. However, the 1876 January issue is the only one that is fully conveyed. In Morson’s opinion, it is this issue that reflects the creative idea of Dostoevsky. According to this idea, the journalistic and fictional elements are inseparably linked. Therefore, the next issues of “A Writer’s Diary” are conveyed in part. Thus, the comprehensive description of the reality presented by Dostoevsky in “A Writer’s Diary”, his understanding of the world order when the fate and individual life of a person are interwoven into broader cultural, historical and socio-political contexts, are not conveyed because the internal philosophical and aesthetic links of “A Writer’s Diary” are partially destroyed. It is supposed that the context and the structural peculiarities of the last English translation of “A Writer’s Diary” indicate a certain tension in terms of reception of this Dostoevsky’s creative writing in English-speaking culture.

Keywords: F.M. Dostoevsky, “A Writer’s Diary”, Kenneth Lantz, Gary Saul Morson, English translation, reception

Financial support: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) as part of the scientific project No. 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>.

For citation: Korotchenko, T.V. & Novikova, E.G. (2025) The last English translation of “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky: system description. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 17–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/2

Интерес англоязычного мира к художественному наследию Ф.М. Достоевского никогда не иссякал, начиная с начала XX в. – времени «открытия» русского писателя в Англии и Америке, переиздаются ранее созданные переводы и публикуются новые переводческие версии его произведений. Первые англоязычные переводы появились еще в конце XIX в., а к 1920 г. англоязычный читатель получил возможность познакомиться практически со всем художественным наследием русского писателя. Повторное обращение переводчиков к художественным произведениям Достоевского в середине XX в. было продиктовано развитием западного переводоведения, фокусировкой на культуре реципиента, что обусловило принципы максимальной адаптации иноязычного текста. В свою очередь, на рубеже XX–XXI вв. новые переводы начали появляться на основе иной переводческой установки: стремление передать оригинальные особенности художественного мира Достоевского. При этом на каждом этапе переводческого осмысления наследия писателя, как правило, одновременно публиковались несколько переводов одного и того же произведения. Указанные три этапа переводческой рецепции художественных произведений Достоевского можно соотнести с тремя периодами литературно-критического осмысления творческого наследия писателя: фокус исследователей в начале XX в. находился в области мирозерцания Достоевского как выразителя русской души; в середине XX в. интерес литературоведов был сосредоточен на художественном мире писателя; на современном этапе творчество Достоевского рассматривается с целью выявления своеобразия художественного мира русского писателя на основе комплексного исследования как поэтики произведений писателя, так и его идеологических установок и христианского мировоззрения.

История переводческого осмысления публицистического наследия Достоевского, центральным произведением которого, безусловно, является «Дневник писателя», не столь масштабно. Первый перевод «Дневника» на английский язык вышел в свет в 1945 г., он был выполнен Б.Л. Бразодем, русским эмигрантом, постоянно проживающим в США с 1918 г. Вторая переводческая версия «Дневника писателя» появилась только в 1993 г., ее создателем стал профессор русской литературы университета Торонто Кеннет Ланц. Наконец, в 2003 г. в свет выходит сокращенная версия перевода Ланца, выполненная американским славистом Гэри Морсоном.

В современном достоевковедении существует большой корпус работ, посвященных изучению вопросов рецепции творчества Достоевского в англоязычном мире [1–7 и др.]. При этом с каждым годом возрастает количество отечественных и зарубежных исследований, в фокусе внимания которых находится анализ

переводческой рецепции – еще одного уровня восприятия творческого наследия Достоевского за рубежом [8–11 и др.]. При этом на фоне обширного анализа переводческой рецепции его художественных произведений «Дневник писателя» крайне редко становится предметом изучения современных исследователей, которые сосредотачиваются лишь на отдельных аспектах перевода произведения [12–14].

Целью данной работы является изучение основных особенностей сокращенной версии английского перевода «Дневника писателя», выполненной Г. Морсоном на основе перевода К. Ланца. Актуальность данного исследования определяется существенными лакунами в изучении переводческого осмысления англоязычной культурой публицистического наследия Достоевского.

«Дневник писателя» является уникальным произведением Достоевского, в котором сочетаются документализм, художественная образность и личная исповедальность писателя. Уникальность произведения заключается также и в том, что, по сути, оно стало эффективным инструментом общения с читателем и воздействия на него. На страницах «Дневника» Достоевский обсуждал вопросы, волновавшие его лично, тем самым включая читателя в свои собственные размышления о судьбе России и об ее отношениях с Европой, о русском народе, о его характере и судьбе, об исторических личностях и современных политиках, об известных судебных делах, о человеческих пороках и пр. Спектр обсуждаемых писателем проблем весьма широк, что во многом послужило поводом изучения отдельных глав «Дневника писателя» без учета его целостности. Однако на сегодняшний день уже существуют исследования, авторы которых всесторонне анализируют «Дневник писателя», справедливо подчеркивая необходимость его изучения как единого целого [15–19 и др.].

В этом контексте значимой представляется позиция Г. Морсона, который, опубликовав сокращенную версию перевода К. Ланца, в сущности предложил свою концепцию «Дневника писателя». Метатекстом к сокращенной версии перевода выступило предисловие Г. Морсона, в котором он не только объясняет выбор глав и статей для передачи в переводе, но задает определенные векторы восприятия и интерпретации авторского текста, в целом совпадающие с общими тенденциями современного американского достоевковедения.

В своем предисловии Г. Морсон обозначил два типа произведений, которые, по его мнению, имеют принципиальную значимость для понимания особенностей поэтики «Дневника писателя»: процессуальное произведение (*processual work*) и составное произведение (*composite work*). «Процессуальные» произведения публикуются частями, создаются без ориентации на заранее разработанный точный план, их содержание

формируется в процессе работы и часто под влиянием меняющихся внешних обстоятельств. «Составные» произведения, по мнению исследователя, состоят из достаточно самостоятельных частей, соответственно, они могут быть прочитаны как отдельные произведения. По мысли Г. Морсона, «Дневник писателя» Достоевского организован как совмещение этих двух типов произведений: «Some composite works are also processual; the two classes overlap. The Diary belongs to both» [20. P. 1] (Некоторые составные произведения также являются процессуальными; два вида частично пересекаются. «Дневник» относится к двум этим видам (здесь и далее перевод мой. – Т.К.)). Именно по этой причине, по мнению Г. Морсона, «Дневник писателя» Достоевского может быть прочитан с двух противоположных позиций: и как единое произведение, и как сборник отдельных статей.

В результате этой исходной установки его сокращенная версия полного перевода не претендует на целостность, но представляет собой более удобный, с его точки зрения, вариант знакомства англоязычного читателя с «Дневником писателя». Именно поэтому одним из принципов сокращения стало простое удаление тематических повторов. По утверждению Морсона, «Dostoevsky tends to repeat himself frequently. In such cases, shortening may actually improve the work» [20. P. lxi] (Достоевский склонен часто повторяться. В таких случаях сокращения могут в действительности улучшить произведение).

Указанная Морсоном возможность восприятия «Дневника писателя» как сборника отдельных статей, тем не менее, не отменяет вопроса о принципах отбора глав для публикации в сокращенной англоязычной версии. В аспекте рецепции произведения иноязычной культурой этот вопрос приобретает принципиальный характер. Выбор определенных глав выявляет особенности воспринимающего сознания, интерпретирующего оригинальный текст в рамках собственного мировидения и на основе его представлений о специфике реципиента. Так, по утверждению Г. Морсона, «<...> most readers today will be primarily interested in Dostoevsky the artist» [20. P. lxi] (для современного англоязычного читателя наибольший интерес представляет Достоевский – писатель). В связи с этим в его версии сохранены все художественные тексты, входящие в состав «Дневника писателя», а именно «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя». При этом он сохраняет главы, которые тематически перекликаются с художественными произведениями, тем самым задавая возможность англоязычному читателю не только воспринимать их в более широком контексте «Дневника», но и проследить взаимосвязь публицистического и художественного начал в творческой лаборатории Достоевского.

Так, Г. Морсон оставляет главу «Подпись одного лица» в связи с тем, что вымышленный Достоевским ее автор является также и повествователем в рассказе «Бобок». Показательно важной в аспекте взаимодействия публицистического и художественного начал в

«Дневнике писателя» стала для Г. Морсона тема спиритизма. Достоевский обращается к ней в том же рассказе «Бобок» и во «Сне смешного человека»; кроме того, ей посвящены три статьи «Дневника писателя»: «Спиритизм. Нечто о чертах. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» (январь 1876 г.), «Словцо об отчете ученой комиссии о спиритических явлениях» (март 1876 г.) и «Опять только одно словцо о спиритизме» (апрель 1876 г.). Все эти статьи сохранены Г. Морсоном в его версии «Дневника»; при этом первая из них, опубликованная в январском выпуске 1876 г., представлена в полном объеме, без купюр, поскольку именно она, с его точки зрения, задает общий тон указанной проблемы, отсылая читателя не только к рассказам «Дневника писателя», но и к образу черта Ивана в романе «Братья Карамазовы».

Замысел романа «Братья Карамазовы» складывался у Достоевского задолго до начала работы над произведением, и активно работая над «Дневником» в 1876–1877 гг., Достоевский неоднократно на его страницах обращался к тем вопросам, которые позже войдут в его последний роман. Учитывая это, Г. Морсон сохраняет статьи, связанные с замыслом будущего романа Достоевского: в полном объеме представлены статьи «Среда» (1873), «Будущий роман. Опять “случайное семейство”» (январь 1876 г.), «Обособление» (март 1876 г.), «Детский анекдот» (ноябрь 1876 г.) и некоторые др. В них обсуждаются вопросы самобытного развития России, основанного на духовном сознании русского народа, нравственного падения современного общества, взаимосвязи суда, церкви и государства, обособления людей в семье и социуме, отношений отцов и детей. В частности, значимыми в аспекте подготовки романа «Братья Карамазовы» являются многочисленные обращения писателя на страницах «Дневника» к актуальным судебным процессам. По мнению Морсона, эти фрагменты «Дневника писателя» могут быть интересны англоязычному читателю не только по отношению к указанному художественному контексту, но и в связи с тем, что «Dostoevsky with his unprecedented psychological insight, was the greatest crime reporter who ever lived» [20. P. xxxviii] (Достоевский с его беспрецедентной психологической проницательностью являлся самым великим криминальным журналистом, который когда-либо жил). Поэтому в переводе сохранены описания наиболее показательных судебных процессов.

Помимо подготовки будущего романа, в «Дневнике писателя» Достоевский обращается к той социокультурной ситуации, которая сложилась по поводу его недавно опубликованного романа «Бесы». Морсон оставляет в полном объеме статью «Одна из современных фальшей», в которой Достоевский разъясняет свою писательскую позицию по поводу использования т. н. «нечаевского дела» в качестве материала для собственного художественного осмысления. При этом следует отметить, что дальнейшие отсылки к роману «Бесы», например, упоминание Т.Н. Грановского в качестве прототипа Степана Трофимовича Верховенского в статье «Идеалисты-циники» (1876), в этой версии перевода отсутствуют.

Литературно-критические размышления Достоевского составляют предельно важный дискурс «Дневника писателя», что объясняется интертекстуальностью его художественного мира и его собственным опытом работы в журналах «Время», «Эпоха», «Гражданин» [21. С. 54–55]. Собственно литературоведческие статьи вошли в «Дневник писателя» 1873 г. («Влас», «Смятенный вид», «Ряженный», «По поводу новой драмы»). Далее, как писал Достоевский в «Дневнике» за 1876 г., «литературной критики у меня не будет» [22. Т. 25. С. 95], однако, как отмечает В.А. Туниманов, персонажи Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и др. вводятся в текст «Дневника» в качестве символов, «вокруг которых группируется материал и от которых отталкивается занятая злобой дня в Европе и России мысль Достоевского-публициста» [23].

При этом в сокращенной англоязычной версии «Дневника писателя» нет ни одной литературно-критической статьи за 1873 г., в которых талант Достоевского как литературного критика раскрылся в полном объеме. Не сохранены также главы, посвященные Жорж Санд (1876), Н.А. Некрасову (1877). В усеченном виде представлена статья «Русская сатира. “Новь”. “Последние песни”. Старые воспоминания», опубликованная во второй главе январского выпуска 1877 г. В ней сохранилось описание первой встречи Достоевского с Некрасовым и его реакции на рукопись «Бедные люди», но размышления писателя о русской сатире и о литературном процессе в целом, о творчестве Тургенева остаются вне поля внимания англоязычного читателя. Структурным изменениям также подверглась статья «“Анна Каренина” как факт особого значения» (1877). В англоязычной версии она представлена двумя фрагментами: это начало и конец статьи. Размышления же Достоевского о значении творчества А.С. Пушкина для формирования современных писателей и русской литературы в целом не сохранены. Возможно, это связано с указанной выше установкой Г. Морсона на сокращение объема произведения за счет удаления повторов оригинала, поскольку размышления о творчестве Пушкина и о его роли в русской литературе и культуре Достоевский высказывает в своей знаменитой «Пушкинской речи», которая в переводе сохранена в полном объеме. Но следует отметить, что статья «Опять обособление. Восьмая часть “Анны Карениной”», в которой в связи с образом Левина Достоевский размышляет о волновавших русское общество политических проблемах периода русско-турецкой войны, в сокращенной англоязычной версии полностью сохраняется.

Итак, принцип отбора глав и статей «Дневника писателя» демонстрирует прежде всего внимание Г. Морсона к художественным текстам Достоевского, а также к фрагментам, раскрывающим творческую лабораторию писателя. Достоевский как литературный критик, сложный и многогранный, о чем свидетельствует текст «Дневника», остается за рамками сокращенной англоязычной версии. Сохраненные в переводе упоминания писателей, их героев и их произведений, носят спорадический характер и выполняют второстепенную роль контекста для обсуждения определенных социально-политических проблем.

В связи с этим принципиально важным становится вопрос о том, как в сокращенной версии «Дневника писателя» представлен политический дискурс писателя. На сегодняшний день существует значительное количество работ, авторы которых изучают политическую проблематику «Дневника писателя» в разных аспектах [24–28 и др.]. Спектр изучаемых вопросов и количество исследований в данной области достоевсковедения подтверждает важность политической и геополитической проблематики в публицистическом наследии писателя.

Комментируя своеобразие поэтики «Дневника писателя», Г. Морсон отмечает, что целостность произведения рассыпается ввиду неустойчивого образа повествователя, который зачастую выступает как «voice of a hectoring prophet pronouncing absurd and obnoxious judgements on world affair» [20. P. liv] (хвастливый пророк, провозглашающий абсурдные и оскорбительные суждения по поводу ситуации в мире). Для доказательства этого Г. Морсон оставляет в англоязычной версии «Дневника» фрагменты, в которых, с его точки зрения, «Dostoevsky seems to verge on madness» [20. P. lxxv] (Достоевский, кажется, граничит с безумием). Это, прежде всего, эпизоды, в которых писатель «his prediction of the imminent end of the world» (предсказывает неминуемый конец света), а также «morally awful places where Dostoevsky speaks of the universal Catholic conspiracy, of Poles as treacherous agents of the pope» [20. P. lxxv] (ужасные с моральной точки зрения фрагменты, где Достоевский размышляет о всеобщем заговоре католичества, поляках как о коварных агентах Папы).

Наиболее концентрировано политическая проблематика представлена в «Дневнике писателя» за 1876–1877 гг. В полном объеме в англоязычной версии «Дневника» представлен только январский выпуск за 1876 г. По мнению Г. Морсона, именно он отражает концепцию «Дневника», задуманную Достоевским: «Тут отчет о событии, не столько как о новости, сколько о том, что из него (из события) остается нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу связывать себя давлением отчета... Я не летописец; это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично, – тут даже каприз» [22. Т. 29/2. С. 72–73]. По его мысли, в начале воплощения творческого замысла «Дневника» Достоевскому удавалось сохранить взаимопроникновение и взаимообусловленность разных жанров, баланс между художественным и публицистическим, что «discernable in the first few issues, is lost, partly recovered, and lost again» [20. P. liv] (очевидно в первых выпусках, затем утрачивается, далее частично восстанавливается и вновь исчезает).

Поэтому дальнейшие выпуски «Дневника писателя» 1876–1877 гг. представлены в усеченном виде. Так, февральский и мартовский номера 1876 г. в англоязычной версии группируются вокруг художественных текстов («Мужик Марей» и «Столетняя»), при этом публицистическая составляющая представлена лишь частично и включает размышления писателя о русском народе, отношении к нему (февраль 1876 г.) и

обособлении как важной проблеме современного русского общества (март 1876 г.). За рамками англоязычной версии остались размышления писателя о проблеме разобщения и обособления людей в современной Европе. Апрельский выпуск начинается сразу со статьи «Парадоксалист», в которой Достоевский вводит фигуру мечтателя, провозгласившего пользу и необходимость войны для общества. Размышления писателя о становлении России, взаимоотношениях России и Европы, которые являются лейтмотивом всего выпуска, в англоязычной версии не сохраняются. Необходимо отметить, что в тексте «Дневника писателя» Достоевский не раз будет возвращаться к вопросу о необходимости войны. Так, апрельский выпуск «Дневника» за 1877 г. посвящен размышлению писателя о русско-турецкой войне: «Все чувствуют, что началось что-то окончательное, что наступает какой-то конец чего-то прежнего, долгого, длинного прежнего и делается шаг к чему-то совсем уже новому, к чему-то преломляющему прежнее надвое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни» [22. Т. 25. С. 94]. Главки апрельского выпуска, хоть и в усеченном виде, но в англоязычной версии «Дневника» сохраняются, что представляется весьма показательным на фоне установки редактора на удаление повторяющихся идей, которыми, по его мысли, изобилует «Дневник».

В летних выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский, ввиду разворачивающегося кризиса на Балканах, приступает к анализу «восточного вопроса», который был связан с национальным освобождением славянских народов от ига Османской империи. Суть конфликта для Достоевского имеет долгую историю, а его разрешение напрямую связано с будущим России. Далее Достоевский не раз будет размышлять о восточном вопросе, посвящая ему отдельные статьи: «Piccola bestia», «Еще раз о том, что Константинополь, рано ли поздно ли, должен быть наш» и «Русский народ слишком дорос до здравого понятия о восточном вопросе со своей точки зрения». Однако в англоязычной версии ни одна из этих глав не сохранена. Не случайно в своем предисловии Г. Морсон подчеркивает, что «that question seems distinct to most commentators only because they judge events superficially» [20. P. lvi] (этот вопрос представляется многим исследователям важным только потому, что они судят о событиях поверхностно).

В аспекте политической проблематики «Дневника писателя» Морсон сохраняет принципиальную для Достоевского статью «Три идеи» (глава 1, январь 1877 г.),

которая посвящена будущему Европы и России: «видно, подошли сроки уж чему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготавлилось в мире с самого начала его цивилизации. Три идеи встают перед миром и, кажется, формулируются уже окончательно» [22. Т. 25. С. 6]. Достоевский говорит здесь об идеях католицизма, протестантизма и славянства, за которыми соответственно стоят Франция, Германия и Россия. Для Достоевского важно было указать на зарождение нового пути решения многих европейских конфликтов на фоне сложившихся геополитических отношений: «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы» [22. Т. 25. С. 9]. Следует отметить, что для Г. Морсона причиной сохранения данной статьи в англоязычной версии «Дневника писателя» стала не столько позиция Достоевского об особой роли России и славянской идеи, сколько предложенная писателем концепция развития мировой истории, в соответствии с которой он делает свои предсказания. Однако, по мнению Г. Морсона, сомнительной представляется мысль о том, что все три идеи реализуются в мировой истории одновременно.

Существует большое количество факторов, которые определяют образ писателя в воспринимающей культуре. Безусловно, принципиальное значение имеет своеобразие переводческой рецепции, однако не менее важную роль играет литературно-критическое осмысление, тот контекст, в котором произведения писателя бытуют в иноязычном пространстве. Очевидно, что фокус внимания Г. Морсона сосредоточен на художественной составляющей «Дневника писателя» и, как следствие, художественные тексты «Дневника» сохранены в полном объеме. При этом литературно-критические и публицистические составляющие «Дневника писателя» сохранены в переводе лишь частично. В итоге представленная Достоевским комплексная картина современной ему действительности, когда судьба и личная история отдельного человека вплетаются в более широкий культурно-исторический и социально-политический контексты, рассыпается, поскольку оказались отчасти разрушенными внутренние идейно-художественные связи произведения. Думается, контекст и форма бытования последней англоязычной версии «Дневника писателя» указывает на определенную точку напряжения в вопросе его восприятия современной англоязычной культурой.

Список источников

1. Мотылева Т.Л. Иностранная литература и современность. Статьи. М.: Советский писатель, 1961. С. 212–275 («Достоевский и мировая литература»).
2. Григорьев А.Л. Достоевский в современном зарубежном литературоведении // Русская литература. 1972. № 1. С. 192–214.
3. Николокин А.Н. Взаимосвязи литератур России и США. М.: Наука, 1987. 350 с.
4. Мединская Н.Б. Ф.М. Достоевский в американской критике 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997. 226 с.
5. Львова И.В. Литературная репутация Ф.М. Достоевского в США (1940–1960-е годы): дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2000. 216 с.
6. Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881-1936). Smith College Studies in Modern Languages 20, 3-4. Northampton Smith College, 1939. 350 p.
7. Brewster D. East-West Passage: A Study of Literary Relationships. London: George Allen and Unwin Ltd, 1954. 328 p.
8. Рудометкин А.П. Категория стиля в сопоставительной модели «оригинал – перевод – оригинал»: на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 273 с.

9. Хайруллин В.И. Анализ романов Ф.М. Достоевского и их переводов на английский язык: основные параметры действительности. М. : ЛЕНАНД, 2019. 132 с.
10. Terras V. How much does Dostoevsky lose in English translation // Terras V. Reading Dostoevsky. Madison : The University of Wisconsin Press, 1998. P. 149–162.
11. Remnick D. The Translations Wars. Fighting over Tolstoy and Dostoevsky // The New Yorker. 2005. November 7. P. 98–126.
12. Лиленко И.Ю. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского за 1881 год в разновременных переводах Лэсс Кэррик на немецкий язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 957–964. doi: 10.30853/phil20240139
13. Руднев Д. «Дневник писателя» на французском языке // Грани. 1972. № 86. С. 232–234.
14. Коротченко Т.В. Рассказ «Бобок» Ф.М. Достоевского в переводе Б.Л. Бразоля: к вопросу о жанровых трансформациях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 103–112.
15. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.
16. Касаткина Т.А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: контекстный анализ // Вопросы литературы. № 5. 2011. 285–317.
17. Волгин И.Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский : Материалы и исследования. Л. : Наука, 1978. Т. 3. 291 с.
18. Акелькина Е.А. Пути развития русской философской прозы конца XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 1998. 32 с.
19. Тарасова Н.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877) : критика текста. М. : Квадрига, МБА, 2011. 392 с.
20. Dostoevsky F.M. A Writer's Diary. Abridged edition. / translated by K. Lantz and edited by G.S. Morson. Evanston : Northwestern university press, 2009. 574 p.
21. Габдуллина В.И. Литературная критика в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского как саморефлексия автора // Культура и текст. 2012. № 1 (13). С. 53–62.
22. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
23. Туниманов В.А. Комментарий: Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. СПб. : Наука, 1995. Т. 14. С. 517–548.
24. Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / Е.Г. Новикова, А.И. Щербинин, С.В. Вировец и др. ; под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Томский государственный университет, 2021. 288 с.
25. Казаков А.А. «Защитники братьев-славян» и полемика о них в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого и «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2016. № 1. С. 52–63.
26. Понкратьева Е.М. «Дневник писателя» за 1876 г. Ф.М. Достоевского в свете геополитической проблематики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 83–93.
27. Понкратьева Е.М., Тараканова Д.А. Китай в восприятии Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 49–55. doi: 10.17223/15617793/462/6
28. Alekseev P.V., Billiet E. The image of Germany in a writer's diary by Fyodor Dostoevsky // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67–79. doi: 10.17223/24099554/9/5

References

1. Motyleva T.L. Inostrannaya literatura i sovremennost'. Stat'i. M.: Sovetskii pisatel', 1961. S. 212–275 («Dostoyevskiy i mirovaya literatūra»).
2. Grigor'yev A.L. Dostoyevskiy v sovremennoy zarubezhnoy literaturovedeni // Russkaya literatura. 1972. № 1. S. 192–214.
3. Nikol'yukin A.N. Vzaimosvyazi literatur Rossii i SSHA. M. : Nauka, 1987. 350 s.
4. Medinskaya N.B. F.M. Dostoyevskiy v amerikanskoj kritike 1980–1990-kh gg. : dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1997. 226 s.
5. L'vova I.V. Literaturnaya reputatsiya F.M. Dostoyevskogo v SSHA (1940–1960-e gody) : dis. ... kand. filol. nauk. Petrozavodsk, 2000. 216 s.
6. Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881-1936). Smith College Studies in Modern Languages 20, 3-4. Northampton Smith College, 1939. 350 p.
7. Brewster D. East-West Passage: A Study of Literary Relationships. London : George Allen and Unwin Ltd, 1954. 328 r.
8. Rudometkin A.P. Kategoriya stilya v sopostavitel'noy modeli «original – perevod – originaL»: na materiale romana F.M. Dostoyevskogo «Brat'ya Karamazovy» : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011. 273 s.
9. Khayrullin V.I. Analiz romanov F.M. Dostoyevskogo i ikh perevodov na angliyskiy yazyk: osnovnyye parametry deystvitel'nosti. M. : LENAND, 2019. 132 s.
10. Terras V. How much does Dostoevsky lose in English translation // Terras V. Reading Dostoevsky. Madison : The University of Wisconsin Press, 1998. P. 149–162.
11. Remnick D. The Translations Wars. Fighting over Tolstoy and Dostoevsky // The New Yorker. 2005. November 7. P. 98–126.
12. Lilenko I.YU. «Dnevnik pisatel'YA» F.M. Dostoyevskogo za 1881 god v raznoyemennykh perevodakh L'ess K'errik na nemetskiy yazyk // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17, vyp. 3. S. 957–964. doi: 10.30853/phil20240139
13. Rudnev D. «Dnevnik pisatel'YA» na frantsuzskom yazyke // Grani. 1972. № 86. S. 232–234.
14. Korotchenko T.V. Rasskaz «Bobok» F.M. Dostoyevskogo v perevode B.L. Brazolya: k voprosu o zhanrovyykh transformatsiyakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. Vyp. 1 (225). S. 103–112.
15. Zakharov V.N. Sistema zhanrov Dostoyevskogo: tipologiya i poetika. L. : Izd-vo LGU, 1985. 209 s.
16. Kasatkina T.A. Khudozhestvennyye teksty v sostave «Dnevnik pisatel'YA» F.M. Dostoyevskogo: kontekstnyy analiz // Voprosy literatury. № 5. 2011. 285–317.
17. Volgin I.L. «Dnevnik pisatel'YA»: tekst i kontekst // Dostoyevskiy : Materialy i issledovaniya. L. : Nauka, 1978. T. 3. 291 s.
18. Akel'kina YE.A. Puti razvitiya russkoy filosofskoy prozy kontsa XIX veka : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Omsk, 1998. 32 s.
19. Tarasova N.A. «Dnevnik pisatel'YA» F.M. Dostoyevskogo (1876–1877) : kritika teksta. M. : Kvadriga, MBA, 2011. 392 s.
20. Dostoevsky F.M. A Writer's Diary. Abridged edition. / translated by K. Lantz and edited by G.S. Morson. Evanston : Northwestern university press, 2009. 574 p.
21. Gabdullina V.I. Literaturnaya kritika v «Dnevnik pisatel'YA» F.M. Dostoyevskogo kak samorefleksiya avtora // Kul'tura i tekst. 2012. № 1 (13). S. 53–62.
22. Dostoyevskiy F.M. Polnoye sobraniye sochineniy : v 30 t. L. : Nauka, 1972–1990.
23. Tunimanov V.A. Kommentarii: F.M. Dostoyevskiy. Dnevnik pisatelya. 1877. // Dostoyevskiy F.M. Sobraniye sochineniy : v 15 t. SPb. : Nauka, 1995. T. 14. S. 517–548.
24. Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoyevskogo / YE.G. Novikova, A.I. Shcherbinin, S.V. Virovets i dr. ; pod red. YE.G. Novikovoy, A.I. Shcherbinina. Tomsk : Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. 288 s.
25. Kazakov A.A. «Zashchitniki brat'yev-slavyaN» i polemika o nikh v «Anne KareninoY» L.N. Tolstogo i «Dnevnik pisatel'YA» F.M. Dostoyevskogo // Imagologiya i komparativistika. 2016. № 1. S. 52–63.
26. Ponkratova YE.M. «Dnevnik pisatel'YA» za 1876 g. F.M. Dostoyevskogo v svete geopoliticheskoy problematiki // Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya. 2023. № 9. S. 83–93.

27. Ponkratova YE.M., Tarakanova D.A. Kitay v vospriyatii F.M. Dostoyevskogo // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 462. S. 49–55. doi: 10.17223/15617793/462/6
28. Alekseev P.V., Billiet E. The image of Germany in a writer's diary by Fyodor Dostoevsky // Imagologiya i komparativistika. 2018. № 9. S. 67–79. doi: 10.17223/24099554/9/5

Информация об авторах:

Коротченко Т.В. – канд. филол. наук, доцент отделения иностранных языков школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: tatyana1003@mail.ru

Новикова Е.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.V. Korotchenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana1003@mail.ru

E.G. Novikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.05.2025;
одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 06.05.2025;
approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 81'4
doi: 10.17223/15617793/516/3

Документность как типологическая характеристика интерфейсного текста (на примере текстового редактора Notepad++)

Ксения Петровна Крапивина¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
krapivinaxena@gmail.com

Аннотация. Рассматривается прагмалингвистическая и стилистическая специфика текстов интерфейсов классического (десктопного) программного обеспечения, а именно: системности, функциональности, информативности, структурности и стилиевой устойчивости. Результаты сопоставляются с прагмалингвистическими и стилиевыми характеристиками документных текстов. На материале текста Notepad++ версии 7.9.4 доказывається применимость к интерфейсным текстам критерия «документности».

Ключевые слова: лингвистика текста, документная лингвистика, техническое письмо, пользовательский интерфейс, микрокопия, UX-письмо

Для цитирования: Крапивина К.П. Документность как типологическая характеристика интерфейсного текста (на примере текстового редактора Notepad++) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 24–33. doi: 10.17223/15617793/516/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/3

Documentality as Typological Characteristic of Software Interface Texts (Based on the Notepad++ Text Processor Linguistic Analysis)

Kseniya P. Krapivina¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
krapivinaxena@gmail.com

Abstract. The paper addresses the typological identification of interface texts as a under-researched, yet ubiquitous, text form. The aim of this study is to substantiate the hypothesis concerning the 'documentality' of interface texts, specifically their resemblance to documental texts of an instructive nature. This, in turn, will allow for the application of document analysis methodologies and the principles of technical writing. The research material comprises the English-language content of the Notepad++ text editor interface (version 7.9.4), encompassing 1277 textual elements (button labels, messages, etc.) ranging from 1 to 48 words in length, totaling 4163 words. The study employs fundamental scientific methods of analysis and synthesis, the comparative method, as well as methods of pragmalinguistic and stylistostatistical analysis. In order to identify characteristics of documental texts relevant to 'documentality' criteria, the research draws upon the works of scholars within the Russian school of documental linguistics. Particular emphasis is placed on instructive genres. A comparative analysis is conducted examining the manifestation of 'documentality' criteria (structurality, systematicity, functionality, informativity, and stylistic affiliation) in both documental and interface texts. The analysis reveals that interface texts exhibit 'documentality' across all five criteria and demonstrate typological structural-semiotic, informational, functional, and communicative features characteristic of documental texts. However, this is qualified by a more complex, dynamic organization and a more explicitly dialogic nature. From a structural perspective, both text types are characterized by external regulatory constraints on form and content, a pragmatically driven segmentation, creolization, uniformity, and algorithmic nature. Both also incorporate obligatory elements that serve to identify the pragmalinguistic context. The property of systematicity manifests in the grouping into functional sets of texts and intertextuality. Interface texts and documental texts share common functions: modeling a fragment of everyday reality, informing, and regulating the actions of a mass addressee. The informativity of these texts is characterized by a balance of completeness and compression of information, as well as informational density and informative redundancy. Although documental and interface texts employ different styles, these styles are connected by pragmatic orientations toward objectivity, precision, clarity, avoidance of extraneous and emotionally charged words, and the limited use of pronouns. The findings of this study confirm the hypothesis regarding the 'documentality' of interface texts and the possibility of integrating them into the paradigm of instructive documental texts.

Keywords: text linguistics, documental linguistics, technical writing, user interface, microcopy, UX-writing

For citation: Krapivina, K.P. (2025) Documentality as Typological Characteristic of Software Interface Texts (Based on the Notepad++ Text Processor Linguistic Analysis). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 24–33. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/3

Введение

Появление новых форм текста всегда сопряжено с необходимостью вписать их в существующий научный и практический контекст. Это требуется не только для определения методологии исследования, но и для фиксации оптимальных правил создания и обработки. Данный процесс предполагает выявление характеристик, по которым новую форму текста можно встроить в имеющуюся типологию или классификацию, и анализ состава, способа реализации и сочетаемости этих характеристик для оценки приближенности или удаленности к известным типам. Коммуникативно-прагматический подход диктует, что тип текста представляет собой «эмпирически существующую форму манифестации текста», имеющую устойчивые отличительные «информационные, функциональные, структурно-семiotические и коммуникативные» [1. С. 112] черты, а также (особенно актуальные для прикладных задач) экстратекстуальные характеристики, такие как информационный носитель, объем и форматирование.

Новизна

В фокусе нашего исследования находятся интерфейсные тексты – семантически и функционально цельные вербально-графические единства с особой когезией [2. С. 27], выступающие точкой контакта между разработчиками и пользователями на экране устройства. Эти тексты не являются «новыми» в строгом понимании слова, так как первый интерфейс с текстово-графическим содержанием появился в 1974 г. [3], но остаются практически неисследованными, за исключением описания отдельных свойств и компонентов [4–6]. Однако их состояние на текущем этапе развития и повсеместная распространенность в сочетании с проблемой «неинтуитивности» программных продуктов все чаще привлекают к себе внимание ученых, в том числе с целью классификации. Например, в 2023 г. И. Карапенчев классифицировал элементы интерфейсов по коммуникативной функции на основе их лингвистических особенностей [7]. Нас же интересуют типологические особенности содержимого интерфейса как цельного текста.

Актуальность

Тексты для интерфейсов в современном мире создаются не только разработчиками, но и профессиональными UX-писателями, или «микрорайтерами» (то есть создателями «микрокопии», с англ. «microcopy»), однако на текущем этапе развития методология создания интерфейсных текстов разработана слабо, не систематизирована и существует в виде разрозненных рекомендаций. Однако еще в 1990 г. специалисты в технической коммуникации отмечали их сходство с традиционной и онлайн-документацией [8. Р. 46]. С нашей точки зрения, подобное сходство связано с «тройственной» сущностью интерфейса программного продукта: это не только текст, но также среда и инструмент для выполнения задач, что обуславливает доминирование формального компонента, специфическую структуру и выраженную инструктивность. Это дает

нам основание предположить, что интерфейсные тексты обладают «документностью», а именно имеют общие черты с документами инструктивного характера: руководствами пользователя и инструкциями по применению.

Под «документностью» вслед за Е.С. Буслаевой мы понимаем проявляющуюся в разной степени (не только в собственно документных текстах) степень реализации «системности, функциональности, информативности, структурности, а также стилиевой отнесенности» [9. С. 71], где под «системностью» понимается «связанность с другими документами, включенность в определенную группу (систему) документов, отражающих процесс деловой деятельности» [9. С. 71]. За «документом» же в практике закреплено определение: «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать», создаваемая «организацией, должностным лицом или гражданином» и оформленная «в установленном порядке», то есть по «формуляру» [10. С. 71]. Более того, цифровая революция породила новые формы документов: кино-, фото-, аудиовизуальные, бытующие в электронной среде, включающие текстовую и мультимедийную информацию.

Присущая интерфейсным текстам инструментность и вытекающая из нее инструктивность определяет сужение объекта нашего исследования до документов с выраженной инструктивной модальностью. «Под «инструкциями» в широком смысле в современной лингвистике понимают речевой «наджанр» [11. С. 25], который может включать тексты самого разного жанра и характера с общей коммуникативной целью донесения адресатам «порядка, способов, правил осуществления какого-либо действия с тем, чтобы каузировать соответствующее поведение» [12. С. 96]. В узком смысле это «официально-деловой текст технического содержания», имеющий «стандартизированную форму» [12. С. 96].

Цель данного исследования – доказать гипотезу документности интерфейсных текстов для включения их парадигму документных текстов инструктивного характера, что позволит применять к ним методы документного анализа и приемы технического письма.

Для доказательства этой гипотезы мы поставили задачи сравнить специфику проявления 1) структурности, 2) системности, 3) функциональности, 4) информативности и 5) стилиевой отнесенности в документных текстах (ДТ) и интерфейсных текстах (ИТ) для выявления общих и дифференцирующих черт.

Методы и материал

Для решения задач применены базовые научные методы анализа и синтеза, сопоставительный метод, а также методы прагмалингвистического и стилостатистического анализа. Мы обратились к работам ученых русской школы документной лингвистики (С.П. Кушнерук, М.В. Косова, Г.В. Токарев, М.А. Ширинкина, Н.А. Карабань, Е.С. Буслаева и др.), из которых (с особым вниманием к инструктивным жанрам) выделили основные коммуникативно-прагматические и функционально-семантические и характеристики ДТ, а затем

оценили способ и степень реализации этих свойств в ИТ на *материале* англоязычного¹ содержимого интерфейса приложения Notepad++ версии 7.9.4. Данное приложение является представителем функционального ряда «текстовых редакторов» – одного из старейших и самых распространенных пользовательских приложений – и в полной мере демонстрирует специфику текста классического (desktopного) интерфейса. ИТ этой версии приложения содержит 1 277 индивидуальных элементов (наименований кнопок, значений, сообщений) длиной от 1 до 48 слов с общим объемом в 4 163 слова.

Результаты

Свойство структурности

В первую очередь, необходимо отметить внешнюю регламентированность формы и содержания, для ДТ и ИТ являющуюся прототипической.

Форма и содержание документа задается «формуляром» – совокупностью «набора и последовательности расположения реквизитов» [13. С. 211], где под «реквизитом» понимается узкоспециализированный компонент текста, как правило, передающий экстралингвистическую информацию о «локальности документа, адресате и регламентируемом процессе деловой деятельности» [13. С. 215], и имеющий устойчивый формат реализации. По справедливому замечанию С.П. Кушнерука, это превращает создание документа в «лингво-технологический процесс» [14. С. 37], сборку из (полу)готовых компонентов.

Для ИТ форма и содержание регулируется стандартами лишь частично (например, требования ISO к эргономичности, составу меню и графическим элементам). Более значительную роль играют «best practices» – удачные работающие решения, повторяющиеся от приложения к приложению близкого функционального ряда, например метафора «рабочего стола», «листа документа», способ развертки содержимого, состав, порядок и (или) название элементов. Они становятся основой для типовых шаблонов в приложениях для создания интерфейсов, или интерфейсы могут сознательно или бессознательно создаваться похожими на продукты от флагманов отрасли (например, Microsoft). Однако, несмотря на более строгую регламентированность ДТ, и для них, и для ИТ система стандартов обусловлена внеязыковой спецификой их применения и жизненного цикла, открыта и может быть дополнена при необходимости.

ИТ включают в качестве элементов аналоги типовых реквизитов²: логотип/товарный знак приложения и (или) производителя, наименование производителя/правообладателя и (или) его структурного подразделения, контактные данные и (или) ссылку на сайт производителя/правообладателя, информацию от типа и версии документа (отражающей время его создания) и т.д. Их, как правило, располагают в окне *About* (*О приложении*) (рис. 1).

Состав этих реквизитов, как и в ДТ, может варьироваться в зависимости от назначения и (или) моделируемого фрагмента предметной деятельности:

– для ПО с ограниченным доступом: информация о лицензии (регистрационный номер, сроки заключения договора);

– для ПО, проходящих процедуры периодической проверки, утверждения и (или) сертификации: отметки об их прохождении;

– для ПО от официальных ведомств и организаций: герб страны/муниципального образования, эмблема и т.д.

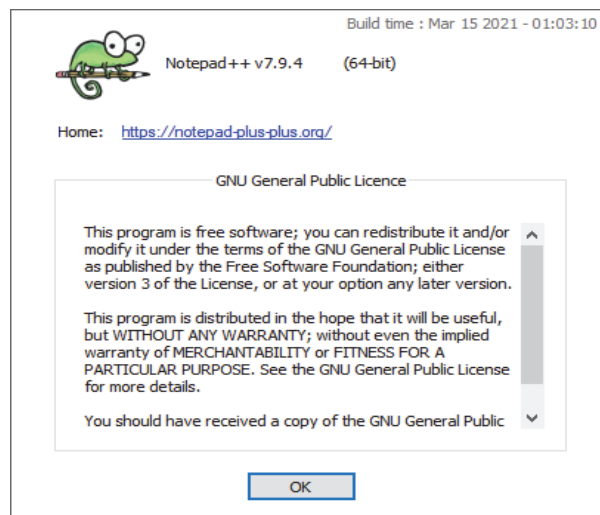

Рис. 1. Реквизиты в окне About приложения Notepad++ 7.9.4: логотип, наименование, версия, разрядность, дата и время сборки, ссылка на сайт, данные о лицензии

Основным отличием от традиционных документов является вынесение части информации за пределы текста: в метаданные и свойства файла (дата создания/получения, дата последнего доступа/изменения) (рис. 2), что, однако, характерно и для электронных документов.

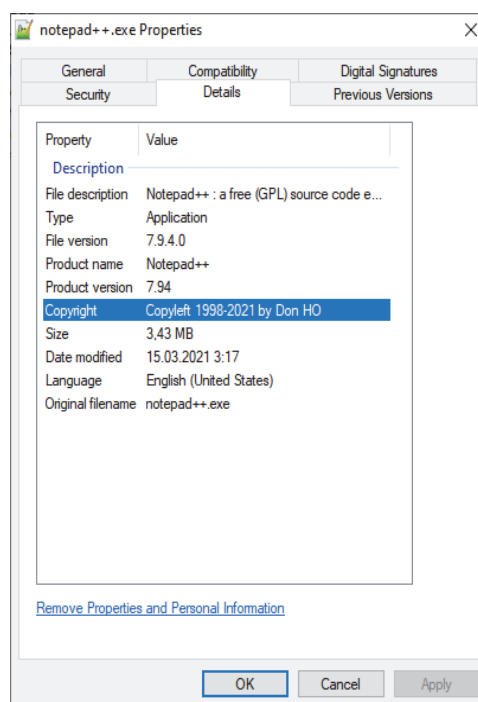

Рис. 2. Характеристики Notepad++ 7.9.4 в окне «Свойства» Windows

Однако общность структурной специфики документов и интерфейсов не ограничивается наличием реквизитов.

Исследователи русской школы документной лингвистики отмечают, что ДТ характеризуются «дробным объемно-прагматическим членением» [15. С. 80], которое «активизирует внимание адресата» [13. С. 213], позволяет «экономить время на ...прочтение и обработку» [16. С. 172] текста и «последовательно, методично предъявляет адресату значимую, с точки зрения составителя, информацию» [17. С. 116]. Инструктивные ДТ можно представить как комплексы относительно независимых фрагментов [18. С. 30], обладающих «высокой локальной самостоятельностью и функциональной автономностью» [14. С. 38].

Это верно и для ИТ. Информация на экране организуется в элементы и их комплексы разной величины (меню, окна, страницы-состояния) в зависимости от решаемых задач и дозируется согласно ходу их выполнения и специфике, что выражается эксплицитно путем разбиения на меню и разделы и однонаправленного разворачивания меню по шагам рабочего процесса (рис. 3).

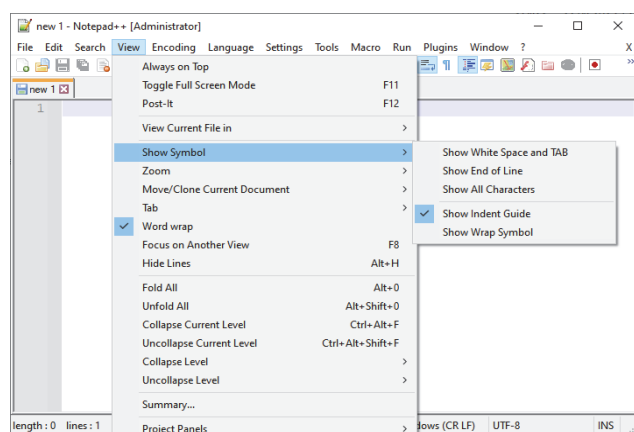

Рис. 3. Последовательное уточнение задачи «отображать направляющие отступов» в Notepad++ 7.9.4

ИТ имеют также фрагменты с повышенной автономностью, использование которых в традиционных документах невозможно, а именно разного рода всплывающие сообщения, активирующиеся в конкретных ситуациях использования ПО и вне них не являющиеся для пользователя частью ИТ.

Еще одной общей структурной чертой для ИТ и ДТ является высокая *креолизованность*.

Как отмечают С.П. Кушнерук [19], М.В. Косова [20] и Г.В. Токарев [15], ДТ задействуют и вербальные, и невербальные средства, включая символы, изображения, шрифтовые, цветовые выделения, рамки, линии, таблицы, диаграммы, параграфные средства, а в электронных документах также мультимедийные вставки и анимацию. Для инструктивных ДТ обращение к графическим средствам является одним из способов повышения *информативной насыщенности* [21. С. 295] текста.

ИТ исходно являются поликодовыми текстами с графическим компонентом в доминирующей позиции,

в которых графически реализуются в том числе средства когезии [2. С. 26], и допускают включение любых видов графического и медиа-контента, решающего поставленные перед адресантом задачи (информирования, научения, удержания внимания). Такое обращение к невербальным средствам позволяет передавать необходимую информацию при дефиците коммуникативного пространства и обедненном синтаксисе.

Также и для инструктивных ДТ, и для ИТ крайне важны *единообразие* и *алгоритмичность*. Для обоих типов текста ими поддерживается структурная четкость и целостность. ДТ, как отмечают Г.В. Токарев и А.А. Дьякова, характеризуются «следованием одного стандартного выражения за другим» [15. С. 78], повторяемостью заголовков, «слов, оборотов, конструкций» [22. С. 67]. В ИТ единообразие используемых языковых средств не только является одним из инструментов когезии [2. С. 27], но и упрощает интерпретацию пользователем за счет механизма *антиципации*. Общность лексики, морфологии и синтаксиса в пределах функционального фрагмента текста (меню, списка, окна) создает паттерн, позволяющий пользователю быстрее понимать функции отдельных элементов (рис. 4), а для фрагментов одного назначения, не находящихся на экране одновременно – идентифицировать контекст этапа коммуникации.

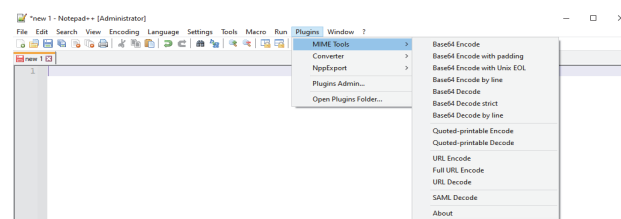

Рис. 4. Однотипность синтаксиса элементов и логики расположения Encode/Decode в меню MIME Tools Notepad++ 7.9.4

Например, в Notepad++ 7.9.4 сообщения группы MessageBox для ситуаций, когда пользователю необходимо принять решение, имеют типовую структуру: *заголовок (кратко задающий ситуацию) + одно-два простых утвердительных предложения в простом времени + вопрос (Are you sure?, Continue?)*. При этом для сходных ситуаций текст сообщений частично дублируется (ср. два сообщения с заголовком «Configurator»: «Load langs.xml failed! Do you want to recover your langs.xml?» и «Load langs.xml failed! Folder as Workspace adding folder problem»).

Подобно характерным для ДТ клише и документным формулам, такие паттерны выполняют в ИТ текстообразующие и текстоорганизующие [23. С. 196] функции, а также выступают как «функционально-тематические маркеры» [23. С. 198].

Свойство системности

Сочетание шаблонности (прототипичности) с вариативностью в зависимости от экстралингвистических факторов влияет также на реализацию свойств *системности* и *интертекстуальности* ИТ. Интерфейсы приложений объединяются в функциональные ряды по типу деятельности и объекту: текстовые редакторы для

создания и обработки текстов, электронные таблицы для обработки данных, графические редакторы для создания и обработки изображений, браузеры для удобного отображения данных и навигации по ним и т.д. Внутри фрагмента предметной деятельности они могут дробиться на небольшие приложения для индивидуальных задач, как от одного производителя (например, модульная система), так и от разных. При этом каждое приложение может существовать одновременно в нескольких версиях: по субъекту (например, версии обычные и «для профессионалов») или времени обновления («билду»). Единство внутри этой системы поддерживается общими семиотическими (метафоры, иконки, визуализация связей) и языковыми средствами (общая лексика, типовые выражения) и обеспечивает легкий переход от одного продукта к другому, а также их комбинирование.

Приложение Notepad++ принадлежит к функциональному ряду текстовых редакторов, в числе которых Microsoft Notepad, EmEditor, WordPad и др., а также (с расширенной функциональностью) Microsoft Word, Google Docs и пр. К этому же ряду можно частично отнести приложения для допечатной подготовки и работы с текстом в специальных форматах (например, Microsoft Publisher и Adobe Acrobat). ИТ таких приложений имеют схожую структурную организацию (рис. 5), общую лексику, общие иконические знаки и символы и даже общий текст (например, в приложениях EmEditor 21.2.1.0 и Notepad++ 7.9.4 совпадает текст более 150 элементов). Однако, в отличие от прочих перечисленных приложений, Notepad++ имеет расширенный функционал для написания и редактирования программного кода, что отражается на его содержательной стороне и лексике и позволяет также частично считать его представителем «редакторов кода» (Visual Studio Code, Atom, Sublime Text и др.). Более того, функциональная системность ИТ Notepad++ может усложняться с помощью добавления дополнительных плагинов и включенных в них текстов.

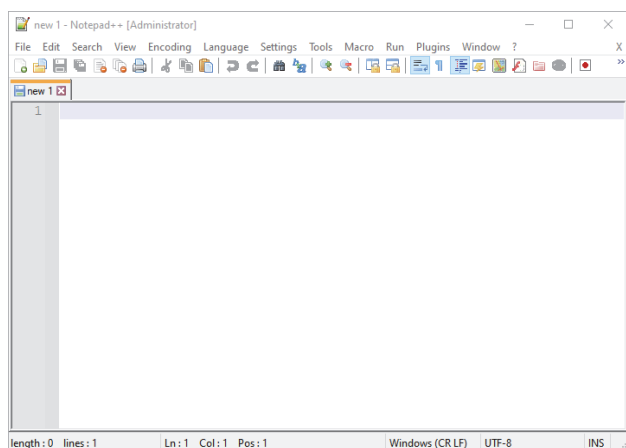

Рис. 5. Главное окно Notepad++ 7.9.4: рабочая область, меню, строка состояния

Интертекстуальность ИТ проявляется также внутри текста, что ряд исследователей в отмечает как прототипическую особенность инструктивных текстов.

В инструктивных ДТ она реализуется посредством «отсылок от одного фрагмента текста к другому» [18. С. 30; 21. С. 295], а в ИТ, ввиду их гипертекстовой природы, является неотъемлемым свойством, обеспечивающим функциональность [2. С. 24].

В приложении Notepad++ интертекстуальность проявляется как путем дублирования текстовых элементов графическими, так и прямыми отсылками на другие элементы и разделы. Например в сообщении «*You can only drop files or folders but not both, because you're in dropping Folder as Project mode. you have to enable "Open all files of folder instead of launching Folder as Workspace on folder dropping" in "Default Directory" section of Preferences dialog to make this operation work*» («Вы можете применить, только одно из двух: файлы или папки, но не оба, потому, что вы перетаскиваете в режиме "Папка как Проект". вы должны включить "Открыть все файлы папки при перетаскивании, вместо запуска Папка как Рабочая Область" в "Директорию По Умолчанию", чтобы эта операция работала зайдите в Настройки.»)³ даются ссылки на другой фрагмент гипертекста: конкретное диалоговое окно, его раздел и необходимую настройку для решения задачи, поставленной пользователем в данный момент.

Свойство функциональности

Второй по важности характеристикой ИТ, роднящей его с документацией, является функциональность.

Как отмечает С.П. Кушнерук, ДТ является «лингвистической матрицей-моделью реальных событий» [19. С. 37]. В инструктивных ДТ моделируемая ситуация в значительной степени обусловлена сферой деятельности, для которой создается инструкция [21. С. 295], которая, как правило, обыденна [24. С. 140]. В рамках моделируемой ситуации, по мнению исследователей, ДТ выполняют две основные функции: *регулятивную*, заключающуюся в «упорядочении процессов, взаимоотношений объектов» [9. С. 71] и регуляции одним субъектом деятельности другого [13. С. 213; 21. С. 295], и *информативную*, проявляющуюся в сообщении фактуальной и концептуальной информации, передающей читателю «понимание отношений между явлениями, ...причинно-следственных связей, их значимости» [9. С. 72]. В инструктивных ДТ регулятивная функция приобретает *прескриптивную* семантику побуждения к действиям [24. С. 140], эффективным и безопасным при использовании продукта [25. С. 85], их порядку и способу выполнения [24. С. 140] и может проявляться эксплицитно и (или) имплицитно «как должествование, обязательность, рекомендация, сообщение информации с целью направить адресата на совершение определенных действий» [13. С. 212–213].

Текст интерфейса – это инструмент для решения конкретных рутинных задач в рамках профессиональной или досуговой деятельности. Моделируемый в приложении фрагмент предметной деятельности определяет содержание и форму ИТ (данные, термины, структуру, отдельные устойчивые выражения), и чем более узкая задача моделируется, тем меньшей функциональностью обладает ИТ в ситуации/деятельности другого типа.

Например, приложение Notepad++ предназначено для работы с разными типами текстов и включает функции редактирования кода, и его ИТ отражает это как в структуре и содержании, так и в контекстно-зависимой семантике слов и выражений, например «*Proper Case*» (капитализация первой буквы каждого слова), «*from caret to end-of-file*» (поиск от каретки до конца файла), «*Nesting*» (способ расположения кода), «*Baltic*» (кодировка Windows-1257).

Информативная функция ИТ проявляется, в первую очередь, путем сообщения пользователю (например, в элементах типа «сообщение» или «всплывающая подсказка») информации о возможностях приложения или его отдельных функций, текущем или будущем состоянии приложения, файла и (или) конкретной операции, причинах и (или) последствиях действий. При этом в связи с ограниченным коммуникативным пространством каждое сообщение может нести сразу несколько типов информации. В качестве примера можно привести сообщения «*Notepad++ up-dater is not compatible with XP due to the obsolete security layer under XP.*» (информирование пользователя о возможностях приложения, особенностях желаемой операционной системы, невозможности выполняемого действия, причинно-следственной связи между ними), «*You can only drop files or folders but not both, because you're in dropping Folder as Project mode*» (информирование о текущем действии, текущем состоянии системы, невозможности выполняемого действия, причинно-следственной связи между ними), «*It seems the path of settings on cloud is set on a read only drive, or on a folder needed privilege right for writing access. Your settings on cloud will be canceled.*» (информирование о будущем состоянии системы, текущем состоянии системы, возможных причинах [и, имплицитно, возможностях], причинно-следственной связи между ними).

Но, поскольку ИТ – модель деятельности, информативность также проявляется через соположение элементов. Так, организация текстовых элементов на экране информирует пользователя:

- о возможностях программного продукта: доступных действиях (см., например, меню View на рис. 3 с опциями отображения элементов текста) и, имплицитно, о недоступных – для пользователей, осведомленных о всех возможных видах действий в рамках предметной деятельности;

- возможных видах действий в рамках предметной деятельности – для неосведомленных пользователей;

- составе и последовательности действий в рамках решения конкретной задачи (см. опции кодирования на рис. 4) и т.д.

Регулятивность также проявляется как эксплицитно путем прямых указаний в повелительном наклонении (например, «*Open all files of folder instead of launching Folder as Workspace on folder dropping*»), констатации фактов с семантикой долженствования («*You have to restart your Notepad++ to take effect after modifying contextMenu.xml.*») или возможности («*You can define several column markers by using white space to separate the different numbers.*») и др., так и имплицитно

путем расположения текстовых элементов в последовательности, соответствующей этапности решения задач (например, в раскрывающихся списках).

При этом для каждой моделируемой ситуации ИТ предполагает передачу только той информации, которая необходима для ее разрешения, чтобы исключить возможность неверной интерпретации пользователем и (или) неверного ответного действия, что определяет *прескриптивность* ИТ.

Отличительная особенность проявления этих функций в ИТ связана с тем, что программный продукт является не только моделью ситуации, но моделью *взаимодействия*. Базовая задача каждого программного продукта – обеспечить выполнение тех задач пользователя, которые невыполнимы без его участия. ИТ, таким образом, моделирует также *диалог*, задействуя в качестве информирующе-регулятивных средств вопросительные предложения («*Do you want to reload it and lose the changes made in Notepad++?*») и элементы для обратной связи, моделирующие ответ пользователя («*OK*», «*Yes*»). В таком контексте текст индивидуальных активных элементов интерфейса (например, кнопок) также выполняет регулятивную функцию, указывая на конкретные действия и получая обратную связь путем активации пользователем.

Свойство информативности

Под «информативностью» в документной лингвистике понимаются «количественные и качественные параметры представленной в [документе] информации» [20. С. 85], что проявляется в соотношении известного и нового для адресата в сообщении, а также в мере *информационной насыщенности* текста. Однако новизна текста субъективна и зависит от характеристик адресата, а также от функции текста. В ДТ адресат массовый [12. С. 98; 21. С. 140] и представлен социальной группой [13. С. 209; 17. С. 115], поэтому мера новизны может варьироваться от одного читателя к другому в рамках заданных социодемографическими характеристиками. Более того, письменная фиксация информации не предполагает однократного восприятия информации: документ моделирует ситуацию, которая может возникнуть (и инициировать прочтение) более одного раза, или у читателя может возникнуть необходимость прочтения документа несколько раз в рамках одной и той же ситуации. Таким образом, новизна может варьироваться и для одного читателя. В контексте моделирования ситуации для ДТ большую значимость имеет *достаточность* передаваемой информации. В инструктивных ДТ это проявляется в передаче адресату экспертной концептуальной и фактуальной (о времени, месте, количестве, образе действия и т.д. [25. С. 85]) информации «в сжатой и доступной, понятной... форме» [24. С. 140], объективно, максимально полно, последовательно, точно и однозначно. Стремление к компрессии, согласно Е.С. Булаевой, «обусловлено общезыковой тенденцией к экономии речевых усилий, а также задачей... по удержанию внимания адресата» [9. С. 72]. Такой баланс полноты и сжатия информации обеспечивает *информационную насыщенность*.

Адресат ИТ также, как правило, массовый и представлен целевой группой пользователей. Широта, вариативность и демографическое разнообразие этой группы требуют особого внимания к доступности информации, ее простоте и ясности, а также учета предшествующего опыта пользователей, что также верно для инструктивных ДТ [25. С. 84]. Приоритет функциональности ИТ диктует адресанту отбор концептуальной и фактуальной информации в объеме, необходимом для решения задач пользователя, ограниченность коммуникативного пространства – исключение информации, которая не требуется для конкретного этапа деятельности, опору на контекст (как языковой, так и внеязыковой), лаконичность изложения.

При этом и для ДТ, и для ИТ в определенной мере характерна *информативная избыточность*, проявляющаяся в дублировании информации. По мнению М.В. Косовой, она является «обязательным свойством документного текста», без которого «текст может потерять ясность и однозначность, получить множественность толкований» [20. С. 85]. Это проявляется в лексических повторах, отказе от местоимений, добавлении пояснений, а в инструкциях также в дублировании информации «вербальными (текст), логическими (схема), сценарно-интерактивными (и мультимедийными (рисунки, аудиографические учебники, видеолекции) средствами» [26. С. 27].

В ИТ дублирование является условием функциональности и связано с его интертекстуальностью и креолизованностью (см. *Свойство структурности* и *Свойство системности*). По задумке адресанта текст меню может дублироваться графическими знаками, графические знаки в свою очередь могут сопровождаться всплывающими текстовыми подсказками, часть текста может дублироваться в рамках одного элемента (см. рис. 4).

Содержательно же текст ИТ, так же как и ДТ, отражает моделируемую ситуацию с учетом потребностей и предполагаемых знаний пользователя. Например, приложение Notepad++ предназначено для «продвинутых» пользователей с потребностями как в простых операциях с текстом, так и в специализированных опциях для работы с кодом, поэтому содержит названия языков программирования, кодировок, способов конвертации, опции разметки т. д., но без их пояснения, в отличие от, например, приложения EmEditor.

Стилевая специфика

Доминирующий стиль ДТ – официально-деловой, для инструктивных ДТ в значительной степени подверженный «контаминации» [24. С. 138] другими стилями (например, рекламным [26. С. 26]). При этом, как отмечает С.П. Кушнерук, выбор речевых средств зачастую навязывается факторами «за пределами лингвистики (иногда с нарушениями ее правил)» [14. С. 37].

Текст интерфейса как тип отличается использование особого языка. В 1990 г. Р. Харрис отметил, что интерфейсам естественным образом присуща тенденция «действовать в обход» языковых правил [8. Р. 46] (например, опускать предлоги), однако это не должно компрометировать их понятность. Он сформулировал

ряд языковых рекомендаций для написания интерфейсов на английском языке, многие из которых до сих пор приняты на вооружение (см., например, руководства по локализации продуктов Microsoft⁴). Рекомендации включают:

- не использовать сокращения, потенциально двусмысленные или не понятные целевому пользователю;
- избегать сложных заимствованных и производных слов (особенно отглагольных существительных);
- использовать короткие (от 5 до 10 слов) простые предложения, состоящие из субъекта, объекта и предиката;
- не использовать страдательный залог;
- минимизировать использование наречий и прилагательных;
- использовать глаголы для действий, существительные для заголовков и параллельные синтаксические конструкции для текстовых элементов одной функции;
- при необходимости убирать артикли, но оставлять предлоги;
- вместо сокращения с точкой опускать гласные (Forward > Fwrd, Cancel > Cncl);
- избегать круглых скобок, дефисов, апострофов, восклицательных знаков (за исключением предупреждений);
- не использовать тире, кавычки (для придания дополнительного значения), косые черты (за исключением путей), квадратные скобки и точки с запятой.

В современной практике эти рекомендации соотносятся с правилами *информационного стиля*, который с официально-деловым стилем документа роднит прагматические установки объективности, точности, ясности, отказ от лишних и эмоционально окрашенных слов, а также ограничение местоимений.

В то же время, в ИТ не используются многие стиливые приемы, направленные в ДТ на «повышение напряженности текста» [20. С. 87–88], такие как: усеченная повторная номинация, эллипсис, осложнение отглагольными существительными, причастиями, деепричастиями. В условиях динамической организации текста подобные приемы могут привести к утрате его функциональности.

Принципиальным отличием стиля ИТ от официально-делового также является *глагольность*, что, однако, также характерно для инструктивных документов.

Информационный стиль ИТ также подвержен контаминации другими стилями (например, юридическим или рекламным), не теряя, однако, устойчивой формы.

Например, текст приложения Notepad++ 7.9.4 преимущественно передает заголовки номинативными конструкциями, а активные элементы – глаголами; за исключением двух случаев (*Nb of Column*.; *Nb char*.); содержит только специфичные для работы с текстом и кодом аббревиатуры и распространенные методы сокращения и стяжения (*1st*, *2nd*, *don't*, *doesn't*, *window(s)*, *Panel(s)*); практически не содержит номинализованные прилагательные (за искл. *security*); содержит отглагольные существительные только с аффиксом *-ion*; содержит строго необходимые прилагательные (*previous*,

current, read-only и т.д.); использует пассивный залог только для акцентирования участия третьей стороны (*This file has been modified by another program.*); не содержит квадратные скобки, тире, точки с запятой и действует восклицательные знаки только для предупреждений об ошибках. Прочие проявления стиля в Notepad++ 7.9.4 менее единообразны (длина предложений, схема капитализации, использование артиклей, скобок, косых черт, дефисов в сложных словах), что обусловлено экстралингвистическими факторами.

В руководстве Р. Харриса присутствуют также рекомендации соблюдать единообразие лексики и синтаксиса не только внутри одного интерфейса, но и между продуктами. Соблюдение этого правила между приложениями одного или родственного функционального ряда создает набор родственных клише и документным формулам устойчивых паттернов, упрощающих освоение новых продуктов пользователями.

Выводы

Анализ показал, что ИТ обладают документностью по пяти из пяти критериев.

С точки зрения структурности, оба типа текста отличает внешняя регламентированность формы и содержания, для ДТ являющаяся прототипической. Оба типа текста включают обязательные элементы устойчивой формы, идентифицирующие прагмалингвистический контекст (реквизиты). В ИТ часть подобных элементов выносятся в сопровождающий текст (метаданные), что также характерно для электронных ДТ. Для обоих типов текста характерны дробное, прагматически обусловленное членение, креолизованность, единообразие и алгоритмичность. Основным отличием проявления критерия структурности в ИТ является меньшая формализация правил: в меньшей степени опора на стандарты и в большей – на сложившиеся практики и работающие в отрасли решения.

Свойство системности проявляется в обоих текстах схожим образом: ДТ и ИТ объединяются в функциональные группы, связанные назначением, ситуацией использования, общим содержанием и задействованным набором языковых и графических средств, и внутри групп вступают в отношения «общего – частного» и дополнения. Также оба типа текста проявляют характерную для инструктивных текстов интертекстуальность, выражающуюся в отсылках от одного фрагмента текста к другому, что является условием функциональности.

ИТ и ДТ, особенно инструктивные, выполняют общие функции моделирования фрагмента обыденной действительности, информирования и регуляции действий массового адресата, представленного разнородной социальной группой. Как и для инструктивных ДТ,

для ИТ также характерна прескриптивность. В связи со сложной структурой и ограничением коммуникативного пространства, информативная и регулятивная функции в том числе реализуются в ИТ имплицитно за счет соположения фрагментов текста. Основным отличием проявления этого критерия является задействование диалогических средств в рамках смоделированного взаимодействия между пользователем и приложением.

Информативность ИТ, как и ДТ, характеризуется балансом полноты и компрессии информации. Как и для инструктивных ДТ, для ИТ характерна информационная насыщенность и информативная избыточность, выражающиеся в передаче фактуальной и концептуальной информации, достаточной для решения задач пользователя в рамках моделируемого фрагмента предметной деятельности, и дублировании информации с целью достижения ясности и однозначности.

ДТ и ИТ задействуют разные *стили* (официально-деловой и информационный соответственно), однако эти стили роднят прагматические установки объективности, точности, ясности, отказ от лишних и эмоционально окрашенных слов, а также ограничение местоимений. Стилль обоих типов текстов устойчив и присущ группе текстов в целом, но подвержен контаминации в зависимости от назначения, что особенно характерно для инструктивных текстов. Основными отличиями стиля ИТ от официально-делового является глагольность (что, однако, также характерно для инструктивных ДТ) и отказ от приемов, повышающих «напряженность» текста, что связано с их динамической организацией.

Таким образом, ИТ проявляют типологические структурно-семиотические, информационные, функциональные и коммуникативные черты, свойственные документным текстам, но с поправкой на более сложную динамическую организацию и более эксплицированную диалогичность.

Заключение

Интерфейсные тексты как цельные и связанные вербально-графические структуры в значительной мере проявляют признаки документности (структурности, системности, функциональности, информативности и стилевой отнесенности) и обладают прототипическими чертами, присущими документным текстам. Наибольшую близость по прагмалингвистическим характеристикам интерфейсные тексты имеют с документными текстами инструктивного характера. Это позволяет ввести интерфейсные тексты в парадигму документных текстов инструктивного характера, что позволит применять к ним методы документного анализа и приемы технического письма..

Примечания

¹ В данной статье мы не обращаемся к русскоязычной версии по причине крайне низкого качества перевода приложения, приводящего к нарушениям функциональной целостности текста.

² См. ГОСТ Р 7.0.97-2016. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. М. : Стандартинформ, 2018.

³ Орфография и пунктуация даны без изменений.

⁴ См. Localization Style Guides. 08/24/2023. URL: <https://learn.microsoft.com/en-us/globalization/reference/microsoft-style-guides> (дата обращения: 18.02.2025).

Список источников

1. Валгина Н.С. Теория текста : учеб. пособие. М. : Логос, 2003. 278,[1] с.
2. Крапивина К.П. Текстуальность интерфейсов классических (десктопных) программных приложений: формальный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 21–29. doi: 10.17223/15617793/504/2
3. Perry T.S., Voelcker J. How the Graphical User Interface Was Invented. URL: <https://spectrum.ieee.org/graphical-user-interface> (дата обращения 16.02.2025).
4. Крупенева В.П. Об источниках и способах формирования лексики пользовательского интерфейса в английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 217–222.
5. Максимова Н.Г. Механизмы устранения избыточности в текстовом сообщении диалогового окна // Казанская наука. 2011. № 11. С. 251–253.
6. Шурлина О.В. Конститутивные составляющие текста программного обеспечения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. С. 186–190.
7. Карапенчев Й. Типове копирайтинг текстове в потребителския интерфейс (UI) // Комуникацията и медиите на XXI век: образователни и професионални предизвикателства : междунар. науч. конф. на ФЖМК (София, 27–28.10.2022 г.). С. 368–377.
8. Harris R.A. Linguistic guidelines for graphic interfaces // IEEE Transactions on Professional Communication. Вып. 33, № 1. С. 46–53. doi: 10.1109/47.49072
9. Буслаева Е.С. Документность как свойство текста (на примере текстов сферы PR) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15, № 1 (30). С. 70–76. doi: 10.15688/jvolsu2.2016.1.8
10. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М.: Стандартинформ. 2014.
11. Романова Н.А. Клинические рекомендации (руководства) как инструктивный текст // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 11 (47). doi: 10.18454/RULB.2023.47.18
12. Карабань Н.А. Речевой жанр инструкции // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2008. Вып. 5, № 7 (45). С. 96–98.
13. Косова М.В., Шептухин М.К. Адресат как фактор адаптации вида документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23, № 4. С. 209–220. doi: 10.15688/jvolsu2.2024.4.16
14. Кушнерук С.П. Правила создания документного текста (к содержанию понятия «документная лингвистика») // Языковое бытие человека и этноса : материалы XIII Березинских чтений. Москва, 15 мая 2017 г. Вып. 19 / под ред. В.А. Пищальниковой. М. : ИНИОН РАН, 2017. С. 37–39.
15. Токарев Г.В. Документный и художественный тексты в аспекте реализации их признаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 77–81. doi: 10.15688/jvolsu2.2016.1.9
16. Белоус Е.С. Интерактивные документы: языковые особенности и документный статус // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 1. С. 168–180. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.1.14
17. Ширинкина М.А. Категория адресации в памятках органов исполнительной власти // Глобальный научный потенциал. 2021. № 2 (119). С. 114–118.
18. Кондрашкина Е.Ю. К вопросу о текстосвязующих категориях в инструктивном тексте // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 27–32. doi: 10.24411/1811-1629-2018-13027
19. Кушнерук С.П. Содержание термина «Документный текст» (к внутрилингвистической нейтрализации документных различий) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3 (17). С. 36–42.
20. Косова М.В. Информативность документного текста: лингвистические критерии меры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. Т. 12, № 3 (19). С. 85–89.
21. Каченя А.И. Прагматика современных французских инструктивных текстов // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2021. № 13-2. С. 294–300.
22. Дьякова А.А. Объективная и субъективная сложность документных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 15, № 1 (30). С. 63–70. doi: 10.15688/jvolsu2.2016.1.7
23. Кушнерук С.П. Нетерминологические многокомпонентные единицы документных текстов // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 195–200.
24. Рябцева Э.Г., Лоза В.И. Инструкция как тип контаминированного текста // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов. 2021. С. 138–144.
25. Кондрашкина Е.Ю., Маслова А.Ю. Прагмалингвистический потенциал инструктивного текста // Научный диалог. 2018. № 7. С. 81–92. doi: 10.24224/2227-1295-2018-7-81-92
26. Канащук С.А. Структурные, стилистические и коммуникативные особенности текстов дискурса инструкций на современном этапе развития // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 21–29.

References

1. Valgina N.S. Teoriya teksta : ucheb. posobiye. M. : Logos, 2003. 278,[1] s.
2. Krapivina K.P. Tekstual'nost' interfeysov klassicheskikh (desktopnykh) programnykh prilozheniy: formal'nyy aspekt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 504. S. 21–29. doi: 10.17223/15617793/504/2
3. Perry T.S., Voelcker J. How the Graphical User Interface Was Invented. URL: <https://spectrum.ieee.org/graphical-user-interface> (data obrashcheniya 16.02.2025).
4. Krupeneva V.P. Ob istochnikakh i sposobakh formirovaniya leksiki pol'zovatel'skogo interfeysa v angliyskom yazyke // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2009. № 114. S. 217–222.
5. Maksimova N.G. Mekhanizmy ustraneniya izbytochnosti v tekstovom soobshchenii dialogovogo okna // Kazanskaya nauka. 2011. № 11. S. 251–253.
6. Shurlina O.V. Konstitutivnyye sostavlyayushchiye teksta programmno obespacheniya // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12. S. 186–190.
7. Karapenchev Y. Tipove kopirayting tekstove v potrebitelskiya interfeys (UI) // Komunikatsiyata i mediite na XXI vek: obrazovatelni i profesionalni predizvikatelstva : mezhduar. nauch. konf. na FZHMK (Sofiya, 27–28.10.2022 g.). S. 368–377.
8. Harris R.A. Linguistic guidelines for graphic interfaces // IEEE Transactions on Professional Communication. Vyp. 33, № 1. S. 46–53. doi: 10.1109/47.49072
9. Buslayeva Y.E.S. Dokumentnost' kak svoystvo teksta (na primere tekstov sfery PR) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2016. T. 15, № 1 (30). S. 70–76. doi: 10.15688/jvolsu2.2016.1.8
10. GOST R 7.0.8-2013. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Deloproizvodstvo i arkhivnoye delo. Terminy i opredeleniya. M.: Standartinform. 2014.

11. Romanova N.A. Klinicheskiye rekomendatsii (rukovodstva) kak instrukivnyy tekst // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 11 (47). doi: 10.18454/RULB.2023.47.18
12. Karaban' N.A. Rechevoy zhanr instruksii // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya. 2008. Vyp. 5, № 7 (45). S. 96–98.
13. Kosova M.V., Sheptukhin M.K. Adresat kak faktor adaptatsii vida dokumenta // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniye. 2024. T. 23. № 4. S. 209–220. doi: 10.15688/jvolsu2.2024.4.16
14. Kushneruk S.P. Pravila sozdaniya dokumentnogo teksta (k sodержaniyu ponyatiya «dokumentnaya lingvistika») // Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa : materialy XIII Berezinskikh chteniy. Moskva, 15 maya 2017 g. Vyp. 19 / pod red. V.A. Pishchal'nikovoy. M. : INION RAN, 2017. S. 37–39.
15. Tokarev G.V. Dokumentnyy i khudozhestvennyy teksty v aspekte realizatsii ikh priznakov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniye. 2016. № 1 (30). S. 77–81. doi: 10.15688/jvolsu2.2016.1.9
16. Belous YE.S. Interaktivnyye dokumenty: yazykovyye osobennosti i dokumentnyy status // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniye. 2021. T. 20, № 1. S. 168–180. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.1.14
17. Shirinkina M.A. Kategoriya adresatsii v pamyatkakh organov ispolnitel'noy vlasti // Global'nyy nauchnyy potentsial. 2021. № 2 (119). S. 114–118.
18. Kondrashkina YE.YU. K voprosu o tekstosvyazuyushchikh kategoriyaх v instrukivnom tekste // Mir russkogo slova. 2018. № 3. S. 27–32. doi: 10.24411/1811-1629-2018-13027
19. Kushneruk S.P. Soderzhanie termina «Dokumentnyy teksT» (k vnutrlingvisticheskoy neytralizatsii dokumentnykh razlichiy) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. № 3 (17). S. 36–42.
20. Kosova M.V. Informativnost' dokumentnogo teksta: lingvisticheskiye kriterii mery // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniye. 2013. T. 12, № 3 (19). S. 85–89.
21. Kachenya A.I. Pragmatika sovremennykh frantsuzskikh instrukivnykh tekstov // Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donetskiy natsional'nyy universitet». 2021. № 13-2. S. 294–300.
22. D'yakova A.A. Ob'yektivnaya i sub'yektivnaya slozhnost' dokumentnykh tekstov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniye. T. 15, № 1 (30). S. 63–70. doi: 10.15688/jvolsu2.2016.1.7
23. Kushneruk S.P. Neterminologicheskiye mnogokomponentnyye yedinit'sy dokumentnykh tekstov // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2009. № 2. S. 195–200.
24. Ryabtseva E.G., Loza V.I. Instruksiya kak tip kontaminirovannogo teksta // Filologicheskiye nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopolyarnost', perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh trudov. 2021. S. 138–144.
25. Kondrashkina YE.YU., Maslova A.YU. Pragmalingvisticheskiy potentsial instrukivnogo teksta // Nauchnyy dialog. 2018. № 7. S. 81–92. doi: 10.24224/2227-1295-2018-7-81-92
26. Kanashchuk S.A. Strukturnyye, stilisticheskiye i kommunikativnyye osobennosti tekstov diskursa instruksiy na sovremennoy etape razvitiya // Yazyk i kul'tura. 2011. № 4 (16). S. 21–29.

Информация об авторе:

Крапивина К.П. – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krapivinaxena@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.P. Krapivina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krapivinaxena@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.04.2025;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 23.04.2025;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/516/4

Статус реальности в современном книжном сериале (на примере романа Веры Богдановой «Семь способов засолки душ»)

Софья Максимовна Крымская¹

¹ Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, sonya.miss-sonya@yandex.ru

Аннотация. На примере нового романа Веры Богдановой показано, как документальность становится инструментом для исследования и осмысления двоемирия – ключевой темы для мистической прозы. Выяснено, что книжный сериал как относительно новое жанрообразование при помощи кинематографических и собственно литературных приемов обновляет отношения между читателем и автором.

Ключевые слова: книжный сериал, мистический роман, социальный роман, ненадежный рассказчик, фабула и сюжет, современная русская литература, Вера Богданова

Для цитирования: Крымская С.М. Статус реальности в современном книжном сериале (на примере романа Веры Богдановой «Семь способов засолки душ») // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 34–41. doi: 10.17223/15617793/516/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/4

The status of reality in the modern book serial (based on the example of Vera Bogdanova's novel "Seven Ways to Salt Souls")

S.M. Krymskaya¹

¹ Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, sonya.miss-sonya@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify, using one case, the reasons for appealing to documentaries in a book serial. The material for analysis is the book series "Seven Ways to Salt Souls" by the contemporary Russian writer Vera Bogdanova, published on the Bookmate e-reading service (from September 30, 2024 – Yandex Books) summer 2024. Using the methods of narrative analysis, point of view analysis, semiotic analysis, historical and cultural contextualization, and elements of media theory, or serial theory, I discuss the impact of imitation of documentary works on mystical and mystifying narratives. I mean to demonstrate how the principles of poetics of a contemporary writer changes when developing a book serial. The research proved that the book serial, as a relatively new genre formation, reassembles the relationship between the reader and the author introducing cinematic and literary techniques. Modeled in "Seven Ways of Salting Souls," the intense, oversaturated reality, through the deep fragmentation, fits better the today's reader lifestyle. The reality status of Vera Bogdanova's book serial is shaped, firstly, due to the hyperreality of the space in which actions take place and the simulation of reality, and secondly, due to references to prototypes that create the illusion of authenticity and enhance the effect of reality, and mythological consciousness that constructs images that reader identifies with reality, and thirdly, due to the detective strategy chosen by the author, which is associated with manifestations of the mystical and demonstrates the fail of definitively establishing the truth. One of the important tools for changing the poetics of a writer in a book serial is the use of quasi-documentary texts that function as factual material through which imagined reality is verified. Quasi-documentary texts, most often presented in Vera Bogdanova's book serial with imitated newspaper inserts, not only make an authentic image of the fictional Old Altai and determine the chronological framework of events and their correlation with artistic and real time, but also produce a relatively objective reality in the discrete narrative of an unreliable narrator. As the result, we found out that the purpose of turning to documentaries in a book serial is to enable the reader to navigate in hyperreal space and narration conducted on behalf of an unreliable narrator and clarify the general idea of the novel in the oversaturated reality of the salamy-like plot of Vera Bogdanova's book serial.

Keywords: book serial, mystery novel, social novel, unreliable narrator, plot and narrative, contemporary Russian literature, Vera Bogdanova

For citation: Krymskaya, S.M. (2025) The status of reality in the modern book serial (based on the example of Vera Bogdanova's novel "Seven Ways to Salt Souls"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 34–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/4

Современная литературная ситуация характеризуется жанровыми трансформациями, которые приводят к формированию и развитию новых жанров за счёт появления новых, экспериментальных форм выражения

содержания. Среди новых жанров, соответствующих современной интермедиальной ситуации существования литературы, следует выделить книжный сериал – формат художественной прозы, которая выходит по частям с определенной периодичностью, заимствуя некоторые приемы телесериалов, такие как, например, сюжетные арки и клиффхэнгеры (прерванные кульминации). Существование его стало возможным благодаря появлению сервисов электронной дистрибуции книг с периодическим обновлением и регулярной подпиской. Так как подобные платформы практически всегда одновременно запускают текстовую и аудиоверсию книги, особую роль приобретает звуковое оформление книжного сериала, так как оно позволяет выделить его на фоне других аудиокниг.

Формат периодического выхода художественных произведений не нов: книжный сериал восходит своими корнями к роману-фельетону. Романы таких известных писателей, как Чарльз Диккенс или Фёдор Достоевский, впервые печатались главами или частями в литературных журналах, в том числе меняя сюжет. Организация текста, при которой пишущий не знает, что случится после, по словам Сергея Зенкина, в литературе XIX в. трансформируется, и эпистолярный роман, имитировавший документ, уступает место роману, где текст членится на «локализованные в фикциональном пространстве и времени» части, а в газетных романах-фельетонах прерывистость повествования подчеркивает «произвольность его артикуляции» [1. С. 233].

Особенной в «периодических» художественных произведениях становится сюжетная связь локуса и образа реальности. Взаимодействие топоса, отсылающего читателя к действительности, и самой этой действительности формирует уникальную вселенную, где изменчивость сюжета позволяет сделать нарративное пространство инструментом для удержания читательского внимания и создания целостного художественного мира, в котором существуют персонажи. Так как сериализованное произведение предполагает объединение его частей в целое, одна из задач автора – создать устойчивый художественный мир, сохраняя символику его локаций в течение всего, хоть и разделенного на части повествования для удержания внимания аудитории и формирования эмоциональной привязанности. Локус в книжном сериале становится стержнем, позволяющим сформировать уникальную реальность, в которой постепенно меняются персонажи, а также акцентировать и развить ключевые идеи авторского мировоззрения. Тесная взаимосвязь локуса и образа созданной в книжном сериале реальности формирует авторский миробоз – целостный, но при этом развивающийся постепенно.

В современной русской литературе одним из первых книжных сериалов стал постапокалиптический роман Дмитрия Глуховского (выполняет функцию инноватора) «Пост» на сервисе «Storytel» в 2109 году [2]. Кроме того, известность обрели такие книжные сериалы, как «Возвращение “Пионера”» Шапиля Идиатуллина (2022), «Кожа» Евгении Некрасовой (2022), «Магазин работает до наступления тьмы» Дарьи Бобылёвой (2024), «Не говори маме» Саши Степановой (2024).

Возрастающий интерес к жанрообразованию книжного сериала обусловлен, в первую очередь тем, что дробление целого художественного произведения на части лучше укладывается в ритм жизни современного читателя [3. С. 63]. Пришедший из телевизионной среды феномен сериальности стал культурным кодом современности: «на фоне сумасшедшего потока информации, членящего на небольшие фрагменты, современный человек тянется к устойчивой рамке, которую задает сериал» [3. С. 64].

Летом 2024 г. на сервисе «Букмейт» (с 30 сентября 2024 г. – «Яндекс Книги») вышел книжный сериал Веры Богдановой «Семь способов засолки душ», который состоит из семи эпизодов, называемых «душами» и публиковавшихся раз в неделю в электронном и аудиоформате. Каждый из эпизодов – часть целого романа и одновременно с этим законченная новелла, обладающая завязкой, кульминацией, промежуточной развязкой и клиффхэнгером – описанием кризисной ситуации в конце эпизода, которая разрешится только в следующем [4].

Градационное нарастание эмоциональной напряженности триллерного сюжета «Семь способов засолки душ» усиливается за счет фрагментарности книжного сериала, которая «вызывает когнитивную активность по выстраиванию целостности и связности не только сюжета, но и всей строящейся картины реальности» [5. С. 40]. Особенностью поэтики Веры Богдановой, проявляющейся в книжном сериале «Семь способов засолки душ», становится то, что, создавая эпизод за эпизодом целостный сюжет, писательница моделирует в романе массивную, более интенсивную иллюзию реальности, в которую погружает читателя при помощи приемов как собственно художественной литературы, так и сериального жанра, и тем самым обновляет отношения между читателем и автором [3. С. 63].

Особый статус реальности в романе Веры Богдановой, связанный с постоянными колебаниями нарратива между завершенностью (экспликацией событий) и их незавершенностью (возможностью изменений в новых сериях, где обстоятельства либо изменятся, либо будут иначе объяснены), соотносится с фокализацией как фокусировкой внутреннего зрения говорящего, детализацией событий художественного мира с точки зрения персонажей [6. С. 448]. Ирреальность художественной действительности в книжном сериале «Семь способов засолки душ» обеспечивается особенностью введения в сюжет главной героини Ники, которая имеет психиатрический диагноз и принимает психотропные препараты. Ника является ненадежным фокализатором – непосредственным участником сюжета, глазами которого читатель видит искаженную художественную реальность. Такая искаженность объясняется психическими особенностями героини и затуманенностью ее сознания. Как утверждает литературовед Анна Жданова, ненадежный фокализатор в отличие от ненадежного рассказчика сам не может полноценно и адекватно воспринимать реальность и поэтому не может также и достоверно передать эту информацию. Голосу Ники можно было бы доверять, потому как ее целью

не является введение читателя в заблуждение, однако в связи с тем, что ее возможности восприятия реальности ограничены, сказанное ею подвергается читателем сомнению [7. С. 155].

Такая особенность конструирования художественной реальности в аудиоверсии книжного сериала подчеркнута разделением нарратива: общее повествование от третьего лица ведется голосом актера театра и кино Дмитрия Полонского, а повествование от лица Ники – голосом журналистки Саши Сулим. То, что в современном медиапространстве образ Саши Сулим связан в первую очередь с документальным жанром тру-крайма, в котором автор исследует реальные преступления, позволяет говорить об особом внетекстовом пространстве, окружающем роман и создающем неосознаваемое влияние на тот статус реальности, которым обладает художественное произведение.

Ненадежность фокализации в романе заставляет дважды проверять реальность: сначала Ника исследует свою действительность, чтобы понять, реальна она или иллюзорна, например, щелкая резинкой по руке в момент помутнения сознания (*«Ника моргает. Цепляет из-под перчатки на левой руке тонкую резинку, какой обычно стягивают пачки денег, щелкает ею по запястью. Укус боли возвращает Нику в тело, которое начало растекаться, теряя форму»* [8]) или наводя на галлюцинацию камеру телефона (*«Ника включает камеру на телефоне, наводит ее на труп. В телефоне отражаются лишь берег, ива, склонившаяся над рекой»* [8]); а затем уже читатель повторно удостоверяет художественную реальность, потому как измененное ввиду психического заболевания и приема психотропных препаратов сознание героини зачастую вызывает дезориентацию у читателя, который не может однозначно определить, что реально, а что нет.

Усиление эффекта ненадежной фокализации происходит и за счет связи с традициями детективного повествования, которые представлены в тексте в виде сюжетной линии с приходящими Нике в виде спам-рассылки письмами с указанием мест, в которых героиня впоследствии обнаруживает мертвых девушек (*«Она снова открывает полученный три дня назад емейл: сервис бронирования ж/д билетов, во вложении фото. На нем станция, ж/д пути, край продуктовой палатки. “Не успеете оглянуться, а вы уже приехали”. Ника искала в интернете перегон, где девушка недавно бросилась на рельсы — станция Октябрьская. На фото в спаме та же станция, только ограждения свежестежепокрашены и снято оно летом»* [8]). Выбранная автором детективная жанровая стратегия сходна со случаем исторического расследования в повести «Перевал Дятлова, или Тайна девяти» Анны Матвеевой, где подобный детективный сюжет также сопряжен с мистическими проявлениями (загадочные письма, приходящие герою от неизвестного адресата и подсказывающие ему разгадку таинственных событий), что демонстрирует невозможность однозначного и окончательного установления истины в такого рода повествованиях.

Статус действительности в книжном сериале «Семь способов засолки душ» формируется за счет наличия

своеобразных референсов к прообразам, обуславливающих усиление эффекта реальности. Техника референсов, а не прототипов, как в традиционном романе, позволяет создать иллюзию достоверности аналогично тому, как это происходит в произведениях, созданных искусственным интеллектом. Такой референс, во-первых, имеет само место действия: вымышленный город Староалтайск, который находится на Чуйском тракте и в котором происходят события романа, представляет собой синтез обозначений реальных топонимов города Барнаула (*«Они проезжают под остатками пешеходного моста, на нем растянут баннер “Трасса здоровья” и пожелание многих километров»; «... все тащатся в Юбилейный парк. Сам парк раньше был заросшим и грязным, но теперь в нем есть удобные дорожки, лавочки с сиденьями, фонари, детские площадки, палатки с кофе и булками»; «В конце девяностых жители Потока удивлялись редко. Милиции тоже было не до мертвых наркоманов: иприцы лежали прямо у подъездов, нормальные люди на тех улицах вообще старались не появляться»; «Торговый центр — монстр, бронированный квадратной белой плиткой, с ярким названием “Огни”. Рядом с вывеской эмблема — оранжевый шар с присосками, похожий на вирусную частицу»* [8]) и дополненной самой писательницей вымышленной реальностью (*«Ника следит, как панельные дома сменяются домами частными, деревенский часток — низкими заборами промзон, заправками, полем. Они выезжают к городку-сателлиту и кирпичным хрущевкам, на перекрестке их встречает стела с гигантским профилем Ленина. Ниже по стеле вьется широкая металлическая лента красного цвета, совсем как на советских открытках в честь Дня Победы»* [8]).

Наименование вымышленного города Староалтайска, где происходят описываемые в книжном сериале события, образовано по модели наименования реального города Горно-Алтайска, что уже при первом знакомстве с местом действия создает иллюзию реальности. Кроме того, сам город представляет собой совокупность реально существующих, но хаотично расположенных барнаульских топонимов, а также является собирательным образом российского провинциального города, чей облик так или иначе знаком каждому читателю (*«Теперь Ника живет на пятом этаже панельной девятиэтажки, с видом на другие бело-синие девятиэтажки, детскую площадку, парковку и магазин “Продукты”. Через зеленую дверь она следует за Ромой в столь же зеленое сумрачное нутро подъезда»* [8]). Мы можем назвать это синтетическим способом создания художественного пространства, в пределах которого действуют герои, и это формирует особую действительность, где реальное (топонимы города Барнаула) переводится рассказчиком, роль которого на себя периодически берет Ника, в категорию ирреального и становится частью вымышленного места действия. Таким образом, в пространстве Староалтайска топонимы Барнаула функционируют уже не как реальные, а лишь как знаки реального, и все пространство города, по Жану Бодрийяру, становится гиперреально-

стью [9. С. 7]. В вымышленном пространстве Староалтайска барнаульские топонимы теряют связь с реальным Барнаулом и только изображают действительность, на самом деле ею не являясь. Итак, все, что происходит в Староалтайске, является не чем иным, как симуляцией действительности, что дополнительно подчеркивается особым психическим состоянием Ники как ненадежного фокализатора.

Возвращаясь в Староалтайск, Ника попадает в иллюзорную реальность, где видит знаки-символы, например, медведя (*«Рядом идет медведица. Привет, говорит ей Ника. Ты пойдешь со мной? Медведица толкает ее в бок шершавым носом, и Ника снова падает – в тепло, на пол»* [8]) или череп косули (*«Череп косули – все еще на месте, надо же»*; *«Да, говорила я, глядя на отполированный дождями череп косули с небольшими рожками»* [8]), получает таинственные письма от незнакомца, которые указывают ей на места, где она находит погибших от неизвестных причин девушек, видит духов и связывает все происходящее с сектой своего отца, Леонида Дагаева, существовавшей здесь много лет назад, но оставляющей след и в настоящем.

Референс-прообраз, не столько раскрывающий смысл, сколько указывающий, что это могло быть в реальности, имеет и действовавшая в Староалтайске оккультная секта «Сияние», основанная Леонидом Дагаевым, отцом Ники. Вера Богданова в интервью Владиславу Толстову говорит: *«В 1990-х сект было много и они пользовались популярностью. “Сияние” и связанные с ней секты и шаманские организации – это собирательный образ. Главный прототип – это секта “Ашрам Шамбалы”»* [10]. В основе секты «Сияние» – основанный на шаманизме, буддизме и других верованиях религиозный культ. К молодым женщинам-послушницам секты Дагаева, отписывающим свое имущество и живущим в общежитиях, применялось физическое и психологическое насилие, в том числе – склонение к самоубийству. Аналогичным образом действовала и послужившая прототипом для «Сияния» секта «Ашрам Шамбалы», основанная Константином Рудневым в 1989 году. В «Ашрам Шамбалы» культивировалось «негативное отношение к семье, отказ от образования, воспитания детей и ухода за престарелыми родителями» [10], а также практиковалось физическое и сексуальное насилие по отношению к членам секты. Аналогичные порядки мы видим и в секте «Сияние»: *«Говорили, у них так было принято – оргия в лесу. Что? Не знаю, я не видела. Я только знаю, что отец написал несколько книг – путей к сиянию, так он называл это. В них были подробно описаны сексуальные практики, помогающие достичь наивысшего просветления. Просветленных привозили окольными путями в один из «приютов» – обычную городскую квартиру, по факту приюты с двумя квадратными метрами на человека. Ежемесячно просветленные платили взносы. Тем, кто не мог найти денег, предлагались обряды иного толка, с благодетелями и наставниками высшего ранга»* [8].

Образ секты «Сияние» и образ Ники противоположны друг другу: если сама Ника пытается вернуться

к реальности, «Сияние» и секты-последователи становятся местом, куда другие добровольно от этой реальности убегают. Секта становится местом, которое вводит человека в сформированную ею виртуальную реальность, которая существует только в его сознании, но начинает восприниматься им как объективная реальность. Таким образом, секта «Сияние», в которой явно угадываются черты «Ашрама Шамбалы», также является образом отсутствующей, гиперреальной действительности.

Ника росла в секте, многие события, происходящие там, разворачивались на ее глазах (*«Помню, как они дрались между собой – за наставника Суумилу, за Белого волка, за Огненного ястреба, за кого угодно. Таскали друг дружку за волосы, кусали за руки и за уши, кричали. <...> Им говорили наказывать друг друга. С этого все начиналось, но слушались не все»* [8]), и это сформировало ее психику как неспособную отличить реальное от знаков реального, что в итоге привело к галлюцинациям (*«Никому не было дела до того, что спустя пару месяцев живые друзья сменились мертвыми: стали чаще приходиться Надя, Лена и Айта, смотрели из зеркал, стояли в школьных коридорах»* [8]). Однако не только Ника воспринимает реальность искаженно – другие герои также объясняют реальные факты через ирреальное. Таким героем, например, становится Андрей, который верит в то, что в Староалтайск Нику привели *«духи предков»* [8].

Особое восприятие мира, при котором миф предстает реальностью, ощущаемой и воспринимаемой как данность, связано с архаическим мышлением, обладатель которого отождествляет образы реальности с самой реальностью, будучи не в силах их отличить, а «сконструированный мифический образ мира абсолютно идентифицируется с самой реальностью и не рассматривается как ее интерпретация» [11. С. 14]. Неслучайным становится и выбор места действия: в современном информационном поле и медиапространстве с Алтаем связано множество мифов, причем «мифология алтайцев представляет собой практически живую традицию» [12. С. 15]. В одном из интервью Вера Богданова говорит: *«... мне было важно показать “замыливание” названия региона Алтай и всего, что с ним связано. Это используется повсеместно для обозначения чего-то целительного и натурального. “Магия Алтая” и все в таком духе»* [10]. В «магию Алтая» верит и сама Ника: эта вера передалась ей от отца, основавшего секту «Сияние» на основе традиций шаманизма и буддизма. Так, например, она упоминает русалку, предполагая, что схожесть Нади с этим мифическим существом объясняет причину ее утопления (*«Надя была красивой, очень. Она была похожа на русалку. Наверное, поэтому духи позвали ее купаться»* [8]), рассказывает об устройстве мира согласно алтайской мифологии (*«На Алтае верят, что Верхний мир от Нижнего отделяют три слоя земли, и есть еще горизонтальное деление – четыре стороны света»* [8]) и в своей речи переходит на чтение мантры (*«...так заветный целитель и учитель, энергетический воин, всеобщий муж, спускающий с Небес и возносящий на небеса, намо ратна трая я нама арья джяня сагара вайро-чана ба йоха ранзая татхагата архатэ самьяк-сам...»* [8]), подражая отцу или даже становясь им.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что гиперреальность формирует не только статус ненадежного нарратора, но и мифологизм как особое мироощущение героев.

Кроме того, будучи дочерью Леонида Дагаева, из-за которого в прошлом пострадало много людей, Ника испытывает чувство вины за совершенные отцом ошибки, что формирует особую модель искаженного восприятия действительности, где она ощущает себя виновной, полагая, что отец «спит» в ней, то есть является ее частью и, соответственно, она несет ответственность за его преступления. В данном случае это работает аналогично тому, что Марианна Хирш назвала постпамятью: травматическое знание и опыт на глубоком эмоциональном уровне передаются следующему поколению (от Леонида Дагаева к Нике), которое «помнит» некоторые события благодаря «рассказам, изображениям и поведенческим реакциям или, напротив, благодаря умолчаниям, тайнам и усилиям забвения, сопровождавшим их детство и отрочество» [13. С. 7–8]. Травматические события, происходившие в секте, продолжают действовать в настоящем, и доподлинно невозможно определить, это галлюцинация или домysленное воспоминание героини. Как о подобных фрагментах опыта Ники мы можем, например, говорить об эпизоде, где описывается, как героиня, будучи взрослой, «видит» Айту из секты «Сияние», которой «не стало перед Никиным десятым днем рождения»: «Из-за занавески показываются длинные темные волосы, сероватый лоб, белесый глаз, разбитый нос, второй глаз запылал – Айта» [8]. Другое упоминание Айты также носит неопределенный характер: «На полу в центре комнаты сидит Айта. На ней совсем нет одежды. Она часто дышит, вся блестит от пота. Она обнимает себя руками, будто ей холодно, откидывает голову и выгибается. Затем резко наклоняется и что есть силы обрушивает голову на выложенный плиткой пол. Снова. И снова. Брызги разлетаются по стенам, остаются на моей пижаме. Я кричу. Айта замирает, затем поворачивает ко мне залитое кровью лицо. Она улыбается. Смотри, говорит она, смотри, как я теперь сияю» [8]. Сама Ника говорит, что часто вспоминает о произошедшей ситуации, но не уверена, что ей это не приснилось, ведь «многое смешалось», и связь с прошлым «опосредована не воспоминаниями, но работой воображения, проекцией» [13. С. 22].

И домysленные воспоминания, и галлюцинации Ники носят спонтанный, часто ассоциативный, связанный с конкретным образом или местом, характер, будучи вызванными сильнейшей психологической травмой, полученной в детстве и повлекшей за собой психическое расстройство. Так, например, узнав, что на берегу реки нашли тело утопившейся девушки, Ника едет на место самоубийства, и там у нее возникает галлюцинация: Ника видит одну из сектанток, также совершившую здесь самоубийство, но много лет назад («Девушка вздрагивает, поднимает голову. Волосы облепляют ее лицо. Она распахивает глаз, затянутый молочной пленкой, глядит на Нику. Ее зовут Надя, эту девушку. Ника когда-то ее знала. Когда-то, четырнадцать лет назад, Надя легла на этот берег, сунула голову в воду и захлебнулась» [8]). В данном случае

именно место трагедии спровоцировало появление видения. Кроме того, домysленное воспоминание начинает действовать как часть реальности: когда Ника падает в воду, желая внимательнее рассмотреть собственную галлюцинацию, «что-то обхватывает лодыжку, крепко держит, дергает», а затем – «что-то тянет ее за руку» [8].

Подобное конструирование наррации при помощи «слепых зон опыта, страхов и опасений, ставших результатами травмы» [13. С. 13] формирует дискретное и путаное повествование. В основе такой наррации лежит ретравматизация героини как воспроизведение травмирующих событий и происходящее затем наслаивание боли от возникших воспоминаний на предыдущую боль от самой травмы. В тексте отсутствуют ориентиры во времени, а кошмары прошлого невозможно отделить от кошмаров настоящего – и читатель оказывается полностью дезориентирован во времени и пространстве, потому как болезненные воспоминания и видения прошлого чередуются с настоящим, а четкая грань между ними отсутствует. Примером такого повествования становится воспоминание Ники об отце: «Еще он [отец – прим. автора] научил меня пользоваться компасом. Я держала увесистый холодный корпус на ладони и поворачивалась вокруг своей оси, чтобы стрелка указала на север. Хотя мне и без компаса все было понятно, мы же столько раз там проходили: взять немного на восток, где зимой лыжня... Что? Нет, не та лыжня, где мы остановились. Про нее я не хочу говорить. Нет, мне не страшно, просто неприятно. Вспоминаешь ее – и тут же вспоминаешь остальное. Но это неправда, что я не чувствую страха совсем. Иначе меня бы из дурки не выпустили. Кстати, как меня оттуда выпустили сейчас? Раньше я лежала дольше. Это Китаев? Я так и думала» [8]. В повествование о прошлом вторгаются мысли о настоящем, а затем происходит еще один скачок в то время, когда Ника лежала в психиатрической больнице.

Важно отметить, что дискретное и нелинейное повествование в книжном сериале Веры Богдановой часто использует прием монтажа, влияние которого ведет «к повышению прерывистости, расчлененности композиций произведений» [14. С. 34]. Монтаж – особая форма художественного мышления и интерпретации материала, которая осуществляется через сочетание обособленных фрагментов в гармоничное целое [15. С. 281]. Монтажная композиция «Семи способов засолки душ» выстраивает глубокую эмоционально-ассоциативную связь между событиями, происходящими с Никой в прошлом и настоящем [14. С. 38]. Это особенно заметно в приведенном выше эпизоде: в своих воспоминаниях Ника «наталкивается» на лыжню, что заставляет ее на некоторое мгновение вернуться в настоящее («Что? Нет, не та лыжня, где мы остановились. Про нее я не хочу говорить. Нет, мне не страшно, просто неприятно. Вспоминаешь ее – и тут же вспоминаешь остальное»), после чего её мысли переносятся в психиатрическую больницу («Иначе меня бы из дурки не выпустили») и она снова погружается в прошлое («Кстати, как меня оттуда выпустили сейчас? Раньше я лежала дольше») [8]. Использованная

В. Богдановой монтажная техника помогает показать посттравматическое состояние героини, её надлом и утрату целостности сознания, что подтверждается психиатрическим диагнозом. Благодаря применению приема монтажа в тексте книжного сериала можно наблюдать эффект «сгущения времени» [15. С. 288] – несовпадение физического и психологического времени, в котором живет героиня. Прошлое преследует героиню, поэтому она часто сознательно или бессознательно к нему возвращается. Это хорошо иллюстрирует эпизод, начинающийся с квазидокументального описания секты «Сияние», продолжающийся описанием Якута и его отношений с Надей, а затем резко переходящий в рассказ о том, как «местный житель обнаружил ее [Нади – прим. автора] торчащие из реки сапожки, а затем и ее всю» [8]. Реальность прошлого и настоящего переплетается и со снами, которые также оказываются отражением гиперреальности.

Важным элементом монтажа являются квазидокументальные тексты, которые, соединяясь с воспоминаниями, организуют особую иллюзорную реальность, где зачастую вымышленное кажется реальным, а реальное – вымышленным. Такие тексты в повествовании В. Богдановой представляют фактографический материал, через который удостоверяется художественная реальность и который одновременно с этим служит единственным ориентиром во времени и пространстве произведения. Имитированные документальные вставки, чаще всего представляющие собой газетные статьи, используются «в качестве особого способа создания эффекта правдоподобия, достоверности повествования» [16. С. 65]. Подобные имитации документальных текстов в книжном сериале Веры Богдановой, во-первых, позволяют создать подлинный образ вымышленного, но обладающего прообразом пространства Староалтайска, где происходили и продолжают происходить описанные события; во-вторых, служат ориентиром во времени и позволяют определить хронологические рамки событий и их соотносительность с художественным и реальным временем; в-третьих, фиксируют происходящие события и создают относительно объективную реальность, позволяя читателю восстановить причинно-следственные связи в дискретном повествовании ненадежного нарратора.

Квазидокументальные тексты позволяют узнать о жизни Староалтайска: *«75 га на Потоке отдают под комплексную застройку. Власти Староалтайска активно расселяют и сносят многоквартирные двухэтажные дома на Потоке. Освободившиеся земли отдадут под комплексную застройку современными многоквартирными домами и инфраструктурными объектами. Количество и вместимость социальных объектов, таких как школы и детские сады, определяют специалисты при детальной разработке проектов планировки территории»* [8]. Подобные газетные статьи и статьи, которые героиня читает в интернете, моделируют достоверный образ вымышленного города, что позволяет создать интенсивную иллюзию реальности, в которой существуют герои книжного сериала и в которую легко погрузиться читателю.

Квазидокументальные тексты сопровождаются датируемками, что особенно важно для ориентации в гиперреальном пространстве: указанные даты имитированных газетных статей становятся единственной возможностью установить хронологический ход событий, потому как нарушение восприятия времени ввиду дискретности повествования и спутанности сознания главной героини не позволяет отличить прошлое от настоящего. Так, например, две имитированных газетных статьи, которые приводятся в тексте Богдановой, позволяют восстановить хронологический порядок событий и причинно-следственную связь преступлений Леонида Дагаева в прошлом (*«Северное сияние: Спасение или Заблуждение? Новосибирск, 1999»* и *«Староалтайск в шоке от преступлений Леонида Дагаева Староалтайск, июнь 2006»* [8]).

Кроме того, использование приема имитации документальных текстов позволяет Вере Богдановой смоделировать хоть и иллюзорную, но единственно возможную в книжном сериале «Семь способов засолки душ» объективную реальность. Если поток сознания Ники позволяет читателю уловить только слепок опыта героини, которому мы не можем до конца доверять, и ее психоэмоциональное состояние, сопровождающееся вспышками воспоминаний о прошлом, ассоциативно связанных с настоящим, то квазидокументальные тексты формируют иллюзию объективности происходящего. Так, например, знакомство с порядками секты «Сияние» происходит дважды: сначала они представлены как разрозненные детские воспоминания Ники, а затем – как выдержка из газетной статьи (*«Москва, 2007 По данным правоохранительных органов, для полного подавления воли в “Сиянии” применялись психологическое насилие, а также групповое употребление наркотических средств, изнасилования»* [8]). Подобным образом в финальном эпизоде сериала описывается то, как умер Леонид Дагаев. Сначала читатель наблюдает за последней встречей Ники с отцом через её восприятие этого события, а затем финальная глава книжного сериала переходит к сценарному плану документального фильма *«Трагедия в тени “Сияния”»* [8] Александра Скуратова. Его имя отсылает нас к российскому кинорежиссеру и сценаристу Александру Сокурову, который совмещает в своих картинах документальные и художественные элементы. Также в художественный текст книжного сериала встраивается статья по психологии «Шаманизм на постсоветском пространстве», объясняющая суть шаманской традиции с социокультурной точки зрения.

Аналогичное наложение художественной и документальной реальности друг на друга встречается в романе В. Богдановой «Сезон отравленных плодов», где есть цитатная выдержка из газетной статьи о домашнем насилии, а финальные события сначала показаны через восприятие героев, а затем – через новостную сводку. Однако если в романе «Сезон отравленных плодов» художественная и документальная реальности накладываются друг на друга, поскольку там речь идёт об исторических событиях, то в книжном сериале «Семь способов засолки душ» документальная состав-

ляющая является порождением все той же художественной реальности и поэтому не может стать инструментом установления объективной действительности, а лишь формирует ее иллюзию, что в ситуации ненадежной наррации, однако, позволяет прояснить идею произведения.

Таким образом, новаторство Веры Богдановой в романе «Семь способов засолки душ» заключается в сознательном разрушении границ между реальным и ирреальным и создании художественного мира, где вымысел зачастую не просто дополняет образ реальности, а действует с ней на равных или даже переопределяет ее. Такой метафизический эксперимент в книжном сериале позволяет сконструировать авторский миробраз, где субъективный взгляд героини, существующей в мифологизированном пространстве и дискретном времени, не позволяет различить реальность и гиперреальность, а прием ненадежной наррации демонстрирует зыбкость человеческого восприятия действительности и невозможность окончательного установления истины. Миробраз в романе «Семь способов засолки душ» является принципиально открытым и характеризующимся непредсказуемостью отношений между реальностью и вымыслом, что отличает новое произведение Веры Богдановой от написанных ею прежде. Во всех романах писательницы постепенность

формирования связи локуса и образа реальности разнокачественная, и особенность книжного сериала «Семь способов засолки душ» состоит в том, что в отношениях между различными слоями реальности действует новый принцип открытой непредсказуемости. Постигание человеком реальности в многослойной мистической художественной вселенной нового романа В. Богдановой, таким образом, не представляется возможным.

Книжный сериал создает особую *сверхнасыщенную реальность*, так как каждая его серия представляет собой некий более законченный, нежели глава в романе, сюжет, который, встраиваясь в художественную ткань целого произведения, содержит использованные автором приемы монтажа и прерванной кульминации, заставляющие читателя продолжать знакомство с сюжетом, а документальная составляющая позволяет сориентироваться в нем и прояснить идею произведения. Гиперреальность в романе связана с фигурой ненадежного рассказчика и прообразами, создающими иллюзию достоверности. Читатель, серия за серией погружаясь в своего рода расследование героиней тайн прошлого и настоящего, постепенно перестает понимать, где реальная жизнь героя, а где гиперреальность, подчеркнутая психически неустойчивым состоянием героини.

Список источников

1. Зенкин С.Н. Почему вышел из моды эпистолярный роман? // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 224–242.
2. Киселева А.М. Книжные сериалы – чтение для тех, у кого постоянно нет времени. URL: <https://mnogobukv.hse.ru/news/836063441.html> (дата обращения: 12.12.2024).
3. Черняк М.А. Сериальность прозы цифровой эпохи: к вопросу о новых тенденциях литературного процесса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 3. С. 63–70.
4. Мильчин К.А. Почему роман «Семь способов засолки душ» превосходно передает дух времени. Книга Веры Богдановой вышла в формате сериала. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/66b5c0489a794778187979e1> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Тульчинский Г.Л. Факторы сериальности в массовой культуре и литературе // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. научных статей. СПб.: РГПУ, 2018. С. 38–50.
6. Петрова Е.В. Фокализация как средство моделирования смыслов в тексте // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IV Международной научной конференции молодых ученых, посвященной 80-летию юбилею кафедры иностранных языков (7 февраля 2014 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. С. 448–452.
7. Жданова А.В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 2. С. 151–164.
8. Богданова В.О. Семь способов засолки душ. М.: АСТ, 2025. 320 с.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции: пер. с фр. М.: Постум, 2015. 240 с.
10. Толстов В.А. Вера Богданова: Сюжет нового романа я увидела во сне и наутро поняла, что хочу прочесть этот крутой триллер // Сноб. 11.07.2024. URL: <https://snob.ru/literature/vera-bogdanova-siuzhet-novogo-romana-ia-uidela-vo-sne-i-nauto-poniala-chto-khochu-prochest-etot-krutoi-triller/> (дата обращения: 14.12.2024).
11. Раздьяконова Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009. 24 с.
12. Тозьякова Е.А., Майнакова А.А., Юрченко Т.Н. Мифологическая картина мира алтайцев как фактор национально-культурной идентичности // Кронос. 2022. № 7 (69). С. 14–18.
13. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста: пер. с англ. М.: Новое издательство, 2020. 428 с.
14. Васярова О.А. Монтажная техника как актуальный метод отражения действительности в современной литературе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 4–1 (80). С. 32–39.
15. Курочкина М.А. Лингвистический механизм создания эффекта монтажа в литературе (на основе романа Дж. Ле Карре «Ночной портье») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 9. С. 281–306.
16. Богатикова Ю.А. Псевдодокументальность как приём в художественном тексте // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 62–72.

References

1. Zenkin, S.N. (2024) *Pochemu vyshel iz mody epistolarnyy roman?* [Why did the epistolary novel go out of fashion?]. *Literaturnyy fakt*. 4 (34). pp. 224–242.
2. Kiseleva, A.M. (2023) *Knizhnye serialy – chtenie dlya tekhn, u kogo postoyanno net vremeni* [Book series – reading for those who constantly do not have time]. HSE. [Online] Available from: <https://mnogobukv.hse.ru/news/836063441.html>. (Accessed: 12.12.2024)
3. Chernyak, M.A. (2021) *Serial'nost' prozy tsifrovoy epokhi: k voprosu ot novykh tendentsiyakh literaturnogo protsesssa* [The seriality of prose in the digital Age: on the issue of new trends in the literary process]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 63–70.
4. Mil'chin, K.A. (2024) *Pochemu roman "Sem" sposobov zasolki dush" prevoskhodno peredaet dukh vremeni. Kniga Very Bogdanovoy vyshla v formate seriala* [Why the novel "Seven ways to salt souls" perfectly captures the spirit of the times. Vera Bogdanova's book was released in the format of a TV series.]. RBC. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/life/news/66b5c0489a794778187979e1>. (Accessed: 10.12.2024)

5. Tul'chinskiy, G.L. (2018) *Faktory serial'nosti v massovoy kul'ture i literature* [Factors of seriality in popular culture and literature]. *Kul't-tovary: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdu bukvoy i tsifroy* [Cult-goods: mass literature of modern Russia between a letter and a number]. SPb.: Russian State Pedagogical University. pp. 38–50.
6. Petrova, E.V. (2014) *Fokalizatsiya kak sredstvo modelirovaniya smyslov v tekste* [Focalization as a means of modeling meanings in a text]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Current issues of philological science of the 21st century]. Proceedings of the 4th International Scientific Conference of Young Scientists dedicated to the 80th anniversary of the Department of Foreign Languages. Ekaterinburg. 7 February 2014. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. pp. 448–452.
7. Zhdanova, A.V. (2009) *K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadezhnoy narratsii* [On the history of the literary phenomenon of unreliable narrative]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. 2. pp. 151–164.
8. Bogdanova, V.O. (2024) *Sem' sposobov zasolki dush* [Seven ways to salt souls]. Yandex Books. [Online] Available from: <https://books.yandex.ru/serials/TDWHpiS6>. (Accessed: 30.11.24)
9. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Translated from French. Moscow: Izdatel'skiy dom "Postum".
10. Tolstov, V.A. (2024) *Vera Bogdanova: Syuzhet novogo romana ya uvidela vo sne i nautro ponyala, chto khochu prochest' etot krutoy triller* [Vera Bogdanova: I saw the plot of the new novel in a dream and the next morning I realized that I wanted to read this cool thriller.]. *Snob*. [Online] Available from: <https://snob.ru/literature/vera-bogdanova-syuzhet-novogo-romana-ia-uvidela-vo-sne-i-nautro-poniala-chto-khochu-prochest-etot-krutoi-triller/>. (Accessed: 14.12.24)
11. Razd'yakonova, E.V. (2009) *Mif kak real'nost' i real'nost' kak mif: mifologicheskie osnovaniya sovremennoy kul'tury* [Myth as reality and reality as myth: mythological foundations of modern culture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Tozzyakova, E.A. & Maynakova, A.A. & Yurchenko, T.N. (2022) *Mifologicheskaya kartina mira altaytsev kak faktor natsional'no-kul'turnoy identichnosti* [Mythological worldview of Altaians as a factor of national and cultural identity]. *Kronos*. 7 (69). pp. 14–18.
13. Hirsch, M. (2020) *Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Postmemory Generation: Writing and visual culture after the holocaust]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
14. Vasiyarova, O.A. (2013) *Montazhnaya tekhnika kak aktual'nyy metod otrazheniya deystvitel'nosti v sovremennoy literature* [Installation technique as an actual method of reflecting reality in modern literature]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. 4–1 (80). pp. 32–39.
15. Kurochkina, M.A. (2011) *Lingvisticheskiy mekhanizm sozdaniya efekta montazha v literature (na osnove romana Dzh. Le Karre "Nochnoy port'e")* [The linguistic mechanism of creating a montage effect in literature (based on the novel by J. Le Carré "The Night Porter")]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9. pp. 281–306.
16. Bogatikova, Yu.A. (2012) *Psevdodokumental'nost' kak priem v khudozhestvennom tekste* [Pseudo-documentality as a technique in a literary text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. 1. pp. 62–72.

Информация об авторе:

Крымская С.М. – аспирант кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия). E-mail: sonya.miss-sonya@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.M. Krymskaya, Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation). E-mail: sonya.miss-sonya@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025;
одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 25.01.2025;
approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.

Научная статья
УДК 81'371
doi: 10.17223/15617793/516/5

Референциальный потенциал местоименного наречия *ПО-ДРУГОМУ* и способы его актуализации в высказывании*

Ирина Петровна Матханова¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, matkhanova@mail.ru

Аннотация. Исследуется функционирование местоименного наречия *ПО-ДРУГОМУ*, устанавливаются критерии разграничения выполняемых им неопределенной, обобщенной и конкретной референции в зависимости от наличия / отсутствия, специфики постседента. Значительную роль в вариативности играет наречная природа слова, способность указывать на смену способа действия, самих действий, ситуаций. Определяется иерархия референциальных функций в структуре данного слова в зависимости от контекста, условия употребления в функции, близкой вводной.

Ключевые слова: местоименные наречия, по-другому, неопределенная, обобщенная и конкретная референция, референциальный потенциал, разряды местоимений

Для цитирования: Матханова И.П. Референциальный потенциал местоименного наречия *ПО-ДРУГОМУ* и способы его актуализации в высказывании // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 42–50. doi: 10.17223/15617793/516/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/5

The referential potential of the pronominal adverb *PO-DRUGOMU* [differently] and the ways of its actualization in the utterance

I.P. Matkhanova¹

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, matkhanova@mail.ru

Abstract. The article under scrutiny establishes a complex of referential functions conveyed by the pronominal adverb *PO-DRUGOMU* [differently]: indefinite, generalized and specific, based on the analysis of statements. The conditions of actualization of each function are revealed and depending on the role of the context their hierarchy is presented. The analyzed word *PO-DRUGOMU* [differently] is included in the class of pronominal adverbs, as it does not fulfill a nominative function, it has an indicative (deictic and anaphoric) and quantifying function, as well as a number of properties specific to pronouns: semantic incompleteness out of context, lack of denotative fixity, etc. The adverbial nature of the word makes it possible to indicate a change in the mode of action, as well as several acts forming part of a complex action, or entire situations. The referential potential is characterized on the basis of A.V. Bondarko's theory of categorical situations; the concepts considered in the works on reference by E.V. Paducheva, A.D. Shmelev, S.A. Krylov, etc. were taken into account. The pronominal adverb *PO-DRUGOMU* [differently] is qualified as an alternatively-accentuating adverb. In the utterance it manifests its functional-semantic specificity due to the presence in its semantics of the comparison of antecedent (quasi-antecedent) and postcedent. The antecedent names one semantic sphere that does not include the matched (alternative) semantic sphere represented by the postcedent, and the pronoun adverb emphasises the mutual exclusion relationship. In the hierarchy of referential functions of the pronominal adverb *PO-DRUGOMU* [differently] the highest position is occupied by the meaning of indeterminacy, because in this case the least effort on the part of the context is required – the absence of the postcedent due to which the alternative semantic sphere becomes indeterminate. The next position in the hierarchy is occupied by the expression of the generalizing function in the postcedent represented by a homogeneous series, which are united by the pronominal adverb. *PO-DRUGOMU* [differently] acts as a generalizing word, can be supported by the semantics of the verb naming a complex action (behavior, activity, etc.) or by the quantifying pronoun *vsyo* [all]. The realization of concrete reference in statements with the pronominal adverb *PO-DRUGOMU* [differently] is possible with the use of a limited set of properties for the quasi-antecedent and postcedent expressing concrete single actions. The conditions are noted in which *PO-DRUGOMU* [differently] fulfils a function close to the introductory, does not serve to refer to reality. Thus, the principles of the study of the pronominal adverb *PO-DRUGOMU* [differently], which occupies a peripheral position in the sphere of pronouns, can be applied to the description of other units of the non-central sphere, for their more accurate qualification.

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на Чтениях памяти Александра Владимировича Бондарко «Актуальные проблемы функциональной грамматики» (15 ноября 2024 г.)

Keywords: pronominal adverbs, *po-drugomu* [differently], indefinite, generalized and specific reference, referential potential, alternatively-accentuating type of pronominal adverbs

For citation: Matkhanova, I.P. (2025) The referential potential of the pronominal adverb *PO-DRUGOMU* [differently] and the ways of its actualization in the utterance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 42–50. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/5

Введение

Статья посвящена выявлению референциальных функций (конкретной, неопределенной и обобщенной), которые способно передавать местоименное наречие *по-другому*. Эти функции представлены в высказываниях с анализируемым словом и проявляются в результате взаимодействия с теми или иными элементами контекста. Ср.: (1) *Пойми, ты должен вести себя по-другому! – Володь, – спросил тогда озадаченный Ленья. – Я чтё не понял, по-другому – это как? – <...> Попробуй так кокетливо делать ручкой и глазами поводить...* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); (2) *Сержант Колтунов продолжал бы стоять, как стоял, может, снял бы предохранитель автомата и взялся за рукоятку. Но лейтенант Викусов сделал по-другому: не только привел автомат в боевое положение, но и не торопясь, обошел задержанный «мерседес» и остановился на обочине, под прикрытием массивного дорожного кузова* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но...); (3) *Таковы агат...; или уральский же родонит, по-другому – орлец, нежно-розовый с чёрными прожилками; или наш дальнегорский скарн* (В. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях).

Актуальность работы обусловлена ее включенностью в решение нескольких проблем современной лингвистики: описание референциального потенциала языковой единицы, специфики интерпретации местоименных наречий; квалификации периферийных разрядов местоименных слов.

Сочетание «референциальный потенциал единицы X» употребляется в ряде статей, но по отношению к местоимениям его используют редко, хотя обсуждаются близкие явления по отношению к другим частям речи. Так, А.В. Бондарко при дефиниции семантических функций грамматических единиц, выделяет две их разновидности: потенциальную (языковую) и результативную (речевую). Потенциальная семантическая функция языковой единицы – это ее «способность (выделено мною. – И.М.) выполнять определенное предназначение». Потенциальная семантическая функция языковой единицы являет собой «определенную систему вариативности», обладающую различной степенью прототипичности [1. С. 341; 2. С. 17–18]. Важным для данной работы является положение А.В. Бондарко о том, что «комплекс Фп (потенциальных функций. – И.М.), возможных для той или иной языковой единицы и определяющей ее поведение в речи, образует потенциал функционирования языковой единицы. Это понятие представляет то множество, элементами которого являются отдельные функции-потенции...» [2. С. 18]. Референциальный потенциал разных групп существительных («способность приобретать или маркировать тот или иной тип референции»),

сформулирован А.Д. Шмелевым [3. С. 204–232]. При характеристике местоимений, не используя сочетания «референциальный потенциал», похожие явления рассматриваются в работах Е.В. Падучевой [4, 5] и С.А. Крылова [6]. Термин «референциальный потенциал» использует, например, В.А. Лазарева, отмечая спектр вариативности и предрасположенности местоимения в сочетании с существительным к выполнению референциальных функций и условий их реализации [7], однако специфика местоименных наречий до сих пор не учитывалась.

Слово *по-другому* находится на периферии внимания лингвистов, оно практически не анализировалось как местоименное. Не останавливаясь подробно на дискуссии о месте наречий в классе местоимений, отметим проблему включения *по-другому* (а также и слова *другой*, хотя и в меньшей степени) в местоимения. Местоимение *другой* рассматривается в ряде работ (А.М. Пешковский [8], М.А. Шелякин [9], О.Ю. Богуславская и И.А. Муравьева [10], И.Е. Шувалова [11], В.Н. Носкова и И.П. Матханова [12] и др.). В трудах по русским местоимениям в общем списке содержатся местоименные наречия *иначе*, *по-иному*, очень редко – *по-другому* (А.М. Пешковский [8], М.А. Шелякин [9], С.А. Крылов и Н.К. Онипенко [13], О.Ю. Богуславская и И.А. Муравьева [10]). Необходимо выявить специфику влияния наречной природы местоименного слова, которая предопределяет их особую сочетаемость, на семантику и функции слова.

Цель статьи – установить иерархию референциальных функций, которые способно выражать местоименное наречие *по-другому*, обосновав условия их актуализации в высказывании и ранжирование в системе языка.

Впервые дана многоаспектная характеристика функционирования местоименного наречия (далее – МН) *по-другому* в высказываниях, что позволяет установить все функции, которое оно способно передавать, то есть выявить его функциональный потенциал; референциальные функции выбраны в качестве основного критерия вариативности этих высказываний с опорой на теорию категориальных ситуаций, разработанную А.В. Бондарко [1, 2]. В результате была выделена особая функционально-семантическая группа альтернативно-выделительных местоименных наречий, к которой относится *по-другому* (наряду с *иначе*, *по-иному*): эти слова выделяют семантическую сферу, к которой отсылают данные слова путем отграничения ее от называемой альтернативной. Наречная природа единицы предопределяет широкий спектр ее сочетаемости: оно может относиться к действию, отношению, состоянию, свойству, целой ситуации; примыкать к глаголу, прилагательному, предикативному наречию; указывать на изменение образа и способа действия, смены самих действий, всей ситуации.

Трактовка МН *по-другому* дается с опорой на положение М.А. Шелякина [9], а также З.И. Комаровой и

Ю.Ю. Шадрин [14], призывающих учитывать при определении данного класса слов особый «функционально-семантический компонент местоимения, который являет собой органическое целое, ...сплав семантики и функций», своего рода «функцию-значение».

В качестве языкового материала выступают высказывания с местоименным наречием *по-другому*, извлеченные из Национального корпуса русского языка (основного, устного подкорпусов, а также социальных сетей) и других источников (ок. 700 высказываний).

Классификация собранного материала показала, что определяющим критерием при характеристике МН *по-другому* является выполнение им референциальной функции, ее разновидностей, выделяемых на основе степени зависимости от контекста.

Общая характеристика местоименного наречия ПО-ДРУГОМУ

Местоименным наречиям, как уже отмечалось, уделяется меньше внимания, чем другим грамматическим разрядам местоимений, в основном затрагиваются МН времени, места, реже – образа действия.

В кругу наречий слово *по-другому* либо не упоминается, либо включается в определительные наречия образа действия [15, 16]. В толковых словарях отдельная статья этой лексемы часто отсутствует, иногда дается синонимическое толкование через местоименные наречия *иначе*, *по-иному* [17, 18], но не отмечается его местоименная природа.

В трудах по местоимениям его относят к выделительным (собственно выделительным у А.М. Пешковского [10], качественно-выделительным или выделительно-отождествляющим у М.А. Шелякина [11]). Особую позицию занимают С.А. Крылов и Н.К. Онипенко, которые относят это МН к альтернативно-указательным [13]. К сожалению, обоснование подобной квалификации в работах отсутствует, но можно согласиться с наличием семантики альтернативности, но не указательности. По нашему мнению, это МН, как уже упоминалось, можно назвать альтернативно-выделительным, что вытекает из его функционально-семантической природы.

Базовой особенностью МН *по-другому* (как и местоимения *другой*) является указание на *отличие от чего-либо*. В пользу этого свидетельствует типичная конструкция с местоименным наречием *по-другому*, чем: (4) *Анна послушала этот визг и смылась на дачу... Тишина, покой, время движется **по-другому**, чем в городе* (В. Токарева. Своя правда); (5) *В 1912 году слова эти звучали, конечно, совсем **по-другому**, чем в 1998, когда мы повторяли их* (А. Макушинский. Город в долине); (6) *Но нас нет на вершине власти в со-решающих ролях, по важнейшим вопросам жизни. Их женщина решает по-другому, чем мужчина* (О. Брушлинская, Л. Васильева. Когда поёт душа). Экспликация точки отсчета, с которой сопоставляется ситуация, маркируемая МН *по-другому*, чаще представлена антецедентом (точнее, квазиантецедентом, называющим явления, не входящие в сферу, на которую указывает МН; способы вычисления квазиантецедента подробно

дается по отношению к местоимению *другой* в [10]): (7) *Юра говорил отрывисто, **по-другому** не получалось: дыхание перехватывало* (А. Берсенева. Возраст третьей любви) = не отрывисто; (8) *Охотник оставлял в избушке для других, проходящих следом, сухие дрова, спички, соль, сухари и мешочек муки. Так было положено по таежному закону. Правда, сейчас в тайге уже все **по-другому*** (А. Купер. Истопник) = сейчас не оставляют в избушке необходимых запасов. Объект сопоставления часто не вербализуется, но МН *по-другому* сигнализирует о наличии отрицательного сопоставления: (9) *Колташников взял паузу: неторопливо развернул большой клетчатый платок, **сложил по-другому** и промокнул залысины* (В.Мясников. Водка). В последнем случае отсутствует и квазиантецедент, но он предполагается.

Для местоименного наречия *по-другому* характерна полифункциональность (способность выполнять дейктическую, анафорическую, кванторную функции), связанная с такими семантическими признаками, как отсутствие денотативной закреплённости, широкозначность, семантическая неполнота вне контекста (А.М. Пешковский [8], О.Н. Селиверстова [19], Е.В. Падучева [5], С.А. Крылов [6], М.А. Шелякин [9], И.Е. Шувалова [11], О.Ю. Богуславская и И.А. Муравьева [10], а также и др.).

Важно, что наречия реферируют к действиям (О референции к действиям, их классам и пропозициям см., напр. [20. С.91–106; 21]). Часто сопоставляются однотипные действия, и последующее отличается от предыдущего только способом совершения: (10) *При наезде автомобиля задними колесами на надутую камеру она сжимается, клапан под давлением открывается, и воздух по шлангу переходит в другую камеру, которая приподнимает передние колеса и наклоняет всю машину... Машину можно наклонить и **по-другому**, поставив её уже на настоящие качели – платформу на оси* (К. Арсеньев. «Погрузка-разгрузка – вот место, где узко») → *наклонить-1* – путем наезда на камеру, *наклонить-2* – при помощи платформы (о пропуске одноименных действий в конструкциях с наречиями см. [22]).

Возможна референция к ряду разных действий, названных или подразумеваемых: (11) *Вы бегаєте, словно блох из себя вытрясаете. Кричите зачем-то... Движения делаете угрожающие. У нас в главке вы будете вести себя по-другому. На допросы будете приходить с адвокатом, точнее, я его буду приглашать. А в промежутках между допросами будете отдыхать в уютной камере* (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта). Комплекс актов-1, раскрывающих поведение субъекта: *бегать, кричать, угрожать*, – сопоставляется с другим комплексом актов-2: *приходить с адвокатом, находиться в камере*, – в высказывании устанавливается нетождественность их референции. Часто эти действия не называются, фиксируется только их различие.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении референции и десигнации, а также о выполнении той или иной функции местоименным наречием или единым комплексом, включающим также и глагол. В рамках данной статьи детально рассмотреть эти вопросы не представляется возможным вследствие ограниченности ее объема.

Отметим только, что десигнативное различие обычно усматривается у единиц, имеющих денотативное значение, а референциальная привязка имеет более широкую сферу применения. Сложность референциальной интерпретации местоименного наречия и слов, к которым оно примыкает, заключается том, что эти единицы могут квалифицироваться как единый комплекс, но важно оценить их автономный вклад в такое сочетание. Так, обобщающая функция (см. об этом ниже) свойственна глаголам деятельности, поведения, управления и др., но может осуществляться и словом *по-другому*. О наличии самостоятельной обобщающей функции именно у местоименного наречия свидетельствует то, что эту функцию оно выполняет и в сочетании с другими номинативными единицами (*смешны по-другому: нелепы, неловки, комичны; по-другому страшно: тошно, мучительно, неприятно; все – по-другому, не так, как было*). По-другому, дублируя сему обобщения, содержащуюся в ряде глаголов, задает еще и альтернативный тип обобщения. Таким образом, событийный ряд, передаваемый всей глагольной группой и обобщаемый глаголами определенной семантики, может быть усилен местоименным наречием, а в других ситуациях МН *по-другому* является основным выразителем обобщающей функции.

Спектр референциальных возможностей МН *по-другому* велик: оно может выражать неопределенную референцию, обобщенную и конкретную, каждая из которых обладает разными средствами актуализации в высказывании (хотя их не всегда можно четко разграничить, вследствие диффузности семантики). В зависимости от роли контекста в реализации того или иного типа референции, выстраивается их иерархия.

Актуализация неопределенной референции в высказываниях с местоименным наречием *по-другому*

Основной у МН *по-другому* можно считать функцию неопределенной референции, так как она требует наименьшего контекста для реализации. Функция неопределенности, неизвестности, несущественности точной квалификации (см. о неопределенной референции [5, 23, 24] является частотной для этого слова. По мнению М.А. Шелякина [9], подобные местоименные наречия указывают на явления, «нетождественные ожидаемым по каким-то непосредственно воспринимаемым или оцениваемым признакам». Иными словами, такое указание похоже на соотношение признаков в привативной оппозиции, где маркируется один член, а другой является неопределенным и включает все, за исключением названного. Напр.: (12) *Ничего ты ее не любишь, жениться не собираешься. Иначе ты бы себя по-другому вел. – Это как? – Не знаю. Почитай своего Станиславского, он объяснит* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); (13) *[Алина К., жен, студентка] А не было/ скажем такого вот/ что в твоём родном селе/ допустим/ было принято печь куличи на Пасху... А сюда приехали/ а вот здесь по-другому? [Степан Михайлович, муж, пенсионер] Ну/ а как по-другому?* (Рассказ об истории семьи и города Астаны).

В диалоге собеседник своим вопросом актуализирует неизвестность, невозможность квалифицировать ситуацию, вводимую МН *по-другому*. В повествовательном тексте эта функция менее заметна, но она также реализуется при отсутствии пояснения, конкретизаторов, раскрывающих смысл этой ситуации, включая изменение способа действия, поведения или образа жизни. Ср. указание на способ действия: (14) *...обе эти пьесы ранее уже появлялись на сборниках серии Red Hot, но там они были с вокалом и сыграны чуть по-другому* (А. Мунипов. Какая боль, какая боль); на образ жизни: (15) *Люди пытаются себе доказать, что нет, в других обстоятельствах они жили бы по-другому, но на самом деле это не так* (М. Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха); (16) *Наверное, из него мог бы получиться замечательный врач, ...но папина жизнь сложилась по-другому..., о чем Колюня позднее мог лишь гадать и пытаться восстановить по крохам и осколкам это родное целое* (А. Варламов. Купавна); на особенности отношений: (17) *Просто время идет. Многое меняется. Ко многим старым вещам начинаешь относиться по-другому* (А. Геласимов. Ты можешь); на выбор актов-действий, образующих поведение: (18) *Не исключено, что мрачен он был только в присутствии взрослых, а наедине с Петькой вел себя совсем по-другому – иначе с чего бы Петька так к нему привязался?* (В. Белоусова. Второй выстрел). Благодаря своей наречной природе, репертуар сферы неопределенности у МН *по-другому* весьма разнообразен.

Еще одной чертой, важной для интерпретации неопределенности, передаваемой изучаемым местоименным наречием, является способ выражения точки отсчета – обозначения того явления, которое должно быть известно коммуникантам и по отношению к которому фиксируется неопределенность противопоставленного (альтернативного) явления. Этот фрагмент может быть вербализован, выступать в качестве квазиантецедента при анафорической функции (см. примеры 16, 18), или не назван, но быть в поле зрения собеседников при дейктической функции (см. примеры 14, 17).

У МН *по-другому*, как и у местоимения *другой*, существует специфика анафорической связи. О. Ю. Богуславская и И. А. Муравьева, обращаясь к специфике связи в анафорической паре с местоимением *другой*, указывают, что она заключается в принципиальном отсутствии тождества между анафорой и антецедентом и вместе с тем их отнесенности к одной ситуации, их «разной референциальной привязкой» [10. С. 85, 93]. В этом случае «анафор не имеет некоторых свойств, которым обладает антецедент». Более того, подчеркивается отличие анафора от антецедента (при тождественности с постцедентом). Об имплицитном антецеденте, о его восстановлении, о квазиантецеденте см. также С.А. Крылова [25], который использует в этом случае термин консеквент.

МН *по-другому* фиксирует существование некоторых признаков за пределами выделенного/ых, никак их не квалифицируя, и отсутствие квалификации ведет к неопределенности признака.

Усиление неопределенности может происходить благодаря употреблению в высказывании других неопределенных местоимений: (18) *Практически сразу же как-то по-другому* взглянула на квартиру, было ощущение, что я с ней заново познакомилась (О. Рунова. Карта желаний. Заказывай. Все сбудется!); (19) *Но мы чувствовали себя не совсем хорошо и видели, что китайские руководители несколько по-другому* стали вести себя в беседах при обсуждении наших общих вопросов (Никита Хрущев, Воспоминания. Время. Люди. Власть); (20) *Мама сказала: не отпускаю... Нет, как-то по-другому...* (В. Белоусова. Второй выстрел).

Неопределенность, передаваемая МН *по-другому*, можно назвать неполной, но не такой, как у слов *кто-то*, *какой-то* и под., где отмечается различие в знании о ситуации говорящего и адресата (хотя и это возможно). В этом случае из общей сферы неопределенности исключается фрагмент, известный коммуникантам, который является точкой отсчета для того, чтобы очертить зону неопределенности, альтернативную известной, определенной части. Такой способ кодирования отличает группу альтернативно-выделительных местоимений от других групп с неопределенной референцией.

Реализация функции обобщения в высказываниях с местоименным наречием *по-другому*

МН *по-другому* может выполнять функцию обобщения, которую наследует от местоимения *другой*. Эту функцию нельзя считать основной, так как для ее реализации необходим постцедент определенного типа, включающий несколько элементов. По определению И.Е. Шуваловой, «местоимение *другой* предполагает, что актуальное множество противопоставлено отдельным элементам исходного множества на основании предметных (экстенциональных) характеристик...» [11. С. 71]. Это же положение можно отнести и к местоименному наречию *по-другому*, однако возникают проблемы с определением класса, в который включаются разнородные составляющие.

Класс может состоять из разных признаков одного действия: (21) *Уже очень много людей разделили со мной счастье говорить по-другому, осознанно, красиво и убедительно* (Е. Шестакова. Говори красиво и уверенно. Постановка голоса и речи). В этом случае оценка действия дается по разным основаниям, а семантика глагола не предопределяет наличие / отсутствия постцедента, состоящего из сочинительного ряда наречий. Именно конструкция с однородными обстоятельством, поясняющая МН *по-другому*, сигнализирует о функции обобщения. Если же в высказывании нет постцедента, то данное МН выполняет, как уже было отмечено, функцию неопределенной референции (*Уже очень много людей разделили со мной счастье говорить по-другому*), а если постцедент состоит из одного слова, то оно конкретизирует семантику слова (*Уже очень много людей разделили со мной счастье говорить по-другому, осознанно*), акцентируя на нем внимание и указывая на противопоставление с антецедентом.

Обобщение разнородных действий задается в высказываниях с глаголами поведения, деятельности, управления и других, предполагающих включение нескольких разнородных актов, ср.: «Деятельности – это сложные предикаты, складывающиеся из многих неоднородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель...», «...о поведении обычно говорят тогда, когда видят ряд однотипных актов человека или другого живого существа на протяжении одного раунда наблюдения» [26. С. 102, 153; 27]: (22) *Но перед присяжными обвиняемый вел себя совсем по-другому: уверял, что его арестовали по ошибке, и даже высказал... соболезнования вдове убитого* (Убийцу не смогли опознать только присяжные // «Московский комсомолец»); (23) *Для квартир и домов, которые купили раньше, устроено по-другому: вычет оформляют только на один объект..., государство вернет только 13% от суммы вычета...* (К. Григорьев. Бизнес); (24) *Не все такие, – хоть бы и из нашего брата, Егор Парменыч, – возразил рыжий мужик <...>, Вот горбун такой же мужик, а по-другому живет: сам куска не съест, а лошадь накормит...* (А. Писемский. Леший). Семантика глаголов уже предполагает актуализацию обобщающую функцию благодаря взаимодействию со значением глагола.

Еще большее разнообразие объединяемых элементов включает обобщение, задаваемое местоимением *все*, когда происходит семантическое согласование между обобщенной семантикой местоимения и семой МН *по-другому*: (25) *Одно дело – воевать с противником, когда есть четкое разграничение противоположных сторон. А здесь все по-другому: на «территории противника» не только сами бандиты, но и ни в чем не повинные мирные жители, наши сограждане. И террористы приспособились прикрываться жителями, детьми, стариками, как пуленепробиваемыми жителями* (Г. Трошев. Моя война); (26) *Лето кончилось, мы вернулись домой в городскую квартиру. Здесь тоже теперь все по-другому – Лари пришлось привыкать к новому распорядку дня, к тому, что хозяева на весь день уходят на работу, а ему с кошками приходится оставаться в тесной квартире...* (Н. Королева. Другая собака).

Функция обобщения, заложенная в потенциал данного местоименного наречия, актуализируется в тех синтаксических конструкциях, где *по-другому* выступает в качестве обобщающего слова: (27) *Уж он-то встретил гостей совсем по-другому: восторженно и радостно* (А. Мацанов. Мастер и подмастерье); (28) *Костя Малинин выглядел совсем по-другому: у него была нарядная белая грудка с галстуком, сам он был весь чистенький, аккуратенький, с приглаженными перышками, как будто он только что из парикмахерской вылетел* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком!); (29) *Но Людка, видимо, считала по-другому: сначала надо спросить разрешения, а не ставить перед фактом* (В. Токарева. Своя правда).

МН *по-другому* способно выполнять функцию обобщения и в тексте, а постцедентом можно считать следующие за ним предложения, указывающие на ряд относящихся к нему частных фактов: (30) *Упала*

[спичка] в снег, но еще долго, секунд десять, шипела и искрилась. Потому что серная... Нужно все сделать **по-другому**. Во-первых, постараться спичку зажечь в зубах за самый кончик. Во-вторых, тереть над шалашиком из бересты и веток... (А. Купер. Истопник); (31) Друзья моих родителей стали неожиданно исчезать. Мать проклинала Сталина. Отец рассуждал **по-другому**. Ведь исчезали самые заурядные люди. И в каждом помимо достоинств были существенные недостатки. В каждом, если хорошо подумать, было нечто отрицательное (Сергей Довлатов. Наши). Такое употребление называют фокусной (текстовой) анафорой: местоимение, в том числе **по-другому**, значительно отделено от (квази)антецедента, а «сегмент текста, содержащий эту информацию, очень велик и нечетко вербализован» [10. С. 110].

Таким образом, МН **по-другому** служит для объединения разных явлений в общий класс при определенных усилиях контекста. Обобщающая функция у этого слова реализуется не в анафорической паре, а в анафорической триаде: квазиантецедент (являющийся противоположным по отношению к МН, эксплицитный или восстанавливаемый) – МН **по-другому** – постцедент (включающий сочинительный ряд).

Вопрос о функции местоименного наречия **по-другому** в высказываниях с одиночным постцедентом

МН **по-другому** может употребляться в высказываниях с постцедентом, называющим конкретный способ осуществления сопоставляемых действий или целую, но отдельную ситуацию, не обобщая их. Кроме того, это слово в сочетании с глаголами номинации и речи может не участвовать в акте референции к действительности, а выступать в роли, близкой к вводной.

Первичными при таком употреблении являются конструкции, в которых отражены ситуации с эксплицированными квазиантецедентом и постцедентом: (32) *Пакет готов, можно класть на противень квадратиком и отправлять в духовку. Можно сложить **по-другому** — треугольником* (М. Володина. О фольге); (33) *И как это мне друзья не говорили, что это растянуто? ...Вот увидите, новую я напишу **по-другому**, короче, без воды...* (Л.К. Чуковская. Памяти Фриды). Здесь сопоставляются две конкретных ситуации: в (32) *класть квадратиком* и *сложить треугольником*, в (33) – *написано растянуто* и *написать короче, без воды*, причем вторая ситуация является альтернативной первой. Для экспликации сопоставительно-дизъюнктивных отношений используется анализируемая единица, при ее элиминировании смысл не меняется: МН **по-другому** таким образом выполняет акцентирующую функцию. Постцедент в этом случае раскрывает содержание местоименного наречия, семантика неопределенности нейтрализуется, а единичность и конкретность сопоставляемых действий, отсутствие перечисления отдельных характеристик или актов не способствуют выражению обобщения.

По данным выборки, все три необходимых компонента: антецедент (квазиантецедент) – МН **по-дру-**

гому – постцедент, – в высказываниях реализуются достаточно редко. Как правило, опускается либо антецедент (квазиантецедент), либо постцедент, но они восстанавливаются благодаря семантике альтернативности, содержащейся в МН **по-другому**.

В высказываниях с пропуском квазиантецедента и наличием постцедента семантика МН **по-другому** позволяет восстановить опущенный элемент, ср.: (34) *Пошли, – повторил за Матвеем Петр, повторил **по-другому**, сурово...* (В. Пелевин. Музыка со столба); (35) *Он заговорил **по-другому**, участливо...* (В. Жаботинский. Пятеро). В качестве антецедента восстанавливается: в (34) – *повторил дружеским, доброжелательным тоном*, в (35) – *нечутко, равнодушно*. Антецедент может быть представлен указательным МН: (36) *И когда человек уходил куда-то в огород.../ то дверь/ э-э-э соответственно/ палочкой немножечко так припрут. Если уезжали куда-то далеко...э-э-э / то **по-другому** палочку вставляли / наискосок* (В долине у озера (Галич). Д\ф). Постцедент в (36) – *вставляли наискосок*, он не тождествен антецеденту, выражающемуся местоименным наречием *так*, вероятно, сопровождаемому жестом). В подобных высказываниях глагол, называющий однотипное, но другое действие, обычно опускается, но иногда в пояснительной конструкции используется другой глагол, называющий аналогичное действие (*припереть* – *вставить*). В обоих случаях можно говорить о референции конкретных действий (в единичной ситуации, послужившей базой для квантификации).

Иногда в высказывании присутствует антецедент, а постцедент восстанавливается как антоним к антецеденту: (37) *Извините, что некоротко, **по-другому** не вышло изъясниться* (Выбор коляски, 2022); (38) *Мы сразу должны говорить со зрителем честно. **По-другому** не имеем права* (Ворон и Ёжка. Почти серьезный канал о жизни Воронежа). В (37) восстанавливается постцедент *коротко*, в (38) – *нечестно*. МН **по-другому** сигнализирует о существовании постцедента, а семантика наречий, выполняющих функцию квазиантецедента, конкретизирует его по принципу 'от противоположного'. В высказывании называется конкретный способ совершения разных, но сходных действий, а в семантике слова **по-другому** актуализируется сема отличия от прежде названного. (Ср. аналогичный случай с местоимением *другой* у парных предметов: *другой берег*).

Во всех рассмотренных выше высказываниях сопоставляются две разные диктумные ситуации, а говорящий фиксирует их отличия. Однако слово **по-другому** может быть использовано при референции не к «миру действительности», а «к миру слов» (о двойной референции см. [28. С. 10]). Это происходит при его метатекстовом употреблении, близком вводному (о таком употреблении см., напр. [29], ср.: (39) *...китайский язык – вернее, один из основных его диалектов, **по-другому** называется «мандаринский»!* (Ю. Зубцов. Чем пахнет январь); (40) [№ 1, муж, политик] *Я думаю/ нужна ответственная политическая сила или даже **по-другому** можно сказать/ ...доминирующая* (Заседание клуба «Новые правые»).

В этом случае *по-другому* примыкает к глаголам речи, номинации. (Отметим, что глаголы речи далеко не всегда выполняют подобную функцию). В словаре В.В. Бурцевой в качестве отдельной статьи фиксируется: **По-другому сказать**, *вводн. сл.*, Иным способом, иначе. [18. С. 461].

Сопоставляемые номинации могут состоять из одного слова или из словосочетания: (41) *Мне дали катушку, – ответил старик. Я не понял. Он сказал по-другому: Червонец. Другой пассажир помолчал, спросил: Вы получили катушку через вышку? Это значило: десять лет взамен высшей меры* (А. Варламов. Пришвин или Гений жизни); (42) *Никольский монастырь был основан в конце XVI века в городе Малоярославце. Первые монахи жили на холме, покрытом густым лесом, поэтому и монастырь по-другому назывался Черноостровским* (Д. Дроздов. Большая Ордынка). Здесь изменение номинации изображено развернуто, с пояснением, с использованием соответствующего предиката. Существует и другое выражение, компрессивное, еще более приближающееся к вводной единице, когда из ситуации переименования явления остается только слово *по-другому*, выполняющее пояснительную функцию: (43) *Её продавали из-под полы по бросовой цене в полулитровых полиэтиленовых пакетах – «медузах», по-другому – «грелках», или «ацетоновках», или «капельницах»* (В. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе); (44) *Высокочастотный излучатель (по-другому – твитер, от англ. tweeter – свистун) расположен в них внутри рядом с основным большим диффузором* (В. Меркулов. Автомобиль – хороший звук).

Итак, слово *по-другому*, выступая как местоименное наречие, выражает противительно-разделительные отношения между двумя явлениями, выступающими как квазиантецедент и постцедент. Если постцедент вербализован в высказывании и описан как конкретное явление (или его можно восстановить благодаря квазиантецеденту), то референцию можно считать конкретной. Конкретность референции названных явлений, их лексическое наполнение, нейтрализует семантику неопределенности и обобщенности у МН *по-другому*, актуализируя, выделяя сложные отношения между соединяемыми различающимися феноменами. Если связь устанавливается не между явлениями действительности, а только между номинацией одного и того же тождественного объекта, то местоименные функции ослабевают, остается только связующая функция, служащая для выражения метатекстовых связей.

Заключение

Местоименные наречия находятся на периферии местоименности, у некоторых единиц этой сферы до сих пор наблюдаются колебания в соответствующей квалификации, в словарях отсутствует грамматическая помета *мест.-нареч.*, а сами единицы недостаточно изучены. К таким единицам относится МН *по-другому*, у которого отсутствует денотат, ему свойственна широкозначность, семантическая неполнота вне контекста, зависимость от точки отсчета.

Периферийное положение обусловило способность этого слова выполнять сразу несколько свойственных местоимениям функций: анафорическую, дейктическую и референциальную. Выбор референциальной функции в качестве основной для исследования обусловлен тем, что именно она позволяет охарактеризовать функционально-семантическое своеобразие местоименного наречия *по-другому*.

Полифункциональность анализируемого слова проявляется и в разнообразии его референциального поведения. *По-другому* участвует в выражении разных типов референции: неопределенной, обобщающей и конкретной. Сложность функционально-семантической природы единицы предопределяет значительную роль контекста и конситуации, а также механизмов инференции в актуализации того или иного смысла. Инференция проявляется в первую очередь в поиске точки отсчета – квазиантецедента (преобразуемого в антецедент), и при восстановлении других элементов конструкции, необходимых для понимания высказывания.

У МН *по-другому* при всем разнообразии варьирования сохраняются общие семантические элементы – сопоставление и альтернативность, а тот или иной вариант референциальной функции реализуется в зависимости от определенных средств контекста.

Основными критериями установления иерархии в референциальном потенциале МН *по-другому* являются: наличие / отсутствие постцедента, его обязательность / факультативность, распространенность, связь между ним, местоименным наречием и (квази)антецедентом.

Анализ функционирования высказываний с МН *по-другому* показал, что наименьшая зависимость от контекста проявляется при неопределенной референции, для которой достаточно отсутствия постцедента. Следующую ступень в системе референциальных функций этого слова занимает функция обобщения, требующая для своей реализации наличия в высказывании постцедента в виде синтаксического ряда или полипредикативной конструкции: предпосылки к обобщению заложены в наречной природе слова *по-другому*, которая способна объединять разнородные в семантическом и формальном аспектах явления. Функция конкретной референции обнаруживается в корпусе высказываний достаточно редко, она проявляется в случае взаимодействия триады: (квази)антецедент – МН *по-другому* – постцедент, причем последний должен быть единичным и конкретным. И, наконец, если МН *по-другому* выражает отношения не между пропозициями, а между разными номинациями одного явления, то такое употребление, близкое вводному, при тождестве референта актуализирует кореферентные отношения, осуществляет связи в мире слов.

Референциальные функции МН *по-другому* могут совмещаться и не всегда их можно четко разграничить, однако изучение особенностей их взаимодействия с определенными типами контекста дает возможность с большей точностью определять условия их реализации и на этой основе представлять потенциал слова.

Понятие референциального потенциала может использоваться при изучении других местоименных наречий, составляющих периферию местоимений.

Список источников

1. Бондарко А.В. Функции языковых единиц // Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики : На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 339–356.
2. Бондарко А.В. О понятии «функция» // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987. С. 17–23.
3. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 483 с.
4. Падучева Е.В. О трансформациях прономинализации: глубинные структуры предложений со словами один, другой // Институт русского языка. Предварительные публикации. Вып. 27. М., 1972. 22 с.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: (Референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985. 271 с.
6. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 5–13.
7. Лазарева В.А. Референциальный потенциал именных групп с неопределенным местоимением и именем собственным в болгарском языке // L Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года. Т. 3: Избранные работы. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2023. С. 150–165.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
9. Шелякин М.А. Местоимения // Лопатин В.В. и др. Современный русский язык: теоретический курс. Словообразование. Морфология. М. : Русский язык, 1989. С. 108–130.
10. Богуславская О.Ю., Муравьева И.А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 78–127.
11. Шувалова И.Е. Семантика русских местоимений. Курск : Изд-во Курск. гос.ун-та, 2007. 143 с.
12. Носкова В.Н., Матханова И.П. Функционирование местоимения другой и особенности его словарного представления // Вопросы лексикографии. 2021. № 22. С. 64–85. doi: 10.17223/22274200/22/4
13. Крылов С.А., Онипенко Н.К. Местоимение, местоименные слова // Русский язык: Энциклопедия / под ред. А.М. Молдована. М. : АСТ-ПРЕСС Школа, 2020. С. 340–344.
14. Комарова З.И., Шадрин Ю.Ю. Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 32–39.
15. Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
16. Дегальцева А.В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2021.
17. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1985. Т. 3. 750 с.
18. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М. : Рус. яз.–Медиа, 2005. 752 с.
19. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М. : Наука, 1988. 151 с.
20. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М. : Наука, 1982. С. 86–157.
21. Ольховиков Г.К. Референция к действиям как основание для референции к объектам // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 1 (125). С. 57–71.
22. Панова Г.И., Горшкова С.И. О типах объектов сравнения действия в наречно-компаративных высказываниях в русском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2001. Вып. 2. С. 59–62.
23. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 158–231.
24. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford : Clarendon Press, Oxford University Press, 1997. 431 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL984473M/Indefinite_pronouns (дата обращения: 27.02.2025).
25. Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. М. : ВИНТИ, 1984. Вып. 23. С. 124–154.
26. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 33–160.
27. Матханова И.П. Референция, инференция и описание семантики высказывания // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 136–144.
28. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 200 с.
29. Чжан Шо. Служебные единицы на базе слова «иначе», выражающие пояснительные отношения // PHILOLOGY. 2020. № 3 (27). С. 48–54.

References

1. Bondarko A.V. Funktsii yazykovykh yedinit // Bondarko A.V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki : Na materiale russkogo yazyka. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. S. 339–356.
2. Bondarko A.V. O ponyatii «funktsiya» // Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. L. : Nauka, 1987. S. 17–23.
3. Shmelev A.D. Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 483 s.
4. Paducheva YE.V. O transformatsiyakh pronominalizatsii: glubinn'ye struktury predlozheniy so slovami odin, drugoy // Institut russkogo yazyka. Predvaritel'n'ye publikatsii. Vyp. 27. M., 1972. 22 s.
5. Paducheva YE.V. Vyskazyvaniye i yego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: (Referentsial'n'ye aspekty semantiki mestoimeniy). M. : Nauka, 1985. 271 s.
6. Krylov S.A. O semantike mestoimennykh slov i vyrazheniy // Russkiye mestoimeniya: semantika i grammatika. Vladimir, 1989. S. 5–13.
7. Lazareva V.A. Referentsial'nyy potentsial imennykh grupp s neopredelennym mestoimeniyem i imenom sobstvennym v bolgarskom yazyke // L Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseyevny Verbitskoy Sankt-Peterburg, 15–23 marta 2022 goda. T. 3: Izbrann'ye raboty. SPb. : Izd-vo SPBGU, 2023. S. 150–165.
8. Peshkovskiy A.M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 544 s.
9. Shelyakin M.A. Mestoimeniya // Lopatin V.V. i dr. Sovremennyy russkiy yazyk: teoreticheskiy kurs. Slovoobrazovaniye. Morfologiya. M. : Russkiy yazyk, 1989. S. 108–130.
10. Boguslavskaya O.YU., Murav'yeva I.A. Mekhanizmy anaforicheskoy nominatsii // Modelirovaniye yazykovoy deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh. M., 1987. S. 78–127.
11. Shuvalova I.E. Semantika russkikh mestoimeniy. Kursk : Izd-vo Kursk. gos.un-ta, 2007. 143 s.
12. Noskova V.N., Matkhanova I.P. Funktsionirovaniye mestoimeniya drugoy i osobennosti yego slovarnogo predstavleniya // Voprosy leksikografii. 2021. № 22. S. 64–85. doi: 10.17223/22274200/22/4

13. Krylov S.A., Onipenko N.K. Mestoimeniye, mestoimennyye slova // Russkiy yazyk: Entsiklopediya / pod red. A.M. Moldovana. M. : AST-PRESS Shkola, 2020. S. 340–344.
14. Komarova Z.I., Shadrina YU.YU. Problemnoye pole mestoimennosti i mestoimeniy: istoriya i sovremennost' // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2010. № 1. S. 32–39.
15. Pankov F.I. Funktsional'no-kommunikativnaya grammatika russkogo narechiya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2009.
16. Degal'tseva A.V. Narechiya obraza deystviya v raznykh sferakh sovremennogo russkogo obshcheniya: strukturno-semanticheskaya tipologiya i rol' v organizatsii smysla predlozheniya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 2021.
17. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. M. : Rus. yaz., 1985. T. 3. 750 s.
18. Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka / sost. V.V. Burtseva. M. : Rus. yaz.–Media, 2005. 752 s.
19. Seliverstova O.N. Mestoimeniya v yazyke i rechi. M. : Nauka, 1988. 151 s.
20. Seliverstova O.N. Vtoroy variant klassifikatsionnoy setki i opisaniye nekotorykh predikativnykh tipov russkogo yazyka // Semanticheskiye tipy predikatov. M. : Nauka, 1982. S. 86–157.
21. Ol'khovikov G.K. Referentsiya k deystviyam kak osnovaniye dlya referentsii k ob'yektam // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennyye nauki. 2014. № 1 (125). S. 57–71.
22. Panova G.I., Gorshkova S.I. O tipakh ob'yektov sravneniya deystviya v narechno-komparativnykh vyskazyvaniyakh v russkom yazyke // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 2001. Vyp. 2. S. 59–62.
23. Kuz'mina S.M. Semantika i stilistika neopredelennykh mestoimeniy // Grammaticheskiye issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt. M., 1989. S. 158–231.
24. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford : Clarendon Press, Oxford University Press, 1997. 431 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL984473M/Indefinite_pronouns (data obrashcheniya: 27.02.2025).
25. Krylov S.A. Determinatsiya imeni v russkom yazyke: teoreticheskiye problemy // Semiotika i informatika. M. : VINITI, 1984. Vyp. 23. S. 124–154.
26. Apresyan YU.D. Osnovaniya sistemnoy leksikografii // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. S. 33–160.
27. Matkhanova I.P. Referentsiya, inferentsiya i opisaniye semantiki vyskazyvaniya // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2011. № 3. S. 136–144.
28. Kubryakova YE.S. Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova. M. : Nauka, 1981. 200 s.
29. Chzhan Sho. Sluzhebnyye yedinit'sy na baze slova «inachE», vyrazhayushchiye poyasnitel'nyye otnosheniya // PHILOLOGY. 2020. № 3 (27). S. 48–54.

Информация об авторе:

Матханова И.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: matkhanova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.P. Matkhanova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: matkhanova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.03.2025;
одобрена после рецензирования 22.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 19.03.2025;
approved after reviewing 22.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1.0
doi: 10.17223/15617793/516/6

Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья вторая

Екатерина Геннадьевна Падерина¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, kbogan@yandex.ru

Аннотация. Жесткая реакция современников на появление в январе 1847 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями», споры по поводу книги и обсуждение личных качеств писателя в 1846–1847 гг. до сих пор описывались схематично, не привлекая всех документальных данных. Предлагаемая статья продолжает обзор обойденной научным вниманием и сложной для комментирования разноголосицы предвзятых отзывов и мнений о книге. Анализ подробностей приводит к выводу, что иного эффекта столь сложная для восприятия книга произвести не могла.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», восприятие современников, субъективизм мнений, динамика оценок, Аксаковы, Сербеевы, Н.М. Языков, С.П. Шевырев, комментирование

Для цитирования: Падерина Е.Г. Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 51–57. doi: 10.17223/15617793/516/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/6

Problems of commenting on the perception of “Selected Passages from Correspondence with Friends” by contemporaries (1846–1847). Article II

E.G. Paderina¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, kbogan@yandex.ru

Abstract. It is well-known fact, that the publication of “Selected Passages from Correspondence with Friends” made a tremendous noise in the society, and Gogol was attacked by a wave of negative assessments and personal claims against him as an author and as a personality. Even Gogol's contemporaries tried to figure out the causes of the scandal that broke out – in 1847, and the questions of who is to blame for what happened and who is right in the polemic about the book, are still being raised by the commentators. The traditional estimative approach has led to a simplified and schematized view of the situation, which has not been sufficiently investigated yet. The full volume of documentary data on the reaction of contemporaries to “Selected Passages ...” has not been involved in the analysis, while it gives a different picture. An overview of the important and difficult to comment on details of the reader's situation in 1846–1847 is presented in two articles on the same topic. The first article analyzed the pre-print period of the discussion of Gogol's book and presented data on the variety of variety of hear-says, rumors, and preconceptions, sources of prejudice and factors that influenced the following acquaintance with the book. The second article reveals another quality of the “pandemonium” around the book, – the book, which raised urgent and painful questions of modernity. The heightened emotionality led to the fact that many contemporaries did not understand not only Gogol's statements, but were also prejudiced against each other's judgments about the book. The article pays special attention to the concept of “prejudice” and highlights the importance of distinguishing its modern and historical semantic content, its flowability in this case, when it comes to a specific genre of the book that expresses the most diverse aspects of Gogol's worldview and beliefs. The author of the article insists on the impossibility of a typological description of the reaction of the first readers and critics to the book. There were people of different generations, beliefs, literary preferences, people with different worldviews and attitudes towards God, faith, and the church both among those who rejected the book and its author, and among those who praised Gogol's statement. The confirming examples are analyzed in accordance with various content vectors of “Selected Passages from Correspondence with Friends” – Gogol's religious views and his attitude to the church, with literary and critical views, with his social and everyday understanding of the “field”, etc. Only a vivid personal experience unites almost all readers and critics: the book has become a stumbling stone and an event in their own lives for readers and for those who evaluated it according to rumors, and raised questions – to the author, to the life and to themselves.

Keywords: Gogol, “Selected Passages from Correspondence with Friends”, perception of contemporaries, subjectivity of opinions, dynamics of assessments, Aksakovs, Sverbeevs, N.M. Yazykov, S.P. Shevyrev, commenting

For citation: Paderina, E.G. (2025) Problems of commenting on the perception of "Selected Passages from Correspondence with Friends" by contemporaries (1846–1847). Article II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 51–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/6

Погружение в подробности бурного обсуждения современниками «Выбранных мест...» Гоголя позволяет признать имеющиеся описания схематичными и упрощенными, и взамен установившейся традиции оценивать мнения как верные или неверны предложить рассматривать разнообразные отзывы и суждения, различая два этапа – до выхода книги из печати и после прочтения опубликованной книги. Однако приближая нас к более объективному представлению о скандальной, по сути, ситуации 1846–1847 гг., такую установку непросто реализовать в комментарии к ней.

К рассмотренным в первой статье сложным конфигурациям фактов, отражающих разнообразные предубеждения допечатного периода рецепции, прибавим еще одну особенность. Речь идет о частичном наложении отрицательных и положительных мнений о непрочитанной, по сути, книге. К примеру – совпадение в предубеждении по поводу потери Гоголя «Переписки с друзьями» для искусства в суждениях А.О. Смирновой и Аксаковых (за исключением Ивана Сергеевича). 10 декабря 1846 г. Смирнова написала Плетневу по поводу протеста Аксаковых против печатания книги: «Что есть странности за Гоголем, знаем мы это и знали и они, но пока он их забавлял, все ему прощалось, а теперь пойдут опять глупые нападки. Что Гоголь для нас пропал в смысле чисто-изящном, это я предвидела давно; не менее того он останется высоким явлением в истории литературы нашего времени и обличителем эпохи своей» (здесь и далее курсив наш. – Е.П.) [1. С. 965–966]. Заметим, что по сути – она была согласна с тем самым мифом, который распространился загодя с легкой руки Никитенко, напугал Аксаковых, а по выходе книги стал притчей во языцех. Между тем мнение Смирновой сформировалось под влиянием иных факторов, нежели те, что мы разобрали в первой статье, и с этим еще только предстоит разобраться.

Важным условием объективного комментирования скандальных обстоятельств 1846 г. является внимание к тому факту, что не все, даже находящиеся в гуще поднявшегося в этом кругу шума и первых зашкаливающих эмоций по выходе книги, поддались общему настрою и восприняли ее как повод высказать и/или как-то выказать накопившееся недовольство Гоголем или тревоги о его писательской судьбе. Свербеева, в частности, хотя и написала Гоголю (20 января 1847 г.) о «грустном впечатлении» от книги (см.: [2. С. 524]), вовсе не была солидарна с мужем¹, да и с общим «гвалтом», так сказать. В упомянутом выше письме к Попову она писала, кроме прочего: «Это отвратительно – признаюсь Вам, не могу я хладнокровно все это выслушивать. Как жалки люди, как жадно ловят они всякую возможность осмеять, опорочить талант. Как гадко радуются возможности падения всякой знаменитости. Павлов от этого не вырастет ни на волос – что же за отвратительная суебность. Жалкие люди!» [4. С. 702]. А судя по ее письму к Попову от 22 марта того

же года, и он тоже сразу занял отличную от большинства позицию: «Как я рада, что мы с Вами одни в нем (Гоголе. – Е.П.) не обманулись, не сомневаясь. Все другие отчаялись и жестоко поступили с ним – совсем не по-дружески. Позвольте мне послать Ваше письмо к нему о его книге – оно его утешит – дайте его напечатать» [4. С. 701–702, примеч. 1]. В то же время именно Попов и непосредственно через Екатерину Александровну еще в начале августа 1846 г. запустил (невольно, судя по всему) в московские литературные и «дружеские» Гоголю круги первые тревожные слухи о готовящейся в Петербурге книге, бросив, фигурально выражаясь, тот снежок, что к декабрю стал большим снежным комом толков и пересудов и образовал общую, но разнообразную предвзятость ее восприятия по выходе.

Осложняет комментирование не только переизбыток подробностей, но и недостаток. О мнениях и суждениях некоторых современников нам известно с чужих слов, порой вызывающих сомнение в связи с возбуждением, охватившем «публику», «друзей» и «врагов» Гоголя, так что совсем непросто было спокойно и раздумчиво отнестись не только к «Переписке», но к мнениям о ней близких и далеких окружающих.

Начнем с изустных мнений. Так, в отличие от задокументированного внутрисемейного несогласия Аксаковых и Свербеевых, как будто отрицательное мнение Н.М. Языкова комментаторы до сих пор упоминают, опираясь на слухи. Источником является письмо Свербеевой Гоголю от 20 января 1847 г., в котором она пишет о только-только просмотренной книге и о тяжелой утрате – смерти в декабре Языкова, и сообщает: «“Языков последнее время жизни много думал о вас и сердечная тревога о вашем душевном состоянии не оставляла его. Не дожидаясь он до вашей книги, но преждевременно заботился о ней и боялся ее появления» [2. С. 524–525]. Заметим, что и в волнении обстоятельств Свербеева не приписывает Языкову – волею судеб не увидевшему книгу в глаза, знавшему о ней не более, чем она и остальные, – ничего более, чем тревожное ожидание. Но Шенрок придал этому сообщению статус свидетельства об отрицательном отношении поэта к «новому направлению» гоголевского творчества и его книге: «Вот новое доказательство, что близкие люди еще в 1843 г. стали что-то замечать в Гоголе. Любопытно также как ошибался Гоголь, надеясь на сочувствие его книге со стороны Языкова» [2. С. 524–525; примеч. 1]. Практически все гоголеведы, упоминавшие о мнении Языкова по поводу ожидаемой книги, следовали за Шенроком; на его вывод ссылаются и Л.Р. Ланский, комментируя публикуемые извлечения из писем Свербеевой по поводу «Выбранных мест...» [4. С. 686]. Между тем близость взглядов, известная по двусторонней переписке, искренняя благодарность Языкова Гоголю за его советы художника-христианина, высокая оценка гоголевской статьи об «Одиссее» свидетельствуют не в пользу версии Шенрока.

Сомнение вызывают и «свидетельства» Аксаковых о как будто негативном первоначальном (весной 1847 г.) отношении к книге Шевырева. 14 января отец писал Ивану Сергеевичу Аксакову: «Шевырев даже хочет напечатать беспощадный разбор его (Гоголя. — *Е.П.*) книги» [5. С. 166], а Ольга Семеновна вторила, разумеется: «Шевырев хочет отвечать печатно; он сильно раздражен» [4. С. 698; примеч. 2]. Однако старший Аксаков исходил из уверенности, «что вся Россия даст ему (Гоголю. — *Е.П.*) публичную оплеуху» [5. С. 167], и его долго не покидало ощущение естественной всеобщей солидарности в отрицании книги: «Мы все собираемся писать к Гоголю, более или менее в одинаковом смысле» [5. С. 166]. Еще осенью 1846 г., обращаясь к Плетневу с призывом не печатать «Переписку», Аксаков был уверен в солидарном мнении последнего и иного не предполагал. На сообщение Аксаковых опирался в этом вопросе даже Н.П. Барсуков, глубоко сочувственно воспринявший «Переписку с друзьями». Он считал, что от печатного выражения своего возмущения Шевырев «был удержан» письмом к нему Вяземского с мнением о книге, известным по статье («Языков и Гоголь»), вышедшей месяцем позже [6. С. 558]. Но Вяземский лишь 26 марта 1847 г. написал Шевыреву, который и до этого не только сознательно удерживался от преждевременных заявлений, но и предпринимал тщетные попытки развеять преждевременные тревоги московских друзей. Да и письма Шевырева к Гоголю как в период подготовки книги к печати осенью 1846 г., так и в период общего шума весной 1847 г. никаких признаков отрицательного отношения, не говоря о возмущении — не содержат, а его переписка с Плетневым весной 1847 г. свидетельствует о солидарном в целом отношении к «Выбранным местам...».

О специфическом восприятии мнений несогласных, порождавшем разные недоразумения, писала сестре в Петербург 7 марта В.С. Аксакова: «Попов, между прочим защищает несколько Гоголя, но здесь *на него все напали*. Хомяков, впрочем, тоже защищает, но *ему мало верят; всякий думает, что он шутит*» [4. С. 700]. Характерно также восприятие старшим Аксаковым мнения о «Переписке» митрополита московского Филарета (Дроздова): «Филарет сказал, что хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению. *Понятно, что ничего другого он сказать не может*» [5. С. 168]).

Не удивительно, что подобные недоразумения сопровождали и восприятие печатных рецензий, а также развернувшихся по их поводу в печати дискуссий. В частности, это относится к отзыву Белинского, открытым письмам Н.Ф. Павлова, статье Вяземского, и откликам на них.

Печатные отзывы требуют отдельного и подробного обсуждения. Скажем только несколько слов по поводу жанра. Совсем не все из известных откликов в печати можно квалифицировать как рецензии, т.е. высказывания компетентных наблюдателей о достоинствах и/или недостатках книги, о произведенном ей общим впечатлении и итоговой оценке. На это, как из-

вестно, сетовал и сам Гоголь в первых же строках <Авторской исповеди> [7; 8. С. 432–433]. Так, «письма» Павлова совсем не вписываются в нормы журнальной критики, в которой эпистолярный компонент если вводится, то относится к риторическому оформлению. Первое павловское письмо (оно появилось в «Московских ведомостях» 6 марта) — личное обращение к писателю со своими мыслям и рассуждениями на определенные темы — особенно живо и глубоко задевшие писавшего, в нем очевидна эмоционально-психологическая нагруженность формулировок и тезисов, а модальность вовсе не так однозначна, как показалось Аксаковым, В.П. Боткину, Белинскому и др., посчитавшим попытку вступить в диалог с Гоголем на совсем не простые темы — ловким и остроумным (или злым) приемом обличения (см., напр.: [4. С. 700–702]). Можно сказать, что Павлов на себе прочувствовал опыт Гоголя, часто непонимаемого «хвалителями» не меньше, чем «хулителями», и не зря Свербеева 22 марта отметила: «Павлов, своими громами вооруженный, для меня кажется очень сам напуган своим громким голосом и как будто стыдится, что заговорил или, лучше, выкрикнул так громко, а голосу-то и не хватит, мне кажется, у червячка. Пускай же и накажется за громадность своего предприятия. Хотел было поднять скалу на Гоголя, а скала рушится на нем, мне так это видится» [4. С. 702]. Не является буквально рецензией и статья Вяземского, опровергающая мифы и домыслы о содержании книги и защищающая право автора на выбор литературной формы. Напротив, Булгарин в «Северной Пчеле» от 11 января (№ 8) выдержал условия жанра, включая подробную поглавную презентацию книги, указание на пропущенные главы и т.п. свидетельства того, что «Переписка с друзьями» была им уже внимательно прочитана, не задев ничем. Такого спокойствия почти никому не удалось сохранить.

Номинальный обзор печатных отзывов без взвешенного предварительного анализа субъективных привходящих факторов, отразившихся в конкретных высказываниях в печати, слишком схематично представляет реальность 1847 г. и не позволяет в полной мере оценить и гоголевские отзывы об этом в личных письмах и в <Авторской исповеди>.

Требует рефлексии и понятийный фонд комментирования той давней ситуации, а именно определение «предвзятость». Кажется, что указание комментатора на предвзятое восприятие правдоподобно объясняет непонимание и неприятие современниками «Выбранных мест...». Но на деле это ничего не объясняет, поскольку историография вопроса показывает, что в течение долгого времени предвзятыми и предубежденными признавались мнения то «хвалителей», то «ругателей» (по выражению С.Т. Аксакова [5. С. 166–167]) позднего Гоголя и его книги. Напомним, в частности, ссылки комментаторов и интерпретаторов на привходящие «реакционные» взгляды Плетнева, Вяземского, на «реакционно-мистические настроения» Жуковского, Виельгорских, а с другой стороны — на предубеждения славянофилов или, напротив, западников и лично Белинского или Герцена.

Само слово «предвзятость», как и его частый путчик (в определенных контекстах синоним) – «предубеждение»², принято употреблять с негативными коннотациями. По изысканиям В.В. Виноградова, такая традиция сложилась именно в 1840–1850-е гг. [9. С. 534–536]. Но в середине 1840-х гг. еще требовалось уточнение: описывая в письмах к Гоголю реакцию публики, Шевырев, например, использовал выражение – «с предубеждением *против нее*» [10. С. 331], а Россет – «с чувством предубеждения *к хорошему*» [2. С. 546]. И если, говоря о предвзятости или предубеждении, учитывать исходное и буквальное значение того и другого слова, надо признать, что мы всего лишь указываем на наличие в опыте реципиента определенных взглядов и убеждений, причем, с двумя компонентами (не обязательно осознанными) – в отношении к субъекту высказывания и к содержанию высказанного.

А поскольку речь идет о восприятии такой книги, в которой в обнаженной форме читателю предъявлено авторское представление о мироустройстве, о современных проблемах человека и соотечественника, о себе и творчестве, о путях спасения каждого и России в целом и т.п., следует учесть, что вряд ли ее может воспринять с относительным пониманием и оценить критически (неважно, с плюсом или с минусом) – человек без сложившихся собственных убеждений (пусть даже иллюзорных и расплывчатых или ложных, подмененных успокоительными привычками, а тем более выношенных опытом жизни). А к этому мы уже прибавляем очевидное и гоголевским современникам понимание, что автор был слишком «извешен» всем, и, как в таких случаях бывает и было, у большинства было свое представление о нем, его поприще и правильном направлении развития. Строго говоря, многоаспектность авторского высказывания в «Переписке с друзьями», трудно постигаемая и воспринимаемая сразу, совершенно естественным образом побуждает к выбору той или иной, насущной для читателя и потому «взятой» пред тем точки отсчета – доминантной темы (или ряда тем) и проблематики. И это совсем не обязательно – обозначенные автором книги темы, как показывает гоголевский опыт.

Известные сейчас толки до выхода книги и разные печатные и изустные мнения, высказанным по ее выходе, демонстрируют столь большое разнообразие мотивов как в отрицательных, так и в положительных оценках, что оно не поддается ни краткому, ни простому описанию произошедшего с читателями «прекновения» о книгу при одновременном игнорировании большинством факта ее принадлежности к литературе как таковой. Между тем потребность в обобщении читательской разноголосицы и достижении высокой ясности в понимании причин той или иной реакции публики проявилась уже в современных выходах «Выбранных мест...» предварительных аналитических выводов. Свербеев, например, разные мнения выстроил по шкале доверия религиозному чувству и убеждению Гоголя [2. С. 541–542]; А.О. Россет в письме к Гоголю от 12 марта 1847 г. охарактеризовал сословную психологию чтения в 1840-е гг., неподготовленность большинства к восприятию гоголевского

опыта сложных душевных переживаний и духовных поисков, особо выделив по этой части разночинцев [2. С. 541–542]; Вяземский в статье «Языков и Гоголь» подчеркнул «озадаченность» читателей и критиков резкой для них переменой авторского образа и, как следствие, эмоциональное «оборонительное противодействие», а также неумение уважать противоположные своим взгляды на жизнь (результат привычки к критике «холодной, суетной, человечески гордой и потому человечески шаткой и ограниченной» [9. С. 176]); Н.Я. Прокопович, отвечая 28 апреля того года на запрос Гоголя о читательских мнениях, писал о небывалом разнообразии толков о книге и, выделив три «категории, имеющие, в свою очередь, различные подразделения», указал, что в одной из них (приписывающих издание Гоголем писем расчету) «встречается более всего подразделений» и строятся самые невероятные «догадки» [10. С. 124].

Как видим, современники искали причину отторжения в недостатке разного рода наличного опыта читателей – религиозного, духовного, душевного, литературного и эстетического в целом. Характерны и определения общей реакции на книгу – недоумение, озадаченность, ошеломленность. Ясно, что мера необычности на этот раз, действительно, превысила рецептивные возможности очень многих современников. Эта логика многое объясняет, во всяком случае – дает верное, на наш взгляд, направление поискам причин реального разнообразия мнений в отношении к книге с открыто выраженным мировоззрением, мироощущением и самосознанием автора. Очевидно, что вопрос – кто оказался подготовлен к восприятию необычной книги, а кто нет – не имеет простого ответа, поскольку и среди не принявших книгу и ее автора, и среди принявших были люди разных поколений, убеждений, литературных пристрастий, люди с разным мировоззрением и отношением к Богу, вере, церкви.

Например, опыт жизни, накопленный с возрастом, должен был бы, как кажется, если не проявиться в солидарности с постановкой насущных для современности вопросов, то уберечь старшее поколение читателей, хотя бы с литературным и эстетическим багажом или хотя бы друзей, от поспешных и жестких высказываний о книге или хотя бы о самом Гоголе. Но нет. И среди старших, и среди близких по возрасту, и среди более молодых были те, кто вступил в печатной, эпистолярной или изустной форме в тяжбу с Гоголем и не удержался от оскорблений и/или личных обид (один из широко известных примеров – размежевание в семье Аксаковых). Совершенно по-разному восприняли книгу близкие по возрасту (чуть более 40 лет) А.О. Ишимова, Павлов, Никитенко, Шевырев, В.В. Львов (последний написал Гоголю такой отзыв, который показался невежественным даже не принявшему «Выбранные места...» старику-Аксакову). К этому примыкает другое, подсказанное логикой, условие – опыт переживания душевного кризиса, но и он не обеспечил единодушия: Ишимова и Ап. Григорьев совершенно приняли книгу, а Ю.Ф. Самарин оказался в ряду тех читателей, которые восстали против назиданий или публичной «исповедальности», поскольку он (как и

многие – не утруждавшие, в отличие от него, свою душу глубокими переживаниями) посчитал ее «оскорбительной» за «отсутствием потребности сочувствия с публикой» [11. С. 190]³.

То же можно сказать и о религиозном опыте и разной степени воцерковленности первых читателей книги. И в этом случае в разнообразной читательской реакции на книгу вряд ли удастся обнаружить типологическую ясность: разная степень доверия (включая нулевую) Гоголю – его чувству Бога, слову о Нем, покайным признаниям и призывам к молитве – отразилась в отзывах и оценках и верующих, и неверующих мирян, и в оценках священнослужителей. При этом «невыносимую гордость» (Самарин), внушенную врагом рода человеческого (или «дьявольскую гордость», по С.Т. Аксакову), самообольщение или ханжество Гоголя обсуждали все, не принявшие книгу, но усматривали это в *разных проявлениях* автора. Упреки в болезненном и опасном мистицизме и/или в неправильном – подпорченном католицизмом или протестантизмом – православии тоже звучали, хотя и реже, с разных сторон и часто – от людей, не встававших вроде бы на путь сознательных поисков истинного христианства (Павлов, Белинский, к примеру). Так что в каждом практически случае недоверия слову и чувству Гоголя-христианина или, напротив, полного доверия и приятия встает вопрос о глубине и качестве собственного религиозного чувства читающего и о духовных поисках и запросах того или иного стихийного или опытного литературного критика «Выбранных мест...». Строго говоря, такая исследовательская установка и наблюдается – за пределами гоголеведения и за рамками обсуждаемой темы: в отношении ключевых или заметных фигур литературного процесса середины XIX в. (не говоря уже о многих последующих деятелях литературы, философов и богословов), давших оценку гоголевской книге, биографы и комментаторы новейшего времени рассматривают, по возможности, генезис и привходящие факторы занятой мыслителем позиции. Но таких фигур немного в общем объеме отозвавшихся современников, и немаловажно, какой в исследованиях о них предстает книга Гоголя.

В свое время В.А. Воропаев предложил следующее объяснение болезненного восприятия гоголевскими современниками «Выбранных мест...»: «Гоголь как бы нарушил законы жанра и в светском произведении заговорил о таких вопросах, которые исконно считались привилегией духовной прозы» [13. С. 42]. Это объяснение не охватывает всего разброса мнений в предметно-тематическом плане и ориентировано на восприятие только духовно-религиозного аспекта книги и соответствующего уровня ее жанровой оригинальности. Но в том, что этот ракурс (с проекцией на проповеднические жанры) стал для очень многих определяющим их ожидания, тревоги, а после – общую оценку, исследователь совершенно прав.

Это выразилось, однако, не только в разных претензиях к светскому автору «Переписки с друзьями», нарушившему границы допустимого в глазах читателей. Было как минимум двое, кому книга пришлось по душе и в этом, если не прежде всего в этом качестве. Плетнев писал Я.К. Гроту 27 ноября 1846 г.: «Гоголь –

трепетный жилец, вопиющий не о законах изящества, а о том, что благо, душеспасительно и неизбежно, да вопиющий не оратором, а как велел Христос поучать земнородных. Да, я чувствую, что с этой книги в Европе станут вести летоисчисление появления в мире русской литературы. До сих пор мы бродили около жизни, а он в нее врезался. <...> Тут до всего доходит речь, начиная с церкви до расходной по хозяйству книги. <...> Впрочем, тут все взято не свысока, а как оно есть перед глазами» [14. С. 860]. И с большей определенностью и непосредственностью именно о поднятых светским писателем вопросах духовного самоопределения писал родителям 18 января 1847 г. И.С. Аксаков (объясняя им свое, отличное от семейного, мнение и призывая взглянуть на автора книги непредвзято): «Забудьте, что это писал Гоголь, и признайте за каждым человеком вещать такое серьезное, опытом жизни запечатленное слово. Вы чувствуете, что Гоголь не лжет, не надувает вас, но истинно борется, возится и страждет, и искренно молится, и искренно умиляется при слове: молитва, Христос. Отчего же одному Филарету или Иннокентию можно писать проповеди, которыми всякий восхищается, но которым никто не верит, и никто не следует, потому что проповеди их – пустые слова, не приобретенные жизнью, не выстраданные, не выведенные как результат долгого душевного воспитания. Гоголь мне ближе. Он действует не ex officio, он в таком же был положении, как и я» [15. С. 344].

В положительном восприятии Плетневым и Иваном Аксаковым образа автора «Выбранных мест...» есть свои различия, но для нас важно совпадающее: положительная оценка жанра, а не личности с христианским мировоззрением. Можно сказать, что и 55-летний Плетнев, и 24-летний Аксаков отреагировали сообразно своему внутреннему запросу и предшествующим размышлениям в этом направлении, т.е. согласно предварительно сформированной позиции ожидания чего-то – не от Гоголя лично, а от литературы в целом. А можно назвать это определенной личной предвзятостью.

В этом плане показательно негативное мнение о книге Самарина. Дело в том, что исповедально-проповедническое начало в литературном высказывании светского писателя Самарин мог бы «непредвзято» оценить, опираясь на собственный опыт изучения проповеднического наследия Стефана Яворского и Феофана Прокоповича: тот и другой проповедник, по его выводу, «сближает», «приводит к согласию» догматическое и нравственное начало с опытом жизни, т.е. «действительное и идеальное, то, которое есть, и то, которое должно быть» [16. С. 20–22]. К тому же с 1844 г., когда состоялась защита его диссертации на эту тему и когда он обрадовался, что Гоголь «был ею доволен» [11. Т. 12. С. 146], Самарин был знаком с соответствующими настроениями и высказываниями Гоголя по письмам последнего к Смирновой, Языкову и Шевыреву, и никакого внутреннего отторжения не испытывал [11. Т. 12. С. 143], а к советам Гоголя о поиске и выборе собственного поприща отнесся с большим уважением, подчеркнув в письме к К. Аксакову (от 2 октября 1844 г.), что «он (Гоголь. – *Е.П.*) хорошо

знал, что нужно» [11. Т. 12. С. 147]. Напомним и об известном письме Самарина Гоголю (март 1846 г.) – «о чем душа болит», с исповедальным описанием своего нравственного пути, с размышлениями о христианстве («Одно религиозно нравственное мерило служит мне для проверки всякого моего поступка и всякой мысли» [11. Т. 12. С. 242]) и характеристикой «болезни» всего поколения («одностороннее развитие ума, погасившее чувство и подорвавшее волю: цельность нравственного бытия, согласие душевных сил и способностей нарушены во мне исключительным преобладанием быстро и уединенно развившейся мысли и усыплением других способностей» [11. Т. 12. С. 241]). «По логике мысли, казалось бы, – отметила еще в 1970 г. исследовательница самаринского наследия М.Т. Ефимова, – книга “Выбранные места из переписки с друзьями”, в которой для Гоголя важнее всего “дело души”, а “не литературная область”, должна бы больше всего отвечать исканиям самого Самарина. И он приступил к ее чтению благоговейно, “чтобы вписать каждое слово в душу”. Но книга не только не удовлетворила Самарина, но и оскорбила его» [12. С. 141].

Отчего собственно? По прочтении «Переписки с друзьями» Самарин писал в феврале 1847 г. К. Аксакову: «Не слышу я в нем (в Гоголе-авторе. – Е.П.) простой, безотчетной потребности поведать всем красоту святого, поделиться со всеми теплым чувством, ясною мыслью, ниспосланной Богом. Эта потребность – самое чистое и высокое побуждение художника; это – та же любовь в области искусства» [11. Т. 12. С. 190]. Ситуация парадоксальная: по какой-то причине доверие Самарина к Гоголю обернулось совершенным недоверием, а знание (не всем читателям доступное), что «Переписка с друзьями» не придумана, что это результат протяженного процесса и, по сути, «простой, безотчетной потребности поведать всем» своей опыт и что автор книги – тот же Гоголь, каким был, – обнулилось.

Чрезвычайно интересно, что о том же по смыслу, что и Самарин, но – с высокой и положительной оценкой авторской стратегии Гоголя писал отцу о «Выбранных местах...» Иван Аксаков: «Меня что радует? То, что он мирится и мирит искусство с религией, что он продолжает “Мертвые души”, что даже и здесь, с высоты чудного своего языка, прикасаясь к какому-нибудь предмету, он вдруг заговорит его языком, не брезгуя выражениями. Это меня радует. И какой высокий, чудный образ художника предстает перед глазами!» [15. С. 344]. Более того – именно такими словами, какими Самарин описал недостающее (недостигнутое) в книге, мы могли бы воспользоваться, чтобы охарактеризовать одну из авторских интенций Гоголя, как они сформулированы последним в «Авторской исповеди». Ждет своей трактовки еще одна неожиданная параллель к суждениям Самарина. В упомянутом письме к К. Аксакову он писал об оскорбительности для публики гоголевского «*публичного* покаяния» и «*публичной* исповеди» [11. Т. 12. С. 190]. А вот что писал в своем личном письме публицистического содержания Белинский, глубоко задетый за *живое*: «И при этом Вы позволили себе цинически грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о самом себе – это уже гадко, потому что если человек,

бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненной боязнью смерти, черта и ада веет от Вашей книги» [17. Т. 10. С. 218]. Мнение – по внешним признакам солидарное с самаринским, но исходящее совершенно из другой, судя по всему, внутренней установки. Отметим, кстати, что январской рецензии Белинский пенял Гоголю не за исповедальность, а за учительство и идеализм.

Существенно меньшее количество суждений и оценок вызвали этико-социальные идеи Гоголя и его «домострой» (по выражению А. Терца), и еще меньше – его литературно-критические и эстетические воззрения. Но и в этих вопросах читательские оценки и мнения отличались не только разнообразием, но и менялись в течение рассматриваемой ситуации 1846–1847 гг. (например, положительное мнение С. Аксакова о вышедшей летом 1846 г. статье «Об Одиссее» сменилось к декабрю отрицательным).

Итак, книга стала камнем преткновения (по точному выражению Свербеева) и, соответственно, событием собственной жизни почти для каждого, кто отождествлялся с ней, оценивая ее по слухам, фрагментарному ознакомлению, по результатам внимательного чтения и/или дополнительного обдумывания, и возбудила вопросы (по наблюдению Шевырева) – к автору, к жизни и к себе. И можно сказать, что каждый «преткнулся» о свое и по-своему – в ней и по ее поводу, почти все были задеты за *живое*. И факт вызванного «Выбранными местами...» живого переживания (будь это слезы умиления, гнев или что другое) той или иной проблематики современной жизни и литературы и/или собственной жизни был замечен самим Гоголем. Еще 15 апреля н. ст. 1847 г. он писал А.О. Россету, объясняя, зачем ему нужно «знать толки всех людей»: «Собственно не ради книги моей, но ради того, что в суждении о ней высказывается сам человек, произносящий суждение. Мне вдруг видится в этих суждениях, что такое он сам, на какой степени своего душевного образования или состояния стоит, как проста, добра или как невежественна или как развращена его природа. Книга моя в некотором отношении пробный оселок, и поверьте, что ни на какой другой книге вы не пощупали бы в нынешнее время так удовлетворительно, что такое нынешний русский человек, как на этой» [7. Т. 13. С. 279]. А в начале «Авторской исповеди» он писал, что «не было двух человек, совершенно сходных между собою в мыслях, когда только доходило дело до разбора книги по частям, что весьма справедливо дало заметить некоторым, что в суждениях своих о моей книге всякий выражал более самого себя, чем меня и мою книгу» [7. Т. 8. С. 434].

Справедливость гоголевских оценок читательского шума вокруг и по поводу книги совершенно подтверждается изучением обширного корпуса только обнародованных документальных данных, хотя до сих пор сомнения в этом встречаются в гоголеведении. Тем большую актуальность получает подробный, не подгоняющий многообразие фактов той или иной типологической схеме.

Примечания

¹ Это известно из дневниковой записи Е.И. Поповой за 20 января 1847 г.: «Она (Свербеева. – Е.П.) прочла мне свое письмо к Гоголю; оно писано от любящей и верующей души, и потому прекрасно. <...> Дмитрий Николаевич <Свербеев> читал также мне два свои произведения: письмо к С.Т. Аксакову о Гоголе и письмо к дворянскому предводителю <...>. Слог и того и другого письма совершенно русской и потому приятен русскому уху, но письмо против Гоголя невыносимо: Катерина Александровна сказала, что оно ей не нравится, и мне также не понравилось. Я угадала ее чувства и вполне согласна с нею» [3. С. 13–14].

² Ср.: «Предвзятый» означает: «основанный на предубеждении, сложившийся заранее, до ознакомления с сущностью чего-нибудь, являющийся плодом какого-нибудь предрасположения» [3. С. 535].

³ Сопоставление мнений о «Переписке с друзьями» Самарина и Ап. Григорьева как молодых людей, переживающих «глубокий душевный кризис» см.: [12. С. 142–143].

Список источников

1. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым : в 3 т. СПб. : Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.
2. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 4. 978 с.
3. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852. СПб. : Огни. 1911. 284 с.
4. Литературное наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Наука, 1952. 1060 с.
5. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 302 с. (Серия «Литературные Памятники»)
6. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина : в 22 т. М. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 8. 629 с.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. <Б.м.> Изд-во АН СССР, 1937–1952.
8. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М. : ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.
9. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М. : Искусство, 1984. 463 с.
10. Переписка Н.В. Гоголя : в 2 т. М. : Худож. лит., 1988. Т. 1. 479 с.
11. Самарин Ю.Ф. Сочинения : в 12 т. М. : Д. Самарин, 1877–1911.
12. Ефимова М.Т. Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1970. С. 135–147.
13. Воропаев В.А. Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в свете Православия. М. : Московский рабочий, 1994. 159 с.
14. <Плетнев П.А.> Сочинения и переписка П.А. Плетнева : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1885. Т. 3. 746 с.
15. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 гг. М. : Наука, 1988. 724 с. (Серия «Литературные Памятники»)
16. Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М. : В Универ. тип., 1844. 230 с.
17. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959.

References

1. *Perepiska Ia.K. Grota s P.A. Pletnevym: v 3 t.* (1896) [Correspondence of J.K. Groth with P.A. Pletnev: in 3 volumes.], vol. 2. St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia. 968 p.
2. Shenrok, V.I. (1897) *Materialy dlia biografii Gogolia* [Materials for Gogol's biography], vol. 4. Moscow: Tipografiia A.I. Mamontova. 978 p.
3. *Dnevnik Elizavety Ivanovny Popovoi. 1847–1852* (1911) [The diary of Elizaveta Ivanovna Popova. 1847–1852]. St. Petersburg: Ognii. 284 p.
4. *Literaturnoe nasledstvo* (1952) [Literary heritage], vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol'. Moscow: Nauka. 1060 p.
5. Aksakov, S.T. (1960) *Istoriia moego znakovstva s Gogolem* [The story of my acquaintance with Gogol]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 302 p. ("Literary Monuments" Series)
6. Barsukov, N.P. (1894) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina: v 22 tomakh* [The life and works of M.P. Pogodin: in 22 volumes], vol. 8. Moscow: Tipografiia M.M. Stasiulevicha. 629 p.
7. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete works: in 14 volumes]. Izd-vo AN SSSR.
8. Vinogradov, V.V. (1999) *Istoriia slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi sviazannykh* [The history of words: about 1500 words and expressions and more than 5000 words related to them]. Moscow, IRIA RAS. 1138 p.
9. Viazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaia kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo. 463 p.
10. *Perepiska N.V. Gogolia: v 2 tomakh* (1988) [Correspondence of N.V. Gogol: in 2 volumes], vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 479 p.
11. Samarina, Iu.F. (1877–1911) *Sochineniia: v 12 tomakh* [Works: in 12 volumes]. Moscow: D. Samarina.
12. Efimova, M.T. (1970) Iu. Samarina o Gogole [Yu. Samarina about Gogol] In: *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Pskov: LGPI im. A.I. Gertsena. pp. 135–147.
13. Voropaev, V.A. (1994) *Dukhom skhimnik sokrushennyi... Zhizn' i tvorchestvo N.V. Gogolia v svete Pravoslaviia* [The Broken Spirit of the Schemer ... the life and work of N.V. Gogol in the light of orthodoxy]. Moscow: Moskovskii rabochii. 159 p.
14. <Pletnev, P.A.> (1885) *Sochineniia i perepiska P.A. Pletneva: v 3 tomakh* [Works and correspondence of P.A. Pletnev: in 3 volumes], vol. 3. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk. 746 p.
15. Aksakov, I.S. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849 gg.* [Letters to relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka. 724 p. ("Literary Monuments" Series)
16. Samarina, Iu.F. (1844) *Stefan Iavorskii i Feofan Prokopovich kak propovedniki* [Stefan Yavorsky and Feofan Prokopovich as preachers]. Moscow: Universitetskaya tipografiia. 230 p.
17. Belinskii, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Информация об авторе:

Падерина Е.Г. – д-р. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: kbogan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Paderina, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kbogan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025;
одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 28.02.2025;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 31.07.2025.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 140.8. + 141.152
doi: 10.17223/15617793/516/7

«Цифровая физика» как модус механицизма

Светлана Викторовна Оболкина¹

¹ Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, b12007@il.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению механицизма в Новое время и его реактивации в качестве «цифровой физики». В эпоху Возрождения «дискурс фортуны» ставит ключевой вопрос отношения к реальности, а «дискурс машины» в эпоху Нового времени выступает одним из ответов на него; в современной науке это спор «дискурса хаоса» (сторонники теории хаоса) и «дискурса машины Тьюринга» (сторонники «теории математической Вселенной»). Обосновано, что повторяющийся паттерн научных решений связан с решением одной и той же мировоззренческой дилеммы о роли случая. Ключевым онтологическим условием выступает наличие ситуационной (конъюнктурной) оптики или отказ от нее.

Ключевые слова: наука, научный дискурс, механицизм, фортуна, «мир-машина», цифровая физика, теория математической вселенной, теория хаоса, случай, ситуация

Для цитирования: Оболкина С.В. «Цифровая физика» как модус механицизма // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 58–66. doi: 10.17223/15617793/516/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/7

“Digital physics” as a modus of mechanism

S. V. Obolkin¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation, b12007@il.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of mechanism in Modern times and the "repetition" of mechanistic ontology in modern digital physics. The first paragraph is devoted to substantiating the methodological position. The emphasis is on the historical rather than the constructivist approach, attention is paid to the analysis of discourse and those conceptual metaphors that act as markers of existential solutions. The key conceptual metaphors are "the power of Fortune" and "the clockwork world" as one of the modes of the machina mundi metaphor. The second paragraph demonstrates the serious role of the controversy about the nature of chance in the development of a new approach to the study of nature. It is shown that the "discourse of fortune" poses a key question about the relationship to reality, and the "discourse of the machine" acts as one of the answers to it. It is proved that situational (conjunctural) optics acts as a basis for turning the phenomenon of randomness into an ontological component. Whereas a change in this optics is a prerequisite for the formation of the ontological positions of mechanism. The third paragraph shows that this arrangement of discourses is reproduced in modern physics, although the scientific and theoretical context has changed significantly. The dispute between the 'chaos discourse' (proponents of chaos theory) and the 'Turing machine discourse' (proponents of 'digital physics' and 'mathematical theory of the universe') is analyzed. The special role of G.V. Leibniz's mechanistic approach and his reception of binary calculus in the formation of the "digital mechanics" of the modern era is shown. The author shows that the renewed debate about the nature of randomness acts as a "fork" in which a certain sector of scientific thought is moving towards "digital mechanics." The author analyzes the renewal of the main ontological positions of mechanics: the principle of reductionism, Laplace determinism, absolute space and time, the principle of proximity, as well as the activist position of science in relation to the "construction of reality." The question is raised about the role of the multidimensional concept in updating the mechanistic ontology. In conclusion, based on the results obtained, the author suggests that the conceptual resources of chaos theory can help to understand the reasons for the repetition of this pattern in the development of scientific ideas and overcome its coercive force.

Keywords: science, scientific discourse, mechanism, fortune, 'world-machine', digital physics, mathematical universe theory, chaos theory, chance, situation

For citation: Obolkin, S. V. (2025) "Digital physics" as a modus of mechanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 58–66. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/7

Исторические исследования много сделали для появления картины непрерывной и последовательной эволюции научного знания. Но довольно быстро стало понятно, что эта картина – идеализированное изображение. Как отмечал Л. Флек, «адекватное описание истории какой-либо области знания – вещь исключительно трудная, если вообще возможная. В это описание должны войти многие сталкивающиеся между собой и взаимопроникающие течения мысли. <...> Это подобно тому, как если бы мы описывали естественный ход оживленной беседы многих участников. Все они говорят одновременно, беспорядочно, и все же в беседе вырисовывается некая общая мысль» [1. С. 64]. Историческая эпистемология чутко уловила эту «жажду реального» в отношении истории науки, сделав ставку на принципы неклассического историзма: «Его радикальность определяется, помимо всего, тем, что примат истории принимается безусловно, вне зависимости от возможности уложить исторические факты в некоторую логическую, ценностную, рациональную последовательность» [2. С. 10]. Поэтому сегодня можно увидеть, что линия развития науки – это отнюдь не прямолинейные паттерны. Один из таких «узоров» демонстрирует становление нововременной науки, и он же повторяется сегодня: научное сообщество дает хорошо знакомый ответ, но в новых декорациях. Причем, как мы покажем далее, все «закручивается» вокруг одной и той же темы.

Методологические ресурсы исторической эпистемологии позволяют говорить о конкуренции как о столь же (если не более) значимом ресурсе развития науки, нежели опора на «плечи предшественников». Это не просто конкуренция конкретных теорий, но, в первую очередь, когнитивных стилей. В Предисловии к указанному сочинению Флека В.Н. Порус отмечает важность «таких понятий, в которых получил бы выражение тот механизм, при помощи которого социальный контекст науки преломляется в когнитивных процессах и наполняет их определенным содержанием» [1. С. 20]; это в первую очередь «стиль мышления» (Denkstil) и «мыслительный коллектив» (Denkkollektiv). Что требует внимательного исследования коммуникативного измерения научного знания.

Научным спорам предшествует согласие в отношении экзистенциальных и эстетических доминант, «упакованных» в знаковые риторические конструкции. «Риторическое влияние индуцирует эмоциональное поле, через которое осуществляется “заражение” партнеров по диалогу определенными аргументами, склоняющими к принятию нормы, символизирующей общее решение» [3. С. 21]. Когнитивный стиль выстраивается в том числе как согласие и конкуренция концептуальных метафор. Они выступают своего рода «лозунгом» – изначально определенного эпистемологического сообщества, и, если оно оказывается победителем в перманентной битве мировосприятий, то и «лозунгом» эпохи. Далее мы рассмотрим конкуренцию и связь концептуальных метафор «власть фортуны» и «мир-машина» и, соответственно, диспозицию «дискурса фортуны» и «дискурса машины». Нас будет интересовать не столько кратологический ресурс дис-

курс-анализа, сколько его когнитивно-коммуникативный аспект – в русле ставшей уже классической стратегии отечественных исследователей: «Дискурсом, я думаю, уместнее всего называть любую интеллектуально-речевую деятельность, появляющуюся как ответ на вопрос, как решение задачи или проблемы» [4. С. 74]. Диспозиция обозначенных дискурсов может быть понята как история и даже драма поиска ответа на вопрос о роли случая в общей картине реальности.

«Дискурс фортуны»

Для Возрождения – эпохи искателей новых возможностей – особую роль играли проблемы случая, хаоса, непредсказуемости. Среди античных персонификаций этих онтологических позиций выделяется Фортуна. Ее благосклонность стоит очень дорого – и в смысле ценности приобретаемого, и в смысле цены, которую приходится человеку за встречу с этой силой. Именно фортуна¹ стала центральной эвдемонической мифологемой и мировоззренческой дилеммой Возрождения. Для Л.Б. Альберти, к примеру, лик фортуны злой и коварный. Поэтому он советует выбирать занятия, в которых фортуне не дано никакой власти, и сокращается по поводу того, что практически все дела «<...> подвержены множеству ударов фортуны: то ты лишаешься отца, то тебя преследуют завистливые, жестокие, бесчеловечные родственники; то на тебя обрушивается бедность, то с тобой случается какое-нибудь несчастье» [5. С. 136–137]. Иное видение фортуны может быть проиллюстрировано подходом У. Шекспира: он использует слово «fortune» в значении «успех», «удача» «богатство» [6. С. 88–89]. Вполне закономерно, что для основателя ренессансного зодчества случай – это категория, противоположная принципам ордера и спокойной ритмики впечатления, а для драматурга, наоборот, источник вдохновения; это вопрос предпочтений. Более концептуальной выступает позиция Н. Макиавелли, который предложил свое видение успеха в условиях фундаментальности случая.

О.А. Матвейчев показывает, что понимание идеального государя в концепции Макиавелли «заряжено» интенциями неопределенности: «...идеальный государь не обладает определенной природой, он неопределенность, могущая определиться во что угодно и вновь вернуться в саму себя» [7. С. 28]. Поэтому и Цезарь Борджиа не является для Макиавелли идеальным примером, поскольку «он оказался бессильным против более могущественной и всеопределяющей (в том числе и в политике) силы – судьбы» [7. С. 28–29].

Макиавелли говорит о важности подражания природе: «<...> мы подражаем переменчивой природе, а тот, кто подражает природе, не достоин осуждения <...>» (цит. по: [8. С. 223–224]). Исследователи подчеркивают выбор слова для смысла «переменчивый»: *varia*. Латинское *varius* означает невозможность отнести тот или иной предмет в рубрику устойчивой классификации². Если природа *varia*, то у нас нет возможности классифицировать реальность в терминах идеальных прототипов, мы ориентированы на восприятие

уникального. А потому способность быть alertным является, по Макиавелли, высшей доблестью: «virtu».

Средневековая традиция сближения римского «virtus» с греческим «αρετή» сопровождалась абстракцией исходного смысла: «αρετή» как и «virtus» («собраторность», «годность») – это в первую очередь особая добродетель *воина*: он сражается с реальностью за возможность управлять ситуацией. Эту специфику понимания можно почувствовать в действиях Юлия Цезаря, который не считал нужным наказывать своих соратников за воровство, объясняя это тем, что они «обладают великим виртусом» [9. Р. 8]; виртус может противостоять принципу добродетельности как таковой. И для Макиавелли virtu – это всегда агон с фортуной, стратегия которого связана с умением обращать обстоятельства в свою пользу. Это не юношеская дерзость, но и не мужество терпеливой к невзгодам старости; это доблесть зрелого мужа, и она соответствует *устройству самой природы* (varia).

Однако, если мы всмотримся, то помимо характеристики «переменчивости» такое понимание природы содержит базовое онтологическое условие, которое сам Макиавелли не озвучивает. Его приоткрывает, например, Л. Альтюссер в анализе философии Макиавелли. Речь о принципе «конъюнктурности». Позднелатинское conjuncture этимологически отсылает к соединению, к связанности каких-то элементов в текущем моменте. У Альтюссера «конъюнктура» в онтологическом смысле заменила понятие структуры «<...> как временное закрепление определенных элементов, столкнувшихся друг с другом в процессе распада предыдущей системы» [10. С. 79]. Если мыслить реальность в категориях случайности, нам требуется и «конъюнктурная» оптика. Как показывает К. Мейясу в работе, посвященной «Броску костей» С. Малларме, «случай» и означает мгновение, фиксирующее «конъюнкцию». Капитан у Малларме заносит руку для броска костей, и «этот бросок должен иметь результатом саму сущность Случая, а не выступать в качестве одного из его эффектов» [11. С. 39]. Кости брошены, образуя конstellляцию; это «Число, не способное стать другим» (оно же – созвездие Большая медведица). Архитектоника подлинного Случая – это некая *ситуативная собранность*.

Философия ситуативности – один из актуальных трендов современной мысли, которому, к сожалению, мы не можем уделить здесь достаточного внимания. Отметим лишь значимость постфрегевской семантики, которая стремится оперировать категориями события и ситуации, а не предметов и понятий. Методологический эвентизм представлен в исследованиях case studies: метод кейсов предполагает оптику ситуации и конкретного случая. Также ситуационный подход в отечественной философии реализует, например, казанская школа [12], пытающаяся вдохнуть новую жизнь в системную методологию на основе внимания к категории ситуативности. И т.д. При всей важности этих исследований они выступают лишь приближениями к онтологическим интуициям, в свое время фундировавшим «дискурс фортуны». А именно: во «власти фортуны»

всегда определенная локальная и, как правило, случайная конstellляция событий и вещей, и, соответственно, реальность представляет собой совокупность «капсул» ситуаций.

Ситуативность – это онтологический инструментальный ренессансных мыслителей, который отличается как от картины четко структурированного иерархического замкнутого Космоса Античности и Средних веков (одна вечная «капсула» реальности), так и от космоса Нового времени как евклидовой геометрической протяженности – «вместилища» однородной среды минимальных структурных единиц.

Когда ренессансный человек рассуждает о шторме как о случае, он делает онтологическое допущение о «капсуле» *ситуации*. Это и есть основание рассуждений о злой или благосклонной фортуне: измерение фортуны касается конкретных участников конкретной конstellляции событий и конкретной конъюнктуры. Шторм как хороший случай для победителей морского сражения; шторм как плохой случай для торговой экспедиции и т.п. Современный человек же может уверенно сказать, что шторм случаем не является; все аксиологические интерпретации – просто субъективные домыслы «поверх» происходящих процессов детерминированного характера. Но это вполне тривиальное для нас понимание есть *открытие или даже изобретение*: «<...> в эпоху Возрождения была “открыта” та природа, к которой обратились новаторы XVII века» [13. С. 29–30]. «Открыть природу» – это «не натолкнуться на нее, но означает изменение способа видеть» [13. С. 35]. Это *изобретение новых условий понятности опыта, то есть онтологической матрицы*. А именно: отказ от ситуативной оптики в пользу образа природы как однородной нейтральной среды.

Всякое изобретение отвечает на существующую потребность. И вряд ли стоит в первую очередь говорить о потребности научного знания. Наука делается людьми со своими экзистенциальными потребностями. Макиавеллианские уроки плюропотентного существования оказались «проигравшей стороной» («похоронив» заодно на долгое время и репутацию самого мыслителя). Победил образ реальности, в которой непредсказуемость невозможна в принципе; а значит у фортуны нет власти. Нет власти и у риторической фигуры «власть фортуны»: она уступила первенство модусу древнего выражения «machina mundi», особым образом актуализированного одним из дискурсов Нового времени. Этот дискурс мы условно обозначили как «дискурс машины».

«Дискурс машины»

Если мы вспомним исторические условия жизни европейцев эпохи раннего Нового времени, то придется согласиться: у людей были все основания считать фортуна злой силой. В 30-х гг. XVII в. Р. Бертон создает фундаментальный труд «Анатомия меланхолии», в котором отмечает: «Что ни день, я слышу новые вести – обычные слухи о войне, бедствиях, пожарах, наводнениях, грабежах, убийствах, резне, метеоро-

рах, кометах, привидениях, чудесах, призраках, захваченных селеньях или осажденных городах <...> Смешение бесчисленных клятв, ультиматумов, помилований, указов, прошений, тяжб, ходатайств, законов, воззваний, жалоб, обид – мы слышим об этом каждый Божий день» [14. С. 78]. Переводчик и автор вводной статьи А.Г. Ингер отмечает: «Бертон пишет свою книгу главным образом для того, чтобы удерживать каждого отдельного человека от беспросветного уныния, не дать ему сойти с ума» [14. С. 35]. Для нас, сегодняшних, довольно привычно смотреть на мировоззрение механицизма несколько свысока. Но важно увидеть в этом мировосприятии сопротивление. В первую очередь собственному страху.

Стоит отметить, что и современники довольно легко опознавали в трудах механицистов действие страха. В частности, кембриджский платоник Р. Кедворт считает: «то, что Гоббс и ему подобные называют «законами природы», является лишь «законами их собственной робости» [15. Р. 22]. Гоббс же использовал подобные упреки концептуально. Он отнюдь не скрывал огромного значения страха в своей жизни, называя страх своим братом-близнецом (поскольку был рожден преждевременно, когда его мать испугалась приближения Испанской Армады). К. Гинзбург показывает, что на протяжении всего творчества страх был фундаментальным понятием Гоббса [16]. То есть мыслители по-разному отвечали на экзистенциальные вызовы своего времени и, что характерно, в зависимости от этого не одинаково относились к топосу механических часов: «<...> на континенте часы в целом воспринимались скорее позитивно <...> В Англии же они, как правило, напоминали о мрачных истинах, о трагической реальности, которую нужно принять, но которую невозможно полюбить» [17. С. 256]. Это разное изображение позиций показывает, что механицисты боролись и выиграла, а не просто «возникли».

Мыслители круга Т. Гоббса и Р. Бойля наверняка знали о коннотациях «mechanick» в собственной культуре, но, тем не менее они сознательно акцентировали метафору «мир – часы». Выстраивание образа контролируемой, законосообразной реальности, так похожей на часы кафедрального собора в Страсбурге (или других крупных городов) выступало противоядием против страха. А поскольку «судьба вмешивается в сам принцип технологизма, в жесткую детерминацию целей и средств» [7. С. 31], предлагалось отказаться от принципа судьбы/фортуны/случая как онтологического конституента. Концептуальная метафора «власть фортуны» постепенно становится ветхим художественным образом, а категория случая «одомашнивается» – это характеристика, которую дает Б. Мандельбро появившейся в Новое время теории вероятностей.

«Случай – нечто единое, способное проявляться в разных формах, столь же отличных друг от друга, как газ от твердого тела» [18. С. 79–80]. Мандельбро показывает, что физики достаточно легко «приручили» случай, поскольку отбирали наиболее удобные массовидные объекты и не особенно обращали внимание на то, что другие объекты – в первую очередь в области метеорологии и финансах – «сопротивлялись» полученным выводам [18. С. 75]. «Нормальное распределение»

на долгое время стали единственной оптикой, которую использовали для работы с хаосом, и «физики решили, что подчинили его себе» [18. С. 82–83]. Теория вероятностей, ни в коей мере не являясь заблуждением или обманом, тем не менее, радикально поменяла оптику внимания к случайности, придав ей одно и только одно выражение, далекое от «лика фортуны».

В контексте разговора о становлении науки Нового времени как изобретении новых условий реальности важно отметить роль Г.В. Лейбница. Она нетривиальна и фундаментальна. Лейбниц выступал против поверхностных аллюзий образа машины, которым располагало его время. Известны и его споры с физикой Ньютона. Но Лейбниц предложил такой модус механицистического взгляда на реальность, который сделал механицизм «бессмертным» (как минимум на сегодняшний день).

В письмах Лейбниц говорит о том, насколько рано он познакомился с новым взглядом на мир и принял его: «Наконец верх одержало механистическое направление, и я занялся математическими науками» [19. С. 530–531]. Уточняет он и свою основную цель: «<...> я, может быть, дал бы общий метод изложения идей (*une manière de Spécieuse Générale*), в коем все истины разума были бы сведены к некоему математическому выражению» [19. С. 529]. Лейбниц разрабатывает проект универсального исчисления (в русле реализации мыслительных операций по типу дерева Порфирия), который так и не получил завершения. Но до конца жизни Лейбниц развивает идею двоичного исчисления.

Философ аргументирует важность этой системы удобством, хотя в его доводах ощутимы мировоззренческие мотивы: «<...> при сведении чисел к простейшим принципам, таким как 0 и 1, всюду обнаруживается удивительный порядок <...> господствуют периоды, которые постоянно возобновляются» [20. С. 210]. Двоичная система близка философу связью с метафизикой Творения: «Она (энергия, действие – перев.) есть также возникновение вещей из Бога и ничто <...> Я пояснил эти предметы (*ista* по *nihil*) образованием чисел с помощью 0 и 1, обнаруженным мною, которое является прекраснейшим изображением непрерывного творения вещей из ничего и зависимости его от Бога» [20. С. 219]. Лейбница привлекает то, как в древней китайской традиции И-цзин («Книга перемен») из двух элементов, которые можно сопоставить единице и нулю, выстраивается 64 комбинации, касающиеся любого аспекта мироздания: «Это счисление обеспечивает самый простой способ производить перемены, поскольку имеется только два компонента» [20. С. 316]. При этом он не замечает (или не отмечает), что сходство его понимания двоичного исчисления и «И-цзин» – только внешнее, поскольку не затрагивает ключевого момента: китайская система – это *гадание*. Она не выстраивает из «0» и «1» саму реальность и не показывает, как это могло бы происходить. Человек доверяет случаю (констелляции бросков палочек тысячелестника, к примеру, или монет) проявить скрытый план реальности, а значит, случай коррелятивен реальности. Но для Лейбница случай, случайность – это инструмент исключительно Творца, но не твари; контингентность – сфера действий Бога, тогда как сотворенная реальность есть уже строгая детерминированная *machina mundi*.

И ключевые элементы этой «машины мира» онтологически связаны с двоичным счислением. Этот «цифровой механицизм» Лейбница получил свое развитие в современности. Речь не о появлении компьютера как такового, поскольку двоичность программной части связана в первую очередь с необходимостью принимать только два взаимоисключающих значения «вкл/выкл» (о чем Лейбниц не размышлял). Современная физика расширяет лейбницевское понимание единицы и нуля именно в метафизическом смысле: в концепции *математических «атомов» реальности*.

Современный физик С. Вольфрам прямо говорит об этой преемственности: «Я часто задавался вопросом, не скрывается ли в трудах Лейбница ранняя версия универсального вычисления – возможно, даже диаграмма, которую мы могли бы сейчас интерпретировать как систему, подобную машине Тьюринга» [21]. Вольфрам принадлежит к направлению физики с самоназванием «гипотеза математической Вселенной». Это направление физики возникает в 60-е годы XX в. и получает активное развитие в период бума компьютерного моделирования сложных процессов.

Картина фундаментальных научных исследований этого периода представляет собой удивительно знакомую ситуацию: это период бурных дебатов о хаосе и роли случайности. Очень узнаваемым выглядит и развивающееся на наших глазах разделение науки на два направления – мы условно обозначим их как «дискурс хаоса» и «дискурс машины Тьюринга».

«Дискурс хаоса» vs «дискурс машины Тьюринга»

Парадигмальным образом «дискурса хаоса» является странный аттрактор Лоренца, который является отображением в трехмерной плоскости результатов очень многих итераций довольно простых математических конструкций. Лоренц описывает ее как траекторию, переходящую от одной спирали к другой без самопересечений [22]. Другим ключевым образом и разработанной теорией явился фрактал – понятие, которое ввел Б. Мандельброт в ходе математической интерпретации хаотических процессов и неоднородных явлений. Дж. Йорк, Р. Девани и многие другие сделали исследования хаоса научной дисциплиной – об этом говорится, в частности, в работе Йорка «Пятьдесят лет хаоса» [23]. Первопроходцами, подчеркивает Йорк, были русские и советские исследователи случайных процессов: А.М. Ляпунов, А.Н. Колмогоров, А.Н. Шарковский и др.

Важно то, что теория хаоса вновь пришла к необходимости ситуативной оптики. Описывая в полноразмерной хаотичности поведения архитектуру ДНК, турбулентность, шумы электромагнитной природы, скачки цен на бирже и т.д., ученые пришли к особому видению: явление-процесс развивается, как бы внедряясь в некий «объем» – бассейн аттрактора; вне его – зона физической невозможности. Реальность вновь рассматривается в оптике «капсулирования» (хотя и иным образом, нежели в эпоху Возрождения): близкие траектории стремятся отдалиться друг от друга, оставаясь при этом в пределах неких невидимых границ.

О. Рёсслер, описавший свой вариант странного аттрактора, предлагает такой образ: «Замкнутый с одного конца рукав с отверстием на другом конце, куда рвется ветер. Вдруг ветер оказывается в ловушке. Его энергия совершает нечто продуктивное, подобно дьяволу в средневековой истории. Принцип таков, что природа делает что-то против своей воли и, запутавшись сама в себе, рождает красоту» (цит. по: [24. С. 189]).

Этому подходу противостоит подход «теории математической вселенной» или «цифровой физики» (название еще не устоялось), хотя и опирается на те же компьютерные модели, показывающие, как простые алгоритмы в результате достаточно большого количества итераций порождают сложность. Но цифровые физики понимают эти образы буквально: для них вселенная представляет собой перманентное компьютерное вычисление. Мы обозначили этот сектор современной мысли как «дискурс машины Тьюринга» не только потому что о машине Тьюринга в нем постоянно говорится, но и поскольку данное направление современной физики рассматривает вселенную как вычисление принципиально *абстрактное*; оно существует «само по себе», без некой «трансцендентной» вычислительной машины.

Одно из первых воплощений идея о вычислительной природе реальности получила в 1967 г. у создателя одного из языков программирования и первых компьютеров У. Цузе – в работе «Вычислительный космос» («Rechnender Raum»). В 80–90-е гг. Д. Уилер предложил тезис «все из бита»; его многочисленные аспиранты сегодня активно развивают этот тезис в направлении фундаментальной физики. Появляются образовательные центры, проекты и гранты, налажена связь с государственными структурами. В 2015 г. в США возник проект «It from Qubit», в котором ставится задача «апгрейда» машины Тьюринга до *квантовой* машины Тьюринга. Речь идет о кубитах («квантовых битах»), но фундаментален все-таки бит, поскольку состояние суперпозиции как одновременности состояния 0 и 1, все же разрешается в выбор 0 или 1. Цифровая физика предлагает очередной проект Большой науки: «Без сомнения, мы дойдем до того момента, когда практически все, что мы создаем, будет явно состоять из компьютеров на всех уровнях. И в результате программироваться будет абсолютно все, вплоть до атомов», – считает С. Вольфрам [22].

Тем самым позиции механицизма в науке крепки как никогда, несмотря на видимое противоречие идеализма «цифровой физики» и материализма современной науки. Если для механицистов Нового времени ключевым моментом выступал акт кинетического взаимодействия двух материальных элементов, то для нового подхода таковым является изменение в памяти состояния одной ячейки данных. Поэтому можно предположить, что механицизм независим от диспозиции «материализм / идеализм» (что показывает и позиция Лейбница); что гораздо важнее онтологический ресурс риторической по своему характеру формулы «мир – машина». На сей раз *machina mundi* – это клеточный автомат (вариант машины Тьюринга).

В свое время Р. Гук возвещал о преимуществах «эры оперативных и механических знаний», которые позволят «различить все тайные действия Природы» по аналогии «с такими произведениями искусства, которые управляются колесами, двигателями и пружинами и которые были разработаны человеческим умом» [25]. Для цифровой физики в концептуальной метафоре «мир – машина» метафоричности уже почти нет: «Природа сродни конструктору с иерархическим устройством. <...> Детали “лего” самого глубокого уровня, по-видимому, являются чисто математическими объектами» [26. С. 129].

Для многих сторонников цифровой физики ключевой целью являлась возможность разрешить парадоксы квантовой механики. Однако можно утверждать, что этот вариант решения квантово-механических парадоксов в первую очередь служит задаче *сохранения тех же онтологических установок, которые концептуализировал механицизм*.

Во-первых, укрепляются идеи абсолютного пространства/времени и принципа дальнего действия, чему способствует опора на многомировую интерпретацию квантовой механики Х. Эверетта (еще одного ученика Уилера). С. Вольфрам предлагает рассматривать пространство и время как *процесс* вычисления клеточного автомата. Пространство – это система дискретных точек; время – последовательность вычислительных актов машины Тьюринга, то есть отношений (шагов) между дискретными точками. При этом последовательное «длание» характерно только для конкретных веток мультиверса. Тогда как для Гипер-Вселенной (Вселенной всех частных вселенных) реализуется мгновенное вычисление всех состояний – то есть речь идет о состоянии «вычислительного дальнего действия». Таким образом, вновь абсолютное пространство и абсолютное время вкупе с принципом дальнего действия гарантируют единство и синхронизацию веток реальности.

Во-вторых, идея мультиверса спасает линейный детерминизм и редукционизм от проблем квантово-механических парадоксов. Вольфрам так рассуждает об эксперименте прохождения электрона через две щели: в одной реальности и в пределах линейно организованной причинности осуществляется выбор электрона в пользу одной щели; другой выбор электрона запускает другую линейную цепь событий, и это другая ветвь мультиверса. «Сложности» с редукцией волновой функции – это «эхо» размножения реальностей. Еще один представитель цифровой физики А.В. Каминский делает такой историко-рефлексивный вывод: «Видимо, космогонические представления делают новый виток, возвращая нам идею лапласовского детерминизма в новом понимании» [27. С. 53–54].

Кроме того, идея о множественности миров «спасает» это миропредставление от необходимости допускать какую-то исключительность нашей (частной) вселенной – речь о тонкой настройке мировых констант. Как пишет М. Тегмарк: существует множество вселенных, в которых реализуется каждый из возможных наборов констант, и «... естественно, что мы существуем и наблюдаем себя в пригодной для жизни области» [26. С. 110].

Однако главные онтологические решения вновь завязаны вокруг понимания случайности. Гетерофобия двух (вновь) противостоящих дискурсов осуществляется в пространстве темы случая.

Важнейшим для современной физики визуализациям математических парадоксов в духе множеств Кантора, Бенуа, фракталам Мандельброта и т.д. цифровая физика дает интерпретацию, радикально отличную от теории хаоса по своей онтологической направленности. В частности, Вольфрам в своей ключевой работе [28] начинает свои рассуждения с тех же феноменов, с которых начинается открытие Лоренцом странных аттракторов. При этом нет терминологии, используемой теорией хаоса – не говорится о странных аттракторах и их бассейнах, не использует понятие «фрактал» (только в пределах описания вида изображений). Это ситуация, о которой говорил в своем исследовании Флек: факт науки – это мыслительная конструкция, зависящая от принятого и усвоенного учеными стиля мышления, а стиль мышления реализуется не в безвоздушной среде, но в определенных «мыслительных коллективах». Дискурсы создаются коммуникативной солидарностью и конкуренцией интерпретаций одних феноменов. И «дискурс машины Тьюринга» предлагает видеть в хаосе не онтологический конституент, но исключительно синоним «беспорядка».

Вольфрам настаивает на том, что не существует систем с неустранимым элементом случайности. Есть только один вид случайности – точнее, «псевдослучайности» или «внутренней случайности», – и она генерируется клеточным автоматом: случай («случайное блуждание») есть «взятие дискретной частицы, а затем случайным образом перемещать частицу влево или вправо на одну позицию» [28. Р. 327]. Так решается математическая проблема невозможности создания формулы, которая описывает случайное число (и соответственно генерации случайного числа на компьютере). Конечно, решением это назвать трудно – скорее, это маркировка проблемы как псевдопроблемы. Подобным же образом Вольфрам решает проблему трех тел. Рассуждая о движениях планет, он говорит о том, что «в человеческих масштабах времени большая часть их движения практически регулярна. И на самом деле эта закономерность, которая была в прошлом, рассматривается как одно из ключевых доказательств идеи о том, что могут существовать простые законы природы» [28. Р. 313–314]. То есть избавиться от случайности можно, минимизируя помехи на начальном этапе вычислений и исключив неотслеживаемые шаги [28. Р. 306–313].

Нетрудно увидеть, насколько радикально эти положения расходятся с представлениями теории хаоса, одно из важнейших положений которой – ограниченность возможности предсказания состояния системы в будущем для подавляющего большинства явлений. Математическое ограничение связано с величиной времени Ляпунова, за пределами которого поведение такой системы становится полностью непредсказуемым. А Мандельброт в анализе истинной («стихийной») случайности говорит о невозможности даже для предельно герметичных машин быть защищенными от хаоса – причем не в силу «прорех» в защите, а в силу самого их существования.

Он приводит в пример атомные часы, которые призваны фиксировать эталон времени: двое часов созданы идентичными, однако показатели разошлись, и ошибки в эталоне времени не сходятся спустя пять и более лет [18. С. 133–139]. Всем этим доводам цифровая физика противопоставляет обновленные, но принципиально механицистические идеи: истинной случайности не существует, хотя вокруг довольно много беспорядка. Который, как они (снова) надеются, рано или поздно будет устранен: «Изучение мельчайших “строительных блоков” природы подсказало, что при наличии достаточной энергии они могут реорганизоваться так, что наша Вселенная станет работать по-другому» [26. С. 108].

Заключение

В данном исследовании нашей задачей выступал анализ определенного сектора научной мысли. Но целью являлась не оценка результатов или изложение содержания теорий. Нас интересовало то обстоятельство, что спустя несколько веков мысль вышла на «повторение» онтологической конструкции нововременной физики. При этом реализуется знакомая диспозиция дискурсов: один из них вновь акцентирует фундаментальность случая; другой «снимает с повестки» эту проблему, тем самым существенно упрощая себе путь к созданию «универсальной теории всего», которая оказывается одновременно победой тезиса о «мире-машине». На сей раз о «мире-машине Тьюринга». При этом значимым фактором этих трансформаций выступает принятие или отрицание ситуативной онтологической оптики.

На вопрос о причине этого возвращения можно отвечать с разных позиций. Можно и нужно уточнять, каким образом в указанных конкурирующих дискурсах осуществляются претензии на символические и материальные блага (этот момент практически полностью остался за рамками исследования в силу выбранной методологической стратегии). Можно и нужно говорить о конкурирующих стилях мышления и соответственно, о формировании разных научных фактов на основе одних и тех же эмпирических данных (мы попытались это отчасти сделать). Но открывающаяся перспектива исследований науки куда интереснее. В контексте реактуализации метафоры «мир-машина» и этого «небуквального», но все же повторения идей механицизма в дигитальном модусе, хочется, во-первых, задать вопрос (для будущих исследований): дискурсы рожают идеи, или идеи вызывают к жизни дискурсы? Во-вторых, динамика этого повторения представляется очень интересной в более фундаментальном (в том числе онтологическом) аспекте. Напрашивающийся концепт спирали диалектического развития может быть дополнен инструментарием теории хаоса – образом странного аттрактора. Мы постарались показать, как восприятие реальности курсирует между двумя «плоскостями» – двумя картинками реальности, воспроизводя один паттерн. Думается, в этом «закрученном сюжете» наука должна увидеть свой «бассейн аттрактора». Мысль словно бы упирается в невидимые границы и «сворачивает на круг». И нам важно понять, располагается ли за их пределами зона истинной невозможности, или какие-то еще не обнаруженные факторы интеллектуальной истории инициируют динамику «сворачивания на круг».

Примечания

¹ Слово «фортунa», написанное с прописной буквы, обозначает концепт, в достаточной степени свободный от конкретных теологических коннотаций. В эпоху Возрождения выступает в качестве синонима слова «судьба».

² Вариа – это «Разное» в качестве дополнительного отдела в библиотечном каталоге.

Список источников

1. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / пер. с англ., нем., польского яз., общая ред. В.Н. Поруса. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
2. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.
3. Русакова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 5–34.
4. Неретина С.С. Апории дискурса. М.: ИФ РАН, 2017. 119 с.
5. Альберти Л.-Б. Книги о семье / пер. с итал. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2008. 416 с.
6. Волкова Д.В. Мифология судьбы в западноевропейской культуре. М.: Русайнс, 2018.
7. Матвейчев О.А. Н. Макиавелли без тайн и загадок / Политические онтологии. М.: СОВЕРО-ПРИНТ, 2001. 168 с.
8. Жиль К. Макиавелли / пер. с фр. М.А. Руновой. М.: Молодая гвардия, 2005. 276 с.
9. McDonell M. Roman Manliness: «Virtus» and Roman Republic. New York: Fordham University, 2006. 481 p.
10. Ребров С.А. Альтюссеровская интерпретация политической философии Макиавелли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, № 2. С. 77–84.
11. Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / пер. с фр. С. Лосевой и К. Саркисова. М.: Носорог, 2018. 224 с.
12. Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всерос. семинара / ред. Н.М. Солодухо. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. 188 с.
13. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.
14. Бертон Р. Анатомия Меланхолии / пер. с англ., вступ. статья и коммент. А.Г. Ингера. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 832 с.
15. Prior A.N. Logic and the Basis of Ethics. Oxford: Clarendon, 1949. 124 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.504084/page/n123/mode/2up> (дата обращения 21.12.2024).
16. Гинзбург К. Страх. Почтение. Ужас / пер. с англ. Т. Азаркович. М.: Логос, 2010. 23 с.
17. Дмитриев И.С. «Они верны, точны, неумолимы»: метафора часов в европейской мысли Нового времени // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 1. С. 243–278.
18. Мандельброт Б. Фракталы, случай и финансы (1959–1997). Москва; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2004. 256 с.
19. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. I / ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровского и др. М.: Мысль, 1982. 636 с.

20. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / под ред. А.П. Огурцова. М. : ИФ РАН, 2005. 404 с.
21. Wolfram S. Dropping In on Gottfried Leibniz. 2013 (May). URL: <https://writings.stephenwolfram.com/2013/05/dropping-in-on-gottfried-leibniz/> (дата обращения: 21.12.2024).
22. Lorenz E.N. Deterministic nonperiodic flow // Journal of the Atmospheric Sciences. 1963. № 20. P. 130–141.
23. Yorke J. Fifty Years of Chaos. 2023 (October). URL: <https://latecomermag.com/article/fifty-years-of-chaos/> (дата обращения: 21.12.2024).
24. Глейк Дж. Хаос. Создание новой науки / пер. с англ. СПб. : Амфора, 2001. 398 с.
25. Hooke R. Micrographia. London : Printed by Jo. Martyn and Ja. Allestry, Printers to the Royal Society, 1664. URL: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (дата обращения: 21.12.2024).
26. Тегмарк М. Наша математическая вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности / пер. с англ. М. : Corpus (ACT), 2014. 304 с.
27. Каминский А.В. Физическая неполнота – ключ к объединению физики. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 180 с.
28. Wolfram S. A New Kind of Science. URL: <https://www.wolframscience.com/nks/> (дата обращения: 21.12.2024).

References

1. Fleck, L. (1999) Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva [Genesis and development of a scientific fact], trans. by W. N. Porus. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi., 220 p.
2. Kasavin I.T. (1998) Migraciya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya [Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical theory of cognition]. St. Petersburg: RHGI., 408 p.
3. Rusakova, O.F. (2007) Osnovnye teoretiko-metodologicheskie podhody k interpretacii diskursa [The main theoretical and methodological approaches to the interpretation of discourse]. *Nachnyj zhurnal Instituta filologii i sravnitel'skogo etnolingvistiky i Russijskij knozhnik*, no 7, pp. 5–34.
4. Neretina S.S. (2017) Aporii diskursa [Aporiae of discourse]. Moscow: IF RAN, 119 p.
5. Alberti L.-B. (2008) Knigi o sem'e [Books about Family] Moscow: Yazy'ki slavyanskoy kul'tury', 416 p.
6. Volkova D.V. (2018) Mifologema sud'by v zapadnoevropejskoj kul'ture [Mythologeme of Fate in Western European Culture]. Moscow: Rusajns, 168 p.
7. Matveichev O.A. (2001). N. Makiavelli bez tajn i zagadok [N. Machiavelli without secrets and riddles] in: *Politicheskij i ontologicheskij* [Political ontologies]. Moscow: SOVERO-PRINT Publishing House, 2001, 168 p.
8. Gil K. (2005) Machiavelli [Machiavelli], trans. by M.A. Runova. Moscow: Molodaya gvardiya., 276 p.
9. McDonell M. (2006) Roman Manliness: «Virtus» and Roman Republic. New York: Fordham University, 481 p.
10. Rebrov S. A. (2023) Al'tjuserovskaja interpretacija politicheskoy filosofii Makiavelli [Althusser's Interpretation of the Political Philosophy of Machiavelli]. *Vestnik Russkij xristianskij gosudarstvennyj universitet = Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, vol. 24, no 2, pp. 77–84.
11. Meillassoux Q. (2018) Chislo i sirena. Chtenie «Broska kostej» Mallarme [The Number and the Siren: A Decipherment of Mallarme's] trans. by S. Loseva & K. Sarkisova. Moscow: Nosorog, 224 p.
12. Situacionnye issledovanija. Vyp. 1: Situacionnyj podhod. Po materialam vseros. Seminara (2005) [Case studies. Issue 1: Situational approach h. Based on the materials of the All-Russian seminar]. Kazan': Izd-vo Kazan. gos. tehn. un-ta., 2005, 188 p.
13. Ahutin A.V (1988) Ponjatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremja («fjusus» i «natura») [The concept of "nature" in antiquity and in modern times ("fusus" and "nature")]. Moscow: Nauka, 208 p.
14. Burton R. (2005) Anatomija Melanholii [The Anatomy of Melancholy], trans. by A.G. Inger. Moscow: Progress-Tradiciya, ISBN: 5-89826-214-8. 832 p.
15. Prior A. N. (1949) Logic and the Basis of Ethics. Oxford: Clarendon, 124 p. [Online] Available from: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.504084/page/n123/mode/2up> (accessed on 21.12.2024).
16. Ginzburg C. (2010) Strah. Pochtenie. Uzas [Fear. Reverence. Terror], trans. by T. Azarkovich. Moscow: Logos, 23 p.
17. Dmitriyev, I. S. (2023) «Oni verny, tochny, neumolimy» ['They are Faithful, Precise, Relentless']: metafora chasov v yevropejskoj mysli Novogo vremeni [Clock Metaphor in Modern European Thought]. *Filosofij Zhurnal Vysshij shkoly knozhnik* = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], no. 7 (1), pp. 243–278.
18. Mandelbrot B.B. (2004) Fraktaly, sluchaj i finansy (1959 – 1997). [Fractals, chance and Finance (1959 – 1997).] Moscow – Izhevsk: NIC «Reguljarnaja i haoticheskaja dinamika», 256 pp.
19. Leibniz G.V. (1982) Sochinenija v chetyreh tomah: T.1 [Works in four volumes: Vol. I]. Ed. and comp. by V.V. Sokolov; translation by Ya. M. Borovsky et al. Moscow: Mysl', 636 p.
20. Leibniz G.W. (2005) Pis'ma i jesse o kitajskoj filosofii i dvoichnoj sisteme ischislenija [Letters and Essays on Chinese Philosophy and Binary System of Calculus]. Moscow: IF RAS Publ., 2005. 404 p.
21. Wolfram S. (2013) Dropping In on Gottfried Leibniz, 2013 (May) [Online] Available from: <https://writings.stephenwolfram.com/2013/05/dropping-in-on-gottfried-leibniz/> (accessed on 21.12.2024).
22. Lorenz, E.N. (1963) Deterministic nonperiodic flow», *Journal of Atmospheric Sciences*, no. 20, pp. 130–141
23. Yorke J. (2023) Fifty Years of Chaos», 2023 (October). [Online] Available from: <https://latecomermag.com/article/fifty-years-of-chaos/> (accessed on 21.12.2024).
24. Gleick J. (2001) Haos. Sozdanie novoj nauki [Chaos: Making a New Science]. St. Petersburg: Amfora, 398 p.
25. Hooke R. Micrographia. London: Printed by Jo. Martyn, and Ja. Allestry, Printers to the Royal Society. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (accessed on 21.12.2024).
26. Tegmark M. (2014) Nasha matematicheskaja vselennaja. V poiskah fundamental'noj prirody real'nosti [Our Mathematical Universe: My Quest for the Ultimate Nature of Reality]. Moscow: «Corpus (AST)», 304 p.
27. Kaminsky A.V. (2012) Fizicheskaja nepolnota – ključ k ob'edineniju fiziki [Physical incompleteness - the key to unification of physics]. LAP Lambert Academic Publ., 180 p.
28. Wolfram S. A. (1959) New Kind of Science. [Online] Available from: <https://www.wolframscience.com/nks/> (accessed on 21.12.2024).

Информация об авторе:

Оболкина С.В. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник сектора истории и философии науки Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: obol2007@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Obolkina, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: obol2007@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.12.2024;
одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 24.12.2024;
accepted after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 14
doi: 10.17223/15617793/516/8

Нейросетевая перспектива трансформации понятия «медиа»

Софья Владимировна Тихонова¹, Регина Владимировна Пеннер^{2, 3}

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

³ Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

¹ segedasv@yandex.ru

^{2, 3} penner.r.v@gmail.com

Аннотация. Авторы ставят целью уточнение категории медиа для того, чтобы обеспечить ее релевантность задачам исследования нейросетей. Рассматривая концептуальную эволюцию категории, они показывают ее связь с техническим прогрессом, благодаря которой прорывные технологии коммуникации вызывают рост исследовательского интереса к медиа, направленного на установление принципиальных отличий нового канала от старых. В статье представлена авторская дефиниция медиа как физических инструментов совместного создания смыслов, сложность конфигурации которых в отдельных случаях способна продуцировать коммуникационную среду, осуществляющую тотальную селекцию культурных смыслов для индивида.

Ключевые слова: медиа, нейросети, цифровое общество, актантность, медиальность, алгоритмическая культура

Для цитирования: Тихонова С.В., Пеннер Р.В. Нейросетевая перспектива трансформации понятия «медиа» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 67–66. doi: 10.17223/15617793/516/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/8

Neural network perspective of transforming the concept of “media”

S.V. Tikhonova¹, R.V. Penner^{2, 3}

¹ Saratov State University, Saratov, Russian Federation

² South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

³ Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

¹ segedasv@yandex.ru

^{2, 3} penner.r.v@gmail.com

Abstract. The article explores the evolving concept of media in the context of neural networks and their growing influence on digital society. The authors aim to refine the definition of media to better align it with the study of neural networks, emphasizing the recursive relationship between technological progress and the conceptual evolution of media. The article argues that breakthroughs in communication technologies, particularly neural networks, have redefined the role of media, transforming it from a mere tool for information transmission to an active participant in the creation and dissemination of cultural meanings. The authors begin by tracing the historical development of media studies, highlighting how the field has evolved in response to technological advancements. They note that the conceptualization of media often lags behind the innovation cycle, yet each new medium provides a lens through which older media can be re-evaluated. This recursive dynamic is particularly evident in the discourse surrounding new media, which has shifted from traditional forms of communication to digital platforms that enable user-generated content and interactive engagement. The article introduces a novel definition of media as physical tools for collaborative meaning-making, whose complex configurations can generate communication environments that exert a totalizing selection of cultural meanings for individuals. This definition is then applied to neural networks, which are characterized by their ability to learn, adapt, and modify their behavior based on data inputs. The authors argue that neural networks represent a new form of media, one that not only transmits information but also actively shapes the cultural and social environment in which communication occurs. A key contribution of the article is the concept of actant mediality, which refers to the active role of neural networks in transforming and generating meanings. Unlike traditional media, which operate as passive channels for information transmission, neural networks function as dynamic agents that continuously adapt to user interactions. This adaptability allows neural networks to create algorithmic environments that mediate human communication, blurring the boundaries between human and machine agency. The authors also discuss the implications of neural networks for digital society, particularly in terms of their impact on information processing and cultural production. They highlight the growing role of neural networks in generating content, analyzing social networks, and even influencing human perception of reality. However, they caution against the potential risks associated with the unchecked use of neural networks, such as the proliferation of fake news and the ethical dilemmas posed by autonomous

decision-making systems. In conclusion, the article argues that neural networks represent a significant shift in the concept of media, transforming it from a static tool for communication to a dynamic, adaptive environment that actively participates in the creation and dissemination of cultural meanings.

Keywords: media, neural networks, digital society, actant, mediality, algorithmic culture

For citation: Tikhonova, S.V. & Penner, R.V. (2025) Neural network perspective of transforming the concept of "media". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 67–66. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/8

Введение

Переход к технологиям сильного искусственного интеллекта, обозначенный недавним прорывом в генерации контента нейросетями, открывает не только новую страницу в отношениях «человек-машина», но, возможно, является точкой отсчета нового этапа в развитии цифрового общества. Несмотря на всплеск алармизма и усиление этических дискуссий об областях и границах допустимости использования нейросетей, пользователи и разработчики интенсивно взаимодействуют с последними, поддерживая логику ассистента (нейросеть реализует в тексте, звуке, изображениях и видео проекты, задуманные человеком, разгружая его от рутинных процедур, связанных с формированием инструментальных навыков и обработкой больших массивов информации, помогает ему и делает за него черновую работу).

С интеграцией нейросетей в нашу повседневность мечты человечества о создании равного себе получают все больше оснований. Однако, какой бы качественной ни была иллюзия субъектности нейросети, какой бы умной (в русском языке сложно передать точное значение слова «smart», а ставшая уже привычной калька не передает смыслов сообразительности, расторопности и остроумности, заложенных в нем) она не казалась в общении, сама нейросеть не перестает быть тем, что она есть онтологически – техническим средством коммуникации, сложным программным алгоритмом, опосредующим доступ человека к информации, представленной в поисковых системах. Общение с нейросетью является такой же частью работы канала, как переключение кнопок на ТВ-пульте, даже если со временем оно породит самостоятельную ветвь развлекательной индустрии. Истории инженерного дела известны отнюдь не единичные случаи, когда вторичная функция технического устройства затмевала изначальную, проектировавшуюся в качестве основной. Тем не менее, как бы человек не распорядился нейросетями, они останутся новым видом медиа, продолжающим коммуникационную революцию, начавшуюся с появлением интернета. Именно поэтому исследование нейросетей не может не входить в предметную область медиафилософии, теории медиа и медиаисследований. Появление нового объекта предполагает новую работу с категориальным рядом теории, необходимую для адаптации методологического инструментария к его особенностям. В рамках настоящей статьи мы сосредоточимся на теоретическом анализе медийности нейросетей, пытаясь реконструировать идеальный объект, фиксируемый понятием «медиа», таким образом, чтобы он был пригоден к изучению нейросетей.

Новые старые медиа

Медиаисследования – одна из самых широких междисциплинарных областей в гуманитарной науке на сегодняшний день, которая вполне соответствует дисциплинарным критериям, и которая сама же при этом пытается их превзойти как обременительное ограничение. На сегодняшний день сформулированы базовые подходы к самоопределению медиафилософии [1], теории медиа (медиалогия [2] и коммуникологии [3]); претендуют на определенную степень автономии в качестве новых направлений медиакультура [4] и медиаполитика [5]; флером respectable дисциплины с историей обладает теория массмедиа, более того, уже выдвинута идея о существовании медианауки как самостоятельной научной области, в которой осуществляется синтез многих гуманитарных наук в контексте исследования и образования [6. С. 86], и в которой осуществляется изучение трех важнейших функций медиа – обработки, хранения и передачи данных [7. С. 94].

Длительность становления теории медиа объясняется как бесконечным разнообразием ее объекта, так и терминологической эволюцией, в ходе которой углублялась детализация процессов социальной коммуникации и непрерывно уточнялась роль используемых в ее рамках каналов. В XX в. эта область развивалась как теория коммуникации, классический этап которой был связан с исследованием живых и технических систем. Базовые теории в этой области, развивавшиеся с начала до середины XX в., от системного подхода до кибернетики, концентрировались на роли сигналов, используемых биологическими организмами и проектируемыми человеком в технических устройствах; в первом случае рассматривалось их влияние на изменение поведения организма, во втором – совершенствовались технические средства связи, особенно – используемые в целях военной разведки. После окончания Второй мировой войны активизируются социально-гуманитарные теории коммуникации: оформляется критическая теория Франкфуртской школы, акцентирующая факт подчинения культуры технической рациональности и логике капитализма, превращение ее в отчужденную индустрию культуры; семиотика структуралистского и постструктуралистского толка, описывающая символические структуры общества потребления; закладываются основы постиндустриализма, в котором формируется модель сначала информационного, а затем и цифрового общества. Все три эти теоретические линии собираются в единой фокус благодаря идеям М. Маклюэна о заданности развития культуры развитием медиа. Эти идеи выступили фундаментом для технологического детерминизма, трактующего социальный прогресс как результат развития каналов

коммуникации. В этом ракурсе медиа определяются как движущая сила истории, поскольку именно они обеспечивают экспоненциальное расширение и усложнение форм человеческих сообществ, представляя собой конфигурации социального воспроизводства.

Новый импульс теоретического развития медиапарадигмы обеспечило сначала планетарное распространение интернета, а затем – преодоление Великого разрыва как противопоставленности виртуальной реальности интернет-элит и офлайн-большинства благодаря сервисам социальных сетей [8]. Массы получили доступ к медиапространству не только в качестве реципиентов, потребляющих контент, но в качестве коммуникаторов, контент создающих. С начала второго десятилетия нынешнего века одним из самых востребованных концептов медиаисследований становятся «новые медиа», или «социальные медиа», дефиниции которых акцентировали либо их специфическую структуру, описываемую математическим графом [9], либо гибридный, мультимедийный характер отправляемых через них сообщений, «совокупность цифровых платформ (программных систем, сервисов), предназначенных для взаимодействия пользователей в сети Интернет путем публикации и распространения личной, коммерческой или общественно значимой информации в текстовой, знаковой, аудиальной и визуальной форме, адресованной ограниченному или неограниченному кругу лиц в целях получения ответной реакции» [10. С. 8]. Поскольку структура графа не дает сообществ с длительным устойчивым членством без подкрепления их дополнительными активностями, в фокусе исследовательского интереса оказалась базовая единица коммуникации в новых медиа – медиатекст. Его мультимедийность обусловила гибридизацию классических жанров журналистики [11], трансформацию традиционных форм политического действия [12], появление массовых форматов активного коммуникационного взаимодействия по любым злободневным поводам [13]. И, конечно, новые медиа стали естественной средой обитания первого поколения цифровых аборигенов – детей, не видевших мира без интернета [14].

Визуализация перестала быть средством структурирования в печатных медиа [15] и превратилась в одну из ключевых характеристик новых медиа. Если десятилетие назад констатация текстогенности интернета являлась обоснованной и очевидной [16], то сегодня растет понимание о несводимости визуального к текстовому [17], подкрепляемое опытами исследования видеоигр, которые масштабно встраиваются в структуру и «ткань» социальных сетей [18]. Подходы, учитывающие вклад визуального в цифровой контент, в трафике которого в настоящее время видео и фотография доминируют над текстом, до сих пор находятся в стадии формирования. При этом соотношение их с «кодовой изнанкой», находящейся «по ту сторону» пользовательского интерфейса и обеспечивающей их цифровую онтологию, является скорее исключением, чем правилом [19].

В целом, к началу 20-х гг. XXI в. именно новые медиа становятся локомотивом теории медиа. Еще в 2017 г.

М.И. Макеенко был вынужден с сожалением констатировать низкий интерес российского научного сообщества к развитию теории [20. С. 3]. Продолжение его исследования показало медленное развитие цифрового сегмента теории медиа при доминировании классических (старых) методологических понятий теории журналистики [21]. Однако новые медиа актуализировали теоретическую проблематику, и уже в том же 2018 г. выходит статья В.В. Декалова, посвященная политическому направлению дигитальной критической теории медиа [22], в 2019 г. – статья Е.Л. Вартаковой, отстаивающая национальный уклон в теоретизации медиа [23], в 2020 г. – статья Л.Н. Тимофеевой, направленная на поиски гармонизации политических процессов в старых и новых медиа в условиях новой социальности [24], в 2021 г. – статья В.Н. Филиппова, анализирующая новую архитектуру медиапространства в условиях доминирования новых медиа [25] и статья Е.А. Ионовой, также пытающаяся стабилизировать представление о структуре медиасферы, размытой вторжением новых медиа [26], в 2022 г. – статья А.В. Маркова, уточняющая теорию темных медиа как «слишком» хорошо работающих каналов, захватывающих повседневность [27]. Намечается исследовательская линия, пытающаяся интегрировать концепции новых медиа, распространение умных вещей и концептуализацию «природных медиа» – работы А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой, Н.Н. Сосны [28, 29], которые можно рассматривать как симптомы новой чувствительности к актантам и гибридам.

Начавшиеся в марте 2020 г. беспрецедентные карантинные меры в связи с пандемией Ковид-19 вызвали первый в истории человечества массовый переход на удаленную работу и обучение. Значительно выросла онлайн-нагрузка и среднее экранное время, многие социальные нормы трансформировались ради адаптации к новым условиям. В этот период не было гуманитарной (и не только) дисциплины, не сосредоточившейся на осмыслении нового социального опыта. В рамках нашего исследования показательна работа Е.Ю. Коломийцевой, посвященная карантинной трансформации медиапотребления [30]. Массив исследований, посвященных прецедентным феноменам новых медиа, от мемов до вирусного контента, мы оставим за рамками нашего рассмотрения, отметив, что эта лавина эмпирического материала не могла не задать дедуктивный вектор его обобщения. И, действительно, мы видим серьезный и устойчивый интерес к медиатексту, пересборке медиа и цифровому повороту [31], который, тем не менее, оставляет в тени главное обстоятельство – «новые» медиа «постарели». Государственный контроль и медиаприсутствие государственных органов в социальных сетях криминализировало, т.е. превратило в уголовные преступления, деяния, которые не нарушали их нормативный порядок во времена зарождения интернета. Рутинизация – неизбежная фаза распространения любой успешной технологии, затронувшая социальные сети.

«Новым новым» трендом становятся нейросети. Они, определенно, вызывают любопытство у медиаисследователей [32]. Однако резкий скачок в развитии

нейросетей, произошедший в 2022 г., значительно опередил научные прогнозы; научная рефлексия пока не успевает за ним, часто продуцируя некритичный алармизм. Возможно, сформированная научной фантастикой антропоморфная мифология затемняет медиальную сущность нейросетей, но, как минимум, в результате почти изначальной интеграции этой технологии с самыми распространенными социальными сетями, промпт-инжиниринг рано или поздно окажется в фокусе теории медиа. Для того, чтобы приблизить этот момент, мы попытаемся откалибровать понятие медиа таким образом, чтобы оно было пригодно и для анализа нейросетей.

Конструируя понятие медиа: канал vs среда

Пересборка понятия медиа требует последовательной проработки заложенных в него смыслов, позволяющей проследить ретроспективную логику в методологическом применении понятия и развить ее, т.е. сделать пригодной для тех ситуаций, когда само понятие изначально не предназначалось, но которые сами по себе являются однопорядковыми или смежными с исходным классом явлений. Онтологически число медиа безгранично, поскольку медиальность – это приспособление физических свойств объекта к передаче сообщения, зависящая исключительно от человеческой изобретательности. В той степени, в которой речь идет о создаваемых и понимаемых человеком смыслах, медиальность есть антропная характеристика, хотя в ее основе лежат физические свойства материи, обуславливающие слеодообразование, биологические закономерности, приводящие к появлению сигнальных систем. Термином медиа фиксируются материальные объекты, привычно используемые человеком в качестве средств коммуникации, и эта привычность предполагает устойчивый, закрепившийся характер, трансколенческий или массовый. Естественные средства коммуникации являются продуктом антропогенеза, позволившего человеку превратить свое тело в культурный инструмент для производства знаков, «отшлифовав» его биологические возможности. Искусственные средства коммуникации являются продуктом человеческой деятельности (артефактами). И те, и другие противопоставляются в силу традиции и дефицита данных для полной модели реконструкции антропогенеза: современный человек социализируется, будучи погруженным в огромный культурный опыт соматического контроля, его шансы на изобретение принципиально новых способов применения своей телесности в коммуникационных целях ничтожно малы, тогда как поле для технических экспериментов у него бесконечно. «Естественные» каналы, от речи до танца, воспринимаются как константа, от их рукотворности можно легко абстрагироваться в типизированной социализации, но тем не менее, они так же материальны, как и искусственные каналы, а их появление также вызвано человеческой культурой, правда, в ее доисторический период.

Хотя единство канала и кода в работе средства коммуникации не вызывает сомнений, доминантная роль

принадлежит каналу, который выступает материальным субстратом сообщения, поскольку именно его физические характеристики лежат в основе структурирующего кода. Вычленять код в функционировании объекта – значит превратить объект в средство коммуникации. Именно поэтому маклюэзовская формула, «the medium is the message», всегда работает.

А.В. Соколов определяет канал коммуникации как «реальную или воображаемую линию связи (контакта), по которой сообщения движутся от коммуниканта к реципиенту» [33], акцентируя при этом понятие связи («Наличие связи – необходимое условие всякой коммуникационной деятельности» [33]). Обычно в этом определении акцентируется понятие связи, но, на наш взгляд, в его основе в качестве глубинной интуиции лежит топологическая метафора линии. «Контакт» в определении А.В. Соколова – это пространственное обозначение прикосновения, которое невозможно осуществить посредством человеческого тела, усиливается значением самого термина «канал», изначально обозначающего трубу, желоб, полое пространство, русло. Реки выступали древнейшей транспортной сетью, а их пересохшие русла и в наши дни выполняют функцию естественных дорог. По дорогам для регулярного сообщения отправлялись гонцы, передававшие послания сначала устные, а затем и письменные. Внутри человеческих поселений, там, где распорядок взаимодействия фиксируется социальными нормами, само коммуникационное взаимодействие циркулярно, а плотность его высока, метафора линии работает редко. Многочисленные коммуникационные акты повседневности плетут коконы сложных стереометрических фигур, образуя среды-пространства, в которых действуют разные системы статусов и перемещение между которыми требует обрядов перехода. В архаических поселениях и древних городах мы наблюдаем четкие иерархические пространственные ареалы, центром которых является cella храма, доступная лишь для жрецов. Антиподом cella выступает срединное пространство, предназначенное для общих собраний, разделов добычи, погребальных игр [34]. Высокая коммуникационная плотность обеспечивает связь как отношение общности.

В древности миры обжитых городских территорий соприкасаются благодаря линиям сухопутных и водных маршрутов. Может ли линия дороги играть роль среды? Может, если сообщения проходят по ней регулярно и часто. В этом случае дорога обеспечивает связь как отношение согласования, именно его мы наблюдаем в примерах отношений между метрополией и колониями. С развитием массовой коммуникации линии согласующих маршрутов становятся прямыми (по крайней мере, стремятся к таковым), заданными траншеями укладки кабеля или вектором движения волны от передатчика к приемнику. Массмедиа работают линейно, что и отражает ряд ранних теорий «волшебной пули», описывающих работу каналов типа радио и телевидения, формируя асимметричные социальные ансамбли типа пирамиды.

Начало размыwania линейных представлений о медиа положено кабельным телевидением и французской

информационной системой «Минитель». Триумфальное шествие нелинейности в дискурсе о медиа связано с распространением интернета, технология которого предполагает разбивку сообщения на фрагменты, отправляемые получателю разными маршрутами и собирающиеся на месте в единое целое по протоколам. Горизонтальные связи в интернете легко устанавливаются потому, что реципиенты не связаны каналом по прямой. В этом контексте отчетливо проявляется образ медиа, смоделированный как среда, в которой можно по своему желанию прокладывать любые линии и двигаться по ним несколько раз. Среда никогда не бывает пассивной и всегда требует адаптации. Так мы получаем определение медиа как инструмента совместного изменения смысла, способного создавать социальную среду, пространственно объединяющую разрозненных индивидов.

Актантная медиальность: нейросеть

Актантная медиальность, интерпретируемая через призму нейросетей, представляет собой консеквативный виток размышлений о природе медиа как одновременно среды, фона, условия и агента коммуникации. Нейросеть выступает не только средством передачи информации, но и актантом, активно преобразующим смыслы. Ее архитектура – слои нейронов, соединенные нелинейными связями, – моделирует саму природу современной медиальной среды, где информация не просто движется, а преобразуется на каждом этапе. Это создает условия, в которых реципиенты перестают быть пассивными участниками. Подобно тому, как интернет позволил прокладывать любые линии в коммуникации, нейросети предлагают новый уровень «свободы»: линии не только протягиваются, но и динамически трансформируются, адаптируясь к текущему контексту взаимодействия.

Этот новый виток свободы чеканно зафиксирован в технологическом прогнозе на 2025 г., в рамках т.н. «третьей волны развития искусственного интеллекта», при которой предполагается «расцвет» AI Agent или умных агентов. Согласно позиции одного из ведущих разработчиков из сферы, главного исполнительного директора облачной компании “Salesforce”, М. Бениоффа, умные агенты уже сегодня все чаще используются для автономного решения типовых задач; в обозримом будущем спектр их возможностей значительно вырастет, что, в свою очередь, выступит стимулом для трансформаций в мировой экономике [35].

Множественность задач, непосредственно решаемых сегодня нейросетями, утверждает их актантную медиальную природу. Science & Technology Studies вообще и акторно-сетевая теория в частности уже больше половины столетия заявляют о симметрии материального и социального порядков. В некотором смысле, Б. Латур и С. Вулгар восстановили материальное в социальных правах [36]. В качестве своей первой иллюстрации они обратились к научной лаборатории, где зафиксировали акторную роль оборудования как полноправного участника в научном открытии. Позже Б. Латур концептуализирует актантную перспективу в

прочтении социальной сети [37]. Согласно его видению, социальная сеть включает множество социальных агентов различной природы; наряду с человеком, социальной группой или институтом организовывать или распределять сети способны материальные объекты, от дверной ручки до втулочного насоса. Здесь мы словно натываемся на некоторый парадокс в идентичности социального агента: в первой иллюстрации перед нами статика дверной ручки, посредством которой организованы потоки движения; во второй – текущая идентичность насоса, подстраивающегося под структуру почвы. Представленный парадокс отражается и в нейросети. По сути, нейросеть есть программа, которая, в свою очередь, невозможна без «питающего» ее железа. Помимо прочего, канву наших размышлений уточняет медийная природа нейросетей. Принципиальным для нас оказывается даже не то, что вместе с объектами материального и цифрового порядка нейросеть утверждается в своих социальных правах, но то, что наряду с этим утверждением нейросеть оказывает влияние на движение информационных потоков.

Нейросети можно считать новыми медиа хотя бы потому, что они расширяют и углубляют функционал традиционных медиа. Нейросети стали инструментом для создания контента в инфополе и в то же время анализа социальных сетей [38]. Они будто перекроили принципы в создании, распространении и восприятии информации. Подобное перекраивание стимулирует производственный поток фейк-ньюс. Однако настоящую угрозу эти фейки несут только тогда, когда формируют понимательную оптику в видении мира большинства. Отчасти поэтому в использовании нейросетей, с позиции создания своего и пользования чужого контента, оформляется автономное направление медиаграмотности, т.н. AI literacy, т.е. грамотность в отношении ИИ, ориентированная, в числе прочего, на выработку понимания «основных структур, которые оформляют и определяют ИИ, что позволит нам разрабатывать модели взаимодействия человека и ИИ, которые способны сохранить человеческое в человеке» [39].

В сравнении с традиционными медиа нейросети влияют на реальность, посредством интерпретации потока данных и генерации соответствующего контента. В самой способности к обработке Big Data проявляется алгоритмическая рациональность нейросетей, т.е. опора на математически формализуемые процедуры при работе с данными. Причем, нейросети демонстрируют растущую динамику в обработке потока данных. Однако на конференции “NeurIPS”-2024 в Ванкувере, Илья Суцкевер выступил с показательным заявлением, “While compute is growing, the data is not growing, because we have but one internet,” – которое прозрачно констатирует то, какой бы глобальной ни была сеть интернет, она всего лишь одна. Тем не менее, именно нейросети занимают ведущую роль в точности прогнозов в растущем числе направлений, от финансов до автономных транспортных систем [40]. В сравнении с традиционными медиа, которые по структурированным методологиям опираются на обработку данных «вручную», нейросети автономно учатся на неструктурированных данных, предлагая идеи, которые могут повлиять на принятие оптимальных решений [41].

Нейросети влияют на наше восприятие реальности, формируя то, как мы получаем, интерпретируем информацию и реагируем на нее. По аналогии с нейронами, нейросети обладают потенциалом изменить устойчивое отношение человека к чему-либо. Так ученые из Института когнитивистики и нейробиологии Общества Макса Планка в одном из своих исследований продемонстрировали силу когнитивных конструкций в формировании реальности с помощью воображаемых сценариев [42]. Подобные иллюстрации указывают на то, что нейросети не только отражают, но и активно конструируют наше восприятие мира. Не всегда такое конструирование идет во благо человеку. К примеру, популярный сервис чат-ботов Character.AI, предлагающий услуги по настройке эмпатийного собеседника, в октябре 2024 г. получил иск от матери подростка, покончившего жизнь самоубийством после того, как ему запретили общаться с ботом «Дейенерис» [43].

Выводы

Исходя из средовой концепции медиа, мы можем установить важнейший аспект актантной медиальной-

сти нейросетей, отличающий их от всех предшественников. Им является способность нейросетей обучаться и модифицироваться. Здесь среда не только требует адаптации, как это было в предыдущих концепциях медиа, но и сама адаптируется к пользователям, становясь одновременно и инструментом, и партнером в коммуникации. Это преобразует саму природу медиального опыта: он становится процессуальным, открытым и бесконечно изменчивым.

Социальная среда, формируемая нейросетями, уже не ограничивается пространственными или временными рамками. Она объединяет индивидов через алгоритмы, которые действуют как посредники и соучастники коммуникации. Нейросеть создает пространство, где диалог с машиной становится не менее важным, чем диалог между людьми. Более того, эти диалоги взаимно обогащают друг друга, формируя новые социальные смыслы.

In sum, нейросети как медиальный актант не только размывают границы между субъектом и объектом, но и предлагают новое определение медиа. Это не просто инструмент передачи или совместного изменения смысла, но и автономная среда, где смыслы рождаются, преобразуются и распространяются в непрерывной взаимосвязи.

Список источников

1. Савчук В.В. Философия эпохи новых медиа // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 33–42.
2. Debray R. Introduction a la mediologie. Presses Universitaires de France, 2000.
3. Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации. М.: Дашков и К, 2010.
4. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: Рипол-Классик, 2019.
5. Вартанова Е.Л. Медиapolитика: актуальный академический дискурс // Меди@льманах. 2019. № 1 (90). С. 8–17.
6. Кириллова Н.Б. Трансформация медианауки в эпоху глобализации и цифровизации // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2024. Т. 9, № 1. С. 75–92.
7. Чубаров И. Медиа, медианаука и философия медиа // Логос. 2015. Т. 25, № 2(104). С. 92–105.
8. Jensen K.B. New Media, Old Methods – Internet Methodologies and the Online/Offline Divide // The Handbook of Internet Studies / ed. by M. Consalvo, C. Ess. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2011. P. 43–58.
9. Чежимбаева К.С., Куаныш М. Анализ социальных сетей: от теории графов до приложений на python // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 5. С. 1278–1283.
10. Друкер М.М., Яновская Г.В. Социальные медиа: подходы к дефиниции понятия // Медиаскоп. 2021. № 2. doi: 10.30547/mediascope.2.2021.2
11. Круглова Л.А. Гибридные медиа: роль видео в новых медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4. С. 101–105.
12. Вырковский А.В., Горбунова А.С., Давлетшина М.И. Новые медиа и политические процессы в постсоветских странах (на примере «цветных революций») // Медиаскоп. 2019. № 4. doi: 10.30547/mediascope.4.2019.8
13. Карякина К.А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. № 1. Ст. 6.
14. Годик Ю.О. «Цифровое поколение» и новые медиа // Медиаскоп. 2011. № 2. Ст. 9.
15. Газанджиев С.Г. Визуализация как средство структурирования содержания в печатных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 3. С. 10–14.
16. Шилина М.Г. Текстогенность как фактор трансформации коммуникации в XXI веке (К вопросу формирования инновационных концепций исследований медиа и PR) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2012. № 5. С. 108–117.
17. Сергеева О.В. Социология визуального: зрение, взгляд, изображение в цифровую эпоху. Введение к тематическому разделу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 2. С. 131–134.
18. Богост И. Бардак в видеоиграх // Логос. 2015. № 1 (103). С. 79–99.
19. Шаропова Н.Р. По ту сторону визуального: к критике ориентированных на вывод подходов в исследованиях новых медиа // Медиаскоп. 2017. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2390>
20. Макеенко М.И. Развитие теорий медиа в российских научных журналах в 2010-е гг.: результаты первого этапа исследований // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 3–31.
21. Макеенко М.И. Направления трансформации теоретических подходов в российских исследованиях влияния цифровизации на медиа // Медиаскоп. 2018. № 3. doi: 10.30547/mediascope.3.2018.1
22. Декалов В.В. Дигитальная критическая теория медиа: основания и объяснительные возможности // Медиаскоп. 2018. № 2. doi: 10.30547/mediascope.2.2018.5
23. Вартанова Е.Л. О концептуальных основаниях теории медиа // Меди@льманах. 2019. № 3 (92). С. 8–16. doi: 10.30547/medialmanah.3.2019.816
24. Тимофеева Л.Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 64–69.
25. Филиппов В.Н. Индустрия новых медиа в экосистемах новой реальности // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 22. С. 109–126.

26. Ионов Е.А. Парадигма «новых медиа» и новые возможности для управляемости медиaprостранства // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Т. 7, № 4. С. 34–50.
27. Марков А.В. К теории темных медиа // Артикульт. 2022. № 1(45). С. 75–84. doi: 10.28995/2227-6165-2022-1-75-84.
28. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Новые медиа и "умные вещи": как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 1. С. 25–45. doi: 10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545.
29. Сосна Н.Н. Теории медиа: нормализация и вариантология // История философии. 2022. Т. 27, № 2. С. 64–73. doi: 10.21146/2074-5869-2022-27-2-64-73
30. Коломийцева Е.Ю. Новые медиа в пандемию: пути трансформации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1(34). С. 144–152. doi: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_144
31. Вартанова Е.Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3 (116). С. 8–16. doi: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816.
32. Давыдов С.Г., Замков А.В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48, № 5. С. 3–21. doi: 10.30547/vestnik.journ.5.2023.321.
33. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.
34. Detienne M. Les Maîtres de vérité dans la Grèce archaïque. Paris: François Maspero, 1967.
35. Big ideas in tech 2025 // American Dynamism. 2024. URL: <https://a16z.com/big-ideas-in-tech-2025/> (дата обращения: 20.12.2024).
36. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills: Sage Publications, 1979.
37. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
38. Khan Z., Khan Z., Lee B.-G., Kim H. K., Jeon M. Graph neural networks based framework to analyze social media platforms for malicious user detection // Applied Soft Computing. 2024. Vol. 155. Art. No. 111416. doi: 10.1016/j.asoc.2024.111416
39. Allado-McDowell K. Designing Neural Media. URL: <https://www.berlinerfestspiele.de/en/gropius-bau/programm/journal/2023/k-allado-mcdowell-designing-neural-media> (дата обращения: 20.12.2024).
40. Deep Learning vs. Neural Networks // Pure Storage. 2024. URL: <https://blog.purestorage.com/purely-educational/deep-learning-vs-neural-networks/> (дата обращения: 20.12.2024).
41. Ajani S.N. Frontiers of computing - evolutionary trends and cutting-edge technologies in computer science and next generation application // Journal of Electrical Systems. 2024. Vol. 20(1s). P. 28–45. doi: 10.52783/jes.750
42. Benoit R.G., Paulus P.C., Schacter D.L. Forming attitudes via neural activity supporting affective episodic simulations // Nature Communications. 2019. Vol. 10(1). Art. No. 2215. doi: 10.1038/s41467-019-09961-w
43. Can A.I. Be Blamed for a Teen's Suicide? // The New York Times. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/23/technology/characterai-lawsuit-teen-suicide.html> (дата обращения: 20.12.2024).

References

1. Savchuk, V. V. (2012). Filosofiya epokhi novykh media [Philosophy of the era of new media]. Voprosy filosofii. 10: 33–42. (In Russian)
2. Debray, R. (2000). Introduction a la medialogie. Presses Universitaires de France.
3. Sharkov, F. I. (2010). Kommunikologiya: osnovy teorii kommunikatsii [Communicationology: Fundamentals of Communication Theory]. M.: Dashkov i K. (In Russian)
4. Jenkins, H. (2019). Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. Moscow: Ripol-Classic.
5. Vartanova, E. L. (2019). Mediapolitika: aktual'nyy akademicheskii diskurs [Media Policy: Current Academic Discourse]. Medi@l'manakh. 1 (90): 8–17. (In Russian)
6. Kirillova, N. B. (2024). Transformatsiya medianauki v epokhu globalizatsii i tsifrovizatsii [Transformation of media science in the era of globalization and digitalization]. Kommunikatsii. Media. Dizayn. T. 9, 1: 75–92. (In Russian)
7. Chubarov, I. (2015). Media, medianauka i filosofiya media [Media, media science and philosophy of media]. Logos. T. 25, 2(104): 92–105. (In Russian)
8. Jensen, K. B. (2011). New Media, Old Methods - Internet Methodologies and the Online/Offline Divide in The Handbook of Internet Studies / ed. by M. Consalvo, C. Ess, Oxford, UK: Wiley-Blackwell, pp. 43–58.
9. Chezhibayeva, K. S., Kuanysh, M. (2022). Analiz sotsial'nykh setey: ot teorii grafov do prilozheniy na python [Analysis of social networks: from graph theory to python applications]. Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva. 5: 1278–1283. (In Russian)
10. Druker, M. M., Yanovskaya, G. V. (2021). Sotsial'nye media: podkhody k definitsii ponyatiya [Social media: approaches to defining the concept]. Mediaskop. 2. doi: 10.30547/mediascope.2.2021.2. (In Russian)
11. Kruglova, L. A. (2010). Gibridnye media: rol' video v novykh media [Hybrid Media: The Role of Video in New Media]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 4: 101–105. (In Russian)
12. Vyrkovsky, A. V., Gorbunova, A. S., Davletshina, M. I. (2019). Novye media i politicheskie protsessy v postsovetsskikh stranakh (na primere "tsvetnykh revolyutsiy") [New media and political processes in post-Soviet countries (on the example of "color revolutions")]. Mediaskop. 4. doi:10.30547/mediascope.4.2019.8. (In Russian)
13. Karyakina, K. A. (2010). Aktual'nye formy i modeli novykh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniyu kontenta [Actual forms and models of new media: from understanding the audience to creating content]. Mediaskop. 1: 6. (In Russian)
14. Godik, Yu. O. (2011). "Tsifrovoe pokolenie" i novye media ["Digital generation" and new media]. Mediaskop. 2: 9. (In Russian)
15. Gazanjiev, S. G. (2010). Vizualizatsiya kak sredstvo strukturirovaniya soderzhaniya v pechatnykh media [Visualization as a means of structuring content in print media]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 3: 10–14. (In Russian)
16. Shilina, M. G. (2012). Tekstogennost' kak faktor transformatsii kommunikatsii v XXI veke (K voprosu formirovaniya innovatsionnykh kontseptsiy issledovaniy media i PR) [Textogenicity as a Factor in the Transformation of Communication in the 21st Century (Towards the Formation of Innovative Concepts of Media and PR Research)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 5: 108–117. (In Russian)
17. Sergeeva, O. V. (2023). Sotsiologiya vizual'nogo: zrenie, vzglyad, izobrazhenie v tsifrovuyu epokhu. Vvedenie k tematicheskomu razdelu [Sociology of the visual: vision, gaze, image in the digital age. Introduction to the thematic section]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. T. 16. Vyp. 2: 131–134. (In Russian)
18. Bogost, I. (2015). Bardak v videigrakh [Chaos in Video Games]. Logos. 1 (103): 79–99. (In Russian)
19. Sharopova, N. R. (2017). Po tu storonu vizual'nogo: k kritike orientirovannykh na vyvod podkhodov v issledovaniyakh novykh media [Beyond the Visual: Towards a Critique of Output-Oriented Approaches in New Media Research]. Mediaskop. 4. Available from: <http://www.mediascope.ru/2390> (In Russian)
20. Makeenko, M. I. (2017). Razvitie teoriiy media v rossiyskikh nauchnykh zhurnalakh v 2010-e gg.: rezul'taty pervogo etapa issledovaniy [Development of Media Theories in Russian Scientific Journals in the 2010s: Results of the First Stage of Research]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 6: 3–31. (In Russian)

21. Makeenko, M. I. (2018). Napravleniya transformatsii teoreticheskikh podkhodov v rossiyskikh issledovaniyakh vliyaniya tsifrovizatsii na media [Directions for the Transformation of Theoretical Approaches in Russian Studies of the Impact of Digitalization on Media]. Mediaskop. 3. doi: 10.30547/mediaskop.3.2018.1 (In Russian)
22. Dekalov, V. V. (2018). Digital'naya kriticheskaya teoriya media: osnovaniya i ob"yasnitel'nye vozmozhnosti [Digital critical theory of media: foundations and explanatory possibilities]. Mediaskop. 2. doi: 10.30547/mediaskop.2.2018.5 (In Russian)
23. Vartanova, E. L. (2019). O kontseptual'nykh osnovaniyakh teorii media [On the conceptual foundations of media theory]. Medi@l'manakh. 3(92): 8-16. doi: 10.30547/mediaalmanah.3.2019.816. (In Russian)
24. Timofeeva, L. N. (2020). Novaya sotsial'nost' v informatsionnoy povestke dnya: rol' starykh i novykh media [New Sociality in the Information Agenda: the Role of Old and New Media]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2: 64-69. (In Russian)
25. Filippov, V. N. (2021). Industriya novykh media v ekosistemakh novoy real'nosti [New Media Industry in the Ecosystems of the New Reality]. Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu. 22: 109-126. (In Russian)
26. Ionova, E. A. (2022). Paradigma "novykh media" i novye vozmozhnosti dlya upravlyаемости mediaprostranstva [The paradigm of "new media" and new opportunities for managing the media space]. Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal. T. 7, 4: 34-50. (In Russian)
27. Markov, A. V. (2022). K teorii temnykh media [Towards a Theory of Dark Media]. Artikel't. 1(45): 75-84. doi: 10.28995/2227-6165-2022-1-75-84. (In Russian)
28. Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. (2019). Novye media i "umnye veshchi": kak novye tekhnologii aktualiziruyut razlichie mezhdru obshcheniem i kommunikatsiyey? [New Media and "Smart Things": How Do New Technologies Actualize the Difference between Communication and Communication?] Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 1: 25-45. doi: 10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545. (In Russian)
29. Sosna, N. N. (2022). Teorii media: normalizatsiya i variantologiya [Media Theories: Normalization and Variantology]. Istoriya filosofii. T. 27, 2: 64-73. doi: 10.21146/2074-5869-2022-27-2-64-73. (In Russian)
30. Kolomiitseva, E. Yu. (2021). Novye media v pandemii: puti transformatsii [New media in a pandemic: transformation paths]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. T. 1, 1(34): 144-152. doi: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_144. (In Russian)
31. Vartanova, E. L. (2023). «Peresborka» media: aktual'nye protsessy transformatsii v usloviyakh tsifrovizatsii [“Reassembly” of Media: Current Processes of Transformation in the Context of Digitalization]. Medi@l'manakh. 3 (116): 8-16. doi: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816. (In Russian)
32. Davydov, S. G., Zamkov, A. V., Krashenninnikova, M. A., Lukina, M. M. (2023). Ispol'zovanie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v rossiyskikh media i zhurnalistike [Use of artificial intelligence technologies in Russian media and journalism]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. T. 48, 5:3-21. doi: 10.30547/vestnik.journ.5.2023.321. (In Russian)
33. Sokolov, A. V. (2002). Obshchaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii [General Theory of Social Communication]. SPb.: Izd-vo Mikhaylova V. A. (In Russian)
34. Detienne, M. (1967). Les Maîtres de vérité dans la Grèce archaïque. Paris: François Maspero.
35. American Dynamism (2024) Big ideas in tech 2025. Available from: <https://a16z.com/big-ideas-in-tech-2025/> (Accessed: 20.12.2024).
36. Latour, B., Woolgar S. (1979). Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills: Sage Publications.
37. Latour, B. (2020). Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. M.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.
38. Khan, Z., Khan, Z., Lee, B.-G., Kim, H. K., & Jeon, M. (2024). Graph neural networks based framework to analyze social media platforms for malicious user detection. Applied Soft Computing, 155(111416), 111416. doi: 10.1016/j.asoc.2024.111416
39. Allado-McDowell, K. Designing Neural Media. Available from: <https://www.berlinerfestspiele.de/en/gropius-bau/programm/journal/2023/k-allado-mcdowell-designing-neural-media> (Accessed: 20.12.2024).
40. Pure Storage (2024) Deep Learning vs. Neural Networks. Available from: <https://blog.purestorage.com/purely-educational/deep-learning-vs-neural-networks/> (Accessed: 20.12.2024).
41. Ajani, S. N. (2024). Frontiers of computing - evolutionary trends and cutting-edge technologies in computer science and next generation application. Journal of Electrical Systems, 20(1s), 28–45. doi: 10.52783/jes.750
42. Benoit, R. G., Paulus, P. C., & Schacter, D. L. (2019). Forming attitudes via neural activity supporting affective episodic simulations. Nature Communications, 10(1), 2215. doi: 10.1038/s41467-019-09961-w
43. The New York Times (2024) Can A.I. Be Blamed for a Teen's Suicide? <https://www.nytimes.com/2024/10/23/technology/characterai-lawsuit-teen-suicide.html> (Accessed: 20.12.2024).

Информация об авторах:

Тихонова С.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: segedasv@yandex.ru

Пеннер Р.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия); Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: penner.r.v@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Tikhonova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: segedasv@yandex.ru

R.V. Penner, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation); Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: penner.r.v@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.02.2025;
одобрена после рецензирования 29.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 22.02.2025;
approved after reviewing 29.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 314.74; 572.028
doi: 10.17223/15617793/516/9

Роль посредников в образовательной мобильности снизу (на примере китайских студентов в России)

Себастьян Емец¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, sebastjan.jemec@outlook.com

Аннотация. Предпринята попытка пролить свет на роль посредников в образовательной миграции из Китая в Россию. Длительные полевые исследования (2022–2024 гг.) среди китайских студентов в Иркутске, Томске и Москве позволили получить подробную информацию о неформальных процессах самоорганизации внутри китайского сообщества. Заключается, что информационная иерархия, трансляция культурных смыслов и монетизированные отношения между клиентом и посредником указывают на сложные взаимоотношения внутри китайского студенческого сообщества.

Ключевые слова: посредники, рекрутинг иностранных студентов, образовательная мобильность, неформальная экономика, монетизация помощи, китайские студенты, российские университеты

Для цитирования: Емец С. Роль посредников в образовательной мобильности снизу (на примере китайских студентов в России) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 75–82. doi: 10.17223/15617793/516/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/9

The Role of Intermediaries in Transnational Mobility from Below (the Case of Chinese Students in Russia)

S. Jemec¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sebastjan.jemec@outlook.com

Abstract. This article attempts to enlighten the role of intermediaries in educational migration from China to Russia. Prolonged fieldwork (2022–2024) among Chinese students in Irkutsk, Tomsk, and Moscow has allowed the author to gather intimate insights into informal processes of self-organisation within the Chinese community. Participant observation and semi-structured interviews in dormitories and airports have produced interesting ethnographic findings, that have previously not been discussed in Russian-language literature. Students from China prefer to apply to Russian universities through Chinese intermediaries. Intermediaries (also called agents, brokers, and recruiters) can be both commercial companies and individual students, who provide paid support for enrollment into university, visa application, and arrival to the destination. As agents who act between the student-applicant and the receiving university, intermediaries use their informational privilege and cultural savviness to make money. Clients continue depending on help by intermediaries after their arrival to the host university, however informational discrepancies and misunderstandings of obligations in the complex client-intermediary relationship may lead to disappointments and conflicts. By providing assistance to student-clients from families of different economic and social backgrounds in China, intermediaries at local and transnational levels represent a diversified informal system of interdependence, mutual benefit and, which is very important for an anthropological illumination of these processes, transnational academic mobility from below. Young students, who may have never been abroad and may not know Russian nor English, guarantee themselves the opportunity to go to another country and receive a foreign diploma, that may increase their chances in the Chinese labour market. With the continuing paid help of intermediaries they ensure themselves institutional security and well-being in an alien linguistic and social environment. The culture of intermediaries gets formed outside official infrastructures of help and educational institutions by Chinese students and companies. The domain of practical knowledge of how to survive in a foreign environment and success of services of help is negotiated by students, who work as intermediaries, live at the destination, know Russian language and are able to get quickly through bureaucratic procedures in the host society, and therefore can be considered cultural insiders.

Keywords: intermediaries, foreign student recruitment, educational migration, informal economy, monetisation of help, Chinese students, Russian universities

For citation: Jemec, S. (2015) The Role of Intermediaries in Transnational Mobility from Below (the Case of Chinese Students in Russia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 75–82. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/9

Введение

В статье предпринимается попытка определить роль посредников и культуры посредничества при поступлении граждан из Китая в российский университет. Обращаясь к проблематике неформальных практик посредничества, настоящее исследование выявляет конкретные примеры заработка китайских студентов на соотечественниках. Данные процессы включают в себя транснациональные группы интересов и возможности обмена ресурсами и услугами внутри китайского студенческого сообщества. Главной базой источников выступают этнографические материалы автора, собранные в ходе полевого исследования (2022–2024 гг.) в городах Иркутск, Томск, Москва. Включенное наблюдение (в том числе в общежитиях и аэропортах) и полуструктурированные интервью, проведенные автором с информантами на китайском языке, позволяют переосмыслить роль посредников, которые представляют интересную траекторию в сферах межкультурного социального взаимодействия и трансляции культурных смыслов.

Несмотря на высокий уровень цифровизации и коммодификации в межкультурных связях, для китайского студента, собирающегося пожить на чужбине, наступает момент, когда прямое взаимодействие с принимающей средой и университетской бюрократией становятся неизбежными. Благополучное прибытие на место назначения также является важным фактором в процессах неформальной поддержки студентов-соотечественников. Такая самоорганизация и взаимное институциональное отчуждение между китайским студенческим сообществом, находящимся в состоянии постоянного «странствования» и «обучения» за рубежом и взаимодействием с принимающим его российским университетом и обществом, указывают на сложные межкультурные и межинституциональные связи и процессы.

Проблемы рекрутинга китайских студентов в российские университеты остаются в тени исследовательского интереса. Это несмотря на то, что от успехов рекрутеров (или посредников) зависит устойчивость потока платных иностранных абитуриентов и впоследствии имидж университета, желающего заполнить свой бюджет и повышать свои рейтинги и конкурентоспособность. На русском языке существует немного научных исследований на данную тему, основанных на конкретных локальных и региональных примерах набора иностранных студентов [1. С. 178–191; 2. С. 464–469]. Остальная, достаточно скудная литература на русском языке по данным вопросам [3. С. 20–22; 4. 391–398] представляет, скорее, обобщенный справочник, для сотрудников приемных комиссий в университетах, чем рефлексивный научный труд.

Согласно принятой в литературе дефиниции, рекрутером или агентом образовательной мобильности может быть как физическое лицо, так и коммерческая

организация или общественная организация [3. С. 21]. С точки зрения политики университета, обычно под ними таковыми разумеется коммерческая организация. Поэтому существование неформальной занятости в роли посредников самих иностранных студентов не предполагается и в научной литературе не исследовано. В русскоязычной литературе существуют только полевые исследования о китайских посредниках в сфере предпринимательства и сбора природных ресурсов [5. С. 131–144]. Поэтому Обсуждаемый в статье вид самоорганизации внутри студенческого сообщества как ответ студентов снизу в контексте обеспечения стабильности и безопасности во время обучения в чужой стране – важная проблема, которая нуждается в осмыслении и получении практических результатов в том числе на основе антропологических исследований.

Посредники становятся звеном взаимоотношений структур, поскольку они занимают среднюю позицию среди различных участников и связывают «глобальные идеи с конкретными локациями» [6. Р. 60]. В антропологических исследованиях посредник, который пользуется культурой для определенной цели, обозначается также как «агент перемен» (change agent) и дословно как посредник (middleman) [7. Р. 5] и «переводчик» (translator) [6. Р. 25]. Самая распространенная терминология на китайском языке, которую можно услышать в разговорах с китайскими студентами для посредников – *чжунцзе* (*zhongjie* 中介). Это слово включает как индивидуумов, так и компании, находящиеся «посреди», «между» нескольких заинтересованных сторон. В более формальных ситуациях, например, в разговорах о сотрудничестве между университетами, на китайском языке используется термин «агентство по образованию за рубежом» (*liuxue jigou* 留学机构). Этим термином часто называются компании, предоставляющие соответствующие услуги. Китайские образовательные учреждения, предлагающие интенсивные курсы русского языка, обычно сотрудничают с одним из «трех крупных образовательных агентств» (*sanda liuxue jigou* 三大留学机构). О них слышали многие китайские студенты, обучающиеся в России, и их услуги оцениваются клиентами по-разному. На Сяохуншу (буквально «Малая красная книжка»), одной из самых популярных социальных сетей в Китае, где молодежь обсуждает жизненные тренды, посреднические агентства ведут каналы для многих российских городов с предложениями о покупках, советах об адаптации в новой жизненной среде.

Важно подчеркнуть, что посредники редко предоставляют поступающим подробную информацию об уровне образования. Эта ситуация не уникальна для России, так как, например, университеты в Германии также полагаются на посредников при наборе китайских студентов. Конфликты возникают из-за того, что посредники предоставляют поступающим ограниченную информацию о требованиях со стороны университета к уровню языка [8. S. 96].

Поэтому все чаще университеты в Германии отказываются от посреднических агентств и предпочитают прямое партнерство с университетами в Китае [9. S. 79]. Что касается китайских студентов, поступающих в российские университеты, «большинство потенциальных абитуриентов получают информацию не с сайта университета, а из социальных сетей» [10. С. 14]. Сотрудники университетов, с которыми общался автор, признают данное несоответствие информации, сконструированной посредниками с реалиями, представленными университетом. Приводимые в данной статье примеры, свидетельствующие о том, что китайские студенты нередко полагаются на услуги посредников, подтверждают эту ситуацию.

Посредничество как взаимоотношение

Взаимодействие клиентов с посредниками, информационная иерархия и сложность монетизированных отношений обозначают высокий уровень интерсубъективности внутри студенческого сообщества на транснациональном и локальном уровне. Поступающие в российские университеты студенты из Китая полагаются не просто на практическую помощь, а также на «последовательные значения и представления» [11. Р. 20] со стороны соотечественников в роли переводчиков, так называемых *чжунцзе* и гидов. В таком смысле, эти акторы являются «посредниками культуры», которые достигают конкретные цели [7. Р. 5]. Этому способствует платная помощь, которая помогает в обеспечении транснациональной мобильности и не заканчивается с поступлением в университет, а продолжается во время обучения. Если, например, в университетах во Владивостоке, по наблюдениям исследователей, специалисты департамента международной и культурной деятельности и студенты-волонтеры встречают студентов в аэропорту и на вокзале, размещают в общежитии и помогают в навигации по университету [12. С. 131], то в Томске и Иркутске, в большой степени в Москве, по наблюдениям автора, такую роль агента адаптации играют китайские студенты *сами*. Они являются проводниками (гидами) и агентами культуры за пределами формализованных университетских учреждений и вне русскоязычного студенческого сообщества.

Для сравнения, обратим внимание, что китайские студенты в Германии при проблемах в учебе чаще всего обращаются за помощью к сокурсникам-китайцам, что свидетельствует о высоком уровне солидарности. В отличие от высокого уровня конкуренции в университетах в Китае, студенты-соотечественники в Германии не воспринимаются конкурентами, а скорее «товарищами по несчастью» (на немецком «*Leidensgenossen*»), оказавшимися в чужой стране в такой же ситуации, и оказываемая впоследствии взаимная помощь принимается как сама собой разумеющаяся [8. S. 122]. В рассматриваемом нами примере посредничества, взаимосубъективность и иерархия в передаче информации означает, что для принятия решений, таких как советы о том, как сдавать экзамены или как подавать заявление на поступление в магистратуру, студенты, как правило, обращаются за советом к

«собственному» посреднику в Китае (и нередко в России к представителю данного посреднического агентства). Автору известны примеры, когда студентов в Иркутске и Томске блокировали в WeChat их посредники, когда они хотели сменить специальность или перевестись в другой университет. Сибирские зимы суровые, университетские города небольшие, а студенты слышали, что другие города в России более интересные и что жизнь там веселее. Об этом не говорили посредники, афиширующие требования к языку со стороны университета, и что после прибытия в Россию, студентам приходится общаться на русском языке и самостоятельно сдавать экзамены. Полагая так, эти студенты неправильно думали, что их проблемы с учебой и адаптацией к новой социальной и языковой среде после прибытия в университет будут решаться посредниками.

Транснациональная академическая мобильность снизу

Студенты из Китая, подрабатывающие посредниками, и их клиенты образуют диалектические и монетизированные взаимоотношения. Данные процессы создают иерархию взаимозависимости между студентом-посредником и студентом-клиентом. Такая зависимость также указывает на стремление к транснациональной мобильности и поиск гарантий безопасности и академического успеха, чему способствует «культура посредничества». Оказывая помощь студентам-клиентам из семей различных уровней благосостояния и социального происхождения в Китае, посреднические практики на локализованном и транснациональном уровнях представляют собой диверсифицированную неформальную систему взаимозависимости, взаимной выгоды и, что весьма важно для антропологического осмысления данных процессов, – транснациональной академической мобильности снизу.

Межкультурное и межинституциональное посредничество является ответом на непредсказуемость и провал официальных структур [11]. Студенты создают альтернативные структуры помощи и самоорганизации, которые не может обеспечить «отчужденный» университет. Они обладают агентностью, и таким образом являются агентами перемен и посредниками, ориентированными на действия и стремящимися достичь конкретных межкультурных результатов, и одной из важных целей является адаптация.

Вопрос об экономических трудностях, с которыми встречаются студенты из Китая, не получил еще освещения в исследованиях, китайские студенты рассматриваются преимущественно как экономически хорошо обеспеченные. Существует мнение, что большинство студентов из Китая, обучающихся в Москве, принадлежит к экономически более благополучным слоям общества, поскольку они готовы к значительным затратам на обучение по китайским масштабам [13. С. 235–236]. В российских СМИ также нередко рассказывается о веселой и даже развратной жизни обеспеченных студентов из Китая, которые покупают дипломы и заказывают «тележки пива» в китайских караоке барах в Москве [14].

Однако известные автору случаи скромного образа жизни китайских студентов в Томске, Иркутске и даже Москве, их редкие поездки домой из-за высокой стоимости авиабилетов и обсуждаемая в данной статье «рекламная политика» дешевой альтернативы со стороны рекрутинговых агентств и студентов-посредников позволяют утверждать, что картина социального происхождения и экономического состояния абитуриентов и их семей из Китая более сложная, чем кажется на первый взгляд.

В качестве примера можно привести ситуацию, с которой столкнулась молодая девушка, не окончившая среднюю школу в Китае и поступившая на подготовительное отделение в Томск. Коммерческое посредническое агентство в Китае обещало ей «недорогое образование» и, после года изучения русского языка, несложный процесс зачисления в бакалавриат. Однако после прибытия в Томск, девушка не имела финансовой поддержки семьи, которая из-за экономического кризиса потеряла свой бизнес. Стоит вспомнить также, что в ходе экономической нестабильности, вызванной пандемией COVID-19, институт семейного предпринимательства в Китае столкнулся со многими проблемами, и немалая часть студентов, поступивших в университеты России в 2021–2024 гг., были детьми таких ранее благополучных предпринимательских семей, потерявшими возможность получить высшее образование в более привлекательных для обучения странах, а именно: в Японии, Корее и Франции. Студенты «не могли добраться» до них из-за финансовой ограниченности своих семей и, что информанты реже упоминали, поскольку это считается «стыдной» причиной и показателем академической неспособности из-за более сложных требований, предъявляемых в этих странах к поступлению в университеты.

В итоге еще несовершеннолетняя слушательница русского языка зависела от помощи своих китайских соседей и других китайских сверстников в общежитии. Соотечественники приготавливали вместе на кухне еду, и она могла питаться «бесплатно», т.е., не покупая продуктов для общего приготовления еды, как обычно договариваются между собой студенты из Китая. Данный пример указывает на альтруистическую самоорганизацию снизу, которая, как групповой ответ на конкретную проблему одного человека на чужбине, становилась объединяющим фактором для китайского сообщества или культурно специфической общности. Такая общность нуждается в границах лиминальности, которая есть ритуал, в котором культурные сверхструктуры не являются пассивными зеркалами, имеет онтологическое значение и объединяет участников в нечто общее [15. Р. 96–97, 103]. Этот онтологический порог связан с монетизацией помощи и, что важно для дискурса о выживании студентов в чужой среде и их локализованной самоорганизации, является объектом некоего мифа, поскольку успех поступления в зарубежный университет во многом объясняется существованием неформального посредничества. Несмотря на то, что в университетах также существуют официальные структуры поддержки и информационные каналы для

поступающих иностранцев, в китайской культуре посредничества, образующаяся за пределами официальных инфраструктур и институций область практического знания о таких услугах является привилегией для «культурных инсайдеров» – студентов-посредников, живущих на месте назначения, знающих русский язык и умеющих разбираться в бюрократических процедурах (или претендующих быть знатоками местной культуры). Параллельные реальности, построенные дискурсами об авторитете знания и подтвержденные практиками монетизированной помощи посредников, создают новые миры неких иллюзий и самопротиворечащих обещаний [16. Р. 170]. Мифы об авторитете посредников в процессах транснациональной мобильности создаются благодаря творческим способностям, присущим человеку, где воображение рассматривается как продуктивный потенциал человека [17. Р. 59]. Таким образом, образовательная мобильность снизу осуществляется с обещанием обеспечить поступление и сопровождение после прибытия, которые, как показывает опыт, могут не быть успешными и «провалиться».

Вышеупомянутой студентке соотечественники посоветовали быстро вернуться домой (в доброжелательном смысле, что «дома семья, а здесь никого у нее нет»). По их мнению, лучше закончить среднюю школу и попытаться поступить в какой-нибудь университет или техникум в Китае, чем испытывать проблемы в России. И, что интересно, кто-то из более предприимчивых студентов предложил ей самой стать посредником – таким же *чжунцзе*, который заманивает в чужую среду с обещаниями о легкой и дешевой учебе, и зарабатывать на китайских студентах, не знающих русского языка, слабо знакомых с принимающей средой и ищущих дешевый вариант уехать за рубеж. О данной траектории деятельности студентов-посредников, которых можно рассматривать в качестве «посредников культуры» и «агентов культуры» (culture brokers) или «агентов перемен» [7. Р. 5], проводящих снизу монетизацию помощи при поступлении в университет и студентах-клиентах, которые становятся «жертвами» обмана, – свидетельствует опыт магистранта, обучающегося в Томске. Этот информант, обучающийся в 2023 г., по своей инициативе создал небольшой «посреднический бизнес», так как не хотел работать с крупными посредническими агентствами, как «гид» или исполнитель услуг сопровождения на месте. Он также не обратился к университету с предложением стать амбассадором университета, как это делают другие предприимчивые студенты, желающие подработать на поступлении в университет своих соотечественников. Он объяснял клиентам в своем родном крае, интересующимся возможностью поступления в магистратуру с обучением на английском языке за границей, что это единственный хороший вариант для их будущего: *«Я рассказывал соседям и друзьям о возможности учиться в отличном российском университете, а не в каком-то третьесортном провинциальном университете или колледже дома. В России требуют от китайцев только диплом бакалавра с нотариально заверенным переводом на русском языке»* (ПМА 1).

Посредничество как параллельный мир

Культура строения нарратива и мифотворчества создает пространство полуреальности неограниченных возможностей, включая обещания со стороны посредников, что без знания русского языка студенты могут успешно закончить обучение благодаря помощи и влиянию самих посредников, агентств по обучению за рубежом и студентов старшего возраста, связанных с этими коммерческими компаниями. Это отражает признанную в литературе проблему того, что образовательные посреднические агентства в Китае ведут в основном нерегулируемую деятельность за рубежом [18. Р. 251]. Так, информант в Иркутске рассказала мне, что слушателям русского языка достаточно заплатить 5.000 юаней местному посреднику или гиду (*чжунцзе*), которыми выступают старшие китайские студенты, хорошо знакомые с Иркутском. Данная цена в четыре раза ниже цены, которую требуют зарегистрированные посреднические агентства. Такие льготы, как она добавила, возможны, *«если в Иркутске знаешь правильных людей»*. Таким образом, студенты *«за небольшой расчет обеспечивают себе поступление в университет и сопровождение на день прибытия»* (ПМА 2).

В литературе также часто обращается внимание на «негативное» влияние на адаптацию и интеграцию из-за «сегрегации» студентов со стороны принимающего университета, возникающую вследствие тесных связей внутри неформальных студенческих сообществ, сформировавшихся по языковым и этническим признакам [19. Р. 191]. Так называемое «внутриэтническое общение» (*intra-ethnic communication*) описывается в работах, основанных на теории кросс-культурной адаптации в долгосрочной перспективе как «вредное» для успешной ассимиляции и удовлетворительной аккультурации [20. Р. 119].

Более глубокая проблема заключается в том, что посредники в процессе мифотворчества гарантируют клиентам возможность успешно сдать экзамены и получить диплом. Проблема настолько серьезна, что даже студенты, которые упорно работали над овладением русским языком, проваливали экзамены из-за слепой уверенности в успехе, гарантированном посредниками. Такое мифотворчество представляет процесс создания новых материальных, лингвистических и концептуальных образований или же преобразования существующих [21. Р. 215] в нашем случае даже их обращение в экономическую выгоду, которое не ситуативное, а является практикой с понятными правилами и некой общей культурой. Посредники владеют так называемой «мудростью первого уровня», используя собственный авторитет и деньги, полученные от клиентов, и требуя от участников сделки способности найти компромисс и создавать новые способы понимания, тем самым превращая потенциальное в действительное [22]. Проблема в том, что роль посредника, обеспечивающего упрощенную сдачу экзаменов и получение диплома не обязательно может благоприятно воздействовать на усвоение языка, социальных компетенций и вообще культурного обогащения. Так информант, зарабатывающий в качестве посредника и гида в

Москве, прокомментировал парадокс роли посредников в процессе приобретения русского языка новыми студентами. Данный парадокс наглядно иллюстрирует проблемы параллельного существования нарративов, созданных посредниками, и действительных требований, касающихся языка и социальной адаптации: *«Если не учишься, то посредник не будет нести ответственности. Это потому, что университет дает тебе возможности учиться и развиваться, но если не учишься и не знаешь нового языка, то можешь обвинять только самого себя»* (ПМА 3).

Отношения между посредником и клиентом, которые воспроизводятся в нашем случае в (не)формальных сделках гидов, переводчиков и наставников (и в общем лидеров разных групп студентов-соотечественников) с неопытными студентами-клиентами, нуждающимися в помощи, уменьшают непредсказуемость неудачных и неудовлетворяющих «официальных рациональностей» в локальных контекстах [11. Р. 11]. В качестве неолиберальных субъектов предпринимательства, студенты-посредники трансформируют институциональные различия и культурную чуждость в предмет переговоров в рыночных условиях соизмеримости (*commensuration*), коммодификации и брэндинга [23. Р. 24, 58]. Культурные посредники или же «посредники культуры» (*culture brokers*) считают, что другие культуры «предлагают что-то ценное» [7. Р. 40]. Проблема, замечают китайские антропологи, состоит в том, что в традиционной литературе распространены парадигмы «ассимиляции», «аккультурации» и «адаптации» в сферу доминирующего общества, которые рассматриваются как идеальный результат и конечный продукт для смягчения негативного опыта иностранных студентов, когда на самом деле процессы приспособления к новой среде развиваются в намного более сложные процессы и направления [24. Р. 4].

Сложные институциональные процедуры отчуждают студентов и родителей от процессов поступления в зарубежный университет и оформления виз, что увеличивает спрос на посредников [25. Р. 183]. Студенты могут ничего не знать об альтернативных странах, пока агенты или даже друзья не предоставят им информацию [26. Р. 47]. Существуют ценники, которых в группах WeChat афишируют коммерческие посреднические агентства, но в случае индивидуальных студентов-посредников, стоимость услуг обговаривается устно. Первая часть согласованной суммы для посреднических услуг включает перевод и подачу документов в университет, и иногда, в зависимости от согласования до приезда и устного договора, оформление визы. Вторая часть – встреча в аэропорту и сопровождение на место – обычно выплачивается посреднику после того, как студент-клиент получает регистрацию на месте. По договоренности, посредники также помогут с прохождением медицинских осмотров, необходимых для следующего этапа легализации иностранного гражданина, а также оформление дактилоскопии в миграционном учреждении города пребывания, и других необходимых дел (покупкой SIM-карты, оформлением банковской карты, советами о путешествиях).

Оформление регистрации является очень важным моментом в жизни китайских студентов, так как в процессе творения мифов и дискурсов о сложностяхживания в чужой среде выравнивается групповыми занятиями и конструируется посредниками как некий барьер к легализации на месте прибытия, которое можно преодолеть только с их (платной) помощью. Похоже на вышеупомянутый пример альтруистической самоорганизации снизу, когда соотечественники помогали попавшей в неблагоприятную ситуацию студентке, оформление регистрации выступает в качестве показателя границ культурных общностей и конкретной лиминальности – ритуала монетизации и мифотворчества, в котором нет пассивности и который имеет онтологическое значение, объединяющее участников социального процесса и экономической сделки в нечто общее [15. Р. 96–97, 103].

Заключение

Антропологический экскурс в неформальные практики социального и экономического взаимодействия внутри китайского студенчества указывает на существование процессов транснациональности снизу. Проанализировав неформальные практики посредничества, через которые конструируются схемы поддержки и передача информации внутри китайского студенческого сообщества, можно утверждать, что транснациональное образование становится более доступным и более разнообразным. Одновременно, так как в статье впервые рассматривались проблемы само-

организации на локальном и транснациональном уровнях, будущие исследования должны обращать внимание на проблемы теневой экономики, возникающей из-за неформальных и иногда неэтичных практик посредников.

Подача документов на поступление, встреча в аэропорту, заселение в общежитие и оформление регистрации – это коллективные действия в новой культурной, языковой и социальной обстановке, которые выполняют объединяющую функцию для китайского студенческого сообщества. Они осуществляются через монетизированные стандарты и рыночные ожидания, которые явно понятные, но – что очень важно для неформальной экономики посредничества – не совсем прозрачные или транспарентные. При поддержке семей, молодые студенты, никогда не бывшие за границей, покупают себе шанс уехать в другую страну, а также обеспечить себе институциональную безопасность и благосостояние в новой среде. Данная зависимость от посредников указывает на стремление к транснациональной мобильности и поиск гарантий безопасности и академического успеха, чему способствует хорошо разработанная «культура посредничества» и ее явно коммерческая составляющая. Оказывая помощь студентам-клиентам из семей различных уровней благосостояния и социального происхождения в Китае, посреднические практики на локализованном и транснациональном уровнях представляют собой диверсифицированную неформальную систему взаимозависимости, взаимной выгоды и академической мобильности снизу.

Полевые материалы

ПМА1 – полевые материалы автора, г. Томск, март 2023 г.
ПМА 2 – полевые материалы автора, г. Иркутск, июль 2023 г.
ПМА 3 – полевые материалы автора, г. Москва, апрель 2024 г.

Список источников

1. Гаврильева Л.А., Гаврильева С.А., Рац Г.И. Рекрутинг иностранных студентов в отдаленные регионы со сложными климатическими условиями // *Перспективы науки и образования*. 2021. Т. 53, № 5. С. 178–191.
2. Леонтьева Э.О., Никитенко Е.В. Актуальные способы рекрутинга китайских студентов в вузы Дальневосточного региона // *Инновационные инфокоммуникации XXI века : материалы 18-й (XVIII) межвузовской всероссийской научно-практической конференции*, 05 мая 2017 г. Хабаровск : Издательство ХИИК «СибГУТИ», 2017. С. 464–469.
3. Краснова Г.А. Лучшие практики рекрутинга иностранных студентов // *Аккредитация в образовании*. 2017. Т. 94, № 2. С. 20–22.
4. Краснова Г.А., Гриншкун В.В. Особенности и преимущества онлайн-рекрутинга иностранных студентов // *Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования*. 2017. Т. 14, № 4. С. 391–398.
5. Шармашеева Н.Ж. Повседневные практики китайских посредников в Республике Бурятия // *Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством* / отв. ред. В.И. Дятлов. Москва ; Иркутск, 2007. С. 131–144.
6. Simion K. *Rule of Law Intermediaries: Brokering Influence in Myanmar*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 280 p.
7. Michie M. *Working Cross-Culturally: Identity Learning, Border Crossing and Culture Brokering*. Rotterdam : Sense Publishers, 2014. 157 p.
8. Zhou J. Zwischen 'Elite von morgen' und Liu Xue La Ji ('Müllstudenten'): Chinesische Studenten in Deutschland. Münster : Verlagshaus Monsenstein und Vannerdat, 2010. 257 S.
9. Reisch U. *Angewandte Wissenschaften und forschendes Lernen: Deutsch-chinesische Hochschulpartnerschaften* // *Berliner China-Hefte*. 2021. Vol. 53. S. 69–78.
10. Маслов А.А. Перспективы и возможности выхода российских университетов на китайский образовательный рынок // *Российский совет по международным делам*. 2022. № 40. С. 1–16.
11. Mosse D., Lewis D. *Theoretical Approaches to Brokerage and Translation in Development* // *Development Brokers and Translators: The Ethnography of Aid and Agencies* / eds. by D. Lewis, D. Mosse. West Hartford, Connecticut : Kumarian Press, 2006. P. 1–26.
12. Морозова Ю.В. К вопросу об адаптации иностранных студентов в многонациональном вузе: региональные аспекты // *АНИ: педагогика и психология*. 2018. Т. 22, № 1. С. 129–132.
13. Калмыков П.Н. Китайская учащаяся молодежь Москвы. Ресурс миграционного притока или российские контрагенты в Китае? // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2009. № 2. С. 234–250.
14. Фокин А. «Фабрики дипломов» воруют сотнями миллионов рублей: Как на самом деле живут и учатся китайские студенты в России // *Комсомольская правда*. 06.05.2024. URL: <https://kp-ru.turbopages.org/turbo/kp.ru/s/daily/27601.5/4927737/> (дата обращения: 05.01.2025).
15. Turner V. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. New York : Cornell University Press, 1969. 213 p.
16. Ricoeur P. *Oneself as Another*. Chicago : The University of Chicago Press, 1992. 363 p.

17. Gregor B. *Ricoeur's Hermeneutics of Religion: Rebirth of the Capable Self*. London : Lexington Books, 2018. 240 p.
18. Feng S., Horta H. Brokers of International Student Mobility: The Roles and Processes of Education Agents in China // *European Journal of Education*. 2021. Vol. 56, № 2. P. 248–264.
19. Brown L. An Ethnographic Study of the Friendship Patterns of International Students in England: An Attempt to Recreate Home through Co-National Interaction // *International Journal of Educational Research*. 2009. Vol. 48, № 3. P. 184–193.
20. Liu Y., Dong L. Shared Experiences and Resilience of Cultural Heritage: Chinese Students' Social Interaction with Non-Host Nationals in the United States // *Journal of International Students*. 2019. Vol. 9, № 1. P. 111–128.
21. McLean S. Stories and Cosmogonies: Imagining Creativity beyond “Nature” and “Culture” // *Cultural Anthropology*. 2009. Vol. 24, № 2. P. 213–245.
22. Frølund L., Ziethen M. The Wisdom of the Intermediary: The Role, Function, and Ways-of-Being of the Intermediary in a Strategic Program for University-Industry Relations // *Triple Helix*. 2016. Vol. 3. URL: <https://doi.org/10.1186/s40604-016-0039-4> (access date: 08.01.2025).
23. Comaroff J.L., Comaroff J. *Ethnicity, Inc*. Chicago : The University of Chicago Press, 2009. 236 p.
24. Yu J. Caught in the Middle? Chinese International Students' Self-Formation amid Politics and Pandemic // *International Journal of Chinese Education*. 2011. Vol. 10, № 3. P. 1–15.
25. Cheng Y. Infrastructure Student Mobilities in Asia // *Routledge Handbook of Asian Transnationalism* / ed. by A.K. Sahoo. New York : Routledge, 2022. P. 181–192.
26. Fong V.L. *Paradise Redefined: Transnational Chinese Students and the Quest for Flexible Citizenship in the Developed World*. Stanford : Stanford University Press, 2011. 267 p.

References

1. Gavrilova, L.A., Gavrilova, S.A., Rats G.I. (2021) Rekrutiny inostrannykh studentov v otdalennye regiony so slozhnymi klimaticheskimi usloviiami [The Recruitment of Foreign Students into Remote Regions with Difficult Climatic Conditions]. *Perspektivy nauki i obrazovaniia*. 5 (53). pp. 178–191.
2. Leonteva, E.O., Nikitenko, E.V. (2017) Aktualnye sposoby rekrutiny kitaiskikh studentov v vuzy Dalnevostochnogo regiona [Applicable Means of Recruiting Chinese Students into Higher Education Institutions in the Far East Region]. *Innovatsionnye infokommunikatsii XXI veka: materialy 18-oi (XVIII) mezhdunarodnoi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 05 maia 2017 g.* [Innovative Communications of the XXI Century: Conferent Materials of the Eighteenth Inter-University All-Russian Educational-Practical Conference, 5 May 2017]. Khabarovsk: Izdatelstvo KhIIK “SibGUTI”. pp. 464–469.
3. Krasnova, G.A. (2017) Luchshie praktiki rekrutiny inostrannykh studentov [Best Practices of Foreign Student Recruitment]. *Akkreditatsiia v obrazovanii*. 2 (94). pp. 20–22.
4. Krasnova, G.A., Grinshkun, V.V. (2017) Osobennosti i preimushchestva onlain-rekrutiny inostrannykh studentov [Features and Benefits of Foreign Student Online Recruitment]. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiia obrazovaniia*. 4 (14). pp. 391–398.
5. Sharmashkeeva, N.Zh. (2007) Povsednevnye praktiki kitaiskikh posrednikov v Respublike Buriatii [Everyday Practices of Chinese Intermediaries in the Republic of Buryatia]. In: V.I. Diatlov (ed.) *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrations and Diasporas in the Socio-Cultural, Political and Economic Space of Siberia. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Irkutsk: Ottisk, pp. 131–144.
6. Simion, K. (2021) *Rule of Law Intermediaries: Brokering Influence in Myanmar*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Michie, M. (2014) *Working Cross-Culturally: Identity Learning, Border Crossing and Culture Brokering*. Rotterdam: Sense Publishers.
8. Zhou, J. (2010) *Zwischen 'Elite von morgen' und Liu Xue La Ji ('Müllstudenten'): Chinesische Studenten in Deutschland*. Münster: Verlagshaus Monsenstein und Vannerdat.
9. Reisach, U. (2021) Angewandte Wissenschaften und forschendes Lernen: Deutsch-chinesische Hochschulpartnerschaften. *Berliner China-Hefte*. 53. S. 69–78.
10. Maslov, A.A. (2022) Perspektivy i vozmozhnosti vykhoda rossiiskikh universitetov na kitaiskii obrazovatelnyi rynek [Prospects and Opportunities for Russian Universities to Enter the Chinese Educational Market]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*. 40. pp. 1–16.
11. Mosse D., Lewis D. (2006) Theoretical Approaches to Brokerage and Translation in Development. In: D. Lewis, D. Mosse (eds.) *Development Brokers and Translators: The Ethnography of Aid and Agencies*. West Hartford, Connecticut: Kumarian Press. pp. 1–26.
12. Morozova Iu.V. (2018) K voprosu ob adaptatsii inostrannykh studentov v mnogonatsionalnom vuzе: regionalnye aspekty [On the Question of the Adaptation of Foreign Students in a Multinational Higher Education Institution: Regional Aspects]. *ANI: pedagogika i psikhologiya*. 1 (22). pp. 129–132.
13. Kalmykov, P.N. (2009) Kitaiskaia uchashchaisia molodezh' Moskvy. Resurs migratsionnogo pritoka ili rossiiskie kontragenty v Kitae? [Chinese Students in Moscow. Resource of Migration Inflow or Russian Counterparties in China?]. *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2. pp. 234–250.
14. Fokin A. “Fabriki diplomov” vorotiat sotniami millionov rublei: Kak na samom dele zhivut i uchatsia kitaiskie studenty v Rossii [“Diploma Factories” are Making Business with Hundreds of Millions of Rubles: How Chinese Students Actually Live and Study in Russia]. *Komsomolskaia pravda*. 06.05.2024. URL: <https://kp-ru.turbopages.org/turbo/kp.ru/s/daily/27601.5/4927737/> (access date: 05.01.2025).]
15. Turner, V. (1969) *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. New York: Cornell University Press.
16. Ricoeur, P. (1992) *Oneself as Another*. Chicago: The University of Chicago Press.
17. Gregor, B. (2018) *Ricoeur's Hermeneutics of Religion: Rebirth of the Capable Self*. London: Lexington Books.
18. Feng S., Horta, H. (2021) Brokers of International Student Mobility: The Roles and Processes of Education Agents in China. *European Journal of Education*. 2 (56). pp. 248–264.
19. Brown, L. (2009) An Ethnographic Study of the Friendship Patterns of International Students in England: An Attempt to Recreate Home through Co-National Interaction. *International Journal of Educational Research*. 3 (48). pp. 184–193.
20. Liu, Y., Dong, L. (2019) Shared Experiences and Resilience of Cultural Heritage: Chinese Students' Social Interaction with Non-Host Nationals in the United States. *Journal of International Students*. 1 (9). pp. 111–128.
21. McLean, S. (2009) Stories and Cosmogonies: Imagining Creativity beyond “Nature” and “Culture”. *Cultural Anthropology*. 2 (24). pp. 213–245.
22. Frølund, L., Ziethen, M. (2016) The Wisdom of the Intermediary: The Role, Function, and Ways-of-Being of the Intermediary in a Strategic Program for University-Industry Relations. *Triple Helix*. 3. URL: <https://doi.org/10.1186/s40604-016-0039-4> (access date: 08.01.2025).
23. Comaroff, J.L., Comaroff, J. (2009) *Ethnicity, Inc*. Chicago: The University of Chicago Press.
24. Yu, J. (2011) Caught in the Middle? Chinese International Students' Self-Formation amid Politics and Pandemic. *International Journal of Chinese Education*. 3 (10). pp. 1–15.
25. Cheng, Y. (2022) Infrastructure Student Mobilities in Asia. In: A.K. Sahoo (ed.) *Routledge Handbook of Asian Transnationalism*. New York: Routledge. pp. 181–192.
26. Fong, V.L. (2011) *Paradise Redefined: Transnational Chinese Students and the Quest for Flexible Citizenship in the Developed World*. Stanford: Stanford University Press.

Информация об авторе:

Емец С. – аспирант кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S. Jemec, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.01.2025;
одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 21.01.2025;
approved after reviewing 25.05.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 339.924
doi: 10.17223/15617793/516/10

Перспективы климатического и энергетического сотрудничества России и Казахстана с использованием потенциала Сибири

Анастасия Максимовна Коломина¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, amkolomina@hse.ru

Аннотация. Анализируется потенциал энергетического и климатического сотрудничества России и Казахстана с использованием ресурсного и научного потенциала Сибири. Через статистический анализ данных выработки и потребления электроэнергии, анализ стратегических документов по развитию Сибири, дискурса вокруг климатической повестки и кейсов реализации совместных проектов делается вывод о перспективах кооперации в области возобновляемой энергетики и климатического регулирования. Высказывается предположение о катализации интеграционных процессов через укрепление сотрудничества в электроэнергетической отрасли.

Ключевые слова: климатическая политика, энергетическое сотрудничество, Россия, Казахстан, международные отношения

Источник финансирования: в работе использованы результаты проекта «Сибирская Россия: «Поворот на Восток 2.0», выполненного в рамках программы исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2025 г.

Для цитирования: Коломина А.М. Перспективы климатического и энергетического сотрудничества России и Казахстана с использованием потенциала Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 83–91. doi: 10.17223/15617793/516/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/10

Prospects for Russia-Kazakhstan climate and energy cooperation realizing the Siberian region potential

A.M. Kolomina¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, amkolomina@hse.ru

Abstract. This article explores the potential for climate and energy cooperation between Russia and Kazakhstan, focusing on leveraging Siberia's resource and scientific capacities to address shared challenges. The research analyzes how common climate vulnerabilities and energy needs can form the basis for bilateral collaboration. The study draws upon statistical data on electricity generation and consumption, analytical reviews of strategic development plans for Siberia, discourse analysis of climate policies in both countries, and case studies of joint energy projects. Siberia's renewable energy resources, particularly hydropower, present significant opportunities to address Kazakhstan's rising electricity demand while supporting energy diversification goals. The study highlights how climate change impacts, such as rising temperatures, reduced water availability, and extreme weather conditions, impact energy security for both nations. It examines existing mechanisms of cooperation in the electric power sector, while acknowledging barriers including regulatory differences, technological limitations, and lack of infrastructure investment. Furthermore, the study considers the potential for leveraging joint research and technical capabilities, as evidenced by existing collaborative frameworks and the opportunity for expanding joint scientific projects in energy and climate-related fields. The findings suggest that enhanced collaboration in renewable energy development and climate policy could catalyze broader Eurasian integration. By deepening cooperation in climate regulation and renewable energy projects, Russia and Kazakhstan can foster a model for regional integration that balances economic growth with environmental sustainability and reflects the participants' national interests. Joint initiatives to align energy systems and regulatory frameworks would not only mitigate resource deficits but also promote innovation in green technologies. This cooperation reinforces international political collaboration and proactive engagement in shaping the climate agenda contributes to strengthening Russia's position in the Central Asian region. The Siberian region, in turn, could become a platform for international cooperation between the Russian Federation and Central Asian countries in the most promising areas of partnership.

Keywords: climate policy, energy cooperation, Russia, Kazakhstan, international relations

Financial support: This work is an output of a research project "Siberian Russia: "Turn to the East 2.0", implemented as part of the Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University.

For citation: Kolomina, A.M. (2015) Prospects for Russia-Kazakhstan climate and energy cooperation realizing the Siberian region potential. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 83–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/10

Влияние, оказываемое климатическими изменениями на межгосударственное взаимодействие, принимает различные формы [1. Т. 78. С. 514]. В частности, климат формирует новую повестку международного сотрудничества, что отражается в деятельности международных организаций, многосторонних форумах и новых направлениях межгосударственного двустороннего взаимодействия [2]. Глобальный характер климатических изменений способствует усилению взаимозависимости государств в их решении, а необходимость совместных действий создает новые формы взаимодействия и сотрудничества между странами [3. Р. 17]. Создаются специальные механизмы взаимодействия, такие как совместные комиссии по климату, проводятся регулярные консультации и обмен опытом. Центральная Азия не является исключением [4] – в регионе действует Региональный хаб по транспарентности климатических действий в Центральной Азии ReCATH в рамках Программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества CAREC [5], внедрена «Стратегия Регионального Сотрудничества Развития (СРСП) – Центральная Азия, 2020–2025» [6], в совокупности с проектом «Энергия будущего» (Power of the Future), разработанным на основе платформы C5+1 [7]. На уровне общественных организаций, в том числе российских, функционирует климатическая сеть Climate action network. Eastern Europe, Caucasus and Central Asia [8]. РФ на правительственном уровне участвует в развитии региона посредством «климатического окна» трастового фонда Россия – ПРООН, реализуя ряд специализированных проектов в водно-экологической сфере стран Центральной Азии [9]. При этом единство вызовов становится мощным стимулом к межгосударственной интеграции [10. С. 110]. В случае центральноазиатских государств последствия климатических изменений являются одним из актуальных вызовов, а обеспечение климатической и энергетической безопасности [11. С. 180] становится общей целью и, как следствие, стимулом к интеграции. Казахстан – центральноазиатское государство, обладающее наиболее развитыми климатическими институтами и системой регулирования выбросов парниковых газов – демонстрирует готовность к участию в международных климатических инициативах. Однако внутренние экономические факторы, такие как зависимость от добычи углеводородов, острая нехватка квалифицированных специалистов, недостаток технологий, дефицит капитала, создают определенные ограничения для радикальной трансформации климатической политики [12]. В данной статье через общность климатических и энергетических вызовов Казахстана и РФ (в частности, Сибири) мы рассмотрим существующие и перспективные векторы сотрудничества стран в данных сферах, обращая особое внимание на недоиспользованный ресурсный и научный потенциал Сибири.

Центральная Азия является одним из наиболее уязвимых регионов мира с точки зрения воздействия климатических проблем. «Климат в Центральной Азии ме-

няется быстрее, чем в мире в целом, его трансформации становятся непредсказуемыми. Во многом это связано с тем, что значительно выросла нагрузка на окружающую среду. Например, население региона за последние 100 лет выросло в 6 раз» [13]. Согласно оценкам Всемирного банка, среднегодовая температура в регионе увеличивается быстрее, чем в среднем по миру, что создает множественные вызовы для социально-экономического развития стран региона [14]. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), площадь ледников в горных системах Центральной Азии сократилась на 25–35% за последние 50 лет [15]. Среди актуальных для региона проблем также выделяют дефицит водных ресурсов, учащение экстремальных погодных явлений и усиление процессов опустынивания [16. С. 29]. Эти процессы имеют существенные экономические и политические последствия [17]. В частности, нехватка водных ресурсов влияет на состояние сельскохозяйственного сектора региона, который обеспечивает занятость значительной части населения [18]. Особую остроту приобретает проблема трансграничного водопользования, которая усугубляется под влиянием климатических проблем. Для стран верховья (Кыргыстана, Таджикистана) водные ресурсы в основном являются средством генерации электроэнергии, для низовья (Узбекистана, Туркменистана, Казахстана [19. С. 47]) вода – источник для ирригации сельскохозяйственных угодий. Конфликт интересов особенно обостряется в зимний период, когда страны верховья увеличивают сброс воды для выработки электроэнергии, что приводит к её дефициту в вегетационный период. Для решения всего комплекса вышеобозначенных проблем формируются различные форматы межнационального взаимодействия по климатической проблематике [10. С. 111]. Характерной чертой климатических организаций в Центральной Азии является активное участие в них внерегиональных игроков, основными из которых являются ЕС, США и Россия [20]. Углубление региональной климатической интеграции в ЦА при активном участии России становится критически важным направлением российской внешней политики как средство расширения влияния в регионе и укрепления связей с центральноазиатскими партнерами [21]. Сегодня российское экспертное сообщество единодушно признает, что «значимость Центральной Азии для внешней политики России трудно переоценить – Россию связывает с регионом самая протяженная в мире сухопутная граница, столетия общей истории, густая сеть политических, военных, экономических, гуманитарных взаимодействий» [13].

Благодаря географической близости центральноазиатских государств к Сибирскому региону, можно говорить об общности климатических проблем, актуальных для этих территорий. Относительно фонового климата (1980–1999 гг.) прогнозируемое среднегодо-

вое потепление в регионах Западной Сибири и Центральной Азии к 2011–2030 гг. составит 1,0–1,2°C. Такое потепление сопровождается уменьшением количества морозных дней в году, при этом прогнозируется увеличение продолжительности экстремальных летних температур с периодами аномальной жары. Количество зимних осадков увеличится, а летних значительно уменьшится, что повысит риск засухи. Прогнозируется уменьшение стока в водосборных бассейнах этих регионов из-за уменьшения количества осадков и увеличения испарения в теплое время года, деградации ледников и уменьшения сезонного накопления снега в горах.

Вышеперечисленные проблемы являются фактором общности интересов России и центральноазиатских стран в вопросах климатической политики [12]. Наиболее существенные последствия климатические проблемы имеют для энергетической безопасности стран. Засухи, таяние ледников, обмеление рек, иссушение Аральского моря – все эти проблемы ведут к перебоям в электроснабжении отдельных, наиболее подверженных влиянию климата регионах. Отдельно стоит отметить роль изменения климата в обострении водных конфликтов, что отмечают в своих исследованиях А. Лихачева [22. С. 188], П. Бауэр-Готвайн и А. Яковлев [23. Р. 890]. Изменение климата приводит к более частым и интенсивным ураганам, засухам и другим экстремальным погодным условиям, которые могут нарушать работу энергетической инфраструктуры. Например, волны тепла и засухи негативно влияют на производство электроэнергии. Кроме того, значительная часть генерации в Сибири осуществляется с использованием возобновляемых источников энергии (включая гидроэнергетику, доля которой в летние месяцы может достигать 70% [24]). Тенденция перехода на ВИЭ характерна и для отдельных стран Центральной Азии – в частности, Казахстана (14% от общего объема генерации с учетом ГЭС [25], что для ЦА весомая цифра, учитывая, что в Туркменистане, например, отсутствуют солнечные и ветровые генерации, а доля гидроэнергетики составляет 0,2% [26]). Однако функционирование солнечных, ветровых и гидроэлектростанций зависит от климатических условий, отклонение которых от нормы может привести к значительным перебоям в поставках электроэнергии. Климатические изменения также провоцируют рост цен на энергоносители вследствие усугубления дефицита ресурсов и энергетическую бедность (увеличение цен на энергию делает ее менее доступной для населения, особенно для уязвимых групп). На фоне энергетической нестабильности установление региональных партнерств и развитие общих энергетических сетей видится перспективным шагом к повышению не только климатической, но и энергетической безопасности стран региона. Таким образом, общность климатических проблем дает почву и для энергетической интеграции.

Стратегический поворот России в сторону восточных территорий с акцентом на развитие Сибирского федерального округа – одно из наиболее привлекательных для укрепления энергетической безопасности направлений планирования [27. С. 226].

Цель такой политики – использовать огромный потенциал региона и решить вопрос недостаточного экономического и инфраструктурного развития. Вопрос энергообеспечения Сибирского региона, а также потенциал его развития и модернизации является важнейшей составляющей стратегической политики Российской Федерации. В частности, в 2023 г. был утвержден План реализации Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. Согласно Плану, одним из приоритетов является «разработка и принятие решений, необходимых для предотвращения возникновения дефицита электрической энергии (мощности) в юго-восточной части объединенной энергетической системы Сибири, с учетом перспективных потребителей электрической энергии, включая строительство объектов генерации и магистральных сетей» [28]. Параллельно в Плате фигурирует и климатический приоритет – «Формирование и реализация комплексных планов мероприятий по снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в городах – участниках федерального проекта “Чистый воздух”, в том числе на объектах коммунальной, транспортной, социальной инфраструктуры и промышленных предприятий – не менее чем на 20 процентов к 2026 году и не менее чем на 50 процентов к 2030 году» [28]. Совокупность этих тенденций говорит о нацеленности стратегических инициатив на укрепление энергетической безопасности и борьбу с климатическими проблемами.

В числе событий 2024 г. – утверждение масштабных планов по развитию электроэнергетического потенциала Сибири, закрепленных в «Схемах и программах развития электроэнергетических систем России на 2025–2030 годы» (СиПР ЭЭС России) и «Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2042 года». Последний документ предусматривает строительство двух атомных станций, а также существенное наращивание гидроэнергетического потенциала, что особенно уместно, учитывая ожидаемое увеличение потребления электроэнергии в ОЭС Сибири на 8,4 млрд кВт·ч (+ 3,5%) в 2025 г. по сравнению с 2024 г. – до 249,5 млрд кВт·ч [29].

Скачок потребления электроэнергии в 2024 г. был спровоцирован двумя факторами: во-первых, наращиванием производства двумя металлургическими предприятиями – Тайшетским алюминиевым заводом и Удоканским ГОК; во-вторых, увеличением самих показателей энергопотребления в отдельных районах. В частности, в Иркутской области на динамике потребления электроэнергии сказалось развитие майнинга криптовалют. По Сибири в целом потребление мощности майнинговыми фермами составляет около 980 МВт, что сопоставимо с объемами энергопотребления города-миллионника. Рост энергопотребления в отдельных областях Сибири указывает на необходимость совершенствования энергетической инфраструктуры с целью удовлетворения растущего спроса на электроэнергию, что в конечном счете необходимо для поддержания экономического роста. Для решения этой проблемы необходимы инновационные стратегии управления спросом, равно как разработка комплексной энергетической стратегии, а также, значительные

инвестиции в расширение и модернизацию электросетей. На сегодняшний день для решения дисбаланса спроса и потребления энергии в субъектах СФО, обозначенных как территории «технологически необходимой генерации» (то есть в Иркутской области, Республике Бурятия и в Забайкальском крае), запланировано возведение новых генерирующих мощностей. В частности, на Иркутской ТЭЦ-11 будут установлены три новых блока по 230 МВт. [29] Масштаб планов по вводу новых мощностей позволяет предположить вероятность выработки достаточного количества электроэнергии для экспорта в страны Центральной Азии, испытывающие энергодифицит, что особенно выгодно на фоне потери за последние годы ряда энергетических партнеров (Финляндия, партнеры по БРЭЛЛ). В частности, рассмотрим потенциал развития совместных инициатив с прилегающим государством и партнером по ЕАЭС – Казахстаном, который играет важную роль на глобальном энергетическом рынке за счет своей ресурсной базы [30. С. 143].

Для Казахстана вопрос о доступе к энергетике и развитию возобновляемых и альтернативных источников энергии (АИЭ) стал актуальным ввиду современной проблемы нехватки угля для тепловых электростанций (ТЭС), которые обеспечивают практически 90% электроэнергии для страны. Общая установленная мощность Казахстана – 24,6 ГВт. Выработка за 2023 г. – 112,82 млрд кВт·ч, потребление – 115,07 млрд кВт·ч (рост на 1,9% год к году) [31].

В настоящее время государство испытывает дефицит электроэнергии вследствие устойчивого роста спроса до 30% к 2030 г., а также системного недоинвестирования в традиционную генерацию [32], что создает препятствия для экономического развития в виде более высокой стоимости электроэнергии для бизнеса и домохозяйств. Так, в январе этого года дефицит составил 4,2 млн кВт·ч, в феврале – уже 23,3 млн кВт·ч. Юг Казахстана уже более года испытывает дефицит электроэнергии, что существенно подрывает энергетическую безопасность страны. Нехватка покрывается за счет перетока электроэнергии из других внутренних регионов, а также импорта электроэнергии [32].

С ноября 2023 г. применяется «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о мерах по обеспечению параллельной работы единых энергетических систем» [33], согласно которому РФ покрывает почасовой дефицит электроэнергии в республике. Это означает, что энергетическая система Казахстана напрямую поддерживается энергетической системой России, что помогает сбалансировать несоответствие между производством и потреблением внутри Республики, подчеркивая зависимость Казахстана от России и отсутствие самодостаточности в энергетике. Импорт из РФ за 2023 г. составил 4,99 млрд кВт·ч против 1,93 млрд кВт·ч за 2022 г., судя по данным АО «KEGOC» (диспетчер энергосистемы Казахстана) [34]. Часть электроэнергии поставляется в Казахстан из европейской части РФ, часть – из Сибири.

При оценке перспектив сотрудничества России [35. С. 87] и Казахстана важно учитывать стратегические

планы Казахстана по развитию ВИЭ и увеличению их доли в общей выработке электроэнергии. Эта специфика энергетической политики Казахстана позволяет предположить, что двустороннее сотрудничество в отрасли вероятнее всего будет налажено именно в части ВИЭ-генерации. Эта задача становится особенно политически актуальной в обстановке повышенного внимания европейских стран к развитию центральноазиатской энергетики. В результате визита президента Казахстана во Францию в ноябре 2024 г. подписан договор о строительстве французскими инвесторами ВЭС в Жамбылской области, а также «обсуждалось участие французской стороны в строительстве АЭС в Казахстане» [36].

Экономика Казахстана все еще в значительной степени зависит от ископаемого топлива, в частности от угольной генерации. В то же время, нельзя не учитывать политику активного снижения выбросов парниковых газов, которую Казахстан проводит с 2013 г. Следование стратегии низкоуглеродного развития и достижения углеродной нейтральности означает постепенный переход на менее углеродоемкие виды топлива. На ВИЭ уже приходится около 5% выработки электроэнергии, без учета работы крупных гидроэлектростанций. При этом энергия ветра и солнца считается конкурентоспособной по сравнению с тепловой [37].

Сибирь в свою очередь обладает большим потенциалом для развития возобновляемой энергетики, благодаря своим уникальным природным условиям (Крайний Север, степи, реки и леса, а также развитая научная база для использования водорода и биотоплива). Оптимизм в отношении перспектив развития ВИЭ в Сибири подкрепляется успешными примерами развития альтернативной энергетики в отдельных регионах СФО [24]. Научное сообщество также все больше склоняется к восприятию климатических проектов как возможности расширения партнерств и продвижения национальных интересов. Идея воспринимать новую экологическую политику не как бремя и экономическую угрозу, а как эффективный механизм укрепления международного авторитета и влияния России, звучит в книге И.А. Макарова, Д.В. Суслова, И.А. Степанова и др. «Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях зеленой трансформации мировой экономики и политики» [38. С. 77]. В Сибири активно развивается солнечная энергетика, в частности, в Республике Алтай, где уже построены значительные солнечные станции (Усть-Коксинская, Ининская, Майминская СЭС, Чемальская, Кош-Ачагская, Онгудайская, Усть-Канская) и доля солнечной генерации достигла 25%. Потенциал использования солнечной энергии активно реализуется и в Омской области. Среди запущенных в регионе проектов – Нововаршавская и Русско-Поланская СЭС, а также станция в ОЭЗ «Авангард». В 2024 г. мощности солнечной электростанции нефтеперерабатывающего завода «Газпром нефти» также будут увеличены с 1 МВт до 20 МВт [39].

В рамках Стратегии развития электроэнергетических систем РФ до 2030 г. намечено расширение генерирующих мощностей в Объединенной Энергосистеме Сибири посредством строительства семи солнечных

электростанций в Забайкальском крае. Кроме того, планируется возведение двух ветровых электростанций – в Республике Тыва и Омской области [29].

Одним из перспективных направлений развития электроэнергетики Сибири является освоение значительного гидроэнергетического потенциала. ГЭС ОЭС Сибири суммарно вырабатывают свыше 120 млрд кВт·ч в год, что эквивалентно 61% всей гидрогенерации ЕЭС России и 12% от общего объема производства электроэнергии всеми электростанциями ЕЭС. В тоже время, согласно информации от АО «СО ЕЭС», на данный момент используется лишь 40% доступных гидроресурсов, что открывает возможности для дополнительной генерации порядка 130 000 млн кВтч электроэнергии [40]. Таким образом, решением проблемы уже обозначенного выше прогнозируемого дефицита мощности в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области может стать строительство новых ГЭС.

Энергетическое сотрудничество между РФ и Казахстаном, опирающееся на потенциал Сибирского региона, имеет богатую историю. В 1999 г. было заключено соглашение о параллельной работе энергосистем стран Центральной Азии, включая Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Туркменистан (последние две страны сейчас функционируют автономно). Это соглашение фактически возобновило функционирование ОЭС Средней Азии с центром в Узбекистане. Единая энергетическая система России подключена к ЦАЭО через межгосударственные электрические связи РФ-Казахстан, пролегающие по маршруту «Урал – Казахстан – Сибирь» [41].

В последние годы наблюдается восстановление и развитие энергетического партнерства России со странами Центральной Азии. Среди областей плодотворного сотрудничества выделяют электроэнергетический обмен РФ-Казахстан (объем поставок в Казахстан в 2024 г. составил 51% от общих объемов экспорта электроэнергии РФ) и транзит российской электроэнергии через Казахстан в иные государства региона [42]. Среди других перспективных направлений энергетического партнерства РФ со странами Центральной Азии – поставки оборудования и строительство электростанций.

Традиционно, энергообмен между европейской частью ЕЭС России и ОЭС Сибири проходит через сети Казахстана – ночью, при минимальной нагрузке осуществляется переток в восточном направлении, днем – в западном, для регулирования графика нагрузки электросетей [43]. В 2024 г. СО ЕЭС совместно с Национальным диспетчерским центром KEGOC, Системного оператора Казахстана, успешно осуществили переход на совместную работу централизованных систем противоаварийной автоматики сетей Сибири и Казахстана, что существенно повысило скорость реагирования в случае аварий на маршруте Сибирь – Казахстан – Урал [44].

Климатическое сотрудничество РФ и Казахстана подкрепляется и организацией совместных форматов по обсуждению климатических проблем и стратегическому планированию их преодоления. В ходе визита В. Путина в Астану в ноябре 2023 г. РФ и Казахстан подчеркнули готовность развивать взаимодействие в сфере климатического регулирования, в частности,

«осуществлять кооперационные климатические проекты, в том числе в целях защиты окружающей среды Каспийского моря и трансграничных водотоков» [45]. Планы по сотрудничеству активно обсуждаются на различных площадках – например, на Каспийском форуме 2022 г. для этих целей был организован круглый стол «Каспийский регион в глобальной климатической повестке: вызовы, возможности, подходы» [46]. Развивается также кросс-региональное сотрудничество – например, между Новосибирской и Павлодарской областями, считающимися «побратимами». Сегодня города-побратимы реализуют более 300 совместных проектов в экономике. Осенью прошлого года стороны подписали программу развития сотрудничества на 2025–2027 гг., включающую и планы по интеграции в энергетической отрасли [47].

Одно из перспективных направлений сотрудничества в области возобновляемой энергетики – сооружение АЭС в Казахстане. Российское экспертное сообщество полагает, что «по вопросу строительства АЭС в Центральной Азии Россия пока имеет относительно сильные позиции, хотя по итогам референдума о строительстве АЭС в Казахстане, прошедшего 6 октября 2024 г., Казахстан рассматривает проекты от нескольких претендентов, включая Китай, Россию, Южную Корею и Францию» [35]. Ключевым претендентом на строительство в данный момент является Росатом, занимающий лидирующие позиции по объемам строительства атомных реакторов в мире. Преимущество Росатома заключается в наличии уникального опыта строительства в Сибири экологичного реактора, способного из отработанного ядерного топлива производить новое, что сильно снижает объемы радиоактивных отходов. В настоящее время в г. Северск Томской области Росатом строит первый в мире опытно-демонстрационный энергетический комплекс (ОДЭК) в рамках отраслевого проекта «Прорыв» (строительство началось в 2021 г.) [48]. После завершения строительства, запланированного на 2030 г., Росатом собирается возвести аналогичные модули по РФ и за рубежом. Таким образом, проект строительства АЭС в Казахстане может стать важным шагом для укрепления стратегических партнерств России в Центральной Азии.

Интеграционный потенциал России и Казахстана подкрепляется также научно-исследовательским сотрудничеством [49]. Высокое качество образовательных услуг сибирских университетов привлекает в том числе зарубежных студентов и исследователей. В РФ обучаются 185 000 студентов из Центральной Азии, причем из них более 9 000 – в университетах Томска. По словам Рахима Ошакбаева, директора Казахстанского Центра прикладных исследований TALAP, «в вузах Томска обучилось гораздо больше молодых людей, чем за тридцать лет существования международной программы “Болашак”, предоставляющей гражданам Казахстана возможность учиться в лучших университетах мира» [50]. Важным интеграционным направлением в контексте исследования климатических проблем являются совместные проекты, реализуемых сибирскими учеными при поддержке казахстанских коллег, такие как «Биоразнообразие трансгранич-

ных территорий России и Казахстана в Западной Сибири и его охрана в условиях изменения климата» [51] или исследования по оценке изменений баланса массы ледников Актру в рамках стратегического проекта ТГУ «Глобальное изменение Земли: климат, экология, качество жизни» при поддержке федеральной программы «Приоритет 2030» [52]. Тем не менее, потенциал организации совместных трансграничных исследований недореализован и нуждается в активном продвижении как перспективный формат климатической интеграции России и стран Центральной Азии [53. С. 100].

Среди перспективных направлений климатического и энергетического сотрудничества РФ и Казахстана с использованием ресурсного потенциала Сибири выделяется проект водоводов, представляющий собой план по экспорту избытков стока рек Сибири в Центральную Азию для ликвидации последствий обмеления местных рек и осушения земель [54. С. 37]. Проект по сути является наследием советского плана поставки паводковых вод на юг Сибири и в Центральную Азию. Однако сегодня предполагается усовершенствование технологий с учетом опыта строительства нефте- и газопроводов. Идея может оказаться перспективной, учитывая, что подобный проект уже реализуется в европейской части России – в 2023 г. в Аты-

рауской области запущен модернизированный водовод Астрахань – Мангышлак для поставки воды из Волги в засушливые регионы Казахстана в целях снабжения населения, предприятий и сельского хозяйства Атырауской и Мангистауской областей [55].

Таким образом, климатическое и энергетическое партнерство между Казахстаном и Россией может стать краеугольным камнем региональной энергетической безопасности, инноваций и устойчивости. Учитывая тренд на улучшение энергетической инфраструктуры Сибири, научный и ресурсный потенциал региона, а также условия, подходящие для ВИЭ-генерации, именно СФО мог бы стать площадкой для пилотного внедрения совместных проектов. Используя региональные ресурсы и опыт обоих государств, стороны могут создать прецедент сотрудничества перед лицом глобальных проблем, таких как изменение климата и нехватка энергии, и, возможно, вдохновить другие страны последовать их примеру в поисках более устойчивого и безопасного энергетического будущего. Поворот России на Восток – новая реальность, обозначающая актуальность и необходимость укрепления сотрудничества со странами Азии. Сибирский регион в свою очередь может стать площадкой для международной кооперации РФ со центральноазиатскими странами в наиболее перспективных областях партнерства.

Список источников

1. Hommel D., Murphy A.B. Rethinking geopolitics in an era of climate change // *GeoJournal*. 2013. Vol. 78, № 3. Special Section on Geospatial Analyses of Alcohol and Drug Problems. URL: <https://www.s-gs.de/wordpress/wp-content/uploads/2012/12/5.b.-Hommel-Murphy-Geopolitics-in-an-era-of-climate-change.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Материалы Конференции Организации Объединенных Наций по изменению климата 2023 года (COP28). 30 ноября – 12 декабря 2023 г. Дубай. URL: <https://ru.council.science/events/isc-at-cop28/> (дата обращения: 05.03.2025).
3. Purdon M. Advancing Comparative Climate Change Politics: Theory and Method // *Global Environmental Politics*. 2015. Vol. 15, № 3. P. 1–26.
4. Алексеев Е. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // *Международная аналитика*. 2017. № 1. С. 29–41. doi: [10.46272/2587-8476-2017-0-1-29-41](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-1-29-41)
5. Initiative for climate action transparency. URL: <https://climateactiontransparency.org/> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Стратегия Регионального Сотрудничества Развития (СРПР) – Центральная Азия, 2020–2025. URL: <https://www.usaid.gov/document/usaid-central-asia-regional-development-cooperation-strategy-2015-2020> (дата обращения: 21.12.2024).
7. C5+1 Diplomatic Platform. URL: <https://2021-2025.state.gov/c51-diplomatic-platform/> (дата обращения: 21.12.2024).
8. Климатическая сеть CAN BEKICA. URL: <https://caneecca.org/o-nas/> (дата обращения: 23.02.2025).
9. Мамахатов Т. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество? // *РСМД*. 09.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentrlnoy-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/?sphrase_id=144275838#detail (дата обращения: 23.02.2025).
10. Джоробекова А.Э., Троицкий Е.Ф., Юн С.М. Воздействие внешних акторов на современные интеграционные процессы в Центральной Азии // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021. № 74. С. 106–114. doi: [10.17223/19988613/74/12](https://doi.org/10.17223/19988613/74/12)
11. Макашева К. Н. Глобальные климатические изменения и экологическая безопасность: сравнительно-правовой анализ опыта России и Казахстана // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. № 18 (12). С. 178–186.
12. Данков А. Россия и Центральная Азия: общие вызовы и точки роста // *Валдай*. 15.05.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-tsentrlnaya-aziya-obshchie-vyzovy/> (дата обращения: 23.02.2025).
13. Россия – Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2022–2024 гг. Аналитический доклад № 2 // *Центр евразийских исследований ТГУ*. 30.12.2023. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/rossiya-tsentrlnaya-aziya-tendencii-i-perspektivy-vzaimodeistviia-2022-2024-gg/> (дата обращения: 23.02.2025).
14. Climate Risk Country Profile: Central Asia Region. Washington, DC: World Bank Group. 2023. URL: <https://climateknowledgeportal.worldbank.org/country-profiles> (дата обращения: 23.02.2025).
15. CAMP4ASB Implementation Status Report. Washington, DC: World Bank Group. 2023. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099052824081523913/pdf/P1513631eadeaa091ac7e19dcfd2c6474c.pdf> (дата обращения: 23.02.2025).
16. Боришполец К.П. Водохозяйственные проблемы стран Центральной Азии и российская внешняя политика // *Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества* / под ред. В.И. Шанкиной. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 17. С. 25–29.
17. Салихов М. Экономические связи Центральной Азии и России в эпоху глобальных перемен // *Валдай*. 23.05.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ekonomicheskie-svyazi-tsentrlnoy-azii-i-rossii/> (дата обращения: 23.02.2025).
18. Бояркина О.А. Проблемы и перспективы урегулирования международных конфликтов в сфере водопользования в Центрально-Азиатском регионе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 24 с.
19. Безкоровая К. Почему дефицит воды угрожает национальной безопасности Казахстана? // *Водная безопасность и проблемы управления водными ресурсами: мировой опыт*. Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. Ташкент, 2024. С. 43–57.
20. Троицкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии: инерция и новации // *Центр евразийских исследований ТГУ*. 2023. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/evgenii-troitckii-politika-ssha-v-tsentrlnoi-azii-inertcia-i-novacii/> (дата обращения: 23.02.2025).

21. Михайлов Г. Центральная Азия: конкуренция или сотрудничество? // Валдай. 13.10.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-aziya-konkurentsia-ili-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 23.02.2025).
22. Лихачева А.Б. Дефицит воды как фактор современных международных отношений : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 219 с.
23. Siegfried T., Bernauer T., Guennet R., Sellars S., Robertson A.W., Mankin J., Bauer-Gottwein P., Yakovlev A. Will climate change exacerbate water stress in Central Asia? // Climatic Change. 2012. Vol. 112 (3). P. 881–899. doi: 10.1007/s10584-011-0253-z
24. Спецпроект «Возобновляемая энергия в Сибири». Министерство промышленности, энергетики и ЖКХ Красноярского края. URL: <https://projects.fedpress.ru/renewableenergysiberia> (дата обращения: 30.01.2025).
25. Развитие возобновляемых источников энергии // Министерство энергетики Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/4910?lang=ru> (дата обращения: 30.01.2025).
26. Энергетический профиль Туркменистана. URL: <https://www.eeseac.org/energeticeskij-profil-turkmenistana> (дата обращения: 30.01.2025).
27. Караганов С.А., Козылов И.С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 221–229.
28. Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300730660?marker=6580IP> (дата обращения: 16.06.2024).
29. Алексей Хлебов: «ОЭС Сибири нужна новая генерация» // Системный оператор Единой энергетической системы. 23.01.2025. URL: <https://www.so-ups.ru/news/press/press-view/news/26617/> (дата обращения: 30.01.2025).
30. Шерин Е.А. Внешнеторговое сотрудничество Казахстана и сибирских регионов // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2023. № 53 (6). С. 137–151.
31. Приказ министерства энергетики Республики Казахстан № 14 Н/К от 14.01.2025 «Об утверждении прогнозных балансов электрической энергии и мощности в электроэнергетической Республики Казахстан на период с 2025 по 2031 годы». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33900908 (дата обращения: 23.02.2025).
32. Смертина П., Константинов А. Республика Казахстан наращивает импорт электроэнергии из РФ по высоким ценам // Электроэнергетический совет СНГ. URL: http://energo-cis.ru/news/respublika_kazakhstan/ (дата обращения: 23.02.2025).
33. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о мерах по обеспечению параллельной работы единых энергетических систем Российской Федерации и Республики Казахстан от 9 ноября 2023 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300001> (дата обращения: 16.06.2024).
34. KEGOC. URL: <https://www.kegoc.kz/ru/electric-power/elektroenergetika-kazakhstan/> (дата обращения: 23.02.2025).
35. Николаев Н.П. Трансформация институтов климатической политики в России в период геополитической нестабильности : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2023. 171 с.
36. Юн С.М., Погорельская А.М., Троицкий Е.Ф., Данков А.Г., Пакулин В.С., Жарков С.А. Россия – Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2024–2025 гг. Аналитический доклад № 2 // Центр евразийских исследований ТГУ. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/rossiya-tsentral-naia-aziya-tendencii-i-perspektivy-vzaimodeistviia-2024-2025-gg/> (дата обращения: 23.02.2025).
37. Ланшина Т., Годрон Ф. От угля к возобновляемым источникам энергии: энергопереход в электроэнергетическом секторе Казахстана // Agora Energiewende и ECOJER. 2023. URL: https://static.agora-energiewende.de/fileadmin/Projekte/2022/2022_09_INT_Kazakhstan/A-EW_296_Kazakhstan_RU_WEB.pdf (дата обращения: 16.06.2024).
38. Макаров И.А., Суслов Д.В., Степанов И.А. и др. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях зелёной трансформации мировой экономики и политики. М. : Международные отношения, 2021. 97 с.
39. В Омске увеличат производство солнечной электроэнергии // RG.ru. 16.06.2023. URL: <https://rg.ru/2023/06/16/reg-sibfo/v-omske-uvlechit-proizvodstvo-solnechnoj-elektroenergii.html> (дата обращения: 16.06.2024).
40. Системный оператор единой энергетической системы (СО ЕЭС). URL: <https://www.so-ups.ru/> (дата обращения: 30.01.2025).
41. Подковальников С., Чудинова Л. Электро-энергетическое партнерство России и стран Центральной Азии // Энергетическая политика. URL: <https://energypolicy.ru/elektroenergeticheskoe-partnerstvo-rossii-i-stran-czentralnoj-azii/regiony/2024/16/07/> (дата обращения: 30.01.2025).
42. Больше всего электроэнергии Россия экспортирует в Казахстан // Энергетика и промышленность России. 16.10.2024. URL: <https://eprussia.ru/news/base/2024/9070659.htm> (дата обращения: 30.01.2025).
43. Кутузова Н.Б. Опыт проектирования и эксплуатации ВЛ 1150 кВ переменного тока Экибастуз-Урал с точки зрения влияния на окружающую среду. URL: <http://www.energo-info.ru/images/pdf/Kutuzova.pdf> (дата обращения: 30.01.2025).
44. Системные операторы России и Казахстана совершенствуют совместную работу систем противоаварийной автоматики // Системный оператор Единой энергетической системы. 10.12.2024. URL: <https://www.so-ups.ru/odu-siberia/news/odu-siberia-news-view/news/26315/> (дата обращения: 30.01.2025).
45. РФ и Казахстан договорились развивать взаимодействие в сфере климатического регулирования // ТАСС. 09.11.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19243459> (дата обращения: 23.02.2025).
46. Максим Решетников: страны Каспийского региона активно включились в климатическую повестку // Министерство экономического развития Российской Федерации. 05.10.2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksimreshetnikov_strany_kaspiyskogo_regiona_aktivno_vklyuchilis_v_klimaticheskuyu_povestku.html (дата обращения: 23.02.2025).
47. Новосибирск и Павлодар подписали трехлетнее соглашение о сотрудничестве // Sputnik Казахстан. 27.11.2024. URL: <https://ru.sputnik.kz/20241127/novosibirsk-i-pavlodar-podpisali-trekhletnee-soglasenie-o-sotrudnichestve-48838787.html> (дата обращения: 23.02.2025).
48. Северскую АЭС в Томской области планируют построить к 2041 г. // Neftegaz.ru. 05.06.2024. URL: <https://neftgaz.ru/news/nuclear/837049-severskuyu-aes-v-tomskoj-oblasti-planiruyut-postroit-k-2041-g-/> (дата обращения: 23.02.2025).
49. Юн С., Погорельская А., Турдикулов О. Академическая мобильность и образовательная миграция в условиях международного кризиса: адаптация стран Центральной Азии через диверсификацию географии. Экспертный комментарий № 8 // Центр евразийских исследований ТГУ. 2024. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/sergei-iun-anastasiia-pogorel-skaia-olim-turdikulov-akademicheskaja-mobilnost-i-obrazovatel-naia-mi-gratciia-v-usloviakh/> (дата обращения: 05.05.2024).
50. Готовы ли страны Центральной Азии к сотрудничеству с сибирскими регионами // RG.ru. 25.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/25/reg-sibfo/gotovy-li-strany-centralnoj-azii-k-sotrudnichestvu-s-sibirskimi-regionami.html> (дата обращения: 23.02.2025).
51. Гашев С.Н., Мардонова Л.Б., Сорокина Н.В. Биоразнообразие трансграничных территорий России и Казахстана в Западной Сибири и его охрана в условиях изменения климата // Биологическое разнообразие: изучение, сохранение, восстановление, рациональное использование : материалы II Международной научно-практической конференции. Симферополь : Типография «Ариал», 2020. С. 591–599.
52. Эксперт ГТФ: быстрое таяние Левого Актру может нарушить баланс экосистем // Новости Томского государственного университета. 22.01.2025. URL: <https://news.tsu.ru/news/ekspert-tgu-bystroetayanie-levogo-aktru-mozhet-narushit-balans-ekosistem/> (дата обращения: 23.02.2025).

53. Линьков А.Я. Развитие научной деятельности в странах Центральной Азии и России в контексте концепции устойчивого развития // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы: сборник научных статей. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2021. С. 100–108.
54. Соловьёв А.А., Лизунов В.В. Проект водоводов для транспортировки части избыточного стока сибирских рек в целях решения экологических проблем и гуманитарных катастроф в Центральной Азии. Общественная палата Омской области. Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. // Национальные приоритеты России. 2024. № 1 (52). С. 35–46.
55. В Казахстане запустили модернизированный водовод для поставки воды из Волги // ТАСС. 13.12.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19522719> (дата обращения: 23.02.2025).

References

1. Hommel D., Murphy A.B. Rethinking geopolitics in an era of climate change // *GeoJournal*. 2013. Vol. 78, № 3. Special Section on Geospatial Analyses of Alcohol and Drug Problems. URL: <https://www.s-gs.de/wordpress/wp-content/uploads/2012/12/5.b.-Hommel-Murphy-Geopolitics-in-an-era-of-climate-change.pdf> (data obrashcheniya: 05.03.2025).
2. Materialy Konferentsii Organizatsii Ob"yedinennykh Natsiy po izmeneniyu klimata 2023 goda (COP28). 30 noyabrya – 12 dekabrya 2023 g. Dubay. URL: <https://ru.council.science/events/isc-at-cop28/> (data obrashcheniya: 05.03.2025).
3. Purdon M. Advancing Comparative Climate Change Politics: Theory and Method // *Global Environmental Politics*. 2015. Vol. 15, № 3. P. 1–26.
4. Alekseyenkova YE. Sravnitel'nyy analiz deyatel'nosti sozdannykh v Tsentral'noy Azii formatov «5+1» (s uchastiyem SSHA, Yuzhnoy Korei, Yaponii i YES) // *Mezhdunarodnaya analitika*. 2017. № 1. S. 29–41. doi: doi: 10.46272/2587-8476-2017-0-1-29-41
5. Initiative for climate action transparency. URL: <https://climateactiontransparency.org/> (data obrashcheniya: 05.03.2025).
6. Strategiya Regional'nogo Sotrudnichestva Razvitiya (SRSR) – Tsentral'naya Aziya, 2020–2025. URL: <https://www.usaid.gov/document/usaid-central-asia-regional-development-cooperation-strategy-2015-2020> (data obrashcheniya: 21.12.2024).
7. C5+1 Diplomatic Platform. URL: <https://2021-2025.state.gov/c51-diplomatic-platform/> (data obrashcheniya: 21.12.2024).
8. Klimaticheskaya set' CAN VEKTSIA. URL: <https://canececca.org/o-nas/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
9. Mamakhatov T. Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii: sotrudnichestvo ili sopernichestvo? // *RSMD*. 09.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentralnoy-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/?sphrase_id=144275838#detail (data obrashcheniya: 23.02.2025).
10. Dzhorobekova A.E., Troitskiy YE.F., Yun S.M. Vozdeystviye vneshnikh aktorov na sovremennyye integratsionnyye protsessy v Tsentral'noy Azii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 2021. № 74. S. 106–114. doi: 10.17223/19988613/74/12
11. Makasheva K. N. Global'nyye klimaticheskiye izmeneniya i ekologicheskaya bezopasnost': sravnitel'no-pravovoy analiz opyta Rossii i Kazakhstana // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 2023. № 18 (12). S. 178–186.
12. Dankov A. Rossiya i Tsentral'naya Aziya: obshchiye vyzovy i tochki rosta // *Valday*. 15.05.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-tsentralnaya-aziya-obshchie-vyzovy/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
13. Rossiya – Tsentral'naya Aziya: tendentsii i perspektivy vzaimodeystviya, 2022–2024 gg. Analiticheskiy doklad № 2 // *Tsentr yevraziyskikh issledovaniy TGU*. 30.12.2023. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatsii/rossiya-tsentral-naia-aziya-tendentcii-i-perspektivy-vzaimodeystviya-2022-2024-gg/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
14. Climate Risk Country Profile: Central Asia Region. Washington, DC: World Bank Group. 2023. URL: <https://climateknowledgeportal.worldbank.org/country-profiles> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
15. CAMP4ASB Implementation Status Report. Washington, DC: World Bank Group. 2023. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099052824081523913/pdf/P1513631eadeaa0a91ac7e19dcfd2c6474c.pdf> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
16. Borishpolets K.P. Vodokhozyaystvennyye problemy stran Tsentral'noy Azii i rossiyskaya vneshnyaya politika // *Tsentral'naya Aziya: aktual'nyye aktsenty mezhdunarodnogo sotrudnichestva / pod red. V.I. Shankinoy. M. : MGIMO-Universitet, 2010. T. 17. S. 25–29.*
17. Salikhov M. Ekonomicheskiye svyazi Tsentral'noy Azii i Rossii v epokhu global'nykh peremen // *Valday*. 23.05.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ekonomicheskie-svyazi-tsentralnoy-azii-i-rossii/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
18. Boyarkina O.A. Problemy i perspektivy uregulirovaniya mezhdunarodnykh konfliktov v sfere vodopol'zovaniya v Tsentral'no-Aziatskom regione : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2015. 24 s.
19. Bezkorovaynaya K. Pochemu defitsit vody ugrozhayet natsional'noy bezopasnosti Kazakhstana? // *Vodnaya bezopasnost' i problemy upravleniya vodnymi resursami: mirovoy opyt. Nauchno-informatsionnyy tsentr Mezhdunarodnoy koordinatsionnoy vodokhozyaystvennoy komissii Tsentral'noy Azii*. Tashkent, 2024. S. 43–57.
20. Troitskiy YE.F. Politika SSHA v Tsentral'noy Azii: inertsii i novatsii // *Tsentr yevraziyskikh issledovaniy TGU*. 2023. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatsii/evgenii-troitskii-politika-ssha-v-tsentral-noi-azii-inertiia-i-novatsii/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
21. Mikhaylov G. Tsentral'naya Aziya: konkurentsii ili sotrudnichestvo? // *Valday*. 13.10.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-aziya-konkurentsii-ili-sotrudnichestvo/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
22. Likhacheva A.B. Defitsit vody kak faktor sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy : dis. ... kand. polit. nauk. M., 2015. 219 s.
23. Siegfried T., Bernauer T., Guennet R., Sellars S., Robertson A.W., Mankin J., Bauer-Gottwein P., Yakovlev A. Will climate change exacerbate water stress in Central Asia? // *Climatic Change*. 2012. Vol. 112 (3). P. 881–899. doi: 10.1007/s10584-011-0253-z
24. Cpetsproyekt «Vozobnovlyayemaya energiya v Sibiri». Ministerstvo promyshlennosti, energetiki i ZHKKH Krasnoyarskogo kraia. URL: <https://projects.fedpress.ru/renewableenergysiberia> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
25. Razvitiye vozobnovlyayemykh istochnikov energii // Ministerstvo energetiki Respubliki Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/4910?lang=ru> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
26. Energeticheskiy profil Turkmenistana. URL: <https://www.eeseac.org/energeticeskij-profil-turkmenistana> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
27. Karaganov S.A., Kozyllov I.S. Vostochnyy povorot 2.0, ili «Sibirizatsiya» Rossii // *Rossiya v global'noy politike*. 2025. T. 23, № 1. S. 221–229.
28. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibirskogo federal'nogo okruga do 2035 goda. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300730660?marker=6580IP> (data obrashcheniya: 16.06.2024).
29. Aleksey Khlebov: «OES Sibiri nuzhna novaya generatsiya» // *Sistemnyy operator Yedinoi energeticheskoy sistemy*. 23.01.2025. URL: <https://www.so-ups.ru/news/press-view/news/26617/> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
30. Sherin YE.A. Vneshnetorgovoye sotrudnichestvo Kazakhstana i sibirskikh regionov // *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO*. 2023. № 53 (6). S. 137–151.
31. Prikaz ministerstva energetiki Respubliki Kazakhstan № 14 N/K ot 14.01.2025 «Ob utverzhdenii prognoznnykh balansov elektricheskoy energii i moshchnosti v elektroenergeticheskoy Respublike Kazakhstan na period s 2025 po 2031 godY». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33900908 (data obrashcheniya: 23.02.2025).
32. Smertina P., Konstantinov A. Respublika Kazakhstan narashchivayet import elektroenergii iz RF po vysokim tsenam // *Elektroenergeticheskiy sovet SNG*. URL: http://energo-cis.ru/news/respublika_kazakhstan/ (data obrashcheniya: 23.02.2025).

33. Soglasheniye mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Kazakhstan o merakh po obespecheniyu parallel'noy raboty yedinykh energeticheskikh sistem Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Kazakhstan ot 9 noyabrya 2023 goda. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300001> (data obrashcheniya: 16.06.2024).
34. KEGOC. URL: <https://www.kegoc.kz/ru/electric-power/elektroenergetika-kazakhstana/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
35. Nikolayev N.P. Transformatsiya institutov klimaticheskoy politiki v Rossii v period geopoliticheskoy nestabil'nosti : dis. ... kand. polit. nauk. Stavropol', 2023. 171 s.
36. Yun S.M., Pogorel'skaya A.M., Troitskiy YE.F., Dankov A.G., Pakulin V.S., Zharkov S.A. Rossiya – Tsentral'naya Aziya: tendentsii i perspektivy vzaimodeystviya, 2024–2025 gg. Analiticheskiy doklad № 2 // Tsentr yevraziyskikh issledovaniy TGU. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatsii/rossiya-tcentral-naia-aziya-tendentsii-i-perspektivy-vzaimodeystviya-2024-2025-gg/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
37. Lanshina T., Godron F. Ot uglya k vobnovlyayemyim istochnikam energii: energoperekhod v elektroenergeticheskom sektore Kazakhstana // Agora Energiewende i ECOJER. 2023. URL: https://static.agora-energiewende.de/fileadmin/Projekte/2022/2022_09_INT_Kazakhstan/A-EW_296_Kazakhstan_RU_WEB.pdf (data obrashcheniya: 16.06.2024).
38. Makarov I.A., Suslov D.V., Stepanov I.A. i dr. Povорот k prirode: novaya ekologicheskaya politika Rossii v usloviyakh zel'enoï transformatsii mirovoi ekonomiki i politiki. M. : Mezhdunarodn'ye otnosheniya, 2021. 97 s.
39. V Omske uvelichat proizvodstvo solnechnoy elektroenergii // RG.ru. 16.06.2023. URL: <https://rg.ru/2023/06/16/reg-sibfo/v-omske-uvelichat-proizvodstvo-solnechnoy-elektroenergii.html> (data obrashcheniya: 16.06.2024).
40. Sistemnyy operator yedinyo energeticheskoy sistemy (SO YEES). URL: <https://www.so-ups.ru/> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
41. Podkova'nikov S., Chudinova L. Elektro-energeticheskoye partnerstvo Rossii i stran Tsentral'noy Azii // Energeticheskaya politika. URL: <https://energypolicy.ru/elektroenergeticheskoe-partnerstvo-rossii-i-stran-czentralnoj-azii/regiony/2024/16/07/> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
42. Bol'she vsego elektroenergii Rossiya eksportiruyet v Kazakhstan // Energetika i promyshlennost' Rossii. 16.10.2024. URL: <https://eprussia.ru/news/base/2024/9070659.htm> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
43. Kutuzova N.B. Opyt proyektirovaniya i ekspluatatsii VL 1150 KV peremennogo toka Ekibastuz-Ural s tochki zreniya vliyaniya na okruzhayushchuyu sredu. URL: <http://www.energo-info.ru/images/pdf/Kutuzova.pdf> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
44. Sistemnyy operator Rossii i Kazakhstana sovershenstvuyut sovmestnuyu rabotu sistem protivovariyaynoy avtomatiki // Sistemnyy operator Yedinyo energeticheskoy sistemy. 10.12.2024. URL: <https://www.so-ups.ru/odu-siberia/news/odu-siberia-news-view/news/26315/> (data obrashcheniya: 30.01.2025).
45. RF i Kazakhstan dogovorilis' razvivat' vzaimodeystviye v sfere klimaticheskogo regulirovaniya // TASS. 09.11.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19243459> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
46. Maksim Reshetnikov: strany Kaspiskogo regiona aktivno vklyuchilis' v klimaticheskuyu povestku // Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. 05.10.2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_strany_kaspiskogo_regiona_aktivno_vklyuchilis_v_klimaticheskuyu_povestku.html (data obrashcheniya: 23.02.2025).
47. Novosibirsk i Pavlodar podpisali trekhletneye soglasheniye o sotrudnichestve // Sputnik Kazakhstan. 27.11.2024. URL: <https://ru.sputnik.kz/20241127/novosibirsk-i-pavlodar-podpisali-trekhletnee-soglashenie-o-sotrudnichestve-48838787.html> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
48. Severskuyu AES v Tomskoy oblasti planiruyut postroit' k 2041 g. // Neftegaz.ru. 05.06.2024. URL: <https://neftgaz.ru/news/nuclear/837049-severskuyu-aes-v-tomskoy-oblasti-planiruyut-postroit-k-2041-g-/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
49. Yun S., Pogorel'skaya A., Turdikulov O. Akademicheskaya mobil'nost' i obrazovatel'naya migratsiya v usloviyakh mezhdunarodnogo krizisa: adaptatsiya stran Tsentral'noy Azii cherez diversifikatsiyu geografii. Ekspertnyy kommentariy № 8 // Tsentr yevraziyskikh issledovaniy TGU. 2024. URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikatsii/sergei-iun-anastasiya-pogorel'skaya-olim-turdikulov-akademicheskaya-mobil-nost-i-obrazovatel-naia-mi-gratsiia-v-usloviyakh/> (data obrashcheniya: 05.05.2024).
50. Gotovy li strany Tsentral'noy Azii k sotrudnichestvu s sibirskimi regionami // RG.ru. 25.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/25/reg-sibfo/gotovy-li-strany-centralnoj-azii-k-sotrudnichestvu-s-sibirskimi-regionami.html> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
51. Gashev S.N., Mardonova L.B., Sorokina N.V. Bioraznoobraziye transgranichnykh territoriy Rossii i Kazakhstana v Zapadnoy Sibiri i yego okhrana v usloviyakh izmeneniya klimata // Biologicheskoye raznoobraziye: izucheniye, sokhraneniye, vosstanovleniye, ratsional'noye ispol'zovaniye : materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Simferopol' : Tipografiya «AriaL», 2020. S. 591–599.
52. Ekspert GGF: bystroye tayaneye Levogo Aktru mozhet narushit' balans ekosistem // Novosti Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 22.01.2025. URL: <https://news.tsu.ru/news/ekspert-tgu-bystroye-tayaneye-levogo-aktru-mozhet-narushit-balans-ekosistem/> (data obrashcheniya: 23.02.2025).
53. Lin'kov A.YA. Razvitiye nauchnoy deyatelnosti v stranakh Tsentral'noy Azii i Rossii v kontekste kontseptsii ustoychivogo razvitiya // Strategicheskiye oriyentiry razvitiya Tsentral'noy Azii: istoriya, trendy i perspektivy: sbornik nauchnykh statey. Yekaterinburg : Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, 2021. S. 100–108.
54. Solov'yev A.A., Lizunov V.V. Proyekt vodovodov dlya transportirovki chasti izbytochnogo stoka sibirskikh rek v tselyakh resheniya ekologicheskikh problem i humanitarnykh katastrof v Tsentral'noy Azii. Obschestvennaya palata Omskoy oblasti. Omskiy nauchnyy tsentr Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. // Natsional'n'ye priority Rossii. 2024. № 1 (52). S. 35–46.
55. V Kazakhstane zapustili modernizirovanny vodovod dlya postavki vody iz Volgi // TASS. 13.12.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19522719> (data obrashcheniya: 23.02.2025).

Информация об авторе:

Коломина А.М. – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), эксперт проекта «Сибирская Россия: «Поворот на Восток 2.0»». E-mail: amkolomina@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.M. Kolomina, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: amkolomina@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2025;
одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 25.03.2025;
approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 903.9
doi: 10.17223/15617793/516/11

О лабретках и их роли как маркеров этнокультурных соотношений в неолите Тихоокеанского Севера и соседних территорий*

Виталий Егорович Медведев¹

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, Medvedev@archaeology.nsc.ru

Аннотация. Используя накопленные вещественные, в т.ч. авторские, а также литературные источники с применением археологического и историко-этнографического анализов показаны связи неолитического населения Севера Тихого океана и соседних областей. Подчеркивается роль лабреток как маркеров в этих процессах. Выявлены общие и отличные элементы лабретных украшений в различных регионах. Обосновывается предложенная версия о побудительных мотивах происхождения освещаемых украшений.

Ключевые слова: лабретки период неолита, Камчатка, Нижнее Приамурье, Алеутские острова, памятники древности

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках проекта НИР «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья» (№ FWZG-2025-0002).

Для цитирования: Медведев В.Е. О лабретках и их роли как маркеров этнокультурных соотношений в неолите Тихоокеанского Севера и соседних территорий // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 92–99. doi: 10.17223/15617793/516/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/11

Labrets and Their Role as Markers of Ethnocultural Relations in the Neolithic of the Pacific North and Neighboring Territories

V.Y. Medvedev¹

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, medvedev@archaeology.nsc.ru

Abstract. The issue of labrets is important in studying ancient ethnic history, the North Pacific region, and neighboring areas. Since antiquity, labrets have been made of soft light-colored stone, bone, and horn. These were of different shapes and were usually fastened in pairs through holes in the corners of the mouth and on the lips. The material evidence and published sources on the issue accumulated to date, using archaeological and historical-ethnographic approaches, allow us to make conclusions about the historical ties between the ancient population of the North Pacific and the inhabitants of other regions. The author focuses on the earliest archaeological labrets of the Neolithic period from the Russian Far East, some of which he discovered himself. The main task of the article is to identify those Neolithic labrets (including the earliest ones) that were obtained by archaeologists primarily during excavations, and have absolute dates. As we know, in the early 21st century, about 100 ethnographic and archaeological samples of labrets were stored in scientific and educational centers and museums in Russia, the USA, and Japan. However, this number is underestimated by several dozen owing to the unaccounted labrets from the Lower Amur and Kamchatka regions. For a long time, the most numerous collection of labrets in the Pacific region was believed to be that from the Aleutian Islands, as well as from sites of Eskimo cultures of the northeastern neighboring coast of Alaska. Research carried out in the Aleutian Islands in the 1960–1970s is considered most fruitful. It was based mainly on fossil materials from the most important sites of Chaluka and Anangula. In the Neolithic layer of Chaluka, labrets of ca 4 ka BP were found. The origin of these specific ornaments could have been related to the desire of ancient North Pacific humans to look at least something similar to the powerful walrus, inspiring fear and admiration. This is confirmed by historical and ethnographic observations. At present, two main areas of Northeast Asia are known, where significant series of early Stone Age labrets with absolute dates have been found: the predominant group of items from Kamchatka, and almost all the ornaments from the Lower Amur region. These are dated mostly from the 3rd to the first half of the 2nd

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

millennium BC. For Kamchatka labrets (Ushki I), dates of more than 10 ka BP were obtained. Labrets first appeared in this region, and eventually spread over a vast territory, playing the role of markers of ethnocultural relations, influences, and borrowings.

Keywords: Labrets, Neolithic, Kamchatka, Lower Amur region, Aleutian Islands, ancient records

Financial support: The research was carried out within the framework of the research project “General and Specific Features in the Development Trajectories of Ancient Cultures of the East and Southeast of Eurasia from the Stone Age to the Middle Ages” (No. FWZG-2025-0002).

For citation: Medvedev, V.Y. (2015) Labrets and Their Role as Markers of Ethnocultural Relations in the Neolithic of the Pacific North and Neighboring Territories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 92–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/11

В археологии Тихоокеанского Севера, включая российский Дальний Восток с его Нижнеамурским ареалом среди разнообразных реалий неолита имеются заслуживающие достойного внимания специфического назначения украшения главным образом лица – лабретки. Этим артефактам в исследованиях Приамурья да и в целом Дальнего Востока, особенно его южной части в последние десятилетия уделяется несправедливо скромное место. Если их наличие у носителей нескольких неолитических культур Нижнего Приамурья сейчас не вызывает сомнений, то такие аспекты как время и обстоятельства появления и распространения лабреток в регионе пока не получили сколько-нибудь развернутых дефиниций. Практически во многом подобное можно говорить и о других территориях, где в древности имелись рассматриваемые изделия. Между тем «проблема лабреток» является несомненно важной при решении вопросов древней этнической истории прежде всего огромного северотихоокеанского региона. Согласно источникам, лабретки изготавливали преимущественно из мягкого светлого камня, а также кости, рога, иногда из древесины; они крепились обычно парно через проделанные отверстия в углах рта и на губах, особые разновидности изделий – в носовой перегородке.

Основные районы распространения лабреток этнографической современности – Меланезия и Полинезия, зона расселения индейцев Северной и Южной Америк, западных эскимосов и алеутов были названы в специальной работе первого американского исследователя культуры алеутов В. Долла еще в XIX в. [1. С. 73–110]. Есть сведения о лабретках коренных обитателей Австралии [2. С. 49]. О ношении лабреток аборигенами Бразилии пишет Э. Тэйлор [3. С. 131].

Первая информация об этих необычных украшениях у коренного населения Севера Дальнего Востока связана с сообщениями ранних русских землепроходцев XVII в. В частности, С. Дежнев, находясь на Чукотском полуострове, повстречался с «зубатыми чукчами» [4. С. 940–942], а точнее с эскимосами, у которых из нижней губы выступали костяные лабретки. Позже при освоении Алеутских островов об алеутах с лицами, снабженными лабретками, приходили сведения от русских мореходов и миссионеров: Врангель [5. С. 54–81], Вениаминов [6. С. 86, 112–113], Берг [7. С. 118–122] и др.

Интерес представляет опубликованная в середине прошлого века сводная статья о лабретках японских исследователей С. Кодама и Т. Оба [8. С. 271–293],

Они справедливо отмечают, что долгое время считалось, что обычай ношения лабреток были Аляска, Алеутские и Курильские острова. Эскимосы и алеуты этих территорий употребляли их до последнего времени. У чукчей, проживавших на Камчатке, лабретки изготавливались из моржовых костей [8. С. 288–289]. Их носили как мужчины, так и женщины. Изготавливались также крупные экземпляры, которые прикреплялись к декоративным маскам танцевавших детей или к идолам во время религиозных церемоний и обрядов. Иногда такие лабретки надевали на лица умершим во время ритуала погребения [8. С. 272]. Обычай носить лабретки у алеутов вышел из употребления прежде всего у мужчин, а у женщин продолжал сохраняться в отдельных местах вплоть до первых десятилетий XX в. Исследователи придерживались существовавшей в период публикации ими статьи точки зрения о непричастности лабреток к материальным остаткам каменного века [8. С. 284, 286–289].

Накопленные к настоящему времени вещественные, а также литературные источники по освещаемой проблеме, используя археологический и историко-этнографический анализы их, позволяют в той или иной мере судить об исторических связях древнего населения Севера Тихого океана с обитателями других ареалов. В данном случае автор этих строк сосредотачивает основное внимание на археологических лабретках периода неолита российского Дальнего Востока, к открытию части из них имеет непосредственное отношение.

Основной своей задачей автор считает выявление в ряде областей данных реалий неолитического времени (включая самые ранние), добытых археологами прежде всего при раскопках и имеющих абсолютные даты, дать им сжатые определения, показать пути и круг распространения, а также возможные побудительные мотивы возникновения этих специфических украшений (рис. 1).

Есть сведения, что на начало нынешнего века в научно-образовательных центрах, музеях России, США, Японии хранилось около 100 этнографических и археологических образцов лабретных изделий. Шире всего эти специфические украшения представлены с Алеутских островов [9. С. 72]. Названное количество лабреток, несомненно, занижено на несколько десятков за счет не учтенных экземпляров по разным причинам в основном из районов Нижнего Приамурья и Камчатки.

Важен также следующий нюанс: если практически все лабретные украшения с территории России происходят из конкретных неолитических слоев и объектов

(жилища, культовые святилища) и обеспечены радиоуглеродными датами, тогда как материалы, находящиеся в США и Японии, согласно опубликованным данным, обнаружены как в ходе археологических раскопок, так и при осуществлении подъемных сборов или найдены случайно. Последнее обстоятельство затрудняет определить культурно-хронологический контекст интересующих нас украшений.

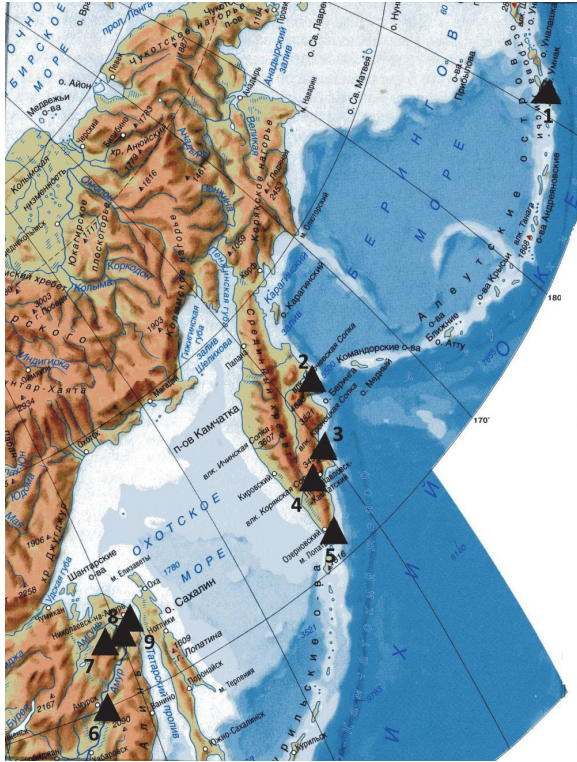

Рис. 1. Карта основных пунктов нахождения лабреток в неолите Тихоокеанского Севера: 1 – Алеутские о-ва (Чалука); 2–5 – Камчатка (Ушки I, Авача, Жупаново, Большой Камень, мыс Лопатка); 6–9 – нижний Амур (устье р. Гур, Сучу, Кольчём 2; 3); Воскресенское

В этой связи любопытен факт трактовки керамических изделий, найденных ранее на памятниках среднего и позднего дзёмона Японии, ошибочно названных орнаментированными «лабретками грибовидной формы». Эти сведения нашли отражение также в отечественной печати [9. С. 76]. Однако еще в 1988 г. при специальном исследовании было определено, что эти предметы являлись амулетами и использовались в церемониях, а нанесенные на них орнаменты соотносятся с детородными органами [10. С. 78, 81]. Продолжительное время наиболее многочисленной коллекцией лабреток в тихоокеанском регионе считались материалы с Алеутских островов, а также с объектов эскимосских культур северо-восточного соседнего побережья Аляски (прежде всего берега залива Кука). Объясняется это, прежде всего тем, что на этих островах и их окрестностях раньше начались исследования и обратились к такому археолого-этнографическому источнику, какими являются экзотические по своей сути лабретки. Большое внимание уделял лабретным украшениям в первой трети XX в. русский ученый В.И. Иохельсон. В 1909–1910 гг. исследователь вел

раскопки на Алеутских островах [11], после которых, в научном сообществе утвердился термин «лабретки».

Наиболее плодотворными для понимания происхождения и ранней истории алеутов считаются исследования, проводившиеся на Алеутских островах в 1960–1970-х гг. Они базировались главным образом на ископаемых материалах наиболее важных стоянок Чалука и Анангула [12. С. 12]. Значительный интерес представляют результаты раскопок многослойной стоянки Чалука на о-ве Умнак. В нижнем неолитическом слое памятника были обнаружены шляпообразные и в виде пуговиц для манжет, а также прямоугольно-удлиненные лабретки (рис. 2, 19–21). К наиболее ранним по результатам радиоуглеродного анализа отнесены украшения возрастом около 4 тыс. л.н. [13. С. 59–82]. Отдельные исследователи еще сравнительно недавно считали эти лабретки наиболее ранними в северной части Тихоокеанского ареала [9. С. 75].

Другой областью севера Тихого океана, где с глубокой древности были распространены лабретные украшения, является Камчатка. Их открытие в ряде памятников с начала 1960-х гг. связано с экспедицией, которой длительное время успешно руководил Н.Н. Диков. Одной из первых лабреток, найденных им в ходе раскопок на севере Чукотки является нагубное украшение, выполненное из моржового клыка, относящееся ориентировочно к 900 г. н.э. Оно довольно короткое овально-уплощенной формы [14. С. 187; табл. 166, 12]. Однако основную и наиболее важную часть лабреток экспедиция исследователя открыла на Камчатке. Так, на стоянке Авача были выявлены каменные неолитические лабретки возрастом 3450 ± 100 л.н. (МАГ-310), а на участке III мыса Лопатка – возрастом 4380 ± 70 л.н. (МАГ-312) (рис. 2, 12–15).

К древнейшим в настоящее время относятся округло-уплощенные лабретки, выявленные Н.Н. Диковым в слое VI стоянки Ушки 1. Их возраст: 10760 ± 110 л.н. (МАГ-219) и 10360 ± 350 л.н. (Мо-345) [14. С. 244; 15. Рис. 21, 7]. В контексте с этим открытием исследователь высказал принципиально важное предположение о том, что обладавшая лабретками этническая общность, имеет отношение к древнейшим эско-алеутам [15. С. 280].

Серию лабреток и лабретных шпилек из абсидиана и кремнистого сланца, относящихся к II – I тыс. до н.э., на стоянках Жупаново и Большой Камень (Восточная Камчатка) обнаружил А.К. Пономаренко [16. С. 72, табл. 17, 12, 14, 18; с. 88, табл. 19, 14] (рис. 2, 10, 11). Детальному анализу камчатские, прежде всего неолитические, лабретки подвергла Т.М. Дикова. Эти украшения в зависимости от места ношения ею подразделяются на два основных типа: лабретки для украшения губ или щек и так называемые лабретные шпильки, которые носили в носовой перегородке [17. С. 213]. В зависимости от формы исследовательница подразделяет лабретки на четыре типа: шпилькообразные с острым концом, шпилькообразные с широким прямым концом, шляпообразные и запонкообразные. Помимо этого ею выделен тип пуговицеобразных лабреток, обнаруженных в ритуальном жилище на стоянке Ушки-1, определив их прототипом перечисленных украшений.

Заслуживает внимания утверждение Т.М. Диковой, считавшей, что разнообразие форм и типов лабреток

связано с принадлежностью их к различным племенам или родам [17. С. 214, 216].

Рис. 2. Лабретки из камня (1–18) и кости (19–21): 1, 2 – устье р. Гур; 3, 4 – Сучу; 5, 6 – пос. Воскресенское; 7, 8 – пос. Кольчём-3; 9 – Кольчём-2; 10 – стоянка Жупаново; 11 – Большой Камень; 12–15 – юг Камчатки; 16–18 – Маймече-IV, I; 19–21 – Чалука (остров Умнак). 1–9 – Нижнее Приамурье; 10–15 – Камчатка; 16–18 – Таймыр; 19–21 – Алеутские острова (пос. Чалука). 1–4 – по: [Медведев, 2005]; 5–9 – по [Шевкомуд, 2004]; 10–11 – по: [Пономаренко, 1985]; 12–15 – по [Дикова, 1983]; 16–18 – по: [Хлобыстин, 1998]; 19–21 – по: [Aigner, 1966]. Масштаб различный

К районам распространения лабреток в известной степени относятся Курильские острова. В 1930-е гг. и чуть позже японские археологи проводили раскопки на северокурильских островах Парамушире, Шумшу, а также на более южном о. Итуруп. Сообщается, что в отдельных случаях этим находкам сопутствовала керамика охотской культуры, главным образом эпохи палеометалла, и в целом «картина обнаружения лабреток на Курильских островах не установлена» [8. С. 277, 280]. Исследователи считали, что лабретки, обнаруженные на Курильских островах, относятся, скорее всего, к вещам, переданным переместившимися сюда алеутами северокурильским айнам. Делается вывод, что лабретки эти не относятся к каменному веку [8. С. 284]. В конце 1940-х гг. в раковинной куче Моёро, очевидно, охотской культуры на северном побережье о. Хоккайдо археологи нашли изделие из клыка пуговицеобразной формы, похожее на лабретку. С учетом приведенных сведений, можно полагать, что нет бесспорных оснований в период неолита включать Курильские острова в зону использования лабреток их обитателями. Хотя при современных знаниях об этих украшениях, полагаю, допустимо считать присутствие их на Курилах в финале неолита.

Имеется сообщение, что в 2001 г. в Приморье при раскопках памятника Бойсмана II (зал. Петра Великого, Японское море) было найдено стержнеобразное

зашлифованное изделие, выполненное из рога молодого оленя. Стержень слегка изогнут, конец его обломан, длина предмета 91 мм, диаметр 20 мм. Противоположное от обломанного тонкого конца округлое утолщение имеет вырезанную, возможно, фигуру-личину [18. С. 99, рис. 48, 7]. Исследовавший данное изделие Д.Л. Бродянский, назвал его классической лабреткой [18. С. 98]. По единственной представленной находке трудно судить о подлинной принадлежности ее к украшениям из категории лабреток. Среди известных их типов она не имеет аналогий. Можно предположить, что изделие с Бойсмана II – это лабретная шпилька, которая вставлялась в носовую перегородку.

Костяные изделия, найденные С.А. Аругюновым и Д.Л. Сергеевым в Уэленском могильнике на Чукотке и названные ими гвоздями или запонками от поплавков, а также затычками для ран и продолговатыми предметами [19. С. 100. Рис. 43, 7–9, 14–17; 44, 10–13; 45, 1–6], возможно, некоторой частью являются лабретками. Однозначное определение предметов затруднительно. В середине 1970-х гг. появилась информация об открытии Л.П. Хлобыстиным каменных лабреток не менее трех форм на неолитических стоянках Таймыра, Маймече IV, I (рис. 2, 16–18). Тогда же исследователь доказал, что они относятся к III тыс. до н.э. [20. С. 103–104].

Лабретки с Таймыра относятся к наиболее отдаленным к СЗ от основных очагов этих украшений Тихоокеанского Севера. Данный факт указанного открытия не мог быть не замечен специалистами. Н.Н. Диков подробным комментарием отреагировал на таймырские находки. Исследователь заметил, что лабретные украшения из древнейших центров происхождения, каким он считал Камчатку, распространились не только в сторону Американского континента, «но и на далекий Север Сибири» [15. С. 181]. Далее он, на взгляд автора данных строк, аргументировано развивает мысль о фиксации на Таймыре реликта «проникшей туда из более южных областей культуры, входившей в ту же культурно-этническую область, в которую входила и финальная палеолитическая культура Камчатки» [15. С. 181]. В дополнение к аргументам, связанным с вопросом сходства лабреток Камчатки и Таймыра, исследователь приводит пример поразительного совпадения формы грибовидных стеатитовых подвесок, обнаруженных Л.П. Хлобыстиным вместе с лабретками на стоянке Маймече IV, [см. 21. С. 227, рис. 28, 7], с формой таких же стеатитовых подвесок из слоя VI Ушковской стоянки [15. С. 181].

Л.П. Хлобыстин, в свою очередь, подтверждает уникальность маймеченской грибовидной подвески и соглашается с Н.Н. Диковым в полной ее аналогии с ушковскими находками. Подчеркивается при этом, что своеобразные предметы удалены друг от друга на огромное расстояние и, что камчатская подвеска, аналогичная таймырской, происходит из палеолитического слоя стоянки Ушки I возрастом свыше 10 000 л.н. [21. С. 72]. Оригинальной, противоречащей первой версии представляется другая точка зрения Л.П. Хлобыстина о возможном появлении лабреток на Таймыре и в других областях. На основе находки в 1940-е гг. на Средней Лене (р. Турукта) нефритовой поделки, по форме похожей на лабретку, датированной III – нач. II тыс. до н.э., исследователь делает следующий вывод. Поскольку, по его мнению, ни в мезолите ни в неолите культурные связи между Таймыром и Северо-Востоком Азии не прослеживаются, нет оснований усматривать истоки обычая употребления лабреток частью таймырского неолитического населения даже в камчатской финально-палеолитической культуре [21. С. 73]. Исследователь предполагал, что местом зарождения украшать губы и носить грибовидные подвески была Восточная Сибирь, откуда названные традиции могли распространиться на Северо-Восток Азии и в Америку, а также и на Таймыр [21. С. 73].

В результате археологических исследований главным образом в последней трети прошлого века в юго-западной части Тихоокеанского Севера, куда входит Нижнее Приамурье, в особенности долина Амура, стало возможным относить данный регион к числу заметных по степени концентрации неолитических лабреток. В настоящее время есть основание считать, что лабретные украшения в эпоху неолита были распространены вверх от устья реки преимущественно не более чем на 250–300 км., хотя единичные экземпляры их зафиксированы значительно выше по Амуру.

Первые амурские лабретки новокаменного века были найдены в 1973 г. при раскопках на о-ве Сучу жилища 1 малышевской культуры возрастом около 5 тыс. л.н. Среди различных культово-церемониальных предметов в домашнем святилище оказались две обломанные лабретки, вырезанные из трепела [22. С. 55, рис. 28, 3, 4] (рис. 2, 4). Следующие две целые лабретки в культовом центре острова выявлены в 1993 г. в ходе исследования святилища вознесенской культуры. Их возраст по радиоуглероду равен 4200 ± 80 л.н. (ГИН-8291). Эти изделия также из трепела, они подпрямоугольной формы с одним расширенным концом в виде воронки, длина их 7,8–9,7 см, толщина 0,4–0,6 см [22. Рис. 14, 3, 4; Рис. 28, 1, 2] (рис. 2, 3). Все лабретные украшения с о-ва Сучу линзовидного сечения, одинаковой формы, хорошо заполированы.

В 1970-е гг. при осмотре правого берега вблизи устья р. Гур, притока Амура, несколько выше по течению хорошо известного памятника у с. Вознесенского, наряду с несколькими черепками малышевской и вознесенской культур были подняты две целых лабретки, изготовленных из трепела. Гладко отшлифованные линзовидные в сечении лабретки имеют форму пластин с расширяющимися концами. Оба изделия длиной 9,7 см и толщиной 0,5–0,6 см. По ширине – разные: одно у краев 5,5 см и 4,4 см, посередине 3,4 см, другое соответственно 2,6; 2,4 и 1,8 см [22. С. 49, рис. 14, 1, 2] (см. рис. 2, 1, 2). Неизвестно к какому типу памятников относятся данные лабретки, но то, что их изготовили и использовали представители малышевской или вознесенской культур, вряд ли должно вызывать серьезные сомнения.

Наиболее близким местонахождением лабреток к устью Амура в настоящее время следует считать памятник в с. Воскресенское на правом берегу Амура. В 1935 г. на этом месте А.П. Окладников открыл остатки неолитической стоянки [23. С. 35]. Позже в Хабаровский государственный музей Дальнего Востока из Воскресенского были переданы две целые лабретки [22. С. 49, рис. 14, 7, 8; 24. С. 101, табл. 77, 9, 10] (рис. 2, 5, 6). Эти лабретные украшения по размерам и форме весьма близки аналогичным изделиям с р. Гур: зашлифованные пластины из светло-серого камня расширенными концами линзовидного или овально-вытянутого сечения. Изделия, возможно, входили в состав культового святилища, образованного людьми в среднем или позднем неолите на возвышенной береговой амурской террасе. Не исключено также, что лабретки имеют отношение к несохранившемуся там жилищному комплексу новокаменного века.

Серия каменных зашлифованных лабреток обнаружена в 1990-е гг. при раскопках И.Я. Шевкомуда двух поселений вознесенской культуры в левобережных окрестностях нижеамурской долины в районе оз. Удиль, близости от с. Кольчём. На поселении Кольчём-3 найдены семь лабреток, из них две целых и пять слегка или значительно обломанных. На поселении Кольчём-2 выявлено одно, видимо, наполовину обломанное лабретное украшение [24. С. 101, табл. 77, 1–8; 22. С. 49, рис. 14, 9–13] (рис. 2, 7–9). Форма лабреток во многом аналогичная формам представленных выше

амурских изделий: пластинчатые овально-вытянутого, изредка подпрямоугольно-вытянутого сечения со слабо или сильно расширенным одним или двумя концами (по обломанным предметам установить это невозможно). Длина всех лабреток преимущественно в пределах 2,5–4,5 см при ширине воронкообразных концов до 4,0 см. Материалы раскопок поселения Кольчём-3 на основе радиоуглеродных анализов датируются в диапазоне 3520 ± 50 л.н. (ТК-958) – 4200 ± 60 л.н. (СО АН-3412), а материалы Кольчёма-2 в пределах 3725 ± 95 л.н. (СО АН-3015) – 3880 ± 35 л.н. (СО АН-3018) [24. С. 152]. Эти датировки равны или близки упомянутой выше радиоуглеродной дате культового святилища вознесенской культуры на о. Сучу. Обращает на себя внимание типологическая общность и даже однообразие лабреток Амура. Некоторые из них, например, парные экземпляры с памятника Воскресенское и с устья р. Гур практически идентичные.

Используя сравнительно-исторический метод в исследовании лабретных изделий, есть возможность более обобщенно взглянуть на нижнеамурские образцы и сопоставить их с аналогичными предметами соседних рассмотренных регионов. Так, в коллекции лабреток с Алеутских островов и Аляски (берега залива Кука) нет изделий, которые по форме можно было бы сопоставить с нижнеамурскими. На указанных территориях преобладают лабретные украшения трех основных типов – шляпообразные, в виде запонок (пуговиц) и в форме пробок для стеклянных флаконов, а также эллипсоидные и ладьевидные. Подобных лабреток, как было показано выше, ни на одном амурском памятнике не обнаружено. Правда, на поселении Чалука на о-ве Умнак найдена неолитическая лабретка подпрямоугольно-удлиненной формы со слегка расширенными концами, сопоставимая с крупными пластинчатыми изделиями Амура. На Курильских островах они в основном шляпообразные и в виде пробок для флаконов, изделий амурского ассортимента не зафиксировано. В Приморье выявлена, как уже отмечалось, одна сопоставимая с находками нижнего Амура (на среднем, как и на верхнем, Амуре лабретки неизвестны). Лабретные украшения с Таймыра (пятиугольное утолщенное из Маймиче IV и шляпообразное из Маймиче I) не имеют аналогий среди изделий с Амура, также как и возможная упоминаемая в литературе лабретка из района средней Лены.

Наибольшую типологическую, а также в основной своей массе хронологическую близость неолитические лабретки нижнего Амура обнаруживают среди аналогичного материала Камчатки. Большинство одинаковых или близких по форме лабреток этих двух ареалов относится к пластинчатым изделиям овального, подпрямоугольно-вытянутого или линзовидного сечения с одним, реже с двумя расширенными концами. Эти лабретки большей частью из стеатита и глинистого сланца, они малых размеров. У зашлифованных образцов у одного расширенного края или посередине предмета имеется кольцевой слегка выпуклый выточенный валик. Среди лабреток данного типа имеются украшения из обсидиана и андезито-базальта обработанные

сплошной ретушью, что не отмечено в коллекции подобных находок Амура. Согласно типологии лабреток Южной Камчатки, предложенной Т.М. Диковой, помимо названных форм, имеются также запонкообразные, шляпообразные и шпилькообразные лабретки. Помимо этого, исследовательница выделила тип пуговицеобразных лабретных украшений, обнаруженных на стоянке Ушки-1, определив их прототипом названных лабреток [см. 17. С. 214, 217, табл. 74].

Мнения исследователей о месте и времени появления лабреток во многом расходятся. Например, В.Х. Долл [1] и некоторые другие специалисты считали, что эти украшения появились на Севере из Центральной Америки. Порой утверждается без каких-либо подтверждающих абсолютных датировок, что обычай использования таких специфических украшений лица не мог возникнуть в Арктике с учетом ее климатических условий. Есть также предположение, не подкрепленное необходимыми фактами, как уже отмечалось выше, что местом, где появились первые лабретки, является Восточная Сибирь [21. С. 73]. Упомянем еще раз лабретки возрастом ок. 4 тыс. л.н., найденные на улеутском о-ве Умнак (поселение Чалука), которые еще недавно отдельные исследователи относили к древнейшим на Тихоокеанском Севере.

Приведенные данные позволяют констатировать, что в настоящее время известны две основные области Северо-Восточной Азии, где найдены значительные серии обеспеченных абсолютными датами ранних лабреток: преобладающая группа украшений с Камчатки и почти все изделия из Нижнего Приамурья. Они датируются в диапазоне III – первая половина II тыс. до н.э., а отдельные образцы с о-ва Сучу – рубежом IV–III тыс. до н.э. Для камчатских лабреток со стоянки Ушки VI имеются даты более 10 тыс. л.н. Реальность ушковских лабреток в отдельных случаях считают несколько дискуссионной [9. С. 76], хотя не признавать эти украшения нет особых оснований. Если признать Камчатку периода раннего голоцена центром происхождения лабретных украшений, можно предположить, что с полуострова они проникли сначала на нижний Амур, Алеутские о-ва, Аляску, затем на Таймыр, Курильские о-ва и далее на юг и юго-запад. Происходило это в ходе контактов обитателей этих территорий, и лабретки, как мы видим, служат убедительными маркерами этнокультурных соотношений в неолите северных Тихоокеанских и сопредельных с ними ареалов.

Обращаясь к наиболее близкому и знакомому региону исследований лабреток автора – нижнему Амuru, обратим внимание на отдельные валуны Сакачи-Алянско-Гасинского культового центра с имеющимися на них петроглифическими изображениями масок с лабретками, в т.ч. с обеих сторон рта, есть также аналогичная маска среди петроглифов на р. Кия [25. Табл. 19, 2; 135] (рис. 3, 2, 3). Имеющаяся реконструкция способа закрепления неолитических лабреток на лице соответствует названным петроглифическим того же времени маскам (рис. 3, 1). Есть изображения эскимосских мужчин этнографической современности с лабретками в губах, также аналогичными петроглифическим (рис. 4, 1, 2).

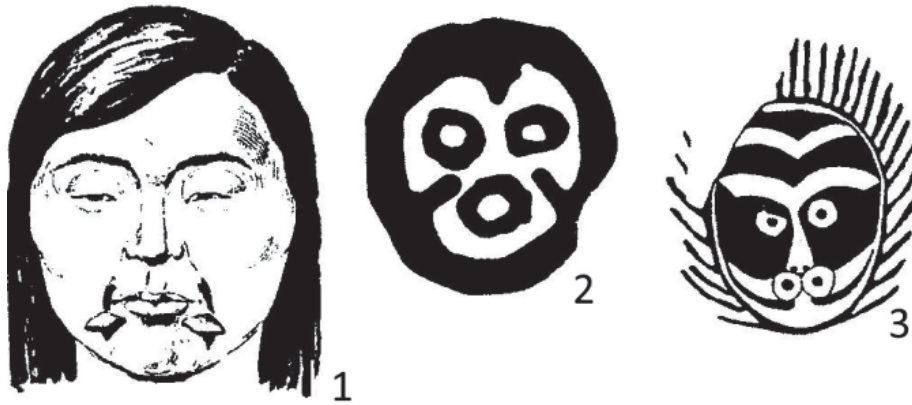

Рис. 3. Реконструкция способа закрепления лабреток у краев рта (1); изображения петроглифических масок с лабретками – Сакачи-Алян (2); Кия (3). 1 – по: [Хлобыстин, 1998]; 2, 3 – по: [Окладников, 1971]. Масштаб различный

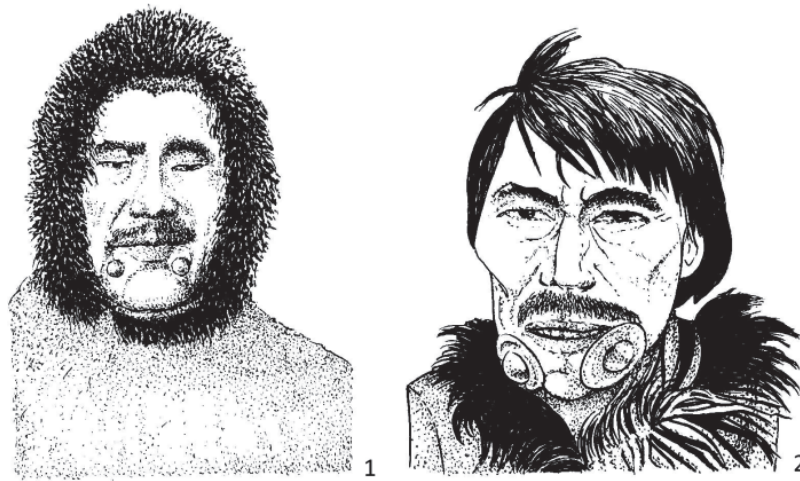

Рис. 4. Эскимосские мужчины этнографической современности с лабретками в нижних губах (1, 2) – по: [Кодама С., Оба Т., 1958]. Графические прорисовки

Наиболее предпочтительным побудительным мотивом происхождения лабреток можно считать то, что эти необычные украшения были созданы людьми населявшими северотихоокеанские территории, где и в наше время водятся стада клыкастых моржей. Эти внушительные животные, очевидно, производили на древнего человека столь сильное впечатление, что он хотел чем-то быть похожим на них. Это подтверждают историко-этнографические наблюдения. В частности, неоднократные сообщения русских землепроходцев XVIII в. об эскимосах, у которых, как писали путешественники, помимо своих

природных зубов, есть «зубы, из моржовых зубов (лабретки. – В.М.) вырезанные» [26. С. 434].

Появившиеся на Тихоокеанском Севере лабретки, сначала, скорее всего, как талисманы, со временем распространились на огромной территории, заслужив тем самым роль своеобразных маркеров этнокультурных соотношений, влияний или заимствований, приобретая при этом в системе украшений местную специфику. Российские ареалы – Камчатку и Нижнее Приамурье – можно отнести соответственно к наиболее раннему и раннему регионам бытования лабреток.

Список источников

1. Dall W.H. On Masks, Labrets and Certain Aboriginal Customs with the Inquiry into the Bearing of their Geographical Distribution // Third Annual Report of the Bureau of Ethnology. Washington, 1984. P. 67–203.
2. Народы Австралии и Океании. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 852 с.
3. Тэйлор Э. Первобытная культура. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 568 с.
4. Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1083 с.
5. Врангель Ф.Н. Обитатели северо-западных берегов Америки // Сын Отечества. 1839. Т. 7. С. 51–82.
6. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. I. 364 с.
7. Берг Л.С. Из истории открытия Алеутских островов // Землеведение. 1924. Т. 26, вып. ½. С. 116–123.
8. Кодама С., Оба Т. О лабретках // Хоппобунка кэнкю – Хококу. Хоккайдо Дайгаку. 1958. Вып. 13. С. 271–293 (на яп. яз.).
9. Васильевский Р.С. Лабретки в культурах Северотихоокеанского региона // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2 (10). С. 71–78.
10. Мия Хироаки. Некоторые вопросы, касающиеся штамповидных глиняных изделий // Сутампудзё досэйхинни кансору дзяккан-но-мондай (Археология Хоккайдо). 1988. Март. С. 75–84 (на яп. яз.).
11. Jochelson W.L. Archaeology investigation in the Aleutian Islands. Washington, 1925.
12. Ляпунова Р.Г. Алеуты. Л.: Наука, 1987. 429 с.

13. Aigner J. Bone tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island // Arctic Anthropology. 1966. Vol. 3, is. 2. P. 57-83.
14. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. (Азия на стыке с Америкой в древности). М. : Наука, 1977. 392 с.
15. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М. : Наука, 1979. 252 с.
16. Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М. : Наука, 1985. 216 с.
17. Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с расселением айнов. М. : Наука, 1983. 232 с.
18. Бродянский Д.Л. Древнее искусство и его исследователи. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та. 180 с.
19. Арутюнов С.А., Сергеев Д.С. Древние культуры азиатских эскимосов. (Уэленский могильник). М. : Наука, 1969. 208 с.
20. Хлобыстин Л.П. Памятники Сибирского Заполярья и их соотношения с культурами таёжной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск : ИИФ СО АН СССР, 1975. С. 100–110.
21. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998. 240 с.
22. Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 40–69.
23. Окладников А.П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 3–52.
24. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит нижнего Амура. Владивосток : ДВО РАН, 2004. 156 с.
25. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л. : Наука, 1971. 336 с.
26. Марков С.Н. Земной круг. Книга о землепроходцах. М. : Современник, 1976. 623 с.

References

1. Dall W.H. On Masks, Labrets and Certain Aboriginal Customs with the Inquiry into the Bearing of their Geographical Distribution // Third Annual Report of the Bureau of Ethnology. Washington, 1984. P. 67–203.
2. Narody Avstralii i Okeanii. M. : Izd-vo AN SSSR, 1956. 852 s.
3. Тейлор Е. Первобытная культура. М. : Гос. сots.-ekon. izd-vo, 1939. 568 s.
4. Narody Sibiri. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR. 1083 s.
5. Vrangeli F.N. Obitatele severo-zapadnykh beregov Ameriki // Syn Otechestva. 1839. T. 7. S. 51–82.
6. Veniaminov I. Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela. SPb., 1840. CH. I. 364 s.
7. Berg L.S. Iz istorii otkrytiya Aleutskikh ostrovov // Zemlevedeniye. 1924. T. 26, vyp. 1/2. S. 116–123.
8. Kodama S., Oba T. O labretkakh // Khoppobunka k'enkyu – Khokoku. Khokkaydo Daygaku. 1958. Vyp. 13. S. 271–293 (na yap. yaz.).
9. Vasil'yevskiy R.S. Labretki v kul'turakh Severotikhookeanskogo regiona // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii. 2002. № 2 (10). S. 71–78.
10. Miya Khiraoki. Nekotoryye voprosy, kasayushchiesya shtampovidnykh glinyanykh izdeliy // Sutampudze dos'eykhinni kansuru dzyakkan-nomondai (Arkheologiya Khokkaydo). 1988. Mart. S. 75–84 (na yap. yaz.).
11. Jochelson W.L. Archaeology investigation in the Aleutian Islands. Washington, 1925.
12. Lyapunova R.G. Aleuty. L. : Nauka, 1987. 429 s.
13. Aigner J. Bone tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island // Arctic Anthropology. 1966. Vol. 3, is. 2. P. 57-83.
14. Dikov N.N. Arkheologicheskiye pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verkhney Kolymy. (Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti). M. : Nauka, 1977. 392 s.
15. Dikov N.N. Drevniye kul'tury Severo-Vostochnoy Azii. Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti. M. : Nauka, 1979. 252 s.
16. Ponomarenko A.K. Drevnyaya kul'tura itel'menov Vostochnoy Kamchatki. M. : Nauka, 1985. 216 s.
17. Dikova T.M. Arkheologiya Yuzhnoy Kamchatki v svyazi s rasseleniyem aynov. M. : Nauka, 1983. 232 s.
18. Brodianskiy D.L. Drevneye iskusstvo i yego issledovateli. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta. 180 s.
19. Arutyunov S.A., Sergeyev D.S. Drevniye kul'tury aziatskikh eskimosev. (Uelenskiy mogil'nik). M. : Nauka, 1969. 208 s.
20. Khlobystin L.P. Pamyatniki Sibirskogo Zapolyar'ya i ikh sootnosheniya s kul'turami tayezhnoy zony // Sootnosheniye drevnikh kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk : IIF SO AN SSSR, 1975. S. 100–110.
21. Khlobystin L.P. Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyar'ya i voprosy formirovaniya kul'tur Severa Yevrazii. SPb., 1998. 240 s.
22. Medvedev V.E. Neoliticheskiye kul'tovyye tsentry v doline Amura // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii. 2005. № 4. S. 40–69.
23. Okladnikov A.P. O rabotakh arkheologicheskogo otryada Amurskoy kompleksnoy ekspeditsii v nizov'yakh Amura letom 1935 g. // Istochniki po arkheologii Severnoy Azii (1935–1976 gg.). Novosibirsk : Nauka, 1980. S. 3–52.
24. Shevkomud I.YA. Pozdnyy neolit nizhnego Amura. Vladivostok : DVO RAN, 2004. 156 s.
25. Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. L. : Nauka, 1971. 336 s.
26. Markov S.N. Zemnoy krug. Kniga o zemleprokhodtsakh. M. : Sovremennik, 1976. 623 s.

Информация об авторе:

Медведев В.Е. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором археологии неолита Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.Y. Medvedev, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024;
одобрена после рецензирования 16.03.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 28.11.2024;
approved after reviewing 16.03.2025; accepted for publication 31.07.2025.

Научная статья
УДК 94(540)
doi: 10.17223/15617793/516/12

Индийский национальный конгресс в годы генерал-губернаторства лорда Хардинга (1910–1916)

Дмитрий Сергеевич Никитин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, nikitds33@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются проблемы внутреннего развития Индийского национального конгресса (ИНК) и его взаимоотношений с колониальной администрацией в 1910–1916 гг. На основе ежегодных отчетов анализируются изменения требований ИНК, оценивается позиция вице-короля Индии Ч. Хардинга в отношении Конгресса. Особое внимание уделено проблеме воссоединения умеренного и радикального крыла Конгресса и изменениям в уставе организации. Сделаны выводы о характере развития ИНК в предвоенные и военные годы.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс, Хардинг, Б.Г. Тилак, Британская Индия, национальное движение

Для цитирования: Никитин Д.С. Индийский национальный конгресс в годы генерал-губернаторства лорда Хардинга (1910–1916) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 100–105. doi: 10.17223/15617793/516/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/12

Indian National Congress in the years of the Hardinge's Government (1910–1916)

D.S. Nikitin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nikitds33@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of the main areas of activity of the Indian National Congress (INC, Congress) in 1910–1916, during Charles Harding's government. The main tasks for the INC at that time were the struggle for further expansion of the rights of the Indian population after the adoption of the Indian Councils Act of 1909 and the solution of organizational problems that required improving the charter of the organization. An important problem for the Congress during the governor-generalship of Charles Harding was the growth of internal contradictions in the Indian national movement due to the growing popularity of the radical wing of the movement. Based on historical-genetic, comparative-historical and descriptive-narrative methods, the article examines the problems of the relationship between the INC and the British colonial administration in 1910–1916 and the features of the development of the INC in the context of the national movement. The main source for the study was the annual reports of Congress. The position of the British colonial administration in relation to the INC, its influence on the development of the national movement are analyzed. During the discussion of the Indian councils act 1909, Viceroy Minto relied on the leaders of the moderate wing of the Congress as opposed to the radicals in the national movement, and as a result of the adoption of the act, the leaders of the INC were given the opportunity to participate in the councils. Viceroy Harding continued Minto's line of cooperation with the Congress' moderates and the suppression of the radical wing and underground terrorist groups. An analysis of the demands of the INC during the period under study showed that they had not undergone significant changes, but this time was characterized by the emergence of resolutions protesting against the system of "separate electorates". In the course of studying the internal dynamics of the INC's development, it was established that the 1910–1916 period was characterized by a decline in the popularity of the moderates dominating in the Congress and growing support for the radical figures among the masses. It led to the search for ways to reunite with the radicals. The method for reuniting the INC was the amendments to the organization's constitution adopted in 1908, which consistently expanded the circle of potential delegates to the sessions. These efforts paved the way for the reunification of the Congress and the subsequent withdrawal of moderates from it in 1918. Generally, it is concluded that Viceroy Harding continued the course of his predecessor Minto towards cooperation with moderate leaders of the Congress, which, in the context of the radicalization of the national movement, was forced to adapt to changing conditions, which was reflected in the reunification of the INC with the radical wing of the movement in 1916.

Keywords: Indian National Congress, Hardinge, B. G. Tilak, British India, national movement

For citation: Nikitin, D.S. (2015) Indian National Congress in the years of the Hardinge's Government (1910–1916). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 100–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/12

Индийский национальный конгресс (ИНК), возникший в 1885 г., является одной из старейших политических партий Азии, по сей день сохраняющей сильные позиции в южноазиатском политическом пространстве. За свою долгую историю Конгресс прошел путь от лояльного колонизаторам ежегодного собрания интеллигенции до ведущей организации в национально-освободительном движении, от партии власти к оппозиционной политической силе. Исторический опыт ИНК изучался и использовался многими политическими деятелями стран, находившихся в колониальной зависимости, а его лидеры являлись признанными лидерами антиколониальной борьбы. Изучение раннего периода истории Конгресса, таким образом, является важной задачей для понимания возникновения и эволюции антиколониальных движений в Азии и Африке, и в этой связи особый интерес для исследователя представляет период 1910-х гг., когда на фоне революционных процессов в других азиатских странах и Первой мировой войны ИНК переживал идейную и структурную трансформацию. Исследуемый период стал для Конгресса временем превращения малочисленной (в индийских масштабах) организации сторонников сохранения британской власти в Индии в общенациональную политическую силу, которая возглавила борьбу за независимость страны, и эта эволюция закономерно находила отражение в изменении характера взаимодействия ИНК с властью и обществом.

В настоящей статье на основе отчетов о ежегодных сессиях Индийского национального конгресса исследуются ключевые направления деятельности ИНК, его отношения с колониальными властями, особенности развития организации в период 1910–1916 гг. Историко-генетический метод позволяет установить причины сотрудничества умеренных лидеров ИНК с колониальной администрацией и организационных перемен в Конгрессе 1911–1915 гг. Сравнительно-исторический метод позволяет установить тенденции и характерные особенности во взаимоотношениях Конгресса и власти, лидеров умеренного и радикального крыла национального движения. Описательно-повествовательный метод используется при реконструкции хода событий, оказавших влияние на эволюцию Конгресса в исследуемый период.

При изучении деятельности ИНК особенно важным является анализ отчетов о сессиях Конгресса, публиковавшихся ежегодно. Эти источники содержат не только стенограммы заседаний и перечни резолюций, принимаемых Конгрессом, но и разного рода приложения, отражающие изменения организационного характера. Так, ряд отчетов содержит тексты устава ИНК и поправок к нему, правила проведения сессий и пофамильные списки делегатов. Эти документы помогают проследить изменения в соотношении умеренных и радикальных сил в Конгрессе, и тем самым выявить особенности развития ИНК в исследуемый период.

После принятия закона об индийских советах 1909 г. одним из ключевых вопросов для ИНК оставался вопрос взаимоотношений с колониальной администрацией. Возникший как организация лояльных британскому правлению индийских жителей, видев-

ших в Англии силу, способную принести в Индию прогресс, современную культуру и науку, Конгресс с момента своего основания подчеркивал умеренность своих требований. Они сводились к исправлению некоторых недостатков колониальной системы управления и постепенному расширению участия индийцев в управлении страной; в этих условиях ИНК проводил «политику просьб и петиций» [1. Р. 149], отстаивая конституционные способы борьбы за свои права. Тем не менее индийское правительство (во главе с генерал-губернатором и вице-королем) на протяжении первых десятилетий существования ИНК, как правило, не видело в Конгрессе союзника, и позиция колониальной администрации заключалась в игнорировании большинства его требований или стремлению превратить его в организацию «академического» толка, которая обсуждала бы второстепенные вопросы, не вызывавшие острой реакции в обществе. Такая позиция была характерна, в частности, для правительства вице-короля Лэнсдауна в конце 1880-х – начале 1890-х гг. [2. С. 162] Полное неприятие деятельности ИНК со стороны британских властей наблюдалось при правительстве консервативного вице-короля Керзона на рубеже столетий [3. С. 98; 4. С. 101], однако политика Керзона, направленная на подавление национального движения, не привела к запрету Конгресса. Победа либералов на всеобщих выборах в Великобритании в 1906 г. стимулировала проведение реформы индийских законодательных советов (ставшей известной как «реформа Морли-Минто»), и в ходе ее подготовки вице-король Минто обратился к поддержке умеренных лидеров ИНК, что было обусловлено общим революционным подъемом в стране, движением бойкота иностранных товаров (свадеши) и протестами против раздела Бенгалии 1905 г., вызвавшими рост популярности радикального крыла национального движения («экстремистов») и появление подпольных террористических организаций антибританской направленности. В этих условиях умеренные, доминировавшие в Конгрессе после выхода из его состава экстремистов в декабре 1907 г., представлялись колониальной администрации силой, имеющей влияние на общественное мнение, но способной и готовой пойти на компромисс. Таким образом, вице-король Минто в 1905–1910 гг. проводил «политику реформ и репрессий» [5. Р. 253], поддерживая умеренных в их требовании реформ, но подавляя радикальные настроения в обществе. Для лидеров Конгресса реформа 1909 г., несмотря на ее противоречивый характер, была частичным воплощением их многолетних требований – в советах вводился выборный принцип, и некоторые из конгрессистских лидеров (например, Г.К. Гокхале) получили места в центральном законодательном совете и различных правительственных комиссиях.

Радикализация национального движения в 1905–1908 гг. во многом обусловила и курс, избранный новым вице-королем Индии Ч. Хардингом. Подобно своим предшественникам на этом посту, Хардинг не доверял деятелям конгрессистского движения, полагая, что расширение законодательных советов в 1909 г.

сделало Конгресс, претендовавший на роль индийского «парламента» [6. Р. 4], ненужным. Однако террористическая активность и радикальная агитация, бывшие особенно интенсивными в Бенгалии (где до 1911 г. располагалась столица Британской Индии), способствовали тому, что Хардинг в рамках проводимой им политики примирения [7. Р. 131] поддерживал умеренных ИНК в их борьбе с радикальным крылом и сотрудничал с ними. В 1911 г. вице-король принял делегацию Конгресса во главе с У. Уэддерберном, представившую Хардингу резолюции юбилейной сессии ИНК 1910 г., и возрождение этой традиции, прерванной при Керзоне, было свидетельством либерального отношения Хардинга к Конгрессу. Кроме того, при Хардинге руководители провинций стали посещать ежегодные сессии ИНК в качестве гостей, тем самым прервав существовавший в течение ряда лет запрет на посещение правительственными чиновниками политических собраний. Вместе с тем, вице-король выступал против индийского самоуправления, а полицейские органы осуществляли надзор за умеренными деятелями Конгресса [7. Р. 131].

«Признание» вице-королем Конгресса, однако, не привело к радикальному изменению его требований или методов. Лидеры умеренных, которые после раскола в ИНК в 1907 г. приняли устав, требовавший от членов исключительно «конституционных методов» борьбы [8. Р. XIX], в это время продолжали устоявшуюся практику, принимая резолюции, не поддерживаемые активными действиями, за которые выступали экстремисты. Поэтому в числе основных требований этого периода осталось отделение исполнительных функций чиновников от судебных [9. Р. 6; 10. Р. 87–88; 11. Р. 12; 12. Р. 3; 13. Р. 3], ликвидация Индийского совета (при государственном секретаре по делам Индии) [11. Р. 10–11], расширение местного самоуправления [11. Р. 15], создание законодательных или исполнительных советов в отдельных провинциях [10. Р. 75; 11. Р. 16; 12. Р. 4, 7], разрешение назначать ответственного за законодательство члена вице-королевского исполнительного совета из числа судей и адвокатов индийских Высоких судов [12. Р. 2; 14. Р. 105–106], отмена действовавшего на тот момент закона о прессе, принятого при Минто, который вводил суровые ограничения для издателей [9. Р. 6; 10. Р. 101–109; 12. Р. 5]. В сравнении с предшествующим периодом принципиально новым было требование отмены «раздельных электоратов», введенных законом об индийских советах 1909 г. Закон санкционировал выборный принцип в законодательных советах, но вводил отдельную избирательную курию для мусульманского меньшинства, тем самым создавая основу для углубления противоречий между индийскими общинами. Конгресс считал это решение «вредным для национального единства» [9. Р. 7] и «решительно осуждал распространение или применение принципа отдельных общинных избирательных курий в муниципалитетах, окружных управах или других местных органах» [12. Р. 6]. Эта резолюция не была услышана индийским правительством, что обусловило ее многократное повторение на сессиях ИНК практически в неизменной формулировке [9. Р. 7; 13. Р. 3; 14.

Р. 105]. Примечательно, что в 1910 г. резолюцию о недопустимости расширения «раздельных электоратов» выдвигал Мумаммад Али Джинна – будущий лидер Мусульманской лиги и борец за создание отдельного государства для индийских мусульман.

Во взглядах на проблему терроризма, который в Бенгалии стал реакцией на раздел провинции в 1905 г., ИНК и вице-король были солидарны. Если для европейцев, живших в Индии, но не занятых в системе управления, ИНК зачастую оставался символом охвативших страну беспорядков и участвовавших преступлений против европейских жителей субконтинента, то Хардинг, как указывалось выше, предпочитал поддерживать умеренную конгрессистскую верхушку в противовес экстремистам и террористам. В 1912 г., когда Хардинг стал целью последних и едва не погиб, председатель приемного комитета Конгресса Мазхарул Хак назвал «подлым беззаконием» покушение «на жизнь представителя нашего суверена..., вице-короля, так искренне преданного интересам Индии и индийского народа, вице-короля, который осмелился бросить вызов враждебности своих соотечественников, приняв меры, честно и справедливо считавшиеся им благими для Индии» [14. Р. 1].

Наконец, индийское правительство нашло поддержку Конгресса и в вопросе, который с осени 1914 г. начал играть большую роль и в индийской жизни – в вопросе о мировой войне. Военная подготовка индийцев без различия касты и вероисповедания и смягчение закона, не позволявшего индийцам владеть оружием и хранить его, были требованиями, которые ИНК выдвигал еще с 1880-х гг., и начавшаяся война, с одной стороны, давала Конгрессу возможность напомнить о них, с другой стороны, продемонстрировать правительству свою верноподданность. Одна из резолюций, принятых на сессии Конгресса в Мадрасе в декабре 1914 г., в частности, гласила: «Конгресс с благодарностью и удовлетворением отмечает отправку Индийского экспедиционного корпуса на театр военных действий и просит выразить Его Превосходительству Вице-королю свою самую искреннюю благодарность за предоставление народу Индии возможности продемонстрировать, что как равноправные подданные Его Величества он готов сражаться плечом к плечу с народами других частей Империи в защиту права и справедливости, а также дела Империи» [9. Р. 2]. Делегаты сессии заявляли о «глубоком чувстве удовлетворения и гордости за героическое поведение индийских войск», посредством которого Индия «завоевывает уважение цивилизованного человечества» [9. Р. 2]. На той же сессии звучали требования открыть для индийцев военные колледжи, доступ к высшим постам в армейской службе, внести изменения в закон об оружии. Годом позже ИНК принял резолюцию, заявлявшую о чувстве гордости за успехи британского флота, войск из Индии и колоний [10. Р. В].

В целом, в годы генерал-губернаторства лорда Хардинга высшие слои индийского правительства продолжили курс вице-короля Минто на сотрудничество с умеренной «олигархией» ИНК при сохранении контроля над ситуацией в стране. Такая политика отвечала

интересам умеренных, что выразилось в резолюции 1915 г., приветствовавшей продление срока вице-королевских полномочий Хардинга до марта 1916 г. [10. Р. В-С]. Однако сам Конгресс в это время переживал период трансформации, в ходе которого умеренные сталкиваются с вызовами как внутреннего, так и внешнего характера.

Суратский раскол Конгресса 1907 г. и выход экстремистов из его состава стимулировал длительный процесс организационного оформления ИНК. Лидеры умеренных, собравшиеся после внезапного роспуска сессии в Сурате, составили «кредо» ИНК – перечень основных принципов, с которыми должен был согласиться каждый член Конгресса. Главным среди них было следование «строгим конституционным принципам» [8. Р. 17] для достижения самоуправления в составе Британской империи; таким образом, более активные средства, к использованию которых призывали экстремисты, отныне находились вне поля конгрессистской политики. В том же духе был выдержан и устав ИНК, принятый в 1908 г. Первая статья устава содержала описание указанной выше цели Конгресса, а вторая обязывала всех делегатов сессий принять предписанные цели и средства [8. Р. XIX]. Статья 20 устава указывала, что помимо аффилированных с Конгрессом организаций и отделений ИНК выдвигать делегатов на сессии может любая организация, существующая не менее трех лет и признанная в таком качестве провинциальным комитетом ИНК, при условии согласия этой организации с первой статьей устава [10. Р. XXII–XXIII].

Сохранив под своим контролем аппарат ИНК, умеренные, однако, столкнулись со снижением общественного интереса к деятельности организации. Если сессии 1906 и 1907 гг. насчитывали свыше 1600 делегатов и ставили (или, как в случае неоконченной сессии 1907 г., предполагали ставить) на повестку дня острые вопросы о движении бойкота иностранных товаров (свадеш) и самоуправлении (сварадже), то сессии 1908–1913 гг. посещало 200–600 делегатов, а сессию 1914 г. – 866 (почти вдвое меньше, чем в 1906 г.). На сессию 1912 г. прибыло всего 207 делегатов, что было самым низким показателем с 1885 г. В то же время экстремисты, несмотря на обрушившиеся на них репрессии, быстро завоевывали симпатии народа, привлеченного, в числе прочего, и религиозной окраской политической агитации радикальных лидеров движения. В частности, газета «Кармайогин», издаваемая бенгальским лидером экстремистов Ауробиндо Гхошем, своим названием восходила к карма-йоге, или йоге действия, под которой националисты понимали борьбу за освобождение страны. Впоследствии Гхош основал новое направление в йоге. Исследованием индуистских текстов занимался лидер конгрессистских радикалов Бал Гангадхар Тилак, ставший одним из основателей политизированного индуизма [15. С. 130]. В 1908 г. Б.Г. Тилак был приговорен к шести годам тюремного заключения, что спровоцировало в Бомбее масштабную шестидневную стачку текстильщиков – одну из первых акций рабочего движения в Индии [16. С. 7].

На этом фоне умеренные, в особенности после противоречивой реформы советов 1909 г., теряли политические очки. Ситуацию усугублял и тот факт, что многие умеренные лидеры, стоявшие у истоков Конгресса, в 1910-х гг. были уже в преклонном возрасте. В 1912 г. умер давно отошедший от дел основатель ИНК А.О. Юм, а в 1915 г. из жизни ушли ключевые лидеры умеренного крыла – Ф. Мехта и Г.К. Гокхале, активный в прошлом деятель Индийского парламентского комитета и президент ИНК 1904 г. Г. Коттон, поддерживавший конгрессистское движение лидер английских лейбористов Кейр Харди.

Слабость умеренного крыла ИНК закономерно находила отражения и в изменениях, вносимых в устав организации. Так, на сессии 1911 г. в Калькутте было принято решение поручить Всеиндийскому комитету ИНК к следующему собранию рассмотреть вопрос о возможных поправках в устав [13. Р. 3]. В 1912 г. президент ИНК Р.Н. Мадхолкар при обсуждении соответствующей резолюции заявил, что устав 1908 г. требовал суровых ограничений на избрание делегатов, но теперь стало возможным сделать определенные послабления и разрешить избирать делегатов сессий на публичных собраниях (митингах), созданных комитетами ИНК или организациями, которым устав разрешает избирать делегатов сессий [14. Р. 119]. Таким образом, возможности для доступа в Конгресс были существенно расширены, что в условиях популярности взглядов радикалов в среде рядовых сторонников национального движения могло способствовать возвращению экстремистов в ИНК.

С началом Первой мировой войны активную роль в пересмотре взглядов умеренных на роль и методы ИНК начала играть Анни Безант – президент Теософского общества и видный деятель движения за расширение прав ирландцев и индийцев. Безант, много лет жившая в Индии и обладавшая огромным опытом политической агитации, считала, что деятельность Конгресса не вызывает энтузиазма у индийцев из-за принятых им методов, которые не способствуют ускорению прогресса страны. Безант полагала, что ИНК должен не только фиксировать в резолюциях вопросы, вызывающие недовольство индийцев, но и собирать информацию о них, доводить ее до широких народных масс, тем самым проводя круглогодичную агитаторскую работу вместо ежегодных трех- или четырехдневных собраний. Таким образом, ИНК следовало сочетать цели умеренных (самоуправление в рамках империи) с активностью экстремистов, избегая крайностей тех и других. Следует отметить, что в условиях войны методы радикального крыла национального движения приобрели еще большую популярность – ввиду расширения репрессивного законодательства – в 1915 г. генерал-губернатор в совете принял закон об обороне Индии, который предполагал введение особых мер до окончания войны с целью недопущения сотрудничества с врагом. Закон наделял органы правопорядка правом задерживать граждан на неопределенный срок и судить лиц, подозреваемых в нанесении ущерба империи с помощью специальных трибуналов,

наделенных полномочиями выносить приговоры вплоть до смертной казни.

Освобождение Б.Г. Тилака из тюрьмы в июне 1914 г. оживило общественную дискуссию о необходимости объединения ИНК. Тилак не поддерживал террористические акты и идеи насильственного свержения власти и был приемлемой фигурой для конгрессистских умеренных. Поэтому в ноябре 1914 один из лидеров Конгресса, Г.К. Гокхале, обратился к А. Безанту с просьбой выступить посредником в переговорах Конгресса с Тилаком [17. Р. 344]. Главным препятствием на пути возвращения в ИНК деятелей радикального крыла по-прежнему оставалась статья 20 устава Конгресса, требовавшая, чтобы делегаты на сессии избирались аффилированными с ИНК ассоциациями, существовавшими (согласно принятым в 1911 г. поправкам [13. Appendix A. Р. 5]) не менее двух лет. Это положение устава обусловило провал переговоров в декабре 1914 г., поскольку Тилак был согласен принять цель ИНК (достижение самоуправления в рамках Британской империи), но не соглашался с избранием делегатов исключительно из признанных Конгрессом ассоциаций. В свою очередь, умеренные (в частности, Ф. Мехта), опасались, что экстремисты будут злоупотреблять любой системой выборов через публичные митинги, добиваясь численного превосходства в Конгрессе [17. Р. 344]. В результате сессия ИНК в Мадрасе, где принимала активное участие А. Безант, ограничилась принятием резолюции, гласившей, что предложенные в преддверии сессии поправки будут переданы на рассмотрение специального комитета с тем, чтобы принять решение на следующей сессии [9. Р. 129]. Ключевым предложением, поданным на рассмотрение комитета, было разрешение избирать делегатов на публичных собраниях, собранных какой-либо ассоциацией, существующей не менее двух лет по состоянию на 31 декабря 1915 г., при условии, что такая ассоциация разделяет цель Конгресса и заявит об этом в соответствующей резолюции [10. Р. 161]. Новая поправка к статье 20 устава ИНК, как следствие, позволила экстремистам избираться делегатами на сессии Конгресса, и его воссоединение произошло в 1916 г. Возвращение в ИНК деятелей радикального крыла национального движения стало важной вехой на пути его эволюции в организацию, стремящуюся к достижению

национальной независимости Индии. В 1918 г. ИНК переживает новый раскол – из Конгресса выйдут умеренные, которые продолжат борьбу за самоуправление в рамках империи конституционными средствами в Либеральной федерации; возвращение в ИНК экстремистов в 1916 г. стало прологом к масштабной трансформации этой общенациональной организации.

В целом, годы пребывания Ч. Хардинга на посту генерал-губернатора и вице-короля Британской Индии стали для ИНК как ведущей политической организации в индийском национальном движении временем надвигающихся перемен. Если в отношениях Конгресса с колониальной администрацией не произошло существенных изменений в сравнении с 1905–1910 гг., и Хардинг продолжил линию своего предшественника, лорда Минто, на осторожное сотрудничество с лидерами умеренного крыла национального движения при сохранении контроля над ситуацией (в том числе и при помощи полицейского надзора), то эволюция ИНК как политической организации в период 1910–1916 гг. приобрела новые черты, несвойственные предыдущему периоду. Умеренное крыло ИНК, получившее возможность доказать практическую действенность и жизнеспособность избранного курса после выхода из Конгресса экстремистов в 1907 г. и реформы Морли-Минто 1909 г., столкнулось с внутренним кризисом, преодоление которого оказалось возможным только через поиск нового сотрудничества с радикальными деятелями движения. На фоне «пробуждения Азии», продемонстрировавшего в разных странах континента действенность активной политической агитации, бойкотов, и т.п., политика принятия резолюций и подачи прошений колониальной администрации уже не соответствовала изменившимся историческим условиям. Конгресс стал терять популярность и принял негласный курс на воссоединение с экстремистами, что проявилось в серии поправок к уставу ИНК, направленных на расширение круга организаций, имеющих право избрания делегатов на сессии Конгресса. Этот курс обусловил специфику развития ИНК в исследуемый период и имел важные последствия – возвращение экстремистов в Конгресс в 1916 г., постепенная адаптация более активного плана действий, и т.д., – подготовившие трансформацию Конгресса в массовую организацию, ведущую борьбу за национальное освобождение Индии.

Список источников

1. Pal B.C. Nationality and Empire: a running study of some current Indian problems. Calcutta : Thacker & Spink, 1916. 449 p.
2. Никитин Д.С. Индийский национальный конгресс в годы генерал-губернаторства лорда Лэнсдауна (1888–1894): проблемы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 156–164. doi: 10.15688/jvolsu4.2023.4.12
3. Никитин Д.С. Индийский национальный конгресс в годы правления вице-короля лорда Кёрзона: проблемы развития (1899–1905 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 96–103. doi: 10.18384/2310-676X-2022-2-96-103
4. Сергеев Е.Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. М., 2015. 294 с.
5. Rothermund D. Reform and repression, 1907–1910: an analysis of British-Indian policy // Proceedings of the Indian History Congress. 1961. Vol. 24. P. 253–262.
6. Proceedings of the First Indian National Congress. [Bombay, 1886]. 176 p.
7. Mehrotra S.R. A History of the Indian National Congress. New Delhi : Vikas Publishing, 1995. Vol. 1: 1885–1918. 465 p.
8. Report of the Proceedings of the Twenty-Third Indian National Congress. Madras : The Guardian Press, 1909. 241 p.
9. Report of the Proceedings of the Twenty-Ninth Indian National Congress. Madras : Minerva Press, 1915. 214 p.
10. Report of the Thirtieth Indian National Congress. Bombay : Commercial Press, 1916. 424 p.
11. Report of the Twenty-Eighth Indian National Congress. [Karachi, 1914]. 144 p.
12. Report of the Twenty-Fifth Indian National Congress. Allahabad : Indian Press, 1911. 241 p.

13. Report of the Twenty-Sixth Indian National Congress. [Calcutta, 1912]. 140 p.
14. Report of the Twenty-Seventh Indian National Congress. [S. l., 1913]. 153 p.
15. Скороходова Т.Г. Духовные искания индийской интеллигенции и универсализация индуизма // Культура и искусство. 2015. № 2. С. 122–132. doi: 10.7256/2222-1956.2015.2.14314
16. Гольдберг Н.М. Бал Гангадхар Тилак – вождь демократического крыла национального движения в Махаращтре // Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б.Г. Тилака. М, 1958. С. 7–88.
17. Bevin M. The Formation of the All-India Home Rule League // The Indian Journal of Political Science. 1991. Vol. 52, № 3. P. 341–346.

References

1. Pal B.C. Nationality and Empire: a running study of some current Indian problems. Calcutta : Thacker & Spink, 1916. 449 p.
2. Nikitin D.S. Indijskiy natsional'nyy kongress v gody general-gubernatorstva lorda L·ensdauna (1888–1894): problemy razvitiya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodn·yye otnosheniya. 2023. T. 28, № 4. S. 156–164. doi: 10.15688/jvolsu4.2023.4.12
3. Nikitin D.S. Indijskiy natsional'nyy kongress v gody pravleniya vitse-korolya lorda Kërzona: problemy razvitiya (1899–1905 gg.) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2022. № 2. S. 96–103. doi: 10.18384/2310-676X-2022-2-96-103
4. Sergeyev YE.YU. Dzhordzh Nataniel' Kërzon – posledniy rytsar' Britanskoy imperii. M., 2015. 294 s.
5. Rothermund D. Reform and repression, 1907–1910: an analysis of British-Indian policy // Proceedings of the Indian History Congress. 1961. Vol. 24. P. 253–262.
6. Proceedings of the First Indian National Congress. [Bombay, 1886]. 176 p.
7. Mehrotra S.R. A History of the Indian National Congress. New Delhi : Vikas Publishing, 1995. Vol. 1: 1885–1918. 465 p.
8. Report of the Proceedings of the Twenty-Third Indian National Congress. Madras : The Guardian Press, 1909. 241 p.
9. Report of the Proceedings of the Twenty-Ninth Indian National Congress. Madras : Minerva Press, 1915. 214 p.
10. Report of the Thirtieth Indian National Congress. Bombay : Commercial Press, 1916. 424 p.
11. Report of the Twenty-Eighth Indian National Congress. [Karachi, 1914]. 144 p.
12. Report of the Twenty-Fifth Indian National Congress. Allahabad : Indian Press, 1911. 241 p.
13. Report of the Twenty-Sixth Indian National Congress. [Calcutta, 1912]. 140 p.
14. Report of the Twenty-Seventh Indian National Congress. [S. l., 1913]. 153 p.
15. Skorokhodova T.G. Dukhovn·yye iskaniya indiyской intelligentsii i universalizatsiya induizma // Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 2. S. 122–132. doi: 10.7256/2222-1956.2015.2.14314
16. Gol'dberg N.M. Bal Gangadkhar Tilak – vozhd' demokraticeskogo kryla natsional'nogo dvizheniya v Makharashtre // Natsional'no-osvoboditel'noye dvizheniye v Indii i deyatel'nost' B.G. Tilaka. M, 1958. S. 7–88.
17. Bevin M. The Formation of the All-India Home Rule League // The Indian Journal of Political Science. 1991. Vol. 52, № 3. P. 341–346.

Информация об авторе:

Никитин Д.С. – д-р ист. наук, доцент кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nikitds33@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.S. Nikitin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikitds33@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2024;
одобрена после рецензирования 06.03.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 06.03.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 902/908
doi: 10.17223/15617793/516/13

История изучения и культурная принадлежность городища Козюлино II

Дмитрий Юрьевич Рыбаков¹, Андрей Дмитриевич Рыбаков²

¹ ООО «Сибирская археология», Северск, Россия, dima0183@yandex.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kotobed26@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты археологических исследований городища Козюлино II, расположенного в устье р. Томи на севере Томского Приобья. Установлено, что материалы памятника отражают начальный этап существования шеломокской культуры. Формирование последней происходит на основе еловской культуры, а не ирменской как считалось ранее. На основании бронзовых изделий уточнена датировка памятника – VII–VI вв. до н. э. Наличие молчановской керамики ставит вопрос о возможном взаимодействии шеломокцев с позднемолчановским населением.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Томское Приобье, р. Томь, ранний железный век, шеломокская культура, городище Козюлино II

Для цитирования: Рыбаков Д.Ю., Рыбаков А.Д. История изучения и культурная принадлежность городища Козюлино II // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 106–113. doi: 10.17223/15617793/516/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/13

The history of research and cultural affiliation of the Kozyulino II hillfort

D.Yu. Rybakov¹, A.D. Rybakov²

¹ Siberian Archeology LLC, Seversk, Russian Federation, dima0183@yandex.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kotobed26@gmail.com

Abstract. The article presents the results of archaeological research of the Kozyulino II hillfort. The archaeological monument is located at the mouth of the Tom River in the north of the Tomsk the Ob River area. This region is located in the forest-steppe contact zone, where in ancient times the interaction of various cultural formations of the taiga and the steppe took place. In the Tomsk the Ob River area in the early Iron Age, one of the northernmost formations of the Scythian-Siberian world, the Shelomok culture, was formed. The period of its existence covers the VII–III centuries BC. However, its early stage is the VII–VI centuries BC. Until recently, it was represented exclusively by burial grounds, settlement complexes included monuments only of the later period of the V–III centuries BC. A significant chronological gap between the Late Bronze cultures that existed on the territory of the Tomsk the Ob River area, including the Irmenskaya, Yelovskaya and Molchanovskaya cultures, did not allow to reliably establish the local cultural basis of the Shelomok culture. Kozyulino II hillfort was discovered in 1974 by L.M. Pletneva and dated to the last third of the I millennium BC. Later, she designated its belonging to the Shelomok culture, and also clarified the dating – V–III centuries BC. In the 1990s, A.D. Gaman carried out work on the hillfort. He found that the hillfort has a complex fortification system and is one of the largest settlement complexes in Western Siberia. In 2003, exploration work on the hillfort was carried out by D.Y. Rybakov, who noted the uniqueness of the ceramic complex, which has no analogues both in the Tomsk the Ob River area and beyond. In 2005 and 2007, excavation work was carried out by M.A. Rudkovskaya. Based on the ceramic complex, it is also concluded that the monument belongs to the transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age. Its dating is determined by the VIII–VI centuries BC. E. According to M.A. Rudkovskaya, the materials of the hillfort reflect the process of the autochthonous origin of the Shelomok culture based on the Irmenskaya component. It was believed that its formation took place on an Irmen basis. As a result of the conducted research, it was found that the materials of the Kozyulino II hillfort reflect the initial stage of the existence of the Shelomok culture. The formation of the latter takes place on the basis of the Yelovskaya culture, and not the Irmen culture. This is evidenced by the materials of the Yelovskaya graves of the Yelovsky II burial ground, which have the closest analogies to the ceramics of the Kozyulino II hillfort. Based on the bronze products, a narrower dating of the monument is proposed – VII–VI centuries BC. The presence of Molchanov ceramics raises the question of the possible interaction of the Shelomok people with the late Molchanov population at an early stage of the existence of the Shelomok culture.

Keywords: Western Siberia, the Tomsk the Ob River area, Tom River, early Iron Age, the Shelomok culture, Kozyulino II hillfort

For citation: Rybakov, D.Yu. & Rybakov, A.D. (2015) The history of research and cultural affiliation of the Kozyulino II hillfort. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 106–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/13

История изучения

Городище Козюлино II расположено в Томском Приобье, на острие Обь-Томского междуречья в 0,7 км от русла р. Томи. Ее левый коренной берег в районе устья характеризуется наличием сети логов, разрезающих береговую террасу. Как правило, они вытянуты от реки в сторону водораздела на довольно значительные расстояния. На краю одной из террас высотой 12–16 м расположено городище Козюлино II. С юго-запада и юго-востока оно ограничено логами. С севера – краем террасы, подножие которой заболочено. В метрах в ста от неё находится старица Томи. Очевидно, в период функционирования памятника здесь проходил один из рукавов реки, впадающей в протоку р. Обь – Сухую Чацкую. Учитывая это, следует отметить, что городище занимало выгодное стратегическое положение, позволявшее контролировать устье р. Томи.

Памятник обнаружен в 1974 г. Л.М. Плетневой и указан в отчетной документации как «Поселение Козюлино II». Согласно описанию, городище размером 130 × 95 м расположено на мысу коренного берега, ограниченного оврагами, и включает 40 западин размером от 2,7 × 3 до 5,7 × 5,4 м. Система фортификации состоит из трех рвов, формирующих две площадки. Первый, протяженностью 110 м и шириной 3,6 м, отсекает мыс с юга. Еще два рва протяженностью 95 и 60 м и шириной 2,9 и 4 м, соответственно, прослежены в западной части памятника. В описании фортификации Л.М. Плетневой не говорится о глубине рвов. Отмечено лишь то, что она не включает валы. В результате разведочных работ 1974 г. был снят глазомерный план памятника (рис. 1, 1), также проведена шурфовка в одной из западин (№ 19). Обнаружено 36 фрагментов керамики, орнаментированных гребенчатым штампом датированных серединой – последней третью

I тыс. до н. э. (рис. 1, 2) [1. С. 13]. Впоследствии Л.М. Плетневой городище было отнесено к шеломокской культуре и датировано V–III вв. до н. э. [2. С. 210–211]. В обобщающей монографии по поселениям и жилищам Западной Сибири «Очерки культурогенеза Западной Сибири» В.А. Борзуновым городище Козюлино II также было отнесено к шеломокской (кижировской) культуре, а период его существования укладывался в общую хронологию поселенческих комплексов шеломокской культуры – V–III вв. до н. э. [3. С. 328].

В 1990-х гг. городище обследовал инспектор по охране памятников МУ «Археологическая инспекция г. Северска» А.Д. Гаман. Им был снят топографический план памятника (рис. 2), но так как работы проводились без открытого листа, в отчетные материалы и публикации он не попал.

В 2003 г. работы на памятнике провел Д.Ю. Рыбаков. При проведении разведочных работ за основу был взят план А.Д. Гамана. Согласно ему, городище имеет несколько большие размеры и образовано двумя мысами: западным и восточным. Его площадь 18 700 м². Памятник включает 108 западин размером от 5 × 2,5 до 16 × 7,5 м. Фортификация городища состоит из четырех рвов: три из них длиной 35, 65, 80 м отсекают западный мыс, еще один длиной 125 м прикрывает центральную часть городища и восточный мыс с напольной стороны, соединяясь со рвом № 3 в западной части. На своем протяжении ров № 4 прерывается тремя перемычками шириной 2–3 м. Ширина рвов составляет в среднем 3–5 м, глубина 0,3–0,6 м. Каждый ров формирует 4 укрепленных площадки городища. Для уточнения культурно-хронологической принадлежности в 2003 г. в межжилищном пространстве было заложено два рекогносцировочных шурфа общей площадью 20 м². Обнаружено 140 находок, большая часть которых представлена фрагментами керамических сосудов.

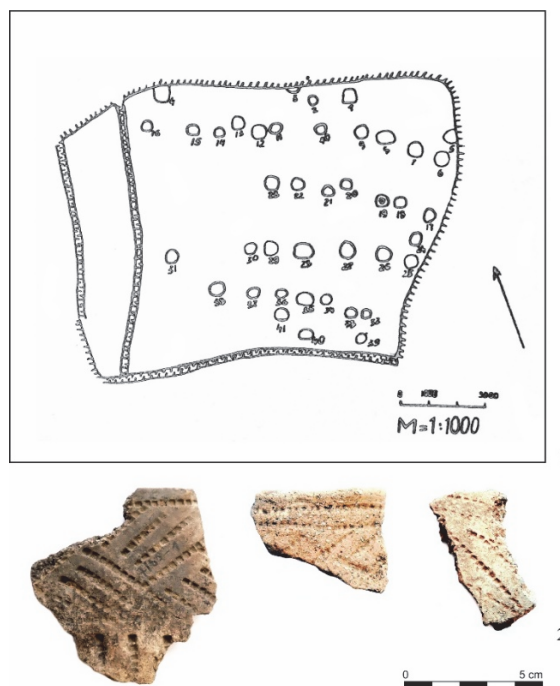

Рис. 1. Городище Козюлино II. 1 – план Л.М. Плетневой 1974 г.; 2 – фрагменты керамических сосудов

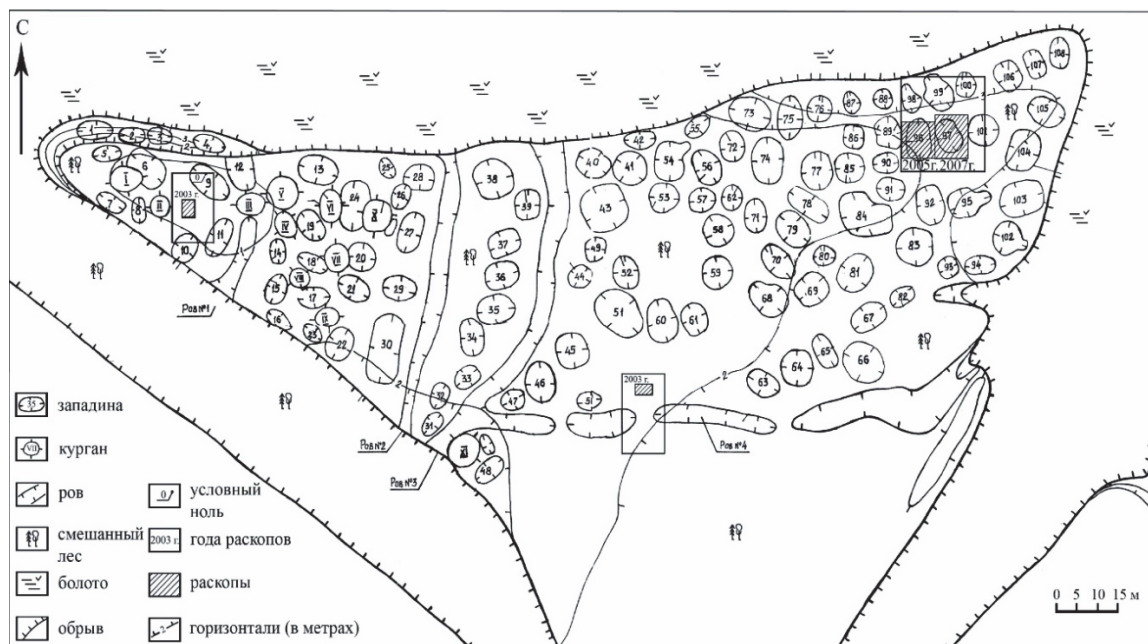

Рис. 2. Топографический план городища Козюлино II снятый А.Д. Гаманом в 1990-х гг.

Дополнительно на территории городища были произведены работы с использованием неразрушающих методов исследования, включавшие гипсометрию и съемку магнитных потенциалов приповерхностных слоев. Данные работы были проведены на двух прямоугольных участках: западном, площадью 180 м², охватывающим межжилищное пространство между западинами № 8, 9, 10, 11, и южном, площадью 216 м², включающим одну из перемычек рва № 4 (рис. 2). Наиболее информативен южный участок, включающий перемычку рва, прикрывающего городище с южной стороны. Всего таких перемычек три. Для исследования была выбрана средняя из них. Глубина рва на данном участке составляет около 0,35 м. Ширина перемычки 2 м. По ее центру, а также по краям с напольной стороны имеются небольшие всхолмления 0,15–0,2 м высотой и 1–1,5 м в диаметре, которые, возможно, свидетельствуют о наличии в древности каких-то объектов. Визуально наличие вала не прослеживается, однако, исследование показало, что перепад высот с внешней и внутренней стороны рва неравномерен. С внутренней он составляет 0,25 м, тогда как с внешней его практически нет. Это свидетельствует о том, что грунт из рва при его сооружении откидывался на внутреннюю площадку городища.

Конфигурация магнитогаммы южного участка подтвердила выводы, полученные по результатам гипсометрии. Четко маркируется пониженными фоновыми значениями (менее 770 nt) контур рва, примыкающего к перемычке с обеих сторон. По центру перемычки наблюдается повышенная магнитная напряженность, имеющая очертания овала неправильной формы, которая свидетельствует о слоях переотложенного грунта по центру перемычки, что можно связать с наличием на этом месте какого-то объекта в древности. Также подтверждаются данные гипсометрии о наличии вала с внутренней стороны рва городища. Последний достаточно четко отбивается повышенными значениями (более 785 nt) магнитной напряженности [4].

В 2005 г. М.А. Рудковской проведены раскопки в восточной части памятника, в пределах площадки № 4. В результате раскопок площадью 64 м² была исследована западина № 96. Установлено, что это остатки постройки площадью 40 кв. м. Ее котлован имел подквадратную форму глубиной около 0,5 м. В его пределах зафиксирован один объект. Он располагался в юго-восточном углу западины, возможно, около выхода. Объект представлял собой круглую в плане яму диаметром 1,47 м, углубленную в материк на 0,36 м. С западной стороны прослежен впущенный в материк воздухоуд длиной более 0,9 м. Над конструкцией был сооружен глиняный свод. Он сохранился в виде конуса высотой около 0,7 м. Конус стоял не по центру ямы, над её восточной, не самой глубокой частью. Внутри конуса обнаружены углистые прослойки небольшой мощности. Определить, являлся ли объект очагом, или имел производственное назначение, не удалось. По мнению М.А. Рудковской, возможно, это остатки медеплавильного горна или печи для обжига керамики [5. С. 29]. В пользу первого предположения свидетельствуют находки двух бронзовых слесков в пределах западины № 96, а также фрагмента литейной формы и обломков тигельной керамики.

В результате раскопок 2005 г. была получена коллекция, состоящая из 1 084 предметов. Подавляющее большинство составили фрагменты керамических сосудов. Венчики включают фрагменты от 111 сосудов. Не обнаружено ни одного целого сосуда, графической реконструкции поддаются только три. Также не найдено ни одной крупной кости, только мелкая крошка [5. С. 33–34].

В 2007 г. М.А. Рудковская продолжила работы на памятнике. Раскопом площадью 80 кв. м была исследована прилегающая к раскопу 2005 г. западина № 97. В результате раскопок установлено, что последняя являлась постройкой неправильной овальной формы площадью около 25 кв. м, которая была углублена в материк до 0,2 м.

В ходе раскопок 2007 г. получена керамическая коллекция в составе 675 фрагментов. В основном это керамика. По имеющимся фрагментам можно составить представление о морфологии верхней части и орнаментации 38 сосудов. Их форма баночная или горшковидная с низким венчиком, слабовыпуклым туловом и плавным переходом от шейки к плечикам. Значительную часть сосудов трудно однозначно отнести к баночным или горшковидным по форме, их можно определить как переходные от горшка к банке. Преобладают уплощенные срезы венчиков, есть также округлые, в одном случае – скошенный наружу. Большинство сосудов плоскодонные. Чаще всего орнаментирована только зона шейки и плечиков у горшков и зона под венчиком у банок. Реже орнамент занимает верхние две трети сосуда. Преобладающим орнаментом является гребенчатый штамп. Значительно в меньшем количестве в орнаментации керамики присутствуют уголки гребенки, оттиски палочки и уголка палочки, прочерченные линии. Единичны жемчужины, ямки, лунки [6. С. 45–63].

Весной 2024 г. Д.Ю. Рыбаковым план памятника был уточнен (рис. 3). Согласно ему, в пределах всех внутренних площадок памятника располагаются 49 западин, еще две к настоящему времени раскопаны. Также установлено наличие снивелированного вала высотой до 0,5 м, расположенного с внешней части рва № 3.

Интерпретация материалов

В результате работ Д.Ю. Рыбакова в 2003 г. было установлено, что керамика памятника не имеет аналогий как в Томском Приобье, так и за его пределами. Преобладающим элементом орнамента керамических сосудов является гребенчатый штамп, образующий орнаментальные мотивы в виде горизонтальных, наклонных и вертикальных рядов, сетки. Также в орнаментальную композицию могли включаться уголки гребенки или лопатки, жемчужник, ямки, реже прочерченные линии (рис. 4). Орнаментация уголком лопатки

в сочетании с другими элементами характерна для шеломокской культуры. Использование сетчатого орнамента в раннем железном веке Томского Приобья практически не встречается. Он характерен для более раннего периода бронзы, когда его использовали в орнаментации сосудов еловской, ирменской, молчановской культур. Небольшое количество полученного материала не позволило дать надежную абсолютную датировку. Однако был сделан вывод о том, что материалы городища Козюлино II отражают переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку в Томском Приобье [4. С. 14].

М.А. Рудковской, на основании анализа керамического комплекса, также сделан вывод о датировке памятника переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку. Большинство сосудов имеют баночную или горшковидную форму со слабовыпуклым туловом и слабопрофилированным переходом от шейки к плечикам. Почти все они плоскодонные. Чаще всего орнаментирована только шейка и плечики сосуда у горшков и зона венчика у банок. Сама керамика разделена на две группы. Первая (75,4%) находит отдельные аналогии на керамике позднебронзовых культур, в первую очередь в ирменской культуре. Есть отдельные параллели и в материалах более ранней еловской культуры. Вторая (24,6%) в материалах шеломокской культуры. Между первой и второй группой существуют переходные формы.

По мнению М.А. Рудковской, городище могло функционировать на протяжении 200–300 лет. Об этом свидетельствует количество находок от 8 до 21 на один квадратный метр. Время существования городища пришлось на смену эпохальных традиций, но, скорее всего, без смены населения, и отражает процесс автохтонного зарождения шеломокской культуры. Датировка памятника определена VIII–VI вв. до н. э. [7. С. 180–185; 6. С. 51]. Исходя из предложенной культурно-хронологической схемы можно сделать вывод, что группа 1 отражает ранний этап функционирования памятника, а группа 2, имеющая шеломокский облик, поздний.

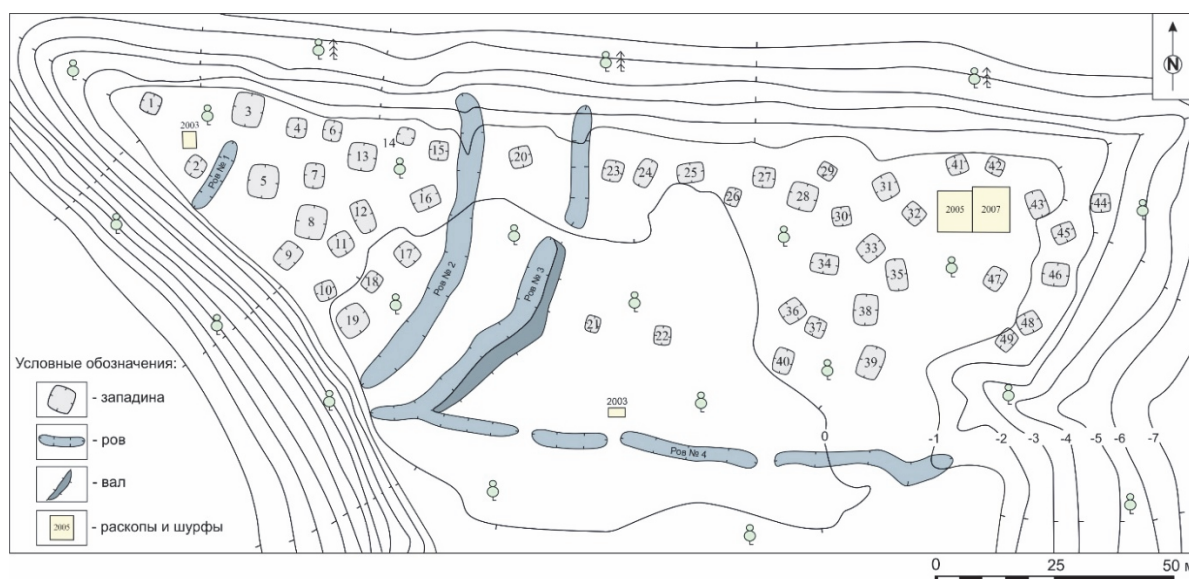

Рис. 3. Топографический план городища Козюлино II, снятый Д.Ю. Рыбаковым в 2024 г.

Рис. 4. Фрагменты керамических сосудов шеломокской культуры (VII–VI вв. до н. э.)

На наш взгляд, данная М.А. Рудковской культурно-хронологическая схема памятника нуждается в корректировке. Разделение керамического комплекса на две группы выглядит искусственным. Так, половина сосудов второй группы составляет керамика без орнамента (16 сосудов или 12,3% от всей выборки). Подобная посуда хоть и не является характерной, но все же присутствует в еловских и ирменских памятниках Томского Приобья. Например, в керамическом комплексе поселения Чекист ее 3,4% (здесь и далее для статистических данных ирменской керамики Томского Приобья использованы материалы поселения Чекист (раскопки Д.Ю. Рыбакова, 2008 г.). Далее, несмотря на сходство с шеломокской керамикой по элементам орнамента отсутствуют характерные для нее мотивы, а именно жемчужник в различных сочетаниях. Для шеломокской культуры количество керамики с жемчужником составляет от 52,4 до 80,6% [8. Табл. 17]. Во второй группе количество сосудов Козюлино II, орнаментированных жемчужником, всего два, что составляет 1,5% от выборки [7. Табл. 2]. Как отмечает В.И. Матющенко, керамика, орнаментированная жемчужником в сочетании с лунками, ямками, оттисками гребенки, угла дощечки, характерная для памятников большереченской, каменской и быстринской культуры, выделена для памятников еловско-ирменской культуры как пятый тип сосудов. Она хорошо известна на Еловском поселении, Басандайке, Могильниках и многих других памятниках Томского Приобья [9. С. 29]. В целом керамика городища Козюлино II, на наш взгляд, представляет собой единый культурный комплекс.

Вряд ли его происхождение следует связывать с ирменской культурой. На подавляющем большинстве ирменской керамики в Томском Приобье орнамент нанесен прочерчиванием (96,5%). На козюлинской керамике таких сосудов всего 8,5%. В то же время большинство сосудов городища Козюлино II орнаментировано гребенчатым штампом (70,1%). Для ирменской керамики количество таких сосудов незначительно. В материалах поселения Чекист количество такой керамики составляет 3,4%. Также имеются значительные отличия в профилировке сосудов. Для ирменской культуры характерны хорошо профилированные сосуды. Большинство сосудов городища Козюлино II слабо профилированные, горшковидной либо баночной формы. Есть различия и по срезу венчика: у ирменских сосудов он, как правило, округлый, у козюлинских – в большинстве уплощенный, часто имеющий орнаментацию гребенкой.

Наиболее близкие аналогии керамики Козюлино II имеются в материалах еловских могил Еловского II могильника (могила № 83, 87, 88, 90, 122, 123, 151, 292, 322). Верхняя граница еловских комплексов определена В.И. Матющенко VIII–VII вв. до н. э. При этом отмечается, что, вероятнее всего, еловские и ирменские группы населения в пределах Томского Приобья обитали какое-то время череполосно, обнаруживая общую тенденцию сохранения ирменских групп во время исчезновения еловского населения [10. С. 353]. Принимая во внимание верхнюю границу существования еловской культуры, а также схожесть части еловской керамики с керамическим комплексом городища

Козюлино II, можно предположить, что именно позднееловское, а не ирменское население и приняло участие в сложении шеломокской культуры.

В коллекции городища Козюлино II имеется 4 предмета из металла. Бронзовая коническая ворворка (рис. 5, 1). По классификации П.И. Шульги она относится к типу 1, варианту 2 и датируется VII–III вв. до н. э. [11. С. 85]. Обломок бронзового ножа (рис. 5, 2). Фрагментарность изделия не позволяет говорить о том, к какому типу он относится. Два бронзовых зеркала. Первое – плоское, круглое, с приостренными краями, диаметром 7,7 см. На обратной стороне имеется дужка для крепления (рис. 5, 3). Четыре плоских зеркала с дужками обнаружены В.И. Матющенко в еловских могилах (№ 151, 242, 339) Еловского II могильника [8]. В

раннем железном веке зеркала с простым петельчатым креплением получают широкое территориальное распространение, в том числе в материалах шеломокской и тагарской культур [1. С. 31–32; 12. С. 54–55]. Второе зеркало сохранилось не полностью. Условно его можно отнести к медалевидному. Изделие имеет круглую форму, но немного оттянутую с противоположной от обломанной рукояти стороны, что придает ему некоторую каплевидность. Диаметр составляет 7,5 см, края приостренные. (рис. 5, 4). Как отмечает А.И. Мартынов, последние (по А.И. Мартынову медалевидные бляшки) не характерны для Хакасо-Минусинского района, их находки отмечены в Туве, Забайкалье и Алтае [12. С. 55]. Для Томского Приобья это первая подобная находка.

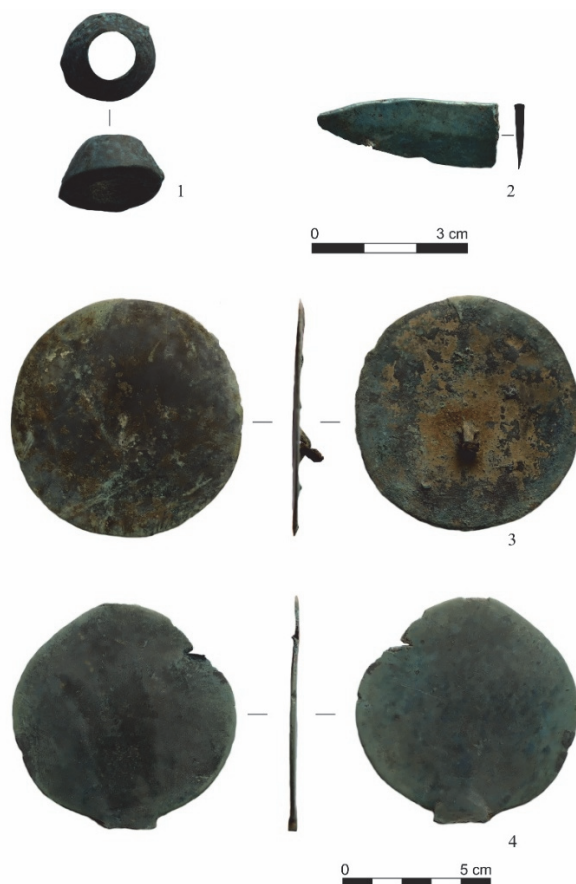

Рис. 5. Бронзовые изделия: 1 – ворворка; 2 – обломок ножа; 3, 4 – зеркала

По мнению В.Д. Кубарева, все центральноазиатские зеркала подразделяются на три основные группы: 1 – крупные (диаметр 7–12 см), 2 – уменьшенные (4,5–6 см), 3 – миниатюрные (2,5–4 см). Наиболее архаичны крупные зеркала (VIII–VI вв. до н. э.), уменьшенные преобладают в количественном отношении (V–III вв. до н. э.), миниатюрные – самые поздние (II–I вв. до н. э.) [13. С. 64]. Оба зеркала с городища Козюлино II относятся к группе 1.

Учитывая немногочисленный материал, на основании которого можно дать датировку, мы думаем, что время существования городища укладывается в пределы VII–VI вв. до н. э. Вряд ли время функционирования памятника было продолжительным. Наличие

указанного выше количества находок в пределах раскопанных западин не является значительным. В шурфе 2003 г., заложенном в пределах площадки № 1, обнаружено 137 находок (11,4 находки на 1 м²), в то время как в шурфе, заложенном в пределах площадки № 4, всего лишь 3 находки (2,6 находки на 1 м²). Такое распределение находок, очевидно, свидетельствует о том, что первоначально городище занимало оконечность западного мыса, а система фортификации включала ров № 1 и 2. Впоследствии городище расширилось, и к нему была добавлена часть территории, которая прикрывалась рвом № 3. Последней была сооружена фортификация, включающая ров № 4, которая отсекала весь трапецевидный мыс.

В материалах городища Козюлино II имеется некоторое количество сосудов молчановской культуры (рис. 6). Находки молчановской керамики обнаружены в шурфе 2003 г. на площадке № 1, а также в обоих раскопах М.А. Рудковской на площадке № 4. Сейчас сложно сказать, появилась она здесь в более раннее время или связана с городищем. По крайней мере, датировка молчановской культуры IX–VII вв. до н. э. [14. С. 132] не исключает такой возможности.

Рис. 6. Фрагменты керамических сосудов молчановской культуры

Хронология шеломокской культуры была определена Л.М. Плетневой в рамках VII–III вв. до н. э. [1]. Впоследствии, на основании предметов конского снаряжения и вооружения, выделено два этапа: ранний – VII–VI вв. до н. э. и развитый – V–IV вв. до н. э. [15. С. 101; 16. С. 181]. При этом поселенческие комплексы шеломокской культуры раннего этапа отсутствовали. Городище Козюлино II отражает первоначальный этап ее существования в Томском Приобье.

На сегодня городище Козюлино II является одним из крупнейших укрепленных поселений в Западной Сибири и самым крупным из известных в пределах Томского и Нарымского Приобья. Его общая площадь, включая оборонительные сооружения, достигает 18 700 м². Наиболее близким аналогом городищу Козюлино II является расположенное на юге Барабинской лесостепи городище Чича-1. Основной комплекс памятника относится к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железу (вторая половина X–VIII вв. до н. э.) [17. С. 72]. Общая его площадь составляет более 50 тыс. м². Между обоими памятниками можно провести некоторые сходные черты. О первой уже было сказано – это значительные размеры. Городище Чича-1, также как и Козюлино II, включает четыре площадки, имеющие смежные и самостоятельные оборонительные линии. Вал во внешней оборонительной линии рельефно не выражен. То, что на городище Чича-1 он не был распахан, свидетельствует наличие котлованов жилищ, прилегающих к валу. Расстояние 2 м между ними не оставляет места для большого вала. При этом ширина рва колеблется от 5 до 6 м, а глубина варьируется от 2,5 до 1,8 м [18. С. 143].

В 2024 г. исполнилось полвека с момента обнаружения памятника. За это время вскрыто всего 165 кв. м площади. Это лишь небольшая его часть. Следует признать, что к настоящему времени городище Козюлино II только начинает занимать свою позицию в культурно-хронологической схеме региона, являясь первым поселенческим комплексом раннего этапа существования шеломокской культуры. Несомненно, что его дальнейшее изучение является одним из наиболее перспективных направлений среди памятников раннего железного века Томского Приобья.

Список источников

1. Плетнева Л.М. Отчет об археологических исследованиях томского отряда среднеобской археологической экспедиции Томского университета в 1974 г. // Архив Музея истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 624.
2. Плетнева Л.М. Шеломокская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во ТГУ. 2001. С. 210–212.
3. Борзунов В.А. Городища второй половины раннего железного века // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. Т. 1, кн. 1. Томск : Изд-во ТГУ, 1995. С. 318–330.
4. Рыбаков Д.Ю. Отчет о рекогносцировочных исследованиях городища Козюлино II, городища Рюзаково (Духовое), поселения Рюзаково в 2003 году. Томская область, Томский район. Северск. 2004. // Архив МБУ «Музей г. Северска».
5. Рудковская М.А. Отчет о научно-исследовательской работе Археологические раскопки городища Козюлино II в Томском районе Томской области в 2005 году. Томск. 2007. 109 с. // Архив ОГАУК «Центр по охране памятников», б/н.
6. Рудковская М.А. Отчет о научно-исследовательской работе Археологические раскопки городища Козюлино II в Томском районе Томской области в 2007 году. Томск. 2009. 182 с. // Архив ОГАУК «Центр по охране памятников», б/н.
7. Рудковская М.А. Керамика городища Козюлино II // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : материалы Западно-Сибирской археолого-географической конференции. Томск, 2008. С. 179–185.
8. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977. 138 с.
9. Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.
10. Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

11. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1: Раннескифское время. Барнаул, 2008. 276 с.
12. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.
13. Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 63–77.
14. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 220 с.
15. Плетнева Л.М. Предметы конского снаряжения по материалам шеломокской культуры (Томское Приобье) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 7 (135). С. 101–107.
16. Плетнева Л.М. Оружие шеломокской культуры // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. 2014. № 4/2 (84). С. 181–189.
17. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г.Парцингер, С.К. Кривоногов [и др.]. Т. 3. Новосибирск : Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2009. 248 с.
18. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований) / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша [и др.]. Новосибирск : Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2001. 240 с.

References

1. Pletneva L.M. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh tomskogo otryada sredneobskey arkheologicheskoy ekspeditsii Tomskogo universiteta v 1974 g. // Arkhiv Muzeya istorii, arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 624.
2. Pletneva L.M. Shelomokskaya kul'tura // Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti. Tomsk : Izd-vo TGU. 2001. S. 210–212.
3. Borzunov V.A. Gorodishcha vtoroy poloviny rannego zheleznoy veka // Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Poseleniya i zhilishcha. T. 1, kn. 1. Tomsk : Izd-vo TGU, 1995. S. 318–330.
4. Rybakov D.YU. Otchet o rekognostirovochnykh issledovaniyakh gorodishcha Kozyulino II, gorodishcha Ryuzakovo (Dukhovoye), poseleniya Ryuzakovo v 2003 godu. Tomskaya oblast', Tomskiy rayon. Seversk. 2004. // Arkhiv MBU «Muzey g. Severska».
5. Rudkovskaya M.A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote Arkheologicheskoye raskopki gorodishcha Kozyulino II v Tomskom rayone Tomskoy oblasti v 2005 godu. Tomsk. 2007. 109 s. // Arkhiv OGAUK «Tsentr po okhrane pamyatnikov», b/n.
6. Rudkovskaya M.A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote Arkheologicheskoye raskopki gorodishcha Kozyulino II v Tomskom rayone Tomskoy oblasti v 2007 godu. Tomsk. 2009. 182 s. // Arkhiv OGAUK «Tsentr po okhrane pamyatnikov», b/n.
7. Rudkovskaya M.A. Keramika gorodishcha Kozyulino II // Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii : materialy Zapadno-Sibirskoy arkheologo-geograficheskoy konferentsii. Tomsk, 2008. S. 179–185.
8. Pletnëva L.M. Tomskoye Priob'ye v kontse VIII–III vv. do n. e. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1977. 138 s.
9. Matyushchenko V.I. Yelovskiy arkheologicheskii kompleks. Chast' tret'ya. Yelovskiy II mogil'nik. Kompleksy Irmeni i rannego zheleznoy veka. Omsk : Izd-vo OMGU, 2006. 120 s.
10. Matyushchenko V.I. Yelovskiy arkheologicheskii kompleks. Chast' vtoraya. Yelovskiy II mogil'nik. Doirmenskiye kompleksy. Omsk : Izd-vo OMGU, 2004. 468 s.
11. Shul'ga P.I. Snaryazheniye verkhovoy lozhadi i voinskiye poyasa na Altaye. CH. 1: Ranneskifskoye vremya. Barnaul, 2008. 276 s.
12. Martynov A. I. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura. Novosibirsk : Nauka, 1979. 208 s.
13. Kubarev V.D. Drevniye zerkala Altaya // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii. 2002. № 3 (11). S. 63–77.
14. Kosarev M.F. Drevniye kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. M., 1974. 220 s.
15. Pletneva L.M. Predmety konskogo snaryazheniya po materialam shelomokskoy kul'tury (Tomskoye Priob'ye) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. Vyp. 7 (135). S. 101–107.
16. Pletneva L.M. Oruzhiye shelomokskoy kul'tury // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya. 2014. № 4/2 (84). S. 181–189.
17. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi / V.I. Molodin, G.Partsinger, S.K. Krivonogov [i dr.]. T. 3. Novosibirsk : Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2009. 248 s.
18. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi (pervyye rezul'taty issledovaniy) / V.I. Molodin, G. Partsinger, YU.N. Garkusha [i dr.]. Novosibirsk : Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2001. 240 s.

Информация об авторах:

Рыбаков Д.Ю. – канд. ист. наук, генеральный директор ООО «Сибирская археология» (Северск, Россия). E-mail: dima0183@yandex.ru. ORCID: 0009-0008-9818-8000

Рыбаков А.Д. – студент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kotobed26@gmail.com. ORCID: 0009-0000-2825-668X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.Yu. Rybakov, director, Siberian Archeology LLC (Seversk, Russian Federation). E-mail: dima0183@yandex.ru. ORCID: 0009-0008-9818-8000

A.D. Rybakov, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kotobed26@gmail.com. ORCID: 0009-0000-2825-668X

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.12.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 02.12.2024;
approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 930.1(430+470)
doi: 10.17223/15617793/516/14

Немецкий историзм как историко-культурный феномен в современной российской историографии

Олег Эдуардович Терехов¹, Оксана Николаевна Терехова²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ terehov1968@mail.ru

² oksanan1970@mail.ru

Аннотация. Рассматривается немецкий историзм как историко-культурный феномен в оценке современной российской историографии. На примере новейших отечественных исследований выявляются основные тенденции и подходы российских авторов к проблемам изучения различных аспектов немецкого историзма как историко-культурного феномена немецкой и европейской культуры и гуманитарной мысли. Делается вывод о том, что современная российская историография не только продолжает традиции предшествующих периодов (российско-имперского и советского) в изучения немецкого историзма, но и значительно расширила проблемное поле его исследования, анализируя его в широком историко-культурном контексте как европейский феномен.

Ключевые слова: немецкий историзм, философия истории, романтизм, гегельянство

Для цитирования: Терехов О.Э., Терехова О.Н. Немецкий историзм как историко-культурный феномен в современной российской историографии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 114–118. doi: 10.17223/15617793/516/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/14

German Historicism as a Historical and Cultural Phenomenon in Contemporary Russian Historiography

Oleg E. Terekhov¹, Oksana N. Terekhova²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ terehov1968@mail.ru

² oksanan1970@mail.ru

Abstract. The issues of German historicism have long been the focus of Russian humanitarian studies. This interest was caused not only by the enduring relevance of the contribution of German historicism representatives to the formation of the historical science, its theoretical and methodological foundations and the research done by those personalities, but also by the epistemological possibilities of Russian humanitarian science. The collapse of the Soviet-Marxist paradigm of historical research has uncovered new horizons for historians to study the problems of German historicism. The purpose of the article is to consider the current state of research on German historicism in Russian humanities. The key objective is to analyze how Russian researchers assess German historicism as a historical and cultural phenomenon that determined the spirit of its time. To implement this, the author used the latest works of Russian historians and philosophers, which in the case of German historicism correspond to its interdisciplinary nature. The comparative historical method was chosen to conduct a comparative analysis of the latest works by Russian researchers focused on German historicism. German historicism was a form of a particular ideological, theoretical-methodological and political state of German humanitarian research, which regarded history from a certain angle, as the existence of autonomous, individual, and unique phenomena that differ in methods of cognition from natural entities and possess dialectical development. This fact has been repeatedly emphasized by Russian researchers. Another important aspect of German historicism noted by modern Russian researchers is its major role in the formation and development of European historical thought and philosophy of history. Modern Russian humanities also stress the leading role of German historicism in the process of formation of the principle of historicity in European culture. Therefore, the formation and development of German historicism as a German and European historical and cultural phenomenon is central to modern Russian historiography devoted to historicism. Based on the analysis of the latest Russian scientific literature, it is concluded that modern Russian historiography not only continues the traditions of previous periods (imperial Russian and Soviet) in the study of German historicism, but has also significantly expanded the problem field of its research, analyzing it in a broad historical and cultural context as a European phenomenon.

Keywords: German historicism, philosophy of history, romanticism, Hegelianism

For citation: Terekhov, O.E. & Terekhova, O.N. (2015) German Historicism as a Historical and Cultural Phenomenon in Contemporary Russian Historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 114–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/14

Изучение проблем немецкого историзма как феномена немецкой гуманитарной мысли XIX – первой половины XX в. имеет давнюю традицию в отечественной исследовательской литературе. В этой связи необходимо вспомнить философов В.Ф. Асмуса, И.С. Кона, А.В. Гулыги и др., а также историков А.И. Данилова, Б.Г. Могильницкого (в данном случае следует отметить как его самого, так и работы томской историографической школы, которая уделяла много внимания исследованию различных аспектов немецкого историзма), Н.И. Смоленского и ряд др. В современной российской гуманитарной мысли интерес к немецкому историзму, как явлению историко-культурного характера германской духовной и научной жизни, продолжает сохраняться, что свидетельствует об актуальности обозначенной проблематики.

Данный интерес обусловлен не только не проходящим значением вклада представителей немецкого историзма в формирование образа исторической науки, ее теоретико-методологических оснований и их непосредственными научными исследованиями, но и открывшимися эпистемологическими возможностями российской гуманитарной науки. Крах советского марксистского историзма вызвал к жизни оживленную дискуссию о теоретико-методологических принципах гуманитарного познания, в контексте которой немецкий историзм, как и в целом, феномен историзма, становится одним из ее главных переменных. Однако в отличие от советской гуманитарной традиции, рассматривавшей в основном немецкий историзм в узких рамках «буржуазного историзма», современная российская гуманитарная мысль получила возможность раскрыть его во всей познавательной полноте и без оглядки на какую-либо идеологическую заданность.

Авторы статьи уже обращались к теме немецкого историзма, кратко давая характеристику его мировоззренческой, теоретико-методологической, социокультурной сущности [1]. Основная цель предлагаемой статьи – показать современное состояние исследований немецкого историзма в российской гуманитарной мысли. При этом, авторы не претендуют на исчерпывающий анализ феномена немецкого историзма в современной российской историографии. В нашу задачу входит рассмотрение оценки российскими исследователями немецкого историзма как историко-культурного феномена, определившего дух своего времени. Для репрезентации данной задачи мы использовали новейшие работы российских историков и философов, что в случае немецкого историзма соответствует его междисциплинарному характеру. В качестве метода исследования используется сравнительно-исторический метод, который позволяет провести сравнительный анализ новейших трудов российских исследователей посвященных немецкому историзму.

Известные российские методологи исторического и гуманитарного познания И.М. Савельева и А.В. Полетаев считают историзм порождением распространения причинно-следственного подхода к социально-гуманитарной сфере познания [2. С. 280]. Но при этом отмечают, что принцип историзма стал «настоящим прорывом в историческом знании» [2. С. 280], который

объединил большинство исторических школ XIX столетия. Отдавая решающую роль в формировании историзма эпохе романтизма, авторы особо подчеркивают его роль в формировании немецкой романтической школы. Она, по их мнению, с которым нельзя не согласиться, заложила основы сравнительно-исторического метода в гуманитарных науках. Немецкая историко-филологическая школа, немецкая «историческая школа права», немецкая историческая школа в политэкономии все эти направления в германской гуманитарной мысли XIX в. сформировали принцип историзма и стали ярким историко-культурным феноменом своего времени не только немецкой, но и в европейской гуманитарной традиции. Савельева и Полетаев также выделяют роль германской гуманитарной науки в философском обосновании историзма.

Как известно, историзм не прошел мимо и германской философии. Именно мировоззренческим и философским аспектам немецкого историзма посвящено диссертационное исследование Д.П. Давыдова [3]. Автор очерчивает рамки немецкого историзма поиском индивидуального в культурно-исторической реальности и противопоставляет его другому влиятельному направлению немецкой интеллектуальной мысли – эссенциально-холистическому подходу к рассмотрению истории, который он характеризует как гегельянско-марксистскую традицию, а также на идейное наследие эпохи Просвещения [3. С. 10–11]. В данном отношении Давыдов объединяет историографическую, философскую, филологическую, экономическую и правовую линии возникновения и развития историзма, справедливо полагая, что в германской интеллектуальной истории, в контексте историзма, эти линии неразрывно связаны друг с другом, так как каждая отразилась гуманитарного знания внесла вклад в его становление. Отталкиваясь от определения историзма, данное Ф. Майнеке, Давыдов определяет его историко-культурное значение как «стремление изучать индивидуальное в его развитии и являет собою противоположность естественно-правовому подходу с его попыткой обнаружить всеобщую основу человеческих поступков в универсальной человеческой природе» [3. С. 12].

В центре диссертационного исследования В.В. Феллера стоит генезис немецкого идеалистического историзма «в немецкой философии истории рубежа XIX и XX вв.» [4. С. 6]. Феллер выделяет в немецком идеалистическом историзме две формы его развития, последовательно менявших друг друга «романтический» и «критический» историзм. Эта ситуация возникла, согласно автору, в силу того, что немецкий историзм со временем сфокусировался на проблемах «свертывания метафизической и онтологической установок исторического самосознания» [4. С. 8], в форме так называемого «критического историзма» в терминологии автора. Таким образом, немецкий историзм, по мнению Феллера, не является единым историко-культурным феноменом германской гуманитарной мысли, а состоит из ряда интеллектуальных направлений, характерными чертами которых стало обоснование в эпоху модерна наличия существования «исторического разума» и описание его в метафизических, онтологических, гносеологических и логических категориях. Сам автор, как сказано выше, по меньшей мере, определяет два таких направления.

В докторской диссертации О.В. Самылова рассмотрены становление принципа историзма и основные концепции историзма в европейской философии истории XVIII–XX вв. [5]. Характеризуя историзм как общеевропейское явление, Самылов особо подчеркивает роль немецкой гуманитарной традиции в его становлении. Принцип историзма формируется в немецком Просвещении и романтизме. В Германии также возникают наиболее известные концепции классического (гегельянство и марксизм) и постклассического (философия жизни, экзистенциализм, концепция замкнутых культурно-исторических типов) историзма.

В.Л. Махлин анализирует историзм в историко-культурном контексте, делая акцент на его универсализм и тотальный характер в гуманитарной сфере духа [6]. Как историко-культурный феномен историзм возник из «продуктивного конфликта трех основных философско-эстетических и литературно-критических тенденций последней трети XVIII в. – классицизма, романтизма и идеализма...» [6. С. 6]. Это привело к процессу историзации всего горизонта бытия человека: культуры, науки, языка и т. д. И хотя Махлин говорит об общеевропейском значении историзма, он подчеркивает важнейшую роль германской гуманитарной традиции в его становлении и развитии, чему способствовала «духовная революция» в Германии 1790-х гг., заложившая основы нового метода гуманитарного познания и гуманитарных наук в целом [6. С. 11].

И.В. Дёмин, опираясь на определение историзма, данное в свое время Э. Трёльчем, полагает, что принцип историзма имеет большие разночтения в трактовке его значения сущности. Автор выделяет три ракурса рассмотрения принципа историзма: мировоззренческий, онтологический и методологический [7. С. 114]. Все они тесно связаны друг с другом. Для философии истории, по мнению Дёмина, принцип историзма имеют конституирующее значение, «однако в различных версиях философии истории принцип историзма получает различные и даже несовместимые друг с другом интерпретации [7. С. 114]. В случае немецкого историзма он выделяет следующие направления: романтический историзм, гегелевский историзм, марксистский историзм (исторический материализм), историзм в философии жизни Дильтея, а также варианты историзма в германской гуманитарной мысли XX столетия: герменевтический историзм Гадамера и неохисторизм Люббе.

Говоря об изучении феномена немецкого историзма в современном российском философском дискурсе, нельзя не упомянуть работы еще двух философов, посвященных данной проблеме. Немецкого философа Андреаса Буллера, активно печатающегося в российской научной периодике [8], и статью одного из ведущих отечественных специалистов по истории западной философии и вопросам гуманитарного познания А.М. Руткевича [9]. Работа Буллера посвящена сравнительному анализу концепции историзма известного советского историка и методолога истории М.А. Барга и пониманию принципа историзма в германской историографии. Автор, касаясь оценки немецкого историзма, отмечает его сложный, противоречивый характер, который «являлся довольно многообразным феноменом, проявляющим себя в самых различных

вариативных формах» [8. С. 91]. Собственно как историко-культурное явление немецкий историзм, по мнению Буллера, это эпоха, длившаяся от начала XIX века и до середины XX столетия. При этом основные теоретико-методологические основы немецкого историзма, берущее свое начало от Л. Ранке, настолько укоренились в германской гуманитарной мысли, что, согласно автору, ни марксизм, ни социальная и экономическая история, ни фундаментальные социокультурные изменения первой половины XX в. не смогли вплоть до 1960-х гг. поколебать его авторитета, как научного метода и образа мышления [8. С. 94].

Руткевич выделяет два уровня понимания принципа историзма. В широком смысле, как общенаучного принципа рассмотрения явлений в их исторической обусловленности. И в узком смысле, как направление в исторической науке, возникшие под влиянием немецкого романтизма и гегельянства. Именно во втором смысле, по мнению Руткевича, историзм и есть тот историко-культурный феномен, вокруг которого уже не одно десятилетие и ведутся научные споры. Автор отмечает, что историзм «никогда не был какой-то догматической, «школьной» доктриной» [9. С. 26]. В данном случае, историзм, в том числе и немецкий, не обладал теоретико-методологическим единством и всегда был конгломератом учений, которые связывала некая общая установка в понимании принципов гуманитарного познания. Руткевич отдает должное как европейской научной мысли в развитии историзма, так и германской социокультурной традиции в происхождении историзма. «Иначе говоря, историзм был плодом усилий философствующих историков (Дройзен, Трёльч, Мейнеке) и занятых историей мысли философов (Дильтей, Виндельбанд, Коллингвуд, Кроче, Ортега и др.)» – пишет он [9. С. 27]. Руткевич также констатирует, что классического историзма как направления в исторической науке больше не существует, ибо он являлся плодом своего времени и его завершением закончился и само направление. Но Руткевич делает важный вывод о присутствии историзма в современном гуманитарном познании, он иллюстрирует его на примере исторической науки. Историзм сделал главное для науки: сформировал принцип историчности мышления. В частности, историк, по мнению Руткевича, априори воспринимает этим принципом и в отличие от философа не впадает в дискуссию относительно его правомерности.

Этот вывод Руткевича хорошо демонстрирует оценку немецкого историзма в современной российской историографии. Н.В. Ростиславлева справедливо характеризует XIX столетие веком расцвета исторического знания, и первое место в этом процессе занимала немецкая историческая наука, которая благодаря уникальному сочетанию методики исследования и связью с философией сумела сформировать принцип историзма [10. С. 244]. Однако Ростиславлева в своем анализе развития исторического знания в XIX столетии не пытается объяснить генезис немецкого историзма, рассматривая его как нечто изначально данное историкам. Да, она упоминает о том, что на историческое знание в Германии повлияли традиции рационализма эпохи

Просвещения, немецкой классической философии, но в целом историзм предстает у нее как само собой разумеющаяся метод, который использовали различные историографические школы. Исходя из такой исследовательской позиции, Ростиславлева объединяет под маркой историзма трудно совместимые друг с другом исторические школы: Гейдельбергскую, школу Ранке, позитивизм Карла Лампрехта.

В современной российской гуманитарной мысли продолжает сохраняться интерес к творческому наследию патриарха немецкой исторической науки Леопольда фон Ранке [11]. Этот интерес присутствует и в последних публикациях о немецком историзме, о которых идет речь в данной статье. Помимо вышеназванных работ, непосредственно рассмотрению наследия Ранке посвящены статья историка М.А. Юсима [12] и первая монография в отечественной историографии о Ранке историков В.Л. Черноперова и С.М. Усманова [13]. Все исследователи отмечают, прежде всего, его вклад в становление немецкого историзма. Юсим, отталкиваясь от известного постулата Ранке «писать историю как это было на самом деле», утверждает, что в этом тезисе он сформулировал важнейшую проблему исторического познания: соотношения частного и общего в истории [12. С. 175]. Ранке, по мнению Юсима, «Ранке в своей исторической работе как будто бы хотел уточнить детали известных событий, отставив в сторону приговоры и поучения или намеренно отказавшись от них» [12. С. 175]. Такой подход вкупе с индивидуализацией исторических событий стал основой историзма, приоритет разработки которого, несомненно, принадлежит Ранке и его школе. Классический историзм, по мысли Юсима, построен на убеждении о том, что историк в сочетании технических методов (методологии работы с источниками) и интуиции может постичь смысл исторического бытия. Юсим также не согласен с теми, кто сводят историзм Ранке к простому позитивистскому фактолизму.

В монографии Черноперова и Усманова подробно проанализированы не только вехи биографии Ранке, но и главные принципы его научного метода и проблематика научных работ. Вкладу Ранке в развитие принципа историзма посвящен отдельный параграф. Авторы опровергают устоявшуюся точку зрения на то, что методология Ранке, принципы его историзма не были обусловлены влиянием философских концепций. В идее Ранке о доступности смысла истории только Богу, Черноперов и Усманов усматривают только формальную сторону его отношения к значению исторического знания. На самом деле своими работами Ранке убедительно доказал, что история это наука не только о прошлом, но и о современности [13. С. 190], постичь смысл которой без философии не возможно. Как пишут авторы, «именно за Л. фон Ранке закрепился образ подлинного разрушителя пренебрежительных взглядов философов на работу историков и их возможностей постижения прошлого и настоящего мира» [13. С. 193]. Такая позиция позволила Ранке, по мнению авторов, сыграть ведущую роль в становлении принципа историзма, который понимался им как выявление и вери-

фикация фактов всемирной истории в их связи друг с другом и соединении их в единый исторический процесс [13. С. 195]. История – это синтез частного и общего. Общее постичь очень сложно, если вообще возможно. В этой установке кроется скептическое отношение Ранке к глобальным философско-историческим схемам, например гегелевской. Он, по утверждению Черноперова и Усманова, не был против философии в целом, а выступал против спекулятивного использования истории для нужд философии. «Леопольд фон Ранке, освобождая своей критикой и трудами историю от пут гегелевской философской систематизации, способствовал институционализации историографии как строгой эмпирической дисциплины...» – констатируют они [13. С. 203].

Квинтэссенцией рассмотрения проблемы немецкого историзма в современной российской гуманитарной мысли последних лет можно считать статью историка Ю.Е. Арнаутовой [14]. Она синтезировала в единую линию интеллектуального развития все аспекты, связанные с немецким историзмом: понятие, сам феномен и его проблемы, кризис историзма. Основу исследовательского подхода Арнаутовой составляет вполне оправданная, на наш взгляд, установка на историзацию «самого понятия историзм и его производных» [14. С. 86]. Согласно Арнаутовой историзм с этой точки зрения являлся производным осознания европейским человеком историчности своего жизненного мира и культуры и возникновения исторического метода познания, становления истории как науки. Феномен историзма возник в культуре Европы в конце XVIII века. Большую роль в его формировании сыграла немецкая гуманитарная мысль, которая постоянно рефлексировала над ним. Поэтому его содержание и значение имеют ряд трактовок не всегда совпадающих между собой, что, собственно, и вызвало дискуссию вокруг феномена и его производных. При всех различиях в подходах к определению и пониманию историзма, согласно Арнаутовой, несомненно, одно: именно с его возникновением мы можем говорить о создании науки истории [14. С. 90]. «Вся историческая наука XIX в. развивалась под знаком историзма» – пишет она [14. С. 93].

Однако за торжеством историзма как метода научного познания крылась и его основная проблема, которую Арнаутова обозначает как эпистемологический и ценностный релятивизм. Начинается знаменитый кризис историзма. Более того картина однозначности, даже меняющегося мира, была поколеблена многозначностью его образа и наличием альтернативы выбора.

Мощный подъем германской духовной и гуманитарной культуры конца XIX столетия и вплоть до прихода национал-социалистов к власти Арнаутова частично связывает со спорами о «кризисе историзма» и поиском средств и методов выхода из этого кризиса. И в этом смысле немецкий историзм и его воздействие на культуру, общество, идеологии и т. д. является выдающимся не только немецким, но и европейским историко-культурным феноменом.

Современная российская гуманитарная мысль в исследовании немецкого историзма продолжает научные традиции российской дореволюционной и советской школ, которые неоднократно обращались

к этой проблематики. Но в отличие от предшествующих периодов российские гуманитарии поле исследования. Немецкий историзм рассматривается в их трудах в широком контексте историко-культур-

ного феномена европейского уровня и значения, оказавшего большое влияние на становление и развитие «историчности сознания» как способа понимания и познания мира.

Список источников

1. Терехов О.Э., Терехова О.Н. Освальд Шпенглер и немецкий историзм // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 170–176. doi: 10.17223/15617793/450/21
2. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания : учеб. пособие. СПб. : Алетейя. Историческая книга, 2007. 523 с.
3. Давыдов Д.П. Историзм как тип мировоззрения в немецкой философии середины 19-го – начала 20-го века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 20 с.
4. Феллер В.В. Понятие «историзм» в немецкой философии истории конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 22 с.
5. Самылов О.В. Судьба историзма в европейской философии XIX – XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 38 с.
6. Махлин В.Л. Историзм (к истории понятия) // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 5–24.
7. Дёмин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара : Самар. гуманит. акад., 2016. 238 с.
8. Буллер А. Терминологический инструментальный историка. Понятие «историзм» в исторической концепции М.А. Барга и немецкой историографии – сравнительный анализ // Люди и тексты. Исторический альманах. 2016. № 8. С. 82–104.
9. Руткевич А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24–36.
10. Ростиславлева Н.В. Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом // Вестник РГТУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2 (10). С. 244–254.
11. Мягков Г.П. «Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? Историки России в спорах о Ранке // Диалог со временем. 2001. № 6. С. 40–79.
12. Юсим М.А. Идея истории и формула Л. Фон Ранке // Люди и тексты. Исторический альманах. 2016. №8. С. 172–185.
13. Черноперов В.Л., Усманов С.М. Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2021. 364 с.
14. Арнаутова Ю.Е. «Историзм», «проблема историзма», «кризис историзма»: феномен историзма и понятие историзм в немецких науках о духе XIX – начала XX в. // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 4. С. 86–110.

References

1. Terekhov O.E., Terekhova O.N. Osval'd Shpengler i nemetskiy istorizm // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 450. S. 170–176. doi: 10.17223/15617793/450/21
2. Savel'yeva I.M., Poletayev A.V. Teoriya istoricheskogo znaniya : ucheb. posobiye. SPb. : Aleteyya. Istoricheskaya kniga, 2007. 523 s.
3. Davydov D.P. Istorizm kak tip mirovozzreniya v nemetskoj filosofii serediny 19-go – nachala 20-go veka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2009. 20 s.
4. Feller V.V. Ponyatiye «istorizM» v nemetskoj filosofii istorii kontsa XIX – nachala XX vv. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2012. 22 s.
5. Samylov O.V. Sud'ba istorizma v yevropeyskoj filosofii XIX – XX vv. : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2013. 38 s.
6. Makhlin V.L. Istorizm (k istorii ponyatiya) // Literaturovedcheskiy zhurnal. 2013. № 33. S. 5–24.
7. Dëmin I.V. Metafizika i postmetafizicheskoye myshleniye v zerkale istoriosofii. Samara : Samar. gumanit. akad., 2016. 238 s.
8. Buller A. Terminologicheskii instrumentariy istorika. Ponyatiye «istorizM» v istoricheskoy kontseptsii M.A. Barga i nemetskoj istoriografii – sravnitel'nyy analiz // Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh. 2016. № 8. S. 82–104.
9. Rutkevich A.M. Istorizm i yego kritiki // Voprosy filosofii. 2018. № 12. S. 24–36.
10. Rostislavleva N.V. Istoricheskoye znaniye v Germanii XIX veka: mezhdru filosofskimi vyzovami i istorizmom // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodn'yye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye. 2017. № 4-2 (10). S. 244–254.
11. Myagkov G.P. «Nestor nemetskoj istoriografii» ili «kamerdiner istorii»? Istoriki Rossii v sporakh o Ranke // Dialog so vremenem. 2001. № 6. S. 40–79.
12. Yusim M.A. Ideya istorii i formula L. Fon Ranke // Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh. 2016. №8. S. 172–185.
13. Chernoperov V.L., Usmanov S.M. Leopold fon Ranke – zhizn' i tvorcheskoye naslediyе. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2021. 364 s.
14. Arnautova YU.E. «IstorizM», «problema istorizma», «krizis istorizma»: fenomen istorizma i ponyatiye istorizm v nemetskiikh naukakh o dukhe XIX – nachala XX v. // Novoye proshloye – The New Past. 2019. № 4. S. 86–110.

Информация об авторах:

Терехов О.Э. – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: terekhov1968@mail.ru

Терехова О.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: oksanan1970@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.E. Terekhov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terekhov1968@mail.ru

O.N. Terekhova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oksanan1970@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 09.01.2025;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 39 + 910.4
doi: 10.17223/15617793/516/15

М.Н. Галкин-Враской: становление исследователя (итоги экспедиции 1858–1859 годов в Туркестан)

Владимир Викторович Туарменский¹, Юрий Николаевич Паничкин²

¹ Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, tuarmensky@gmail.com

² Современный технический университет, Рязань, Россия, panichkin@list.ru

Аннотация. Рассматриваются материалы, вышедшие в печать под авторством М.Н. Галкина-Враского после туркестанской экспедиции 1858–1859 гг., в которой будущий реформатор пенитенциарной системы Российской империи принял непосредственное и активное участие. На основе анализа документов экспедиции, делается вывод о системном научном подходе М.Н. Галкина-Враскова и его значительном вкладе в изучении описываемого региона.

Ключевые слова: географические экспедиции, Туркестан, М.Н. Галкин-Враской

Для цитирования: Туарменский В.В., Паничкин Ю.Н. М.Н. Галкин-Враской: становление исследователя (итоги экспедиции 1858–1859 годов в Туркестан) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 119–126. doi: 10.17223/15617793/516/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/15

M.N. Galkin-Vraskoy: becoming a researcher (results of the 1858-1859 expedition to Turkestan)

V.V. Tuarmensky¹, Yu.N. Panichkin²

¹ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, tuarmensky@gmail.com

² Modern Technical University, Ryazan, Russian Federation, panichkin@list.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the need to analyze historical sources obtained as a result of geographical research in the second half of the XIX century. Purpose: based on the analysis of ethnographic materials on Central Asia and the Orenburg region, to determine the contribution of M.N. Galkin-Vrasky in the study of Turkmenistan and the promotion of the interests of the Russian Empire in this region. Methods: the historical approach allowed us to consider the formation of M.N. Galkin-Vrasky as a multifaceted scientist during the Turkestan expedition of 1858-1859. An integrated approach contributed to attracting the maximum number of domestic and foreign historical documents, as well as scientific sources from related fields of knowledge, which made it possible to fully assess the scientist's contribution to the study of Central Asia and Russia's penetration into this region in the second half of the XIX century. Results: based on the analysis of historical material, as well as the works of representatives of related fields of natural science, political science and penitentiary knowledge, it was found that M.N. Galkin-Vrasky's contribution to the study of Turkmenistan in the middle of the XIX century was significant and necessary for the progressive spread of Russia's influence in the region. The article examines the ethnographic and military-strategic vectors that were combined in the scientific activities of the diplomat and the traveler, and subsequently a leading penitentiary officer of the Russian Empire. In the modern foreign policy context, M.N. Galkin-Vraskoy should be mentioned among the people who laid the course for the development of Central Asia for our country. However, he is hardly mentioned as a diverse scientist, diplomat and traveler. The historical and geographical information provided in the work of M.N. Galkin-Vraskoy was supplemented by diplomatic, military and intelligence data; ethnographic materials, which are still of interest to researchers, are the most valuable material for studying the way of life, history and traditions of the population of Turkmenistan in the middle of the XIX century. At the same time, it is noted that throughout the entire Turkestan expedition, M.N. Galkin-Vraskoy remained a researcher who tirelessly defended the state interests of Russia and critically comprehended the main directions of the empire's policy in Central Asia. Scientific novelty: the article for the first time examines the beginning of research activities of M.N. Galkin-Vraskoy. Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used when considering issues related to the ethnography of the Turkmen tribes, as well as the geopolitical development of Russia in the middle of the XIX century.

Keywords: geographical expeditions, Turkestan, M.N. Galkin-Vraskoy

For citation: Tuarmensky, V.V. & Panichkin, Yu.N. (2015) M.N. Galkin-Vraskoy: becoming a researcher (results of the 1858-1859 expedition to Turkestan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 119–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/15

Проведение серьёзных и системных преобразований устоявшихся социальных институтов требует не только политической воли и желания позитивных изменений. Очень часто в истории человеческой цивилизации благие намерения к лучшему, не подкреплённые системным видением состояния проблемы и пути её решения, приводили к плачевным результатам. Пенитенциарная система Российской империи в середине XIX века представляла собой архаичное образование, функционально не способное эффективно решать поставленные перед ней задачи и вредившее имиджу государства. Понимание необходимости изменений в пенитенциарной системе поставило вопрос о путях, характере, методах изменений. Кроме того, были необходимы кадры, способные, тщательно изучив опыт передовых стран, реализовать в России давно назревшие реформы пенитенциарной системы. Сумма обстоятельств определила в качестве руководителя таких изменений М.Н. Галкина-Враскова, человека, не работавшего в рамках данной системы и имевшего свежий взгляд на её состояние. В своей работе мы попытаемся ответить на вопрос, почему именно Галкин-Враской был направлен для изучения передового западного опыта, а затем, на его основе, осуществлял реформы пенитенциарной системы России.

Формирование целей статьи и постановка задачи

Попытка ответить на данный вопрос определила цель данной работы – на основании анализа этнографических материалов по Средней Азии и оренбургскому краю определить вклад М.Н. Галкина-Враского в исследовании Туркмени и продвижении интересов Российской империи в данном регионе. Она же ограничила перечень основных задач исследования. Во-первых, изучить доступные исторические источники, касающиеся жизни и деятельности М.Н. Галкина-Враского до его европейского путешествия по изучению западного пенитенциарного опыта. Во-вторых, на основе анализа исторических документов определить предпосылки его будущей деятельности на государственной службе, включая работу по реформированию отечественной тюремной системы. В-третьих, популяризировать научные результаты туркестанской экспедиции 1858–1859 гг. (миссии Н.П. Игнатьева), в которой М.Н. Галкин-Враской принимал активное участие.

Теоретической базой исследования стали труды отечественных исследователей и исторические документы рассматриваемой эпохи. В качестве основы для анализа был взят этнографический материал по Средней Азии и Оренбургскому краю Галкина-Враского, отмеченный серебряной медалью Русского императорского географического общества [1]. Данный исторический источник представляет для исследователя неподдельный интерес в силу возможности получения объективных данных из первых рук. Подбор и компоновка материалов отчёта экспедиции, а также содержание, включённых в него документов, позволили определить позицию автора как перспективного учёного, дипломата и государственного деятеля.

Дополняют данные материалов Галкина-Враского воспоминания других участников экспедиции 1858–1859 гг. – Н.Г. Залесова [2–5], Н.П. Игнатьева [6], Е.Я. Килевейна [7] и П. Назарова [8]. Рассмотрение данных исторических документов мемуарного типа позволяет на их фоне оценить научный характер работы М.Н. Галкина и ценность приведённых в ней данных.

Изучение работ отечественных (В.В. Вельяминов-Зернов [9], М.И. Венюков [10], М.В. Грулёв [11], П.П. Иванов [12], Л.Г. Левтеева [13], А.И. Макшеев [14], Н.Н. Муравьёв [15], А.Н. Попов [16], М.А. Терентьев [17]) и зарубежных (А. Борнс [18], А. Кемпбелл [19], А. Конолли [20], П. Хопкирк [21]) учёных-востоковедов позволило проанализировать ситуацию в Туркестане накануне экспедиции 1858–1859 гг.

Кроме того, были изучены труды отечественных учёных-пенитенциаристов (А.Ш. Габараев, Д.Е. Дикопольцев [22], Л.Ф. Пертли [23]). Однако перечисленные исследователи упускают из вида ранний период жизни М.Н. Галкина-Враскова, как не соотносящийся с его дальнейшей пенитенциарной активностью, что является пробелом в анализе его деятельности на поприще реформ тюремной системы России. В результате данного одностороннего подхода к изучению научной и исследовательской работы М.Н. Галкина-Враского, вне поля зрения учёных оказались ценные материалы и факты, собранные участниками миссии Н.П. Игнатьева. Необходимо отметить, что материалы экспедиции 1858–1859 гг. в советские годы также не изучались именно по причине их освещения М.Н. Галкиным-Враским, являвшимся для исследователей «главным тюремщиком» Российской империи, осуществлявшим экспансию в Средней Азии и не писавшем о бедственном положении местных дехкан (земледельцев) [12].

Отсюда следует научная новизна работы, которая состоит в изучении начального этапа исследовательской активности М.Н. Галкина-Враскова, ключевым моментом которой стала туркестанская экспедиция 1858–1859 гг.

Актуальность представленной работы состоит в том, что основные положения и выводы исследования могут быть использованы как при рассмотрении вопросов, связанных с персоналией М.Н. Галкина-Враскова – учёного-этнографа, так и при использовании опубликованных им материалов экспедиции 1858–1859 гг., слабо изученных учёными-востоковедами для анализа истории, политических отношений, социально-экономической ситуации, а также быта народов, населявших территорию Туркестана во второй половине XIX в.

Методология исследования

При написании статьи авторами использованы: исторический метод необходимый для изучения и интерпретации текстов рассматриваемого документа середины XIX в.; этнографический метод, важный для анализа материалов экспедиции, представленных М.Н. Галкиным, носящих ярко выраженную этническую специфику; источниковедческий метод был использован для анализа, критики и оценки исторической ценности материалов и мемуаров различных ав-

торов, посвящённых экспедиции 1858–1859 годов; дипломатический метод применялся для анализа документов, касающихся взаимоотношений туркменских племён с окружающими народами и странами, а также для оценки противоборства России и Великобритании на территории Туркестана в эпоху Большой игры.

Результаты

Основные данные исследования были получены из этнографических записок, изданных в 1867 г. С момента туркестанской экспедиции прошло восемь лет. Мы можем предполагать, чем была вызвана такая задержка в публикации результатов изучения Туркестана. Скорее всего, это были моменты, связанные с секретностью, имеющих стратегическое значение данных. Как мы помним в 1867 г. покорение Туркестана было в основном завершено созданием Туркестанского генерал-губернаторства.

Сам автор (здесь и далее М.Н. Галкин-Враской) содержание своей книги представил следующим образом:

- 1) описание земель, занимаемых туркменами;
- 2) общая их характеристика, описание происхождения и деление на роды;
- 3) расположение туркменских кочевий и численность населения;
- 4) взаимоотношения туркмен с соседними государствами – Россией, Хивой и Персией;
- 5) местное управление, занятия и торговля.

Таким образом была предпринята попытка комплексного изучения Туркменистана.

Важно отметить, что в общих чертах поставленные автором этнографических записок задачи были решены уже в первой главе книги.

М.Н. Галкин-Враской подробно описывает особенности туркменских степей и обосновывает расселение рассматриваемого народа именно природными условиями и географическими пределами данных территорий, пригодных исключительно для кочевого образа жизни.

На тот исторический момент северной границей расселения кочевых туркменских племён был полуостров Мангышлак, с прилегающими к нему степями киргизов Оренбуржья, с востока Аму-Дарья и владения Хивинских ханов и Бухарских эмиров, с юга горы Альбурзские (Эльбурс), река Чёрная (Атрек), впадающая в Каспийское море и отделяющая Туркмению от Астрабадской области Персии.

Автор пишет, что на всём рассматриваемом пространстве проживания туркменских племён произрастает скудная растительность (гребенщик – небольшие деревья и кустарники из рода тамариск и аксаялу – серебристый ковыль), пригодная только для питания верблюдов. Сельское хозяйство на тот период было возможно лишь в формате искусственного орошения на очень ограниченном пространстве по берегам Атрека и Гюргени. Причём в регионе культивировались лишь бахчевые культуры и немногие овощи. В центре туркменских земель степь характеризовалась автором как

совершенно безлюдная, не пригодная к летнему кочеванию местных племён. При этом он указывает, что плотность населения возрастает по мере приближения к персидской границе, а поселения приобретают вид укрепленной линии из 47-ми небольших крепостей.

По мнению автора именно крайняя скудость рассматриваемых территорий определяет не только тип основных занятий туркмен, но и дополнительные доходы кочевников, основанные на «удальстве и грабеже», подпитываемыми крайней бедностью населения [1. С. 4]. И такого рода эксцессы постоянно происходили между представителями многочисленных туркменских родов, что не могло положительно сказываться на внутреннем единстве данного народа («идёт нескончаемая вражда, лишаящая народ всякой правильной жизни») [1. С. 15]. Автор фиксирует сохранившийся среди туркменских племён обычай кровной мести, приводящий к долгим племенным конфликтам [1. С. 28]. Для искоренения данных негативных моментов необходима «...благоразумная, твёрдая воля... а этого нельзя ожидать ни от одного самого умного и хитрого Туркменина» [1. С. 4].

Серьёзную трудность для автора представляло изучение истории и родословной туркменских племён. Низкий уровень грамотности и отсутствие исторической науки у местного населения не могло дать основательных объективных данных исследователю. Изучение истории народа часто сводилось к перечислению туркменских родов и их предводителей, «да и по поводу этих лиц теряются они в различных показаниях» [4]. Галкин называет 13 родов и их названия: 1) Ессен-Или; 2) Гоклан; 3) Теке; 4) Ямуд; 5) Ерсары; 6) Салор; 7) Саррык; 8) Сакар; 9) Уи; 10) Уймак; 11) Кара-дашли; 12) Ал-Или; 13) Амр-Или. Для шести из перечисленных племён автор собрал и расписал подробную родословную и место проживания.

Параллельно описанию туркменских родов, исследователь занимается переписью местного населения. Основой подсчёта в тот период являлась кибитка. Автору удалось сравнить данные 1819 г., 1839 г. и 1859 г. Тот факт, что цифры населения Туркменистана остались практически прежними позволили исследователю сделать вывод о том, что «...крайности в климате, отсутствие медицинских пособий и проч. – содействуют тому, что народонаселение их не умножается» [1. С. 14]. Общую численность населения Галкин доводит до 35 тыс. кибиток или 175 тыс. душ обоего пола, так как в каждой кибитке принято было считать до пяти человек.

Надо отдать должное автору, что он основательно подошёл к изучению туркменской родоплеменной структуры привлекая в исследование доступных ему зарубежных и отечественных авторов [15, 18, 20, 24].

Далее автор осуществил подробный разбор внешнеполитических связей туркменских племён. Начинается обзор с русско-туркменских отношений, начало которым было положено в царствие Петра Великого и союзного ему калмыцкого хана Аюки. Именно благодаря активной экспансивной политике последнего, сопровождавшейся грабежом хлебных караванов, шед-

ших из Хивы, туркмены были вынуждены искать покровительства со стороны России с целью организации хлебной торговли из Астрахани. В ходе визита представителя туркменских племён – Ходжи-Нефеса, последним было предложено российской стороне устроить в районе старого русла Амударьи русский укрепленный пункт. В результате было организовано две русские экспедиции на восточный берег Каспийского моря. При этом туркмены всячески содействовали экспедициям: доставляли необходимые перевозочные средства и помогали строительству укрепленных пунктов в Тюб-Карагане и Красноводске [16]. Однако, после неудачи экспедиции Бековича-Черкасского в Хиву, оба укрепленных пункта пришлось срыть, а гарнизоны эвакуировать в Астрахань в виду нападения со стороны туркмен на русские форпосты с суши и моря [14]. Регулярные контакты туркменских племён с русским правительством начались в 40-х гг. XVIII в. [9. С. 16]. В 1833 г. русским властями было возведено укрепление в Мёртвом Култуке (после залив Цесаревича и далее залив Комсомолец), которое в 1845 г. было переведено на Мангышлакский полуостров. Исследования остального побережья Каспийского моря в основном закончились экспедицией 1859 г., в которой принимал участие М.Н. Галкин.

Современное отношение к русским со стороны туркмен автор изучал на себе и ближайшем окружении в течение путешествия. Местные жители дали следующие прозвища участникам экспедиции: сары-сакал (рыбебородый), кызыл-буин (красношей), узун-буйли-ак-чигит (длинный, белый) и т.п. Туркмены, входившие в состав экспедиции, «отличались готовностью служить России и не менее желанием высказать перед другими туркменами свою важность и значение между русскими» [1. С. 30].

Путешественник выяснил, что торговые связи туркмен с Россией значительные только на побережье Каспийского моря. Основным товаром, ввозимым из России, являлось зерно, которое меняли на рыбу. При этом в ходе торгового обмена постоянно возникала масса недоразумений, иногда вооружённых. Для их решения на острове Ашур-Аде в Астрабадском заливе была устроена морская станция. Среди местной знати, на момент путешествия, не было людей, преданных России, в виду отсутствия продуманной и систематической политики правительства. «Позволю себе заметить, что всякий из так называемых вполне нам преданных туркмен, не может действовать иначе, как среди двух искушений: боязни своих родичей и желания служить нам... нельзя, однако, винить за него туркмен в той мере, как бы следовало: всё покровительство наше в отношении преданных и искавших подданство туркмен, ограничивалось постоянно одними подарками. Большей частью весьма незначительными, которые возбуждали только тщеславие, тогда как жизнь и имущество этих туркмен оставались в руках их соплеменников без всякой нашей защиты» [1. С. 22].

Автор наблюдал заинтересованность российских предпринимателей разработкой нефтяных месторождений Туркмении. Однако, отсутствие производственных мощностей у туркменских племён сдерживало добычу нефти и производство из неё ряда интересных

для русских товаров. С другой стороны, российское правительство не могло представить защиты торговых интересов русских предпринимателей.

Туркмены, постоянно вступающие в конфликты с соседями, очень часто искали поддержку со стороны России. Например, хан Ата-Мурат в 1855 г. обратился за военной помощью для войны с Хивинским ханством. Помощи не дождался, но захватил Кунград – город, который станет впоследствии воротами России в Средней Азии. На 1859 г. автором фиксировалась постоянная конфронтация ряда туркменских племён с Хивинским ханством. При этом часть туркмен были ориентированы на Хиву в виду духовной близости. Автор указывает, что основы ей заложены религиозной деятельностью хивинских ханов. Последние рассматривали себя в качестве религиозной метрополии для туркменских племён. Миссионерская деятельность Хивы подпитывалась грамотной образовательной политикой. Отсутствие какого-нибудь образования среди туркменских племён вызывало необходимость отправлять детей в хивинские медресе [1. С. 31].

Отношения туркмен племён с Персией также не всегда были добрыми. Влияние южного соседа распространялось исключительно на пограничные племена, которые вынуждены были покупать хлеб. Очень часто туркмены совершали разбойничьи набеги на персидское побережье, что не добавляло добрососедства между народами. Персия, не имевшая флота на Каспийском море, была вынуждена обращаться к России за помощью и защитой от набегов туркмен. В 1842 году с этой целью состоялась миссия капитана Пугатина на пароходе «Кама» в Гасан-кули, где было сожжено несколько десятков туркменских лодок и освобождены русские пленники [25]. С целью защиты Персии была создана Ашур-Адинская морская станция. Автор был свидетелем нового обострения туркмено-персидского конфликта в 1856-1858 гг., который сопровождался удачными набегами с обеих сторон. Во время одного нападения астрабадский губернатор напал на текинских туркмен, сжёг пять аулов и истребил их жителей. Всего было убито 170 мужчин, взято в плен 350 женщин и детей [1. С. 26]. Однако, этот карательный поход не образумил туркмен и они продолжили свои набеги. На момент экспедиции Персия продолжала претендовать на часть земель приграничных туркменских племён, располагающихся в верховьях Гюргени в числе 3 тысяч семей. Так как данное население является более оседлым, оно вынуждено платить постоянную подать, доходящую до 6 тыс. туманов (туман = 3 руб. серебром).

Далее автор осуществляет анализ управления в Туркмении. Основная часть племён управлялась старейшинами (аксакалами) или аульными старшинами (кетхуда). Как правило, они разбирали уголовные дела, а наиболее часто рассматриваемое на тот момент преступление – убийство и обычное требование – смерть преступника (кан-каналы). Иногда (если кровный мститель соглашался взять деньги) назначался выкуп в 2,500 руб. серебром, но он мог варьироваться в зависимости от состояния преступника [1. С. 28].

Туркмены, по мнению автора, преступали закон с лёгкостью и однообразно, также просто они хвастались совершёнными преступлениями, считая их видом удалства. В тот исторический период возникает специфический термин, описывающий данный тип национального поведения – «туркменчилик» (обычай и традиции туркмен) [1. С. 29].

В Туркмении, как в стране мусульманской, в основе общественно-политической жизни лежал Коран, поэтому очень часто на себя брали управленческие функции служители культа – муллы и ишаны (главы религиозных общин). Однако, муллы на тот момент были редким явлением в туркменских степях, т.к. на данной территории не было зданий религиозного культа, а местное население молилось в любом удобном для себя месте.

На юге Туркестана власть уже находилась в руках ханов. Автор пишет так: «...в этой части степи всякий побогаче называет себя ханом и знать никого не хочет» [1. С. 31]. М.Н. Галкин, как настоящий исследователь, в своей работе зафиксировал процесс перехода туркменских племён к государственному устройству.

Проанализировав систему управления туркменских племён автор приходит к мнению о возможности и необходимости русской колонизации побережья Каспия. «Пока не будет здесь прочного заселения нашего, которое могло бы держать в страхе местных обывателей, вряд ли можно рассчитывать на бескорыстную преданность русским кого-бы то ни было их них» [1. С. 22].

Представляет интерес описание быта туркмен, составленное М.Н. Галкиным. Обычным домом местных жителей являлись кибитки, редкие из которых убраны коврами. Обычная еда местных кочевников – хлеб, а по праздникам плов с бараниной. Обычная одежда – бумажные халаты, одеваемые один на другой и высокие бараньи шапки. Более разнообразная одежда у туркмен, проживавших на границе с Персией. Всё домашнее хозяйство находилось в руках женщин «...у которых, как мне случалось видеть и руки гораздо развитее и грубее мужниных» [1. С. 33]. Лишь немногие туркмены работают сами – «лень с ними неразлучна» [1. С.33]. Кроме 4 законных жён они допускали ещё столько же незаконных, а состоятельные туркмены и здесь нарушали традиции. Возраст жениха и невесты в расчёт не брался. Брак в виде сговора был возможен в 12 лет у молодого человека и 9 лет у девочки. Калым перед свадьбой составлял 10–15 верблюдов. На момент экспедиции самыми богатыми считались люди, имевшие до 40 верблюдов и до 300–400 баранов. Но таковых в родах может быть всего 2 или 3 человека [1. С. 35].

В качестве обычного занятия для прибрежных туркмен автор застал рыболовство. Лучший ловец мог выловить до 150 штук красной рыбы в ночь. Затем улов отвозился в Александровский форт, где у местных торговцев (как правило армян) менялся на хлеб. Мешок в 7 пудов менялся на 12–15 штук осетров или севрюг, что по мнению автора было тягостным условием.

Кроме рыболовства туркмены занимались выращиванием арбузных и дынных бахчей. Для этого они

брали навоз с зимовок киргизов. Зерновые выращивались по следующей плодосменной схеме: пшеница, горох, кунжут, ячмень, хлопчатник – без перерыва. Автор отмечает, что в виду малого количества орошаемых земель, им практически не дают отдыхать, что приводит к крайнему истощению почвы и низким урожаям.

Дополнительные доходы туркменам приносила добыча соли в трёх месторождениях открытого типа на берегу Каспия. Прииски принадлежали Менглы-Турды-хану. Всего за год там добывалось 20 000 пудов соли [1. С. 36].

Галкин зафиксировал и описал развитие нефтяного промысла на острове Челекен. На территории месторождения было вырыто 200 колодцев, в которые просачивалась нефть трёх типов – чёрная густая, жидкая и зеленоватая. Сами туркмены использовали нефтепродукты для освещения, а с 1858 г. стали продавать их русским купцам для изготовления парафина (до 50 000 пудов).

Таким образом, в первой части книги М.Н. Галкин-Враской разместил, собранные в результате экспедиции, этнографические, природно-климатические, экономические и социально-политические материалы, представлявшие комплексное исследование Туркменистана.

Однако М.Н. Галкин выходит за рамки этнографического исследования, очерченного в начале книги и добавляет много разведывательной информации, имевшей для России важное военно-стратегическое значение. Приведённые ниже материалы придали исследованию дополнительную ценность, но отсрочили публикацию книги. Поэтому материалы экспедиции вышли только в 1867 г. сразу после завоевания Туркестана, только тогда, когда военно-стратегическая ценность книги была утрачена. Научная составляющая материалов сохраняла свою актуальность и было заслуженно оценена серебряной медалью Русского императорского географического общества.

Первый блок информации в дополнениях к книге составили, показания русских пленных, проводивших долгие годы на службе у местных правителей и возвращённых из Бухары в 1858–1859 гг.; афганцев и туркмен, сопровождавших английских путешественников (разведчиков) Джеймса Аббота (Эббота) и Ричмонда Шекспира.

Во-вторых, М.Н. Галкин составил подробные описания дорог из киргизских степей и Мангышлака в Хиву, Бухару, Коканд, Ташкент и другие города Средней Азии.

В-третьих, в книгу вошёл журнал экспедиции для изучения побережья Каспийского моря, в которой автор непосредственно участвовал. Данные материалы дали подробные картографические данные для перемещения будущих русских экспедиций (в первую очередь военных) по дорогам Средней Азии. Маршрутные карты (дорожники) включают в себя ценнейшие сведения по населению, торговле, колодцам (и иным источникам воды), местам стоянок, ценам на продовольствие и т.д. Необходимо отметить, что данные М.Н. Галкина показывают высокий уровень географической

ческого исследования. После 1859 года картографирование местности в таких масштабах уже не проводилось (только перед строительством железных дорог).

В-четвёртых, в книгу было включено извлечение из дела Московского сенатского архива об отправлении князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и Хиву в 1714–1718 гг. [26]. Провал похода был резонансным и о нём упоминали многие исследователи. Поэтому автором был проведён анализ причин неудачи данной экспедиции [1. С. 143–145]. Последний источник был крайне важен в свете возможной экспансии Российской империи в регионе. Участники возможного похода вглубь Средней Азии должны были ознакомиться с причинами неудач своих предшественников.

Особое место в собранных в книге документах отводится фиксации активности британских подданных в регионе. Вызывала опасение деятельность англичан на территории Афганистана, представлявшего фактически единое социокультурное целое с Туркестаном и распространение влияния Великобритании с территории соседней Индии, было вопросом времени. Это была эпоха Большой игры – геополитического соперничества России и Британии в Средней Азии [17, 19, 21, 27]. Поэтому любая активность англичан в регионе тщательно фиксировалась и анализировалась [28, 29].

В книге приводятся сведения, полученные М.Н. Галкиным со слов, афганцев Самет-хана Мухаметжанова, Мирзы Абу-Самета Магаметалиева, Али-Мухамеда Мухамед-Шерифова, Хаджи Мухаммеда Мулла Рахманова, Махмуда Исмаилова, Худай-Берды Касим-али Бекова и туркмена Кыдыра Кирпина.

Во-первых, русских интересовали планы и активность англичан на территории Афганистана. У опрошенных было выяснено, что англичане, пользуясь бедственным положением населения провинции Герат (после вооружённого конфликта с Персией) фактически взяли на содержание местного правителя Ша-Камрана [1. С. 104]. На деньги англичан осуществлялось довольствие местного войска, население получило возможность брать небольшие кредиты под малый процент на 3–4 года. На английские же деньги были обновлены укрепления Герата и построен бесплатный госпиталь. Кроме того, британские офицеры активно занимались географическими изысканиями и картографированием местности провинции и всего Афганистана.

Во-вторых, русское правительство интересовало всё, что было связано с экспедициями английских путешественников, офицеров и шпионов в одном лице – Эббота и Шекспира из Афганистана в форт Александровск и фактов проникновения английских офицеров в армии местных правителей [1. С. 66]. Особенно это касалось успешной дипломатической операции Эббота и Шекспира фактически сорвавшей войну России с Хивинским ханством и отложившей возможное присоединение последнего на несколько лет [21].

Из показаний афганцев было выяснено, что ещё в 1838 г. англичане пытались проникнуть в Хиву, но были заподозрены в разведывательной деятельности и убиты. Миссия Эббота оказалась более успешной. Он в сопровождении афганцев из Герата добрался до

Хивы, где несколько дней провёл фактически в положении привилегированного пленника, но всё же был принят ханом Алла-Кулом. В ходе нескольких встреч англичанин сумел убедить хана отпустить русских пленников. Со своей стороны он обещал уговорить русских вернуть хивинских купцов. Именно данная посредническая деятельность притормозила русскую экспедицию в Хиву. Кроме того, допросы сопровождавших англичан позволили выйти на представителей резидентуры хивинского хана на территории Туркестана, которые должны были отслеживать перемещение русских войск [1. С. 102].

И ещё один важный аспект, рассмотренный автором в книге – это состояние вооружённых сил среднеазиатских государств. Данный материал строится на показаниях русских пленных (Ивана Марченкова, Корнилы Суворова, Ивана Ненилина, Василия Пшеничникова, Павла Яркова, Фёдора Федотова), служивших в качестве сарбазов (перс. «рискующий головой», солдат) в бухарской, кокандской и хивинской армиях [30]. Особенностью армий данных государств был состав войск. При численном доминировании иррегулярной конницы (до 40 тыс. всадников), состоящей из представителей местных племён, костяком армии являлись пешие солдатские полки, состоящие из персов, беглых татар и русских, а также пленных казаков и военнослужащих российской регулярной армии. Например, количество солдат в армии бухарского эмира составляло тысячу человек, во время похода оно увеличивалось на 200 человек [1. С. 45]. Особенно ценились среди сарбазов русские артиллеристы, которых назначали в юз-баши (тюрк. начальник сотни, капитан), так как «бухарцы стреляют из орудий весьма дурно, так что не смотря на расположение орудий в 100, 150 саженях от стены неприятельской крепости, снаряды из крепости попадают в саму стену очень редко, а почти всегда летят по сторонам» [1. С. 52].

Срок службы русского пленника зависел от заплаченного за него цены. После «заслужения» означенной суммы бывшему сарбазу предоставлялся билет на свободное проживание на территории ханств. Некоторые пленники, пользуясь данной привилегией, не возвращались на родину (например Василий Пшеничников два года до возвращения в Россию был в отставке).

Далее подробно описывался военный быт, состояние вооружения и его производства, особенности управления местными армиями. На основе анализа М.Н. Галкиным делался вывод о неудовлетворительном вооружении и боевом духе местных войск. Автор приводит в книге такое наблюдение, что «...все дела до рукопашного боя никогда не доходили, а всегда кончались одной перестрелкой, причём кто-нибудь из сражающихся постоянно обращался в бегство» [1. С. 51]. Для исправления дел местные владельцы вынужденно прибегали к услугам английских военных советников, которые, чаще всего, учили местных военных стрельбе из пушек и занимались их литьём [1. С. 66]. Местные правители одинаково опасались проникновения и англичан, и русских, но в условиях возможной российской экспансии обращались за помощью к англичанам.

Таким образом, во второй части своей работы автор проанализировал военно-политическую обстановку в Туркмении и этим он фактически подтвердил, что экспедиция Н.П. Игнатьева являлась не только дипломатической миссией с сопутствующими научными изысканиями, во многом возложенными на М.Н. Галкина, но выполняла функцию разведки местности для будущих военных действий.

Заключение

Рассмотрев этнографические материалы, можно утверждать, что они представляют собой комплексное исследование, привлечение внимания современников и

способное заинтересовать современного учёного. Исторические и географические сведения, приведённые в рассмотренной работе, дополнялись дипломатическими, военными и разведывательными данными, а этнографические материалы до сих пор представляют интерес для исследователей. М.Н. Галкин-Враской, являясь сотрудником дипломатической службы Российской империи, сумел показать себя в качестве разнообразного исследователя, способного использовать разнообразный научный инструментарий. Наблюдательность автора, способность к глубокому анализу и ясному изложению результатов исследования предопределили его европейскую командировку по изучению западного пенитенциарного опыта.

Список источников

1. Галкин М.Н. Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю СПб. : Тип. Куколь-Яснопольского, 1867. 252 с.
2. Залесов Н. Письмо из степи // Военный сборник. 1858. № 5. С. 487–491.
3. Залесов Н. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1858. № 8. С. 491–497.
4. Залесов Н. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1859. № 1. С. 273–295.
5. Залесов Н. Письмо из Бухары // Военный сборник. 1860. № 4. С. 335–348.
6. Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году. СПб. : Государственная типография, 1897. 278 с.
7. Килевейн Е. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во времена правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 г. // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 1. СПб. : Тип. В. Безобразова. 1861. С. 95–108.
8. Назаров П. Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару // Военный сборник. 1864. № 4. С. 375–390.
9. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748–1765 гг.). Т. 1. Уфа : Губ. типогр. 1853. 48 с.
10. Венюков М.И. Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Венюков М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877.
11. Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. М. : Нобель Пресс, 2024. 388 с.
12. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.) / отв. ред. А.К. Боровков. М. : Издательство Восточной литературы, 1958. 250 с.
13. Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент : ФАН, 1986. 143 с.
14. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. : Военная типография, 1890. 375 с.
15. [Муравьев Н.Н.] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Часть 1–2. М., 1822.
16. Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1853. 188 с.
17. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. : Тип. П.П. Меркульева, 1875. 361 с.
18. Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчёт о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832, 1833 годах ч. 1–3 / издание П. В. Голубкова, действительный член Русского Географического общества ; [перевел с английского Георг Мин]. М. : Университетская типография, 1848–1849. 21 с.
19. Yate A.C. England and Russia face to face in Asia. Edinburgh ; London : W. Blackwood and sons, 1887. 481 p.
20. Conolly A. Journey to the north of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan. 2 ed. London, 1838.
21. Hopkirk Peter. The great game: On Secret Service in High Asia. Oxford University Press, 2001. 562 p.
22. Габараев А.Ш., Дикопольцев Д.Е. Первый начальник главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враской и его вклад в развитие тюремной системы Российской империи // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 65–66.
23. Пертли Л.Ф. Первый начальник Главного тюремного управления Российской империи М.Н. Галкин-Враской // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 3. С. 32–35.
24. Браламберг И.Ф. Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношение с русским правительством. Кн. IV. СПб. : Русск. геогр. общество, 1850.
25. Кирокосьян М.А. Русский флаг на Каспии: Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII – середина XIX века); Пираты каспийского моря. М. : Военная книга, Кучково поле, 2013. 416 с.
26. Дело 1714–1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана-поручика князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и Хиву (Материалы Военно-учётного архива Главного штаба). Т. 1. СПб., 1871.
27. Паничкин Ю.Н. Политика Великобритании в регионе Южной и Центральной Азии в XIX веке и Российско-британское противостояние // Новые технологии в науке, образовании, производстве : материалы международной научно-практической конференции, Рязань, 10–13 ноября 2017 года. Рязань : РИБУ, 2017. С. 228–241.
28. Паничкин Ю.Н. Политика России и Великобритании в Средней Азии во второй половине XIX века // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Рязань, 18–19 апреля 2018 года / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин А.В., 2018. С. 164–170.
29. Туарменский А.В., Туарменский В.В. Михаил Иванович Венюков: между Востоком и Западом // Человеческий капитал. 2023. № 2 (170). С. 76–85.
30. Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М. : Наука, 1983. 149 с.

References

1. Galkin M.N. Etnograficheskiye materialy po Sredney Azii i Orenburgskomu krayu SPb. : Tip. Kukol'-Yasnopol'skogo, 1867. 252 s.
2. Zalesov N. Pis'mo iz stepi // Voyennyy sbornik. 1858. № 5. S. 487–491.
3. Zalesov N. Pis'mo iz Khivy // Voyennyy sbornik. 1858. № 8. S. 491–497.
4. Zalesov N. Pis'mo iz Khivy // Voyennyy sbornik. 1859. № 1. S. 273–295.

5. Zalesov N. Pis'mo iz Bukhary // Voyennyy sbornik. 1860. № 4. S. 335–348.
6. Ignat'yev N. Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 godu. SPb. : Gosudarstvennaya tipografiya, 1897. 278 s.
7. Kilevyn YE. Otryvok iz puteshestviya v Khivu i nekotorye podrobnosti o khanstve vo vremena pravleniya Seid-Mokhammed Khana, 1856–1860 g. // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 1. SPb. : Tip. V. Bezobrazova. 1861. S. 95–108.
8. Nazarov P. Vospominaniya o stepnom pokhode v khanstva Khivu i Bukharu // Voyennyy sbornik. 1864. № 4. S. 375–390.
9. Vel'yaminov-Zernov V.V. Istoricheskiye izvestiya o kirgiz-kaysakakh i snosheniakh Rossii so Sredneyu Aziyeyu so vremeni konchiny Abul-Khayr khana (1748–1765 gg.). T. 1. Ufa : Gub. tipogr. 1853. 48 s.
10. Venyukov M.I. Postupatel'noye dvizheniye Rossii v severnoy i vostochnoy Azii // Venyukov M. Rossiya i Vostok. Sobpaniye geogpaficheskikh i politicheskikh statey. SPb., 1877.
11. Grulev M.V. Sopernichestvo Rossii i Anglii v Sredney Azii. M. : Nobel' Press, 2024. 388 s.
12. Ivanov P.P. Ocherki po istorii Sredney Azii (XVI – seredina XIX v.) / otv. red. A.K. Borovkov. M. : Izdatel'stvo Vostochnoy literatury, 1958. 250 s.
13. Levteyeva L.G. Prisoyedineniye Sredney Azii k Rossii v memuarykh istochnikakh (istoriografiya problemy). Tashkent : FAN, 1986. 143 s.
14. Maksheyev A.I. Istoricheskiy obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh. SPb. : Voyennaya tipografiya, 1890. 375 s.
15. [Murav'yev N.N.] Puteshestviye v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardeyskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'yeva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov. Chast' 1–2. M., 1822.
16. Popov A.N. Snosheniya Rossii s Khivoy i Bukharoy pri Petre Velikom. SPb. : Tip. Imp. Akademii nauk, 1853. 188 s.
17. Terent'yev M.A. Rossiya i Angliya v Sredney Azii. SPb. : Tip. P.P. Merkul'yeva, 1875. 361 s.
18. Boms A. Puteshestviye v Bukharu: rasskaz o plavanii po Indu ot morya do Lagora s podarkami velikobritanskogo korolya i otchet o puteshestvii iz Indii v Kabul, Tatiyu i Persiyu, predprinatom po predpisaniyu vysshego pravitel'stva Indii v 1831, 1832, 1833 godakh ch. 1-3 / izdaniye P. V. Golubkova, deystvitel'nyy chlen Russkogo Geograficheskogo obshchestva ; [perevel s angliyskogo Georg Min]. M. : Universitetskaya tipografiya, 1848–1849. 21 s.
19. Yate A.C. England and Russia face to face in Asia. Edinburgh ; London : W. Blackwood and sons, 1887. 481 r.
20. Conolly A. Journey to the north of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan. 2 ed. London, 1838.
21. Hopkirk Peter. The great game: On Secret Service in High Asia. Oxford University Press, 2001. 562 p.
22. Gabarayev A.SH., Dikopol'tsev D.E. Pervyy nachal'nik glavnogo tyuremnogo upravleniya M.N. Galkin-Vraskoy i yego vklad v razvitiye tyuremnoy sistemy Rossiyskoy imperii // Obrazovaniye. Nauka. Nauchn'yye kadry. 2019. № 1. S. 65–66.
23. Pertli L.F. Pervyy nachal'nik Glavnogo tyuremnogo upravleniya Rossiyskoy imperii M.N. Galkin-Vraskoy // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. 2014. № 3. S. 32–35.
24. Bralambert I.F. Istoricheskaya zapiska o pribrezhnykh turkmenskikh pokoleniyakh so vremeni vstupleniya ikh v snosheniye s russkim pravitel'stvom. Kn. IV. SPb. : Russk. geogr. obshchestvo, 1850.
25. Kirokos'yan M.A. Russkiy flag na Kaspii: Dva stoletiya Kaspiyskoy flotilii (seredina XVII – seredina XIX veka); Piraty kaspiyskogo morya. M. : Voyennaya kniga, Kuchkovo pole, 2013. 416 s.
26. Delo 1714–1718 gg. ob otpravlenii leyb-gvardii Preobrazhenskogo polka kapitana-poruchika knyazya Aleksandra Bekovicha-Cherkasskogo na Kaspiyskoye more i Khivu (Materialy Voyenno-uchetnogo arkhiva Glavnogo shtaba). T. 1. SPb., 1871.
27. Panichkin YU.N. Politika Velikobritanii v regione Yuzhnoy i Tsentral'noy Azii v XIX veke i Rossiysko-britanskoye protivostoyaniye // Novyye tekhnologii v nauke, obrazovanii, proizvodstve : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ryazan', 10–13 noyabrya 2017 goda. Ryazan' : RIBU, 2017. S. 228–241.
28. Panichkin YU.N. Politika Rossii i Velikobritanii v Sredney Azii vo vtoroy polovine KHIKH veka // Yevropa, Rossiya, Aziya: sotrudnichestvo, protivorechiya, konflikty : sbornik statey III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ryazan', 18–19 aprelya 2018 goda / pod red. I.M. Erlikhsen, YU.V. Savosinoy, YU.I. Loseva. Ryazan' : IP Konyakhin A.V., 2018. S. 164–170.
29. Tuarmenskiy A.V., Tuarmenskiy V.V. Mikhail Ivanovich Venyukov: mezhdru Vostokom i Zapadom // Chelovecheskiy kapital. 2023. № 2 (170). S. 76–85.
30. Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchet P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha). M. : Nauka, 1983. 149 s.

Информация об авторах:

Туарменский В.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: tuarmensky@gmail.com

Паничкин Ю.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Современного технического университета (Рязань, Россия). E-mail: panichkin@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Tuarmensky, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: tuarmensky@gmail.com

Yu.N. Panichkin, Modern Technical University (Ryazan, Russian Federation). E-mail: panichkin@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 26.12.2024;
approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 93/34+32.019.5
doi: 10.17223/15617793/516/16

Образ маршала М.Н. Тухачевского в периодической печати в годы Перестройки в СССР (1985–1991 гг.)

Ирина Владимировна Федотова^{1, 2}

¹ Исторического архива Омской области, Омск, Россия

² Омского государственного технического университета, Омск, Россия

^{1, 2} ivputintseva@mail.ru

Аннотация. Анализируется изменение репрезентации образа Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского в советской прессе в период Перестройки. Источниковой базой исследования послужили наиболее популярные в то время в СССР газеты и журналы. Ими, в зависимости от идеологической обстановки, выделялись те или иные сюжеты из биографии полководца, которые формировали и меняли его образ в массовом сознании советских людей.

Ключевые слова: М.Н. Тухачевский, пресса, периодическая печать, журналистика, историческая имагология, исторический образ, историческое сознание, политические репрессии

Для цитирования: Федотова И.В. Образ маршала М.Н. Тухачевского в периодической печати в годы Перестройки в СССР (1985–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 127–139. doi: 10.17223/15617793/516/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/16

The image of Marshal M.N. Tukhachevsky in the periodical press during the years of Perestroika in the USSR (1985–1991)

I.V. Fedotova^{1, 2}

¹ Historical Archive of Omsk region, Omsk, Russian Federation

² Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

^{1, 2} ivputintseva@mail.ru

Abstract. The Perestroika period became a turning point in Russian history. It resulted in the collapse of the Soviet system and the collapse of its ideological component. During that period, a tendency to portray the Soviet past only in a negative light emerged and gradually took shape, creating many myths. With the change in the political situation, the construction of images of prominent Soviet military figures in the public consciousness changed radically, in which the press, as well as other media, were actively involved. One of the iconic figures of the Soviet era, whose historical image underwent a radical modification in the last years of the Soviet Union, was Marshal M.N. Tukhachevsky. The purpose of the study is to trace the dynamics of the presentation of information about this figure in the Perestroika era, turning to some of the most popular Soviet periodicals - newspapers and magazines designed for a wide range of readers. The argument for choosing the topic of the research was the contradictory assessments of the personality and activities of Tukhachevsky in modern Russian historiography and the presence of many «black myths» about the marshal in the mass historical consciousness, some of which began to circulate during the perestroika period, or arose earlier, but became in demand at that time. To achieve the stated goal of the study, it is necessary to solve the following tasks. Firstly, to identify references to Tukhachevsky in the analyzed sources. Secondly, to highlight the change in the image of Tukhachevsky, transmitted to the mass consciousness by various periodicals during 1985–1991 by focusing on certain episodes of his biography. Thirdly, to identify the features that accompanied such a transformation of the image of Tukhachevsky. The theoretical basis of the study was the anthropological approach, content analysis, problem-chronological and historical-comparative methods. This methodological set allowed us to come to the conclusion that the representation of the image of the «red marshal» during the Perestroika period underwent changes at least twice: from the traditional image as an outstanding Soviet military figure to a victim of political repressions, and, at the end of the said period, as one of the organizers of repressions with a sharply negative attitude towards him, mainly, not historians, but publicists. This publication may be of interest to specialists studying imagology, the policy of forming historical memory, the history of Soviet journalism, Russian military history of the 20th century, and Soviet repressive policy.

Keywords: M.N. Tukhachevsky, press, periodical press, journalism, historical imagology, historical image, historical consciousness, political repression

For citation: Fedotova, I.V. (2015) The image of Marshal M.N. Tukhachevsky in the periodical press during the years of Perestroika in the USSR (1985–1991). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 127–139. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/16

Введение

С весны 1985 г. новое руководство СССР в лице М.С. Горбачева ориентировало страну и общество на широкий курс перемен. Оформившаяся через год в рамках Перестройки концепция гласности декларировалась как «главный рычаг демократизации страны», подразумевая значительное расширение информированности общества и критическое обсуждение злободневных тем, чтобы преодолеть идеологический догматизм и прежние стереотипы поведения, ускоряя перестроечные процессы. Пресса активно привлекалась к борьбе с консервативными течениями, и, по замыслу Горбачева, могла быть своеобразной оппозицией. Но «политика гласности» не ввела свободу слова. Изначально руководители СМИ проводили информационные кампании в соответствии с курсом КПСС. Тем не менее, по мнению одного из главных «архитекторов Перестройки» А.Н. Яковлева, гласность революционизировала и политизировала общество, резко расширив доступ к информации и её анализу – без запретных тем и ограничений на любые вопросы и ответы [1. С. 83–85]. Горбачёв подчеркивал, что не должно быть «забытых имён, белых пятен ни в истории, ни в литературе». Он утверждал, что «О делах тяжёлых партия сказала. И мы не собираемся изображать их сегодня в розовом свете.<...>. Было и то, и другое, и радостное, и горькое». Но с конца 1987 г. усиление гласности привело к деструктивной критике советской истории в СМИ. В массовом сознании стали укореняться представления о построении в СССР «казарменного псевдосоциализма, тоталитаризма». Утверждалось, что большевики навязали России неправильный, тупиковый путь, а в результате революции были уничтожены культурные традиции. Предлагалось избавиться от прошлого [1. С. 85, 88]. Шла «делигитимация» и «десакрализация» партии и ее руководителей (прошлых и действующих).

Эти тенденции затронули и фигуру М.Н. Тухачевского – одного из видных советских военных деятелей. Его имя в прессе тех лет появлялось очень часто – как в биографических статьях, так и в публикациях о различных эпизодах прошлого. И, если в начале Перестройки его упоминали традиционно как полководца – героя Гражданской войны, то потом он стал чаще называться в качестве одной из крупных жертв политических репрессий 1930-х гг. А к концу 1980-х гг. маршала стали вспоминать в числе военных руководителей подавления Кронштадтского восстания и «антоновщины» в 1921 г.

Аргументом выбора темы исследования стала сложная ситуация в современной российской историографии и массовой исторической памяти, связанная с полярными оценками личности и деятельности Тухачевского. Хотя ряд устоявшихся «черных мифов» о полководце уже опровергнут [2], есть необходимость продолжения данной работы. Истоки многих ошибоч-

ных представлений о Тухачевском возникли или получили развитие именно в Перестройку, что вызывает необходимость анализа причин данного негативного явления, оказавшего влияние на массовое сознание россиян. В недавних интервью академические специалисты говорят о важности взвешенного подхода при изучении биографий военных лидеров Гражданской войны. Здесь особенно значимы суждения российских историков Р.Г. Гагкуева (специалиста по феномену офицерства в годы Русской Революции) [3. С. 8] и Ю.З. Кантор (биографа М.Н. Тухачевского) [4. С. 68].

Чтобы проследить трансформацию образа Тухачевского в годы Перестройки, проанализируем периодическую, рассчитанную на широкий круг читателей. Отметим, что много материалов о маршале, включая документы, были введены в научный оборот в этот период в академических изданиях [5–11]. Но масса советских читателей в основном обращалась к популярным в то время газетам («Правда», «Известия» с приложением «Неделя», «Советская культура», «Литературная газета» и др.) и литературным журналам. Здесь символом перестроечной гласности стал общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек» под руководством В.А. Коротича, имевший огромный тираж и лидирующий по числу подписчиков (4 млн. в 1990 г.) [12. С. 69].

М.Н. Тухачевский как жертва политических репрессий 1930-х гг. Споры о виновниках его гибели

В центральных газетах – «Правда» и «Известия» весной 1988 г. была опубликована информация о деятельности Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930-х – начала 1950-х гг. Читателям напомнили, как шла реабилитация по «делу военных»: «Комиссия заслушала <...> сообщения Верховного Суда СССР и Комитета партийного контроля при ЦК КПСС о результатах реабилитации в судебном и партийном порядке М.Н. Тухачевского, А.И. Корка, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, В.К. Путны, Р.П. Эйдемана, В.М. Примакова и Б.М. Фельдмана, проходивших по делу об участниках «антисоветской троцкистской военной организации».

Военная коллегия Верховного Суда СССР по заключению Генерального прокурора СССР 31 января 1957 г. отменила приговор специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 г. в отношении указанных лиц и дело производством прекратила за отсутствием в их действиях состава преступления. Все они полностью реабилитированы» [13, 14]. Здесь же сообщалось, что решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС 27 февраля 1957 г. М.Н. Тухачевский и др. восстановлены в рядах КПСС.

Через месяц «Правда» опубликовала воспоминания военного прокурора Б.А. Викторова о ходе реабилитации М.Н. Тухачевского и других военачальников в 1956–1957 гг. Описывался процесс фабрикации обвинений против военных, а также судьбы их следователей. В заключении автор упомянул, что в военную прокуратуру поступили «отзывы ряда крупных военачальников, приобретших опыт крупных сражений в ходе Великой Отечественной войны. Они были единодушны в том, что разработанные Тухачевским и его соратниками и отрабатываемые уже в 1930-е гг. на маневрах основы ведения крупных боевых операций в условиях «машинной войны» были по достоинству оценены, применены и развиты. Они сожалели, что с осуждением Тухачевского этот процесс укрепления боевой мощи Красной Армии был безусловно замедлен» [15]. Расширенный вариант статьи вошел в сборник «Записки прокурора» [16. С. 215–256].

Отметим, что раскрытие подробностей фальсификации обвинений в отношении Тухачевского и других военных деятелей в официальных массовых изданиях продолжилось в партийном журнале «Известия ЦК КПСС» (его выпуск возобновили в 1989 г. после 60-летнего перерыва). Там представили результаты дополнительного изучения материалов, связанных с политическими репрессиями 1930–1950-х гг., в частности, и по делу так называемой «антисоветской троцкистской военной организации». Были опубликованы источники из архивов ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР, Института марксизма-ленинизма [17]. Это была первая публикация данных документов, доступная, пусть и неширокой, общественности.

Такие публикации дали возможность обсуждать темы, табуированные с окончания «оттепели». Так, читателям газеты «Вечерняя Москва» представили воспоминания персонального пенсионера союзного значения А. Котловой-Бычковой, дочери А.К. Барбэ – политработника 5-й армии РККА в период командования ею М.Н. Тухачевского [18]. Позже Барбэ поддерживала дружеские отношения с полководцем и его семьей. По мнению Котловой-Бычковой, Тухачевского репрессировали, не простив ему смелое выступление на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Котлова-Бычкова также цитировала рассказ П. Редченко – личного охранника первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) П.П. Постышева, в приемной которого был арестован Тухачевский 22 мая 1937 г. (воспоминания Редченко об аресте маршала серьезно расходятся с иными свидетельствами очевидцев [19. С. 369–370]). Ранее более краткие воспоминания Котловой-Бычковой со сценой ареста Тухачевского напечатала региональная пресса [20]. Завязалась полемика: фронтовик, ветеран Вооруженных Сил СССР С. Ананьин пытался защитить сотрудников советских спецслужб: «Автор [Котлова-Бычкова. – И.Ф.], рассказывая о судьбе маршала М. Тухачевского, приводит фамилии чекистов, производивших арест. Складывается впечатление, что маршал был арестован по инициативе органов госбезопасности. Но они не имели права арестовывать полководцев. Конечно, можно сделать упрек и исполнителям этого приказа, но ведь не выполнить указания они

никак не могли. И это не их вина, а беда всего нашего государства» [21].

Современники вспоминали свою реакцию на гибель Тухачевского и других военно-политических лидеров. Бывший преподаватель Кремлевской школы имени ВЦИК Л.О. Орловский отмечал: «Я знал Тухачевского, Блюхера, Рыкова и других, Бухарину сдавал истмат в университете и никогда не мог до конца поверить, что они – враги народа. С болью мы вспоминаем те годы» [22]. Ветеран войны и труда В. Борисов вспоминал: «По возрасту я современник Тухачевского, Уборевича, Якира. Судьбы этих людей решались при моей жизни. <...> То, что мы пережили в тридцатые годы, было самым тяжелым испытанием, выпавшим на нашу долю. Я говорю не только о тех, кто погиб, но и о тех, кто выжил. Когда рядом гибнут прекрасные люди, столько сделавшие для Родины, легко надломиться, принять все как должное или разувериться в самом святом, что у нас было» [23]. Испанка Х. Итурран, проводшая детство в СССР, с болью говорила: «Это был тот самый печально известный 37-й год, обрушившийся на Советскую страну, переломавший многие судьбы. Мы, испанские дети, конечно, сначала ни о чем не догадывались. Но однажды в Одессе наш директор, который преподавал историю, собрал у нас вечером учебники, а утром в них оказались вымараны портреты Тухачевского, Блюхера и других “врагов народа”... Возвращая учебники, директор не смотрел нам в глаза, но мы и так поняли, как глубоко страдает человек, которого мы успели полюбить» [24]. Трагичны воспоминания преподавателя школы ДОСААФ В. Ланских: «Мальчишкой я видел, как в школе снимали портреты Блюхера и Тухачевского: враги народа. Помню, как учитель велел принести ружье, чтобы, приставив портреты к поленице, расстрелять их. <...>. Взрослым узнал, что, кроме моих двух маршалов, врагами народа стали Якир, Уборевич, Дыбенко, Егоров и еще десятки тысяч верных партии людей...» [25]. Писатель Василь Быков отметил особенности восприятия Большого террора «в массах», противопоставляя репрессированных представителей элиты и простых граждан: «Можно было еще поверить, допустим, что маршал Тухачевский – немецкий шпион или что шпионы другие высокие начальники. Но согласиться с обоснованностью массовых репрессий, которые на наших глазах совершались по отношению к простым людям, крестьянам, учителям, рабочим, мы уж никак не могли» [26].

Журнал «Огонек» публиковал отрывки воспоминаний Г.К. Жукова, которыми он поделился с писателем К.М. Симоновым в 1960-е – начале 1970-х гг. [27]. Они содержат довольно острые моменты. Маршал рассказывал о своем знакомстве с репрессированными полководцами. Он, хоть и допускал критику М.Н. Тухачевского, высоко оценивал его личность и деятельность в РККА. «Г.К. Жуков с гордостью, как о важном этапе своей военной биографии, рассказывал о том, как высоко оценили тогда на больших маневрах в 1936 году его действия М.Н. Тухачевский и И.П. Уборевич. На вопрос, как маршал оценивает Уборевича и Тухачевского, Георгий Константинович ответил:

– Обоих ставлю высоко, хотя они были разные люди, с разным опытом.

У Тухачевского был опыт фронтовых операций, а Уборевич командовал в гражданскую войну армией <...>. Тухачевский был более широко известной фигурой, но я бы не отдал ему предпочтение перед Уборевичем.

И по общему характеру своего мышления, и по своему военному опыту Тухачевский был более эрудирован в вопросах стратегии. Он много занимался ими, думал над ними и писал о них. У него был глубокий, спокойный, аналитический ум.

Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой <...>. Жуков осуждал Тухачевского за, как ему казалось, «небрежение к черновой, повседневной работе», объясняя это дворянским происхождением и воспитанием полководца. Отметим, что мемуары других военных деятелей опровергают вывод Георгия Константиновича о небрежении Тухачевского черновой работой [28. С. 24].

Жуков описал столкновения Ворошилова (считая его человеком малокомпетентным в военных вопросах) с Тухачевским, на котором лежала «практически значительная часть работы в наркомате» и который, по мнению Жукова, действительно являлся военным специалистом: «Во время разработки Устава был такой эпизод. При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявить твердость и дать отпор, когда считал это необходимым. Тухачевский как председатель комиссии по Уставу докладывал наркому Ворошилову. Я присутствовал при этом. И Ворошилов по какому-то из пунктов стал высказывать недовольство и предлагать что-то, явно не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал обычным, спокойным голосом:

– Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок...

Он умел давать резкий отпор именно в таком спокойном тоне, что, конечно, не нравилось...» [27. С. 7].

Позже «Огонек» опубликовал интервью с Елизаветой Николаевной Арватовой-Тухачевской – сестрой маршала. Она стремилась добавить интересные штрихи к образу брата. «Будто ясен портрет и облик Миши – воин, этакий удалец. Но это – схема, неуверенный набросок. Кто еще помнит – подтвердит, что он очень тонко чувствовал. Понимал человека и обладал редким даром разговаривать любого. Для него не было закрытых людей. И при всем том был очень прост в общении. Вы бы и не почувствовали, что он маршал». «Он, кстати, в лагере-крепости Ингольштадт с де Голлем вместе обретался. Когда генерал спустя многие годы Москву посетил, он все родственников Тухачевского, то есть нас, хотел повидать. Поди ж ты, на весь белый свет твердили, что Тухачевский шпион, а де Голль не поверил...» [29. С. 20]. Также она рассказала о трагической судьбе репрессированных членов семьи Тухачевских, о своих двух лагерных сроках и смерти дочери Марины.

Интервью о брате Елизавета Николаевна дала и другому популярному журналу «Кругозор», но в нем не касалась темы репрессий (хотя об аресте Тухачевского в 1937 г. было сказано во вступительном слове к

публикации), а упомянула об остановке, в которой рос будущий маршал. Говорили об истории рода Тухачевских, об их любви к музыке. Отмечая особенности воспитания в семье Тухачевских, она указала: «В доме у нас выше всего ценили честность и доброту. С ранних лет нам прививали презрение к праздности, уважение к труду, к простым людям. Наверное, именно эти качества наряду со светлым умом и выдержкой сразу оценил в М.Н. Тухачевском В.И. Ленин и, не колеблясь, доверил 25-летнему подпоручику, бежавшего из немецкого плена, формирование и командование 1-й Красной Армией в 1918 году» [30]. К интервью прилагалась пластинка с записью выступления маршала в январе 1936 г. на 2-й сессии ЦИК и рассказ о скрипке работы А. Страдивари, на которой играл Тухачевский. Также Е.Н. Тухачевская подготовила к публикации воспоминания И.Ф. Кудрявцева – шофера М.Н. Тухачевского [31].

Беседы с тремя сестрами М.Н. Тухачевского – Ольгой, Елизаветой и Марией – использовались и для подготовки статьи о маршале в массовом молодежном журнале СССР «Смена». Здесь же говорилось о его военно-административной работе, как командующего войсками ЛВО (в 1928–1931 гг.), приводились выдержки из его научных работ. Автор статьи упомянул о конфликтах Тухачевского с Ворошиловым и Сталиным, но основной причиной гибели маршала назвал сфабрикованный гитлеровской разведкой «секретный документ», по которому Тухачевский и другие военачальники якобы были немецкими агентами. Но, как отметил автор, теперь «справедливость восторжествовала. Имена маршала и его сподвижников обрели свою первозданную чистоту...» [32. С. 14].

Параллельно становились доступны воспоминания о других репрессированных родственниках М.Н. Тухачевского. Например, в журнале «Наука и жизнь» опубликовали письмо Х.М. Пеловой к сестре маршала Е.Н. Тухачевской, где были описаны обстоятельства смерти в ссылке в декабре 1941 г. матери полководца Мавры Петровны Тухачевской [33]. О трагедии матери, жены и дочери маршала вспоминала и А.М. Ларина – вдова Н.И. Бухарина [34. С. 135–139]. Ее мемуары стали доступны читателю также в годы Перестройки.

Еще одна популярная в СССР газета «Неделя» не раз обращалась к биографии полководца. Например, был освещен малоизвестный сюжет о конфликте Тухачевского со Штабом РККА в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда предложения Тухачевского о перевооружении РККА были неверно интерпретированы [35]. Отсюда возник миф о том, что он «предлагал производить сто тысяч танков в год в мирное время» [2. С. 28–32].

В 1988 г. в редакцию газеты «Неделя» пришло письмо историка О. Бондаренко, осуждавшего открытие в середине 1970-х гг. музея К.Е. Ворошилова в Москве: «Как теперь стало известно, на совести Ворошилова загубленные жизни видных военачальников, в том числе и Тухачевского. Стараниями того же Ворошилова было сделано все, чтобы потомки как можно меньше узнали о полководческом таланте маршала. Создано сие учреждение на улице, носящей

имя... маршала Тухачевского (дом № 20). Скажите, что это, если не кощунство, не глумление над памятью жертв сталинского произвола? Не берусь судить, насколько нужен музей Ворошилова как таковой. Но уж во всяком случае, на этой улице ему не должно быть места. С другой стороны, сейчас, когда доброе имя Тухачевского восстановлено, не мешало бы создать мемориальный музей, посвященный его жизни и деятельности» [36].

Этот вопрос – почему в стране нет музея Тухачевского, «хотя видный военачальник того заслуживает», газета поднимала и на следующий год. Примечательно, что при этом коснулись и неоднозначной трактовки образа маршала в исторической памяти уже в то время: «Интерес к личности Тухачевского и его судьбе очень велик. Споры вокруг его имени не утихают, каждый трактует Тухачевского как ему заблагорассудится, и очень часто некоторые “объективные” исследователи скатываются к прямой клевете и очернительству его деятельности» [37]. Один из читателей «Недели» П. Кириллов рассказал, что «неоднократно обращался с вопросом о создании музея в Министерство обороны и Министерство культуры РСФСР. После достаточно долгой “проработки” ГлавПУР и Главное управление по делам изобразительного искусства и музеев Минкультуры пришли к выводу, что создание музея Тухачевского в принципе возможно». Но Главное управление культуры Мосгорисполкома не решило этот вопрос, т.к. в запросе не было информации о том, на базе каких материалов должен был создаваться музей. Однако, Кириллов сообщал, что «Главное Политическое Управление СА и ВМФ свою помощь в создании музея уже обещало, найдутся и энтузиасты, готовые работать для устройства Музея» [37].

Поэт Андрей Вознесенский рассказал газете «Советская культура» о переписке с читателями: «Смелость мыслей писем ошеломляет. Такого не могло быть два года назад. Люди не только хотят перемен, но стремятся в них участвовать, меняются сами. <...> Участник войны из Инты И. Долинов требует поставить памятники Блюхеру и Тухачевскому» [38]. Другой фронтовик – Д. Дажин – спрашивал: «А что происходит с историей гражданской войны? Где полные сведения о Тухачевском, Эйдемане, Егорове, Блюхере, Федько, Дыбенко, Уборевиче, Якоре и многих, и многих других. Случилось так, что из истории гражданской войны наша молодежь по-прежнему знает только тот ряд, какой был преподнесен в “Кратком курсе истории ВКП(б)”, – Ворошилов, Буденный, Чапаев, Котовский, Пархоменко, Щорс, Лазо... Напрочь забываются нами десятки, сотни других талантливых командиров и политработников» [39].

Обсуждался вопрос личной вины Сталина в политических репрессиях. В этом плане показательно выдержка из интервью Софьи Радек: «Сколько людей сломал этот тиран! И каких людей! Если уж жертвами оказались Тухачевский, Бухарин, Рыков, Радек, если они дали себя растоптать, то что взять с нас, бедных и сирых? Так вот, мы сами позволили Сталину распоряжаться нашими судьбами, сами отдали себя на его про-

извол» [40. С. 31]. А писатель Евгений Носов рассуждал о том, чем руководствовался Сталин, репрессируя видных большевиков: «расчищая себе дорогу к непрекаемой власти, он вырубал самые крупные деревья, которые затеняли его и своей высотой не позволяли ему казаться выше других. <...> Но особенно злорадное удовлетворение получал он, натравливая одну жертву на другую. Так поступил он и с маршалами Егоровым и Блюхером, посялав их судить своего же боевого товарища, маршала Тухачевского. А вскоре они сами были расстреляны по такому же шаблонному инспирированному обвинению» [41] (Егоров не входил в число участников суда над Тухачевским и др., как Блюхер. – *И.Ф.*).

В переписке с читателями поднимался вопрос – кого еще считать виновниками репрессий в верхушке РККА. Фронтовик В. Бушев писал: «<...> читатель, полковник Н. Чернуха, предлагает переименовать Военную академию Генштаба Вооруженных Сил СССР имени Ворошилова и присвоить ей имя маршала М.Н. Тухачевского. Это было бы справедливо, поскольку сегодня нам известна правда о сталинском приближенном, ответственном за уничтожение лучших военных кадров, который хоть и носил титулы народного героя, полководца, но не оправдал их, как и высокое звание маршала» [42].

В одном из номеров «Недели» появилось интервью с советскими историками А.М. Самсоновым, Н.Г. Павленко и Ю.А. Геллером, где они говорили о личности К.Е. Ворошилова, пытаясь преодолеть традиционное идеализированное представление о «первом красном офицере». В частности, опираясь на воспоминания Г.К. Жукова, историки указали на неприязнь Ворошилова к своему заместителю Тухачевскому [43].

Затрагивая тему репрессий в РККА, военный историк В.А. Анфилов отмечал, что их «стимулировал нарком Ворошилов». Рассматривая причины падения Тухачевского, он рассуждал: «Сейчас, сопоставляя факты, задумываешься: уж не статьей ли, опубликованной в “Красной звезде” 7 мая, Тухачевский разозлил “хозяина”? (Сталина. – *И.Ф.*)». Напомним, что в своей последней статье, опубликованной в газете «Красная звезда» в мае 1937 г., Тухачевский критиковал руководство РККА, опиравшееся только на опыт Гражданской войны и «превосходство духа красноармейцев» без учета новых технических тенденций. Тухачевский предупреждал, что такая самовлюбленность может привести к кровавым потерям в боях. По мнению Анфилова, «Упрек, естественно, не понравился Ворошилову и всячески поощрявшему его Сталину. Тухачевский посмел подвергнуть сомнению теории наркома, зная, что за наркомом стоит Сам» [44]. В «противовес» вышло интервью с В.М. Молотовым, который по-прежнему называл Тухачевского «заговорщиком», мотивируя это тем, что, по материалам следственного дела, «он в кругу заговорщиков обсуждал, как сместить Ворошилова с поста наркома обороны» (т.е. недовольство Ворошиловым Молотов считал некой разновидностью заговора. – *И.Ф.*) [45].

Поднимался и болезненный вопрос – можно ли было избежать больших потерь в начале Великой Отечественной войны? И тут опять вспомнили имя Тухачевского: «<...> стоит ли обсуждать сейчас неиспользованные возможности, ведь колесо истории не раскрутишь назад? Мне думается, стоит – в избранной нами схеме на чисто гипотетическом примере с Тухачевским особенно наглядно видна роль ТАЛАНТЛИВОЙ ЛИЧНОСТИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ. Личности, которая могла бы (если бы ей предоставили соответствующую возможность) спасти свой народ от лишних потерь в войне» [46].

В одном из номеров газеты «Советская культура» рассказывалось о создании документального фильма «Маршал Тухачевский» на студии «Школафильм». Выражалась надежда, что «...этот фильм станет первой, но не последней кинематографической ласточкой о видном советском военачальнике маршале Тухачевском, чья трагичная судьба была отражением трагедии целого поколения. Правдивый и открытый разговор о нем, о времени, в котором он жил, быть может, окажется полезнее для воспитания у юных чувства гражданственности, ответственности за судьбы Родины, чем десятки обычных уроков по истории». Авторы фильма попытались создать «ощущение трагизма положения, в котором оказался человек, наголову опередивший свою эпоху, а главное – тех, от кого зависел, у кого была власть...» [47].

На вопрос пенсионерки М. Гуляевой о том, когда появятся фильмы о Бухарине, Рыкове, Тухачевском и других жертвах политических репрессий, представитель Госкино СССР В. Кузнецова ответила, что «на “Мосфильме” работу над сценарием фильма под названием “Операция “Скорпион” о маршале М.Н. Тухачевском ведут Ф. Шамагонов и В. Чеботарев» [48]. Этот проект не был реализован, но вскоре Шамагонов опубликовал сценарий отдельной книгой [49].

Обсуждали и судьбу участников Специального судебного присутствия 11 июня 1937 г., поставивших подписи под смертным приговором М.Н. Тухачевскому, И.Э. Якиру, И.П. Уборевичу и другим фигурантам «дела военных». В одном из читательских писем приводились воспоминания сослуживца о поведении Блюхера после участия в суде над Тухачевским: «Маршал был в тяжелом состоянии, многого не договаривая. Он был обманут, его заставили поверить клевете на бывших соратников по борьбе...» [50]. С этими воспоминаниями перекликаются свидетельства генерал-лейтенанта в отставке К.Е. Полищука. В июне 1937 г. он был начальником Военной электротехнической академии РККА, принимал участие в расширенном заседании Военного Совета НКО 1–4 июня 1937 г., прошедшего в то время, когда М.Н. Тухачевский и другие арестованные по «делу военных» были под следствием [51]. Мемуарист передал «могильную» атмосферу заседания как реакцию военной элиты на раскрытие «заговора» и рассказал, что собравшимся давали ознакомиться с показаниями арестованных. Но бросалось в глаза, что они были стереотипные, со стандартными фразами об «измене» и без конкретных данных. Он сделал вывод, что «суд и расстрел Тухачевского,

Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана и других были прологом к дальнейшим многосерийным частям драмы по последовательному массовому уничтожению командных кадров Красной армии. В убийственном состоянии духа покинули зал все оставшиеся на воле высшие командиры Красной армии. Потеряв уверенность в себе, товарищах, руководителях, делах. Мысли, что же это происходит, что же будет дальше, стесняли волю, активность, деятельность. Вернувшись в Ленинград, в академию, я ощутил полную опустошенность <...>» [51. С. 32].

Публицисты пытались разобраться, почему жертвы репрессий (вчерашние стойкие коммунисты) оговорили себя на следствии. Профессор Л. Финк на основании своего тюремного опыта делал вывод о психологическом давлении: «любые пытки можно выдержать, если ты в застенке у врагов, если перед тобой фашисты и ты отстаиваешь свои идеи, Родину, народ. <...> Но почему же в своей чудовищной измене признались маршал Тухачевский, или командарм Дыбенко, или десятки, сотни, тысячи мужественных командиров Красной Армии? Убежден, что главной причиной неспособности противостоять требованиям палачей было именно это страшное чувство психической опустошенности, пугающего ощущения своего одиночества в этом мире, который так внезапно оказывался фантастически абсурдным. Именно поэтому в ведомстве Ежова – Берии существовала продуманная система психических атак» [52].

Имя Тухачевского как жертвы политических репрессий появлялось и в перестроечной лирике на страницах журналов. Стихотворение Е.А. Евтушенко «Еще не поставленные памятники» заканчивалось строками:

Сейчас ваше время, памятники,
время мрамора честного,
Ото всего оболганного
навек отлипает грязь,
и скрипка,
когда-то раздавленная,
маршала Тухачевского
срастается по кусочкам,
мраморной становясь! [53].

Менее оптимистичны строки Ю.Д. Левитанского в стихотворении «Из восьмидесятых. О памяти и памятниках», где многозначительно (авторским отточением) сравнивалась гибель М.Н. Тухачевского со смертью Д.М. Карбышева в немецком плену:

Генерала Карбышева
пытали,
мучили,
и убили.
Кто?
Немцы. Враги.
Страшно.
Маршала Тухачевского
пытали,
мучили
и убили.
Кто?
.....

Жутко.
<...>
Эти убили, а эти ославили.
Кто ж наши Каныны?
Где ж наши Авели?
Даже могил никаких не оставили.
Горько в родимой земле им лежать
Нашим убитым,
нашим замученным
мы даже памятник не поставили.
Стыдно.
И не за что нас уважать... [54].

Имя маршала есть и в прозе Перестройки. Так, «Огонек» опубликовал главы из романа А.Н. Рыбакова «Дети Арбата» о судьбе молодежи 1930-х гг. и о политических репрессиях тех лет [55]. Одним из исторических персонажей произведения стал М.Н. Тухачевский.

В известном литературно-художественном журнале «Даугава» вышел рассказ «Расстрелянные звезды» А.Ф. Чехлова [56], посвященный последним дням М.Н. Тухачевского. Он был написан в 1978 г., но публикация стала возможной только 10 лет спустя. Сначала события в нем даются глазами одного из следователей по «делу Тухачевского» (собираемый образ). Несмотря на жесткие методы допросов, Тухачевский смог оказать моральное сопротивление следователям и продолжал считать себя коммунистом. У маршала осталось чувство собственного достоинства: его оскорбила ироничная реплика, что он сдался в плен немцам в 1915 г. Общие фронтовые воспоминания даже на миг сблизили Тухачевского и следователя. Когда же Тухачевского обвинили в шпионаже, то Михаил Николаевич с насмешкой ответил, что для него такое обвинение – честь, так как немецким шпионом называли и Ленина, и он польщен такой аналогией. День процесса по «делу военных» дается уже глазами самого Тухачевского. Автор пытался передать чувства и мысли подсудимого: «Что-то нереальное было в том, что происходило сейчас. Нет, все, что происходило сейчас, просто недоразумение, подумал маршал. Может быть, даже – почему бы и нет? – жестокая, но необходимая проверка. И он ухватился за эту свою спасительную мысль, чтобы не дай Бог не сойти с ума...» [56. С. 52]. В ожидании смерти маршал думал об осужденном франкистами Мадриде, об угрозе СССР от гитлеровской Германии. Последние минуты жизни Тухачевского описаны трагически-лирично, с библейскими аллюзиями: в то время, когда за стенами тюрьмы бушует «народный гнев» по поводу «изменников» (««Распни его!» – орала толпа еще в древние времена...» [56. С. 54]), маршалу мерещатся звуки любимой скрипки. Расстрелянная команда в мыслях маршала превратилась в конную лаву, разворачивающуюся к бою. Таким образом, путем художественных средств, Чехлов передал трагизм жизненного финала Тухачевского.

«Подведением итогов» советской эпохи стала установка в августе 1991 г. на Донском кладбище памятника жертвам политических репрессий. «Вечерняя Москва» описывала это событие так: «Отшлифованный камень установлен на Донском кладбище на месте

тайного захоронения жертв сталинских репрессий. <...> На Донском кладбище, как стало известно из архивов КГБ СССР, похоронены М. Кольцов, В. Мейерхольд, М. Рютин, маршал М. Тухачевский и другие видные политические и общественные деятели, военачальники. И пока различные органы думают, где найти средства на увековечение памяти безвинных жертв, объединение репрессированных Черемушкинского района на свои небольшие пенсии сегодня установило скромный, но такой бесценный памятник!» [57].

Версия о «немецком следе» в «Деле Тухачевского»: за и против

Стали широко обсуждать разные версии гибели М.Н. Тухачевского. В 1988 г. был опубликован диалог с главным редактором «Военно-исторического журнала» историком Н.Г. Павленко. Журналист назвал Тухачевского «истинным талантом той эпохи» и спросил историка, верна ли версия зарубежных литераторов о главной роли германской разведки в «истреблении советских военных кадров в 1937–1938 годах». Павленко ответил, что «это только малая часть правды» и высказал свое мнение о причинах гибели Тухачевского. Их было несколько: плохие отношения «между Сталиным и Ворошиловым, с одной стороны, и Тухачевским – с другой» еще со времен Советско-польской войны; ложь о Тухачевском как о потенциальном «красном Бонапарте», нагнетаемая иностранной прессой, что лишало покоя Сталина. Павленко напомнил, что Тухачевскому угрожал арест ещё в 1930 г., «во время истребления военспецов». Не отрицая существования «немецкой фальшивки», историк отметил, что гестапо еще не приступило к ее фабрикации, когда уже были арестованы комдив Шмидт и комкор Примаков, которых вынудили дать показания на Тухачевского и других будущих фигурантов «дела военных».

Павленко привел воспоминания генерал-лейтенанта В.С. Голушкевича, очевидца процесса по «делу военных»: «Перед тем как вести разговор, я передал ему для ознакомления главу (“Афера с Тухачевским”) из книги Вальтера Хагена. Именно в этой главе сосредоточен весь конкретный материал, сочиненный немецкой разведкой. Ознакомившись с копиями фальшивок, Голушкевич сказал, что при допросе подсудимых не поднимались вопросы о письмах Тухачевского, Якира и других к немецким генералам, не упоминалось о расписках в получении денежных сумм и о других “документах” фальшивки. Весь процесс, по его словам, проходил в крайне стремительном темпе. Чувствовалось, что суду не требовалось добиваться истины, он ею уже обладал. Один из обвиняемых давал показания против Тухачевского. Не глядя на полководца, промямлил что-то о “шпионских сведениях”, полученных якобы от Тухачевского. А когда Тухачевский спросил “свидетеля”: “Вам все это приснилось?” – председательствующий В. Ульрих прервал Тухачевского и больше к этому вопросу не возвращался». По выводу Павленко, «и без пресловутой фальшивки» полководцы были бы уничтожены, ведь после осуждения Тухачевского больше новых компрометирующих материалов на представителей советской

военной элиты не поступало, но репрессии продолжались [58].

В начале 1989 г. вышла статья Ф.М. Сергеева, посвященная «немецкому следу» в «деле» Тухачевского [59] (ее полный текст был тогда же опубликован в журнале «Новая и новейшая история» [60]). В ней «на основе анализа сведений, содержащихся в мемуарах государственных, политических и военных деятелей Запада, архивных материалах, свидетельствах очевидцев и непосредственных участников событий, дается цельное представление о том, как были сфабрикованы “доказательства” мнимой тайной связи М.Н. Тухачевского и других советских военачальников с германским генеральным штабом. Показан во всех деталях скрытый механизм осуществления этого зловещего политического подлога» [59. С. 10]. По мнению редакции, нацистская разведка готовила аферу с «заговором» в РККА, делая главную ставку на жестокость, мнительность и подозрительность Сталина, а автор подчеркнул, что «В окружении Гитлера операция с фальшивкой против Тухачевского расценивалась как одна из самых выдающихся в истории немецкой разведки. Руководители СД, стоявшие во главе операции, были уверены, что им удалось нанести тяжелейший удар по боеспособности Красной Армии, вывести из строя наиболее талантливые командные кадры и таким образом обскривить ее» [59. С. 11].

Иные публицисты отрицали роль немецкого компромата в гибели Тухачевского, утверждая (со ссылкой на статью генерал-майора К. Шпальке в журнале «ГутенТаг»), «что вся “история Тухачевский – Гейдрих” была “сконструирована” уже после суда и расправы над советскими военачальниками “во славу Гейдриху и СС”» [61]. Но это заявление противоречило воспоминаниями историка, дипломата, партийного и общественного деятеля В.М. Фалина. Высказывая сомнения в аргументации о подлинности Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР 1939 г., Фалин сказал: «В своей жизни я видел столько подделок, начиная с бумаг, изготовленных Шелленбергом по Тухачевскому и другим...» [62].

М.Н. Тухачевский как активный участник реформирования РККА

В Перестройку, как и в предшествующие десятилетия, вспоминалась и роль Тухачевского в развитии РККА. Говорилось о его вкладе в создание советских ВДВ: «Идею применения воздушного десанта в глубоких наступательных операциях подробно разработал маршал М. Тухачевский, его выводы подтвердились во время учений Московского военного округа, когда был сброшен самый крупный по тому времени десант в 5272 человека» [63]. Напоминалось, что маршал стоял у истоков советского ракетостроения: «Мысль о создании единого ракетного института поддержал Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, так много сделавший для перевооружения Красной Армии: отказ от тачанок, кавалерии, пик, сабель, старых винтовок и пе-

реход ее к новым видам вооружений – к танкам, мощным бомбардировщикам и истребителям, радио, подводным лодкам, радиолокаторам, парашютным десантам и броневикам. С его помощью была создана ГДЛ, отдан Иоанновский равелин Петропавловской крепости для мастерских и испытательных стендов ГДЛ. М.Н. Тухачевский наблюдал за ходом испытаний ракетных двигателей на полигоне под Ленинградом и спускался в подвал ГИРДа в Москве для ознакомления с работами московских ракетчиков, поддерживал тесные контакты с Глушко, Королёвым, Цандером, Тихомировым, Победоносцевым. Он добился того, что 31 октября 1933 года Совет Труда и Оборона принял постановление о развитии РНИИ – первого в мире научно-исследовательского института, занимающегося исключительно ракетной техникой. Тогда советские ракетчики шли впереди всего мира» [64. С. 2]. Покровительством Тухачевского объяснялись аресты в РНИИ в 1937–1938 гг. [65; 66. С. 22].

М.Н. Тухачевский в контексте обсуждения причин поражения в Советско-польской войне

Не обошли вниманием и тему Советско-польской войны 1920 г. Руководитель Союза польских писателей Войцех Жукровский называл ее одним из болезненных вопросов в истории обеих стран и со страниц «Литературной газеты» предложил «переиздать «полемику маршалов Пилсудского и Тухачевского» как «блестящий комментарий ко всей кампании» [67]. Идею реализовали в 1992 г. [68].

Причины поражения в этой войне подробно описывались в воспоминаниях военного теоретика и педагога, полковника в отставке Г.С. Иссерсона (1898–1976) [69]. Работа «Судьба полководца» – это воспоминания Иссерсона об эпизодах совместной работы с Тухачевским. Отдельные главы из нее (о последних годах жизни Тухачевского) были напечатаны в «Военно-историческом журнале» еще в период «оттепели» [70]. В журнале «Дружба народов» 20 лет спустя опубликовали и другие части рукописи – о деятельности Тухачевского как командующего Кавказским и Западным фронтами в 1920 г. Здесь Иссерсон обратился к трагическим эпизодам биографии полководца. Мемуарист отмечал, что «Оперативный план Тухачевского на Северном Кавказе весной 1920 г. преследовал решительные цели – отрезать деникинской армии пути отхода на Новороссийск, окружить ее и уничтожить». Но эта цель не была достигнута, и «причиной <...> было неправильное, с точки зрения оперативной целесообразности, направление действий Конной армии Будённого». По мнению Иссерсона, войска Деникина смогли уйти от окружения из-за того, что «Будённый не мирился с превосходством Тухачевского, не хотел признавать его стратегического авторитета и, состоя в его оперативном подчинении, не выполнял его директив». И, спустя десятилетия, в своих мемуарах «Пройденный путь» Будённый «бросает тень на Тухачевского». Иссерсон писал, что такое отношение к распоряжениям Тухачевского привело к катастрофическим последствиям в Польской кампании 1920 г. [69. С. 180–181].

Иссерсон, высоко оценивая план Тухачевского по обходу Варшавы с севера и запада, отмечал и его недостаток – слабое обеспечение левого фланга. Он вспоминал, что Тухачевский впоследствии признал свою ошибку. Но Георгий Самойлович, как участник и очевидец наступления на польскую столицу, писал, что возможности остановиться, чтобы подтянуть резервы, по сути, не было: «Если бы тогда, в 1920 г., по достижении рубежа Западного Буга кто-либо заикнулся бы об остановке, его сочли бы либо предателем, либо сумасшедшим» [69. С. 182] (такие настроения шли, прежде всего, от политического руководства страны, и военные оказались «заложниками ситуации»). Да и сам Иссерсон позднее писал: «История никогда не простила бы Тухачевскому, если бы он, дойдя до Буга, остановился. Ведь именно это и нужно было отступающей, расстроенной армии белополяков, чтобы выиграть хоть несколько дней, привести себя в порядок, перегруппироваться и перейти в контрнаступление. <...> Поэтому наступать и преследовать до конца, до достижения решающей цели – этот стиль полководческого искусства Тухачевского в обстановке 1920 г. был оправдан» [69. С. 182]. Однако, командующий фронтом «серьезно беспокоился за состояние своих тылов» и еще в июле докладывал РВС Республики о сложившейся ситуации. Но в ставке Главкома его не услышали: «Поспешный отход белополяков там принимали за их разгром (обычная ошибка недальновидной стратегии) и собирались даже снять с Западного фронта некоторые части. Только благодаря энергичным протестам Тухачевского это несправедливое решение не было осуществлено» [69. С. 182–183]. Политбюро ЦК решило объединить под командованием Западного фронта все силы Западного и наступавшего южнее Юго-Западного фронтов, чтобы направить их на взятие Варшавы. Но это важное решение «саботировалось командованием Юго-Западного фронта (комвойск – А.И. Егоров, член РВС – И.В. Сталин). Руководители фронта, видимо, не смирились с тем, что общее командование возлагается на Тухачевского и что они, таким образом, устраняются от столь решающей операции и не могут разделить успех. Мелочные интересы личного престижа возобладали здесь над военно-политической целесообразностью и стратегической необходимостью государственного значения». По решению командования Юго-Западного фронта, его 1-я Конная армия была направлена на Львов, «где, по <...> мнению Сталина, якобы лежал центр тяжести всей польской кампании» [69. С. 183]. Иссерсон считал это серьезной политической ошибкой, приведшей к тяжелым последствиям. А, когда с большим опозданием 1-й Конная армия была передана Западному фронту, «выполнить директиву о ее выводе из-под Львова и направлении на Владимир-Волынский отказалось теперь командование 1-й Конной (командарм – С.М. Буденный, член РВС – К.Е. Ворошилов)» [69. С. 184]. Было потеряно время, и хотя командование Конармии все-таки «начало наконец вяло и нехотя эту директиву выполнять», уже ничего исправить было нельзя. Отчасти, в сложившейся ситуации было виновато и Главное

командование в лице главкома С.С. Каменева, не старавшееся объединять усилия двух фронтов на основном, Варшавском направлении и не заботившееся о своевременном пополнении сил Западного фронта. «Тухачевскому приходилось решать вопросы, которые выходили за пределы его компетенции как командующего фронтом и составляли прямую обязанность Главного командования» [69. С. 184].

Рассуждая, кто виноват в провале Варшавской операции, Иссерсон резюмировал: «Теперь история может и должна прямо ответить на это вопрос. Вину за это несут, главным образом, И.В. Сталин, А.И. Егоров, С.М. Буденный и К.Е. Ворошилов, бывшие тогда руководителями Юго-Западного фронта и 1-й Конной армии. Основную роль в провале операции сыграло упорное нежелание Сталина, а потом Буденного и Ворошилова идти на северо-запад, на концентрическое соединение с Западным фронтом под Варшавой». По мнению Георгия Самойловича, это было «явное стратегическое местничество», и в основном из-за него Тухачевский и потерпел поражение [69. С. 185].

Также Иссерсон показал, как в 1920-х – нач. 1930-х гг. целенаправленно создавалось мнение, что только по вине Тухачевского было допущено поражение под Варшавой. В итоге эта точка зрения стала официальной (отметим, что таковой в массовом сознании она остается и сейчас. – И.Ф.), и началась откровенная травля Тухачевского, когда ему в лицо бросали: «Вас за 1920-й год вешать надо!!» [69. С. 189]. Все дискуссии проводились тенденциозно, иногда – без приглашения Тухачевского. «Объективная критика действий командования Юго-Западного фронта и Конармии была <...> чрезвычайно затруднена и ограничена» [69. С. 190]. В итоге, заключил Иссерсон, восторжествовала точка зрения о правильности действий руководства Юго-Западного фронта и Конармии, официально узаконенная в Кратком курсе истории ВКП(б) 1938 г. [69. С. 191].

М.Н. Тухачевский как руководитель подавления антибольшевистских восстаний в 1921 г.

Обсуждалась и тема участия Тухачевского в подавлении восстаний против монопольной власти большевиков, прокатившихся по стране в начале 1920-х гг. Уже в 1989 г. начинается критика его и других военных деятелей как участников коммунистической репрессивной политики. Драматург Ю. Эдлис рассуждал: «Но вот, например, Блюхер, кто он, этот расстрелянный выдающийся революционер и военачальник? Жертва? Но ведь годом раньше тот же Блюхер подписал смертный приговор Тухачевскому. <...> А сам Тухачевский? Разве не он в свое время утопил в крови Кронштадтский мятеж, причины и цели которого теперь вполне объяснимы? И эта цепочка тянется на самых разных уровнях. Ею оказывались повязанными и рядовые люди, и руководители государства» [71]. О «ниспровержении» уже всех советских деятелей рассуждали открыто годом позже: «Но ведь на сегодняшний день по всей Стране Советов за всю ее более чем семидесятилетнюю историю не подобрать и троицы светлых личностей из числа политических деятелей.

Ну Сталин, на которого почти три десятка лет молились, понятное дело <...>. Тогда, может, жертвы его, из числа политических борцов, положительные? Только наладились приучать себя Бухарина, Каменева, Тухачевского и т.д. за героев считать, как тут же выяснилось, что и они, почти как в песне, “маненечко не того”...» [72].

В 1990 г. «Правда» опубликовала рецензию публициста Р.А. Медведева на второй том «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, написанную еще в сентябре 1974 г. для западной прессы. Поскольку через 16 лет в СССР началась публикация книг Солженицына, то она стала актуальна и для советских читателей. Несмотря на то, что Медведев высоко оценил работу писателя, он подверг критике ряд фрагментов книги. «Солженицын с явным удовлетворением и даже злорадством приводит фамилии десятков крупнейших деятелей Коммунистической партии, расстрелянных в 1937–1938 гг. по приказу Сталина. Они-то уж заслужили свою участь, они получили то, что готовили и делали для других». По мнению Солженицына, Тухачевский «заслужил» такую участь за подавление «разоренных тамбовских крестьян». «Но, – продолжает Медведев – мы никак не можем разделять этих настроений и высказываний <...> Лучшие русские писатели никогда не позволяли себе глумления над мертвыми» [73].

Ближе к концу Перестройки резко усилилась критика советской власти и ее деятелей, о которых ещё недавно писали как о жертвах репрессий. В.А. Солоухин, жестко критикуя Ленина, высказался и о Тухачевском (из кого, по словам писателя, «пытаются теперь сделать мученика»), ставя ему в вину подавление «антоновщины» [74. С. 29]. Ему вторил Б.А. Можаяев, преувеличивая размах карательных акций на Тамбовщине, с ненавистью говоря о Тухачевском, называл его методы подавления восстания «дьявольской выдумкой» [75. С. 12].

В 1991 г. вышла статья В.И. Новодворской, где она, рассуждая о недавнем августовском путче, вспоминала про отрицательных, по ее мнению, персонажах советской истории: «Арестованного <...> Горбачева тоже можно было пожалеть и защищать. Истинный интеллигент и Бухарина стал бы спасать от Сталина (зная про «Азбуку коммунизма»), и Тухачевского, и Зиновьева (зная отлично их «добрые дела»)» [76. С. 3].

Тогда же в статье И. Коссаковского – сопредседателя общественного комитета «За правду о Кронштадте», где говорилось о том, что Тухачевский (конечно, с ведома советского правительства) планировал применить химическое оружие против восставших матросов. При этом, Кронштадтский мятеж, в духе времени (после августовского путча и перед запретом деятельности КПСС), показывался «подилинно стихийным народным возмущением», которое правительство подавило «намерено беспощадно военной силой». Ответственность за репрессии возлагалась автором «на Политбюро во главе с В.И. Лениным, воплощавшие абсолютную власть, которая только называлась Советской» [77].

Показательна фраза филолога С.С. Аверинцева, рисуемая изменение отношения к личности Тухачевского в массовом сознании за годы Перестройки:

«Припомните последовательность разоблачительного процесса. Сначала было окончательное разоблачение наиболее бесспорных злодеев нашей истории. Потом дело дошло до фигур двойственных, которые стали жертвами, но перед этим сами вложили свою лепту в утверждение злодейства, вроде Бухарина или Тухачевского» [78]. Тухачевского (как и других офицеров царской армии) стали упрекать и за служение советской власти вообще. Так, эмигрантский писатель «третьей волны» В.Е. Максимов (Л.А. Самсонов), рассуждая о русской революции, писал: «На лучшим образом вело себя и наше достопочтенное дворянство, не только бросившее <...> страну на произвол судьбы, чтобы отсидеться в эмигрантской безопасности, но и выделившее из своих рядов множество попутчиков и апологетов большевизма, начиная от Ленина, кончив огромной сетью офицерского корпуса во главе с бывшими генералами вроде Брусилова, Зайончковского, Верховского, Снесарева и десятков, если не сотен других, составивших вскоре головку Красной армии: Каменева, Егорова, Тухачевского, Шапошникова, Вацетиса, Свечина и прочих, менее известных, но не менее беспринципных» [79].

Заключение

Как видно из анализа советской периодики периода Перестройки, репрезентация образа Тухачевского в те годы претерпела изменение в сторону негативизации. Но этот процесс шел постепенно. В начале Перестройки его изображали в ключе традиций предшествующих десятилетий (периода «застоя»), как героя Гражданской войны, военного теоретика, одного из реформаторов РККА, особо не акцентируя внимание на обстоятельствах его гибели. В середине указанного времени произошло возвращение к сюжетам из биографии маршала, которые обсуждались в период «оттепели»: обстоятельства ареста, трагической судьбе его родственников, роли Сталина и Ворошилова в гибели значительной части военной элиты и влияние этого события на подготовку страны к грядущей войне. При этом, версия о «немецком следе» как причине репрессий в РККА и конкретно падения Тухачевского активно обсуждалась, но не стала преобладающей. Произошло обращение к ранее невостребованным воспоминаниям очевидцев событий, показывалась реакция разных слоев советского общества на гибель маршала. Обсуждались и причины поражения в Советско-польской войне, но Тухачевский не провозглашался единственным виновником поражения РККА, как это было в 1930-е гг. и повторилось в 1990-е – 2000-е гг. В последние годы существования СССР появились материалы, осуждающие М.Н. Тухачевского за участие в подавлении восстаний 1921 г. и преувеличивающие его «карательную роль» (отметим, что в советское время этот сюжет в биографии полководца никогда не замалчивался).

Во многих перестроечных публикациях образ Тухачевского размылся, он входил в коллективный образ репрессированных военных деятелей, офицеров царской армии, советских деятелей – участников репрессий и т.д., часто теряя индивидуальные черты.

А сами многочисленные советские издания выступали как зеркалом общественных настроений (потребности людей лучше узнать о событиях недавнего прошлого без идеологических установок), так и формировали их, конъюнктурно создавая негативный образ советского времени и его деятелей.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие и широкое распространение в прессе 1990-х гг. Однако, разнообразные перестроечные издания, формировавшие коллективные представления людей того времени, при наличии должной источниковедческой критики являются ценными информационными источниками для имагологических исследований.

Список источников

1. Барсенков А.С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 годах // Российская история. 2014. № 6. С. 77–98.
2. Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М. : Центрполиграф, 2014. 720 с.
3. Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12. doi: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12
4. Кантор Ю.З. «Выставка открылась в двойне неслучайном месте...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 65–70. doi: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70
5. Горелик Я.М. Предвидения М.Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 18–22.
6. Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 44–53; № 11. С. 47–56; № 12. С. 61–69.
7. 1937. Показания маршала М.Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 44–53; № 9. С. 55–63.
8. Посторонкин В.Н. Тухачевский [Неизвестное о Тухачевском] // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 88–90.
9. Уотт Д.К. Кто против кого устроил заговор? // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 51–63.
10. Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 38–60.
11. Шаров А. Правда и ложь о М.Н. Тухачевском // Военные знания. 1991. № 12. С. 6–7.
12. Кириллов В.Л. Журналист как популяризатор исторического знания (по материалам журнала «Огонек» 1987–1990 гг.) // Век информации. 2018. № 1. С. 67–77.
13. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов // Известия. 1988. 27 марта. № 88. С. 1.
14. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов // Правда. 1988. 27 марта. № 87. С. 1.
15. Виктор Б. «Заговор» в Красной армии // Правда. 1988. 29 апр. № 120. С. 3.
16. Виктор Б.А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора. М. : Юрид. лит., 1990. 336 с.
17. Дело о так называемой «Антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 42–73.
18. Котлова-Бычкова А. Рядом с маршалом // Вечерняя Москва. 1989. 5 апр. № 79. С. 4.
19. Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М. : Огонек; Время, 2005. 576 с.
20. Котлова-Бычкова А. Маршал Тухачевский // Рабочий путь (Смоленск). 1987. 21 окт. № 243.
21. Ананьин С. Не вина, а общая беда // Вечерняя Москва. 1989. 10 мая. № 107. С. 2.
22. Маринич Н. Тот памятный бой у Никитских // Вечерняя Москва. 1988. 7 нояб. № 255. С. 2.
23. Борисов В. Потому что мы верили Родине // Советская культура. 1987. 22 сент. № 114. С. 6.
24. Пирогова И. Корни дуба из Герники // Советская культура. 1988. 3 мая. № 53. С. 6.
25. История для всех одна // Огонек. 1987. 15 авг. № 33. С. 7.
26. Быков В. Под знаком перемен // Литературная газета. 1989. 18 янв. № 3. С. 4.
27. Ицков И., Бабак М. Маршал Жуков: Что рассказал Георгий Константинович Жуков во время встреч с писателем Константином Симоновым // Огонек. 1986. № 48. С. 5–8.
28. Гуревич А.М. Разведка – это не игра. Мемуары советского резидента Кента. СПб. : Нестор, 2007. 501 с.
29. Рязанцев Б. В тени монумента // Огонек. 1988. № 17. С. 20–21.
30. Чечин О. Маршал и скрипка // Кругозор. 1988. № 8. С. 7.
31. Тухачевская Е.Н. Встретились Тухачевский с Чапаевым // Кругозор. 1988. № 8. С. 6–7.
32. Сидоровский Л. Маршал Тухачевский: воспитать в себе бойца // Смена. 1987. № 11. С. 12–14.
33. Отклики и размышления. Из семейного архива // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 23–24.
34. Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. 1988. № 10. С. 126–165.
35. Двойных Л., Стеганцев М. Маршал Тухачевский // Неделя. 1987. 23 нояб. № 47. С. 10.
36. Переписка с читателями // Неделя. 1988. 29 авг. № 35. С. 3.
37. Кириллов П.А. Быть ли музею Тухачевского? // Неделя. 1989. 14 авг. № 33. С. 2.
38. Долганов В. Андрей Вознесенский отвечает читателям поэмы «Ров» // Советская культура. 1986. 9 окт. № 121. С. 6.
39. Дажин Д. «За» и «против» // Советская культура. 1987. 5 мая. № 54. С. 6.
40. Софья Радек о своем отце и о себе // Огонек. 1988. № 52. С. 28–31.
41. Носов Е.И. Что мы перестраиваем? // Литературная газета. 1988. 20 апр. № 16. С. 12.
42. Почта // Огонек. 1990. 17 марта. № 12. С. 16.
43. Водолажский В. Миф и быль // Неделя. 1989. 27 февр. № 9. С. 8–9.
44. Анфилов В. Самые тяжкие годы. 1937–1946 // Литературная газета. 1989. 22 марта. № 12. С. 11.
45. Павлов Д. «Это еще не социализм...». Две последние встречи с В.М. Молотовым // Литературная газета. 1990. 18 апр. № 16. С. 13.
46. Капустин М. Личность в истории // Неделя. 1990. 20 авг. № 34. С. 10.
47. Черепенин С. Правда маршала Тухачевского // Советская культура. 1988. 4 июня. № 67. С. 3.
48. Диалоги // Советская культура. 1988. 9 июля. № 82. С. 4.
49. Шахмагонов Ф. Смутные времена (Углицкий набат. Дело маршала Тухачевского): Эссе и киноповесть. М. : Товарищество советских писателей, 1992. 239 с.
50. Слово читателя // Огонек. 1987. № 43. С. 31.
51. Полищук К.Е. Заседание РВС 1–3 июня 1937 года. Свидетельство очевидца // Знание – сила. 1990. № 5. С. 26–32.
52. Финк Л. Нельзя винить жертвы... // Неделя. 1988. № 46. С. 10.
53. Евтушенко Е. Еще не поставленные памятники // Огонек. 1987. № 33. С. 7.
54. Левитанский Ю. Из разных десятилетий // Огонек. 1988. № 26. С. 16.
55. Рыбаков А.Н. Дети Арбата // Огонек. 1987, 14–21 марта. № 11. С. 26–29.
56. Чехлов А.Ф. Расстрелянные звезды // Даугава. 1988. № 1. С. 40–55.
57. Пепел казенных стучит в наши сердца // Вечерняя Москва. 1991. 16 авг. № 165. С. 1.

58. Иодковский Э. Тяжелый шаг «триумфатора». О том, как Сталин сделался великим полководцем // Советская культура. 1988. 23 авг. № 101. С. 6.
59. Сергеев Ф. «Дело Тухачевского» // Неделя. 13 февр. 1989. № 7. С. 10–11.
60. Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: «дело» Тухачевского, операция «Цепелин» // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 114–132.
61. Прелин И. Патриот или предатель? Еще раз о генерале Н.Скобiline // Неделя. 15 окт. 1990. № 42. С. 15.
62. О договорах 1939 года между СССР и Германией. В. Фалин: «Два разных договора» // Аргументы и факты. 1989. 19 авг. № 33. С. 5.
63. Талов Б. Возможны двести вариантов // Вечерняя Москва. 1990. 1 авг. № 173. С. 4.
64. Рябчиков Е. Заря космической эры // Огонек. 1987. № 40. С. 1–3.
65. Голованов Я. Катастрофа (Из хроники «Королёв») // Знамя. 1990. № 1. С. 107–150.
66. Пастухова М. Ярче любой легенды // Огонек. 1987. № 49. С. 18–23.
67. Щербак Ю. Писатель и история // Литературная газета. 1988. 13 июля. № 28. С. 15.
68. Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. М.: Новости, 1992. 320 с.
69. Иссерсон Г. С. Судьба полководца // Дружба народов. 1988. № 5. С. 179–192.
70. Иссерсон Г. С. Записки современника о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 64–78.
71. Беднов С. Новое лицо на Набережной // Советская культура. 1989. 21 дек. № 152. С. 5.
72. Бабаев С. Судим историю – казним памятники? // Советская культура. 1990. 21 июля. № 29. С. 15.
73. Медведев Р. Еще об «Архипелаге ГУЛАГ» // Правда. 1990. 18 мая. № 138. С. 3.
74. Солоухин В. Расставание с Богом // Огонек. 1990. № 51. С. 26–30.
75. Можаяв Б. Я теряюсь... // Огонек. 1991. № 49. С. 12–13.
76. Новодворская В. Соло московского муравья // Огонек. 1991. № 44. С. 2–3.
77. Коссаковский И. А был ли мятеж? // Неделя. 1991. 7 окт. № 41. С. 12–13.
78. Аверинцев С. С. Да оградит нас Бог от призраков // Литературная газета. 1991. 25 сент. № 38. С. 15.
79. Максимов В. Одиссея российского казачества // Литературная газета. 1990. 26 сент. № 39. С. 6.

References

1. Barsenkov A.S. Politika perestroiki i reformirovaniye sovetского obshchestva v 1985–1991 godakh // Rossiyskaya istoriya. 2014. № 6. S. 77–98.
2. Shilo N.I., Glushko A.V. Marshal Tukhachevskiy. Mozaika razbitogo zerkala. M.: Tsentrpoligraf, 2014. 720 s.
3. Gagkuyev R.G. «Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoй voyne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' ch'yu-to storonU...» // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2024. T. 9, № 1. S. 6–12. doi: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12
4. Kantor YU.Z. «Vystavka otkrylas' v dvoynе nesluchaynom mestE...» // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2023. T. 8, № 4. S. 65–70. doi: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70
5. Gorelik YA.M. Predvideniya M.N. Tukhachevskogo // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. 1988. № 9. S. 18–22.
6. Pfaff I. Praga i delo o voyennom zagovore // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. 1988. № 10. S. 44–53; № 11. S. 47–56; № 12. S. 61–69.
7. 1937. Pokazaniya marshala M.N. Tukhachevskogo // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. 1991. № 8. S. 44–53; № 9. S. 55–63.
8. Postoronkin V.N. Tukhachevskiy [Neizvestnoye o Tukhachevskom] // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. 1990. № 12. S. 88–90.
9. Uott D.K. Kto protiv kogo ustroil zagovor? // Voprosy istorii. 1989. № 6. S. 51–63.
10. Daynes V.O. Mikhail Nikolayevich Tukhachevskiy // Voprosy istorii. 1989. № 10. S. 38–60.
11. Sharov A. Pravda i lozh' o M.N. Tukhachevskom // Voyennyye znaniya. 1991. № 12. S. 6–7.
12. Kirillov V.L. Zhurnalist kak populyarizator istoricheskogo znaniya (po materialam zhurnala «OgoneK» 1987–1990 gg.) // Vek informatsii. 2018. № 1. S. 67–77.
13. V Komissii Politbyuro TSK KPSS po dopolnitel'nomu izucheniyu materialov, svyazannykh s repressiyami, imevshimi mesto v period 30-40-kh i nachala 50-kh godov // Izvestiya. 1988. 27 marta. № 88. S. 1.
14. V Komissii Politbyuro TSK KPSS po dopolnitel'nomu izucheniyu materialov, svyazannykh s repressiyami, imevshimi mesto v period 30-40-kh i nachala 50-kh godov // Pravda. 1988. 27 marta. № 87. S. 1.
15. Viktorov B. «ZagovoR» v Krasnoy armii // Pravda. 1988. 29 apr. № 120. S. 3.
16. Viktorov B.A. Bez grifa «SekretnO»: Zapiski voyennogo prokurora. M.: Yurid. lit., 1990. 336 s.
17. Delo o tak nazyvayemoy «Antisovetskoy trotskistskoy voyennoy organizatsii» v Krasnoy armii // Izvestiya TSK KPSS. 1989. № 4. S. 42–73.
18. Kotlova-Bychkova A. Ryadom s marshalom // Vechernyaya Moskva. 1989. 5 apr. № 79. S. 4.
19. Kantor YU.Z. Voyna i mir Mikhaila Tukhachevskogo. M.: Ogonек; Vremya, 2005. 576 s.
20. Kotlova-Bychkova A. Marshal Tukhachevskiy // Rabochiy put' (Smolensk). 1987. 21 okt. № 243.
21. Anan'in S. Ne vina, a obshchaya beda // Vechernyaya Moskva. 1989. 10 maya. № 107. S. 2.
22. Marinich N. Tot pamyatnyy boy u Nikitskikh // Vechernyaya Moskva. 1988. 7 noyab. № 255. S. 2.
23. Borisov V. Potomu chto my verili Rodine // Sovetskaya kul'tura. 1987. 22 sent. № 114. S. 6.
24. Pirogova I. Kornі duba iz Gerniki // Sovetskaya kul'tura. 1988. 3 maya. № 53. S. 6.
25. Istoriya dlya vsekh odna // Ogonек. 1987. 15 avg. № 33. S. 7.
26. Bykov V. Pod znakom peremen // Literaturnaya gazeta. 1989. 18 yanv. № 3. S. 4.
27. Itskov I., Babak M. Marshal Zhukov: Chto rasskazal Georgiy Konstantinovich Zhukov vo vremya vstrech s pisatelem Konstantinom Simonovym // Ogonек. 1986. № 48. S. 5–8.
28. Gurevich A.M. Razvedka – eto ne igra. Memuary sovetского rezidenta Kenta. SPb.: Nestor, 2007. 501 s.
29. Ryazantsev B. V teni monumenta // Ogonек. 1988. № 17. S. 20–21.
30. Chechin O. Marshal i skripka // Krugozor. 1988. № 8. S. 7.
31. Tukhachevskaya YE.N. Vstretilis' Tukhachevskiy s Chapayevym // Krugozor. 1988. № 8. S. 6–7.
32. Sidorovskiy L. Marshal Tukhachevskiy: vospitat' v sebe boytsa // Smena. 1987. № 11. S. 12–14.
33. Otkliki i razmyshleniya. Iz semeynogo arkhiva // Nauka i zhizn'. 1988. № 12. S. 23–24.
34. Larina A.M. Nezabyvayemoye // Znaniya. 1988. № 10. S. 126–165.
35. Dvoynkh L., Stegantsev M. Marshal Tukhachevskiy // Nedelya. 1987. 23 noyab. № 47. S. 10.
36. Perepiska s chitatel'yami // Nedelya. 1988. 29 avg. № 35. S. 3.
37. Kirillov P.A. Byt' li muzeyu Tukhachevskogo? // Nedelya. 1989. 14 avg. № 33. S. 2.
38. Dolganov V. Andrey Voznesenskiy otvchayet chitatel'yam poemu «RoV» // Sovetskaya kul'tura. 1986. 9 okt. № 121. S. 6.
39. Dazhin D. «ZA» i «protiv» // Sovetskaya kul'tura. 1987. 5 maya. № 54. S. 6.
40. Sof'ya Radek o svoym otse i o sebe // Ogonек. 1988. № 52. S. 28–31.
41. Nosov YE.I. Chto my perestraivayem? // Literaturnaya gazeta. 1988. 20 apr. № 16. S. 12.
42. Pochta // Ogonек. 1990. 17 marta. № 12. S. 16.
43. Vodolazhskiy V. Mif i byl' // Nedelya. 1989. 27 fevr. № 9. S. 8–9.

44. Anfilov V. Sam'ye tyazhkiye gody. 1937–1946 // Literaturnaya gazeta. 1989. 22 marta. № 12. S. 11.
45. Pavlov D. «Eto yeshche ne sotsializm...». Dve posledniye vstrechi s V.M. Molotovym // Literaturnaya gazeta. 1990. 18 apr. № 16. S. 13.
46. Kapustin M. Lichnost' v istorii // Nedelya. 1990. 20 avg. № 34. S. 10.
47. Cherepenin S. Pravda marshala Tukhachevskogo // Sovetskaya kul'tura. 1988. 4 iyunya. № 67. S. 3.
48. Dialogi // Sovetskaya kul'tura. 1988. 9 iyulya. № 82. S. 4.
49. Shakhmagonov F. Smutn'yye vremena (Uglitskiy nabat. Delo marshala Tukhachevskogo): Esse i kinopovest'. M. : Tovarichestvo sovetskikh pisateley, 1992. 239 s.
50. Slovo chitatel'ya // Ogonek. 1987. № 43. S. 31.
51. Polishchuk K.E. Zasedaniye RVS 1–3 iyunya 1937 goda. Svidetel'stvo ochevidt'sa // Znaniye – sila. 1990. № 5. S. 26–32.
52. Fink L. Nel'zya vinit' zhertvY... // Nedelya. 1988. № 46. S. 10.
53. Evtushenko YE. Yeshche ne postavlen' nye pamyatniki // Ogonek. 1987. № 33. S. 7.
54. Levitanskiy YU. Iz raznykh desyatilet'iy // Ogonek. 1988. № 26. S. 16.
55. Rybakov A.N. Deti Arbata // Ogonek. 1987. 14–21 marta. № 11. S. 26–29.
56. Chekhlov A.F. Rasstrelyann' nye zvezdy // Daugava. 1988. № 1. S. 40–55.
57. Pepel kaznennykh stuchit v nasi serdtsa // Vechernyaya Moskva. 1991. 16 avg. № 165. S. 1.
58. Iodkovskiy E. Tyazhelyy shag «triumfatorA». O tom, kak Stalin sdela'sya velikim polkovodtsem // Sovetskaya kul'tura. 1988. 23 avg. № 101. S. 6.
59. Sergeev F. «Delo Tukhachevskogo» // Nedelya. 13 fevr. 1989. № 7. S. 10–11.
60. Sergeev F. Natsistskaya razvedka protiv SSSR: «delo» Tukhachevskogo, operatsiya «TsepliniN» // Novaya i noveyshaya istoriya. 1989. № 1. S. 114–132.
61. Prelin I. Patriot ili predatel'? Yeshche raz o generale N. Skobline // Nedelya. 15 okt. 1990. № 42. S. 15.
62. O dogovorakh 1939 goda mezhdu SSSR i Germaniyey. V. Falin: «Dva raznykh dogovorA» // Argumenty i fakty. 1989. 19 avg. № 33. C. 5.
63. Talov B. Vozmozhny dvesti variantov // Vechernyaya Moskva. 1990. 1 avg. № 173. S. 4.
64. Ryabchikov YE. Zarya kosmicheskoy ery // Ogonek. 1987. № 40. S. 1–3.
65. Golovanov YA. Katastrofa (Iz khroniki «Korol'V») // Znamya. 1990. № 1. S. 107–150.
66. Pastukhova M. Yarche lyuboy legendy // Ogonek. 1987. № 49. S. 18–23.
67. Shcherbak YU. Pisatel' i istoriya // Literaturnaya gazeta. 1988. 13 iyulya. № 28. S. 15.
68. Tukhachevskiy M. Pokhod za Vislu. Pilsudskiy YU. Voyna 1920 goda. M. : Novosti, 1992. 320 s.
69. Isserson G. S. Sud'ba polkovodt'sa // Druzhba narodov. 1988. № 5. S. 179–192.
70. Isserson G. S. Zapiski sovremennika o M. N. Tukhachevskom // Voenno-istoricheskiy zhurnal. 1963. № 4. S. 64–78.
71. Bednov S. Novoye litso na Naberezhnoy // Sovetskaya kul'tura. 1989. 21 dek. № 152. S. 5.
72. Babayev S. Sudim istoriyu – kaznim pamyatniki? // Sovetskaya kul'tura. 1990. 21 iyulya. № 29. S. 15.
73. Medvedev R. Yeshche ob «Arhipelag GULAG» // Pravda. 1990. 18 maya. № 138. S. 3.
74. Soloukhin V. Rasstavaniye s Bogom // Ogonek. 1990. № 51. S. 26–30.
75. Mozhayev B. YA teryayus'... // Ogonek. 1991. № 49. S. 12–13.
76. Novodvorskaya V. Solo moskovskogo murav'ya // Ogonek. 1991. № 44. S. 2–3.
77. Kossakovskiy I. A byl li myatezh ? // Nedelya. 1991. 7 okt. № 41. S. 12–13.
78. Averintsev S. S. Da ogradi't nas Bog ot prizrakov // Literaturnaya gazeta. 1991. 25 sent. № 38. S. 15.
79. Maksimov V. Odissey rossiy'skogo kazachestva // Literaturnaya gazeta. 1990. 26 sent. № 39. S. 6.

Информация об авторе:

Федотова И.В. – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (Омск, Россия); аспирант кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: ivputintseva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Fedotova, Historical Archive of Omsk region (Omsk, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ivputintseva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2025;
одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 13.01.2025;
approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 159.9.07:167:37.01:378
doi: 10.17223/15617793/516/17

Методология междисциплинарного исследования развивающего взаимодействия студентов с генеративным искусственным интеллектом в образовательных целях

Нина Валентиновна Бордовская¹, Дарья Сергеевна Гнедых², Елена Анатольевна Кошкина³,
Марина Анатольевна Хромова⁴, Светлана Тимофеевна Посохова⁵

^{1, 2, 4, 5} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
³ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия
¹ nina52@mail.ru
² d.gnedyh@spbu.ru
³ coschkina.el@yandex.ru
⁴ tikhomarina@gmail.com
⁵ svetpos@mail.ru

Аннотация. Описана методология междисциплинарного исследования, направленного на поиск психолого-педагогических предикторов развивающего взаимодействия студентов с генеративным искусственным интеллектом. Определены и содержательно раскрыты методологические основания для разработки понятийно-терминологического аппарата и конфигуративной модели развивающего взаимодействия, изучения и анализа результатов проявления субъектности студента, отбора междисциплинарного инструментария.

Ключевые слова: методология, междисциплинарное исследование, студенты, генеративный искусственный интеллект, взаимодействие

Для цитирования: Бордовская Н.В., Гнедых Д.С., Кошкина Е.А., Хромова М.А., Посохова С.Т. Методология междисциплинарного исследования развивающего взаимодействия студентов с генеративным искусственным интеллектом в образовательных целях // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 140–150. doi: 10.17223/15617793/516/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/17

Methodology of Interdisciplinary Research on Students' Developmental Interaction with Generative Artificial Intelligence for Educational Purposes

N.V. Bordovskaia¹, D.S. Gnedych², E.A. Koshkina³, M.A. Khromova⁴, S.T. Posokhova⁵

^{1, 2, 4, 5} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
³ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation
¹ nina52@mail.ru
² d.gnedyh@spbu.ru
³ coschkina.el@yandex.ru
⁴ tikhomarina@gmail.com
⁵ svetpos@mail.ru

Abstract. Research investigating the factors and conditions influencing the success and effectiveness of modern digital technologies in education is predominantly interdisciplinary. The article emphasizes the importance of defining the methodological foundations, on which depends the implementation and outcomes of the research aimed at finding a solution to the problem: how and to what extent students' psychological characteristics are altered in the process of interaction with generative artificial intelligence (GAI) for educational purposes, and what complex of psychological factors and pedagogical conditions predict students' development within this interaction. Approaches to defining of interdisciplinarity and interdisciplinary research were analyzed; the interdisciplinary research criteria were described, which was used as guidelines in the methodological problems settings. Through the framing of four key methodological problems, the specifics of the methodology of interdisciplinary research on psychological and pedagogical predictors of students' developmental interaction with GAI for educational purposes was revealed. First, defining a categorical field and developing a robust conceptual and terminological framework are essential for providing a comprehensive and multifaceted understanding of the object under study. Second, a rigorous selection of methodological bases is necessary to develop a configuration model of student development during interaction with GAI for educational purposes. This model will be a theoretical foundation for the selection and/or development of methods and techniques in

the complex study of the specificity and direction of psychological changes in student as a subject of such interaction. Third, methodological bases must be chosen to study and analyze the manifestation of student's subjectivity in relation to working with educational content when formulating an educational request for the GAL, in relation to interaction with it and in relation to themselves. Finally, the fourth problem involves the judicious selection of appropriate interdisciplinary tools. The methods employed in this study included a thorough analysis of scientific, pedagogical, and psychological literature, as well as systematization, generalization, and modeling. In summary, it should be noted that the meaning of interdisciplinarity as a research approach to the study of the identified problem has been defined, the subject of the planned interdisciplinary research has been established, the possibilities of the chosen methodology have been revealed, and a new set of tools has been proposed.

Keywords: methodology, interdisciplinary research, students, generative artificial intelligence, interaction

For citation: Bordovskaia, N.V., Gnedykh, D.S., Koshkina, E.A., Khromova, M.A. & Posokhova, S.T. (2025) Methodology of Interdisciplinary Research on Students' Developmental Interaction with Generative Artificial Intelligence for Educational Purposes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 140–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/17

Введение

Передовые технологии обучения трансформируют ландшафт современного высшего образования во всем мире и вызывают широкие дискуссии: в разные годы на пике интереса были массовые открытые образовательные курсы, перевернутый класс, мобильное обучение, мейкерство и др. По версии Ассоциации EDUCAUSE тренды в цифровой трансформации высшего образования сегодня задает искусственный интеллект (ИИ) [1].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная 10.10.2019 (Приказ Президента РФ № 490), обусловила повышение востребованности и значимости технологий ИИ в российском высшем образовании в силу экономической, политической и социальной целесообразности, что отразилось на повышении интереса отечественных ученых к проблеме их применения в вузах [2–6].

Для успешной реализации государственного запроса важно своевременно обеспечить вузы научным сопровождением конструктивную реорганизацию не только образовательного процесса и цифровой образовательной среды, но и целенаправленную подготовку студентов и преподавателей к эффективному использованию ИИ как новому средству в решении образовательных задач без снижения качества образовательного результата и ущерба в профессионально-личностном развитии будущих специалистов. Однако практика успешного применения ИИ в образовании, по мнению зарубежных и отечественных ученых, возможна с опорой на самые современные достижения разных научных дисциплин (информатики, психологии, педагогики и др.) [7–14]. По этой причине усиливается актуальность междисциплинарных исследований, направленных на поиск факторов и условий, обеспечивающих успешность и эффективность применения ИИ в образовательных целях¹.

Специфика междисциплинарных исследований заключается в интеграции теоретических и инструментальных ресурсов разных наук. Поэтому особое внимание при их организации необходимо уделять определению методологических оснований, от которых зависит реализация и итоговый результат исследования.

Целью данной статьи является научное обоснование и описание системы методологических ориентиров в организации междисциплинарного исследова-

ния, направленного на выявление содержания и иерархии психолого-педагогических предикторов развивающего взаимодействия студентов с генеративным искусственным интеллектом (ГИИ) в образовательных целях.

Обзор литературы

Исследования, осуществляемые сегодня в междисциплинарных рамках, не могут эффективно помочь справиться с назревшими проблемами обучения и развития обучающихся в условиях применения ИИ в образовании. В качестве такой проблемы мы рассматриваем организацию образовательной среды с учетом психолого-педагогических факторов для успешного сопровождения обучающей и развивающей функции взаимодействия с ГИИ, организованного преподавателем или самим студентом в образовательных целях. Решить эту проблему в рамках только предмета психологии или педагогики невозможно, для этого необходимо междисциплинарное исследование, организация и проведение которого нуждается в особом методологическом обеспечении. Именно междисциплинарный подход расширит возможности целенаправленно и системно использовать результаты психологических и педагогических исследований для всестороннего изучения заявленной проблемы.

Интеграция научного знания – одна из характерных тенденций в развитии современной науки. Психология образования является научной дисциплиной, построенной на междисциплинарном взаимодействии психологии и педагогики. Однако в научном познании до сих пор нет однозначного понимания *междисциплинарности* и *междисциплинарного исследования*. Поэтому, не вдаваясь глубоко в науковедческий анализ и дискуссии, отметим лишь важные для нас позиции в понимании этих феноменов.

По мнению Х. Якобса и Дж. Борланда, междисциплинарность – это вид знания, включающий методологию и терминологию более чем одной научной дисциплины для рассмотрения определенной темы, проблемы или явления [15]. Э.М. Мирский интерпретирует междисциплинарное взаимодействие как отношение между системами дисциплинарного знания в процессе интеграции и дифференциации наук, а также как коллективные формы работы ученых разных областей

знания по исследованию одного и того же объекта [16. С. 518].

Междисциплинарное исследование понимают как:

- постановку и решение научных задач, лежащих на пересечении предметных полей различных дисциплин [17. С. 7];
- способ корректного выделения и моделирования объекта или проблемы в образе локальной междисциплинарной системы, позволяющий применить к их исследованию и решению комплементарные системно-дисциплинарные методологии [18. С. 15];
- совместное изучение взаимосвязанных аспектов общей проблемы, когда предпринимаются попытки выстроить общую перспективу [19. С. 28];
- решение научных проблем путем интеграции знаний и методов из различных научных областей [20. С. 93];
- способ организации исследовательской деятельности, имеющий в своей основе взаимодействие представителей различных дисциплин при изучении одного и того же явления или одной и той же проблемы [21. С. 6].

Для нас важно также, что основанием междисциплинарного исследования выступает научный дискурс, связанный с освоением новых проблемно-ориентированных предметных полей, возникающих на стыках традиционно развивающихся предметов научных дисциплин [22. С. 369].

Проведенный анализ специальной литературы, в которой освещаются разные аспекты междисциплинарности в научном познании, позволил выявить основные признаки междисциплинарного исследования, которыми мы руководствовались при разработке методологии данного исследования:

1. Общий объект исследования, затрагивающий исследовательские поля участвующих в междисциплинарном изыскании наук (психологии и педагогики), а именно – *взаимодействие студента с ГИИ*.
2. Теоретико-методологические основания междисциплинарного исследования будут принадлежать интегрирующимся наукам – психологии и педагогики.
3. Междисциплинарный инструментарий будет представлять собой взаимодополнение методов интегрирующихся наук.
4. Получаемый результат междисциплинарного исследования не будет принадлежать лишь одной научной дисциплине (психологии или педагогике), он будет вносить вклад в те науки, которые были задействованы в исследовании, а именно, в психологию и педагогику.

Таким образом, междисциплинарное исследование мы рассматриваем как решение сложной многоаспектной проблемы, основывающееся на интеграции исходных теоретико-методологических положений психологии и педагогики и их исследовательских методов. Однако, опираясь на позицию И.Т. Касавина [23. С. 65], психология в нашем междисциплинарном исследовании выступает как целеполагающая дисциплина (инициатор междисциплинарного взаимодействия), а педагогика – как ресурсная дисциплина (материал междисциплинарного взаимодействия).

Представленные логико-методологические основания в понимании специфики междисциплинарного ис-

следования и его отличительные признаки способствовали построению дизайна нашего исследования как междисциплинарного и содержательному наполнению методологических проблем, а также взаимопониманию психологов и педагогов в научных коммуникациях при организации и реализации методологической стратегии.

Материалы и методы

Дизайн междисциплинарного исследования построен в логике реализации следующих исследовательских задач:

- обоснование возможности применения междисциплинарной стратегии изучения развивающего взаимодействия студента с ГИИ в образовательных целях и определения его психолого-педагогических предикторов как основной исследовательской цели;
- определение методологических проблем, решение которых позволит объективно и аргументированно охарактеризовать теоретико-методологические основы исследовательского поиска;
- обоснование междисциплинарного инструментария, применяемого для решения главной исследовательской задачи.

В качестве основных методов использовались:

- содержательный анализ науковедческой, педагогической и психологической литературы (для понимания специфики междисциплинарного исследования и определения его существенных признаков (критериев), определяющих логику выстраивания методологической стратегии исследования развивающего взаимодействия студентов с ГИИ в образовательных целях и его психолого-педагогических предикторов);
- систематизация и обобщение (для определения комплекса методологических задач, релевантных содержанию поставленной проблемы, которые в совокупности содержательно раскрывают методологические основы планируемого психолого-педагогического исследования);
- моделирование (для разработки модели развивающего взаимодействия студента с ГИИ как теоретической основы определения и обоснования междисциплинарного инструментария, представляющего собой комплекс взаимодополняющих методов, традиционных для интегрируемых наук – психологии и педагогики, а также математического моделирования комплекса психолого-педагогических предикторов развивающего взаимодействия студентов с ГИИ).

Результаты исследования

Междисциплинарная стратегия предполагает создание теоретического поля для объяснения пересечений предметов психологического и педагогического аспекта исследования, и, соответственно, функциональную интеграцию психологического и педагогического знания в решении поставленной проблемы. Для этого развивающее взаимодействие студента с ГИИ в образовательных целях мы рассматриваем в многомерности, оперируя разновекторным знанием [24. С. 77–78].

В рамках предмета психологии – через выявление психологических факторов, обеспечивающих развивающий характер взаимодействия студента с ГИИ в решении образовательных задач, в рамках предмета педагогики – через определение педагогических условий. Именно междисциплинарное сотрудничество психологов и педагогов позволяет посмотреть на взаимодействие студентов с ГИИ как на новый объект изучения с объяснением его свойств и специфики, а также определить характер влияния на образовательные результаты и развитие студента с привлечением теоретических и инструментальных ресурсов интегрируемых наук.

Перейдем к рассмотрению методологических проблем, содержание которых в совокупности раскрывают методологические основы нашего исследования.

Первая проблема связана с определением категориального поля и разработкой понятийно-терминологического аппарата, обеспечивающих разностороннее и многостороннее видение исследуемого объекта. Для этого необходимо, прежде всего, уточнить значения основных понятий: «развивающее взаимодействие студента с ГИИ», «генеративный искусственный интеллект», «психологический эффект от взаимодействия студентов с ГИИ», «психолого-педагогические предикторы развивающего взаимодействия студента с ГИИ». Использование единого понятийно-терминологического аппарата психологами и педагогами на всех этапах организации и проведения междисциплинарного исследования, анализа и интерпретации получаемых результатов обеспечит однозначность в трактовках дефиниций с учетом методологических установок интегрируемых научных дисциплин (психологии и педагогики) и реальную мультидисциплинарность научного поиска.

Взаимодействие студента с ГИИ рассматривается как основная категория нашего исследования, а психика студента в условиях взаимодействия с ГИИ как психическая реальность, которая может меняться под влиянием взаимодействия студента с ГИИ при смене образовательной цели и условий его применения.

Развивающее взаимодействие студента с ГИИ планируется интерпретировать:

- с психологической точки зрения – как взаимодействие, следствием которого является психологический эффект в форме изменения каких-либо психологических и/или личностных его особенностей (в том числе, определенная степень удовлетворенности студентом самим собой при получении образовательного результата);

- с педагогической точки зрения – как взаимодействие обучающегося с цифровым образовательным средством / цифровой образовательной технологией, в результате которого обеспечивается позитивный образовательный эффект, проявляющийся в получении студентом ответа на свой образовательный запрос (определенная степень удовлетворенности полученным образовательным результатом).

В связи с этим к проектированию, организации и изучению развивающего взаимодействия студента с ГИИ будем подходить с позиции:

- *процесса* информационно-деятельностного обмена для достижения конкретной образовательной цели и уточнения его содержательных и процессуальных характеристик;

- *результата* достижения образовательной цели с уточнением академической успешности и изменения субъектных свойств студента;

- психолого-педагогических *условий*, обеспечивающих как положительный, так и негативный эффект от такого взаимодействия.

Чтобы определиться с содержанием понятия «генеративный искусственный интеллект», уточним разные аспекты в понимании значения термина «искусственный интеллект». В целом понятием «искусственный интеллект» обозначают широкий диапазон передовых технологических разработок: машинное обучение, глубокое обучение, нейроморфное обучение (или нейтронные сети), обработку естественного языка, алгоритм логического вывода, рекомендательные системы, когнитивные вычисления [25. С. 127]. В понимании ГИИ также нет однозначного мнения. В данном исследовании в самом широком значении ГИИ будет интерпретироваться как система ИИ, способная генерировать оригинальный контент по запросу пользователя: текст, аудио, видео или изображения. Эта позиция представителей ЮНЕСКО, которые обсуждали данную проблему в 2023 г. [26]. В раскрытии специфики ГИИ как разновидности цифровых технологий мы опираемся на мнение A. Leclerc, L. Duron, P. Soyer [27], рассматривающих его как новый, значительно более совершенный интеллектуальный цифровой инструмент для работы с информацией, который может оказать значительное влияние на развитие общества в ближайшие пять-десять лет. Для нашего исследования важно понимание ГИИ как технологии. В частности, мы солидарны со следующей позицией: «генеративный искусственный интеллект определяют как технологию, которая использует модели глубокого обучения для создания оригинальных информационных материалов (текст, изображения, видео и пр.) в ответ на запрос человека» [28]. Таким образом, ГИИ мы рассматриваем как:

- новую возможность для студента в достижении образовательных целей и решении конкретных образовательных задач;

- технологию искусственного интеллекта, которая автоматически создает контент в ответ на запросы студента, формулируемые в диалоговых интерфейсах на естественном для него языке;

- возможность диалогического и партнерского взаимодействия студента и ГИИ в получении желаемого для студента образовательного результата, благодаря его субъектной позиции и интерактивному дизайну инструментов ГИИ.

Выделим важные для нашего исследования свойства ГИИ – имитирование возможности человека по созданию таких материалов, как тексты, изображения, видео, музыка и программные коды. Вместо организации существующих веб-страниц с использованием имеющегося контента ГИИ фактически осуществляет

создание нового контента. Он может появляться в форматах, которые включают в себя все символические представления человеческого мышления: тексты, написанные на естественном языке, изображения (включая фотографии, цифровые картины и мультфильмы), видео, музыку и программный код. ГИИ может обучаться с использованием данных, полученных из веб-страниц, диалогов в социальных сетях и других источников электронных СМИ. В результате он может осуществлять генерацию контента, созданного человеком, путем проведения статистического анализа распределения слов, пикселей или других элементов в принятых данных, а также выявления и повторения общих шаблонов, таких как последовательность слов [26].

Полагая, что ГИИ может оказать влияние на результаты обучения, психическое и личностное развитие студента как субъекта взаимодействия с ним, важно уточнить его дидактический и развивающий потенциал, который при определенных условиях вузовской образовательной среды может быть реализован, попадая в поле внимания нашего исследования в процессе педагогического проектирования таких условий и анализа психологических эффектов у разных студентов в различных вузах.

В качестве дидактического потенциала ГИИ будем рассматривать следующие его возможности:

- обеспечение студента доступностью и оперативностью в отборе и объединении различных источников учебной информации;
- обеспечение быстрой переработки больших объемов учебного содержания;
- ускорение процесса принятия решений о способе достижения поставленной образовательной цели с помощью операционной аналитики ГИИ;
- содействие формированию цифровой образовательной среды в целом, и всеми своими вариантами и средствами утверждению в сознании всех субъектов образовательной среды идеи высшей ценности – Человека – его качественного образования и развития;
- реализация функции дополнения к основным источникам учебной информации и образовательным технологиям, применяемым в образовательной практике (технологии сотрудничества, совместной групповой или коллективной деятельности, продуктивной и благоприятной педагогической коммуникации, сотрудничества и работы в команде и др.).

В качестве развивающего потенциала ГИИ будем учитывать такие его возможности, как:

- обеспечение реализации субъектных свойств у студента в роли субъекта взаимодействия с ним (выбор образовательной задачи, планирование и формулировка образовательного запроса ГИИ, определение способа решения образовательной задачи, его роли и места в этом процессе, оценка результата деятельности ГИИ, проведение критического анализа и самостоятельное принятие решения об итоговом результате выполнения учебного задания и др.);
- реализация функции актуализации и развития ценностно-смысловой сферы студентов в процессе обучения (что для него ценно: готовая информация от

ГИИ или процесс познания и получение нестандартного способа решения образовательной или научной задачи), а также его стремления и готовности к самопознанию своих интеллектуальных и творческих возможностей, сравнению их с возможностями ГИИ в решении одних и тех же образовательных задач;

- реализация функции создания условий для актуализации и развития критического мышления, рефлексии, аналитических способностей у субъекта учебной деятельности, актуализации и реализации его интеллектуального, творческого и личностного потенциала;
- актуализация многообразия и полноты проявления у студента ощущения, восприятия и понимания ценности учебной информации, полученной от ГИИ, и своего потенциала для успешности решения поставленной образовательной задачи и дальнейшего обучения в вузе;
- обеспечение возможности студента проявить свою индивидуальность и позицию, оценить жизненное значение получаемых знаний и умений;
- содействие развитию цифровой компетентности через овладение этой технологией и дальнейшее ее применение в своем образовании и других сферах жизнедеятельности.

Психологические эффекты – это сложные явления, которые возникают в жизни человека, в процессе его взаимодействия с окружающим миром. Психологический эффект от взаимодействия студентов с ГИИ будем рассматривать как его реакцию, проявляющуюся в той или иной форме. В образовательной практике ГИИ может вызывать разнообразные эмоциональные, интеллектуально-речевые и поведенческие реакции у студентов. Одни студенты могут испытывать удовлетворение и комфорт при работе с ним, в то время как другие могут испытывать тревогу или неуверенность. Свое отношение к ГИИ как к познавательному средству студенты могут выразить тоже по-разному: одни постараются попробовать ГИИ в решении и других задач, а не только образовательных, другие ограничатся только эмоциями и впечатлениями, третьи – будут искать новые инструменты применения ГИИ для решения образовательных задач. В качестве интеллектуально-речевых и поведенческих реакций на результат выполнения образовательного запроса может быть его принятие, критическое осмысление и поиск оптимального результата с применением и других средств, отказ от предложенного ГИИ результата и самостоятельное решение конкретной образовательной задачи без его помощи. Опираясь на выбранное понимание психологического эффекта, важно в дальнейшем научно обосновать разновидности таких эффектов у студентов при взаимодействии с ГИИ и содержательно описать специфику их проявления у студентов на разных этапах обучения и уровнях высшего образования.

Понимание в нашем исследовании термина «психолого-педагогический предиктор развивающего взаимодействия студента и ГИИ» опирается на известную трактовку предиктора в широком и узком смысле [29. С. 27]. В широком смысле мы будем рассматривать его как ту исходную характеристику индивида (в нашем

случае студента) и его окружения (в данном исследовании вузовская образовательная среда, в которую интегрирован ГИИ), по которой можно предсказывать другую (целевую) характеристику того же индивида. В узком смысле психолого-педагогические предикторы развивающего взаимодействия студента с ГИИ выступают как независимые переменные (психологические факторы и педагогические условия), которые обуславливают изменения зависимых переменных (психологические эффекты взаимодействия с ГИИ), выявляемые с помощью методов математической статистики. Отметим, что и по содержанию, и по характеру статистических операций выделение психолого-педагогических предикторов представляет собой вариант математического моделирования, результаты которого зависят от комбинации независимых переменных. В данном исследовании мы планируем выявлять комплексные предикторы, в которые могут входить как психологические факторы, так и педагогические условия.

На базе логически обоснованного использования описанных значений выделенной группы терминов, которые оптимально соответствуют цели нашего исследования, возможно, как следствие, сформировать его тезаурус, выделив родовые и видовые понятия. Построение тезауруса на основе принципа междисциплинарности позволит применять научно обоснованную терминологию для описания концепта развивающего взаимодействия студента с ГИИ в образовательных целях, а также раскрыть его специфические отличия от традиционных для психологии и педагогики – социального взаимодействия студента и взаимодействия его с образовательными средствами и технологиями в условиях образовательной среды.

Вторая проблема связана с определением методологических оснований для разработки конфигуративной модели развивающего взаимодействия студента с ГИИ в образовательных целях, позволяющей выступить теоретической основой для отбора и/или разработки методов и методик в комплексном изучении содержательной специфики и направленности изменений в психологии студента как субъекта такого взаимодействия. Конфигуратор (термин Г.П. Щедровицкого) есть изображение объекта исследования, создаваемое в целях синтеза знаний. Такие конфигураторы могут обретать форму структурных моделей, планкарт, блок-схем как проектов синтетических исследований, которые и позволяют получать собственно теоретические знания, синтезирующие набор исходных разрозненных знаний об объекте [30. С. 663]. В данном исследовании планируется применение метода концептуального моделирования как инструмента интеграции психологических и педагогических знаний об объекте. При разработке и использовании такой К-модели (модели-конфигураторе) результаты исследования как будущие новые знания могут быть сняты в проекции психологического и педагогического научного познания.

В силу того, что взаимодействие студента с ГИИ мы планируем изучать как информационное и деятельностное взаимодействие человека и ИИ (а не как взаимодействие человеческого интеллекта и искусственного интеллекта) в системе дидактических отношений

«студент – содержание учебной дисциплины – ГИИ» (педагогический аспект), где предметом взаимодействия студента с ГИИ выступает содержание конкретной учебной дисциплины, то в рамках системного (структурно-функционального) подхода важно уточнить содержательную специфику компонентов такого взаимодействия как системы, а также ее основные развивающие функции.

В качестве основных компонентов учебного взаимодействия студента с ГИИ как системы в педагогическом аспекте будем рассматривать:

- студента как субъекта учебной деятельности, субъекта взаимодействия с ГИИ как образовательной технологией, субъекта саморазвития;
- содержание учебной дисциплины в форме образовательного запроса студента, результата выполнения запроса искусственным интеллектом, итогового результата для оценки вузовским преподавателем;
- ГИИ как образовательную технологию на всех этапах организации учебного процесса (изучения теоретического материала, практического его применения и оценки полученных результатов).

Опираясь на идею о конгруэнтности компонентного состава субъектности студента компонентам его учебного взаимодействия с ГИИ, важно определиться в содержательной специфике проявления такой субъектности студента в отношении работы с учебным содержанием при формулировке образовательного запроса для ГИИ, в отношении интерактивного взаимодействия с ним и в отношении себя. В связи с этим **третья проблема** связана с выбором методологических оснований для изучения и анализа результатов проявления такой субъектности.

Так как основными функциями взаимодействия студента с ГИИ мы рассматриваем помощь нейросети в решении студентом образовательных задач и проявление при этом у него субъектности, а результатом – высокий уровень получаемого образовательного результата и развитие субъектности в условиях вузовской цифровой образовательной среды, то в качестве методологических подходов мы выбрали *субъектно-деятельностный и средовой подходы*. Наш выбор опирается на позицию, что стратегия достижения интеграции фокусируется на выработке общей платформы, которая определяется как одна или несколько разделяемых участниками процесса концепций, позволяющих согласовать различные подходы к проблеме и, тем самым, достигнуть интеграции.

Выбор субъектно-деятельностного подхода обусловлен следующими аргументами. Во-первых, именно субъектно-деятельностный подход позволяет объединять структуру психологических свойств и регуляторные возможности личности в организации взаимодействия человека с изменяющимися условиями жизнедеятельности, в том числе информационными. Ведь «субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений

личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам жизнедеятельности» [31. С. 122]. В качестве изменяющихся условий мы рассматриваем включение в вузовский образовательный процесс ГИИ как новое средство обучения, опираясь на его дидактический потенциал. Правомерность изучения взаимодействия обучающихся с ГИИ с позиций субъектно-деятельностного подхода определяется также пониманием того, что субъектность представляет собой ключевой социально-психологический признак личностной структуры. Субъектности принадлежит роль регулятора взаимодействия с внешней реальностью с позиций *осознанности, произвольности, целенаправленности и ответственности*, которые могут выступить объектами целенаправленного изучения и изменения у студентов под влиянием ГИИ. С учетом особенностей субъектности можно говорить, что освоение новых информационных технологий, в том числе и ГИИ, стимулирует активность студента в раскрытии своего психологического потенциала, необходимого для решения учебных задач, межличностных отношений и собственного развития. Будучи активным и сознательным субъектом профессионального и социального познания, обучающийся несет ответственность за достижение образовательной цели, выбор стратегии и исход взаимодействия с ГИИ.

Во-вторых, в рамках субъектно-деятельностного подхода следует акцентировать внимание на внутренней активности личности студента в поисках возможностей для самораскрытия в условиях взаимодействия с ГИИ и объединения всех механизмов его саморегуляции. Благодаря сформированности саморегуляции снижается зависимость студента от средовых влияний, то есть значительно расширяется роль самой личности студента в конструировании индивидуальной стратегии взаимодействия с ГИИ в образовательных целях. Для организации такого взаимодействия студента важна еще одна особенность личностной саморегуляции, связанная с тем, что личностная саморегуляция представляет собой динамичный механизм организации человеком собственной жизни, за которую он сам несет ответственность, ориентируясь на собственную картину мира и собственный опыт, на сконструированное собственное «потребное будущее» [32. С. 199]. В связи с этим в поле нашего внимания включены различные механизмы саморегуляции взаимодействия студентов с ГИИ и достигаемых результатов в зависимости от опыта подобного взаимодействия, динамики субъективного отношения и личностного смысла, этапов профессионального взросления как будущих специалистов.

В-третьих, субъектно-деятельностный подход предоставляет уникальную возможность видеть реальные усилия каждого студента в самостоятельном преодолении требований меняющейся образовательной среды при интеграции в нее ГИИ. Данный подход подразумевает свободный выбор студентом способа решения поставленной образовательной задачи, который может быть сделан в пользу самостоятельного решения или применения ГИИ, а также стратегию осознанного развития универсальных и/или профессиональ-

ных компетенций и собственного «Я». То есть изучение характера и направления изменений психологических особенностей студента при взаимодействии с ГИИ в рамках субъектно-деятельностного подхода будет решаться как поиск содержательных изменений свойств субъектности студента в периоды освоения конкретных учебных и образовательных программ на разных уровнях высшего образования, а также динамики их качественных изменений при переходе с одного на другой этап организации учебного процесса (получение новой информации, подлежащей усвоению, ее практическое применение и оценка результатов усвоения).

Чтобы актуализировать потенциал ГИИ как образовательной технологии и раскрыть его в ходе практического применения, необходимы надлежащие внешние условия, которые должны учитываться на этапе реализации данной технологии в вузе. Интеграция технологий ГИИ в вузовский образовательный процесс неизбежно затрагивает не только все аспекты организации образовательного процесса, но и конструирования образовательной среды, обеспечивающей развивающий характер такого взаимодействия. Ведь среда – это то, среди чего и кого пребывает субъект, посредством чего формируется его образ жизни и то, что опосредует его развитие. Поэтому важно определиться в научных основах преодоления отрыва психологии студента как субъекта взаимодействия с ГИИ от психологии образовательной среды, обеспечивающей развивающий эффект. Методологическим подходом в поиске преодоления обозначенного нами разрыва выступит *средовой подход*.

В настоящее время накоплен достаточно большой опыт применения средового подхода в решении психологических и педагогических проблем. Но содержательная специфика психологической и педагогической науки позволяет по-разному оценивать и использовать развивающий потенциал образовательной среды и интерпретировать теоретические основания средового подхода. Однако именно в рамках средового подхода возможно объединение научных ресурсов психологии и педагогики в решении проблем отбора и конструирования комплекса психологических и педагогических условий для обеспечения развивающего характера взаимодействия студента с ГИИ в образовательных целях. Данное положение базируется на понимании образовательной среды как системы педагогических и психологических условий и влияний, которые создают возможность как для раскрытия еще не проявившихся интересов и способностей, так и для развития уже проявившихся способностей и личности обучающихся [33], а также стратегии ее проектирования через создание условий, обеспечивающих возможность развития у них субъектных качеств [34. С. 4].

С опорой на научные основы средового подхода в данном исследовании будет осуществляться:

- педагогическое проектирование ситуаций взаимодействия студентов с ГИИ для разных этапов организации процесса обучения на разных уровнях высшего образования, а также для решения образовательных задач в условиях вузовской образовательной среды разного типа;

– создание и обоснование факторной модели развивающего взаимодействия студентов с ГИИ и ее применение на разных этапах организации учебного процесса с целью определения содержательной специфики психологических факторов и педагогических условий.

Четвертая методологическая проблема связана с отбором методов для:

– изучения психологических особенностей студентов как субъектов учебной деятельности, проявляющихся в процессе взаимодействия с ГИИ (психодиагностический подход, обоснованный отбор необходимых психологических методик);

– сбора информации об особенностях ситуаций взаимодействия студентов с ГИИ при достижении образовательных целей, что, с одной стороны, ляжет в основу создания модели такого взаимодействия, с другой, позволит выявить взаимосвязь данных особенностей с изменениями, происходящими в психике студентов в результате такого взаимодействия. В качестве такого метода планируется использовать Ecological momentary assessment (ЕМА) / дневниковый метод – метод экологической моментной оценки, включающий в себя многократную фиксацию текущего поведения и опыта индивида в реальном времени в естественной для него обстановке [35–37]. Преимущество данного метода состоит в сведении к минимуму погрешности воспоминаний, что повышает экологическую валидность и позволяет изучить факторы, влияющие на его поведение в реальных условиях. В планируемом исследовании студенты будут оценивать свой опыт в ситуации взаимодействия с ГИИ при решении образовательных задач. Данная оценка будет происходить многократно, после каждой ситуации такого взаимодействия;

– выявления характеристик образовательной среды, в которой будет происходить взаимодействие студентов с ГИИ при достижении образовательных целей (анкета), а также изучения психологической безопасности образовательной среды и типа образовательной среды (психодиагностические методики);

– выявления взаимосвязи между психолого-педагогическими характеристиками процесса взаимодействия студента с ГИИ и изменениями в его психологических особенностях (методы математико-статистической обработки данных);

– определения динамики психологических особенностей студентов на разных этапах применения ГИИ в ходе изучения содержания учебной дисциплины не как следствие случайного или стихийного поведения, а как

следствие проявления субъектности в процессе учебной деятельности методами лонгитюдного исследования;

– определения психологических факторов и педагогических условий, обуславливающих развивающий характер взаимодействия студента с ГИИ (методы математико-статистической обработки данных).

Выводы

Подводя итог, отметим, что нами:

– определен смысл междисциплинарности как исследовательского подхода к изучению психолого-педагогических предикторов развивающего взаимодействия студентов с ГИИ в образовательных целях, который выражается процессами и процедурами схематизации объекта исследования в разных предметных проекциях и синтеза психологического и педагогического знаний;

– сформулирована система методологических проблем, релевантных содержанию поставленной проблемы, и разработана методология междисциплинарного исследования, направленного на выявление психолого-педагогических предикторов развивающего взаимодействия студентов с ГИИ в образовательных целях, удовлетворяющая основным признакам междисциплинарности – наличие области пересечения различных научных дисциплин, в которых образуются пограничные и комплексные объекты; фиксация объекта междисциплинарного исследования; оформления теоретического поля, «покрывающего» пространство для объяснения разных аспектов функционирования и развития исследуемого объекта без образования новой научной предметности;

– определен предмет междисциплинарного исследования: зависимость развития студента в процессе взаимодействия с ГИИ от его психологических особенностей и возможностей вузовской образовательной среды, в котором объект можно изучать средствами психологической и педагогической науки;

– раскрыты возможности методологии междисциплинарного исследования для решения основных исследовательских задач: проектирования и организации развивающего взаимодействия студента с ГИИ в образовательных целях и оценки изменений в его психике и развитии личности вследствие такого взаимодействия на разных этапах учебного процесса и уровнях высшего образования;

– предложен новый междисциплинарный инструментарий на основе применения системы методов, традиционных для интегрируемых наук.

Примечание

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения 26.01.2025).

Список источников

1. EDUCAUSE. Horizon Report, Teaching and Learning Edition. 2024. URL: <https://library.educause.edu/resources/2024/5/2024-educause-horizon-report-teaching-and-learning-edition> (дата обращения: 27.01.2025).
2. Болдырев Н.М. Искусственный интеллект как инструмент изменения в образовании // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 9 (66). С. 113–115.
3. Гараев Т.К., Новик Н.С. Искусственный интеллект в высшем образовании глазами студентов // Мир образования – образование в мире. 2023. № 3 (91). С. 221–229.
4. Дозорцев В.М., Венгер А.Л. Взаимодействие человека-оператора с искусственным интеллектом: проблема доверия // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7, № 2. С. 204–232. doi: 10.38098/igran.opwr_2022_23_2_009

5. Корчагин С.А. Анализ тенденций применения технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 37–42. doi: 10.18500/1818-9601-2021-21-1-37-42
6. Кузьменко Е.Л., Белоусова Т.М., Лещенко Е.М. Проблемы и риски интеграции искусственного интеллекта в высшее образование // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 2 (65). С. 164–168. doi: 10.22394/1997-4469-2024-65-2-164-168
7. Пятко Л.А., Стародумова Л.А. К вопросу об использовании технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 83-2. С. 331–334.
8. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 10. С. 9–33. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
9. Ясин М.И. Отношение к искусственному интеллекту, тревога и открытость опыту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, №4. С. 449–453. doi: 10.18500/1819-7671-2022-22-4-449-453
10. Chiu T.K.F., Moorhouse B.L., Chai C.S., Ismailov M. Teacher support and student motivation to learn with Artificial Intelligence (AI) based chatbot // Interactive Learning Environments. 2023. Vol. 32 (7). P. 3240–3256. doi: 10.1080/10494820.2023.2172044
11. Jamal A., Pattanaik A., Gorli R., Chinmay A., Tenepalli J. The Impact of AI Chatbots on Teacher-Student Relationships in Higher Education // European Chemical Bulletin. 2023. Vol. 12. P. 2651–2655. doi: 10.48047/ecb/2023.12.10.1822023.01/08/2023
12. Klos M.C., Escoredo M., Joerin A., Lemos V.N., Rauws M., Bunge E.L. Artificial Intelligence–Based Chatbot for Anxiety and Depression in University Students: Pilot Randomized Controlled Trial // JMIR Formative Research. 2021. Vol. 5 (8): e20678. doi: 10.2196/20678
13. Tamimi, J., Addichane, F., & Madani, S.A. Evaluating the Effects of Artificial Intelligence Homework Assistance Tools on High School Students' Academic Performance and Personal Development // Arab World English Journal (AWEJ). 2024. Special Issue on CALL (10). P. 36–42. doi: 10.24093/awej/call10.3
14. Zawacki-Richter, O., Marín, V.I., Bond, M. et al. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16: 39. doi: 10.1186/s41239-019-0171-0
15. Jacobs H.H., Borland J.H. The Interdisciplinary Concept Model: Theory and Practice // Gifted Child Quarterly. 1986. Vol. 30. P. 159–163.
16. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.
17. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.
18. Мокий В.С., Лукьянова Т.А. Междисциплинарные взаимодействия в современной науке: подходы и перспективы // Экономическая наука современной России. 2017. № 3 (78). С. 7–21.
19. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
20. Воловикова М.Л. Оценка современных междисциплинарных исследований: проблемы и потенциал // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 93–95.
21. Тишков В.А. Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 6–16.
22. Кнященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // Философия науки. 2002. Вып. 8. С. 355–376.
23. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.
24. Беркалиев Т.Н. Проблема выбора оснований к построению психолого-педагогических исследований // Человек и образование. 2006. № 4–5. С. 77–78.
25. Цветкова Л.А. Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // Экономика наук. 2017. Т. 3, № 2. С. 126–144. doi: 10.22394/2410-132X-2017-3-2-126-144
26. Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. ЮНЕСКО, 2024. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389639> (дата обращения: 15.05.2024).
27. Lecler A., Duron L., Soyer P. Revolutionizing radiology with GPT-based models: Current applications, future possibilities and limitations of ChatGPT // Diagnostic and Interventional Imaging. 2023. Vol. 104 (6). P. 269–274. doi: 10.1016/j.diii.2023.02.003
28. Lim W.M., Gunasekara A., Pallant J.L., Pallant J.I., Pechenkina E. Generative AI and the future of education: Ragnarök or reformation? A paradoxical perspective from management educators // The International Journal of Management Education. 2023. Vol. 21 (2). doi: 10.1016/j.ijme.2023.100790
29. Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю., Трубников В.И. О природе психологических предикторов // Психологическая наука и образование. 1998. № 1. С. 27–34.
30. Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 634–666.
31. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.
32. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 254 с.
33. Панов В.И. Экопсихологическая модель образовательной среды // 4-я Российская конференция по экологической психологии. М.: УМК «Психология», 2005. С. 213–216.
34. Панов В.И. К проблеме психолого-педагогического проектирования и экспертизы образовательного учреждения // Психологическая наука и образование. 2001. Т. 6, № 2. С. 14–20.
35. Elahi Shirvan M., Taherian T., Yazdanmehr E. The Dynamics of Foreign Language Enjoyment: An Ecological Momentary Assessment // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11: 1391. doi: 10.3389/fpsyg.2020.01391
36. Carson R.L., Weiss H.M., Templin T.J. Ecological momentary assessment: a research method for studying the daily lives of teachers // International Journal of Research & Method in Education. 2010. Vol. 33 (2). P. 165–182. doi: 10.1080/1743727X.2010.484548
37. Shiffman S., Stone A.A., Hufford M.R. Ecological momentary assessment // Annual review of clinical psychology. 2008. Vol. 4. P. 1–32. doi: 10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091415

References

1. EDUCAUSE. Horizon Report, Teaching and Learning Edition. 2024. URL: <https://library.educause.edu/resources/2024/5/2024-educause-horizon-report-teaching-and-learning-edition> (data obrashcheniya: 27.01.2025).
2. Boldyrev N.M. Iskusstvennyy intellekt kak instrument izmeneniya v obrazovanii // Vestnik nauki. 2023. Т. 1, № 9 (66). S. 113–115.
3. Garayev T.K., Novik N.S. Iskusstvennyy intellekt v vysshem obrazovanii glazami studentov // Mir obrazovaniya – obrazovaniye v mire. 2023. № 3 (91). S. 221–229.
4. Dozortsev V.M., Venger A.L. Vzaimodeystviye cheloveka-operatora s iskusstvennym intellektom: problema doveriya // Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2022. Т. 7, № 2. S. 204–232. doi: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_009
5. Korchagin S.A. Analiz tendentsiy primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'noy sfere // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. 2021. Т. 21, вып. 1. S. 37–42. doi: 10.18500/1818-9601-2021-21-1-37-42
6. Kuz'menko YE.L., Belousova T.M., Leshchenko YE.M. Problemy i riski integratsii iskusstvennogo intellekta v vyssheye obrazovaniye // Region: sistemy, ekonomika, upravleniye. 2024. № 2 (65). S. 164–168. doi: 10.22394/1997-4469-2024-65-2-164-168

7. Pyatko L.A., Starodumova L.A. K voprosu ob ispol'zovanii tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom protsesse // Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya. 2024. № 83-2. S. 331–334.
8. Sysoyev P.V. Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: osvedomlennost', gotovnost' i praktika primeneniya prepodavatelyami vysshey shkoly tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v professional'noy deyatel'nosti // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2023. T. 32, № 10. S. 9–33. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
9. Yasin M.I. Otnosheniye k iskusstvennomu intellektu, trevoga i otkrytost' opytu // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2022. T. 22, №4. S. 449–453. doi: 10.18500/1819-7671-2022-22-4-449-453
10. Chiu T.K.F., Moorhouse B.L., Chai C.S., Ismailov M. Teacher support and student motivation to learn with Artificial Intelligence (AI) based chatbot // Interactive Learning Environments. 2023. Vol. 32 (7). P. 3240–3256. doi: 10.1080/10494820.2023.2172044
11. Jamal A., Pattanaik A., Gorli R., Chinmay A., Tenepalli J. The Impact of AI Chatbots on Teacher-Student Relationships in Higher Education // European Chemical Bulletin. 2023. Vol. 12. P. 2651–2655. doi: 10.48047/ecb/2023.12.10.1822023.01/08/2023
12. Klos M.C., Escoredo M., Joerin A., Lemos V.N., Rauws M., Bunge E.L. Artificial Intelligence–Based Chatbot for Anxiety and Depression in University Students: Pilot Randomized Controlled Trial // JMIR Formative Research. 2021. Vol. 5 (8): e20678. doi: 10.2196/20678
13. Tamimi, J., Addichane, F., & Madani, S.A. Evaluating the Effects of Artificial Intelligence Homework Assistance Tools on High School Students' Academic Performance and Personal Development // Arab World English Journal (AWEJ). 2024. Special Issue on CALL (10). P. 36–42. doi: 10.24093/awej/call10.3
14. Zawacki-Richter, O., Marín, V.I., Bond, M. et al. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16: 39. doi: 10.1186/s41239-019-0171-0
15. Jacobs H.H., Borland J.H. The Interdisciplinary Concept Model: Theory and Practice // Gifted Child Quarterly. 1986. Vol. 30. P. 159–163.
16. Mirskiy E.M. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya i distsiplinarnaya organizatsiya nauki. M.: Nauka, 1980. 304 s.
17. Lubskiy A.V. Mezhdistsiplinarnyye nauchnyye issledovaniya: kognitivnaya «modA» ili sotsial'nyy «vyzoV» // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2015. № 10. S. 3–11.
18. Mokiy V.S., Luk'yanova T.A. Mezhdistsiplinarnyye vzaimodeystviya v sovremennoy nauke: podkhody i perspektivy // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. 2017. № 3 (78). S. 7–21.
19. Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nyye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.
20. Volovikova M.L. Otsenka sovremennykh mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: problemy i potentsial // Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye. 2016. T. 5, № 4 (17). S. 93–95.
21. Tishkov V.A. Otechestvennaya etnologiya i simbioz nauk // Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii / otv. red. i sost. G.A. Komarova. M.: IEA RAN, 2016. S. 6–16.
22. Kiyashchenko L.P. Mifopoezis nauchnogo diskursa // Filosofiya nauki. 2002. Vyp. 8. S. 355–376.
23. Kasavin I.T. Mezhdistsiplinarnoye issledovaniye: k ponyatiyu i tipologii // Voprosy filosofii. 2010. № 4. S. 61–73.
24. Berkaliyev T.N. Problema vybora osnovaniy k postroyeniyu psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy // Chelovek i obrazovaniye. 2006. № 4–5. S. 77–78.
25. Tsvetkova L.A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta kak faktor tsifrovizatsii ekonomiki Rossii i mira // Ekonomika nauk. 2017. T. 3, № 2. S. 126–144. doi: 10.22394/2410-132X-2017-3-2-126-144
26. Rukovodstvo po ispol'zovaniyu generativnogo iskusstvennogo intellekta v obrazovanii i nauchnykh issledovaniyakh. YUNESKO, 2024. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389639> (data obrashcheniya: 15.05.2024).
27. Lecler A., Duron L., Soyer P. Revolutionizing radiology with GPT-based models: Current applications, future possibilities and limitations of ChatGPT // Diagnostic and Interventional Imaging. 2023. Vol. 104 (6). P. 269–274. doi: 10.1016/j.diii.2023.02.003
28. Lim W.M., Gunasekara A., Pallant J.L., Pallant J.I., Pechenkina E. Generative AI and the future of education: Ragnarök or reformation? A paradoxical perspective from management educators // The International Journal of Management Education. 2023. Vol. 21 (2). doi: 10.1016/j.ijme.2023.100790
29. Maryutina T.M., Yermolayev O.YU., Trubnikov V.I. O prirode psikhologicheskikh prediktorov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. 1998. № 1. S. 27–34.
30. Shchedrovitskiy G.P. Sintez znaniy: problemy i metody // Shchedrovitskiy G.P. Izbrannyye trudy. M.: Shk. Kul't. Polit., 1995. S. 634–666.
31. Sergiyenko YE.A. Sistemno-sub'yektnyy podkhod: obosnovaniye i perspektiva // Psikhologicheskii zhurnal. 2011. T. 32, № 1 S. 120–132.
32. Bernshteyn N.A. Ocherki po fiziologii dvizheniy i fiziologii aktivnosti. M.: Meditsina, 1966. 254 s.
33. Panov V.I. Ekopsikhologicheskaya model' obrazovatel'noy sredy // 4-ya Rossiyskaya konferentsiya po ekologicheskoy psikhologii. M.: UMK «Psikhologiya», 2005. S. 213–216.
34. Panov V.I. K probleme psikhologo-pedagogicheskogo proyektirovaniya i ekspertizy obrazovatel'nogo uchrezhdeniya // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. 2001. T. 6, № 2. S. 14–20.
35. Elahi Shirvan M., Taherian T., Yazdanmehr E. The Dynamics of Foreign Language Enjoyment: An Ecological Momentary Assessment // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11: 1391. doi: 10.3389/fpsyg.2020.01391
36. Carson R.L., Weiss H.M., Templin T.J. Ecological momentary assessment: a research method for studying the daily lives of teachers // International Journal of Research & Method in Education. 2010. Vol. 33 (2). P. 165–182. doi: 10.1080/1743727X.2010.484548
37. Shiffman S., Stone A.A., Hufford M.R. Ecological momentary assessment // Annual review of clinical psychology. 2008. Vol. 4. P. 1–32. doi: 10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091415

Информация об авторах:

Бордовская Н.В. – д-р пед. наук, академик РАО, зав. кафедрой педагогики и психологии образования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nina52@mail.ru

Гнедых Д.С. – канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: d.gnedyh@spbu.ru

Кошкина Е.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: coschkina.el@yandex.ru

Хромова М.А. – канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tikhomarina@gmail.com

Посохова С.Т. – д-р психол. наук, профессор кафедры педагогики и психологии образования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svetpos@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Bordovskaia, Dr. Sci. (Pedagogics), Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nina52@mail.ru

D.S. Gnedykh, Cand. Sci. (Psychology), Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.gnedykh@spbu.ru

E.A. Koshkina, Dr. Sci. (Pedagogics), Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: coschkina.el@yandex.ru

M.A. Khromova, Cand. Sci. (Psychology), Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tikhomarina@gmail.com

S.T. Posokhova, Dr. Sci. (Psychology), Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svetpos@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2025;
одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 18.05.2025;
approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/516/18

Исследование генеративной функции искусственного интеллекта при разработке планов урока иностранного языка

Елена Васильевна Борзова¹, Мария Александровна Шеманаева²

^{1, 2} *Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

¹ *borzovaelena40@gmail.com*

² *Indy2002@mail.ru*

Аннотация. Выявлены проблемные аспекты планирования урока иностранного языка и возможности использования ИИ в профессиональном образовании будущих учителей. Результаты, проанализированные по ряду значимых критериев формирования иноязычных грамматических навыков и умений говорения, показывают, что наибольшие затруднения и у нейросетей, и у студентов вызвало соблюдение условия «последовательность действий от простого к сложному». По критериям «инвентаризация лексики», «индивидуализация ситуаций» и «активизация устного взаимодействия обучающихся» во всех фрагментах продемонстрированы достаточно высокие баллы.

Ключевые слова: умения планирования урока, генерирование плана ИИ, сравнительный анализ, критерии оценивания плана

Для цитирования: Борзова Е.В., Шеманаева М.А. Исследование генеративной функции искусственного интеллекта при разработке планов урока иностранного языка // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 151–159. doi: 10.17223/15617793/516/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/18

Research of the Artificial Intelligence Generative Function in Creating Foreign Languages Lesson Plans

E.V. Borzova¹, M.A. Shemanaeva²

^{1, 2} *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation*

¹ *borzovaelena40@gmail.com*

² *Indy2002@mail.ru*

Abstract. A growing need to take advantage of artificial intelligence (AI) strengths in diverse areas of social and individual activities brings about an increase in the development of its versatile functions. One of them in the sphere of education is related to generating foreign language lesson plans. A question arises: to what extent are such plans in line with the generally accepted requirements of foreign language teaching and learning theory based on the fundamental research in the fields of psychology, psycholinguistics and linguo-didactics? The goal of the article is to identify some problem issues of foreign language lesson planning as well as the possibilities to use AI in pre-service teacher education. The authors applied comparative analysis method to explore both the plans created by future foreign language teachers and generated by four AI models: DeepSeek, Perplexity, Gigachat и Qwen. The outcomes of the study were analyzed in compliance with a few criteria related to foreign language grammar sub-skill formation (task 1) and speaking skill development (task 2). The analysis reveals that sequencing learners' actions from simple to complex ones turns out to be the most challenging requirement for pre-service students and AI models as well, while the compliance with the criteria «vocabulary inventory», «situation individualization» and «activating learners' interaction in the classroom» scored the highest. In task 1 the quality of three neural networks is notably lower (Perplexity, Gigachat и Qwen – 65, 70, 61), while the plans prepared by the student participants and DeepSeek scored 91 and 97 points respectively. The total DeepSeek outcomes are rather high, while the Gigachat totals are the lowest in both tasks. The students demonstrated higher results in task 2 (96) than in task 1 (91). On the whole, doing task 1 caused more discrepancies in all the lesson plans produced. Both pre-service students and AI models seem to solve relatively easy tasks more efficiently. Those criteria which are cognitively demanding and require certain sequences of actions appear more challenging and difficult to consider. Though AI lesson plans do not always comply with the generally accepted requirements, it does not make sense to disregard them. They can save the teachers' time and offer techniques and aids which are different from those used in textbooks or in their standard practices. In pre-service foreign language teacher training, lesson plans produced by AI can be applied as learning materials for analysis, thus facilitating a better understanding of lesson plans evaluation criteria concerning the efficiency of teaching decisions.

Keywords: Lesson planning skills, AI lesson plan generation, comparative analysis, lesson plans evaluation criteria

For citation: Borzova, E.V. & Shemanaeva, M.A. (2025) Research of the Artificial Intelligence Generative Function in Creating Foreign Languages Lesson Plans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 151–159. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/18

Введение

Появление и внедрение ИИ в педагогическую деятельность ознаменовало новый этап в развитии научных и практических исследований, рассматривающих его потенциал, преимущества и недостатки в решении образовательных проблем.

Определим, насколько востребована тематика ИИ в научных исследованиях. Поиск по ключевым словам в научных баз данных с открытым доступом по теме ИИ показал, что за 2023–2024 гг. на лицо существенное количество публикаций по данной тематике:

Таблица 1
Результаты поиска по ключевым словам

	Google scholar	Cyberleninka	Academia.edu	Researchgate
2024 г.				
Artificial intelligence	387 000	1 000	2 395	76 860
Chat GPT	130 000	143	133	15 500
Искусственный интеллект	22 400	1 000	11	420
2023 г.				
Artificial intelligence	400 000	1000	2315	14 180
Chat GPT	79 300	105	100	10 580
Искусственный интеллект	29 200	1 000	10	340

Как видно из полученных данных, проблематика применения ИИ в различных сферах современной жизни актуальна для исследователей, что свидетельствует о наличии интереса и растущего запроса на использование этой технологии. Поскольку это достаточно новое направление в науке, высказываются противоположные позиции относительно возможностей и способов его применения. В. Lemoine считает, что ИИ наделен собственным разумом и является мыслящим [1]. Однако другие исследователи, например, Gibert и Martin опровергают данное мнение в своем исследовании [2, 3]. Schmidt и Strasser считают, что научное направление, связанное с применением ИИ в сфере преподавания и обучения иностранным языкам, еще находится «на уровне младенчества» [4. С. 166]. Значительная часть исследований сконцентрирована именно на обучении языку и разработке обучающих программ и учебных материалов. В этой связи встает естественный вопрос о качестве разработанных ИИ материалов с позиций современной методической науки: насколько сгенерированные программы, планы, учебные материалы соответствуют общеизвестным, доказавшим свою надежность и достоверность положениям, подходам и принципам?

Современные учителя иностранных языков и студенты-практиканты восприимчивы к технологическим новшествам. Руководствуясь привлекательностью новых технологий, интенсивной рекламой инструментов ИИ и возможностью сэкономить время подготовки уроков, они с энтузиазмом начинают внедрять их в образовательный процесс, не всегда подвергая их достаточному осмыслению.

Поэтому целью проведенного исследования стал сравнительный анализ планов урока английского языка с разными методическими задачами, разработанных ИИ и студентами старших курсов университета по направлению подготовки «Педагогическое образование». Критериями анализа были выбраны общепризнанные положения-требования современной методики обучения иностранным языкам, подтвержденные многочисленными исследованиями. Решение задач, связанных с планированием будущей деятельности педагога на уроке, в некоторой степени раскрывает возможные риски необдуманного внедрения продуктов ИИ в практику обучения, а также проблемные аспекты профессиональной подготовки будущих учителей.

Постановка проблемы

Как следует из табл. 1, исследования применения инструментов ИИ в образовании достаточно многочисленны. Среди них можно выделить системный обзор Chiu et al., в котором авторы на из более 100000 статей из баз данных ERIC, SCOPUS и WoS, отобрали 92 статьи, соответствующие критериям поиска и, проанализировав их, пришли к выводу, что использование ИИ в образовании можно распределить по следующим категориям: учение, преподавание, оценивание, управление [5] (рис. 1).

Изучаются возможности применения инструментов ИИ в условиях и школьного, и университетского образования. Так, Lim et al. и Mohamed в своих исследованиях подтверждают, что обучение и преподавание в высшем образовании не могут оставаться в стороне от использования ИИ, т.к. эта технология имеет большой потенциал, в том числе для научных исследований [6, 7]. Ученые СПбГУ провели комплексное исследование об использовании инструментов ИИ в работе преподавателя высшей школы и в Белой книге «Искусственный интеллект и образование» представили пять этапов пользовательского пути преподавателя, которые включают: анализ данных и разработку курса; подготовку и проведение занятий; подготовку и организацию внеаудиторной работы; оценивание; анализ результатов курса и подготовку отчетности [8].

Различные системы генеративного ИИ могут использоваться во всех сферах образования, в том числе и в преподавании иностранных языков. При этом учеными исследуются как возможность применения от-

дельных функций и инструментов ИИ, так и проводится обобщение всех возможных вариантов функционирования ИИ. Так, достаточно масштабное исследование, проведенное П.В. Сысоевым et al. [9], представляет системный обзор возможностей инструментов ИИ в лингводидактике. Авторами разработана матрица на основе шести типов обратной связи в обучении ино-

странному языку при помощи нейросетей: учебно-социальная, информационно-справочная, методическая, аналитическая, оценочная и условно-творческая. Многие авторы утверждают, что ИИ может обеспечить персонализированный / индивидуальный подход к каждому обучающемуся [4, 10, 11], делая преподавание более динамичным, инклюзивным и вовлекающим для студентов [4. С. 11].

Рис. 1. Использование инструментов ИИ в области образования [9]

Несмотря на многообразие функций ИИ в работе преподавателя, распространенность данной технологии не является повсеместной. Одним из существенных препятствий к массовому внедрению ИИ в образование является неготовность преподавателей к его использованию. Исследование, проведенное Y. Wang, C. Liu, Y.-F. Tu, представило факторы, влияющие на готовность преподавателей высшей школы использовать инструменты ИИ. Авторы выявили, что наиболее значительными факторами оказались уверенность в собственных силах, отношение к инструментам ИИ, простота использования инструментов ИИ, полезность инструментов ИИ [12]. Данные, полученные в ходе исследования S. Choi, Y. Jang, H. Kim, подтвердили, что простота использования – наиболее существенный фактор, влияющий на готовность учителей использовать ИИ в профессиональной деятельности [13]. Однако, многие преподаватели отмечают недостаточное владение инструментами ИИ и непонимание механизмов, используемых ИИ, что препятствует полноценному и осознанному их применению на занятиях. Zhai et al выделили три группы сложностей, определяющих степень интеграции инструментов ИИ в обучение: технологии, учитель и /обучающиеся, вопросы этики [14]. Сопротивление учителей и их непринятие технологий прослеживается как одна из причин отказа использовать инструменты [15, 16]. Также одной из причин непринятия новых технологий является стремление учителей использовать привычные материалы и методы [17].

Несмотря на то, что ИИ все глубже проникает в преподавание иностранного языка, его использование не всегда однозначно, а его эффективность не доказана. Так, системный обзор использования диалогового/интерактивного ИИ в обучении иностранному языку с участием учителя не выявил значительной связи между использованием ИИ и успешностью обучения. Однако авторы разработали рекомендации по использованию ИИ и пришли к выводу, что применение ИИ способствует амплификации образовательной среды и может снизить нагрузку учителя [18, 19].

Таким образом, использование инструментов ИИ в разных функциях стало неотъемлемой составляющей иноязычного образования на разных уровнях. При этом очевидны различные позиции исследователей относительно важности и эффективности применения ИИ в обучении иностранным языкам.

Предметом исследования авторов данной статьи являются качество реализации генеративной функции ИИ по созданию планов уроков иностранного языка и возможности применения таких планов в профессиональной подготовке будущих учителей. Актуальность исследования этих вопросов обусловливается рядом факторов, проявившихся при обзоре литературы и в преподавательском опыте авторов.

Генеративная функция ИИ по созданию планов уроков иностранного языка привлекательна для учителей и востребована в их повседневной профессиональной деятельности.

В исследованиях Edmett et al. определяются различные функции инструментов ИИ, реализуемые в работе учителя иностранного языка, среди которых наиболее частотными являются разработка материалов (57% опрошенных учителей), обеспечение практики обучающихся в применении изучаемого языка (53% опрошенных учителей) и разработка планов урока (43% опрошенных учителей). 65% опрошенных признают, что ИИ вполне способен планировать уроки иностранного языка, что позволит создавать предварительный структурный каркас будущего урока и экономить время. 9% учителей не согласны с этим утверждением [20. С. 35]. При этом отмечается необходимость последующей проверки и адаптации предложенного плана [20].

Планирование уроков выступает как ключевая составляющая профессиональной деятельности учителя, которая определяет и при этом интегрирует все другие: учение, преподавание, оценивание, управление [5], (Рис.1). Разработка плана урока требует способности соотносить и координировать знания методики, дидактики, психологии, лингвистики с определенными практическими действиями учителя, направленными на организацию и управление конкретными действиями обучающихся для достижения комплекса образовательных целей. Очевидно, что эта способность, помимо значительной когнитивной нагрузки, требует способности переводить теоретические положения на язык адекватных практических действий. Развитие данной способности у будущих учителей – крайне сложная задача. Применение планов урока, сгенерированных ИИ, может стать полезным инструментом для ее решения.

Организация деятельности студентов-будущих учителей иностранного языка с продуктами, сгенерированными ИИ, позволяет раскрыть значимость осознанного и критического подхода учителя, развивает способности применять свои знания и опыт при оценивании планов, разработанных ИИ. В этом отношении важно подчеркнуть, что планы уроков генерируются ИИ на основе больших данных, включающих в себя множество планов, разработанных ранее учителями с разным уровнем профессиональной компетентности, которые, вполне возможно, не являются идеальными и могут содержать определенные нарушения логики усвоения и требований к овладению целевым материалом. Использование положений методики обучения иностранным языкам, подтвержденных длительной практикой и многочисленными исследованиями, в качестве критериев оценивания планов урока, сгенерированных ИИ, обеспечивает качественную подготовку студентов-профессионалов.

И, наконец, сопоставление собственных умений и возможностей ИИ способствует становлению способностей и готовности студентов-будущих учителей иностранного языка трезво и рационально использовать инструменты ИИ, вызывают уверенность в собственных силах, обеспечивают понимание потенциала ИИ в организации процесса обучения.

Таким образом, проблемы, исследуемые в статье, связаны с качеством реализации генеративной функции ИИ по созданию планов уроков иностранного

языка и возможностями применения таких планов в профессиональной подготовке будущих учителей. Профессиональная подготовка будущих учителей в университете обязательно должна быть нацеленна и на развитие умений планирования, и умений критического анализа и адаптации планов, созданных с помощью ИИ. Очевидно, что не следует отказываться от специально организованного применения такого мощного современного средства в профессиональном образовании, учитывая при этом его неизбежную ограниченность.

Цели исследования

Исследовательские вопросы нашей работы заключаются в оценке качества продуктов ИИ при решении конкретных методических задач, связанных с планированием уроков иностранного языка в школе с разными целями, на основе их сравнения с аналогичными продуктами студентов четвертого курса института иностранных языков по направлению подготовки «педагогическое образование» и в выявлении возможностей использования сгенерированных ИИ планов урока при подготовке будущих учителей в университетском образовании.

Целью исследования является выявить проблемные аспекты планирования урока иностранного языка и возможности использования ИИ в профессиональном образовании будущих учителей. Мы предположили, что одним из средств развития умений планирования урока иностранного языка могут быть фрагменты уроков, сгенерированные ИИ.

Методология

Основным методом данного исследования выступает сравнительный анализ фрагментов уроков, разработанных студентами 4-го курса и нейросетями DeepSeek, Perplexity, Gigachat и Qwen. На основе сравнения, используя ряд критериев, авторы определяют, насколько методически верно и логично будущие учителя иностранного языка и нейросети способны выстроить фрагменты уроков английского языка с разными методическими задачами.

В исследовании приняли участие 43 студента 4-го курса направления подготовки «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки: английский язык и французский язык/английский язык и немецкий язык). Студенты изучили курс «Методика преподавания иностранного языка». Студентам было дано два задания, формулировки которых представлены ниже. Идентичные задания были даны нейросетям DeepSeek, Perplexity, Gigachat и Qwen.

Задание 1.
Разработайте фрагмент/этап урока английского языка (20–25 минут) для 4-го класса.
Цель: совершенствование грамматических навыков использования вопросов в Past Simple Tense.

Критерии оценивания определялись с учетом общепризнанных в российской методике положений формирования навыков, разработанных Е.И. Пассовым

С.Ф. Шатиловым И.Л. Бим и др. Учитывались несколько наиболее очевидных условий:

- возможность многократного повторения целевого речевого образца каждым обучающимся. Реализуется за счет количества упражнений и режимов работы на уроке (хорового, парного, группового, индивидуального). Расчет баллов: максимальное количество – 20; менее 4 упражнений для тренировки – минус 4 балла; отсутствие индивидуальных заданий – минус 2; отсутствие хорового режима – минус 2; отсутствие парных и групповых режимов в более чем половине упражнений – минус 4;

- последовательность действий от простого к сложному. Реализуется за счет применения цепочки действий обучающихся, разработанной Е.И. Пассовым (восприятие, имитация, аналогия, подстановка, трансформация, репродукция). Расчет баллов: максимальное количество – 20; нарушение цепочки действий от простых к сложным – минус от 2 до 10 баллов; отсутствие опор – минус 2;

- преобладание условно-речевых упражнений, которым отводится большая часть урока, по сравнению с языковыми упражнениями. Расчет баллов: максимальное количество – 20; более половины предложенных упражнений для тренировки являются языковыми – минус 10 баллов;

- осознание правила обучающимися, предшествующее выполнению упражнений, что создает ориентировочную основу их действий. Расчет баллов: максимальное количество – 20; отсутствует припоминание правила – минус 5 баллов; формулирование правила на английском языке – минус 3 балла; отсутствие схемы построения речевого образца – минус 3 балла;

- использование личностно ориентированных ситуаций, связанных с личным опытом обучающихся, что позволяет связывать форму иностранного языка с личностно значимым содержанием. Расчет баллов: максимальное количество – 20; не реализуется связь высказываний с личным опытом обучающихся – минус от 2 до 10 баллов (в зависимости от количества высказываний).

Задание 2.

Разработайте фрагмент/этап урока английского языка (20–25 минут) для 8-го класса.

Цель: развитие умений говорения по теме «Healthy living».

Критерии оценивания определялись с учетом общепризнанных в российской методике положений развития умений говорения, разработанных Е.И. Пассовым, И.Л. Бим, В.Б. Царьковой и др. Учитывались несколько наиболее очевидных условий:

- инвентаризация лексики, предполагающая предварительное припоминание, актуализацию лексических единиц, необходимых для самовыражения в речевых упражнениях. Расчет баллов: максимальное количество – 20; полностью отсутствует предварительное припоминание лексики – минус 20;

- последовательность действий от простого к сложному, предполагающая постепенное увеличение объема высказываний, накопление и фиксирование идей для развернутой речи, переход от говорения по опорам

к самостоятельному говорению. Расчет баллов: максимальное количество – 20; отсутствует подготовка к выполнению сложных устных речевых действий – минус от 2 до 8 баллов; отсутствие содержательных опор – минус 4;

- вариативность упражнений и речемыслительных задач, предполагающая количество установок с разными речевыми задачами. Расчет баллов: максимальное количество – 20; нет варьирования речемыслительных задач – минус от 2 до 10 баллов в зависимости от общего количества упражнений; нет варьирования опор – 3 балла;

- Индивидуализация ситуаций и самовыражение, что связано с личным опытом обучающихся и позволяет им выражать личностно значимое содержание на иностранном языке. Расчет баллов: максимальное количество – 20; не реализуется связь высказываний с личным опытом обучающихся и с выражением собственного мнения – минус от 2 до 12 баллов (в зависимости от количества высказываний);

- Активизация устного взаимодействия обучающихся, предполагающая варьирование режимов взаимодействия на уроке (парного, группового). Расчет баллов: максимальное количество – 20; количество интерактивных упражнений менее половины от всех – минус 12 баллов.

Определение критериев оценивания фрагментов уроков и релевантных баллов в обоих случаях опирается на соблюдение ключевых условий, необходимых для достижения главной методической цели фрагмента. Все условия в конечном итоге реализуют базовые факторы качественного учения: вовлеченность обучающихся в выполнение достаточного количества действий, адекватных цели, в содержательное, личностно ориентированное взаимодействие и в мыслительную деятельность. Бесспорно, что оценивание потенциальной эффективности фрагментов уроков имеет вероятностный характер: мы выявляем степень формального соответствия предлагаемых условий и средств тем, которые по общему согласию способствуют достижению методической цели. В практической реальности эффективность фрагментов уроков будет зависеть от способности учителя установить контакт с обучающимися и результативно реализовать предложенный сценарий.

Результаты исследования

Полученные результаты по каждому заданию были проанализированы с использованием критериев, представленных выше. Было определено количество студентов и нейросетей, которые справились с заданиями по предложенным критериям, и сопоставлен характер недочетов в работах студентов и ИИ (табл. 2, 3).

Отметим, что в колонке «Студенты» в таблицах даются усредненные результаты, вычисленные по всем работам участвующих в исследовании студентов. При оценивании задания 1 незначительное количество студенческих фрагментов получили от 70 до 80 баллов (7 работ), а результаты в диапазоне 95–100 баллов получили 12 работ. При оценивании задания 2 результаты студенческих работ в среднем оказались более ровными в диапазоне 85–100 баллов.

Таблица 2

Показатели эффективности фрагментов по формированию грамматических навыков

Критерии	Студенты	DeepSeek	Gigachat	Perplexity	Qwen
Множественность повторов каждого	20	20	10	10	13
Последовательность действий от простого к сложному	18	20	8	8	8
Преобладание условно-речевых упражнений	18	20	10	15	5
Осознание правила	17	17	17	17	17
Использование личностно ориентированных ситуаций	18	20	20	20	18
Итого	91	97	65	70	61

Таблица 3

Показатели эффективности фрагментов по формированию умений говорения

Критерии	Студенты	DeepSeek	Gigachat	Perplexity	Qwen
Инвентаризация лексики	20	20	20	20	20
Последовательность действий от простого к сложному	18	15	14	19	18
Вариативность упражнений и речемыслительных задач	18	18	12	16	18
Индивидуализация ситуаций и самовыражение	20	20	16	15	20
Активизация устного взаимодействия обучающихся	20	18	20	18	16
Итого	96	91	82	88	92

Выводы и дискуссия

Обсуждение результатов предполагает выявление потенциальной эффективности разработанных фрагментов уроков с разными методическими задачами, что позволит определить вероятностную возможность данных фрагментов обеспечить достижение положительных образовательных результатов. Эффективность, или потенциальная результативность, рассматривается нами на основе соблюдения базовых условий формирования иноязычных навыков (фрагмент 1) и развития умений говорения на иностранном языке (фрагмент 2) [21].

Первое значимое различие фрагментов по заданию 1 (формирование грамматических навыков) очевидно по критерию «множественность повторов каждым обучающимся». Фрагменты, разработанные с помощью нейросетей Gigachat, Perplexity и Qwen, не обеспечивают соблюдения данного условия в полной мере из-за недостаточного количества упражнений и режимов работы на уроке (дается всего 3–4 упражнения; имеется 1–2 примера парных видов работы из всех предложенных; отсутствуют хоровой и индивидуальный режимы). Фрагменты, разработанные студентами и нейросетью DeepSeek, в отличие от других, характеризуются соблюдением данного значимого условия, что с высокой степенью вероятности позволяет закрепить грамматический эталон вопроса в долговременной памяти и сформировать механизм его использования в речи. Именно множественность повторов усваиваемого обеспечивает процессы запоминания и сохранения в памяти целевого учебного материала [22].

При формировании грамматических навыков соблюдение последовательности действий от простого к сложному представляется одним из наиболее сложных для реализации условий. Это следует из анализа предлагаемых цепочек упражнений: только во фрагменте нейросети DeepSeek можно увидеть расположение упражнений с учетом данного критерия. Во фрагментах студентов есть одиночные примеры нарушений указанного критерия, а фрагменты Gigachat, Perplexity и Qwen содержат множество несоответствий последовательности действий от простого к сложному, когда

работа начинается со сложных действий по трансформации утвердительных образцов в вопросительные, или когда действия по подстановке завершают цепочку упражнений, что легче трансформации, или когда работа в парах предшествует фронтальной.

В теории методики обучения иностранному языку условно-речевые упражнения рассматриваются как основное средство формирования грамматических навыков (Е.И. Пассов, С.Ф. Шатилов, И.Л. Бим и др.). Языковые упражнения играют в современном иноязычном образовании вспомогательную роль, занимая незначительное время в общем массиве предлагаемых упражнений [22]. В предложенных фрагментах наблюдается разброс вариантов при соблюдении данного критерия: если в варианте, предложенном Qwen, дается четыре языковых упражнения из шести, то фрагмент Gigachat содержит два таких упражнения из четырех; Perplexity предлагает одно из трех; DeepSeek – одно из пяти. В студенческих фрагментах наблюдаются одиночные примеры нарушений указанного критерия.

По критерию «осознание правила обучающимися» все фрагменты уроков начинаются с припоминания структуры построения вопросов в английском языке. Однако, если во фрагментах, разработанных студентами, правило объясняется на русском языке, что обусловлено уровнем владения языком обучающимися начальной ступени, то фрагменты всех нейросетей дают формулировку правила на английском языке, нарушая посильность восприятия и создавая дополнительные трудности для младших школьников. Более половины вариантов студенческих фрагментов не предлагают обучающимся схемы построения вопросительных предложений. Вместе с тем «осмысление и понимание связей и отношений в материале, который подлежит усвоению», рассматривается как обязательное условие усвоения [23. С. 4] создавая ориентировочную основу последующих речевых действий.

Последний критерий анализа связан с использованием личностно ориентированных ситуаций и личного опыта обучающихся в ходе организованного взаимодействия на изучаемом языке, что позволяет связывать форму иностранного языка с личностно значимым содержанием [23]. Указанное условие соблюдается во

всех фрагментах. Фрагменты студентов и Qwen были оценены с минусом в 2 балла с учетом общего количества ожидаемых высказываний обучающихся.

По итогу, наибольшее количество баллов получил фрагмент DeepSeek (97) и фрагмент студентов (91), наименьшее – фрагмент Gigachat (65) и фрагмент Qwen (61). Судя по анализу результатов по каждому критерию, при формировании иноязычных грамматических навыков для студентов сложным является соблюдение условий, связанных с применением грамматических правил; для нейросетей – соблюдение последовательности действий от простого к сложному и приоритет условно-речевых упражнений в соотношении с языковыми. Выявленные несоответствия фрагментов, сгенерированных нейросетями, условиям формирования иноязычных грамматических навыков предположительно обусловлены качеством больших данных, накопленных агрегаторами. В сети интернет имеется огромное количество планов уроков, несоответствующих общепризнанным требованиям к эффективному решению данной методической задачи. Очевидно, что необходима тщательная коррекция фрагментов с ориентацией на соблюдение значимых условий.

Недочеты незначительного количества планов, разработанных студентами (7 работ от 70 до 80 баллов), связаны с критериями соблюдения последовательности действий от простого к сложному и с соотношением языковых и условно-речевых упражнений. Усвоение данных требований при разработке планов, направленных на формирование грамматических навыков, вызывает значительные трудности не только у будущих, но и у практикующих учителей.

Явная значимая особенность всех фрагментов в задании 2 (развитие умений говорения по теме) очевидна по критерию «инвентаризация лексики», которая присутствует во все анализируемых планах. В каждом фрагменте работа начинается с актуализации тематических слов, организуемой в разных вариантах: по ассоциациям с темой (DeepSeek) или по определению значения здорового образа жизни (все остальные), что обязательно сопровождается письменной фиксацией ключевых слов. Таким образом припоминаются лексические единицы, необходимые для обсуждения содержания.

Как и в предыдущем фрагменте по заданию 1, наибольшие затруднения вызвало соблюдение условия «последовательность действий от простого к сложному». Так, фрагмент DeepSeek начинается с сообщений о своих привычках, а завершается игрой agree or disagree, в которой учащиеся должны поднять руку (рецептивное действие), услышав утверждения, что, по сути, проще, чем составление сообщения. Фрагмент Gigachat предлагает работу в парах сразу после фиксации ключевых слов, не обеспечивая предварительной подготовки обучающихся к выполнению сложного задания без контроля учителя. Отсутствие содержательных опор характерно для всех фрагментов, разработанных ИИ. Единичные примеры есть в планах Perplexity и Qwen. В нескольких студенческих фрагментах отсутствуют опоры для развернутого обсуждения темы, хотя в целом студенты осознают необходимость их

применения и обосновано предлагают несколько целесообразных вариантов содержательных опор (аудио и печатные тексты, видео, наглядность, утверждения и пословицы).

Критерий «вариативность упражнений и речемыслительных задач» менее всего выдержан в плане, разработанном Gigachat, где наблюдается скудность упражнений и речемыслительных задач. Бросается в глаза, что все нейросети предлагают в своих фрагментах одну и ту же ролевую игру (диалог между доктором и пациентом), при этом в плане Perplexity предлагается дополнительная роль на выбор «спортсмен и диетолог».

Студенты включили в свои фрагменты все виды упражнений (языковые и условно-речевые для совершенствования лексических навыков и речевые, которые обосновано преобладают по количеству), использовали в качестве содержательных опор разные методические инструменты, предложили широкий спектр речемыслительных задач. Однако, как отмечалось, в нескольких студенческих фрагментах отсутствуют опоры для развернутого обсуждения темы.

По критерию «индивидуализация ситуаций и возможность самовыражения» во всех фрагментах продемонстрированы достаточно высокие баллы. В наименьшей степени связь высказываний с личным опытом обучающихся и с выражением собственного мнения проявляется в планах Gigachat и Perplexity. Все остальные планы реализуют данный критерий в полной мере с учетом ожидаемого количества высказываний обучающихся. Как подчеркивают методисты, генерирование собственного содержания средствами изучаемого языка является важнейшим фактором овладения данным языком [24, 25].

Активизация устного взаимодействия обучающихся, предполагающая варьирование режимов взаимодействия на уроке (парного, группового), в предложенных фрагментах реализуется достаточно полно. Наименьший балл получил фрагмент Qwen, в котором из девяти заданий только два выполняются в групповом взаимодействии обучающихся.

В целом отметим, что выполнение задания 1 вызвало больше затруднений и у студентов, и у нейросетей. Это можно объяснить сложностью процедуры формирования иноязычных грамматических навыков, что обычно приводит к нарушению требований и у практикующих учителей, вызывая наибольшее количество ошибок у обучающихся.

Также очевидно, что и студенты, и нейросети более эффективно решают относительно простые задачи (необходимость инвентаризации лексики, индивидуализация речевых ситуаций), а те, которые требуют учета комплекса действий (последовательность действий от простого к сложному, вариативность упражнений и речемыслительных задач), вызывают затруднения и требуют корректировки.

При выборе решения нейросети скорее всего опираются на частотность вариантов в имеющейся базе данных. Студенты же исходят, как нам представляется, из тех критериев решения задачи, которые были усвоены ими в курсе методики, и из опыта, приобретенного в ходе овладения изучаемым языком [26].

Единичные примеры планов, предложенные нейросетями по двум конкретным методическим задачам, не могут быть основанием для однозначного вывода относительно неудовлетворительного качества результатов. Тем не менее, сравнительный методический анализ позволяет заключить, что подобные планы нуждаются в определенной коррекции. При этом неразумно отказываться от их применения, поскольку учителя получают возможность частично экономить время. Также планы, предложенные

нейросетями, могут вносить некоторую новизну, предлагая учителям приемы и средства обучения, отличающиеся от УМК или от привычного опыта.

При подготовке будущих учителей иностранного языка фрагменты уроков, сгенерированные ИИ, необходимо использовать как полезные учебные материалы для методического анализа и лучшего осознания студентами критериев оценки эффективности различных методических решений.

Список источников

1. Lemoine B. Scientific data and religious opinions 2022 // Medium. URL: <https://cajundiscordian.medium.com/scientific-data-and-religious-opinions-ff9b0938fc10> (дата обращения: 21.06.2022).
2. Sparkes M. Sentient AI: Has Google's LaMDA artificial intelligence really come to life // New Scientist. 2022. URL: <https://www.newscientist.com/article/2323905-has-googles-lambda-artificial-intelligence-really-achieved-sentience/>
3. Gibert M., Martin D. In search of the moral status of AI: why sentience is a strong argument // AI & SOCIETY. 2022. Vol. 37 (1). P. 319–330.
4. Schmidt T., Strasser T. Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching: A CALL for Intelligent Practice // Anglistik. 2022. Vol. 33. P. 165–184. doi: 10.33675/ANGL/2022/1/14
5. Chiu T.K.F. et al. Systematic literature review on opportunities, challenges, and future research recommendations of artificial intelligence in education // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2023. Vol. 4. P. 100–118.
6. Lim W.M., Gunasekara A., Pallant J.L., Pallant J.J., Pechenkina E. Generative AI and the future of education: Ragnarök or reformation? A paradoxical perspective from management educators // International Journal of Management Education. 2023. Vol. 21 (2). Art. 100790. doi: 10.1016/j.ijme.2023.100790
7. Mohamed A.M. Exploring the potential of an AI-based Chatbot (ChatGPT) in enhancing English as a Foreign Language (EFL) teaching: Perceptions of EFL Faculty members // Education and Information Technologies. 2024. Vol. 29 (3). P. 3195–3217. doi: 10.1007/s10639-023-11917-z
8. Белая книга. Искусственный интеллект и образование коротко о том, что происходит, Method, ВШМ СПбГУ // Искусственный интеллект Российской Федерации. 19.03.2024. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2024_belaya_kniga_iskusstvennyy_intellekt_i_obrazovanie_kortoko_o_tom_chto_proishodit_method_vshm_spbgu/
9. Сысоев П.В., Филатов Е.М., Евстигнеев М.Н., Поляков О.Г., Евстигнеева И.А., Сорокин Д.О. Матрица инструментов искусственного интеллекта в лингвометодической подготовке будущих учителей иностранного языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 29 (3). С. 559–588. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588
10. Zhang L. A New Machine Learning Framework for Effective Evaluation of English Education // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2021. Vol. 16 (12). P. 142–153. doi: 10.3991/ijet.v16i12.23323
11. Chen X., Zou D., Xie H., Cheng G., Liu C. Two Decades of Artificial Intelligence in Education: Contributors, Collaborations, Research Topics, Challenges, and Future Directions // Educational Technology & Society. 2022. Vol. 25 (1). P. 28–47.
12. Wang Y., Liu C., Tu Y.-F. Factors affecting the adoption of ai-based applications in higher education: An analysis of teachers' perspectives using structural equation modeling // Educational Technology & Society. 2021. Vol. 24 (3). P. 116–129.
13. Choi S., Jang Y., Kim H. Influence of pedagogical beliefs and perceived trust on teachers' acceptance of educational artificial intelligence tools // International Journal of Human Computer Interaction. 2022. doi: 10.1080/10447318.2022.2049145
14. Zhai X., Chu X., Chai C.S., Jong M.S.Y., Istenic A., Spector M., Liu J.-B., Yuan J., Li Y. A review of Artificial Intelligence (AI) in Education from 2010 to 2020 // Complexity. 2021. P. 1–18. doi: 10.1155/2021/8812542
15. Istenic A., Bratko I., Rosanda V. Are pre-service teachers disinclined to utilize embodied humanoid social robots in the classroom? // British Journal of Educational Technology. 2021. Vol. 52 (6). P. 2340–2358. doi: 10.1111/bjet.13144
16. Kaban A.L., Boy Ergul I. Teachers' Attitudes Towards the Use of Tablets in Six EFL Classrooms // Tomei L., Podovšovnik E. (Eds.) Advances in Educational Technologies and Instructional Design. Examining the Roles of Teachers and Students in Mastering New Technologies. IGI Global, 2020. P. 284–298. doi: 10.4018/978-1-7998-2104-5.ch015
17. Tallvid M. Understanding teachers' reluctance to the pedagogical use of ICT in the 1:1 classroom // Education and Information Technologies. 2016. Vol. 21 (3). P. 503–519. doi: 10.1007/s10639-014-9335-7
18. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L.B. Intelligence unleashed: An argument for AI in education. 2016. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1475756/>
19. Ji H., Han I., Ko Y. A systematic review of conversational AI in language education: focusing on the collaboration with human teachers // Journal of Research on Technology in Education. 2022. Vol. 55 (1). P. 48–63. doi: 10.1080/15391523.2022.2142873
20. Edmett A., Ichaporia N., Crompton H., Crichton R. Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future (Second edition). British Council, 2024. doi: 10.57884/78EA-3C69
21. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое. Пособие для преподавателей русского языка как иностранного М. : Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.
22. Шаповал А.Н. Усвоение материала в контексте когнитивного развития школьников // Иностранные языки в школе. 2017. № 9. С. 2–10.
23. Борзова Е.В. Упражнения и задания как главный фактор организации деятельности учащихся в иноязычном образовании // Иностранные языки в школе. 2015. № 7. С. 7–14.
24. Lambert C., Zhang G. Engagement in the Use of English and Chinese as Foreign Languages: The Role of Learner Generated Content in Instructional Task Design // The Modern Language Journal. 2019. Vol. 103 (2). doi: 10.1111/modl.12560 0026-7902/19/391-411
25. Lambert C. Frameworks for Using Tasks in Second Language Instruction // Lambert C., Oliver R. (Eds.) Using Tasks in Second Language Teaching: Practice in Diverse Contexts. Bristol: Multilingual Matters, 2020. P. 13–32.
26. Celik S. Why learning about language teaching methods, past and present, is important. Approaches and Principles in English as a Foreign Language (EFL) Education. Ankara : Eylül, 2020.

References

1. Lemoine B. Scientific data and religious opinions 2022 // Medium. URL: <https://cajundiscordian.medium.com/scientific-data-and-religious-opinions-ff9b0938fc10> (data obrashcheniya: 21.06.2022).
2. Sparkes M. Sentient AI: Has Google's LaMDA artificial intelligence really come to life // New Scientist. 2022. URL: <https://www.newscientist.com/article/2323905-has-googles-lambda-artificial-intelligence-really-achieved-sentience/>
3. Gibert M., Martin D. In search of the moral status of AI: why sentience is a strong argument // AI & SOCIETY. 2022. Vol. 37 (1). P. 319–330.

4. Schmidt T., Strasser T. Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching: A CALL for Intelligent Practice // *Anglistik*. 2022. Vol. 33. P. 165–184. doi: 10.33675/ANGL/2022/1/14
5. Chiu T.K.F. et al. Systematic literature review on opportunities, challenges, and future research recommendations of artificial intelligence in education // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 4. P. 100–118.
6. Lim W.M., Gunasekara A., Pallant J.L., Pallant J.I., Pechenkina E. Generative AI and the future of education: Ragnarök or reformation? A paradoxical perspective from management educators // *International Journal of Management Education*. 2023. Vol. 21 (2). Art. 100790. doi: 10.1016/j.ijme.2023.100790
7. Mohamed A.M. Exploring the potential of an AI-based Chatbot (ChatGPT) in enhancing English as a Foreign Language (EFL) teaching: Perceptions of EFL Faculty members // *Education and Information Technologies*. 2024. Vol. 29 (3). P. 3195–3217. doi: 10.1007/s10639-023-11917-z
8. Belaya kniga. Iskusstvennyy intellekt i obrazovaniye korotko o tom, chto proiskhodit, Method, VSHM SPBGU // *Iskusstvennyy intellekt Rossiyskoy Federatsii*. 19.03.2024. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2024_belaya_kniga_iskusstvennyy_intellekt_i_obrazovanie_korotko_o_tom_chto_proishodit_method_vshm_spbgu/
9. Sysoyev P.V., Filatov YE.M., Yevstigneyev M.N., Polyakov O.G., Yevstigneyeva I.A., Sorokin D.O. Matritsa instrumentov iskusstvennogo intellekta v lingvometodicheskoy podgotovke budushchikh uchiteley inostrannogo yazyka // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2024. № 29 (3). S. 559–588. doi: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588
10. Zhang L. A New Machine Learning Framework for Effective Evaluation of English Education // *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. 2021. Vol. 16 (12). P. 142–153. doi: 10.3991/ijet.v16i12.23323
11. Chen X., Zou D., Xie H., Cheng G., Liu C. Two Decades of Artificial Intelligence in Education: Contributors, Collaborations, Research Topics, Challenges, and Future Directions // *Educational Technology & Society*. 2022. Vol. 25 (1). P. 28–47.
12. Wang Y., Liu C., Tu Y.-F. Factors affecting the adoption of ai-based applications in higher education: An analysis of teachers' perspectives using structural equation modeling // *Educational Technology & Society*. 2021. Vol. 24 (3). P. 116–129.
13. Choi S., Jang Y., Kim H. Influence of pedagogical beliefs and perceived trust on teachers' acceptance of educational artificial intelligence tools // *International Journal of Human Computer Interaction*. 2022. doi: 10.1080/10447318.2022.2049145
14. Zhai X., Chu X., Chai C.S., Jong M.S.Y., Istenic A., Spector M., Liu J.-B., Yuan J., Li Y. A review of Artificial Intelligence (AI) in Education from 2010 to 2020 // *Complexity*. 2021. P. 1–18. doi: 10.1155/2021/8812542
15. Istenic A., Bratko I., Rosanda V. Are pre-service teachers disinclined to utilize embodied humanoid social robots in the classroom? // *British Journal of Educational Technology*. 2021. Vol. 52 (6). P. 2340–2358. doi: 10.1111/bjet.13144
16. Kaban A.L., Boy Ergul I. Teachers' Attitudes Towards the Use of Tablets in Six EFL Classrooms // Tomei L., Podovšovnik E. (Eds.) *Advances in Educational Technologies and Instructional Design. Examining the Roles of Teachers and Students in Mastering New Technologies*. IGI Global, 2020. P. 284–298. doi: 10.4018/978-1-7998-2104-5.ch015
17. Tallvid M. Understanding teachers' reluctance to the pedagogical use of ICT in the 1:1 classroom // *Education and Information Technologies*. 2016. Vol. 21 (3). P. 503–519. doi: 10.1007/s10639-014-9335-7
18. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L.B. Intelligence unleashed: An argument for AI in education. 2016. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1475756/>
19. Ji H., Han I., Ko Y. A systematic review of conversational AI in language education: focusing on the collaboration with human teachers // *Journal of Research on Technology in Education*. 2022. Vol. 55 (1). P. 48–63. doi: 10.1080/15391523.2022.2142873
20. Edmett A., Ichaporia N., Crompton H., Crichton R. Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future (Second edition). British Council, 2024. doi: 10.57884/78EA-3C69
21. Passov YE.I., Kuzovleva N.E. Osnovy kommunikativnoy teorii i tekhnologii inoyazychnogo obrazovaniya: metodicheskoye. Posobiye dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo M. : Russkiy yazyk. Kursy, 2010. 568 s.
22. Shamov A.N. Usvoeniye materiala v kontekste kognitivnogo razvitiya shkol'nikov // *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2017. № 9. S. 2–10.
23. Borzova YE.V. Uprazhneniya i zadaniya kak glavnyy faktor organizatsii deyatel'nosti uchashchikhsya v inoyazychnom obrazovanii // *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2015. № 7. С. 7–14.
24. Lambert C., Zhang G. Engagement in the Use of English and Chinese as Foreign Languages: The Role of Learner Generated Content in Instructional Task Design // *The Modern Language Journal*. 2019. Vol. 103 (2). doi: 10.1111/modl.12560 0026-7902/19/391–411
25. Lambert C. Frameworks for Using Tasks in Second Language Instruction // Lambert C., Oliver R. (Eds.) *Using Tasks in Second Language Teaching: Practice in Diverse Contexts*. Bristol: Multilingual Matters, 2020. P. 13–32.
26. Celik S. Why learning about language teaching methods, past and present, is important. Approaches and Principles in English as a Foreign Language (EFL) Education. Ankara : Eylul, 2020.

Информация об авторах:

Борзова Е.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: borzovaelena40@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5006-1480

Шеманаева М.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: Indy2002@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2847-4000

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Borzova, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: borzovaelena40@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5006-1480

M.A. Shemanaeva, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: indy2002@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2847-4000

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 24.02.2025;
approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 378:811.111
doi: 10.17223/15617793/516/19

Модель иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов: унификация и диверсификация

Марина Романовна Ваягина¹, Анна Владимировна Цепилова², Марина Михайловна Бажутина³

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, marmalkina@rambler.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, avt85@mail.tsu.ru

³ Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, kurs-veka21@yandex.ru

Аннотация. Переосмысливается проблема содержательного наполнения иноязычной коммуникативной компетенции выпускника неязыкового вуза. Обобщён опыт отечественной лингводидактики и проанализированы современные трактовки целевой компетенции. Представлена авторская модель иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, обладающей потенциалом для универсального применения. Адаптация к конкретной специальности (направлению подготовки) осуществляется посредством детализации каждого компонента через дескрипторы.

Ключевые слова: иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция (ИПКК), неязыковой вуз, иноязычная подготовка, дескрипторы, компоненты

Для цитирования: Ваягина М.Р., Цепилова А.В., Бажутина М.М. Модель иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов: унификация и диверсификация // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 160–171. doi: 10.17223/15617793/516/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/19

Model of foreign-language professional and communicative competence for students of non-linguistic universities: unification and diversification

M.R. Vanyagina¹, A.V. Tsepilova², M.M. Bazhutina³

¹ Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation, marmalkina@rambler.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, avt85@mail.tsu.ru

³ Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, kurs-veka21@yandex.ru

Abstract. The article addresses the challenge of defining the content of foreign language competence for graduates of non-linguistic universities, drawing attention from both the academic community and practising educators. The study is motivated by the current state of foreign language instruction for students of non-language majors, ongoing reforms in the higher education system, and the lack of clear definitions for the target competence as outlined in the Federal State Educational Standards. The article offers a historiographical review that consolidates insights from Russian linguodidactics and analyses contemporary trends in developing the content and structure of this competence. It concludes that professionally oriented foreign language communication should be prioritised, suggesting that the competence in question be termed “foreign-language professional and communicative competence”. The authors propose its model, which, though not entirely new, is presented as universally applicable and adaptable to various non-language major courses of study. The model includes core competences, such as linguistic, sociocultural, informational, pragmatic, self-educational, and language-professional ones, each of which can be further broken down into components. Adaptation to specific audiences and organisational and pedagogical conditions is achieved by detailing each component with descriptors representing learning outcomes in terms of skills. The article provides examples for developing descriptors for communicative language activities based on the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) and Russia’s traditional four-point rating system. To facilitate their practical use, the descriptors are categorised by communicative language activities across three levels – sufficient, basic, and advanced – that correspond to A2-B2 levels. At the same time, the authors emphasise the fact that responsibility for developing such descriptors should lie with organisers of foreign language training, taking into account factors such as the current level of language proficiency, the rating system, instructional hours, and other factors. The practical value of the proposed model lies in its flexibility for planning learning outcomes, designing curricula, developing training courses, and addressing other challenges related to resource optimisation, teaching staff efficiency, and adapting to the evolving demands of foreign language instruction in non-linguistic universities.

Keywords: foreign-language professional and communicative competence, non-linguistic university, foreign language training, descriptors, components

For citation: Vanyagina, M.R., Tsepilova, A.V. & Bazhutina, M.M. (2025) Model of foreign-language professional and communicative competence for students of non-linguistic universities: unification and diversification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 160–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/19

Введение

Современные общественно-политические реалии, ситуация на рынке труда и в высшем образовании вновь требуют пристального внимания к проблемам реализации иноязычной подготовки на неязыковых специальностях, особенно в области целеполагания и планирования образовательных результатов. Английский язык, изучаемый в качестве иностранного подавляющим большинством российских студентов, по-прежнему остаётся языком международного общения, однако сферы его применения, содержание и формы коммуникации подлежат пересмотру, что неминуемо влечёт за собой смещение фокуса в организации процесса обучения. К сожалению, администрации вузов иногда ставят под сомнение целесообразность его преподавания на лингвистических направлениях и видят решение в простом сокращении количества учебных часов [1, 2]. В сложившихся условиях возможность требуемого ФГОС ВО 3++ развития коммуникативной компетенции и прироста общего уровня владения иностранным языком (ИЯ) у выпускников неязыковых вузов выглядит как некая абстракция и заслуживает пристального внимания исследователей и практиков.

Продуктивным представляется сосредоточиться на конкретных умениях, задействованных в академической и профессиональной коммуникации. Для их конкретизации и адаптации к актуальному уровню владения иностранным языком следует вновь пересмотреть содержание и компонентный состав целевой компетенции. Наличие только формулировки УК-4 во ФГОС ВО 3++ на фоне отсутствия других нормативных актов, раскрывающих её содержание, не вносит ясности в вопрос «Что есть иноязычная коммуникативная компетенция (ИКК) выпускника неязыковой специальности (направления подготовки)?». Из обоих вариантов формулировки УК-4 для бакалавриата и специалитета следует способность к владению ИЯ в профессиональной и академической сферах, в том числе с использованием коммуникативных технологий. Разнообразные подходы к определению и составу искомой ИКК составляют весьма разрозненную картину, поскольку формулировки разных методических школ отличаются между собой, не говоря уже о количестве и составе её компонентов. В условиях неопределённости, о которых пишет Т.Ю. Полякова касательно очередной реформы в высшем образовании [3], основанием для качественного и эффективного осуществления диверсифицированного обучения ИЯ – пути модернизации непрерывной профессиональной иноязычной подготовки в неязыковых вузах [4]. В сложившихся условиях обращение к определению и составу ИКК продиктовано не желанием предложить ещё одну трактовку, а назревшей необходимостью разработать понятную «работающую» модель данной компетенции с универ-

сальным набором компонентов, с потенциалом для последующей детализации через дескрипторы, с учётом действующей системы оценивания, практическая ценность которой заключается в возможности последующего создания системы планируемых результатов, рабочих программ, содержания учебных курсов и т.д., и отвечающую требованиям современной лингводидактики.

С научной точки зрения потребность в такой модели продиктована общеизвестными законами развития научного знания: от анализа к синтезу, от дифференциации к интеграции. Соответствующая область не является исключением: на протяжении более десяти лет исследователи предлагали авторские концепции ИКК, включали в её состав новые компоненты в зависимости от контингента обучаемых, специфики курса и конкретных поставленных задач. Принимая во внимание многообразие существующих трактовок, можно утверждать, что современный этап характеризуется потребностью в модели, которая может претендовать на некую универсальность и иметь потенциал для адаптации к любой специальности и конкретным условиям обучения.

Следует, однако, отметить, что в настоящее время сама необходимость пересмотра понятия и структуры целевой компетенции и разработки её модели может являться предметом для дискуссии. Это обусловлено как современными тенденциями в лингводидактике, где исследователи вновь стали описывать цели и результаты обучения через традиционные для педагогики знания, умения и навыки, так и курсом на реформирование системы высшего образования, в рамках которого ставится под сомнение эффективность самого компетентностного подхода. Как отмечает Н.А. Кулаков [5], последний подходит лишь для создания программ по ряду относительно новых специальностей. С другой стороны, лингвистика и лингводидактика являются теми областями научных знаний, которым термин «компетенция» обязан своим существованием, и на данный момент вряд ли можно найти категорию, которая бы лучше отражала сущность и результаты коммуникативной деятельности. Поэтому авторы считают оптимальным опираться на действующие образовательные стандарты и разрабатывать модель компетенции, формирование которой призвано стать целью обучения ИЯ на неязыковых специальностях (направлениях подготовки).

Далее по тексту статьи искомое новообразование будет обозначаться устоявшимся в лингводидактике термином «иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция» или аббревиатурой ИПКК, поскольку речь идёт о высшем образовании и студентах неязыковых специальностей. Более того, включение профессиональной составляющей обусловлено действующей формулировкой УК-4. В обозначенном кон-

тексте формирование умений иноязычной коммуникации именно в профессиональной деятельности находится в приоритете, следовательно, учёт профессиональной составляющей, определение её места и роли среди других компонентов являются одной из основных задач любого исследования в области профессиональной лингводидактики, и наше в этом смысле не является исключением. В этой связи *цель исследования* – разработать модель ИПКК для неязыковых специальностей (направлений подготовки) с описанием её компонентов и дать примеры дескрипторов по уровням владения компетенцией. Логика построения данной модели базируется на принципах унификации (приведение к единообразию её компонентов) и диверсификации (реализация вариативного содержания дескрипторов), что не противоречит, а наоборот, должно способствовать диверсификации иноязычной подготовки, которую констатирует Т.Ю. Полякова [4].

Обзор литературы

Практически сразу после взятия курса на компетентностно ориентированное образование стала очевидной потребность в выделении отдельной компетенции, отвечающей за коммуникацию в профессиональной сфере, которая не может сводиться к компетенциям устного и письменного общения, входящим в перечень ключевых в документах Совета Европы. Именно тогда начали появляться исследования, где ставилась задача учесть специфику профессиональной коммуникации специалистов в различных областях при разработке содержания и компонентного состава искомого новообразования.

Примечательно, что в ранних работах, посвященных проблеме, соответствующая компетенция ещё не носила названия профессиональной. Так, например, в работах О.Г. Полякова речь шла о коммуникативной языковой способности, являющейся целью профильно-ориентированного обучения иностранному языку и характеризующейся взаимодействием компонентов коммуникативной компетенции с профессиональным или академическим контекстом [6]. Н.В. Пятеева разрабатывает содержание соответствующего понятия применительно к инженерным специальностям и называет его иноязычной компетентностью, представляющей собой способность и готовность решать задачи профессиональной деятельности в процессе общения с носителями языка. В составе исследователь выделяет три компонента: мотивационно-ценностный, когнитивно-деятельностный и эмоционально-волевой [7]. Наиболее полное для тех лет определение и детальное описание именно *профессионально-коммуникативной* (курсив наш. – Авт.) компетенции можно найти в трудах Л.С. Зникиной, которая выделяет в составе последней ряд структурных (профессиональная рефлексия, социальная перцепция и межкультурная перцепция) и функциональных (информационный, поведенческий и мотивационный) компонентов. Концепция выстраивается применительно к специфике профессионального общения менеджеров, причём именно в широком смысле: автор не

ограничивается коммуникацией на иностранном языке, хотя и уделяет особое внимание межкультурной составляющей и подчёркивает потенциал иноязычной подготовки [8].

Примерно к концу 2000-х гг. в отечественной педагогической науке выкристаллизовалось понятие, обозначающее компетенцию профессионального общения на иностранном языке, содержание и компонентный состав которого активно разрабатывались до начала 2020-х. Примечательно, что, хотя соответствующие исследования ведутся и по сей день, до сих пор нет единого термина для его обозначения. В различных работах она получила название иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности [9], иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции [10–12], профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции [13], профессионально-иноязычной коммуникативной компетентности [14], иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности [15], иноязычной профессиональной компетентности [16], межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции [17] и др. Отдельные исследователи адаптируют название к контексту профессиональной деятельности специалиста или даже задачам конкретного исследования. Так, например, Э.Г. Крылов [18] использует термин «иноязычная инженерная компетентность магистрантов», чтобы конкретизировать содержание профессиональной коммуникации, а по тексту работы можно встретить формулировки «иноязычная компетентность магистрантов в профессиональной деятельности», «англоязычная инженерная компетентность» и «иноязычная коммуникативная компетентность в научной и инженерной сферах». Кроме того, А.В. Цепилова вводит понятие интегрированной иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности [19]; в работе А.Ю. Колотаевой и Л.П. Халыпиной используется термин «иноязычная предметная компетенция» [20]; М.Р. Ванягина описывает компонентный состав иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции [21], а М.М. Бажугина и А.В. Цепилова используют термин «integrative ESP competence» [22].

Что касается компонентного состава рассматриваемого новообразования, то за последние два десятилетия можно выделить две тенденции в его описании: через компоненты, представляющие собой группы определённых умений и через субкомпетенции или составные компетенции. При этом до сих пор нет единой точки зрения на их набор и содержательное наполнение отдельных составляющих. Пример первого подхода можно найти в работе С.Е. Цветковой и С.В. Дюдяковой, которые описывают структуру профессионально-иноязычной коммуникативной компетенции через мотивационный, когнитивно-деятельностный и рефлексивно-оценочный компоненты. Первый характеризуется пониманием целей изучения иностранного языка, наличием потребности в его изучении и стремлением стать компетентным специалистом в своей области. Второй компонент подразумевает знания о языковой системе, нормах и правилах коммуникации и умения в разных видах речевой деятельности, включая

технический перевод, а последний компонент предполагает адекватную оценку собственных знаний и достижений, способность к самообразованию и саморазвитию [23]. А.Ю. Колотаева и Л.П. Халяпина выделяют в составе иноязычной предметной компетенции языковой, предметный, коммуникативный, межкультурный и когнитивный компоненты, а в качестве дескрипторов используют традиционные для педагогики понятия: знания, умения и навыки, определённым перечнем которых и характеризуется каждый из них [20].

В рамках второго подхода наиболее часто выделяемыми компетенциями являются лингвистическая или языковая, социокультурная, дискурсивная, стратегическая, прагматическая (или социальная [9]), т.е. те, которые традиционно включены в состав иноязычной коммуникативной. Отдельные исследователи добавляют к ним социально-информационную, социально-политическую и персональную [9], которые, по сути, относятся к ключевым компетенциям Совета Европы. Профессиональное наполнение понятия отражено в таких компонентах как лингвопрофессиональная [9], профессиональная [19], военно-профессиональная [21], специальная лингвистическая, когнитивная и операционно-технологическая [13], общепрофессиональные и специальные [12] компетенции.

На данном этапе развития соответствующей области науки можно выявить тенденцию описания ИПКК и отдельных её аспектов через умения. Так, например, в диссертации Е.И. Шпит перечисляются группы умений внутридисциплинарного письма как одного из компонентов профессиональной коммуникативной компетенции: профессионально-предметные, профессионально-риторические, жанрово-стилистические, текстовые, лингвистические и информационно-коммуникативные [24]. Некоторые исследователи вообще отказались от упоминания ИПКК в формулировке цели обучения профессионально ориентированному языку и фокусируются на определённых навыках и умениях, рассматривая в качестве целей или планируемых результатов именно их.

Анализ многочисленных формулировок искомой иноязычной компетенции и подходов к её формированию обнаруживает также некоторые тенденции. С одной стороны, это явное тяготение к включению знаний по профильным предметам в состав иноязычной компетенции, формируемой посредством интегрированного предметно-языкового подхода (CLIL – Content and language integrated learning), и профессиональной составляющей [25]. Дело в том, что профессиональный компонент в CLIL подразумевает овладение предметным содержанием на ИЯ. В силу специфики реализации подхода CLIL в российских вузах, что неоднократно обсуждалось ранее [26, 27], данный вариант иноязычной компетенции вряд ли подходит на роль универсального. С другой стороны, появились исследования, представляющие модели, в которых имеет место «сплав» иноязычной компетенции и универсальных умений (т.н. soft skills): коммуникативных, лидерских, командных, публичных и т.д. [28–30], – что также смещает фокус с собственно иноязычной подго-

товки. В этой связи в нашем исследовании разрабатывается модель ИПКК, обладающая потенциалом для адаптации к обучению студентов любого неязыкового направления подготовки и специальности и включающая ряд компонентов с соответствующими значимыми умениями, которые описаны с помощью дескрипторов.

Материалы и методы

Выбор методов исследования был обусловлен целью исследования, характером собранных данных, процедурой и целью их анализа. Для решения поставленных задач был использован ряд научных методов. Во-первых, это анализ научной литературы, нормативных документов, изучение и обобщение передового педагогического опыта по вопросу разработки понятия «иноязычная коммуникативная компетенция студентов неязыковых направлений подготовки и специальностей». Во-вторых, было применено моделирование универсальной ИПКК, её компонентов и примерных уровневых дескрипторов. Материалом для анализа и моделирования послужили разработанные ранее авторские модели ИПКК [21, 31], дескрипторы «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком» (CEFR)¹ для уровней А2–В2, а также дескрипторы для уровней А2–В2, описывающие коммуникативные умения студентов ряда неязыковых направлений подготовки (специальностей) [22, 32].

Результаты

Иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция (ИПКК) студентов неязыковых вузов – это формируемая и развиваемая средствами иностранного языка в рамках профессиональной подготовки специалистов различного профиля способность эффективно участвовать в иноязычной профессиональной коммуникации. Достижение необходимого уровня ИПКК является главной целью обучения ИЯ в вузах, а «иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция рассматривается как основа иноязычного обучения в высшей профессиональной школе» [21. С. 19].

Иноязычная профессионально-коммуникативная компетенция (ИПКК) имеет многогранную структуру и включает в себя компоненты, необходимые для успешного функционирования иностранного языка в профессиональной сфере. Мы выделили шесть ключевых компетенций, составляющих ИПКК: лингвистическую, социокультурную, информационную, прагматическую, самообразовательную и лингвопрофессиональную. Эти компетенции тесно взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга, обеспечивая целостность иноязычной коммуникации (табл. 1).

Лингвистическая компетенция – это базовый компонент, определяющий владение ИЯ на уровне, необходимом для повседневного общения и профессиональной деятельности. Она подразделяется на два ключевых компонента: языковой и речевой. Языковой компонент – знание системы языка – включает в себя понимание и использование грамматических правил,

владение лексическим запасом, состоящим как из общеупотребительной лексики, так и профессиональной терминологии, а также владение основными особенностями произношения на ИЯ, т.е. на уровне аппроксимации, не препятствующем коммуникации. Важно отметить, что знание языка – не просто пассивное накопление информации, а способность применять знания на практике, умение анализировать языковые структуры, понимать нюансы значения слов и выражений в контексте. Современные лингвистические исследования всё больше внимания уделяют корпусной лингвистике, позволяющей анализировать реальные языковые данные и выявлять закономерности употребления слов и выражений. Это помогает более точно определить необходимый объём лексики и грамматики для достижения определённого уровня коммуникативной компетенции. Речевой компонент представляет собой

практическое умение использовать языковые знания в различных видах речевой деятельности. Он включает в себя как рецептивные (аудирование и чтение), так и продуктивные умения (говорение и письмо). Кроме того, сюда входят медиативные умения, такие как перевод (письменный и устный), аннотирование, реферирование, а также способность к интеракции, связанной с умением речевого взаимодействия, сотрудничества, ведения диалога, участия в дискуссиях. Развитие речевого компонента требует постоянной практики, использования разнообразных коммуникативных стратегий и адаптации к различным контекстам общения. Например, умение строить аргументированное выступление на профессиональной конференции требует не только владения словарным запасом, но и овладения навыками публичных выступлений, управления аудиторией и умением отвечать на вопросы.

Таблица 1

Структура иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции

Компетенции, входящие в ИПКК	Компоненты компетенции	Содержание компетенции
Лингвистическая	Языковой	Знание и владение фонетикой, лексикой, грамматикой языка
	Речевой	Владение видами речевой деятельности: чтение, аудирование (рецепция); письмо, говорение (продукция); интеракция; перевод (медиация)
Социокультурная	Фоновый	Владение фоновыми знаниями о культуре, социальной среде, особенностях коммуникации в профессиональной сфере, реалиях и нормах речевого поведения носителей стран(ы) изучаемого языка и представителей иных культур
	Межкультурный	Способность осуществлять деловую и межличностную межкультурную коммуникацию, вести диалог культур
Информационная	Рецептивный	Умение находить и воспринимать необходимую информацию из иноязычных источников
	Продуктивный	Умение обрабатывать, создавать, представлять и передавать информационные тексты
Прагматическая	Стратегический	Умение выбирать и применять подходящую стратегию коммуникации в зависимости от условий с учётом принятых норм
	Компенсаторный	Способность использовать все имеющиеся средства для решения коммуникативных задач в условиях недостаточного владения ИЯ
Самообразовательная	Организационный	Способность организовывать самостоятельное изучение ИЯ с использованием необходимых ресурсов и технологий
	Развивающий	Способность использовать ИЯ для обучения, самообразования, научной и исследовательской деятельности, профессионального развития
Лингвопрофессиональная	Терминологический	Понимание и применение профессиональной терминологии с учётом особенностей функционирования профессионального языка
	Дискурсивный	Понимание и умение создавать связные высказывания и основные типы текстов профессионального дискурса
	Операционный	Умение решать профессиональные задачи посредством ИЯ

Социокультурная компетенция выходит за рамки знания системы языка. Она предполагает учёт культурного контекста и социальных ролей собеседников, понимание и уважение культурных норм, традиций, ценностей и особенностей речевого поведения носителей изучаемого языка и носителей иных культур. Социокультурная компетенция включает в себя осознание потенциальных культурных и социальных различий, которые могут влиять на интерпретацию сообщений, и умение адаптировать свой стиль коммуникации к специфике культурной среды. Например, знакомство с этикетом делового общения в иноязычной среде, с особенностями невербальной коммуникации, понимание культурных нюансов в формулировании профессиональных запросов – всё это является неотъемлемой частью социокультурной компетенции. То, что принято в одной культуре, может счи-

таться неприемлемым в другой. Овладение данным аспектом предполагает развитие культурологической грамотности. Недостаточное внимание к этому аспекту может привести к недопониманию, конфликтам и неэффективности профессионального взаимодействия. Современные исследования всё больше внимания уделяют проблемам межкультурной коммуникации в свете влияния глобализации и интеграции на формирование новой социокультурной реальности, что требует адаптации и постоянного самообразования в данной области.

Информационная компетенция связана с умением находить, обрабатывать, анализировать и использовать информацию на иностранном языке. Она включает в себя способность работать с различными источниками информации (книги, статьи, Интернет-ресурсы, базы данных, профессиональные документы),

критически оценивать полученную информацию, выделять главное, структурировать данные и представлять их в удобном для восприятия виде. Одна из фундаментальных функций языка – передача информации – приобретает всё более значимый вес. В современном мире, характеризующемся стремительным развитием цифровых технологий и глобализацией, умение эффективно работать с информацией стало критически важным фактором успеха во всех сферах деятельности. В профессиональной сфере это особенно важно, так как многие специалисты работают с иностранными источниками информации, и им необходимо их использовать в своей профессиональной деятельности. В контексте иноязычной коммуникации информационная компетенция делится на две основные составляющие: информационно-рецептивную и информационно-продуктивную. Информационно-рецептивная компетенция подразумевает способность понимать, анализировать и интерпретировать информацию, получаемую из различных иноязычных источников. Она включает в себя не только пассивное восприятие информации, но и умение критически её оценивать, выявлять ключевые моменты, сравнивать различные точки зрения и интегрировать полученные знания в существующую систему представлений. Развитие данной компетенции требует освоения разнообразных стратегий чтения и аудирования, а также углубленного понимания культурного контекста, влияющего на интерпретацию информации. Так актуализируется непосредственное взаимовлияние разных компонентов ИПКК. Информационно-продуктивная компетенция, в свою очередь, фокусируется на способности обрабатывать, генерировать, передавать и распространять информацию на иностранном языке. Она включает умение создавать различные типы текстов (письменные и устные), адаптировать информацию для целевой аудитории, использовать различные коммуникативные стратегии, а также эффективно использовать цифровые инструменты для создания и распространения профессионального контента.

Прагматическая компетенция означает умение выбирать адекватные языковые средства и стратегии в соответствии с контекстом общения для достижения поставленной коммуникативной цели. Она включает в себя умение адаптировать свой стиль общения к различным ситуациям, учитывать социальные роли участников коммуникации, правильно интерпретировать невербальные сигналы, а также выбирать соответствующий стиль и регистр речи (например, формальный для делового письма, неформальный для общения с друзьями). Прагматическая компетенция заполняет разрыв между знанием языка и умением им пользоваться. Мы можем разделить прагматическую компетенцию на два взаимосвязанных компонента: стратегический и компенсаторный. Стратегический компонент предполагает умение разрабатывать и применять эффективную коммуникативную стратегию в зависимости от ситуации. Он включает планирование разговора, выбор подходящих тем, умение задавать вопросы, поддерживать диалог, корректно реагировать на реплики собеседника, управлять взаимодействием в группе,

например, при работе над совместным проектом на иностранном языке, а также умение «читать» между строк, учитывать невербальные сигналы собеседника и адаптировать к ситуации свой стиль общения. Без этого даже безупречное знание грамматики и богатый словарный запас окажутся бесполезными. Компенсаторный компонент, позволяющий использовать весь арсенал коммуникативных средств в условиях недостаточного владения языком, особенно важен на начальных этапах обучения, когда владение ИЯ ограничено. Он заключается в умении находить выход из ситуации, когда не хватает слов или грамматических знаний для точного выражения мысли. Это набор «спасательных кругов», позволяющих преодолевать языковой барьер. К компенсаторным стратегиям относятся: использование жестов и мимики, переспрос, применение упрощённых фраз, замена слов синонимами или описательными выражениями, использование клишированных речевых формул и визуальных источников информации (при наличии). Важно понимать, что использование компенсаторных стратегий – не признак языковой слабости, а показатель адаптивности и креативности в речевой деятельности. Более того, они помогают создавать ощущение успеха и уверенности в своих силах на разных этапах обучения.

Самообразовательная компетенция необходима для постоянного совершенствования коммуникативных навыков и умений и расширения знаний в области иностранного языка и сопутствующих дисциплин. Способность и готовность к непрерывному самостоятельному обучению не ограничивается только изучением иностранных языков, но является ключевым умением для успеха в любой профессиональной сфере в условиях быстро меняющегося мира. В эпоху «обучения на протяжении жизни» (life-long learning) способность самостоятельно получать новые знания и формировать умения стала жизненно необходимой. Самообразовательная компетенция в контексте изучения иностранного языка включает в себя умение планировать свой учебный процесс, выбирать подходящие учебные материалы (учебники, онлайн-курсы, аудио- и видеоматериалы), эффективно использовать различные ресурсы (словари, грамматические справочники, онлайн-переводчики), вести мониторинг собственного прогресса и вносить корректировки в траекторию коммуникативного развития в соответствии с достигнутыми результатами. Самообразовательная компетенция пересекается с информационной, так как включает в себя умение критически оценивать информацию, выбирать наиболее достоверные и релевантные источники обучения, а также работать с разными форматами информации, от печатного текста до видео. Важным аспектом самообразовательной компетенции является умение использовать разнообразные методы обучения, способы организации учебного материала и техники запоминания и выбирать те, которые наиболее эффективны для конкретного студента. Не менее важной является способность к рефлексии, т.е. к анализу собственных сильных и слабых сторон, оценке эффективности применяемых методов и внесению необходимых корректировок в процесс обучения. Самостоятельное

обучение требует высокой степени самоорганизации и дисциплины, способности к постановке целей и контролю за их достижением. Развитие самообразовательной компетенции является непрерывным процессом, который требует постоянной работы над собой и стремления к самосовершенствованию.

Лингвопрофессиональная компетенция представляет собой интегративный компонент, объединяющий языковые навыки, речевые умения с профессиональными компетенциями. Это способность использовать иностранный язык для решения коммуникативных задач в конкретной профессиональной области. Лингвопрофессиональная компетенция выходит за рамки простого владения языком, поскольку она требует глубокого понимания профессиональной специфики, владения профессиональным лексиконом, терминологией и дискурсом. В контексте подготовки высоко квалифицированных кадров разных профилей лингвопрофессиональная компетенция приобретает особую значимость, т.к. является дифференцирующим признаком, отличающим обучение ИЯ одних специалистов от обучения других. Профессионально ориентированное иноязычное обучение должно быть направлено на решение конкретных профессиональных задач, требующих использования ИЯ. Например, военнослужащий должен понимать боевые приказы и карты, анализировать разведывательную информацию, участвовать в передаче и расшифровке сообщений в радиоэфире. Инженер должен уметь читать, понимать и создавать техническую документацию. Лингвопрофессиональная компетенция подразделяется на три взаимосвязанных компонента: терминологический, дискурсивный и операционный. Терминологический компонент предполагает не только знание профессиональной терминологии на иностранном языке, но и понимание её семантики, нюансов употребления и взаимосвязи между терминами. Важно понимать, что профессиональная терминология часто характеризуется высокой степенью специфичности и многозначности, что требует тщательного анализа контекста для точного понимания. Дискурсивный компонент ориентирован на понимание и создание текстов профессионального дискурса. Он включает умение анализировать различные типы профессиональных документов и создавать свои собственные, используя соответствующий стиль и лексику. Профессиональный дискурс, как правило, отличается высокой степенью формализации, точностью и лаконичностью изложения. Обучение должно включать практику написания разных жанров профессиональных документов, разбор стилистических особенностей и развития навыков редактирования и реферирования. Операционный компонент представляет собой способность применять коммуникативные умения для решения конкретных профессиональных задач. Для развития данного компонента компетенции можно включать такие задания, как, проведение переговоров с представителями иностранных делегаций, анализ иностранных источников информации для планирования профессиональных мероприятий, подготовка и проведение презентаций на международных конференциях и т.д. Развитие лингвопрофессиональной компетенции

требует целенаправленного системного иноязычного обучения, учитывающего специфику функционирования профессионального языка. Объединяя лингвистические знания и профессиональные навыки, традиционные педагогические технологии и современные цифровые платформы можно обеспечить высокий уровень подготовки специалистов.

Эффективное владение ИПКК требует интегративного подхода к обучению, учитывающего взаимосвязь шести компетенций. Только гармоничное развитие всех компонентов позволяет достичь высокого уровня иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, необходимой для успешной реализации специалиста в профессиональной коммуникации.

Для дальнейшей детализации ИПКК нами были подвергнуты анализу требования ФГОС ВО к выпускникам вузов по компетенции «Коммуникация»², дескрипторы иноязычной коммуникативной компетенции, представленные в программном документе Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (CEFR)¹, Концепция развития англоязычной коммуникативной компетенции студентов НИУ ВШЭ³, Соглашение Bureau for International Language Coordination об уровнях владения иностранными языками военнослужащими⁴ в связи с тем, что оно «имеет систему прописанных показателей, позволяющих адекватно оценить уровень владения иностранным языком для профессиональных целей» [33. С. 112], а также примерные программы по ИЯ [34, 35]. На основе анализа указанных источников и с учётом принятой в Российской Федерации 5-балльной системы оценки успеваемости учащихся (в реальности 4-балльной: «неудовлетворительно», «удовлетворительно», «хорошо», «отлично», т.к. единица не ставится), нами были выделены три основных уровня владения иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, соответствующих оценкам «удовлетворительно», «хорошо», «отлично»: достаточный, базовый и продвинутый. Для каждого уровня ИПКК предлагается дальнейшая детализация в виде дескрипторов. Нам представляется важным подчеркнуть взаимосвязь и пересечение компонентов ИПКК, поэтому дескрипторы отражают не общие компоненты компетенции, а отдельные виды речевой деятельности, включающие в себя все необходимые элементы ИПКК. Например, в чтении иноязычных профессиональных текстов актуализируются такие компоненты компетенции, как лингвистический (распознавание лексики, понимание грамматических правил), информационный (восприятие информации), лингвопрофессиональный (понимание употребления профессиональных терминов в указанном типе дискурса), социокультурный (считывание культурных аллюзий, представленных в тексте), самообразовательный (организация работы с текстом), прагматический (выбор стратегии чтения). Необходимо отметить, что указанные дескрипторы ИПКК могут пересматриваться экспертами в зависимости от особенностей каждого вуза, специальности, иноязычных коммуникативных потребностей в соответствующей отрасли [36] и преобладающего типа организаций в плане интенсивности межкультурной коммуникации [37].

Подчеркнём, что планирование результатов обучения по ИЯ – это в любом случае ответственность лиц, обеспечивающих иноязычную подготовку «на местах». Представленный ниже пример описания дескрипторов ИПКК по видам речевой деятельности –

лишь один из возможных вариантов реализации технологии проектирования результатов обучения ИЯ, адаптированный в данной статье к привычным для российского образования уровням «достаточный», «базовый», «продвинутый» (табл. 2).

Таблица 2

Дескрипторы уровней иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции

	Достаточный (A2)	Базовый (B1)	Продвинутый (B2)
Аудирование	Понимает простую фактуальную информацию, указания; основные положения устных высказываний, сообщений (в процессе беседы, во время прослушивания простой, хорошо структурированной и иллюстрированной презентации с визуальной опорой). Понимает основную мысль из аудио-визуальных источников информации по знакомой профессиональной теме при условии соблюдения говорящим нормативного произношения и относительно медленного темпа речи	Понимает фактуальную профессиональную информацию, указания; большую часть устных высказываний, сообщений по основным профессиональным темам. Понимает основную мысль из аудио-визуальных источников информации по знакомой профессиональной теме при условии соблюдения говорящим в основном нормативного произношения и среднего темпа речи; Понимает советы и инструкции по решению проблемы с продуктом профессиональной деятельности или частью оборудования	Понимает сложную профессиональную информацию, указания; устные высказывания, сообщения на профессиональных мероприятиях по большинству профессиональных тем. Понимает большую часть информации из аудиовизуальных источников по большинству профессиональных тем, выделяя главную и второстепенную информацию, определяя важную прецизионную информацию
Чтение	Может в целом с небольшими ограничениями, пользоваться справочной литературой, информационными ресурсами и платформами для поиска и обработки необходимой информации; на удовлетворительном уровне. Понимает основное содержание несложного учебного текста по общепрофессиональной дисциплине при наличии возможности перечитать и использовать словарь. Понимает основное содержание официальных писем и деловой переписки	Может пользоваться справочной литературой, информационными ресурсами и платформами на ИЯ. На хорошем уровне понимает основное содержание научно-профессиональной статьи и её аннотации, нормативных актов, основных типов текста профессионального дискурса и может оценить релевантность источника для профессиональной деятельности при наличии возможности перечитать и использовать словарь. Понимает содержание официальных писем и деловой переписки	Может самостоятельно выбрать вид чтения (ознакомительное, изучающее, поисковое или просмотровое) в зависимости от экстралингвистической цели при работе со справочной литературой, информационными ресурсами и платформами в условиях работы с несколькими текстами на ИЯ. Понимает содержание научно-профессиональной статьи и её аннотации, нормативных актов, практически всех типов текста профессионального дискурса по различным профессиональным темам и может оценить релевантность источника для профессиональной деятельности. Понимает содержание и нюансы официальных писем и деловой переписки
Говорение	Может вести несложную беседу о себе, своей учёбе в вузе, увлечениях, свободном времени, а также желаниях, предпочтениях и интересах в рамках профессиональной тематики; простой профессиональный диалог в режиме «вопрос – ответ» на знакомую профессиональную тему при наличии возможности переспросить. Может реализовывать свои коммуникативные намерения в простой форме с экстралингвистическими опорами (запрос и передача информации, просьба, обещание, отказ и др.)	Может реализовывать свои коммуникативные намерения в соответствии с правилами делового этикета в типичных для межкультурной деловой и межличностной коммуникации ситуациях: совещание, отчёт, презентация и т.п. с предварительной подготовкой, а также приветствие, обращение к коллеге, запрос и передача информации, просьба, обещание, отказ, аргументация, выражение мнения и др. с опорой на известные речевые образцы; ответить на последующие вопросы при наличии возможности переспросить, в т.ч. с использованием телекоммуникационных средств. Может вести профессиональный диалог в режиме «вопрос – ответ» в пределах известных тем, в т.ч. в ситуации собеседования на работу, при наличии возможности переспросить. Может общаться по телефону в типичных рабочих ситуациях при наличии возможности переспросить	Может вести беседу по профессиональной тематике. Может реализовывать свои коммуникативные намерения в соответствии с правилами делового этикета в типичных для межкультурной деловой коммуникации ситуациях и в ситуациях неформального общения с коллегами: рассказать о своей роли, задачах, обязанностях и др., в т.ч. с использованием телекоммуникационных средств. Может вести профессиональный диалог в режиме «вопрос – ответ»: описать свой опыт, умения, прокомментировать действия коллеги и задать ему необходимые вопросы. Может ясно отстаивать точку зрения. Может в ситуации собеседования на работу описать свои умения, сложные ситуации, через которые удалось пройти, мотивацию и цели на ближайшее будущее. Может общаться по телефону в типичных рабочих ситуациях
Письмо	Может заполнить простой бланк. Может написать простое деловое письмо и сообщение для отправки посредством электронных средств	Может написать деловое письмо и сообщение в соответствии с нормами функционально-стилевой организации текстов этих жанров для отправки посредством электронных	Может написать по электронной почте и другим средствам связи по различным деловым вопросам, приводя доводы в поддержку или про-

	Достаточный (A2)	Базовый (B1)	Продвинутый (B2)
	коммуникации: запрос информации, ответ на запрос, деловое предложение, благодарность и т.д. Может делать план, краткий конспект источника для доклада по специальности. Может написать простые инструкции по использованию устройства или продукта с использованием известных речевых опор	средств коммуникации, запрашивая или сообщая деловую информацию. Может делать краткие заметки от прослушанного доклада, сообщения. Может написать резюме, сопроводительное письмо для устройства на работу. Может написать основную документацию и относительно простые распространённые типы профессиональных текстов. Может делать конспект источника для доклада по специальности	тив конкретной точки зрения и объясняя преимущества и недостатки различных вариантов. Может написать подробное резюме и сопроводительное письмо. Может написать основные типы профессиональных текстов. Может написать аннотацию для своей научной статьи, реферата, выпускной квалификационной работы. Может написать подробный план проекта с ключевыми результатами, отчёт о выполненном задании, описание проблемы с продуктом/оборудованием
Перевод	Может перевести письменно и устно с иностранного на родной язык короткие тексты по повседневной тематике, включая новостные сообщения, простой диалог в рамках деловой беседы на общепрофессиональные темы при наличии возможности переспросить и простые короткие профессиональные тексты с визуальными опорами (надписи, инструкции, баннеры, таблички, плакаты) с использованием словаря; перевод может содержать языковые и/или речевые неточности, но при этом он остаётся понятным	Может перевести письменно с иностранного на родной язык основные типы профессиональных текстов, аннотацию к научной статье по знакомой профессиональной теме и/или её фрагмент, используя при необходимости словарь; перевод может содержать незначительные неточности, но при этом он остаётся понятным и адекватным. Может перевести устно с иностранного на родной язык устное сообщение, доклад, беседу по знакомой профессиональной теме, испытывая иногда незначительные трудности в ходе формулировки мысли; перевод может содержать незначительные языковые и/или речевые неточности, но при этом он остаётся понятным и адекватным	Может выполнить точный письменный перевод с иностранного на родной язык большинства типов профессиональных текстов, аннотацию и научную статью по профессиональной теме с помощью словаря, если это необходимо. Может делать грамотные заметки и переводческие записи прослушанного сообщения на деловых встречах и семинарах. Может перевести устно с иностранного на родной язык основные типы профессиональных текстов, а также аннотацию к научной статье по знакомой профессиональной теме и/или её фрагмент, не испытывая затруднений

Дискуссия и выводы

Результаты данного исследования конкретизируют концепцию примерных программ по ИЯ для неязыковых специальностей и направлений подготовки, предложенную двумя авторами данной статьи в 2022 г. [31] и развивают концепцию профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей школе, разработанную третьим автором [21]. Представленная в рамках концепции модель ИПКК приобрела теперь детальное представление и в своём нынешнем виде может послужить основой для создания примерных программ по ИЯ для неязыковых направлений подготовки, на актуальность и необходимость которых указывала в своём докладе Т.Ю. Полякова⁵ на ежегодной Всероссийской конференции преподавателей неязыковых вузов в МГЛУ 22 июня 2023 г. как одного из способов справиться с очередным вызовом в системе высшего образования.

В целом предложенная авторами статьи модель ИПКК полностью коррелирует с разработанными в последние два десятилетия подходами к формулировке, структуре и содержанию целевой компетенции выпускника неязыкового вуза [34, 35]. Включение профессионального компонента в модель ИПКК отражает интеграцию языковой и профессиональной подготовки в зарубежном подходе LSP (Language for specific purposes), о чём пишет в своей книге К. Хайленд [38. С. 215]. В рамках данного подхода также присутствует понятие ESP competence [39], определение и содержание которой аналогичны представленной ИПКК.

Описание компонентов предложенной модели ИПКК посредством трёхуровневых дескрипторов с привязкой к видам речевой деятельности позволяет разработчикам рабочих программ и курсов детализировать требуемые результаты обучения, другими словами, компоненты ИПКК – константы, а дескрипторы – переменные, которые могут быть модифицированы и детализированы для формулировки планируемых результатов обучения, создания рабочих программ, курсов, учебных материалов и т.д. Пример такой детализации был дан также ранее для ряда неязыковых УГСН в виде уровневых шкал дескрипторов [22, 32].

Заключение

Представленная в статье модель ИПКК – это попытка сделать шаг в сторону оптимизации использования ресурсов, имеющихся в распоряжении педагогических коллективов, и адаптации к постоянно изменяющимся условиям в преподавании ИЯ в неязыковых вузах. Отобранные компоненты ИПКК претендуют, на наш взгляд, на максимально полное раскрытие искомой компетенции в соответствии с действующим ФГОС ВО и достижениями лингводидактики. Предложенные формулировки дескрипторов могут быть использованы для выполнения конкретных задач по планированию образовательного процесса и носят рекомендательный характер. Заявка на универсальность данной модели ИПКК должна подтверждаться апробацией, и в этой связи авторы надеются получить обратную связь от разработчиков рабочих программ по дисциплине «иностранный язык» в неязыковых вузах.

Примечания

- ¹ Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion volume. Council of Europe Publishing, Strasbourg, 2020. URL: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4>
- ² Федеральный государственный образовательный стандарт для высшего образования по направлению подготовки 23.03.02 Наземные транспортно-технологические комплексы. 2020. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/230302_B_3_23082020.pdf
- ³ Концепция развития англоязычной коммуникативной компетенции студентов НИУ ВШЭ. 2020. URL: <https://hse.ru/data/2020/08/19/1586248108/Прил-4.%20Концепция%20развития%20англоязычной%20коммуникативной%20компетенции.pdf>
- ⁴ Bureau for International Language Coordination. Overview of language proficiency levels. 2019. URL: <https://natobilc.org/documents/TrainingResources/STANAG%206001%20Overview%20Feb%202019.pdf>
- ⁵ Доклад Т.Ю. Поляковой «Развитие системы подготовки по иностранному языку в условиях реформирования высшей школы» на ежегодной Всероссийской конференции преподавателей неязыковых вузов «Актуальные векторы практической подготовки по иностранному языку в неязыковом вузе» 22 июня 2023 года.

Список источников

1. Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. Обучение студентов иноязычной коммуникации в профессиональном дискурсе: мотивационный аспект // *Язык и культура*. 2023. № 62. С. 141–161. doi: 10.17223/19996195/62/8
2. Цепилова А.В. К вопросу о планировании результатов обучения иностранному языку в условиях сокращения объёма иноязычной подготовки (на примере ТПУ) // *Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования. Сборник тезисов IV Международной научно-практической конференции памяти кандидата педагогических наук, доцента Н.А. Качалова*. Томск, 2023. С. 327–332.
3. Полякова Т.Ю. Развитие подготовки по иностранному языку в неязыковых вузах в условиях реформирования высшего образования // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2024. Вып. 2 (851). С. 77–83.
4. Полякова Т.Ю. Подготовка по иностранному языку в неязыковых вузах: основные вызовы в условиях Четвёртой промышленной революции // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2023. Вып. 2 (847). С. 61–66. doi: 10.52070/2500-3488_2023_2_847_61
5. Кулаков Н.А. Реформа системы высшего образования в России: проблемы законодательного регулирования и стандартизации // *Lex russica*. 2023. № 76 (11). С. 129–139. doi: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.129-139
6. Поляков О.Г. Аспекты профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 192 с.
7. Пятаева Н.В. Технология формирования иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2007. № 3. С. 290–294.
8. Зникина Л.С. Концепция профессионально-коммуникативной компетенции как системы экстрафункционального обеспечения профессиональных функций менеджеров // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2005. № 1 (45). С. 137–142.
9. Андриенко А.С. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза (на основе кредитно-модульной технологии обучения): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2007. 25 с.
10. Волежанина И.С. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в системе непрерывного профессионального образования // *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения*. 2010. № 24. С. 56–64.
11. Краснощёкова Г.А. Роль преподавателя в формировании иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции студентов инженерных специальностей // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2015. № 32. С. 72–77.
12. Безукладников К.Э., Новосёлов М.Н., Крузе Б.А. Особенности формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции будущего учителя иностранного языка // *Язык и культура*. 2017. № 38. С. 152–170. doi: 10.17223/19996195/38/11
13. Крылов Э.Г. Профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция будущего инженера // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*. 2013. № 7 (49). С. 51–58.
14. Минеева О.А. Формирование профессионально-иноязычной коммуникативной компетентности будущих инженеров в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009. 23 с.
15. Лифанова Е.А., Баграмова Н.В. Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности студентов-программистов // *Достижения вузовской науки*. 2014. № 12. С. 32–35.
16. Грднева Б.О. Формирование иноязычной профессиональной компетентности студентов как актуальная педагогическая проблема // *Казанский педагогический журнал*. 2011. № 3. С. 44–49.
17. Мухаркина С.А. Формирование межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции студента в образовательном процессе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2009. 23 с.
18. Крылов Э.Г. Оценка иноязычной инженерной компетентности магистрантов в процессе продуктивной учебной и научной деятельности // *Язык и культура*. 2012. № 4 (20). С. 72–82.
19. Цепилова А.В. Интегрированная иноязычная профессионально-коммуникативная компетентность в составе профессиональной компетентности современного инженера // *Вестник ТГПУ*. 2017. № 1 (178). С. 87–92.
20. Колотаева А.Ю., Халяпина Л.П. Формирование иноязычной предметной компетенции студента технического вуза в рамках реализации предметно-языкового интегрированного обучения // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 27, № 6. С. 1522–1536. doi: 10.20310/1810-0201-2022-27-6-1522-1536
21. Ванягина М.Р. Развитие иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции курсантов как цель обучения иностранным языкам в высшей военной школе // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2024. № 3. С. 15–28. doi: 10.24412/2304-120X-2024-11029
22. Bazhutina M.M., Tsepilova A.V. The Development of CEFR-based Descriptors for Assessing Engineering Students' Integrative ESP Competence // *ESP Today*. 2024. Vol. 12, Iss. 1. P. 93–117. doi: 10.18485/esptoday.2024.12.1.5
23. Цветкова С.Е., Дюдюкова С.В. Профессионально-иноязычная коммуникативная компетенция будущих инженеров в области кораблестроения // *Сибирский педагогический журнал*. 2015. № 3. С. 91–97.
24. Шпит Е.И. Развитие умений внутридисциплинарного письма у аспирантов технического вуза (на материале английского языка): дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2024. 229 с.
25. Кудряшова А.В. Интегрированный предметно-языковой подход в современной российской лингводидактике (университетский уровень) // *Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы III Международной научно-практической конференции, Минск, 26–27 марта 2020 года / редколлегия: Е.А. Пригодич [и др.]*. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 217–220.
26. Сысоев П.В. Дискуссионные вопросы внедрения предметно-языкового интегрированного обучения студентов профессиональному общению в России // *Язык и культура*. 2019. № 48. С. 349–371. doi: 10.17223/19996195/48/22
27. Sidorenko T.V., Rosanova Y.V., Medvedeva O., Eimilienė V. CLIL and ESP at Tertiary Education: Perspectives of Russia and Lithuania // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 474. С. 35–45. doi: 10.17223/15617793/474/5

28. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4
29. Khvostenko A. Assessment of Soft Skills Maturity of Engineering Students at Novosibirsk State Technical University (NSTU) // Anikina Z. (Ed.) Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Cross-cultural Perspectives. IEEEHIP. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2022. Vol. 499. P. 262–268. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_28
30. Klets T., Korenetskaya I., Kuzmichenko A., Vodneva S., Matsevich S. Soft Skills as a Component of Foreign Language Training of Engineering Students // Anikina Z. (Ed.) Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Cross-cultural Perspectives. IEEEHIP. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2022. Vol. 499. P. 278–286. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_30
31. Бажутина М.М., Цепилова А.В. Концепция примерных программ по дисциплине «Иностранный язык» для неязыковых специальностей и направлений подготовки // Высшее образование в России. 2022. № 7. С. 137–150. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-137-150
32. Bazhutina M.M. Integrated Foreign Languages Teaching: Development of Learning Outcomes for IT Majors // Перспективы науки и образования. 2023. № 2 (62). С. 280–292. doi: 10.32744/pse.2023.2.16
33. Ванигина М.Р. Оценивание уровня владения иностранным языком в высшей военной школе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 195. С. 107–118. doi: 10.20310/1810-0201-2021-26-195-107-118
34. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы). М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 32 с.
35. «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов: комплект программ для трёх ступеней высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) // Л.Г. Кузьмина, Е.Н. Соловова, М.А. Стернина. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 38 с.
36. Цепилова А.В., Бажутина М.М., Чижаткина Е.Д. К вопросу о разработке технологии создания системы адресных планируемых результатов обучения иностранному языку в инженерном вузе // Язык. Общество. Образование : сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Томск, 10–12 ноября 2022 года / под ред. Ю.В. Кобенко. Томск : Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2022. С. 351–355.
37. Бажутина М.М., Цепилова А.В. Интегративное обучение иностранным языкам: планирование результатов (на примере инженерных специальностей и направлений подготовки) // Язык. Общество. Образование : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Томск, 10–12 ноября 2021 года / под ред. Ю.В. Кобенко. Томск : Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2021. С. 167–170.
38. Hyland K. English for Specific Purposes: What is It and Where is It Taking Us? // ESP Today. 2022. № 10, Is. 2. P. 202–220. doi: 10.18485/esptoday.2022.10.2.1
39. Luka I. English for Special Purposes: Components, Criteria, Levels and Development Model // Proceedings of the International Conference: Towards a Better Language Education. Vilnius, 2009. P. 1–15.

References

1. Abramova I.E., Shishmolina Y.E.P. Obuchenije studentov inoyazychnoy kommunikatsii v professional'nom diskurse: motivatsionnyy aspekt // Yazyk i kul'tura. 2023. № 62. S. 141–161. doi: 10.17223/19996195/62/8
2. Tsepilova A.V. K voprosu o planirovanii rezul'tatov obucheniya inostrannomu yazyku v usloviyakh sokrashcheniya ob'yema inoyazychnoy podgotovki (na primere TPU) // Lingvisticheskiye i kul'turologicheskiye aspekty sovremennogo inzhenernogo obrazovaniya. Sbornik tezisev IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati kandidata pedagogicheskikh nauk, dotsenta N.A. Kachalova. Tomsk, 2023. S. 327–332.
3. Polyakova T.YU. Razvitiye podgotovki po inostrannomu yazyku v neyazykovykh vuzakh v usloviyakh reformirovaniya vysshego obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki. 2024. Vyp. 2 (851). S. 77–83.
4. Polyakova T.YU. Podgotovka po inostrannomu yazyku v neyazykovykh vuzakh: osnovnyye vyzovy v usloviyakh Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki. 2023. Vyp. 2 (847). S. 61–66. doi: 10.52070/2500-3488_2023_2_847_61
5. Kulakov N.A. Reforma sistemy vysshego obrazovaniya v Rossii: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i standartizatsii // Lex russica. 2023. № 76 (11). S. 129–139. doi: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.129-139
6. Polyakov O.G. Aspekty profil'no-orientirovannogo obucheniya angliyskomu yazyku v vysshey shkole. Tambov : Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2004. 192 s.
7. Patyayeva N.V. Tekhnologiya formirovaniya inoyazychnoy kompetentnosti studentov inzhenernykh spetsial'nostey // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2007. № 3. С. 290–294.
8. Znikina L.S. Kontseptsiya professional'no-kommunikativnoy kompetentsii kak sistemy ekstraktsional'nogo obespecheniya professional'nykh funktsiy menedzherov // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2005. № 1 (45). С. 137–142.
9. Andriyenko A.S. Razvitiye inoyazychnoy professional'noy kommunikativnoy kompetentnosti studentov tekhnicheskogo vuza (na osnove kreditno-modul'noy tekhnologii obucheniya) : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Rostov n/D, 2007. 25 s.
10. Volegzhanina I.S. Formirovaniye inoyazychnoy professional'noy kommunikativnoy kompetentsii v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya. 2010. № 24. S. 56–64.
11. Krasnoshchekova G.A. Rol' prepodavatelya v formirovanii inoyazychnoy professional'noy kommunikativnoy kompetentsii studentov inzhenernykh spetsial'nostey // Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty. 2015. № 32. S. 72–77.
12. Bezukladnikov K.E., Novoselov M.N., Kruze B.A. Osobennosti formirovaniya inoyazychnoy professional'noy kommunikativnoy kompetentsii budushchego uchitelya inostrannogo yazyka // Yazyk i kul'tura. 2017. № 38. S. 152–170. doi: 10.17223/19996195/38/11
13. Krylov E.G. Professional'naya inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya budushchego inzhenera // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznanii i pedagogiki. 2013. № 7 (49). S. 51–58.
14. Mineyeva O.A. Formirovaniye professional'no-inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti budushchikh inzhenerov v vuze : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Nizhny Novgorod, 2009. 23 s.
15. Lifanova Y.E.A., Bagarmova N.V. Formirovaniye inoyazychnoy professional'no-kommunikativnoy kompetentnosti studentov-programmistov // Dostizheniya vuzovskoy nauki. 2014. № 12. S. 32–35.
16. Gridneva B.O. Formirovaniye inoyazychnoy professional'noy kompetentnosti studentov kak aktual'naya pedagogicheskaya problema // Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal. 2011. № 3. S. 44–49.
17. Mukharkina S.A. Formirovaniye mezhkul'turnoy kommunikativno-professional'noy kompetentsii studenta v obrazovatel'nom protsesse : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Orenburg, 2009. 23 s.
18. Krylov E.G. Otsenka inoyazychnoy inzhenernoy kompetentnosti magistrantov v protsesse produktivnoy uchebnoy i nauchnoy deyatel'nosti // Yazyk i kul'tura. 2012. № 4 (20). S. 72–82.
19. Tsepilova A.V. Integrirovannaya inoyazychnaya professional'no-kommunikativnaya kompetentnost' v sostave professional'noy kompetentnosti sovremennogo inzhenera // Vestnik TGPU. 2017. № 1 (178). S. 87–92.
20. Kolotayeva A.YU., Khalyapina L.P. Formirovaniye inoyazychnoy predmetnoy kompetentsii studenta tekhnicheskogo vuza v ramkakh realizatsii predmetno-yazykovogo integrirovannogo obucheniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2022. T. 27, № 6. S. 1522–1536. doi: 10.20310/1810-0201-2022-27-6-1522-1536

21. Vanyagina M.R. Razvitiye inoyazychnoy kommunikativnoy voyenno-professional'noy kompetentsii kursantov kak tsel' obucheniya inostrannym yazykom v vysshey voyennoy shkole // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2024. № 3. S. 15–28. doi: 10.24412/2304-120X-2024-11029
22. Bazhutina M.M., Tsepilova A.V. The Development of CEFR-based Descriptors for Assessing Engineering Students' Integrative ESP Competence // ESP Today. 2024. Vol. 12, Is. 1. P. 93–117. doi: 10.18485/esptoday.2024.12.1.5
23. Tsvetkova S.E., Dyudiyakova S.V. Professional'no-inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya budushchikh inzhenerov v oblasti korablestroyeniya // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2015. № 3. S. 91–97.
24. Shpit YE.I. Razvitiye umeniy vnutridistsiplinarnogo pis'ma u aspirantov tekhnicheskogo vuza (na materiale angliyskogo yazyka) : dis. ... kand. ped. nauk. Tomsk, 2024. 229 s.
25. Kudryashova A.V. Integrirovannyi predmetno-yazykovoy podkhod v sovremennoy rossiyskoy lingvodidaktike (universitetskiy uroven') // Inostrannyye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya : materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Minsk, 26–27 marta 2020 goda / redkollegiya: YE.A. Prigodich [i dr.]. Minsk : Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2020. S. 217–220.
26. Sysoyev P.V. Diskussionnye voprosy vnedreniya predmetno-yazykovogo integrirovannogo obucheniya studentov professional'nomu obshcheniyu v Rossii // Yazyk i kul'tura. 2019. № 48. S. 349–371. doi: 10.17223/19996195/48/22
27. Sidorenko T.V., Rosanova Y.V., Medvedeva O., Eimulienė V. CLIL and ESP at Tertiary Education: Perspectives of Russia and Lithuania // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 474. C. 35–45. doi: 10.17223/15617793/474/5
28. Zharova YU.V., Obdalova O.A. Sistemoobrazuyushchiye rezul'taty integrativnykh formatov sovmestnoy raboty v inoyazychnoy podgotovke budushchikh inzhenerno-tekhnicheskikh spetsialistov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 488. S. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4
29. Khvostenko A. Assessment of Soft Skills Maturity of Engineering Students at Novosibirsk State Technical University (NSTU) // Anikina Z. (Ed.) Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Cross-cultural Perspectives. IEEEHIP. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2022. Vol. 499. P. 262–268. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_28
30. Klets T., Korenetskaya I., Kuzmichenko A., Vodneva S., Matsevich S. Soft Skills as a Component of Foreign Language Training of Engineering Students // Anikina Z. (Ed.) Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Cross-cultural Perspectives. IEEEHIP. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2022. Vol. 499. P. 278–286. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_30
31. Bazhutina M.M., Tsepilova A.V. Kontseptsiya primernykh programm po distsipline «Inostrannyi yazyk» dlya neyazykovykh spetsial'nostey i napravleniy podgotovki // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2022. № 7. S. 137–150. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-137-150
32. Bazhutina M.M. Integrated Foreign Languages Teaching: Development of Learning Outcomes for IT Majors // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2023. № 2 (62). S. 280–292. doi: 10.32744/pse.2023.2.16
33. Vanyagina M.R. Otsenivaniye urovnya vladeniya inostrannym yazykom v vysshey voyennoy shkole // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2021. T. 26, № 195. S. 107–118. doi: 10.20310/1810-0201-2021-26-195-107-118
34. Primernaya programma po distsipline «Inostrannyi yazyk» dlya podgotovki bakalavrov (neyazykovyye vuzy). M. : IPK MGLU «RemA», 2011. 32 s.
35. «Inostrannyi yazyk» dlya neyazykovykh vuzov i fakul'tetov: komplekt programm dlya trekh stupeney vysshego obrazovaniya (bakalavriat, magistratura, aspirantura) / L.G. Kuz'mina, YE.N. Solovova, M.A. Sternina. Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU, 2016. 38 s.
36. Tsepilova A.V., Bazhutina M.M., Chizhatkina YE.D. K voprosu o razrabotke tekhnologii sozdaniya sistemy adresnykh planiruyemykh rezul'tatov obucheniya inostrannomu yazyku v inzhenernom vuze // Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye : sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tomsk, 10–12 noyabrya 2022 goda / pod red. YU.V. Kobenko. Tomsk : Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy politekhnicheskii universitet, 2022. S. 351–355.
37. Bazhutina M.M., Tsepilova A.V. Integrativnoye obucheniye inostrannym yazykam: planirovaniye rezul'tatov (na primere inzhenernykh spetsial'nostey i napravleniy podgotovki) // Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye : sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tomsk, 10–12 noyabrya 2021 goda / pod red. YU.V. Kobenko. Tomsk : Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy politekhnicheskii universitet, 2021. S. 167–170.
38. Hyland K. English for Specific Purposes: What is It and Where is It Taking Us? // ESP Today. 2022. № 10, Is. 2. P. 202–220. doi: 10.18485/esptoday.2022.10.2.1
39. Luka I. English for Special Purposes: Components, Criteria, Levels and Development Model // Proceedings of the International Conference: Towards a Better Language Education. Vilnius, 2009. P. 1–15.

Информация об авторах:

Ванягина М.Р. — канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: marmalkina@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-8492-3520

Цепилова А.В. — канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам и междисциплинарных исследований образования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avt85@mail.tsu.ru. ORCID: 0000-0003-2568-1474

Бажутина М.М. — канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: kurs-veka21@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-8471-995X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.R. Vanyagina, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: marmalkina@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-8471-995X

A.V. Tsepilova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avt85@mail.tsu.ru. ORCID: 0000-0003-2568-1474

M.M. Bazhutina, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: kurs-veka21@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-8471-995X

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.02.2025;
одобрена после рецензирования 29.03.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 07.02.2025;
approved after reviewing 29.03.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 378:37.018.43:004.5
doi: 10.17223/15617793/516/20

Анализ проблемы цифровой доступности электронного обучения в психолого-педагогической литературе

Екатерина Алексеевна Косова¹, Ольга Владимировна Галустян²

¹Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru
²Южный федеральный университет, (Ростов-на-Дону, Россия, ovgalustyan@srfedu.ru

Аннотация. Выполнен анализ русскоязычных публикаций по цифровой доступности электронного обучения. Получены данные о динамике развития темы за 2012–2024 гг., определены наиболее продуктивные акторы в исследуемой области. Выделены тематические кластеры, задающие ключевые направления исследований в сфере цифровой образовательной инклюзии, обозначены ограничения, сохраняющиеся в русскоязычных публикациях и требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: цифровая доступность, цифровая инклюзия, электронное обучение, ассистивные технологии, адаптивное обучение, библиометрический анализ

Для цитирования: Косова Е.А., Галустян О.В. Анализ проблемы цифровой доступности электронного обучения в психолого-педагогической литературе // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 172–185. doi: 10.17223/15617793/516/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/20

Analyzing the Problem of Digital Accessibility in E-Learning in Psycho-Pedagogical Literature

Y.A. Kosova¹, O.V. Galustyan²

¹V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru
²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, ovgalustyan@srfedu.ru

Abstract. The article aims to analyze Russian-language publications on the digital accessibility of e-learning, identify general publication trends, cluster thematic links, and formulate proposals for developing the scientific field of digital educational inclusion. A bibliometric review of 106 Russian-language articles on digital inclusion in education, published between 2012 and 2024 and indexed in eLibrary.Ru, was performed. Data were retrieved using a two-part query and screening to exclude irrelevant documents. The bibliometric networks were visualized using VOSviewer and augmented with descriptive statistics and regression models to identify publication activity trends. Temporal analysis revealed an increase in publication activity after 2019, which coincided with the global shift toward digital education during the pandemic. Thematic trends revealed a preponderance of discussion-analytical articles (45.3%) addressing digital inequality, while empirical and theoretical studies were underrepresented (22.6% and 17.9%, respectively). Analyzing keywords by their co-occurrence in publications identified four thematic clusters: 1) assistive technologies and inclusive practices in education, 2) the digital transformation of the educational environment and teacher training, 3) the digital accessibility of electronic educational resources, and 4) the pandemic as a catalyst for digital inclusion. The analysis of keyword density revealed two non-overlapping semantic areas that characterize the key research vectors in the field of digital inclusion: the introduction of assistive technologies and adaptive strategies in education, and the overcoming of technical barriers to accessibility by complying with WCAG recommendations. Synthesizing these approaches could lead to the development of inclusive solutions that meet international standards. The study revealed several shortcomings: limited productivity of authors (an average of 1.1 publications per author), low citation rates (an average of 6.2 citations per article, with 37.7% of articles receiving no citations), insufficient attention to learners with cognitive and neurological disabilities, and a lack of studies on integrating the latest information and communication technologies to improve the accessibility of electronic educational resources and environments. The results confirmed the need to strengthen the methodological basis of digital accessibility in e-learning through cross-cluster and interdisciplinary work. Additionally, it is necessary to intensify empirical research in the field of digital inclusion to obtain scientifically sound results based on real data and validated methods. Exploring the applicability of machine learning, artificial intelligence, and augmented reality methods to analyze inclusive educational environments, improve the overall accessibility of e-learning, and develop personalized assistive solutions is promising.

Keywords: digital accessibility, digital inclusion, e-learning, assistive technologies, adaptive learning, bibliometric analysis

For citation: Kosova, Y.A. & Galustyan, O.V. (2025) Analyzing the Problem of Digital Accessibility in E-Learning in Psycho-Pedagogical Literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 172–185. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/20

Введение

Современные исследования все чаще обращаются к проблеме обеспечения равного доступа к электронному обучению для всех категорий обучающихся, включая уязвимые группы – лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью [1–3]. Под электронным обучением традиционно подразумевают образовательный процесс, организованный с применением информационно-коммуникационных технологий [4–7]. Тренд к всеобщей доступности электронного обучения получил глобальное распространение в период карантинных мероприятий, связанных с пандемией COVID-19 [8, 9]. Выявленные чрезвычайной ситуацией недостатки в инфраструктуре, методологии, педагогических технологиях и компетенциях, ограничивающие равноправное участие всех обучающихся в образовательном процессе, послужили триггером системных изменений в понимании и развитии концепций цифрового разрыва, цифровой инклюзии и цифровой доступности [9–13].

Термины «цифровой разрыв» (англ. digital divide), «цифровое отчуждение» (англ. digital exclusion) и «цифровое неравенство» (англ. digital inequality) применяются для описания механизмов лишения людей технологий, электронных услуг и цифровых сред, обеспечивающих широкий спектр участия и преимуществ в жизни, что влечет депривацию, сепарацию и дискриминацию [14, 15]. В противоположность цифровому разрыву используется понятие «цифровой инклюзии» (англ. digital inclusion) – концепции включения, сосредоточенной на политике сокращения цифрового неравенства, в том числе, в образовании [14–17]. Терминологическое поле цифровой инклюзии составляют также родственные ей понятия – «цифровая интеграция» [15], «э-инклюзия» [18] и, собственно «инклюзивное цифровое обучение», целью которого является предоставление равных возможностей электронного обучения всем, независимо от пола, возраста, расы, цвета кожи, этнической принадлежности, наличия ОВЗ и других особенностей [19]. Отдельное место в понятийном аппарате цифровой образовательной инклюзии занимает концепция «цифровой доступности электронного обучения» (англ. e-learning accessibility) – характеристики цифровых ресурсов, инструментов и технологий, обеспечивающей их способность удовлетворять потребности всех обучающихся, в том числе, лиц с ОВЗ, с учетом персональных особенностей, нужд и предпочтений [2]. Считается, что цифровой ресурс доступен, если любой пользователь может воспринимать размещенный на нем контент, управлять им, понимать его смысл и реализовывать обратную связь [20]. Требования цифровой доступности регулируются, в первую очередь, Руководящими принципами доступности веб-контента (англ. Web Content Accessibility Guidelines, WCAG) [21], а также международными и национальными регламентами, использующими WCAG в качестве эталонного документа. Электронное обучение, соответствующее принципам доступности, рассматривается как эффективный способ преодоления цифрового разрыва и достижения цифровой инклюзии в образовании [2, 16, 22–24].

В современной литературе представлены аналитические и систематические обзоры публикаций, посвященных проблемам цифровой образовательной инклюзии и цифровой доступности электронного обучения (например, [19, 25–28]). Исследовательский интерес вызывают библиометрические обзоры, реконструирующие динамику публикационной активности, выявляющие наиболее влиятельных авторов и выстраивающие семантические сети терминологических взаимосвязей. В частности, в последние несколько лет опубликованы библиометрические исследования публикаций по веб-доступности [29], эволюции электронного обучения [30–33], цифровой доступности в образовании [2, 34], применению информационно-коммуникационных ассистивных решений в обучении лиц с ОВЗ [35]. Вместе с тем не обнаружено обзорных работ, отражающих развитие темы цифровой инклюзии в русскоязычных публикациях.

Целью данного исследования является выполнение библиометрического анализа русскоязычных статей по цифровой доступности электронного обучения для выявления общих публикационных тенденций, ведущих авторов и изданий, кластеризации тематических связей и формулирования предложений по развитию научного направления цифровой образовательной инклюзии.

В этой связи сформулированы следующие **исследовательские вопросы**:

1. Как изменялась динамика публикационной активности в области цифровой доступности электронного обучения в русскоязычных исследованиях за последние 20 лет?
2. Какие авторы, организации и журналы демонстрируют наибольшую продуктивность и влияние в исследуемой области?
3. Какие тематические кластеры и концептуальные связи характеризуют русскоязычные исследования цифровой образовательной инклюзии?
4. Какие методологические, терминологические и инфраструктурные ограничения и пробелы сохраняются в русскоязычных исследованиях и требуют дальнейшего изучения?

Материал и методы

Исследование выполнялось в феврале-марте 2025 года. Источником библиографических данных являлась российская научная электронная библиотека eLibrary.Ru [36], основным методом – библиометрический анализ.

На первом этапе с помощью расширенного поиска на сайте библиотеки были отобраны публикации, посвященные вопросам цифровой доступности в образовании и электронном обучении. Отбор выполнялся 7 февраля 2025 г. в соответствии с параметрами: поисковый запрос – «(цифровая доступность OR универсальный дизайн обучения OR веб-доступность OR стандарты доступности OR WCAG OR ассистивные технологии OR цифровая инклюзия) AND (электронное обучение OR онлайн-обучение OR дистанционное обучение OR цифровое образование OR образовательные

технологии OR виртуальное обучение OR мобильное обучение)»; тип публикации – статьи в журналах; поиск – в названии публикации, аннотации и ключевых словах (с учетом морфологии); период опубликования – 2005–2025 гг. В поисковой выдаче было получено 999 статей.

На втором этапе выполняли скрининг первичной выборки и исключение из нее нерелевантных публикаций исходя из анализа наименований и аннотаций документов. Основаниями для исключения являлись: отсутствие открытого бесплатного доступа к полному тексту; любой язык, кроме русского; ложные срабатывания (полное отсутствие пересечений с тематикой цифровой доступности и образовательной инклюзии); несоответствие теме (нерелевантное тематике обзора использование терминологии, например, общие рассуждения на тему цифрового разрыва, не включающие конкретики по цифровой доступности в образовании). Отобранные публикации (106 документов, что составляет 10,6% от результатов первичной поисковой выдачи) экспортировали в программное обеспечение для систематизации библиографических описаний Zotero 6.0.36¹ (Corporation for Digital Scholarship, USA) с формированием итоговой выборки данных в формате RIS.

На третьем этапе исследования осуществляли обработку данных с применением специализированного программного обеспечения VOSviewer 1.6.20² (Centre for Science and Technology Studies, Leiden University, The Netherlands), предназначенного для генерирования библиометрических сетей. В ходе работы сформировали семантические кластеры на основе совместной встречаемости терминов. Перед визуализацией провели нормализацию ключевых слов (всего 435 лексических единиц), идентифицировав синонимичные пары для последующего объединения. Для унификации терминологического аппарата разработали тезаурус с 96 корректирующими правилами, что позволило сократить исходный массив ключевых слов до 366 единиц. Критерием включения в финальную визуализацию стало минимальное пороговое значение – три упоминания термина, что соответствовало 54 ключевым словам (12,4% от первоначального количества).

Для кластерной и хронологической визуализации совместной встречаемости ключевых слов использовали алгоритм VOSviewer «LinLog/Modularity», выделяющий группы терминов на основе тесноты внутренних связей. Для визуализации плотности встречаемости ключевых слов применяли алгоритм VOSviewer «Fractionalization», основанный на взвешивании связей между терминами с учетом количества ключевых слов в метаданных документа.

Анализ данных выполнялся в программе Microsoft Excel (Redmond, Washington, USA) с использованием методов дескриптивной статистики (частотные распределения, таблицы и графики) и регрессионного моделирования для построения трендов публикационной активности. Генеративный чат-бот DeepSeek (Hangzhou, Zhejiang, China) использовался в качестве дополнительного инструмента для анализа данных.

Результаты

В итоговую выборку исследования вошли публикации следующих типов: обзоры литературы (научных статей, стандартов, нормативно-правовых документов) – 6 публикаций (5,7% от общего массива данных); оригинальные исследования (описание и анализ наблюдений, опросов, экспериментов, выполненных авторами) – 24 (22,6%); методологические статьи (описание алгоритмов, рекомендаций, методик и методов) – 19 (17,9%); теоретические статьи (разработка и уточнение теоретических моделей и концепций) – 5 (4,7%); отчеты (описание положения дел в регионах и отдельных учреждениях) – 4 (3,8%); дискуссионно-аналитические статьи (выражение авторской позиции по уже известным вопросам, рассуждения о проблемах, решениях и перспективах) – 48 (45,3%). Немногим более трети статей выборки (39; 36,8%) сочетали в себе несколько категорий. Преобладание публикаций дискуссионно-аналитического типа, сравнительно небольшое количество оригинальных статей, развивающих эмпирическую базу цифровой доступности, и малое число теоретических статей, вносящих вклад в концептуальные основы цифровой образовательной инклюзии, может свидетельствовать о формирующемся характере исследовательской области, где первичное осмысление проблематики через обсуждение и адаптацию имеющегося опыта предшествует этапу концептуализации и эмпирической проработки.

Общие характеристики выборки. В выборке наблюдалось преобладание коллективных работ над индивидуальными, при этом сотрудничество чаще ограничивалось небольшими группами исследователей: 33 документа (31,1% от объема выборки) написаны двумя авторами, 16 (15,1%) – тремя, 15 (14,2%) – коллективами из 4–6 участников. Индивидуальные публикации составили 39,6% от объема выборки.

Статьи были рассредоточены по значительному числу журналов (в среднем 1,5 документа на журнал), что может указывать как на междисциплинарный характер темы, так и на отсутствие доминирующих изданий для ее обсуждения. При этом широкий спектр ключевых слов (по четыре уникальных слова на публикацию в среднем) подчеркивает тематическую раздробленность и множественность исследовательских фокусов в области цифровой доступности образования и электронного обучения.

Низкая продуктивность авторов, большинство из которых редко возвращались к теме (участвовали лишь в одной публикации), косвенно свидетельствует о слабой консолидации научного сообщества вокруг проблемы цифровой доступности электронного обучения. Показатели цитирования также отражают неравномерность развития направления: 40 публикаций (37,7%) не имели цитирований, большинство документов оставались умеренно востребованными (46, 43,4%, от 1 до 10 цитирований), тогда как отдельные работы вызывали повышенный интерес (20, 18,9%, от 11 до 90 цитирований).

Общие характеристики выборки исследования приведены в табл. 1.

Таблица 1

Общие характеристики выборки публикаций

Измеряемый параметр выборки	Значение параметра
Временной период, гг.	2012–2024
Количество статей	106
Количество журналов	72
Среднее количество цитирований статьи ($a \pm \sigma$)	$6,2 \pm 11,7$
Среднее количество статей в год ($a \pm \sigma$)	$8,2 \pm 8,7$
Количество ключевых слов	435
Количество авторов	196
Количество статей с одним автором	42
Количество статей с несколькими авторами	64
Количество статей на одного автора (в среднем) ($a \pm \sigma$)	$1,1 \pm 1,0$
Количество авторов на одну статью (в среднем) ($a \pm \sigma$)	$2,1 \pm 1,2$

Примечание: a – среднее арифметическое; σ – среднеквадратичное отклонение.

Рис. 1. Распределение количества публикаций по годам

Таблица 2

Топ-10 наиболее цитируемых авторов (2012–2024 гг.)

Автор	Аффилиация автора	h-index	Количество цитирований (самцитирований)	Количество процитированных публикаций
Балакина Ю.В.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	9	90 (0)	1
Радина Н.К.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва	16	90 (0)	1
Косова Е.А.	Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь	10	86 (35)	13
Шеманов А.Ю.	Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва	17	46 (2)	1
Романенкова Д.Ф.	Южно-Уральский государственный университет, Челябинск	14	31 (9)	2
Лысак И.В.	Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону	19	30 (1)	1
Мещерякова Н.Н.	Российский государственный гуманитарный университет, Москва	11	29 (1)	1
Роготнева Е.Н.	Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск	11	29 (1)	1
Рындак В.Г.	Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург	24	24 (0)	2
Пономарева М.Н.	Златоустовский техникум технологий и экономики, Челябинская обл., г. Златоуст	НП	24 (2)	1

Примечание: h-index – индекс Хирша автора по всем публикациям в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ); НП – не применимо (автор не имеет профиля в РИНЦ).

Хронологический анализ выявил рост публикационной активности с течением времени (рис. 1). Несмотря на двадцатилетний исходный поисковый диапазон (2005–2025 гг.), первая статья в выборке датирована 2012 г., а положительная динамика наблюдается лишь с 2018 г.: после локального максимума в пять

публикаций (2018 г.) и небольшого снижения активности (2019 г.) начинается степенной рост – с 10 статей в 2020 г. до 24 в 2023 г. Квадратичная регрессионная модель с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,92$ статистически значимо описывает тренд, демонстрируя ускорение исследовательского интереса после 2019 г.,

что, вероятно, связано с интенсификацией обращения к цифровым образовательным практикам в период пандемии COVID-19. Примечательно, что 84,9% всей выборки (90 документов) опубликованы в последние пять лет, что может свидетельствовать о переходе тематики цифровой доступности электронного обучения в фазу активного развития.

Продуктивность и цитируемость авторов. Наиболее цитируемые авторы (от 24 до 90 цитирований) аффилированы с различными образовательными организациями, пять из которых входят в список 100 лучших университетов Российской Федерации за 2024 г. [37] (табл. 2). Авторы имеют средние показатели индекса Хирша в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), что может косвенно свидетельствовать об их умеренном научном влиянии внутри научного сообщества. Большинство записей, представленных в табл. 2, демонстрируют концентрацию цитирований на одной публикации, что характерно для работ, выступивших катализаторами научных дискуссий. При этом низкие показатели самоцитирования у 80% авторов (≤ 2 случаев) указывают на их эпизодическое обращение к проблематике цифровой доступности в образовании, за исключением единичных выбросов (13 публикаций и 35 самоцитирований у Е.А. Косовой), отражающих последовательность разработки темы. В целом, распределение данных подчеркивает фрагментарность исследовательских траекторий – при наличии многократно цитируемых статей их авторы редко возвращаются к теме, что ограничивает накопительный эффект знаний в области цифровой образовательной инклюзии.

Наиболее влиятельные журналы. Из 72 журналов, в которых опубликованы статьи выборки, только 11 (15,3%) принадлежат к «Белому списку», утвержденному Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России), восемь (11,1%) – проиндексированы в RSCI (Russian Science Citation Index, рус. Российский

индекс научного цитирования), шесть (8,3%) – в Scopus (по одному в Q1, Q2 и Q4, три в Q3), четыре (5,6%) – в Web of Science (Q4). Немногим более пятой части журналов (15; 20,8%) включены в Каталог открытого доступа (Directory of Open Access Journals, DOAJ). Большинство изданий (57; 79,2%) принадлежат к спискам Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России (ВАК) с распределением по категориям: K1 – 30,6%, K2 – 34,7%, K3 – 13,9%.

Среди журналов, обладающих наибольшим количеством цитирований (табл. 3), в целом сохраняются тенденции, характерные для всей выборки: менее половины изданий отнесены к «Белому списку», единичные журналы входят в базы RSCI, Scopus, Web of Science и DOAJ. Вместе с тем принадлежность всех изданий к перечню ВАК и присутствие в перечне ведущих педагогических журналов («Вопросы образования» и «Высшее образование в России») косвенно указывает на добротность опубликованных в них работ, а высокая цитируемость журналов, не индексируемых международными базами (например, «Специальное образование» – 71 цитирование при 8 публикациях), показывает востребованность темы в российском научном сообществе.

Самые цитируемые публикации. Самые цитируемые документы (от 19 до 90 цитирований) охватывают девятилетний период (2013–2021 гг.) (табл. 4). В топ-10 преобладают методические и дискуссионно-аналитические статьи (по три документа), публикации других типов (обзор литературы, оригинальное исследование, теоретическое исследование, отчет по учреждению) представлены единичными примерами. Все журналы, в которых опубликованы наиболее влиятельные работы, принадлежат к перечню ВАК, три из них – к «Белому списку», два – к Scopus, один – к Web of Science, четыре – к DOAJ. Тематика статей связана с исследованием тенденций и барьеров цифрового образования, изучением особенностей электронного обучения лиц с ОВЗ, оценкой цифровой доступности инструментов электронного обучения.

Таблица 3

Топ-10 журналов с наибольшим количеством цитирований (2012–2024 гг.)

Журнал	Количество цитирований	Количество документов	Белый список (уровень)	RSCI	ВАК (категория)	Scopus (квартиль)	Web of Science (квартиль)	DOAJ
Вопросы образования	90	2	Да (1)	Да	Да (1)	Да (3)	Да (4)	Да
Специальное образование	71	8	Нет	Нет	Да (2)	Нет	Нет	Нет
Цифровая социология	47	3	Нет	Нет	Да (3)	Нет	Нет	Да
Инновационное развитие профессионального образования	46	3	Нет	Нет	Да (3)	Нет	Нет	Нет
Современная зарубежная психология	46	1	Да (3)	Да	Да (1)	Нет	Нет	Да
Проблемы современного педагогического образования	40	9	Нет	Нет	Да (2)	Нет	Нет	Нет
Современные наукоемкие технологии	33	2	Нет	Нет	Да (1)	Нет	Нет	Нет
Современные проблемы науки и образования	30	1	Нет	Нет	Да (2)	Нет	Нет	Нет
Высшее образование в России	28	2	Да (2)	Нет	Да (1)	Да (1)	Нет	Да
Информационное общество	19	1	Да (4)	Да	Да (2)	Нет	Нет	Нет

Примечание. В столбцах 4–9 указана принадлежность к соответствующему списку журналов; RSCI – Russian Science Citation Index (Российский индекс научного цитирования); ВАК – Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации; DOAJ – Directory of Open Access Journals (Каталог журналов открытого доступа).

Топ-10 самых цитируемых статей (2012–2024 гг.)

Название статьи	Авторы	Журнал	Год	Количество цитирований (самоцитирований)
Вызовы образованию в условиях пандемии: обзор исследований	Радина Н.К., Балакина Ю.В.	Вопросы образования	2021	90 (0)
Цифровые технологии в контексте инклюзии	Шеманов А.Ю.	Современная зарубежная психология	2016	46 (2)
Новые образовательные технологии как средство преодоления цифрового разрыва	Лысак И.В.	Современные наукоемкие технологии	2017	30 (1)
Особенности реализации профессиональных образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с учетом условий обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья	Романенкова Д.Ф.	Современные проблемы науки и образования	2013	30 (8)
Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы	Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н.	Цифровая социология	2021	29 (1)
Доступность профессионального образования в условиях цифровой образовательной среды	Пономарева М.Н.	Инновационное развитие профессионального образования	2018	24 (2)
Использование ассистивных технологий для обучения студентов с ОВЗ в условиях дистанционного формата обучения	Сальникова О.Д., Бугаева Е.А.	Проблемы современного педагогического образования	2021	23 (9)
Анализ веб-доступности массовых открытых онлайн-курсов по математическим дисциплинам	Косова Е.А., Халилова М.Ю.	Высшее образование в России	2019	23 (12)
Применение ассистивных технологий в практике инклюзивного обучения детей с нарушенным слухом	Кулакова Е.В.	Специальное образование	2014	22 (1)
Применение ассистивных технологий в практике высшего образования лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья	Филипович Е.И., Борозинцев Н.М.	Специальное образование	2019	19 (5)

Анализ со-встречаемости ключевых слов. С помощью автоматических алгоритмов кластеризации выполнен анализ совместной встречаемости ключевых слов, содержащихся в метаданных публикаций выборки. Выделено четыре тематических кластера, включающих от 10 до 15 ключевых слов. Частота встречаемости отдельных терминов варьировала от 28 до трех, количество уникальных связей между отдельными ключевыми словами и другими терминами – от 34 («ассистивные технологии») до трех («пандемия»), совокупная сила связей, характеризующая суммарное число совместной встречаемости терминов – от 88 («инклюзивное обучение») до шести («ЭОР», «пандемия»). Чаще прочих встречались ключевые слова: «инклюзивное обучение» (28 раз), «электронное обучение» (21), «цифровые технологии» (20), «ассистивные технологии» (19), «лица с ОВЗ» и «ОВЗ» (по 12). Общие характеристики кластеров приведены в прил. А.

На карте визуализации совместной встречаемости ключевых слов (рис. 2) размер узлов прямо пропорционален количеству публикаций, содержащих соответствующие термины, а толщина соединительных линий отражает силу связи между отдельными словами (чем толще линия, тем чаще ключевые слова встречаются вместе). Анализ содержимого кластеров позволил выделить следующие тематические направления исследований:

– красный кластер (27,8% от общего количества ключевых слов) – *ассистивные технологии и инклюзивные практики в образовании*. Исследуются технические и методологические решения, направленные на обеспечение равных возможностей для обучающихся с ОВЗ, включая студентов вузов; обсуждаются инструменты (ассистивные технологии), педагогические подходы (универсальный дизайн обучения) и организационные условия (адаптивные стратегии) инклюзивного образования;

– зеленый кластер (27,8%) – *цифровая трансформация образовательной среды и подготовка педагогов*. Исследования сфокусированы на цифровизации образования, развитии цифровых компетенций педагогов и преодолении цифрового разрыва с целью ликвидации неравенства и обеспечения доступности образования для всех обучающихся, включая лиц с ОВЗ;

– синий кластер (25,9%) – *цифровая доступность электронных образовательных ресурсов*. Изучаются технические характеристики цифровой доступности в электронном обучении; рассматриваются требования к разработке электронных образовательных ресурсов (в том числе массовых открытых онлайн-курсов), обеспечивающие универсальный доступ к образовательному контенту для всех обучающихся, включая лиц с ОВЗ и инвалидностью;

– желтый кластер (18,5%) – *пандемия как катализатор цифровой инклюзии*. Обсуждается влияние пандемии COVID-19 на ускорение цифровой трансформации образования, рассматриваются проблемы цифровой грамотности, адаптации образовательных технологий к дистанционным форматам, рост значимости персонализированного подхода в обучении и способы преодоления барьеров доступности в чрезвычайных условиях.

Анализ частот встречаемости ключевых слов, относящихся к конкретным нозологическим группам, показал следующее распределение: наиболее широко представлены нарушения зрения (соответствующие термины встречаются девять раз), затем – нарушения слуха и речи (шесть), расстройства аутистического спектра (четыре) и нарушения опорно-двигательного аппарата (два). В метаданных статей отсутствовали упоминания когнитивных нарушений и неврологических расстройств, вызывающих судорожные припадки.

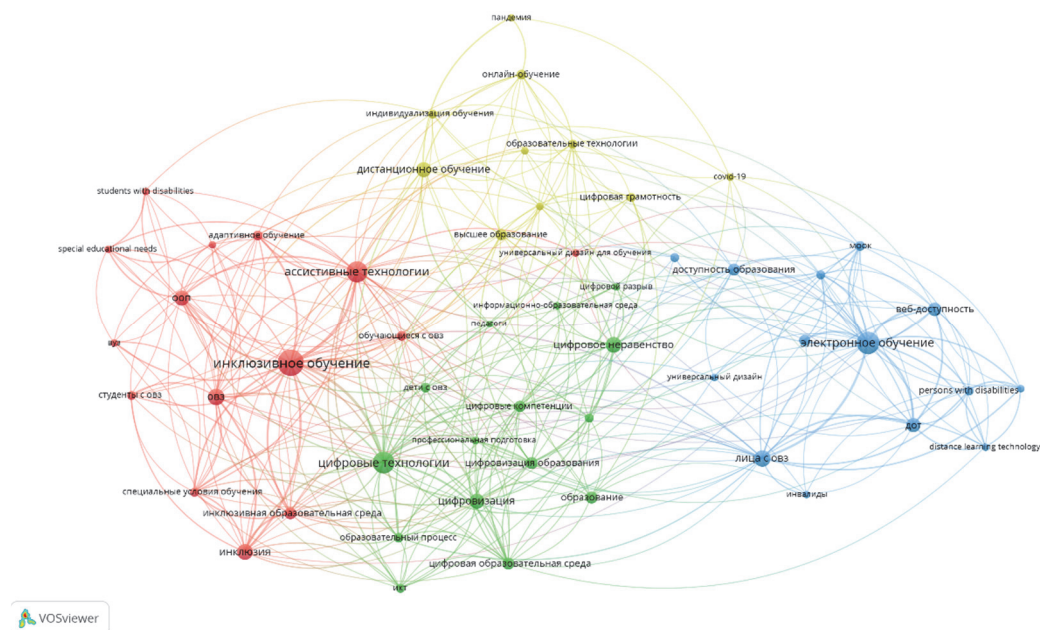

Рис. 2. Карта совместной встречаемости ключевых слов (кластерная визуализация), $N = 54$.
Алгоритм визуализации в VOSviewer – «LinLog/Modularity» (выделение кластеров на основе тесноты внутренних связей)

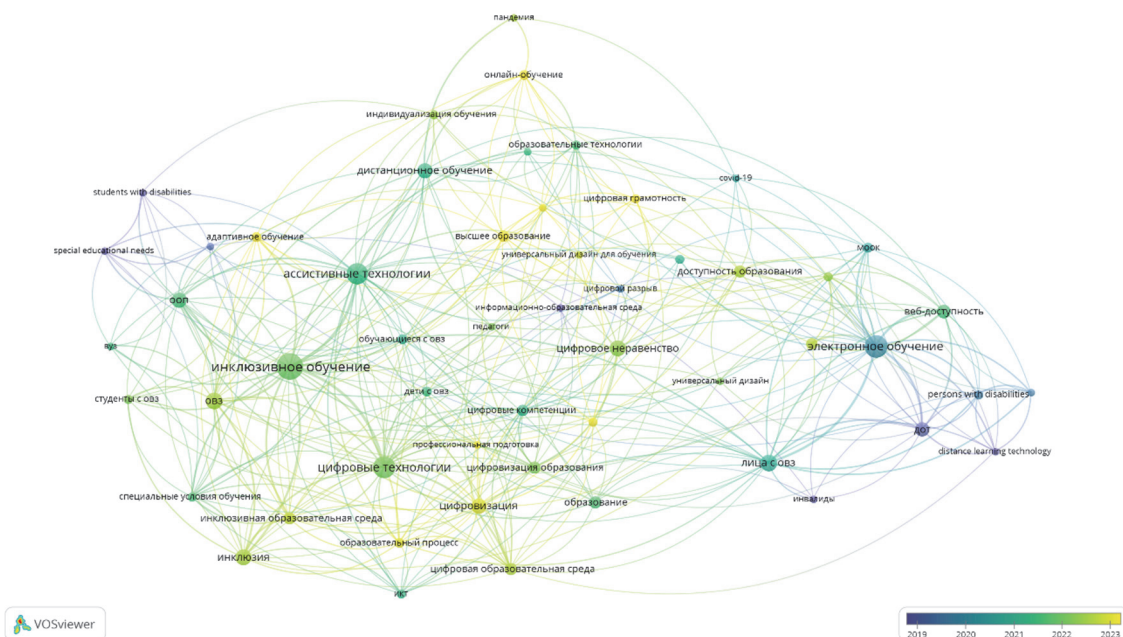

Рис. 3. Карта совместной встречаемости ключевых слов (хронологическая визуализация), $N = 54$.
Алгоритм визуализации в VOSviewer – «LinLog/Modularity» (выделение кластеров на основе тесноты внутренних связей)

Визуализация совместной встречаемости ключевых слов по времени дает представление о современных трендах в исследованиях цифровой инклюзии. На семантической карте (рис. 3) приближение к синей части спектра соответствует более ранним публикациям, к желтой – более поздним. Установлено, что свежие статьи сосредоточены вокруг цифровизации образования и обучения, профессиональной подготовки обучающихся с ОВЗ в высшем образовании, разработки персонализированных условий и адаптивных стратегий электронного обучения, а также развития цифровой грамотности участников образовательного процесса.

Сосредоточение всех ключевых слов в работах, опубликованных после 2018 г., может свидетельствовать о том, что русскоязычный понятийный аппарат в

области цифровой доступности и цифровой инклюзии сформировался относительно недавно.

Семантическая карта визуализации по плотности выявила области с наибольшей концентрацией ключевых слов, где интенсивность желтого цвета коррелирует с частотой встречаемости терминов и густотой сетевых связей между ними. Такие зоны указывают на центры исследовательского интереса, вокруг которых агрегированы более мелкие подтемы.

На рис. 4 представлена сетевая визуализация, в которой явно очерчены две крупные непересекающиеся области, соответствующие следующим темам: 1 – инклюзивная цифровая дидактика (ключевые слова – «инклюзивное обучение», «ассистивные технологии», «адаптивное обучение», «цифровая образовательная среда», «особые

образовательные потребности» и др.); 2 – доступность электронного обучения (ключевые слова – «электронное обучение», «лица с ОВЗ», «веб-доступность», «цифровая доступность», «МООК» и другие). Обе темы связаны общей идеей цифровой инклюзии, однако первая акценти-

рована на создании инклюзивных образовательных систем, интегрирующих цифровые инструменты для преодоления образовательных барьеров, в то время как вторая фокусируется на технических требованиях цифровой доступности электронного образовательного контента.

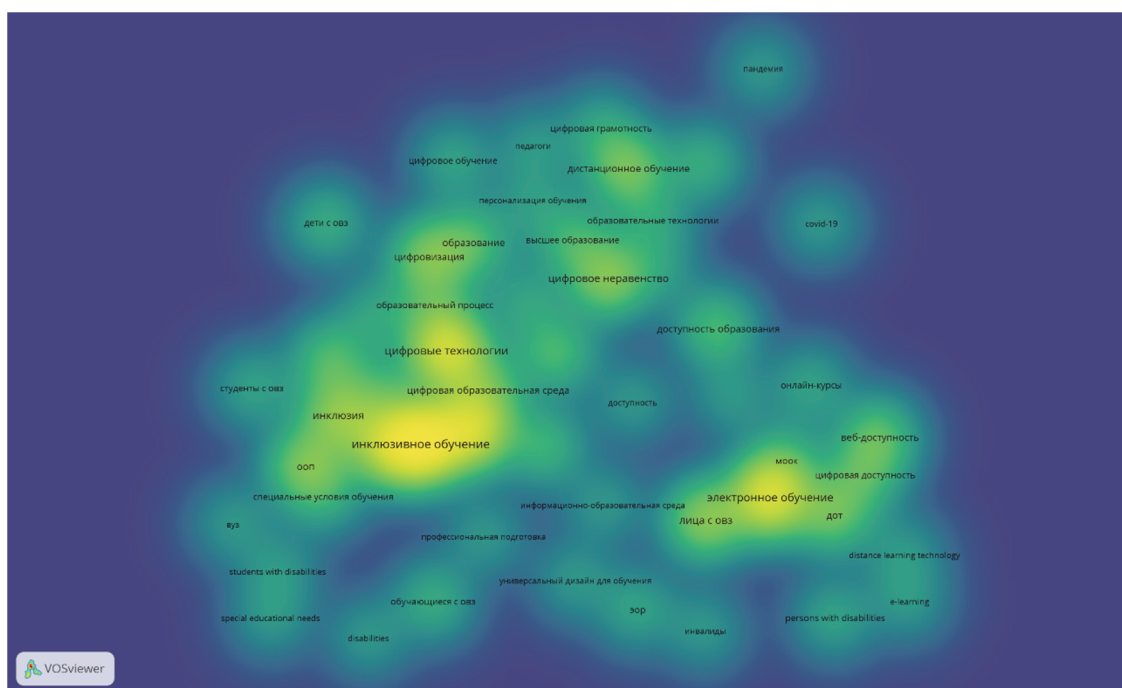

Рис. 4. Карта совместной встречаемости ключевых слов (визуализация плотности), $N = 54$. Алгоритм визуализации в VOSviewer – «Fractionalization» (взвешивание связей с учетом количества ключевых слов в документе)

Обсуждение

Библиометрический анализ русскоязычных публикаций на тему цифровой доступности в электронном обучении выполнен впервые. Более ранние библиометрические исследования сосредоточены на тематике цифровой инклюзии в англоязычных публикациях или без привязки к языку статей. Так, в работе B.d.B. Prado и соавт. (2023) [34] выполнен анализ 179 статей, отобранных в базах Scopus и Web of Science по ключевым словам «digital accessibility», «education», «educational» and «teaching». Авторами обнаружен недостаток публикаций, связанных с архитектурой (структурой и дизайном) доступных цифровых платформ и измерением отношения общества к обучающимся с ОВЗ. А.Н. Obidat (2022) [2], проанализировав библиометрическими методами 1 325 публикаций Scopus по теме цифровой доступности в электронном обучении, обнаружил значительный рост публикационной активности после 2001 г. с пиком в 2020 г. и, на основании анализа ключевых слов, выделил пять тематических кластеров, объединенных вокруг направлений: доступность, электронное обучение, инвалидность, удобство использования и веб-доступность. Автор сделал вывод о необходимости расширения географического охвата публикаций (вовлечения развивающихся стран) и интенсификации исследований в области удобства использования приложений электронного обучения (наряду с их доступностью) [2]. D.F. Al Husaeni и W. Wahyudin (2023) [35] на основании библиометрического анализа

995 статей, извлеченных из Google Scholar по ключевым словам «digital transformation» и «special needs education», выделили 78 тем исследований в области цифровой трансформации образования обучающихся с ОВЗ. К новейшим и перспективным направлениям авторами отнесены: машинное обучение, искусственный интеллект, онлайн-обучение, дистанционное обучение в экстренных ситуациях, развитие цифровых навыков, изучение и разработка цифровых платформ.

Результаты данного исследования показали ограниченный диапазон работ на русском языке, обсуждающих тематику цифровой образовательной инклюзии. При этом динамика публикационной активности отражала устойчивый рост количества публикаций после 2019 г. в соответствии с законами квадратичной регрессии, надежно объясняющей 92% поведения данных. Такой скачок обусловлен повышенным вниманием к обеспечению доступности образования в период пандемии COVID-19, что подтверждается данными Google Trends [38], зафиксировавшими трехкратное возрастание интереса российских пользователей к теме «Электронное обучение» в 2020 г. по сравнению с показателями предыдущих лет. Присутствие в выборке статей, начиная с 2012 г., может быть связано с ратификацией в этом году Российской Федерацией Конвенции о правах людей с инвалидностью (2006) и принятием Федерального закона об образовании (2012) – документов, повлиявших на модификацию терминологического аппарата в отношении лиц с ОВЗ, их образования и обучения.

В выборке исследования преобладали дискуссионно-аналитические статьи (почти половина всех опубликованных работ), обсуждающие проблемы цифровой инклюзии на основании уже известных фактов, без внесения научной новизны в исследовательское поле; оригинальные исследования, методические работы и обзоры литературы представлены в значительно меньшей степени. Высокие показатели цитирования были свойственны единичным работам, при этом большинство авторов редко возвращались к теме (имели не более двух статей). Перечисленные особенности указывают на формирующийся характер темы цифровой доступности электронного обучения в русскоязычном сегменте публикаций.

Анализ ключевых слов по их совместной встречаемости в публикациях позволил выявить четыре тематических кластера: 1 – ассистивные технологии и инклюзивные практики в образовании; 2 – цифровая трансформация образовательной среды и подготовка педагогов; 3 – цифровая доступность электронных образовательных ресурсов; 4 – пандемия как катализатор цифровой инклюзии. Таким образом, публикациями охвачены административные, методологические, инфраструктурные и технические вопросы, образующие исследовательское поле в области цифровой инклюзии и цифровой доступности в образовании.

В опубликованных работах рассмотрены адаптивные стратегии (методики организации обучения) и ассистивные технологии (технические средства, программное обеспечение, услуги), способствующие повышению доступности образовательного процесса для лиц с особыми образовательными потребностями, в том числе, в условиях электронного обучения [39–41]. Показано, что правильный подбор ассистивных средств, адаптированных под индивидуальные потребности, активизирует обучение лиц с ОВЗ и формирует устойчивую профессиональную мотивацию педагогов, вовлеченных в работу с данной категорией обучающихся [42], при этом преодолению образовательного неравенства может способствовать внедрение адаптированных электронных образовательных ресурсов и гибридных форматов обучения, учитывающих специфику отдельных нозологических форм [43]. Вместе с тем обнаружено, что существующие русскоязычные массовые открытые онлайн-курсы имеют множественные ошибки цифровой доступности, препятствующие взаимодействию уязвимых категорий пользователей с цифровым контентом [44]. В публикациях выборки также обсуждены вопросы цифровизации образования и преодоления цифрового разрыва, в том числе путем повышения цифровой грамотности педагогов, внедрения в образовательный процесс методов геймификации, дистанционных образовательных технологий и массовых открытых онлайн-курсов [45]. Акцентируются недостатки существующих программ цифровизации, не учитывающих особые потребности людей с инвалидностью и необходимость обеспечения цифровой доступности образовательной среды [46]. Показано, что пандемия COVID-19 высветила и усугубила образовательное неравенство для лиц с ОВЗ, ставшее особенно явным при вынужденном переходе к онлайн-обучению [8].

Публикации выборки редко фокусировались на конкретных ОВЗ – ключевые слова, относящиеся к нарушениям зрения, слуха и речи, расстройствам аутистического спектра и локомоторным ограничениям, встретились 21 раз (от девяти до двух упоминаний для каждой нозологической группы). При этом термины, соответствующие когнитивным и неврологическим нарушениям, требующим повышенного внимания с точки зрения цифровой доступности WCAG 2.2 [21], в метадаанных статей отсутствовали.

В выборке также слабо представлены публикации, акцентирующие внимание на методах использования новейших информационно-коммуникационных технологий для обеспечения цифровой инклюзии в образовании. Соответствующие ключевые слова или имели низкие частоты встречаемости (например, «искусственный интеллект» встречается три раза, «виртуальная реальность» – два, «нейротехнологии» – один), или отсутствовали вовсе (например, «машинное обучение», «дополненная реальность», «расширенная реальность»). Вместе с тем известно, что инструменты искусственного интеллекта способствуют персонализации образовательного процесса обучающихся с ОВЗ [47, 48], а технологии расширенной (виртуальной и дополненной) реальности могут выступать в роли ассистивных решений для преодоления цифрового разрыва в обучении лиц с особыми образовательными потребностями [49, 50].

Анализ плотности встречаемости ключевых слов выявил две непересекающиеся семантические области, характеризующие ключевые векторы исследований в области цифровой инклюзии. Первая область рассматривает инклюзивные практики в образовании, связанные с внедрением ассистивных технологий и адаптивных стратегий, в то время как вторая фокусируется на технических барьерах цифровой доступности и способах их преодоления путем соблюдения рекомендаций WCAG. Представляется перспективным синтез методологических подходов этих направлений (организационного и инженерного) для разработки инклюзивных педагогических стратегий, подкрепленных международными техническими стандартами и регламентами.

Исследование имеет **ограничения**. В результате скрининга из первоначальной выборки исключено значительное количество публикаций, не соответствующих тематике исследования. Высокий процент отсева может быть связан как с техническими ограничениями поисковых алгоритмов eLibrary.Ru, так и с неоднозначностью терминологии цифровой доступности, принятой в русскоязычном сегменте научной литературы. Не исключено, что уточнение поискового запроса с внесением новых дескрипторов позволит выявить дополнительные публикации, релевантные теме исследования. Для библиометрического анализа отбирали только научные статьи. Возможно, расширенный поиск по прочим типам публикаций (монографиям, тезисам конференций, патентам, учебно-методическим пособиям и др.) расширит диапазон релевантных работ, что может способствовать выявлению новых тенденций в исследованиях цифровой образовательной инклюзии и уточнению полученных результатов.

Заключение

Выполненный библиометрический анализ подтверждает актуальность развития исследований в области цифровой образовательной инклюзии, одновременно обнаруживая недостатки, связанные с ограниченной продуктивностью авторов в этой сфере, недостаточным вниманием к проблемам обучающихся с когнитивными и неврологическими ограничениями, отсутствием работ, изучающих интеграцию новейших информационно-коммуникационных технологий (например, искусственного интеллекта и расширенной реальности) для улучшения доступности электронных образовательных ресурсов и сред. Выявленные в результате анализа тенденции в целом согласуются с глобальными трендами цифровизации образования и обеспечения его доступности для всех обуча-

ющихся. Вместе с тем в выборке зафиксировано преобладание дискуссионно-аналитических публикаций при общем недостатке эмпирических и методологических работ. Полученные результаты подтверждают необходимость усиления методологической базы цифровой доступности электронного обучения за счет кросс-кластерных и междисциплинарных работ, а также активизации эмпирических исследований в области цифровой инклюзии для получения научно обоснованных результатов, основанных на реальных данных и валидированных методах. Перспективным является исследование применимости методов машинного обучения, искусственного интеллекта и расширенной реальности для анализа инклюзивных образовательных сред, повышения общей доступности электронного обучения и разработки персонализированных ассистивных решений.

Приложение А

Характеристики кластеров ключевых слов, извлеченных из метаданных русскоязычных публикаций по цифровой доступности электронного обучения (2012–2024 гг.), $N = 54$

Цвет кластера / название кластера (количество ключевых слов; %)	Ключевые слова	Частота встречаемости, n	Количество связей, n	Общая сила связей, n
Красный / ассистивные технологии и инклюзивные практики в образовании (15; 27,8)	инклюзивное обучение	28	31	88
	ассистивные технологии	19	34	56
	ОВЗ	12	21	42
	инклюзия	11	18	39
	ООП	10	20	34
	инклюзивная образовательная среда	7	18	35
	адаптивное обучение	5	12	19
	обучающиеся с ОВЗ	5	12	12
	специальные условия обучения	4	17	27
	студенты с ОВЗ	4	11	15
	special educational needs	3	9	15
	disabilities	3	10	13
	вуз	3	8	11
	students with disabilities	3	8	10
	универсальный дизайн обучения	3	6	7
Зеленый / цифровая трансформация образовательной среды и подготовка педагогов (15; 27,8)	цифровые технологии	20	28	58
	цифровое неравенство	11	17	26
	цифровизация	10	17	27
	цифровая образовательная среда	7	22	31
	цифровизация образования	7	18	28
	образование	7	11	14
	цифровые компетенции	6	20	27
	образовательный процесс	5	15	26
	дети с ОВЗ	5	8	10
	ИКТ	4	15	18
	цифровое обучение	4	11	13
	цифровой разрыв	3	10	11
	педагоги	3	9	11
	профессиональная подготовка	3	8	10
	информационно-образовательная среда	3	9	9
Синий / цифровая доступность электронных образовательных ресурсов (14; 25,9)	электронное обучение	21	25	61
	лица с ОВЗ	12	26	47
	ДОТ	9	15	32
	веб-доступность	8	13	26
	доступность образования	7	17	20
	цифровая доступность	6	7	14
	МООК	5	14	18
	онлайн-курсы	4	15	18
	persons with disabilities	4	10	18
	ЭОР	4	5	6
	distance learning technology	3	9	16
	e-learning	3	8	16
	универсальный дизайн	3	7	7
	инвалиды	3	6	7
Желтый / пандемия как катализатор цифровой инклюзии (10; 18,5)	дистанционное обучение	10	17	23
	высшее образование	6	18	22
	онлайн-обучение	5	13	16
	образовательные технологии	4	15	16

Цвет кластера / название кластера (количество ключевых слов; %)	Ключевые слова	Частота встречаемости, <i>n</i>	Количество связей, <i>n</i>	Общая сила связей, <i>n</i>
	цифровая грамотность	4	11	13
	индивидуализация обучения	4	11	11
	персонализация обучения	3	14	14
	доступность	3	9	10
	COVID-19	3	9	9
	пандемия	3	3	6

Примечание: частота встречаемости – число упоминаний ключевого слова в метадаанных публикаций; количество связей – число терминов, которые встречаются совместно с данным ключевым словом; общая сила связей – общее количество совместных появлений ключевого слова с другими терминами; ДОТ – дистанционные образовательные технологии; ИКТ – информационно-коммуникационные технологии; МООК – массовый открытый онлайн курс; ОВЗ – ограниченные возможности здоровья; ООП – особые образовательные потребности; ЭОР – электронный образовательный ресурс; COVID-19 (от англ. COroNaVirus Disease 2019) – коронавирусная болезнь 2019 г.

Примечания

¹ Zotero. Your personal research assistant. URL: <https://www.zotero.org/> (дата обращения: 13.05.2025).

² VOSviewer – Visualizing scientific landscapes. URL: <https://www.vosviewer.com/> (дата обращения: 13.05.2025).

Список источников

- Nascimento D.V. do, Mutize T., Chinchilla J.F.R. Universal access to higher education: Trends, barriers and drivers // Revista Educación Superior y Sociedad. 2022. № 34 (1). doi: 10.54674/ess.v34i1.437
- Obidat A.H. Bibliometric analysis of global scientific literature on the accessibility of an integrated e-learning model for students with disabilities // Contemporary Educational Technology. 2022. № 14 (3). Art. ep374. doi: 10.30935/cedtech/12064
- Ahuja V. Equity and Access in Digital Education: Bridging the Divide // Contemporary Challenges in Education: Digitalization, Methodology, and Management. 2023. P. 45–59. doi: 10.4018/979-8-3693-1826-3.ch005
- Mayes T., de Freitas S. Review of e-learning theories, frameworks and models. London : Joint Information Systems Committee, 2004. 43 p.
- Kahiiigi E., Ekenberg L., Hansson M., Tusubira F.F., Danielson M. Exploring the e-learning state of art // Electronic Journal of e-Learning. 2008. № 6 (2). P. 77–88.
- Andrews R. Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts // Journal for Educational Research Online. 2011. Vol. 3, № 1. P. 104–121. doi: 10.25656/01:4684
- Галустян О.В. Технология E-Learning в образовательном процессе // Инновации в образовании. 2013. № 5. С. 126–133.
- Рафина Н.К., Балакина Ю.В. Вызовы образованию в условиях пандемии: обзор исследований // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 178–194. doi: 10.17323/1814-9545-2021-1-178-194
- Peruzzo F., Allan J. Rethinking inclusive (digital) education: Lessons from the pandemic to reconceptualise inclusion through convivial technologies // Learning, Media and Technology. 2024. № 49 (2). P. 244–258. doi: 10.1080/17439884.2022.2131817
- Sá M.J., Serpa S. COVID-19 and the promotion of digital competences in education // Universal Journal of Educational Research. 2020. № 8 (10). P. 4520–4528. doi: 10.13189/ujer.2020.081020
- Livingston E., Houston E., Carradine J., Fallon B.A., Akmeemana C., Nizam M., McNab A. Global student perspectives on digital inclusion in education during COVID-19 // Global Studies of Childhood. 2022. № 13. P. 341–357. doi: 10.1177/20436106221102617
- Möhlen L.K., Prummer S. Vulnerable students, inclusion, and digital education in the Covid-19 pandemic: A qualitative case study from Austria // Social Inclusion. 2023. № 11 (1). P. 102–112. doi: 10.17645/si.v11i1.5850
- Gwala R.S., Mashau P. Equality, Diversity, and Access in Digitalized Teaching in Higher Education // Accessibility of Digital Higher Education in the Global South. 2023. P. 105–131. doi: 10.4018/978-1-6684-9179-9.ch006
- Hamburg I., Lütgen G. Digital Divide, Digital Inclusion and Inclusive Education // Advances in Social Sciences Research Journal. 2019. № 6(4). doi: 10.14738/ASSRJ.64.6457
- Kaarakainen M.T., Saikkonen L. Remark on digital accessibility: educational disparities define digital inclusion from adolescence onwards // Universal Access in the Information Society. 2023. № 22. P. 1279–1292. doi: 10.1007/s10209-022-00908-5
- Parveen A., Jan S., Bashir F., Ganie A.A., Zimik P.N. Promoting Inclusive Learning Environments: A Study of Digital Inclusion in Education // Integrating the Biopsychosocial Model in Education. 2024. P. 407–420. doi: 10.4018/979-8-3693-3707-3.ch017
- Brugnera E.D., Kochen V.L., Pedro M. da S., da Silva D.D. The importance of digital inclusion in modern education // ARACE. 2024. Vol. 6 (3). doi: 10.56238/arev6n3-039
- Шеманов А.Ю. Цифровые технологии в контексте инклюзии // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 3. С. 66–74. doi: 10.17759/jmfp.2016050308
- Bong W.K., Chen W. Increasing faculty's competence in digital accessibility for inclusive education: a systematic literature review // International Journal of Inclusive Education. 2021. P. 1–17. doi: 10.1080/13603116.2021.1937344
- Introduction to web accessibility / S.L. Henry, W3C WAI. Publication date: 7 March 2024 // W3C. URL: <https://www.w3.org/WAI/fundamentals/accessibility-intro/#what> (дата обращения: 07.05.2025).
- Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.2 / A. Campbell, C. Adams, R.B. Montgomery, M. Cooper, A. Kirkpatrick, W3C. Publication date: 2023-10 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG22/> (дата обращения: 07.05.2025).
- Draffan E.A., Heumader P. Accessible eLearning – eLearning for Accessibility / AT: Introduction to the special thematic session // Computers Helping People with Special Needs ICCHP. 2018. Vol. 10896. P. 133–137. doi: 10.1007/978-3-319-94277-3_23
- Ravichandran G., Sujathamalini Dr.J., Gunasekaran Dr.K. E-Learning Accessibility of Students with Visual Impairment in Higher Education // International Journal of Research and Review. 2022. № 9(5). P. 27–31. doi: 10.52403/ijrr.20220506
- Rojas S.L. E-Learning Accessibility: Barriers and solutions for inclusive online education // Journal of Informatics Education and Research. 2024. № 4 (3). doi: 10.52783/jier.v4i3.1765
- Cinquin P.A., Guitton P., Sauzéon H. Online e-learning and cognitive disabilities: A systematic review // Computers & Education. 2019. № 130. P. 152–167. doi: 10.1016/j.compedu.2018.12.004
- Chadli F.E., Gretete D., Moumen A. Digital accessibility: a systematic Literature Review // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 119. Article 06005. doi: 10.1051/shsconf/202111906005
- Petretto D.R., Carta S.M., Cataudella S., Masala I., Mascia M.L., Penna M.P., Piras P., Pistis I., Masala C. The Use of Distance Learning and E-learning in Students with Learning Disabilities: A Review on the Effects and some Hint of Analysis on the Use during COVID-19 Outbreak // Clinical practice and epidemiology in mental health. 2021. № 17. P. 92–107. doi: 10.2174/1745017902117010092
- Ingavélez-Guerra P., Otón-Tortosa S., Hilera-González J., Sánchez-Gordón M. The use of accessibility metadata in e-learning environments: a systematic literature review // Universal Access in the Information Society. 2023. № 22 (2). P. 445–461. doi: 10.1007/s10209-021-00851-x
- Ahmi A., Mohamad R. Bibliometric analysis of global scientific literature on web accessibility // International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE). 2019. Vol. 7, № 6. P. 250–258.

30. Brika S.K.M., Chergui K., Algamdi A., Musa A.A., Zouaghi R. E-learning research trends in higher education in light of COVID-19: a bibliometric analysis // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 12. Article 762819. doi: 10.3389/fpsyg.2021.762819
31. Djeki E., Dégla J., Bondiombouy C., Alhassan M.H. E-learning bibliometric analysis from 2015 to 2020 // *Journal of Computers in Education*. 2022. Vol. 9, № 4. P. 727–754. doi: 10.1007/s40692-021-00218-4
32. Martins J., Gonçalves R., Branco F. A bibliometric analysis and visualization of e-learning adoption using VOSviewer // *Universal Access in the Information Society*. 2024. Vol. 23, № 3. P. 1177–1191. doi: 10.1007/s10209-022-00953-0
33. Makda F. Digital education: Mapping the landscape of virtual teaching in higher education—a bibliometric review // *Education and Information Technologies*. 2025. Vol. 30. P. 2547–2575. doi: 10.1007/s10639-024-12899-2
34. Prado B.D.B., Gobbo J.A. Junior, Bezerra B.S. Emerging themes for digital accessibility in education // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, № 14. Article 11392. doi: 10.3390/su151411392
35. Al Husaeni D.F., Wahyudin W. Digital transformation in special needs education: Computational bibliometrics // *ASEAN Journal of Community and Special Needs Education*. 2023. Vol. 2, № 2. P. 97–110.
36. Научная электронная библиотека Elibrary.ru // ООО Научная электронная библиотека. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 07.05.2025).
37. Рейтинг лучших вузов России RAEX-100, 2024 год // RAEX. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2024/ (дата обращения: 07.05.2025).
38. Google Trends // Google. URL: <https://trends.google.com/trends/> (дата обращения: 07.05.2025).
39. Кулакова Е.В. Применение ассистивных технологий в практике инклюзивного обучения детей с нарушенным слухом // *Специальное образование*. 2014. № 2. С. 21–29.
40. Филипович Е.И., Борозинец Н.М. Применение ассистивных технологий в практике высшего образования лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья // *Специальное образование*. 2019. Т. 1, № 53. С. 113–122. doi: 10.26170/sp19-01-10
41. Сальникова О.Д., Бугаева Е.А. Использование ассистивных технологий для обучения студентов с ОВЗ в условиях дистанционного формата обучения // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 71 (2). С. 325–328.
42. Никитина Л.Н. Ассистивные технологии в проектировании предметно-пространственной среды образовательной организации // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2018. № 1. С. 322–325.
43. Романенкова Д.Ф. Особенности реализации профессиональных образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с учетом условий обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 4. С. 201.
44. Косова Е.А., Халилова М.Ю. Анализ веб-доступности массовых открытых онлайн-курсов по математическим дисциплинам // *Высшее образование в России*. 2019. № 10. С. 157–166. doi: 0.31992/0869-3617-2019-28-10-157-166
45. Лысак И.В. Новые образовательные технологии как средство преодоления цифрового разрыва // *Современные наукоемкие технологии*. 2017. № 7. С. 129–135.
46. Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // *Цифровая социология*. 2021. № 4 (3). С. 44–52. doi: 0.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52
47. Chalkiadakis A., Seremetaki A., Kanellou A., Kallishi M., Morfopoulou A., Moraitaki M., Mastrokourou S. Impact of Artificial Intelligence and Virtual Reality on Educational Inclusion: A Systematic Review of Technologies Supporting Students with Disabilities // *Education Sciences*. 2024. Vol. 14. Article 1223. doi: 10.3390/educsci14111223
48. Nazari A., Alabood L., Feeley K.B., Jaswal V.K., Krishnamurthy D. Personalizing an AR-based Communication System for Nonspeaking Autistic Users // *29th International Conference on Intelligent User Interfaces*. 2024. P. 731–741. doi: 10.1145/3640543.3645153
49. Dutt S., Sharma R., Suyal P., Thapliyal M. An investigative study of long-term implication of extended reality applications in educational pursuits for learning-disabled population: a recommendation approach // *11th International Conference on System Modeling & Advancement in Research Trends (SMART)*. 2022. P. 69–74. doi: 10.1109/SMART55829.2022.10046886
50. Kapetanaki A., Krouska A., Troussas C., Sgourpoulou C. Exploiting augmented reality technology in special education: A systematic review // *Computers*. 2022. Vol. 11, № 10. Article 143. doi: 10.3390/computers11100143

References

1. Nascimento D. V. do, Mutize T., Chinchilla J. F. R. (2022) Universal access to higher education: Trends, barriers and drivers. *Revista Educación Superior y Sociedad*. No.34(1). doi: 10.54674/ess.v34i1.437
2. Obidat A.H. (2022) Bibliometric analysis of global scientific literature on the accessibility of an integrated e-learning model for students with disabilities. *Contemporary Educational Technology*. No.14(3). ep374. doi: 10.30935/cedtech/12064
3. Ahuja V. (2023) Equity and Access in Digital Education: Bridging the Divide. *Contemporary Challenges in Education: Digitalization, Methodology, and Management*. P.45–59. doi: 10.4018/979-8-3693-1826-3.ch005
4. Mayes T., de Freitas S. (2004) Review of e-learning theories, frameworks and models. London: Joint Information Systems Committee. 43 p.
5. Kahiigi E., Ekenberg L., Hansson M., Tusubira F.F., Danielson M. (2008) Exploring the e-learning state of art. *Electronic Journal of e-Learning*. No.6(2). P.77–88.
6. Andrews R. (2011) Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts. *Journal for Educational Research Online*. Vol.3. No.1. P.104–121. doi: 10.25656/01:4684
7. Galustyan O.V. (2013) Tekhnologiya E-Learning v obrazovatel'nom processe [E-Learning technology in the educational process]. *Innovacii v obrazovanii*. No.5. P.126–133. (In Russian)
8. Radina N., Balakina Y. (2021) Challenges for Education During the Pandemic: An Overview of Literature. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No.1. P.178–94. Doi: 10.17323/1814-9545-2021-1-178-194 (In Russian)
9. Peruzzo F., Allan J. (2024) Rethinking inclusive (digital) education: Lessons from the pandemic to reconceptualise inclusion through convivial technologies. *Learning, Media and Technology*. No.49(2). P.244–258. Doi: 10.1080/17439884.2022.2131817
10. Sá M. J., Serpa S. (2020) COVID-19 and the promotion of digital competences in education. *Universal Journal of Educational Research*. No.8(10). P.4520–4528. Doi: 10.13189/ujer.2020.081020
11. Livingston E., Houston E., Carradine J., Fallon B.A., Akmeemana C., Nizam M., McNab A. (2022) Global student perspectives on digital inclusion in education during COVID-19. *Global Studies of Childhood*. No.13. P.341–357. Doi: 10.1177/20436106221102617
12. Möhlen L. K., Prummer S. (2023) Vulnerable students, inclusion, and digital education in the Covid-19 pandemic: A qualitative case study from Austria. *Social Inclusion*. No.11(1). P.102–112. Doi: 10.17645/si.v11i1.5850
13. Gwala R. S., Mashau P. (2023) Equality, Diversity, and Access in Digitalized Teaching in Higher Education. *Accessibility of Digital Higher Education in the Global South*. P.105–131. Doi: 10.4018/978-1-6684-9179-9.ch006
14. Hamburg I., Lütgen G. (2019) Digital Divide, Digital Inclusion and Inclusive Education. *Advances in Social Sciences Research Journal*. No.6(4). Doi: 10.14738/ASSRJ.64.6457
15. Kaarakainen M.T., Saikkonen L. (2023) Remark on digital accessibility: educational disparities define digital inclusion from adolescence onwards. *Univ Access Inf Soc*. No.22. P.1279–1292. Doi: 10.1007/s10209-022-00908-5
16. Parveen A., Jan S., Bashir F., Ganie A. A., Zimik P. N. (2024) Promoting Inclusive Learning Environments: A Study of Digital Inclusion in Education. Integrating the Biopsychosocial Model in Education. P.407–420. Doi: 10.4018/979-8-3693-3707-3.ch017

17. Brugnara E. D., Kochen V. L., Pedro M. da S., da Silva D. D. (2024) The importance of digital inclusion in modern education. *ARACÊ*. Vol.6. No.3. P.4919–4931. Doi: 10.56238/arev6n3-039
18. Shemanov A.Yu. (2016) Digital technologies in the context of inclusion. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol.5. No.3. P.66-74. Doi: 10.17759/jmfp.2016050308 (In Russian)
19. Bong W.K., Chen W. (2021) Increasing faculty's competence in digital accessibility for inclusive education: a systematic literature review. *International Journal of Inclusive Education*. P.1-17. Doi: 10.1080/13603116.2021.1937344
20. W3C. (2024) Introduction to web accessibility. S.L. Henry. Publication date: 2024-03. [Online] Available from: <https://www.w3.org/WAI/fundamentals/accessibility-intro/#what> (Accessed: 07.05.2025)
21. W3C. (2023) Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.2. A. Campbell, C. Adams, R.B. Montgomery, M. Cooper, A. Kirkpatrick. Publication date: 2023-10. [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WCAG22/> (Accessed: 07.05.2025)
22. Draffan E. A., Heumader P. (2018) Accessible eLearning – eLearning for Accessibility / AT: Introduction to the special thematic session. In *Computers Helping People with Special Needs ICCHP 2018*. Vol. 10896. P. 133-137. Doi: 10.1007/978-3-319-94277-3_23
23. Ravichandran G., Sujathamalini Dr. J., Gunasekaran Dr. K. (2022) E-Learning Accessibility of Students with Visual Impairment in Higher Education. *International Journal of Research and Review*. No.9(5). P.27–31. Doi: 10.52403/ijrr.20220506
24. Rojas S. L. (2024) E-Learning Accessibility: Barriers and solutions for inclusive online education. *Journal of Informatics Education and Research*. No.4(3). Doi: 10.52783/jier.v4i3.1765
25. Cinquin P. A., Guitton P., Sauzéon H. (2019) Online e-learning and cognitive disabilities: A systematic review. *Computers & Education*. No.130. P.152-167. Doi: 10.1016/j.compedu.2018.12.004
26. Chadli F. E., Grette D., Moumen A. (2021) Digital accessibility: a systematic Literature Review. In *SHS Web of Conferences*. Vol.119. Article 06005. Doi: 10.1051/shsconf/202111906005
27. Petretto D. R., Carta S. M., Cataudella S., Masala I., Mascia M. L., Penna M. P., Piras P., Pistis I., Masala C. (2021) The Use of Distance Learning and E-learning in Students with Learning Disabilities: A Review on the Effects and some Hint of Analysis on the Use during COVID-19 Outbreak. *Clinical practice and epidemiology in mental health*. No.17. P.92-107. Doi: 10.2174/1745017902117010092
28. Ingavélez-Guerra P., Otón-Tortosa S., Hilera-González J., Sánchez-Gordón M. (2023) The use of accessibility metadata in e-learning environments: a systematic literature review. *Universal Access in the Information Society*. No.22(2). P.445-461. Doi: 10.1007/s10209-021-00851-x
29. Ahmi A., Mohamad R. (2019) Bibliometric analysis of global scientific literature on web accessibility. *International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE)*. Vol.7. No.6. P.250-258.
30. Brika S. K. M., Chergui K., Algami A., Musa A. A., Zouaghi R. (2022) E-learning research trends in higher education in light of COVID-19: a bibliometric analysis. *Frontiers in Psychology*. Vol.12. Article 762819. Doi: 10.3389/fpsyg.2021.762819
31. Djeki E., Dégila J., Bondiombouy C., Alhassan M. H. (2022) E-learning bibliometric analysis from 2015 to 2020. *Journal of Computers in Education*. Vol.9. No.4. P.727-754. Doi: 10.1007/s40692-021-00218-4
32. Martins J., Gonçalves R., Branco F. (2024) A bibliometric analysis and visualization of e-learning adoption using VOSviewer. *Universal Access in the Information Society*. Vol.23. No.3. P.1177-1191. Doi: 10.1007/s10209-022-00953-0
33. Makda F. (2025) Digital education: Mapping the landscape of virtual teaching in higher education—a bibliometric review. *Education and Information Technologies*. Vol.30. P.2547–2575. Doi: 10.1007/s10639-024-12899-2
34. Prado B. D. B., Gobbo J. A. Junior, Bezerra B. S. (2023) Emerging themes for digital accessibility in education. *Sustainability*. Vol.15. No.14. Article 11392. Doi: 10.3390/su151411392
35. Al Husaeni D. F., Wahyudin W. (2023) Digital transformation in special needs education: Computational bibliometrics. *ASEAN Journal of Community and Special Needs Education*. Vol.2. No.2. P.97-110.
36. Elibrary.ru. (2025) OOO Nauchnaya elektronnyaya biblioteka [Scientific Electronic Library LLC]. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (Accessed: 07.05.2025) (In Russian)
37. RAEX. (2024) Rejting luchshih vuzov Rossii RAEX-100 [Russia's best universities ranking RAEX-100]. [Online] Available from: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2024/ (Accessed: 07.05.2025) (In Russian)
38. Google. (2025) Google Trends. [Online] Available from: <https://trends.google.com/trends/> (Accessed: 07.05.2025)
39. Kulakova E. V. (2014) Primenenie assistivnykh tekhnologij v praktike inkluzivnogo obucheniya detej s narushennym sluhom [The use of assistive technology in inclusive education practice for hearing impaired children]. *Special'noe obrazovanie*. No.2. P.21-29. (In Russian)
40. Filipovich E. I., Borozinets N. M. (2019) Primenenie assistivnykh tekhnologij v praktike vysshego obrazovaniya lic s invalidnost'yu i ograničennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [The use of assistive technology in higher education practice for people with disabilities and health impairments]. *Special'noe obrazovanie*. Vol.1. No.53. P.113-122. Doi: 10.26170/sp19-01-10 (In Russian)
41. Salnikova O. D., Bugayova E. A. (2021) Ispol'zovanie assistivnykh tekhnologij dlya obucheniya studentov s OVZ v usloviyah distancionnogo formata obucheniya [Using assistive technologies to teach students with disabilities in a distance learning format]. *Problemy sovremennoho pedagogicheskogo obrazovaniya*. No.71(2). P.325-328. (In Russian)
42. Nikitina L. N. (2018) Assistivnye tekhnologii v proektirovanii predmetno-prostranstvennoj sredy obrazovatel'noj organizacii [Assistive technologies in designing the subject-spatial environment of an educational organization]. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. No.1. P.322-325. (In Russian)
43. Romanenkova D. F. (2013) Osobennosti realizacii professional'nykh obrazovatel'nykh programm s primeneniem elektronnoho obucheniya, distancionnykh obrazovatel'nykh tekhnologij s uchetom uslovij obucheniya invalidov i lic s ograničennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Features of the implementation of professional educational programs using e-learning, distance learning technologies, taking into account the conditions of training for disabled people and people with disabilities]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No.4. P.201-201. (In Russian)
44. Kosova E. A., Khalilova M. Yu. (2019) Web Accessibility Analysis of Massive Open Online Courses on Mathematical Disciplines. *Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*. Vol.28. No.10. P.157-166. Doi: 0.31992/0869-3617-2019-28-10-157-166 (In Russian)
45. Lysak I. V. (2017) Novye obrazovatel'nye tekhnologii kak sredstvo preodoleniya cifrovogo razryva [New educational technologies as a means of overcoming the digital divide]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. No.7. P.129-135. (In Russian)
46. Meshcheryakova N. N., Rogotneva E. N. (2021) Cifrovizaciya: novye riski dlya lyudej s invalidnost'yu. *Postanovka problemy [Digitalization: New risks for people with disabilities. Statement of the problem]*. *Cifrovaya sociologiya*. No.4(3). P.44-52. Doi: 0.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52 (In Russian)
47. Chalkiadakis A., Seremetaki A., Kanellou A., Kallishi M., Morfopoulou A., Moraitaki M., Mastrokourou S. (2024) Impact of Artificial Intelligence and Virtual Reality on Educational Inclusion: A Systematic Review of Technologies Supporting Students with Disabilities. *Educ. Sci*. Vol.14. Article 1223. Doi: 10.3390/educsci14111223
48. Nazari A., Alabood L., Feeley K. B., Jaswal V. K., Krishnamurthy D. (2024) Personalizing an AR-based Communication System for Nonspeaking Autistic Users. In *29th International Conference on Intelligent User Interfaces*. P.731-741. Doi: 10.1145/3640543.3645153
49. Dutt S., Sharma R., Suyal P., Thapliyal M. (2022) An investigative study of long-Term implication of extended reality applications in educational pursuits for learning-disabled population: a recommendation approach. In *2022 11th International Conference on System Modeling & Advancement in Research Trends (SMART)*. P.69-74. Doi: 10.1109/SMART55829.2022.10046886
50. Kapetanaki A., Kroussa A., Troussas C., Sgouroupolou C. (2022) Exploiting augmented reality technology in special education: A systematic review. *Computers*. Vol.11. No.10. Article 143. Doi: 10.3390/computers11100143

Информация об авторах:

Косова Е.А. – канд. пед. наук, зав. кафедрой прикладной математики Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

Галустян О.В. – д-р пед. наук, и.о. зав. кафедрой социальной педагогики Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ovgalustyan@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Y.A. Kosova, Cand. Sci. (Education), V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

O.V. Galustyan, Dr. Sci. (Education), Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: ovgalustyan@sfedu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.05.2025;
одобрена после рецензирования 04.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 23.05.2025;
approved after reviewing 04.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/516/21

Формирование комплексной профессиональной компетенции бакалавров филологии в процессе языковой подготовки в условиях региона

Юлия Игоревна Ермакова¹, Елена Рафаэлевна Поршнева²

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
monday_morning@mail.ru

² Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород,
Россия, eporshneva@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема профессиональной языковой подготовки филолога в условиях региона. Авторы раскрывают необходимость формирования переводческой субкомпетенции в рамках профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции. Отмечается, что данная компетенция позволит выпускнику успешно осуществлять профессиональную деятельность в регионе. Особая роль отводится внедрению регионального компонента в языковую и переводческую подготовку бакалавра филологии.

Ключевые слова: регионально-ориентированное обучение, профессиональная языковая подготовка филолога, региональный компонент, профессиональная межкультурная коммуникативная компетенция, базовые переводческие навыки

Для цитирования: Ермакова Ю.И., Поршнева Е.Р. Формирование комплексной профессиональной компетенции бакалавров филологии в процессе языковой подготовки в условиях региона // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 186–195. doi: 10.17223/15617793/516/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/21

Development of comprehensive professional competence of philology bachelors in the process of language training in the regional context

Yu.I. Ermakova¹, E.R. Porshneva²

¹ Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, monday_morning@mail.ru

² Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, eporshneva@gmail.com

Abstract. As a result of mastering the bachelor's degree program, the graduate of the Philological Department should have developed competencies covering fairly wide areas (for example, pedagogical, translation, excursion activities). This is the problem of training philologists, which requires the development of a set of competencies that are in demand in future professional activities and aimed at the multicultural and multifunctional development of graduates. The article solves the problem of professional language training of philologists in the conditions of the region and defines the structure of such a comprehensive competence of a Bachelor of Philology, which, on the one hand, would reflect the requirements of the Federal State Educational Standard for Higher Education in the field of 45.03.01 "Philology", and, on the other hand, would allow the graduate to put into practice all the knowledge, abilities and skills. Obviously, a future philologist cannot know everything. However, in order to further adapt to the conditions of professional activity in a particular region, he must have knowledge of socio-cultural, socio-political, economic, and legal topics, considering regional specifics. According to the authors of the article, professional intercultural communicative competence (hereinafter referred to as PICC) meets these requirements, covers various aspects of the professional training of philologists and is a complex structure that includes communicative, intercultural, translation and social subcompetencies. The complex structure of the PICC requires a special didactic organization of the educational process, combining a set of complementary methodological approaches: personal-activity, contextual-competence, communicative-cognitive, lexical, regionally oriented and intercultural. At the same time, regionally oriented and intercultural approaches come to the fore, as they make it possible to solve the tasks set, increase the effectiveness of the formation of basic translation skills, comprehend the features of intercultural interaction and develop the components of the PICC, considering regional specifics. In order to test the developed methodology aimed at the formation of a Bachelor's degree in Philology, considering the regional component, ensuring the effectiveness of regionally oriented professional language and translation training, an experimental training was conducted. It allowed students to enrich their speech experience, expand their vocabulary with regional units and master basic translation skills. It was found that the implementation of the developed set of exercises helps to increase motivation, as well as understanding the possibilities of applying the acquired skills in the region. Participation in volunteer work drew students' attention to the options for professional activity in the region, stimulated their preparation for participation in future regional events, and also helped them to consciously approach professional prospects and opportunities for self-improvement in a changing world.

Keywords: region-oriented education, professional training of philologists, regional component, professional intercultural communicative competence, basic translation skills

For citation: Ermakova, Yu.I. & Porshneva, E.R. (2025) Development of comprehensive professional competence of philology bachelors in the process of language training in the regional context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 186–195. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/21

Введение

Вопрос профессиональной деятельности по окончании высшего учебного заведения остро стоит перед выпускниками любого направления. Особенно актуален в настоящее время вопрос трудоустройства выпускников филологического факультета. Как отмечает М.Г. Евдокимова, для современного мира характерны «нестабильность, динамичность и непредсказуемость происходящих в нем процессов» [1. С. 49]. Еще один существенный аспект, который отмечают исследователи, заключается в прагматической стороне обучения, т.е. «необходимости применения полученных знаний в ценностно-профессиональном контексте на глобальном рынке труда» [2. С. 192]. В связи с этим подготовка филолога должна позволять выпускнику специализироваться в различных профессиональных сферах межкультурного взаимодействия. Это подчеркивается в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 «Филология» (уровень бакалавриата) от 12.08.2020 г. (далее – ФГОС) [3]. Во ФГОСе указывается, что профессиональная деятельность филолога может осуществляться в различных сферах коммуникативного взаимодействия, включая политическую, экономическую, социальную стороны жизни современного общества. В результате освоения программы бакалавриата у выпускника должны быть сформированы компетенции, охватывающие достаточно широкие области (например, педагогическую, переводческую, экскурсионную). В этом заключается проблема подготовки филологов, которая требует разработки комплекса компетенций, востребованных в будущей профессиональной деятельности, и направленных на поликультурное и полифункциональное развитие выпускника.

Во ФГОСе подчеркивается, что изучение иностранного языка направлено на решение задач будущей профессиональной деятельности студентов. Дисциплина «Иностранный язык» готовит выпускников к работе в различных ролях в регионе: гид, переводчик – при сопровождении делегаций и на международных мероприятиях, учитель – в обучении иностранному языку в школе, преподаватель – при осуществлении научно-исследовательской деятельности в вузе. Однако такой широкий спектр профессий и видов деятельности может создавать трудности при определении конкретных навыков и знаний, необходимых для успешной работы.

В статье М.Г. Евдокимовой, посвященной подготовке преподавателей иностранных языков, говорится, что современных преподавателей следует готовить как «homo innovaticus» (человека инновационного), приближаясь к «образовательному идеалу в сфере иноязычного образования» [1. С. 56]. Это утверждение, по нашему мнению, должно относиться и к филологам.

М.Г. Евдокимова объясняет, что «инновационность должна пониматься в двух аспектах: с одной стороны, – духовном (культурологическом), а с другой стороны, – профессионально-практическом». Культурологически, инновационность заключается в умении и стремлении поддерживать и развивать родную и мировую культуру, сохранять и поддерживать духовно-нравственные ценности. Профессионально-практически, инновационность подразумевает способность и готовность создавать новое в профессиональной сфере [1. С. 56]. В связи с этим, можно предположить, что бакалавр филологии как человек инновационный должен обладать такими навыками, как владение разными стилями общения, мультикультурность и мультиязычность, системное мышление, гибкость, навык междотраслевой коммуникации.

Подтверждение этому находим в документе «Атлас новых профессий 3.0», который расширяет список возможных профессиональных специализаций и представляет наиболее приближенные к профессиональной деятельности филолога по набору навыков профессии. Например:

– Коуч по межкультурной коммуникации для экскурсоводов, для которого, как и для филолога, характерны: мультикультурность и мультиязычность, гибкость, владение разными стилями общения. Этот специалист «учит гидов находить общий язык с представителями разных поколений и культур, поскольку туристические группы будут все более разнообразными по составу (это касается и возраста, и национальности, и культурных кодов)» [4. С. 92].

– Цифровой лингвист, обладающий такими навыками, как мультикультурность и мультиязычность, системное мышление, навык междотраслевой коммуникации. Филолог, обладающий ПМКК, сможет разрабатывать «лингвистические системы семантического перевода (перевода с учетом контекста и смысла), системы обработки текстовой информации (в том числе семантический поиск в интернете) и новые интерфейсы общения между человеком и компьютером на естественных языках» [4. С. 191].

– Менеджер по кросс-культурной коммуникации. Набор навыков (мультикультурность и мультиязычность, системное мышление, навык междотраслевой коммуникации) поможет филологу сопровождать документооборот компании на иностранных языках, контролировать ключевые смыслы (например, при выборе маркетинговых слоганов), обучать сотрудников передаче смыслов на иностранных языках, а также особенностям культуры при переговорах с иностранными партнерами [4. С. 405].

Обратим внимание, что формирование вышеобозначенных навыков возможно в рамках изучения дисциплины «Иностранный язык», адаптированной к условиям профессиональной деятельности в конкретном регионе.

Интеграция регионального компонента в образовательные программы делает их регионально-ориентированными, помогая выпускникам быстрее приспособиться к условиям работы на территории определённого региона. Регионально-ориентированная деятельность филолога – есть частный случай межкультурной коммуникации. Учёт региональной специфики предполагает безукоризненное знание местных реалий, краеведческих, историко-культурных, географических, социально-экономических, общественно-политических и иных особенностей, свойственных конкретному региону.

Рассмотрим состояние изученности проблемы языковой профессиональной подготовки филологов в современных исследованиях в данной области. Были проанализированы 32 работы (монографии, статьи, авторефераты диссертаций, защищенные в период с 2016 по 2022 г. в научной отрасли «Педагогические науки»). Из них 17 – посвящены подготовке филологов. 50% работ сосредоточены на подготовке филологов как учителей и преподавателей. 40% работ посвящены вопросам обучения китайских студентов-филологов, оставшиеся 10% посвящены таким вопросам как, например, формирование компетенций, использование технологий в обучении, развитие различных умений. Проблематика будущего трудоустройства студентов вне образовательной сферы, т.е. как переводчиков, гидов, не рассматривалась. Вопрос формирования профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции филологов не получил достаточного внимания, как и проблема региональной направленности филологического образования.

Темы пятнадцати из 32 проанализированных работ были так или иначе связаны с регионом: в названиях исследований встречались такие понятия как национальный регион, регионально-ориентированный, региональный вуз, региональная система образования и др.

Анализ работ показывает, что внедрение региональной тематики происходит в системе высшего образования, в основном, в подготовке учителей/педагогов, студентов-лингвистов/переводчиков и специалистов в сфере туризма. Однако региональная составляющая в обучении филологов в диссертационных работах остается вне внимания исследователей несмотря на важность этого фактора для эффективного взаимодействия между культурами и регионами.

В связи с этим мы обратились к работам Е.П. Глумовой [5], Е.Н. Бакуровой [6], А.А. Насыровой [7] и статье Ж. Линь и Е.П. Глумовой [8].

Были выявлены некоторые различия в программах студенческой подготовки, языках, подходах к обучению студентов, а также в терминологическом аппарате. Так, например, определение «региона» в трактовке Е.Н. Бакуровой и А.А. Насыровой было дополнено авторами с учетом географического компонента, который, по нашему мнению, обязательно должен быть принят во внимание в условиях подготовки филологов.

Несмотря на то, что исследователи рассматривали разные языки (английский, немецкий), уровень и специальность подготовки (начальный этап подготовки,

1-й курс, 3-й курс), в своих работах они единодушно признают важность и особую роль регионального компонента в обучении иностранному языку.

Нельзя не согласиться с Е.Н. Бакуровой, в работе которой подчеркивается, что использование регионального компонента при обучении иностранным языкам помогает повысить мотивацию студентов и улучшает их коммуникативные способности, но также может привести к ограниченности знаний о других культурах [6]. А.А. Насырова, в свою очередь, отмечает, что формирование регионально-ориентированной компетенции позволяет студентам лучше понимать культуру и традиции региона, где они работают или живут, и общаться с людьми, которые могут быть носителями этих традиций. Это также помогает им лучше адаптироваться к новым условиям и требованиям работы в регионе [7. С. 10].

Опираясь на проанализированные работы, мы определяем **региональный компонент** (далее – РК) как *использование в учебном процессе информации о культурных традициях, истории и особенностях региона, направленное на формирование навыков межкультурного общения.*

В нашем исследовании мы постараемся решить проблему профессиональной языковой подготовки филологов в условиях региона и определить структуру такой комплексной компетенции бакалавра филологии, которая, с одной стороны, отражала бы требования ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.01 «Филология», а, с другой стороны, позволила бы выпускнику на практике применить все полученные в процессе обучения знания, умения и навыки.

Методология исследования

Методологической основой исследования послужили положения регионально-ориентированного образования, концепции формирования межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции и исследования в сфере подготовки филологов в условиях региона.

Деятельность филолога может рассматриваться как частный случай межкультурной коммуникации, специфика которой определяется её региональной локализацией. Соответственно, в целях определения и описания структурных компонентов компетенции будущего филолога, в частности, регионального компонента, мы берем за основу результаты исследований в области обучения иностранному языку с учетом его культурного потенциала (во взаимосвязи с культурой). К таким исследованиям относятся работы А.Л. Бердичевского [9], Ван Эка [10], К. Пюрена [11], Е.Г. Таревой и соавт. [12]. Исследователи подчеркивают, что современное обучение иностранному языку ставит перед собой задачу не только передачи знаний о языке, но и формирования глобально ориентированных личностей, способных успешно функционировать в многокультурном и многоязычном мире.

Основополагающей для нашего исследования является идея Н.Н. Гавриленко, которая выделяет «переводческую компетенцию», как «составную часть профессиональной компетентности специалиста любого профиля, владеющего иностранным языком, и требует ряда сформированных способностей, которые позволяют

подготовить текст на родном языке, адаптируя его к условиям и требованиям получателя высказывания» (цит. по: [13. С. 29]). Мы придерживаемся точки зрения М.Д. Чургановой, что эти знания и умения будут отличаться от знаний и умений профессионального переводчика [13. С. 32]. И будущим филологам на 3-м курсе будет достаточно овладеть базовой составляющей переводческой компетенции (по определению Л.К. Латышева) [14. С. 29–30]. Необходимость овладения базовыми переводческими навыками и умениями подтверждается ФГОС, в котором указано, что сфера профессиональной деятельности выпускников может включать переводческую деятельность [3]. Современный филолог – это специалист самого широкого профиля, который может быть востребован и как специалист-переводчик. Ответом на современные вызовы становится установление новых деловых, культурных и научных контактов, как на уровне страны, так и на уровне отдельных регионов. Роль переводчика, способного обеспечить межъязыковое, а также межкультурное взаимодействие многократно повышается. Филолог-переводчик чрезвычайно востребован в регионе: на международных конференциях, при сопровождении групп на промышленных предприятиях, в научных учреждениях, выставках и мероприятиях, посвященных межкультурному и межконфессиональному диалогу. И этот список далеко не полный.

Таким образом, профессиональная межкультурная коммуникативная компетенция (далее ПМКК), должна охватывать разные стороны профессиональной подготовки филологов и представляет собой сложную структуру, включающую коммуникативную, межкультурную, переводческую и социальную субкомпетенции.

Очевидно, что будущий филолог всего знать не может. Однако для дальнейшей адаптации к условиям профессиональной деятельности на территории конкретного региона он должен обладать знаниями социокультурной, общественно-политической, экономической, юридической тематики с учётом региональной специфики. Опыт взаимодействия с носителями языка показывает, что при личном общении многие иностранцы интересуются регионом не только с деловой, но и с культурологической, исторической и географической точек зрения.

Соответственно, понятие «*профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции филолога*» с учетом регионального компонента определено нами как *интегральное качество субъекта, характеризующее его способность и готовность к успешному межкультурному и межъязыковому посредничеству, основанному на знании языка в его взаимосвязи с ценностными культурными ориентациями представителей конкретного региона* [15. С. 59] (рис. 1).

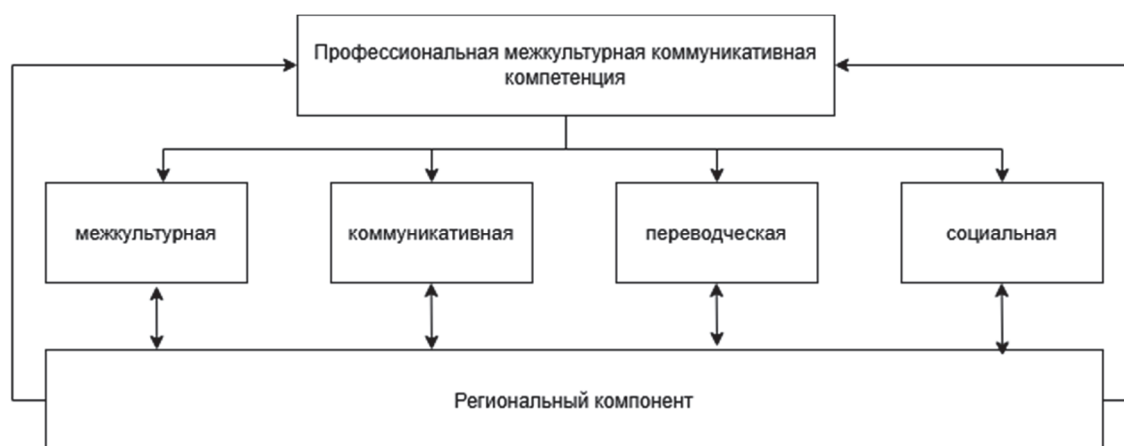

Рис. 1. Структура профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции с учетом регионального компонента

Сложная структура ПМКК требует особой дидактической организации учебного процесса и, следовательно, формирование ПМКК должно быть основано на комплексе взаимодополняющих методических подходов. О сочетании подходов при обучении языкам первым говорит К. Пюррен [11] и его точку зрения поддерживают российские исследователи (Е.Р. Поршнева [16], Е.Г. Тарева с соавт. [12] и др.). Сочетание динамично взаимодополняющих методических подходов важно с точки зрения решения каждой новой задачи и определяет теоретическую базу дидактической системы, способствующей выполнению социального заказа XXI века на подготовку специалистов любого профиля, в частности, бакалавров филологии.

Так как эффективная профессиональная межкультурная коммуникация возможна только при комплексном использовании лингвистических, социокультурных и социально-психологических знаний и навыков, для нашего

исследования мы определили комплекс взаимодополняющих подходов: *личностно-деятельностный, контекстно-компетентностный, коммуникативно-когнитивный, лексический, регионально-ориентированный и межкультурный* подходы. При этом *регионально-ориентированный и межкультурный* подходы выходят на первый план, так как они позволяют решить поставленные задачи, повысить эффективность формирования базовых переводческих навыков, осмыслить особенности межкультурного взаимодействия и развивать компоненты ПМКК филолога с учётом региональной специфики.

Можно утверждать, что формирование ПМКК бакалавров филологии базируется на совокупности личностно-деятельностного, контекстно-компетентностного, коммуникативно-когнитивного, лексического, регионально-ориентированного и межкультурного методических подходов, выбор которых обусловлен целью и задаваемыми сущностными характеристиками

проектируемой компетенции, и регулируется общепедагогическими и специфическими принципами (*преemptивности, личностно- и профессиональной значимости, регионализации, включенности и открытости информации, поликультурного развития*).

Комплекс подходов определил принципы отбора и систематизации содержания (входной информации) иноязычной подготовки будущих филологов с учётом регионального компонента: традиционные и специальные. Традиционные дидактические принципы (1, 2) учитывают прагматические цели языкового образования, определённые ОП ВПО. Специальные принципы (3, 4, 5) определяют отбор регионального компонента содержания и выделены нами на основе анализа научных исследований по обучению межкультурной коммуникации и регионализации языкового образования [17]:

1. Принцип личностно-и профессиональной значимости определяет отбор актуальной тематики сфер профессионального общения филолога (социокультурной, общественно-политической, экономической, деловой и др.); значимой для выполнения трудовых функций; отвечающей образовательным потребностям студентов-будущих филологов.

Данный принцип обусловлен *личностно-деятельностным подходом* (работы Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, М.С. Кагана, С.Л. Рубинштейна). Личностно-деятельностный подход позволяет анализировать педагогические процессы с учётом всех ключевых аспектов профессиональной деятельности, включая цели, мотивы, действия и результаты. Этот подход предполагает активное освоение знаний и навыков, а также решение практических задач на основе сотрудничества и субъект-субъектных отношений. В итоге личностно-деятельностный подход помогает активизировать и развивать необходимые компетенции будущих филологов, стимулируя развитие их личности и внутренних ресурсов.

2. Принцип преemptивности определяет учёт уровней иноязычной компетенции (коммуникативной, межкультурной, социально-психологической) на старших и предшествующих этапах профессионально-иноязычной подготовки филологов соответственно требованиям ФГОС ВО и ОП ВПО.

Контекстно-компетентностный подход, предложенный А.А. Вербицким, определяет этот принцип, благодаря которому создаются условия, в которых студенты развивают не только теоретические знания, но и практические навыки и компетенции, важные для успешного решения профессиональных задач и адаптации в быстро меняющемся мире.

3. Принцип включенности открытой информации означает применение в обучении языку и переводу наряду с программным лингводидактическим материалом оригинальной аутентичной информации из открытых источников и новостных сайтов сети Интернет, демонстрирующей функционирование языка в реальном социокультурном контексте.

Реализация принципа включенности открытой информации требует *коммуникативно-когнитивного и лексического* подходов. *Коммуникативно-когнитивный подход*, как следует из названия, включает в себя коммуникативную и когнитивную составляющие.

Коммуникативная составляющая в процессе обучения языку и переводу реализуется в рамках коммуникативного подхода (Е.И. Пассов, А.Н. Шамов, С.В. Шатилов, А.Н. Шукин и др.). Коммуникативный подход предполагает овладение разными речевыми функциями, то есть умениями выражать ту или иную коммуникативную интенцию. В свете рекомендаций коммуникативного подхода одним из важных методов в обучении будущих филологов является обучение коммуникативному языку (CLT). Идея данного метода заключается в том, чтобы помочь обучающимся более эффективно и правильно общаться в реалистичных ситуациях, в которых они могут оказаться. Когнитивный подход предполагает, что языки выполняют две функции: формирование и оформление знаний. Когнитивные структуры, состоящие из фрагментов знаний, определяют когнитивный аспект значения через семантическую структуру языковых выражений.

Формирование ПМКК с учетом РК подразумевает овладение лексическими единицами региональной тематики. В связи с этим, целесообразно рассмотреть *лексический подход* (введенный М. Льюисом [18]) в обучении иностранному языку. *Лексический подход* подчеркивает изучение фраз и словосочетаний, которые часто используются носителями языка. Это помогает студентам лучше понять и использовать язык в реальных ситуациях. Обучение должно происходить в контексте реального использования языка, с использованием аудио- и видеоматериалов, текстов, диалогов и других ресурсов, которые помогают студентам погрузиться в язык и научиться его использовать.

4. Принцип поликультурного развития означает отбор аутентичных учебных материалов, обеспечивающих изучение языка и системы ценностей различных стран /регионов в контексте их сопоставительного анализа.

Принцип поликультурного развития обусловлен *межкультурным подходом* (Л.А. Гусейнова, Г.В. Елизарова, Г.А. Масликова, Е.Г. Тарева, Н.В. Филиппова, В.П. Фурманова, D. Buttjes, M. Вугам и др.). Данный подход подразумевает обучение иностранным языкам в рамках культуроориентированной парадигмы, основанной на идее диалога культур; признание равенства культур, развитие собственной идентичности через изучение другой культуры.

5. Принцип регионализации определяет лингвокультурное наполнение языкового и речевого иноязычного контента, обеспечивающего формирование социолингвистической, лингвострановедческой, социо-психологической составляющих ПМКК филолога, отражающих региональную специфику его профессиональной деятельности.

Данный принцип базируется на теории *регионально-ориентированного подхода*, который предполагает сосредоточение на освоении, наряду с лингвистическим, «социокультурного контекста языков международного общения» и на методическом обеспечении «культуроведческого наполнения учебных программ и учебной литературы по иностранному языку (ИЯ)».

Итак, публикации, посвященные межкультурной коммуникативной компетенции филолога, не раскрывают в полном объеме вопрос формирования профес-

сиональной межкультурной коммуникативной компетенции бакалавра филологии в процессе регионально-ориентированной иноязычной подготовки. Наше исследование направлено на апробацию разработанной методики, нацеленной на формирование ПМКК бакалавров филологии с учётом регионального компонента, обеспечивающей эффективность регионально-направленной профессиональной языковой и переводческой подготовки.

Исследование и результаты

В рамках данного исследования было проведено опытное обучение студентов 3 курса кафедры зарубежной лингвистики Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского. К участию привлекалось 15 обучающихся (1 группа). Обучение было построено в соответствии с разработанной структурой ПМКК филолога с учётом РК и проходило без отрыва от основного образовательного процесса.

Цель опытного обучения: эмпирическая проверка разработанной методики с позиции повышения эффективности и качества обучения в системе высшего филологического образования.

Было выделено четыре критерия эффективности в соответствии с четырьмя субкомпетенциями формируемой ПМКК:

- 1) Коммуникативный КЭ – употребление речевых высказываний в соответствии с ситуацией.
- 2) Межкультурный КЭ – умение объяснить региональную реалию с позиции другой культуры.
- 3) Переводческий КЭ – владение базовой переводческой компетенцией.
- 4) Социальный КЭ – использование формул речевого этикета в соответствии со статусом коммуниканции.

Опытное обучение осуществлялось на материале пособия, разработанного авторами и посвящённого нижегородскому региону, и региональной информации из открытых источников (СМИ, Интернет). Пособие состоит из 7 разделов, разнообразных по тематике. Названия разделов даны в соответствии с реальными ситуациями, в которых филолог может выполнять свои профессиональные функции и осуществлять межкультурную коммуникацию с учетом РК, например: UNIT I. At the Geographical Meteorological Forum, UNIT IV. At the Cultural Events, UNIT V. At the Industrial Economic Forum, UNIT VI. Going around the Modern City. Материал пособия направлен на формирование всех компонентов профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции филолога [19].

В начале опытного обучения был проведен блиц-опрос, в результате которого на вопрос о нужности выпускникам филологического факультета переводческих знаний и умений для выполнения своих профессиональных обязанностей лишь 10% студентов ответили отрицательно. На вопрос о важности для будущего выпускника умений представлять родной край на иностранном языке 70% ответили положительно, 10% – отрицательно, а около 20% затруднились ответить, поскольку не имеют четкого представления о

специфике будущей профессиональной деятельности в регионе.

Само обучение состояло из трех этапов. Целью первого, **констатирующего**, этапа было определение исходного уровня межкультурных коммуникативных умений в составе профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции филолога, а именно, умений представлять родной край средствами английского языка в устной речи.

Констатирующий этап включал задания на выявление уровня фоновых знаний и узнавания лексических единиц, связанных с региональной спецификой в текстах на английском языке. Обучающимся были предложены публицистические тексты региональной тематики из открытых источников на английском языке.

По результатам тестирования было выявлено, что наименьшие сложности вызывает задание на понимание общего смысла /общей идеи текста. Выявлено также достаточно успешное распознавание и применение лексических единиц, характеризующих историко-культурное и экономическое развитие Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Наибольшие сложности вызвали задания на идентификацию более детальной информации и причинно-следственных связей.

Также было проведено тестирование навыков устной речи. Студентам было предложено объяснить понятие «Кремль» с точки зрения иностранца, используя близкие англоговорящим коммуникантам слова *castle*, *fortress*, *defensive wall*, *tower*, *residence*. Задание носило творческий характер и оказалось особенно интересным студентам, хотя и вызвало у них наибольшие трудности, обусловленные низким уровнем сформированности социокультурного компонента профессиональной компетенции, определяющего региональную специфику и отсутствием достаточного запаса фоновых знаний.

Также в рамках **констатирующего этапа** на занятиях по иностранному языку был предложен ряд переводческих упражнений. Так, для выявления первичных навыков запоминания и воспроизведения информации предлагалось записать под диктовку исторические даты, связанные с историей Нижнего Новгорода и региона на иностранном языке: 1221 (год основания Нижнего Новгорода), July 23, 1469 (битва под Нижним Новгородом войска Иван III с Казанским ханом), 1552 (Иван IV выступил из Нижнего Новгорода в поход на Казанское ханство), September 2, 1833 (Пушкин посетил Нижний Новгород), September 30, 1858 (приезд А. Дюма в Нижний Новгород) и т.д. Однако, не все студенты смогли воспроизвести их на русском языке. Некоторые обучающиеся пропустили 10–25% информации (записано число, но не указан год; есть только год; нет месяца), допустили ошибки в записи дат, что связано, по нашему мнению, с недостаточным объемом фоновых знаний по истории страны и региона, а также с объективными причинами (например, свойства памяти).

Следующее задание заключалось в записи и воспроизведении фраз. Студенты должны были перевести подписи к изображениям в туристической карте города, выпущенной к Чемпионату Мира по футболу

2018. Фразы, содержавшие даты из предыдущего упражнения, нужно было воспроизвести на русском языке. Например:

1) From there, Ivan III the Great in 1469 and Ivan IV the Terrible in 1552 launched their expeditions against the Tatar capital of Kazan.

2) On September 2-3, 1833 A.S. Pushkin visited Nizhny Novgorod: he visited the Kremlin twice, crossed the trading Rozhdestvenskaya street, strolled on the territory of the famous Makariev fair.

3) Prince Yuri Vsevolodovich founded Nizhny Novgorod in 1221 to defend the Russian frontiers from the Mordvins, Maris and Tatars.

Это упражнение, с одной стороны, оказалось легче, с точки зрения студентов, поскольку даты, с которыми они столкнулись, уже были проработаны. С другой стороны, выразить мысль на родном языке оказалось труднее за счет увеличившегося объема.

С целью определения умения осуществлять внутриязыковую передачу смысла текста (т.е. «научиться извлекать и переформулировать смысл, реферировать и развертывать текст, объяснять и определять различные понятия». Данные умения, по мнению Е.Р. Поршневой, «важны для любого человека, который хочет хорошо владеть языками» [20. С. 141]) был предложен текст публицистического жанра (статья с новостного сайта) на региональную тематику («В Городце стартовало празднование 800-летия Александра Невского») на русском языке. Студенты должны были прочитать текст, а затем пересказать его. Результаты выполнения данного задания оказались ниже ожидаемых: некоторые студенты забыли даты, некоторые опустили географические названия и имена, т.е. то, что в переводоведении называется «прецизионная лексика».

Для повышения мотивации этот же текст был использован для межъязыкового перевода. Использование элементов последовательного перевода показалось студентам сложным, но интересным, поскольку привело к пониманию и осмыслению того, чему нужно учиться. Безусловно, низкий результат, продемонстрированный обучающимися при выполнении этого задания, обусловлен недостаточным уровнем сформированности базовой переводческой компетенции, отсутствием требующихся фоновых знаний.

Констатирующий этап дал возможность установить, насколько сформированы у студентов умения оперировать лексическими единицами с региональным компонентом, употреблять культурно-маркированную лексику в речи (как основной показатель уровня сформированности базовой переводческой компетенции). Однако, студенты продемонстрировали непонимание того, что региональный аспект в обучении – это способ достижения не только высокого межкультурного уровня коммуникации, но и профессионального взаимопонимания.

В ходе анализа полученных результатов также был сделан вывод о том, что интеграция элементов профессионального перевода в учебный процесс не только способствует формированию переводческого мышле-

ния и навыка переключения между языками, но и придает языковой подготовке личностно-ориентированный характер, стимулируя интеллектуальное развитие студентов. В контексте базовой переводческой компетенции языковые знания и коммуникативные умения усваиваются более осознанно, что повышает эффективность базового лингвистического обучения и его значимость для подготовки высококвалифицированных специалистов.

После проведения анализа констатирующего этапа было проведен **формирующий этап** в формате опытного обучения, которое началось в 2023 г. и проводилось в течение двух семестров на третьем курсе (V–VI семестры).

Целью опытного обучения являлось не только формирование ПМКК, но и воспитание уважительного отношения к культуре своего региона и страны изучаемого языка. Особое внимание уделялось осмыслению важности освоения РК при владении иностранным языком для достижения профессиональных целей.

На формирующем этапе обучение строилось в профессионально-направленном контексте, а именно: студенты поэтапно готовились к различным международным региональным мероприятиям таким, как экономический форум, географический форум, сопровождение делегации, ярмарка ремесел и др. Такой вид деятельности является отличным способом погружения в предстоящую профессиональную деятельность и обогащения коммуникативного опыта.

Первый этап подготовки к каждому мероприятию подразумевал информационно-справочный поиск по заданной тематике с целью ее дальнейшего использования в речи и переводе. Данный модуль, в первую очередь, был направлен на нахождение ответов на следующие вопросы:

1. Что вы знаете о предстоящем событии?
2. Какие источники информации могут быть использованы при подготовке к мероприятию?
3. На каких языках следует искать информацию о мероприятии?
4. Выпишите ключевые слова и словосочетания из найденных источников.

Следующий этап подразумевал терминологический поиск, т.е. подбор адекватной рассматриваемой теме терминологии. Студентам предлагалось выполнить задания на чтение публицистических текстов, поиск лексических соответствий на русском и английском языках, подбор синонимов, составление краткого резюме текста, нахождение аббревиатур и их расшифровку.

В рамках третьего этапа необходимо было устно воспроизвести найденные материалы, а именно: составить диалогические/ монологические высказывания с опорой на заданные ключевые слова, подготовить небольшие презентации о ключевых местах региона (заводы, театры, университеты, ремесленные города), подготовить вопросы, которые могут быть заданы потенциальным/гипотетическим иностранцем (инвестором, театралом, историком, инженером).

Четвертый этап был посвящен формированию базовой переводческой компетенции, отработке переводче-

ских навыков и умений и подготовке к выполнению переводческой деятельности. На данном этапе студенты выполняли задания на перевод с листа публицистических статей (с русского и английского языков) на региональную тематику (например, “Nizhny Novgorod region preserves folk arts and crafts”, “Головченко в Нижегородской области: какие предприятия посетил премьер-министр Беларуси”), взятых из открытых источников (СМИ, интернет), двуязычных интервью (например, с губернатором Нижегородской области, директором завода «Красное Сормово», министром культуры Нижегородской области и др.), а также последовательный перевод видео выступлений (например, об экологических проблемах Нижегородской области, об открытии кинофестиваля в Нижегородской области, о реконструкции музея-заповедника).

В учебном процессе использовались индивидуальная, парная, групповая (мини-группы) и коллективная формы организации учебной деятельности. Хороший результат в усвоении материала региональной направленности был достигнут благодаря использованию в процессе обучения коммуникативной методики и реализации принципов формирования базовой переводческой компетенции с учетом ее региональной специфики. В период опытного обучения студентам предлагались проблемные задания, составленные с учетом специальности и главной цели обучения, при выполнении которых можно было смоделировать будущую профессиональную деятельность, что способствовало формированию речевого иноязычного поведения, ориентированного на профессиональное взаимодействие.

Анализ **формирующего этапа** выявил возросший интерес студентов к изучению материалов регионального характера. Обращение к проблеме изучения языка и культуры в тесной взаимосвязи позволяет удачно включать в содержание обучения регионально-маркированные лексические единицы, которые не только выступают в качестве языкового материала, используемого в процессе коммуникации в профессиональной сфере, но и способствуют развитию и совершенствованию профессиональных иноязычных компетенций.

По окончании опытного обучения, в конце III курса (конец 2023/24 уч. г.) проводился **контрольный этап**, осуществлялась проверка сформированности профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции филолога с учетом регионального компонента. В качестве итогового задания студенты должны были подготовить проект, состоящий из двух частей. Первая часть – сопровождение иностранной делегации, роль которой исполняли иностранные студенты, обучающиеся на факультете, на международном экономическом форуме «СО.ЗНАНИЕ». Вторая – проведение экскурсии для иностранной делегации по городу. В рамках подготовки к мероприятию были даны такие же задания, что и на констатирующем этапе, а именно: составление глоссария по тематике форума (экономический, индустриальный, экологический и т.п.), подбор литературы (чтение статей) по теме мероприятия, подготовка текста экскурсии, потенциальных вопросов, перевода с листа текста по теме форума, двусторонний перевод интервью с одним из «участников» форума.

Анализ результатов **констатирующего** и **контрольного** этапов позволили выявить положительную динамику в формировании профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции с учетом регионального компонента (рис. 2).

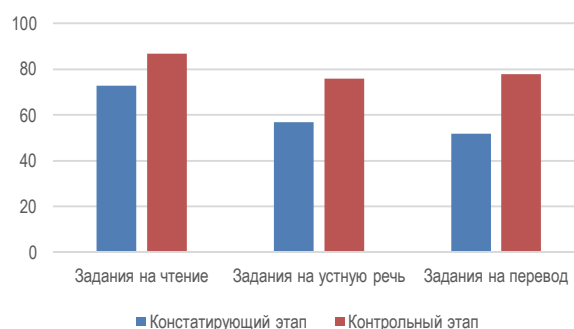

Рис. 2. Сравнение результатов констатирующего и контрольного этапов

Также в конце опытного обучения студентам было предложено еще раз ответить на 2 вопроса о необходимости переводческих знаний и умений и важности регионального компонента. Результаты данного опроса значительно отличались, поскольку теперь студенты четко представляли себе возможные сферы своей будущей профессиональной деятельности, а также более осмысленно воспринимали региональный компонент в обучении.

Итак, сравнительный анализ результатов констатирующего, формирующего и контрольного этапов; количественные и качественные показатели, полученные по итогам обучения, демонстрируют эффективность опытного обучения и позволяют сделать вывод о том, что достигнут значительный рост в формировании профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции филологов с учетом регионального компонента.

Заключение

Анализ исследований, посвященных профессиональной подготовке филологов, регионально-ориентированному образованию, компонентному составу профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции филологов, а также проведенное опытное обучение позволяют прийти к выводу, что бакалавр филологии, обладающий сформированной ПМКК является перспективным и востребованным соискателем на рынке труда в настоящем и ближайшем будущем.

Обучение по предложенной методике позволило студентам, по их мнению, обогатить свой речевой опыт говорения, расширить лексический запас единицами регионального характера и овладеть базовыми переводческими навыками. Было установлено, что выполнение разработанного комплекса упражнений способствует повышению мотивации, а также осмыслению возможностей применения полученных навыков в регионе. Участие в волонтерской работе привлекло

внимание студентов к вариантам профессиональной деятельности в регионе, стимулировало их подготовку к участию в будущих региональных мероприятиях, а

также помогло осознанно подойти к профессиональным перспективам и возможностям самосовершенствования в условиях меняющегося мира.

Список источников

1. Евдокимова М.Г. Homo innovaticus как образовательный идеал в контексте подготовки преподавателей иностранных языков // Аксиология иноязычного педагогического образования : монография по итогам Международного научно-практического форума, посвященного 65-летию кафедры методики преподавания иностранных языков (Москва 6–7 декабря 2019 г.) / М.А. Ариян, В.С. Белгородский, Е.В. Борзова [и др.]. М. : Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 49–57.
2. Обдалова О.А., Краснопева Т.О. Формирование коммуникативной компетенции студентов неязыковых направлений при моделировании ситуаций для передачи прямой аутентичной речи // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 192–202. doi: 10.17223/15617793/461/23
3. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.01 Филология: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 986 (ред. от 07.12.2021) : [зарегистрировано в Минюсте России 28.08.2020 г. N 59533] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2024).
4. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М. : Альпина ПРО, 2021. 472 с.
5. Глумова Е.П. Методика обучения организации межкультурного общения на материале регионального компонента : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2006. 25 с.
6. Бакурова Е.Н. Использование регионального компонента содержания в обучении иноязычному говорению студентов вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 26 с.
7. Насырова А.А. Формирование регионально-ориентированной коммуникативной компетенции бакалавра лингвистики : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград : Балт. федер. ун-т им. И. Канта, 2013. 23 с.
8. Жань Лин, Глумова Е.П. Особенности формирования иноязычной региональной компетенции у студентов направления подготовки «зарубежное регионоведение» // Преподаватель XXI век. 2022. № 3, ч. 1. С. 139–148.
9. Бердичевский А.Л. Новое вино в старые мехи?! // Русский язык за рубежом. 2010. № 5. С. 35–41.
10. Van Ek J.A. Objectives for foreign language learning. Project No. 12: Learning and teaching modern languages for communication. Vol. II: Levels. Council of Europe, Council for Cultural Co-operation. Strasbourg, 1987. 77 p.
11. Puren C. La problématique de la compétence culturelle dans le cadre de la mise en oeuvre de la nouvelle perspective actionnelle [La ressource électronique] // Christianpuren.com. Les données électroniques. [S. l., s. a.]. URL: <https://www.christianpuren.com/mes-travaux/2010c/>
12. Межкультурное образование в вузе: лингводидактические стратегии и практики / Тарева Е.Г., Анненкова А.В., Гаврилюк О.А., Дикова Е.С., Казанцева А.А., Казанцева Е.М., Колмакова О.А., Маметова Ю.Ф., Проскурина Г.А. СПб., 2020. 272 с.
13. Чурганова М.Д. Интегративная модель формирования переводческой компетенции специалиста службы протокола (английский язык) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2024. 247 с.
14. Латышев Л.К. Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М. : Академия, 2005. 320 с.
15. Цветкова С.Е., Ермакова Ю.И. Профессиональная коммуникативная компетенция будущего переводчика с учетом региональной специфики // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 1. С. 54–63.
16. Поршнева Е.Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. 148 с.
17. Ермакова Ю.И., Цветкова С.Е. Методическая система формирования профессиональной компетенции переводчика с учетом регионального компонента // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 3. С. 47–57.
18. Lewis M. The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward. Hove : Language Teaching Publications, 1993. 200 p.
19. Ермакова Ю.И. Комплекс заданий по теме «Нижегородский регион» (английский язык): практикум» Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2019. 74 с.
20. Поршнева Е.Р. Использование перевода в процессе языковой подготовки будущих переводчиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 29. С. 136–149.

References

1. Evdokimova M.G. Homo innovaticus kak obrazovatel'nyy ideal v kontekste podgotovki prepodavateley inostrannykh yazykov // Aksiologiya inoyazychnogo pedagogicheskogo obrazovaniya : monografiya po itogam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma, posvyashchennogo 65-letiyu kafedry metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov (Moskva 6–7 dekabrya 2019 g.) / M.A. Ariyan, V.S. Belgorodskiy, YE.V. Borzova [i dr.]. M. : Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2020. S. 49–57.
2. Obdalova O.A., Krasnopeva T.O. Formirovaniye kommunikativnoy kompetentsii studentov neyazykovykh napravleniy pri modelirovaniy situatsiy dlya peredachi pryamoy autentichnoy rechi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 461. S. 192–202. doi: 10.17223/15617793/461/23
3. Ob utverzhdenii Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 45.03.01 Filologiya: Priказ Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 12 avgusta 2020 g. № 986 (red. ot 07.12.2021) : [zaregistrirovano v Minyuste Rossii 28.08.2020 g. N 59533] // SPS «Konsul'tanTPlyuS» (data obrashcheniya: 06.01.2024).
4. Atlas novykh professiy 3.0 / pod red. D. Varlamovoy, D. Sudakova. M. : Al'pina PRO, 2021. 472 s.
5. Glumova YE.P. Metodika obucheniya organizatsii mezhkul'turnogo obshcheniya na materiale regional'nogo komponenta : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Nizhniy Novgorod, 2006. 25 s.
6. Bakurova YE.N. Ispol'zovaniye regional'nogo komponenta soderzhaniya v obuchenii inoyazychnomu govoreniyu studentov vuzov : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2008. 26 s.
7. Nasyrova A.A. Formirovaniye regional'no-orientirovannoy kommunikativnoy kompetentsii bakalavra lingvistiki : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kaliningrad : Balt. feder. un-t im. I. Kanta, 2013. 23 s.
8. Zhan' Lin, Glumova YE.P. Osobennosti formirovaniya inoyazychnoy regional'noy kompetentsii u studentov napravleniya podgotovki «zarubezhnoye regionovedeniye» // Prepodavatel' KHKH vek. 2022. № 3, ch. 1. S. 139–148.
9. Berdichevskiy A.L. Novoye vino v star'ye mekhi?! // Russkiy yazyk za rubezhom. 2010. № 5. S. 35–41.
10. Van Ek J.A. Objectives for foreign language learning. Project No. 12: Learning and teaching modern languages for communication. Vol. II: Levels. Council of Europe, Council for Cultural Co-operation. Strasbourg, 1987. 77 p.
11. Puren C. La problématique de la compétence culturelle dans le cadre de la mise en oeuvre de la nouvelle perspective actionnelle [La ressource électronique] // Christianpuren.com. Les données électroniques. [S. l., s. a.]. URL: <https://www.christianpuren.com/mes-travaux/2010c/>
12. Mezhkul'turnoye obrazovaniye v vuzе: lingvodidakticheskiye strategii i praktiki / Tareva YE.G., Annenkova A.V., Gavriilyuk O.A., Dikova YE.S., Kazantseva A.A., Kazantseva YE.M., Kolmakova O.A., Mametova YU.F., Proskurina G.A. SPb., 2020. 272 s.
13. Churganova M.D. Integrativnaya model' formirovaniya perevodcheskoy kompetentsii spetsialista sluzhby protokola (angliyskiy yazyk) : dis. ... kand. ped. nauk. M., 2024. 247 s.

14. Latyshev L.K. Tekhnologiya perevoda : ucheb. posobiye dlya stud. lingv, vuzov i fak. M. : Akademiya, 2005. 320 s.
15. Tsvetkova S.E., Yermakova YU.I. Professional'naya kommunikativnaya kompetentsiya budushchego perevodchika s uchetom regional'noy spetsifiki // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2021. № 1. S. 54–63.
16. Porshneva YE.R. Bazovaya lingvisticheskaya podgotovka perevodchika. Nizhniy Novgorod : Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2002. 148 s.
17. Ermakova YU.I., Tsvetkova S.E. Metodicheskaya sistema formirovaniya professional'noy kompetentsii perevodchika s uchetom regional'nogo komponenta // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2021. № 3. S. 47–57.
18. Lewis M. The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward. Hove : Language Teaching Publications, 1993. 200 p.
19. Ermakova YU.I. Kompleks zadaniy po teme «Nizhegorodskiy region» (angliyskiy yazyk): praktikum // Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskiy gosuniversitet, 2019. 74 s.
20. Porshneva YE.R. Ispol'zovaniye perevoda v protsesse yazykovoy podgotovki budushchikh perevodchikov // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. 2015. № 29. S. 136–149.

Информация об авторах:

Ермакова Ю.И. – старший преподаватель кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: monday_morning@mail.ru

Поршнева Е.Р. – д-р пед. наук, профессор кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: eporshneva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.I. Ermakova, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: monday_morning@mail.ru

E.R. Porshneva, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: eporshneva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.03.2025;
одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 27.03.2025;
approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 342.53
doi: 10.17223/15617793/516/22

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти и парламентаризм

Людмила Геннадьевна Коновалова¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru

Аннотация. Отмечается проблема злоупотребления органами исполнительной власти полномочиями по установлению показателей эффективности своей деятельности, приводящая к искажению юридических конструкций, заложенных в законодательстве. Предлагается расширить участие парламента в определении критериев оценки эффективности органов исполнительной власти, усилить парламентский контроль за их реализацией, наделить суды функциями по проверке обоснованности принимаемых органами управления актов.

Ключевые слова: оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти, показатели, разделение властей, парламентаризм, законодательство

Для цитирования: Коновалова Л.Г. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти и парламентаризм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 196–204. doi: 10.17223/15617793/516/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/22

Assessing the effectiveness of executive authorities and parliamentarism

L.G. Konovalova¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article analyzes modern approaches in the legal regulation of assessing the effectiveness of the activities of executive authorities. The author uses an analysis of regulations in the area under consideration, existing law enforcement practice, as well as the opinions of various scientists regarding the improvement of the institutions in question. The desire of many states to ensure the “effective” operation of the national bureaucracy is noted, but there is a general problem of abuse by executive authorities of the powers to establish performance indicators of their activities, leading to a distortion of the legal structures contained in the legislation. This is due to the fact that: 1) to date, no clear ideas have been developed about what the “effectiveness” of the activities of executive authorities is and, accordingly, how to evaluate it; 2) the issue of establishing criteria for performance indicators of governing bodies and their evaluation has been transferred to the executive authorities themselves. This situation seems to the author to be critical, since the method of management through indicators becomes the most important manipulative lever of influence of executive authorities on the area under their control, since the assessment of the performance of indicators is used to make personnel decisions in departments, as well as to influence subordinate institutions. In recent years, in almost all areas of management, there has been an uncontrolled increase in performance indicators, which excessively bureaucratize the implementation of management functions by government bodies and interfere with the normal functioning of state legal entities. To solve this problem, it is proposed to turn to the constitutional and legal concept of parliamentarism, which involves the construction of a balanced state mechanism with the real role of parliament in the system of separation of powers. Accordingly, the author sees it as necessary to strengthen the participation of parliament in determining the criteria for the effectiveness of the activities of executive authorities and assessing their performance, including by expanding the practice of involving experts. Also, in the author’s opinion, it may be rational to vest the courts with the functions of verifying the validity (expediency) of acts adopted by executive authorities. The expressed opinion is supported by examples from foreign experience. In terms of analyzing domestic legislation, we turn to procedures for assessing the activities of control and supervisory authorities, assessing the effectiveness of the activities of senior officials, and the work of regional management centers. The described examples demonstrate the irrationality of the legal tools used, built mainly on the basis of by-law regulation and not subject to real procedures of parliamentary control.

Keywords: assessment of the effectiveness of executive authorities, indicators, separation of powers, parliamentarism, legislation

For citation: Konovalova, L.G. (2025) Assessing the effectiveness of executive authorities and parliamentarism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 196–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/22

Разрастание бюрократического аппарата и усиление влияния органов исполнительной власти в системе разделения властей – неотъемлемая составляющая юридической действительности многих современных государств. В правовой доктрине эта проблема именуется «министерализмом», «административным государством», «властью бюрократии» [1, 2]. Соответственно, мировая правовая мысль предпринимает усилия для выработки юридических рычагов влияния на органы исполнительной власти с целью повышения продуктивности осуществления их полномочий, корректировки деятельности механизма государства под запросы общества. Одним из актуальнейших направлений в этом плане является постановка вопроса о критериях оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти и роли парламентов в их определении и последующем контроле.

Безусловно, задача оптимизации работы государственного механизма, повышения эффективности деятельности исполнительных органов ставилась в политической практике и юридической науке давно. Результатами постановки такой задачи стали теории разделения властей, конституционализма, правовой государственности, сервисного государства, государства всеобщего благоденствия, электронного правительства, открытого правительства, государственных услуг и т.д. Но именно в последние годы во многих странах стали приниматься нормативные акты, буквально закрепляющие требование для органов исполнительной власти работать эффективно, а также устанавливающие какие-то юридические параметры этой эффективности.

Так, Органический закон о федеральном государственном управлении Мексиканских Соединенных Штатов 1976 г. называет эффективность в качестве одного из принципов деятельности федеральных органов исполнительной власти и их нижестоящих территориальных структур. Органический закон о государственном управлении Боливарианской Республики Венесуэлы 2014 г. распространяет принцип эффективности как на государственное управление в целом, так и на распределение и использование государственных ресурсов. В Содружестве Австралии действует Закон о государственном управлении, эффективности и подотчетности 2013 г., предназначение которого состоит в установлении механизма обеспечения эффективности в деятельности субъектов государственного управления, ее соответствия высоким стандартам, правильного использования государственных ресурсов. В США в 1993 г. был издан Закон об эффективности и результатах работы правительства, требующий, чтобы независимые агентства правительства решали задачи управления эффективностью, такие как: постановка целей, измерение результатов функционирования и ведение отчетности о совершенствовании деятельности [3. С. 92–99].

В Российской Федерации оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти является одним из ключевых направлений административной реформы. Еще при принятии «Концепции администра-

тивной реформы в РФ в 2006 – 2010 годах» планировалось добиться повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти за счет внедрения в органах исполнительной власти принципов и процедур управления по результатам, реализации единой вертикально интегрированной автоматизированной системы мониторинга результативности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по достижению важнейших показателей социально-экономического развития Российской Федерации и исполнения ими своих полномочий (ГАС «Управление») [4].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» устанавливает необходимость изменения с 1 марта 2022 г. оценки результативности деятельности контролируемых органов. Предполагается поставить ключевые показатели видов контроля в зависимость не от количества проведенных проверок, выявленных нарушений и собранных штрафов, а от уровня минимизации вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям в соответствующей сфере деятельности [5]. В Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» закреплены правила ежегодной оценки Президентом РФ показателей эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ [6].

Однако правовое регулирование оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти сопряжено с рядом проблем.

Во-первых, к настоящему времени не выработано четких представлений о том, что такое «эффективность» деятельности органов исполнительной власти и, соответственно, как ее оценить. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти представляет собой новое направление юридических исследований. Правовая наука не располагает масштабными наработками, обеспечивающими становление правового инструментария оценивания результативности деятельности органов исполнительной власти. Подобные темы в большей мере разрабатывались в плоскости экономических, социологических и математических наук.

Наиболее часто в научных работах по проблемам оценки эффективности государственного управления исследователи рассматривают понятийный аппарат таких категорий, как «эффективность», «результативность», «производительность труда», «затраты» и «результаты». Однако применительно к деятельности органов исполнительной власти термин «эффективность» как соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами не всегда применим, так как сокращение бюджетных расходов на единицу оказываемой населению услуги или осуществляемой функции неизбежно приведет к снижению качества обслуживания и не может служить главным результатом повышения эффективности управления [7. С. 78].

Из анализа законодательства следует, что преимущественно эффективность деятельности органов исполнительной власти рассматривается через призму стратегического планирования государства. То есть анализируется соответствие достигнутых показателей деятельности органов управления целям, предусмотренными актами стратегического планирования. При этом прослеживается явный запрос на необходимость оценки результатов работы конкретных органов, которые должны сопоставляться с намеченными показателями и целями, причем не в абстрактном формате (обеспечение безопасности и социально-экономического развития), а в выражении, отражающим реальное состояние находящейся в ведении органа сферы государственного управления.

Однако ответ на вопрос о том, как адекватно «измерить» параметры сферы управления с учетом влияния на нее деятельности органов исполнительной власти остается дискуссионным. На примере близкой для юристов сферы – сферы преступности, это наиболее наглядно можно продемонстрировать, поскольку сферу преступности на протяжении десятилетий изучает такая наука, как криминология. Так вот с позиции этой науки однозначно доказано, что на сферу преступности влияет не только деятельность органов внутренних дел, но и другие факторы, включая экономику, политическую ситуацию, гендерный состав населения, генофонд нации и т.п. Более того, одно и то же явление можно оценивать с разных методологических позиций. Так, можно утверждать, что рост преступности – это «плохо», так как органы внутренних дел плохо осуществляют превенцию. А можно, и наоборот, говорить, что рост преступности – это «хорошо», так как раскрываемость повышается. Еще сложнее обстоят дела с оценкой иных сфер общественной жизни, поскольку они отличаются сложными социальными связями и даже изучаются комплексом наук: политологией, психологией, биологией, медициной и др.

Во-вторых, на практике большинство нормативных актов либо лишь декларируют необходимость эффективной работы органов исполнительной власти, не раскрывая правовых механизмов, которые при этом должны использоваться; либо поверхностно регулируют механизмы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти без активного участия парламента, предоставляя органам исполнительной власти чрезмерно большие prerogatives по манипулированию в этой сфере.

Например, мексиканский органический закон о государственном управлении 1976 г. лишь указывает на необходимость «эффективной борьбы с бедностью», «эффективного функционирования морских и речных портов», «эффективных государственных закупок», «эффективного производства и использования энергии» и др. Закон Венесуэлы о государственном управлении 2014 г. провозглашает необходимость эффективного выполнения целей и задач, установленных президентом в актах стратегического планирования. Ответственными за это являются центральные органы

государственного управления, губернаторы и мэры соответственно их компетенции. Эффективность при использовании государственных ресурсов предполагает по закону возможность использования механизмов аутсорсинга, а также лимитирования размера расходования бюджетных средств конкретными органами управления. В Канаде механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти не возведен в ранг закона, а регламентируется подзаконными актами, основным из которых является Программа управления эффективностью 2018 г. Согласно этого акта, руководители высшего звена участвуют в повышении эффективности работы министерств на основании соглашения об эффективности, заключаемого с секретарем Тайного совета. Содержащиеся в нем обязательства показывают приоритетные области деятельности министерства в течение рабочего цикла в связке с планами работы данного органа. Они должны быть достижимы, ориентированы на результат и поддаваться измерению или иметь наглядное выражение. Каждое обязательство должно сопровождаться соответствующими показателями эффективности, представляющими собой данные, на основе которых можно определить, выполняются ли обязательства и насколько хорошо [3. С. 98].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» при определении ключевых показателей видов контроля по существу отсылает к подзаконному регулированию этого вопроса, поскольку их целевые значения для видов государственного контроля утверждаются положениями о видах контроля, принимаемыми органами исполнительной власти. Получается, что сами органы исполнительной власти вырабатывают для себя показатели контрольно-надзорной деятельности. При этом в ходе реформы официально ставилась задача учесть в этих показателях изменения сферы контроля и снижение рисков в деятельности подконтрольных субъектов. Однако по утвержденным к настоящему времени индикативным показателям контрольной деятельности органов власти заметно, что в основном параметры оценки остались по-прежнему сопряженными с количеством выявленных нарушений, выданных предписаний или предостережений, числом жалоб и т.п. [8, 9].

В тех случаях, когда были предприняты попытки «привязать» работу контролирующих органов к параметрам проверяемой сферы, зачастую наблюдается нецелесообразность избранных ориентиров. Например, согласно Положению о федеральном контроле медицинской деятельности ключевым показателем контроля (надзора) является количество расхождений диагнозов по результатам патолого-анатомических вскрытий. По сути, данная норма подразумевает наличие причинно-следственной связи между каждым неправильным диагнозом (выявленным посмертно) и деятельностью контрольно-надзорного органа, однако этот орган в силу закона не участвовал ни в управлении, ни в оказании медицинской помощи [10]. В некоторых случаях органы исполнительной власти выраба-

тывают для оценки своей деятельности сложные формулы, адекватность показателей которых никак не обоснована и не позволяет наглядно представить результативность деятельности органа власти при их оценке. Например, такая формула используется в строительном надзоре [11].

В целом практика применения обновленного контрольно-надзорного законодательства демонстрирует нацеленность на снижение так называемого «индекса административного давления». Однако с позиций юридической науки это весьма спорный ориентир [12. С. 14], поскольку он очень часто своей оборотной стороной имеет незащищенность публичных интересов, поскольку не предполагает адекватной защиты от противоправных действий предпринимателей. И какого-то аналогичного «индекса» для измерения ущерба для публичных интересов со стороны предпринимателей органы исполнительной власти не придумали.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», закрепивший правила оценки эффективности деятельности исполнительных органов субъектов РФ также демонстрирует юридический прием переадресации сложного вопроса о параметрах оценки к подзаконному регулированию. В частности, в развитие этого закона принят Указ Президента РФ от 04 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» [13]. В этом Указе в качестве показателей оценки закреплены такие параметры, как доверие к власти в субъекте РФ, численность населения субъекта РФ, уровень бедности, доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, объем жилищного строительства, качество городской среды, темп роста (индекс роста) реальной среднемесячной заработной платы и др. Безусловно, такие ориентиры в оценке деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ выглядят весьма привлекательными, однако с позиции юриспруденции большинство из них не входит в компетенцию органов исполнительной власти субъектов РФ или же могут иметь непрозрачные и манипулятивные методики подсчета, что, к примеру, ярко проявляет себя в подсчетах «средних» заработных плат граждан.

Еще один пример необдуманного подзаконного регулирования оценочной деятельности в отношении органов исполнительной власти в России – создание центров управления регионами. Это такие организации, которые призваны осуществлять мониторинг взаимодействия органов власти с гражданами через социальные сети, мессенджеры и иные средства электронной коммуникации. Лейтмотивом их создания явилось поручение Президента РФ [14], в развитие которого было принято Постановление Правительства о создании за счет бюджета России автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы», курирующей работу в субъектах РФ центров управления регионов [15]. Так, в Алтайском крае

Центр управления регионом учрежден Указом Губернатора и представляет собой весьма нетрадиционную правовую конструкцию – «проектный офис, включающий в свой состав представителей органов исполнительной власти Алтайского края, подведомственных им учреждений, представителей автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы»» [16]. С одной стороны, подобное внимание государства к социальным сетям выглядит современным и способно сформировать у граждан более позитивный образ органов управления. Однако с другой стороны, такое юридическое оформление отношений повлекло за собой фактическое установление незакрепленной в законодательстве обязанности органов публичной власти вести свои страницы в соцсетях; возможности центров управления регионами неформально влиять на органы власти, включая внедрение правил, вступающих в противоречие с действующим законодательством (например, в части сроков рассмотрения обращений); формирования прецедента образования государством незакрепленных в законодательстве структур – «проектных офисов». Следует отметить, что до настоящего времени не определены правовые последствия для органов власти, которые по аналитическим данным центров управления регионами попадают на низких строках рейтинга.

Представляется, что сложившаяся ситуация в части правового регулирования показателей деятельности органов исполнительной власти становится весьма критичной, поскольку предполагает фактически бесконтрольные возможности органов управления по установлению и оценке этих показателей. Получается, что органы исполнительной власти сами для себя и для своих подведомственных учреждений устанавливают показатели деятельности, потом сами их анализируют и придумывают для себя же последствия их неисполнения. При этом метод управления через показатели становится важнейшим рычагом воздействия на подконтрольную сферу, так как оценка исполнения показателей используется для принятия кадровых решений в ведомствах, а также для влияния на подведомственные учреждения.

За последние годы практически во всех сферах управления отмечается бесконтрольный рост показателей деятельности, которые чрезмерно бюрократизируют осуществление управленческих функций органами власти и мешают нормальной работе государственных юридических лиц. Это становится актуальным для жизненно важных сфер, включая здравоохранение, образование, транспорт, связь и т.п. Исследователи отмечают, что критерии и показатели эффективности деятельности государственных служащих и работников учреждений недостаточно проработаны, а их применение носит формальный характер, а также зачастую приводит к дискриминации сотрудников и нерациональному управлению [17. С. 223; 18. С. 6; 19. С. 8–18].

Более того, подзаконное регулирование показателей деятельности органов исполнительной власти позволяет менять юридические конструкции, заложенные законодательством. В частности, государственные

служащие во многих ситуациях в большей степени мотивированы исполнять требования показателей, нежели добиваться реального исполнения предусмотренных законом полномочий. Поэтому при формулировке показателей центральные аппараты органов исполнительной власти способны злоупотреблять возможностями по определению фактических направлений работы ведомств и концентрации усилий на решении каких-то вопросов.

При этом наблюдается усиление юридического давления на служащих через систему показателей. Например, многие органы исполнительной власти в своих актах закрепляют возможность снижения надбавок к окладу служащим за неисполнение или ненадлежащее исполнение показателей деятельности, хотя это и не предусмотрено в законе [20]. Такая практика является весьма спорной, поскольку с формально-юридической точки зрения снижение надбавки за особые условия гражданской службы решением представителя нанимателя в случае неисполнения показателей ставит вопрос о допустимости одностороннего изменения существенных условий служебного контракта, а также о том, а можно ли исполнение показателей рассматривать как составляющую «условий службы»? Кроме того, подобные конструкции являются явно манипулятивными, так как распределение дел, влияющих на оценку показателей, производится самим же представителем нанимателя. И не исключена ситуация, когда «сложные» и «легкие» категории дел будут передаваться с учетом пожеланий руководителя по решению тех или иных кадровых вопросов.

Также следует отметить, что отчужденность отечественного парламента от решения вопросов, связанных с показателями деятельности, и передача этих полномочий всецело органам исполнительной власти влечет за собой неэффективность осуществления парламентских функций. В этом случае не достаточно эффективным становится законодательная функция парламента, поскольку органы исполнительной власти через показатели деятельности корректируют в нужном им русле практику применения законов. А также страдает контрольная функция парламента, так как парламента не ставит перед собой задачу усомниться в адекватности представленной органами исполнительной власти информации о параметрах их деятельности. В свою очередь, неэффективное правотворчество и контроль порождают проблемы в реализации представительной функции парламента, так как в этом случае не реализуется запрос граждан на адекватное представительство их интересов.

Ярким примером в этом плане является осуществление парламентских полномочий по регулированию контрольно-надзорной деятельности государства. Казалось бы, парламента надлежащим образом реализовал свои полномочия, приняв обновленное законодательство о государственном контроле и об обязательных требованиях, закрепив в нем ориентацию за запрос общества о минимизации административного давления, риск-ориентированном подходе при проведении проверок, цифровизации сферы контроля [5, 21]. Однако передача полномочий органам исполнительной власти

по регулированию показателей своей контрольно-надзорной деятельности приводит к тому, что предусмотренные законом ежегодные доклады Государственной Думе о государственном контроле в Российской Федерации превращаются в некое формальное одобрение парламентом произведенной органами исполнительной власти оценки своей деятельности через систему установленных самими органами исполнительной власти показателей, ориентиров и формул. Парламент не демонстрирует свою осведомленность о массовых проблемах, возникающих в обществе в связи с реализацией законодательства о контроле. В то время как такие проблемы есть, они широко обсуждаются, и настолько существенны, что позволяют некоторым ученым говорить о «профанации» реформы органами исполнительной власти, о том, что это направление реформы является «провальным», «удостоверяющим собственную беспомощность органов публичной власти» [22 С. 34; 23. С. 19; 24. С. 20]. Но в этих условиях при заслушивании Сводного доклада о государственном контроле в Государственной Думе не высказывается никаких критических замечаний к работе органов исполнительной власти [25].

С учетом изложенного напрашивается предложение более активно использовать для оценки эффективности органов исполнительной власти конституционно-правовую теорию парламентаризма. Эта теория предполагает построение сбалансированного государственного механизма с реальной ролью парламента в системе разделения властей. При множестве подходов к пониманию парламентаризма наиболее часто в качестве признаков парламентаризма называются: верховенство закона; разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; подотчетность исполнительной власти парламента; особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства; независимость судебной власти [26. С. 3–19; 27. С. 55–60]. Соответственно, представляется, что в условиях реализации подобных признаков парламентаризма возможно и более оптимальное решение вопроса об оценке эффективности органов исполнительной власти.

В частности, опыт отдельных зарубежных стран демонстрирует позитивный эффект от расширения участия парламента в решении вопросов эффективности органов исполнительной власти. Например, достаточно подробное регулирование оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти содержится в законодательстве Австралии и США. Оно основано на обязательствах органов исполнительной власти планировать свою деятельность с использованием методик оценивания достижения поставленных целей и задач, с определением графика оценочных мероприятий и необходимости предоставления отчетной информации в парламента, а также осуществления внутреннего и внешнего контроля за реализацией программных мероприятий [3. С. 92]. При этом в США закреплена еще и обязанность органов исполнительной

власти консультироваться не реже одного раза в два года с законодательным органом и его специальными комитетами по вопросам содержания планов эффективности, а также права Административно-бюджетного управления согласовывать, корректировать и оценивать выполнение программных документов органов исполнительной власти. При этом, если по мнению Административно-бюджетного управления ведомство не достигло целевых показателей эффективности в течение двух последовательных финансовых лет, это ведомство должно представить в Конгресс описание действий, которые администрация предпримет для улучшения результатов, включая предлагаемые изменения в законодательстве или запланированные действия исполнительной власти с обязательным согласованием финансирования предполагаемых проектов [28].

Позитивных оценок исследователей заслужил скандинавский опыт работы органов исполнительной власти, действующих в условиях официального признания концепции парламентаризма. Например, М.А. Исаяев полагает, что эти государства являются «олицетворением культа эффективности национальной бюрократии» [29. С. 105]. Высказывается предположение, что такая эффективность обуславливается активным применением «политики с относительно сильным государством и активным и просвещенным использованием экспертов различного рода в рамках демократического управления с помощью закона» [30. С. 49]. Административное решение здесь на любых этапах государственной власти и управления вырабатывается не на основе усмотрения чиновника, а на основании проанализированного с точки зрения науки предмета и с активным привлечением общественных организаций (корпораций). Успеху во многом содействует не прямое парламентское регулирование, а формирование правовых обычаев – осознанных образцов действия органов государственной власти исходя из стремления к рациональности, социального благоденствия [31. С. 287].

Вместе с тем, рост государственного аппарата и усложнение сфер управления коснулось и скандинавских стран. Правительства учреждают новые департаменты (министерства), определяют их структуры, компетенцию и формы деятельности, а потом сами же становятся зависимыми от компетентности и качества работы профессиональной бюрократии этих структур. Только в Швеции перечень департаментов и порядок их работы устанавливается законом. Но помимо департаментов правительства создают множество иных ведомств – управлений, бюро, контор и др. Например, в Швеции наряду с департаментом социальных дел смежные вопросы решают управление общественного благосостояния, управление охраны труда, ведомство государственного страхования, пенсионное управление, управление рынка труда [31. С. 287]. Прослеживается явная потребность в более предметном парламентском регулировании сферы устройства органов исполнительной власти и углублении парламентского контроля за их деятельностью. Однако важно подметить, что в этих странах именно на уровне закона осуществляется установление системы центральных и местных

органов управления, основ их правового статуса и деятельности [31. С. 167]. Поэтому вопрос эффективности модели государственного управления не отдается на усмотрение самой бюрократии, а предопределяется парламентом.

Говоря об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти через призму теории парламентаризма, не следует забывать о том, что все признаки парламентаризма действуют комплексно, и эта теория не сосредоточена лишь на анализе правового статуса парламента. Соответственно, решению задачи эффективной работы органов исполнительной власти может способствовать не только парламентское участие в разработке показателей эффективности органов исполнительной власти, парламентский контроль и парламентское бюджетирование расходов. Этой цели может служить и сама система разделения властей, в том числе масштабным может быть влияние судов на продуктивность работы исполнительных органов.

Так, в зарубежной правовой доктрине судебное участие в повышении эффективности деятельности органов исполнительной власти выводится далеко за пределы формального разрешения споров в рамках административной и конституционной юстиции. Предлагается ставить вопрос о так называемой «дееспособности государства», под которой подразумевается возможность и способность органов исполнительной власти продуктивно решать управленческие задачи в условиях разделения властей. «Дееспособность государства» направлена на формирование способности действующего правительства разрабатывать и осуществлять политику, которая, по мнению его лидеров, улучшает национальное благосостояние и иным образом позитивно влияет на общественные отношения. Поэтому предполагается, что взаимодействие между органами исполнительной власти и парламентом не должно влечь частые кризисы и предполагать определенные границы самостоятельности принятия решений бюрократическим аппаратом. Но наибольший акцент в этой теории делается на способности суда наращивать потенциал эффективного управленческого воздействия государственного механизма на общественные отношения [32, 33].

Особые надежды авторы теории возлагают на способность судов корректировать программную работу органов исполнительной власти. В качестве иллюстрации подобного воздействия можно привести следующие примеры. Так, в 2018 г. в Индии была разработана новая система социального обеспечения, но на практике она стала страдать от коррупции в момент доставки. Опираясь на доступность новых технологий, правительство Индии разработало систему биометрической идентификации. Это повысило точность предоставления социальных услуг, но также поставило под угрозу неприкосновенность частной жизни граждан. Верховный суд Индии признал систему биометрической идентификации конституционно допустимой при условии, что она будет реализована с определенными гарантиями от вторжений в частную жизнь. Или в 2009 г. Верховный федеральный суд Бразилии вынес принципиальное решение, скорректировавшее работу

правительства в части обеспечения лекарствами населения. Проблема заключалась в том, что Министерство здравоохранения вело список лекарств, которые предоставлялись бразильцам бесплатно. Бразильские судьи нижестоящих судов регулярно выносили решения в пользу включения в этот список дополнительных пациентов, нуждающихся в жизненно важных лекарствах. Такая практика поставила вопрос об ограниченности бюджетных ресурсов, поскольку треть бюджета министерства стала тратиться на приобретение лекарств в ущерб иным направлениям работы. В итоге решение Верховного суда Бразилии оказалось ограничительным, в нем были «предоставлены руководящие принципы» для использования судами в делах о праве на лекарства, исключившее практику однозначного признания правомерными требований заявителей [33]. Это решение способствовало изменению программной работы Министерства здравоохранения, не лишая при этом его управленческого потенциала.

Традиционно значимое место роли судов в обеспечении эффективного функционирования органов исполнительной власти отводится в американской правовой доктрине и практике. Это связано с полномочиями судов по пересмотру правовых актов органов исполнительной власти (агентств). Стандарт пересмотра включает в себя два действия суда: «проверку законности» и «анализ рациональности» принятых органами исполнительной власти актов. Проверка законности предполагает возможность судов признавать недействительными действия агентств, которые нарушают юридические ограничения их деятельности, включая границы делегированного законодательства, конституционные или законодательные положения, процедуры принятия актов. Проверка рациональности дает право судам контролировать то, как именно агентства реализуют данные им полномочия, то есть по существу оценивать эффективность принимаемых ими мер. Проверка рациональности направлена на рассмотрение причин, обосновывающих целесообразность принятия властных решений административными органами. В случае проверки рациональности суд должен действовать с учетом принципа «уважения» к органам исполнительной власти и признания их самостоятельности в вопросах, отнесенных законом исключительно к решению на усмотрение агентств. Поэтому при проверке рациональности всегда должны использоваться «существенные доказательства», требующие «тщательного и глубокого обзора» [2].

И хотя в последние годы делегация полномочий органам исполнительной власти США со стороны парламента носит в основном общий характер, предполагающий свободу действий агентств «в общественных интересах», судебная проверка рациональности существенно способна повышать качество и мотивированность принимаемых органами исполнительной власти актов. На практике процедура проверки рациональности зачастую имела позитивные последствия для изменения управленческих подходов в деятельности органов исполнительной власти, в том числе в сфере транспортной безопасности, защиты окружающей среды, экономике. В то же время имеется и негативный аспект проверки судами эффективности деятельности органов управления, именуемый «регулятивной косностью». Дело в том, что проверка рациональности способна создать излишнюю озабоченность ведомств мотивировкой своих решений в расчете на возможные судебные тяжбы в будущем. Это сковывает инициативу ведомств и заставляет агентства затягивать принятие актов с целью публикации подробных отчетов в поддержку своих решений [2]. Однако в целом расширение функций судов по контролю за обоснованностью принятия управленческих решений для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти следует признать позитивным и возможным к использованию в России.

Таким образом, в настоящее время вопрос об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти требует более тщательного осмысления через призму конституционно-правовой науки с учетом достаточно развитой концепции парламентаризма. Требуется на доктринальном уровне более четко определиться с возможными критериями оценки эффективности органов исполнительной власти для целей последующего законодательного регулирования этой сферы. Недопустимо оставлять вопросы определения показателей деятельности и их оценки на ведомственном уровне, поскольку подобная практика искажает юридические конструкции, заложенные в законодательстве, вынуждая государственных служащих действовать в направлениях, указанных разработчиками показателей. Актуальным является расширение экспертной работы при парламентах в разработке и оценке показателей деятельности органов исполнительной власти. Рациональным может быть наделение судов функциями по проверке обоснованности (целесообразности) принимаемых органами исполнительной власти актов.

Список источников

1. Ekins R. The Balance of the Constitution // The American Journal of Jurisprudence. 2022. Vol. 67, Is. 2. P. 199–222. doi: 10.1093/ajj/auac014
2. Reitz J.C. Deference to the Administration in Judicial Review // The American Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 66, Is. Suppl 1. P. 269–298. doi: 10.1093/ajcl/avy014
3. Медведев Б.А. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти по законодательству зарубежных государств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3 (146). С. 92–99.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р (ред. от 10 марта 2009 г.) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.
6. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
7. Чазова И.Ю., Израйлов М.В. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29, вып. 6. С. 77–79.

8. Приказ МВД России от 08 декабря 2021 г. № 1012 «Об утверждении индикативных показателей для федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения» // СПС «Консультант Плюс».
9. Приказ Минтруда России от 23 декабря 2021 г. № 910 «Об утверждении перечня индикативных показателей, применяемых при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2022. № 2.
10. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2021 г. № 1048 (ред. от 30 ноября 2021 г.) «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
11. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1087 (ред. от 23 декабря 2021 г.) «Об утверждении Положения о федеральном государственном строительном надзоре» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (часть I). Ст. 5517.
12. Абакумова Е.Б. О некоторых правовых проблемах государственного контроля предпринимательской деятельности // Вестник арбитражной практики. 2023. № 4. С. 14.
13. Указ Президента РФ от 04 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 6. Ст. 966.
14. Поручения Президента Российской Федерации от 01 марта 2020 г. № Пр-354 по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru>
15. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1844 (ред. от 09 декабря 2023 г.) «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» на создание и обеспечение функционирования в субъектах РФ центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах РФ центров управления регионов» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7545.
16. Указ Губернатора Алтайского края от 14 октября 2020 г. № 179 «О создании и функционировании центра управления регионом в Алтайском крае» // Официальный интернет-портал правовой информации. 14.10.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
17. Сергеев А.Л. Конституционно-правовое регулирование реформы образования в России: проблемы и перспективы // Lex russica. 2017. № 2. С. 223–228.
18. Шевелева Н.А., Васильев И.А. Оценка действующей модели субсидирования государственного задания подготовки кадров по уровням высшего образования // Финансовое право. 2019. № 12. С. 6–13.
19. Сулейманова Ф.О. Реформирование системы оплаты труда в бюджетной сфере (на примере медицинских работников) // Юстиция. 2016. № 4. С. 8–18.
20. Приказ Ростста от 14 ноября 2013 г. № 445 «Об утверждении Положения о премировании, установлении надбавки к должностному окладу за особые условия гражданской службы, оказании материальной помощи и иных выплат федеральным государственным гражданским служащим Федеральной службы государственной статистики» // Российская газета. 2014. 5 февраля.
21. Приказ Роспотребнадзора от 23 марта 2009 г. № 298 (ред. от 11 ноября 2020 г.) «Об утверждении Положения о порядке выплаты ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия федеральной государственной гражданской службы, премирования, оказания материальной помощи, выплаты единовременного поощрения за безупречную и эффективную гражданскую службу и единовременной выплаты при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска» // Российская газета. 2009. 29 апреля.
22. Летуновский В.В., Агеев А.А. Некоторые проблемы реализации мероприятий «регуляторной гильотины» // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 34–42.
23. Евдокимов А.С., Надежкина Г.П. «Регуляторная гильотина», совершенствование системы обязательных требований как направления реформирования контрольной и надзорной деятельности России // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 19–23.
24. Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. Регуляторная гильотина // Закон. 2019. № 2. С. 20–36.
25. В Государственной Думе прошел «правительственный час» с участием Дмитрия Григоренко // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 12.07.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/57495/>
26. Авакян С. Парламентаризм в России: идеи и решения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2006. № 2. С. 3–19.
27. Ализода З. К вопросу о понятии и признаках парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 55–60.
28. The Government Performance and Results Act of 1993 (GPRA) // Официальный сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bills/111th-congress/house-bill/2142/text?overview=closed> (дата обращения: 21.08.2023).
29. Исаев М.А. Модернизация материальной конституции: опыт Норвегии // Государство и право. 2021. № 1. С. 105–114.
30. Скирбекк Г. Норвежский менталитет и модернизм. М.: РОССПЭН, 2017. 198 с.
31. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм: теория и практика. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. 348 с.
32. Endicott T. The Purpose of a State // The American Journal of Jurisprudence. 2021. Vol. 66. Is. 1. P. 69–83. doi: 10.1093/ajj/auab007
33. Khosla M., Tushnet M. Courts, Constitutionalism, and State Capacity: A Preliminary Inquiry // The American Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 70. Is. 1. P. 95–138. doi: 10.1093/ajcl/avac009

References

1. Ekins R. The Balance of the Constitution // The American Journal of Jurisprudence. 2022. Vol. 67, Is. 2. P. 199–222. doi: 10.1093/ajj/auac014
2. Reitz J.C. Deference to the Administration in Judicial Review // The American Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 66, Is. Suppl 1. P. 269–298. doi: 10.1093/ajcl/avy014
3. Medvedev B.A. Otsenka effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti po zakonodatel'stvu zarubezhnykh gosudarstv // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2022. № 3 (146). S. 92–99.
4. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 25 oktyabrya 2005 g. № 1789-r (red. ot 10 marta 2009 g.) «O Kontseptsii administrativnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii v 2006–2010 godaKH» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2005. № 46. St. 4720.
5. Federal'nyy zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 248-FZ «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v RF» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2020. № 31 (chast' I). St. 5007.
6. Federal'nyy zakon ot 21 dekabrya 2021 g. № 414-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoy vlasti v sub'yektakh RF» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2021. № 52 (chast' I). St. 8973.
7. Chazova I.YU., Israilov M.V. Otsenka effektivnosti deyatel'nosti organov gosudarstvennoy vlasti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2019. T. 29, vyp. 6. S. 77–79.
8. Prikaz MVD Rossii ot 08 dekabrya 2021 g. № 1012 «Ob utverzhdenii indikativnykh pokazateley dlya federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» // SPS «Konsul'tant PlyuS».
9. Prikaz Mintruda Rossii ot 23 dekabrya 2021 g. № 910 «Ob utverzhdenii perechnya indikativnykh pokazateley, primenyayemykh pri osushchestvlenii federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) za soblyudeniym trudovogo zakonodatel'stva i inykh normativnykh pravovykh aktov, soderzhashchikh normy trudovogo prava» // Byulleten' trudovogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva RF. 2022. № 2.

10. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 29 iyulya 2021 g. № 1048 (red. ot 30 noyabrya 2021 g.) «Ob utverzhdenii Polozheniya o federal'nom gosudarstvennom kontrole (nadzore) kachestva i bezopasnosti meditsinskoy deyatel'nostI» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://pravo.gov.ru>
11. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 30 iyunya 2021 g. № 1087 (red. ot 23 dekabrya 2021 g.) «Ob utverzhdenii Polozheniya o federal'nom gosudarstvennom stroitel'nom nadzore» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2021. № 28 (chast' I). St. 5517.
12. Abakumova YE.B. O nekotorykh pravovykh problemakh gosudarstvennogo kontrolya predprinimatel'skoy deyatel'nosti // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. 2023. № 4. S. 14.
13. Ukaz Prezidenta RF ot 04 fevralya 2021 g. № 68 «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditeley vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti) sub'yektov RF i deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub'yektov RF» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2021. № 6. St. 966.
14. Porucheniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01 marta 2020 g. № Pr-354 po itogam zasedaniya Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu mestnogo samoupravleniya // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru>
15. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 16 noyabrya 2020 g. № 1844 (red. ot 09 dekabrya 2023 g.) «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidii iz federal'nogo byudzheta avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii po razvitiyu tsifrovyykh proyektov v sfere obshchestvennykh svyazey i kommunikatsiy «Dialog RegionY» na sozdaniye i obespecheniye funktsionirovaniya v sub'yektakh RF tsentrov upravleniya regionov i Pravil sozdaniya i funktsionirovaniya v sub'yektakh RF tsentrov upravleniya regionoV» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2020. № 47. St. 7545.
16. Ukaz Gubernatora Altayskogo kraya ot 14 oktyabrya 2020 g. № 179 «O sozdanii i funktsionirovanii tsentra upravleniya regionom v Altayskom kraYE» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. 14.10.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
17. Sergeyev A.L. Konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye reformy obrazovaniya v Rossii: problemy i perspektivy // Lex russica. 2017. № 2. S. 223–228.
18. Sheveleva N.A., Vasil'yev I.A. Otsenka deystviyushchey modeli subsidirovaniya gosudarstvennogo zadaniya podgotovki kadrov po urovnym vysshego obrazovaniya // Finansovoye pravo. 2019. № 12. S. 6–13.
19. Suleymanova F.O. Reformirovaniye sistemy oplaty truda v byudzhetnoy sfere (na primere meditsinskikh rabotnikov) // Yustitsiya. 2016. № 4. S. 8–18.
20. Prikaz Rosstata ot 14 noyabrya 2013 g. № 445 «Ob utverzhdenii Polozheniya o premirovanii, ustanovlenii nadbavki k dolzhnostnomu okladu za osob'nye usloviya grazhdanskoy sluzhby, okazanii material'noy pomoshchi i inyykh vyplat federal'nykh gosudarstvennykh grazhdanskim sluzhashchim Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki» // Rossiyskaya gazeta. 2014. 5 fevralya.
21. Prikaz Rospotrebnadzora ot 23 marta 2009 g. № 298 (red. ot 11 noyabrya 2020 g.) «Ob utverzhdenii Polozheniya o poryadke vyplaty yezhemesyachnoy nadbavki k dolzhnostnomu okladu za osob'nye usloviya federal'noy gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby, premirovaniya, okazaniya material'noy pomoshchi, vyplaty yedinovremennogo pooshchreniya za bezuprechnuyu i effektivnuyu grazhdanskuyu sluzhbu i yedinovremennoy vyplaty pri predostavlenii yezhegodnogo oplachivayemogo otpuskA» // Rossiyskaya gazeta. 2009. 29 aprelya.
22. Letunovskiy V.V., Ageyev A.A. Nekotoryye problemy realizatsii meropriyatiy «regulyatornoy gil'otinY» // Administrativnoye pravo i protsess. 2021. № 1. S. 34–42.
23. Evdokimov A.S., Nadezhkina G.P. «Regulyatornaya gil'otina», sovershenstvovaniye sistemy obyazatel'nykh trebovaniy kak napravleniya reformirovaniya kontrol'noy i nadzornoй deyatel'nosti Rossii // Administrativnoye pravo i protsess. 2022. № 5. S. 19–23.
24. Lyubimov YU., Novak D., Tsygankov D., Nesterenko A., Varvarin A., Ibragimov R., Zharkova O., Moskvitin O., Maslova N., Verle YE. Regulyatornaya gil'otina // Zakon. 2019. № 2. S. 20–36.
25. V Gosudarstvennoy Dume proshel «pravitel'stvennyy chaS» s uchastiyem Dmitriya Grigorenko // Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii. 12.07.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/57495/>
26. Avak'yan S. Parlamentarizm v Rossii: idei i resheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2006. № 2. S. 3–19.
27. Alizoda Z. K voprosu o ponyatii i priznakakh parlamentarizma // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2012. № 5. S. 55–60.
28. The Government Performance and Results Act of 1993 (GPRA) // Ofitsial'nyy sayt Kongressa SSHA. URL: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/2142/text?overview=closed> (data obrashcheniya: 21.08.2023).
29. Isayev M.A. Modernizatsiya material'noy konstitutsii: opyt Norvegii // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 1. S. 105–114.
30. Skirbekk G. Norvezhskiy mentalitet i modernost'. M. : ROSSP-EN, 2017. 198 s.
31. Mogunova M.A. Skandinavskiy parlamentarizm: teoriya i praktika. M. : Izdatel'skiy tsentr RGGU, 2001. 348 s.
32. Endicott T. The Purpose of a State // The American Journal of Jurisprudence. 2021. Vol. 66. Is. 1. P. 69–83. doi: 10.1093/ajj/auab007
33. Khosla M., Tushnet M. Courts, Constitutionalism, and State Capacity: A Preliminary Inquiry // The American Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 70. Is. 1. P. 95–138. doi: 10.1093/ajcl/avac009

Информация об авторе:

Коновалова Л.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vaskova82@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Konovalova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vaskova82@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 28.06.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 343.342, 323.28
doi: 10.17223/15617793/516/23

Противодействие вовлечению российской молодежи в ряды террористов и экстремистов как элемент системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью

Константин Викторович Корсаков^{1, 2}

¹ Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

² Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
^{1, 2} korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. Произведен научный анализ различных аспектов вовлечения российской молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность. Описаны современные приемы и методы склонения и вербовки в ряды террористов и экстремистов. Дана характеристика стадий вербовки, основных причин и предпосылок вступления молодых граждан России в экстремистские и террористические организации. Сформулированы новые направления, пути и меры противоборства вовлечению молодых людей в экстремистские и террористические структуры.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, национальная безопасность, вовлечение в преступные формирования, российская молодежь, система борьбы с преступностью, профилактика экстремизма, противодействие терроризму, вербовка в экстремистские структуры, террористическая угроза

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>.

Для цитирования: Корсаков К.В. Противодействие вовлечению российской молодежи в ряды террористов и экстремистов как элемент системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 205–215. doi: 10.17223/15617793/516/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/23

Countering the involvement of Russian youth in the ranks of terrorists and extremists as an element of the system of combating terrorist and extremist activity

K. V. Korsakov^{1, 2}

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

² Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation
^{1, 2} korsakovekb@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the topical and acute social problem of the involvement of young Russians in extremist and terrorist organizations. This issue is studied based on the works of foreign and domestic experts - lawyers, criminologists, psychologists and sociologists, as well as on information obtained as a result of a survey of Russian experts with extensive practical experience in combating terrorism and extremism (52 experts were interviewed). In studying the selected issues, the comparative-historical method, methods of deduction and induction, formal-logical method, methods of comparison and extrapolation, contextual analysis method and content-analytical method were used. The study revealed and described the historical roots, main trends and reasons for the growth and intensification of recruitment activity by representatives of extremist and terrorist structures in relation to young people, existing gaps in the legislation regulating the area of counteracting involvement in terrorist and extremist communities, the current shortcomings of the mechanism for preventing the spread of terrorist and extremist ideology, the characteristics of modern Russian youth that contribute to their involvement in the ranks of terrorists and extremists, the determinants of the sustainability of interest of representatives of the younger generation of Russians in the activities of terrorist and extremist criminal groups, the main methods and techniques currently used in persuasion and recruitment by representatives of terrorists and extremists, the stages of recruitment activities, the main motives for young Russian citizens to join extremist and terrorist structures, the specifics of financing networks and channels for involving Russian youth in the ranks of terrorists and extremists. A solution to the current problem of covering facts and events related to terrorist and extremist activity in the media was also proposed in order to prevent the generation of interest and desire in young audiences to join this activity. Based on the results of the study, substantiated and reasoned conclusions were made that the current system of combating terrorist and extremist activity needs to be updated and modernized, in connection with which the author developed and proposed new, promising directions, ways and measures to counter the involvement of young Russians in extremist and terrorist organizations. It is emphasized that these measures and means should

have a comprehensive socio-legal nature and include both legal instruments for preventing this harmful criminal activity and measures of an organizational, technical, spiritual, moral and socio-political nature.

Keywords: terrorism, extremism, national security, involvement in criminal formations, Russian youth, crime control system, prevention of extremism, counteraction to terrorism, recruitment into extremist structures, terrorist threat

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>

For citation: Korsakov, K.V. (2025) Countering the involvement of Russian youth in the ranks of terrorists and extremists as an element of the system of combating terrorist and extremist activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 205–215. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/23

Терроризм подобен вирусу. Он способен быстро распространяться, стремительно мутировать и приспосабливаться к окружающей среде.

Жан Бодрийяр. Дух терроризма

В настоящее время в нашей стране и в мире в целом наблюдается рост криминальной активности различных экстремистских и террористических организаций, которая включает в себе существенную угрозу как национальной безопасности, так и всему мировому порядку. Кадровый состав этих формирований постоянно пополняется за счет молодежи из России и других стран, которую вербуют, привлекают к сотрудничеству, агитируют и рекрутируют агенты, пропагандисты, эмиссары и другие представители террористов и экстремистов. За последние десять лет из Российской Федерации в районы дислокации и действия международных террористических организаций (Афганистан, Египет, Пакистан, Палестина, Сирия, Эфиопия и др.) выехало свыше 15 000 молодых людей, а русский язык в настоящее время является третьим – после арабского и английского языков – по распространенности среди членов ближневосточных и иных террористических группировок [1]. Немалая часть завербованных террористами и экстремистами молодых людей остается на территории России, чтобы выполнять их приказы и директивы, включая распоряжения совершать теракты, диверсии и убийства, похищать людей, захватывать заложников, распространять и популяризировать экстремистские идеи и вовлекать в криминальную деятельность новых участников.

В наши дни 75% состава террористических и экстремистских сообществ составляют люди молодого возраста – от 14 до 35 лет [2]. Сегодня молодые люди, завербованные экстремистами и террористами, обнаруживаются практически во всех регионах России, наибольшее их число наблюдается в мегаполисах и крупных городах; среди них и студенты, и учащиеся школ, и спортсмены, и военные, и рабочие, и госслужащие, и предприниматели, и безработные. По мнению французского социолога М. Веверки, в современном нам мире абсолютно каждый молодой человек может стать мишенью информационно-психологического воздействия со стороны распространителей идеологии экстремизма и терроризма [3]. Отечественные специалисты фиксируют усиление активности представителей террористов и экстремистов в интернетах, детских домах, подростковых клубах, секциях и учреждениях уголовно-исполнительной системы (ИК, ВК, СИЗО, ПФРСИ). В ходе произведенного нами в рамках настоящего исследования опроса российских

экспертов и обладающих большим практическим опытом борьбы с терроризмом и экстремизмом специалистов-правоприменителей (было опрошено 52 эксперта) большинство из них выделило данную тенденцию как особый тревожный тренд последних лет. В орбиту пристального внимания последних попадают все категории молодежи, независимо от пола, образования, национальности, социального статуса, профессии, вероисповедания и пр. Особенно интенсивно агитаторы и пропагандисты действуют в Интернете и коммуникативных каналах связи (социальных сетях, мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber, WeChat, Snapchat, Threema и др.), на популярных у молодежи форумах и сайтах, в блогах, тематических чатах, приложениях для гаджетов, диалоговых и игровых платформах и т.д.), причем для получения и анализа личной информации с целью последующего налаживания доверительных отношений вербовщики нередко заражают компьютеры, планшеты и смартфоны молодых россиян вирусными программами, которые похищают и передают им их персональные данные.

Такие свойства международной сети Интернет, как информационная свобода, возможность анонимного общения (за счет анонимайзеров, VPN (Virtual private network) и т.д.) и неограниченность пользовательской аудитории, позволяют пропагандистам и идеологам террористических и экстремистских группировок беспрепятственно и непрерывно общаться с молодыми людьми по всей России [4], отличающейся одним из самых либеральных законодательств в области регулирования Интернет-пространства. Особенно результативными являются склонение и вербовка в социальных сетях ввиду того, что, во-первых, личные данные, размещенные пользователем на его странице, часто вполне достаточны вербовщику для оценки перспектив и начала процесса вовлечения, во-вторых, в них, как правило, имеет место заикливание внимания посетителей на определенной информации и интересующих их темах, сопровождающееся игнорированием и отгораживанием от других, противоположных данных, не согласующихся с их взглядами и предпочтениями, что в условиях дефицита альтернативных мнений, позиций и сведений ведет к укреплению уже имеющихся у них убеждений и воззрений. Также нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что большой сегмент неподконтрольного государственным органам виртуального пространства, ориентированный прежде всего на социально и политически активную и критически мыслящую молодежь, до сих пор функционирует по деструктивной и вредоносной схеме противопоставления политической власти, государства и общества, граждан.

В данных условиях молодые граждане незаметно и с легкостью переходят грань между полемикой, диспутом, борьбой мнений и точек зрения, мировоззренческих позиций и политических взглядов и социально опасным поведением экстремистской направленности. Подчеркнем, что основная цель вербовочной активности экстремистов и террористов – получение новых молодых бойцов, помощников (по данным авторов, которые продолжительное время находились в местах дислокации террористических формирований и использовали метод включенного наблюдения или подвергались вербовке, помимо боевиков террористы активно рекрутируют в свои ряды программистов, медиков, переводчиков, поваров, специалистов по вооружению, механиков, инженеров [5, 6]), сателлитов и исполнителей приказов и заданий руководства экстремистских и террористических структур, а равно распространение и популяризация идеологии экстремизма (ранее повсеместно используемое в советской печати слово «радикализм» было небезосновательно вытеснено и сменилось к настоящему времени словом «экстремизм» в силу того, что имманентная экстремизму действенная характеристика заключает в себе особую опасность и отличает его от радикализма, который прежде всего фокусируется на содержательной стороне тех или иных крайних идей, убеждений и взглядов и поэтому является идейным, а не действенным, как экстремизм, который всегда является действенным, активным).

В то же время механизмы и формы вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации и результативные, действенные способы противостояния ему не получили достаточной проработки в научных исследованиях, не в полной мере изучены подоплека, содержание, специфика и характер этой криминальной активности, ее технико-организационное обеспечение, ее сети, каналы, тенденции и оптимальные и наиболее эффективные пути и методы борьбы с ней. Между тем очевидно, что существенное повышение эффективности системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью возможно за счет лишения последней постоянной кадровой подпитки в лице российской молодежи. В этой области наблюдаются существенные и не преодоленные до сих пор проблемы, трудности и упущения, о чем наглядно свидетельствует имеющаяся практика. Примерами таковой являются теракт в метро г. Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г., который осуществил гражданин России 22-летний смертник А. Джаилилов, завербованный агентами ИГИЛ и Джебхат ан-Нусра и прошедший обучение в лагерях боевиков в Сирии, теракт завербованного ИГИЛ 19-летнего А. Гаджиева в г. Сургуте 19 августа 2017 г. (нельзя, тем не менее, отрицать и наметившиеся в последнее время успехи в контрвербовочной работе российских правоохранительных органов: так, в 2022 г. ФСБ России обезвредила 24-летнего вербовщика террористической организации ИГИЛ, который в г. Москве и других городах пропагандировал радикальный ислам и вовлекал молодежь в террористическую деятельность, в том числе посредством социальных сетей и мессенджеров, в этом

же году в Дагестане, г. Москве и г. Воронеже отечественные спецслужбы произвели задержание шестерых участников запрещенной в России международной экстремистской группировки Ат-Такфир валь-Хиджра, которые активно распространяли идеологию этой преступной организации, а также вербовали в нее новых членов)¹.

В советской криминологической и уголовно-правовой науке проблематика радикализации молодежи практически не затрагивалась, однако, следует отметить, что на нее, проявляя научную смелость, прозорливость и проницательность, обращали внимание в своих выступлениях на научно-практических мероприятиях и – пользовавшихся в Союзе ССР большой популярностью – публичных лекциях в разных городах страны такие ее видные представители, как известные своими фундаментальными трудами в области ювенальной преступности Е.В. Болдырев, Г.М. Миньковский и выдающийся криминолог, председатель секции социологии права Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, один из основоположников томской уголовно-правовой научной школы А.Л. Ременсон. На рубеже XIX–XX вв. эта остросоциальная проблема заявила о себе обществу и государству в полном объеме, «встала во весь рост» и привлекла к себе в силу этого должное исследовательское внимание [7–9]. Заметим, что в советский период времени также существовали активно привлекавшие в свои ряды подростков и молодежь экстремистские и террористические объединения, в отношении которых велась контрпропагандистская и иная профилактическая работа; среди них можно выделить такие экстремистские и террористические формирования, как Союз борцов за освобождение Литвы, Организация украинских националистов, Перконкрустс, «лесные братья», военно-террористическое крыло партии Дашнакцутюн, антисоветское вооруженное националистическое движение в Средней Азии известное как «басмачество» и др. Особый научно-исследовательский интерес представляют образованные по типу скаутских, пластунов, военно-патриотических (большинство зачисленных в них несовершеннолетних носило военную униформу) и пожарно-спортивных обществ в Западной Украине и поддерживающиеся властями Австро-Венгрии, в состав которой в ту пору входила эта территория, молодежные общества правого и националистического толка «Пласт», «Сич», «Сокол», «Луг» и т.п. Достаточно отметить, что свое вхождение в сферу радикального национализма, терроризма и преступного коллаборационизма один из известных лидеров и организаторов украинского националистического движения Степан Бандера начал именно с вступления в 1922 г. в военно-патриотическое объединение для дошкольников и школьников «Пласт», а позже, немного повзрослев, примкнул к Союзу украинской националистической молодежи. Помимо Степана Бандеры такую хорошо организованную «подготовительную школу» прошли многие идеологи, руководители и рядовые бойцы западноукраинского террористического и бандитского подполья (Иван Гриньох (капеллан фашистского батальона «Нахтигаль»), Роман Шухевич и др.),

а обозначенные выше молодежные организации возрождаются и действуют сегодня во многих странах Европы².

Приводящиеся в справочно-аналитических материалах Национального антитеррористического комитета Российской Федерации и иных профильных учреждений (Антитеррористический центр государств-участников СНГ и др.) сведения говорят о возросших масштабах вовлечения молодых граждан России в деятельность запрещенных на территории РФ экстремистских и террористических объединений и движений, таких как Аль-Каида, Айдар, Аум Синрике, Боко Харам, Колумбайн (Скулшутинг), ИГИЛ (ДАИШ), ХАМАС, Джунд аш-Шам, Братья-мусульмане, Правый сектор, УНА-УНСО, Сеть, Джебхат ан-Нусра, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами и др.³ В то же время сформировавшаяся к настоящему времени в Российской Федерации система борьбы с террористической и экстремистской деятельностью, включая распространение соответствующей преступной идеологии, сохраняет свои слабые стороны: она недостаточно укреплена в информационно-техническом отношении (в частности, не использует в должной мере современные высокопроизводительные аппаратно-программные комплексы и технологии искусственного интеллекта), специализированные субъекты профилактики и противодействия продолжают испытывать трудности и проблемы ресурсного и информационного плана в выявлении, пресечении и предупреждении действий по вовлечению молодежи в террористические и экстремистские организации и нуждаются в инновационных программных продуктах, научно-практических рекомендациях и методическом обеспечении, научно обоснованных системных алгоритмах работы, а также в совершенствовании нормативно правовых актов, прямо либо косвенно затрагивающих эту сферу криминологической и уголовной политики.

Полагаем, что совершенствование нормативного базиса системы борьбы с террористической и экстремистской активностью следует начать с преодоления запрета на государственную идеологию, установленного в ст. 13 Основного закона России, так как отсутствие общегосударственной идеологии во многом мешает борьбе за умы молодежи в современных усложнившихся реалиях, потворствует распространению в молодежной среде идеологии экстремизма и терроризма, перманентно заполняющей, следуя известному диалектическому закону, образовавшуюся идеологическую брешь. В этом плане нельзя не согласиться с – сосредоточившими свое внимание на экстремизме в религиозной и этнической сферах – Н.П. Голяндиным и А.В. Горячевым в том, что «поскольку речь идет о внедрении в сознание людей определенных идеологических установок, покончить с экстремистской пропагандой с помощью одних лишь репрессивных мер невозможно. Религиозно-возрожденческой идеологии должна быть противопоставлена иная идеология» [10. С. 40]. Подчеркнем, что структурные составляющие, обнаруживающей в своих недрах четкую агитационно-пропагандистскую матрицу трансляции, идеологии экстремизма и терроризма при их непрерывном и

настойчивом утверждении способны закрепляться в молодежной среде не только на уровне повседневного бытового общения, но и присущего ее субкультуре словоупотребления (именно так в молодежный сленг вошло используемое джихадистами арабское слово «интихари», означающее террористов-смертников). В условиях отсутствия зрелой, четкой, понятной всем и закреплённой в законе общегосударственной идеологии ценностно-духовный мир молодежи под постоянным воздействием экстремистской и террористической пропаганды меняется и трансформируется таким образом, что агрессия, ненависть, жестокость и насилие по отношению к другим людям становятся оправданными, обоснованными и нормальными. Эти изменения и трансформации вполне закономерны и объясняются концепцией социального когнитивизма (социального научения) А. Бандуры, широко известного своими научными работами по подростковой агрессии и насилию [11].

Несмотря на острую критику идеологизированной советской системы воспитания подрастающего поколения, обрушившуюся на нее уже с первых десятилетий существования Союза ССР (в частности, английская писательница и автор книг о женщине-трикстере Мэри Поппинс П. Трэверс после поездки в СССР в 1932 г. с целью ознакомления с новыми методами воспитания детей и подростков в своем сборнике «Московская экскурсия» охарактеризовала их крайне негативно, а само советское государство назвала «Империей Зла»), последнюю, по прошествии времени и в сравнении с существующей ныне, следует признать вполне успешной в плане профилактики радикализации и криминализации детей и молодежи. Не случайно во многих регионах России сегодня возрождается и нормативно закрепляется на местном уровне практика наставничества – институт общественных воспитателей, который успешно функционировал в советское время, причем общественными воспитателями, которые брали на поруки трудных подростков и возвращали их, в том числе и на личном примере (что согласно педагогическим доктринам А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского особенно эффективно), к нормальному, социально одобряемому образу жизни, часто становились состоящие в комсомоле студенты старших курсов юридических вузов и факультетов – СЮИ им. Р.А. Руденко, СЮИ им. Д.И. Курского, юрфака ЛГУ им. А.А. Жданова, юрфака ТГУ им. В.В. Куйбышева и др.⁴

Как нормативно-правовую основу, так и практику противодействия вовлечению российской молодежи в число террористов и экстремистов возможно усилить и укрепить за счет официального включения в систему борьбы с террористической и экстремистской идеологией молодых, инициативных и не равнодушных к остросоциальным проблемам представителей гражданского общества, часто объединяющихся в волонтерские общественно полезные группы и сообщества. Примером последних может служить «Кибердружина» – созданное в 2011 г. добровольное (волонтерское) молодежное общественное движение, участники которого на регулярной основе выявляют запрещенный в России экстремистский контент в Интернете и сообщают

о нем в правоохранительные органы. Проект федерального закона о кибердружинах, предусматривающий выделение на их нужды средств из региональных бюджетов и предоставление их участникам различных льгот и мер поддержки, а также обязывающий российские правоохранительные структуры, органы государственной власти и местного самоуправления помогать и сотрудничать с кибердружинниками, был подготовлен и внесен в Государственную Думу Российской Федерации, однако такой закон так и не был принят⁵.

Внимательный исследовательский анализ механизма предупреждения вовлечения российской молодежи в ряды террористов и экстремистов позволил нам выявить существенные недостатки на стадиях ранней криминологической профилактики этого вида преступной активности, прежде всего в период, когда молодой гражданин получил соответствующую информацию от агитаторов и вербовщиков и находится на этапе формирования мотива и установки на вступление в ряды экстремистов. Между тем эта фаза наиболее важна, так как на ней еще возможны отказ от таких намерений и ограждение молодого россиянина от роковых и необдуманных поступков (очевидно, что разубедить и переориентировать молодого человека, пока еще не оказавшегося в рядах террористической или экстремистской организации, но по каким-то причинам собирающегося вступить в них, легче и проще, чем того, кто уже находится в составе таковых), в том числе и путем осуществления безотлагательных, оперативных и интенсивных мер психолого-педагогического влияния, методов убеждающего воздействия, средств духовно-идеологического и морально-нравственного плана и др. Этот находящийся в настоящее время в проблемном и заброшенном состоянии профилактический фазис нуждается в более тщательном обеспечении со стороны субъектов системы предупреждения и в новых подходах и решениях, в частности, направленных на предоставление молодым людям реальных и достойных альтернатив противоправному поведению путем вовлечения их в социально полезные и востребованные обществом культурные, религиозные, спортивные, военно-патриотические и иные мероприятия и виды деятельности, соответствующие их возрастным особенностям, увлечениям и интересам. Также нельзя не обратить внимание на то, что часть молодых российских граждан, вступающих в наши дни в сообщества террористов и экстремистов, обладает различными акцентуациями и не исключаящими вменяемости психическими отклонениями (антисоциальными психопатиями и пр.), нуждающимися в коррекции и лечении [12, 13], что необходимо учитывать в текущей профилактической деятельности, однако на практике эти особенности нередко не принимаются во внимание и никакого особого, бережного квалифицированного психолого-педагогического подхода к таким представителям молодежи не применяется.

Криминологический мониторинг и многолетние наблюдения показывают, что вербовщики и пропагандисты экстремистских и террористических формирований проявляют повышенное внимание к тинэйджерам и более старшим по возрасту молодым россиянам,

которые занимаются профессиональным либо любительским спортом, в особенности связанным с боевыми искусствами, единоборствами. Тренажерные залы, спортивные секции и клубы борьбы, бокса, карате, смешанных боевых искусств (ММА) и т.п. стали местами частого посещения соответствующих визитеров, нередко выдающих себя за спортсменов или же в реальности являющимися ими. Причем в отношении спортсменов вербовщики и рекрутеры предпочитают действовать не дистанционным способом (при помощи средств интерактивной или телефонной связи), а войти в доверие посредством личного, живого и непосредственного контакта. При этом ими используются такие особенности спортивной среды, как солидарность, особая приятельско-товарищеская система отношений, стремление спортсменов доминировать, проявить либо проверить свои лидерские и волевые свойства характера в каком-либо деле, нередко имеющие место в спортивной субкультуре культ физической силы и намерения воспользоваться своими навыками и мастерством в обычной жизни, которые при недостаточном внешнем контроле легко и беспрепятственно реализуются на практике (думается, что в том числе и этой спецификой руководствовался советский законодатель при помещении в УК РСФСР 1960 г. ст. 219.1 «Незаконное обучение каратэ»). В данной связи администрация и тренерско-преподавательский состав физкультурных и спортивных учреждений должны быть хорошо осведомлены о вербовочных рисках, методиках вербовки и не только оказывать помощь и содействие государственным органам в борьбе с вовлечением молодых людей в ряды экстремистов и террористов, но и быть способными самостоятельно пресекать таковое, а равно проводить контрпропагандистскую и воспитательно-разъяснительную работу со своими подопечными, используя при этом свой авторитет и статусное положение.

Не менее распространенными местами агитации, вербовки и иных форм вовлечения в терроризм и экстремизм являются богослужебные заведения (мечети, церкви, молитвенные (молельные) дома и др.)⁶. В них жертвами такого вовлечения чаще всего становятся неопиты и прозелиты, молодые люди, пока еще недостаточно хорошо разбирающиеся в сути и принципах того или иного вероучения. Помимо внушения им искаженных, неверно толкуемых и радикальных религиозных догм и постулатов (например, о необходимости военного джихада – вооруженной борьбы за распространение ислама и пр.) вербовщики очень часто распространяют ложные сведения об ущемлении религиозных прав и свобод, притеснении и дискриминации представителей той или иной веры (в частности, руководители боевого (террористического) крыла ИРА (Ирландской республиканской армии) вовлекали молодежь в свои ряды, разжигая религиозную вражду и указывая на гонения и ущемления прав католиков в Великобритании), а равно националистическую и расистскую идеологию. Подчеркнем, что наибольшую опасность представляют агенты и сторонники экстремистов и террористов, которые проникли в ряды священнослужителей (в большей мере это характерно для негосударственных мечетей, святынь, капищ и других мест поклонения).

В данной связи места отправления религиозных культов и духовные учебные заведения, к какой бы конфессии они не относились, должны постоянно находиться в орбите пристального внимания и сфере оперативно-розыскной активности со стороны специализированных субъектов системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью (включаящей методы оперативного внедрения, использования специальных технических средств, агентурного обеспечения оперативной разработки и др.).

Подчеркнем, что в России на протяжении уже долгих лет объектами склонения и интенсивной вербовки выступают обладающие российским гражданством молодые мусульмане, являющиеся иммигрантами в первом или во втором поколении. Причем такая ситуация характерна не только для нашей страны, но и, начиная с начала XX в., для большинства государств Европы, испытывающих массовый приток трудовых мигрантов, исповедующих ислам, из стран Азии и Африки [14–17]. Во многих описываемых странах, в частности, в Великобритании и Канаде (миграционная система которой основывается на доктрине мультикультурализма и считается одной из лучших в мире) созданы и успешно применяются модели и программы социальной интеграции, аккультурации и адаптации внешних мигрантов. Положительный опыт их реализации вполне может быть перенят и использован Российской Федерацией, в том числе и для решения злободневного вопроса радикализации указанной группы населения, тесно связанной с изоляцией, геттоизацией, анклавизацией, дискриминацией, ксенофобией и другими негативными процессами и явлениями в миграционной сфере. Реализация этих практик, как мы убеждены, должна осуществляться параллельно с упорядочиванием и ужесточением существующего у нас механизма миграционного контроля, повышением степени юридической ответственности за нарушение норм миграционного законодательства не только мигрантов, но и должностных лиц контрольно-надзорных органов и российских работодателей.

За последнее время в России участились случаи вербовки молодежи в состав экстремистских и террористических сообществ в организациях общего, среднего и высшего образования (в них информационно-пропагандистская преступная активность часто приводит к формированию скрытых групп, ячеек и виртуальных сообществ эпигонов и сторонников экстремистской культуры и террористической идеологии, участники которых обмениваются экстремистской литературой, поддерживают тайную связь с радикалами и сами осуществляют деятельность по вовлечению в отношении других учащихся) и, как уже отмечалось выше, в учреждениях уголовно-исполнительной системы⁷. В последних в качестве агитаторов и пропагандистов выступают лица, осужденные за экстремизм и терроризм, поэтому в качестве контрмеры в борьбе с распространением в местах изоляции от общества идеологии терроризма и экстремистских взглядов, включая попытки получить новых сторонников и адептов, нами предлагается закрепить на подзаконном уровне принцип ограждения и сепаратного содержания осужденных, отбывающих уголовное наказание за

террористическую и экстремистскую деятельность, от остальных категорий осужденных, в особенности лиц молодого возраста.

Изучение способов и путей вовлечения молодых россиян в экстремистские и террористические формирования позволило нам выявить такой новый и распространяющийся в наши дни метод вербовки, как «вторая волна»: его суть заключается в том, что уже завербованные молодые люди, состоящие в рядах международных и иностранных террористических группировок и выехавшие по этой причине за границу, отправляются обратно домой, чтобы склонить и отправить к террористам других представителей молодежи – своих сверстников из числа родственников, близких, друзей, знакомых, соседей, одноклассников, однокурсников и т.д. В отличие от профессиональных и хорошо обученных вербовщиков-иностранцев, этих миссионеров, которым в силу целого ряда причин проще вступить в контакт и вызвать доверие у своих молодых сограждан, прежде всего ориентируют на вербовочную работу в «протестной среде» (на митингах, собраниях, шествиях, пикетах, маршах и пр.), а также в маргинализированных, пауперизированных и люмпенизированных слоях населения: нацеливают на социально неблагополучных подростков из семейств с низким уровнем дохода, которые в силу воспитательно-педагогической запущенности, имеющих у них мировоззренческо-психологическую незрелость и легкомыслия способны быстро и беспрепятственно пополнить ряды боевиков-террористов. Последних заманивают и привлекают не только красивыми популистскими лозунгами и псевдоромантикой повстанческой борьбы, но и возможностью быстро, без труда получить очень высокий доход и реализовать свои потребности за счет финансовых средств, тратящихся на террористическую активность, значительно повысить качество жизни (хорошо одеваться и питаться, проживать в теплом климате, пользоваться поддержкой и уважением окружающих и пр.). Не только материальная нужда, безысходность и безработица, но и низкий уровень правового сознания, общей эрудиции и образования, проблемы в духовно-нравственном развитии и общий культурный кризис эпохи постмодерна формируют и подпитывают почву для склонения на сторону террористов данных представителей современной молодежи [18, 19]; усиливают и подкрепляют эти причины и предпосылки высокий уровень социальной напряженности в обществе, развитие идей сепаратизма в регионах и криминализация отдельных сфер социально-экономической жизни. В первую очередь для таких – наименее социально защищенных и обездоленных – подростков нами предлагается организовать круглосуточную телефонную «горячую линию», оказывающую помощь и поддержку как молодым людям, ставшим объектами вовлечения, так и родителям и родственникам, столкнувшимся с вербовочной активностью в отношении членов их семей.

Иные причины возникновения интереса у определенной части российской молодежи к деятельности террористических и экстремистских структур связаны с тем, что эти сообщества способны удовлетворить не

только материальные и физиологические, но и другие важные для молодых людей потребности и нужды. Среди них самоактуализация, самореализация, самоидентификация, которая невозможна без отождествления себя с определенной социальной группой, обретение принципов и целей в жизни, завоевание авторитета и уважения со стороны своих сверстников и старших, интенсивное и интересное общение с незаурядными личностями, участие в какой-нибудь активной коллективной деятельности, ощущение причастности к какому-либо важному и значимому делу. В своей работе вербовщики умело используют и оттачивают психологические приемы, выбирающиеся исходя из понимания подростковой (ювенальной) психологии и основывающиеся на юношеской повышенной внушаемости и чувствительности, импульсивности, нигилизме, максимализме и нонконформизме, ригоризме мышления и эмоциональной лабильности. Ими принимаются во внимание особенности и сложности переходного возраста, специфика мышления и миропонимания несовершеннолетних, недостаток жизненного опыта, неспособность критически оценивать свое поведение, а также современные религиозные и этнопсихологические установки и стереотипы, отличия этноконфессионального сознания верующих молодых людей и присущие им общинность и комплиментарность в отношениях с единоверцами, особенности позиционирования подростков в окружающем мире и сильное влияние на них микросоциальной среды – референтных и досуговых групп, проблемы одиночества и общественного безразличия и т.д. Перечень факторов и детерминантов, способствующих вовлечению в экстремистскую и террористическую деятельность современной молодежи, возможно дополнить присущими ей и вырабатываемыми у нее особенно в период общественных кризисов социокультурными предрассудками, иррациональными негативными убеждениями и страхами, вызванными депривацией, чувством несправедливости, неуверенностью в завтрашнем дне и переживаниями за свое будущее [20, 21]. В общении с молодежью вербовщиками из числа террористов и экстремистов нередко применяются методы манипуляции сознанием – воздействия на природно-психические и социально-психологические структуры молодого человека с целью установить контроль над его поведением, лишить его свободы мышления и направить в требуемом направлении, направленного внушения (суггестии) – интенсивного воздействия на сознание молодого человека, при котором происходит некритическое восприятие им убеждений и навязываемых шаблонов поведения.

Особые подходы, схемы и способы склонения и вербовки разработаны экстремистами и террористами в отношении девушек и женщин: акцент в их вовлечении в криминальные процессы делается на эмоции и чувства – любовь, симпатию, привязанность, сочувствие, сострадание, жертвенность и т.д. [22–24]. Примером жертвы удавшейся вербовки с расчетом на чувства является студентка МГУ им. М.В. Ломоносова Варвара Караулова (Александра Иванова), приговоренная в 2016 г. к 4,5 годам лишения свободы и осво-

бодившаяся из колонии общего режима условно-досрочно в 2019 г.: ее член террористической организации «Исламское государство» из г. Казань в ходе общения в социальной сети «ВКонтакте» расположил к себе и убедил выйти за него замуж и переехать в Сирию, где он участвовал в боевых действиях на стороне ИГИЛ. Схожим образом в 2024 г. в УрФУ им. Б.Н. Ельцина несколько иностранных студентов из Афганистана (пуштуны и таджики по национальности), занимающихся спортом, исповедующих ислам (и в силу этого не имеющих вредных привычек) и обладающих привлекательной внешностью, знакомились с молодыми студентками-россиянками, выстраивали с ними личные доверительные отношения и впоследствии предлагали им принять мусульманство и уехать с ними на контролируемую талибами территорию Исламского Эмирата Афганистан⁸.

Вербовочный процесс, как правило, включает в себя три основных стадии. На первом этапе осуществляется поиск потенциальной жертвы, сбор и анализ информации о ней, выбор тактики и методики вовлечения и знакомство, при котором зачастую преступниками в диалогах всячески подчеркивается уникальность, весомость и значимость личности выбранного ими человека. При этом упор делается на то, что данный человек якобы не был оценен по достоинству, не реализовал себя в полной мере, был незаслуженно обделен обществом и государством; ему внушают, что он может стать частью чего-то значительного, великого, светлого и жизнь его преобразится: он обретет славу, почет, уважение, поддержку и авторитет. Если вовлечение происходит онлайн, интерактивным путем, то одним из расхожих вариантов действий вербовщиков на первом этапе являются попытки втянуть пользователя Интернета в активную и эмоциональную дискуссию на какие-либо острые социально-политические темы. В случае, если жертва идет на контакт, проявляет интерес, лояльность или симпатии к взглядам и идеологии вербовщиков, ей гарантируют помощь, защиту, сопровождение и покровительство и предоставляют скрытые контакты экстремистских и террористических сообществ. После этого чаще всего объекту вербовки без какого-либо давления предлагается совершить несколько легких и доступных ему проверочных заданий и поручений (прежде всего те, которые можно сделать, не выходя из дома, в онлайн-режиме). После их успешного выполнения начинается вторая фаза вербовки, на которой идеологическая обработка (индоктринация) усиливается, поручения усложняются и осуществляются попытки разорвать либо ослабить сложившиеся социальные связи жертвы – подготовить основу для отрыва ее от семьи, друзей, привычного окружения. На заключительной, третьей стадии вербовки жертве предлагается вступить в ряды радикальной организации в качестве полноправного и постоянного члена и подчиняться ее правилам, включая исполнение любых распоряжений, инструкций и указаний руководства, реализовывать таковые либо в рядах террористической или экстремистской группировки за рубежом или выполнять их у себя на родине.

В арсенале методов и технологий вербовочной деятельности, активно применяемых в текущий период представителями террористов и экстремистов, следует выделить игрофикацию (геймификацию) – использование сетевых проектов и компьютерных игр, включающих особые алгоритмы и задачи. К подобным онлайн-разработкам и играм относятся включенный в Федеральный список экстремистских материалов сетевой проект русских ультраправых националистов «Большая Игра. Сломай систему», компьютерная игра «За свободу Ичкерии: БАМУТ» и др. Перед участниками Интернет-проекта «Большая Игра. Сломай систему» ставились цели совершения диверсий и иных преступных деяний против существующего в России легитимного политического режима в формате игрового взаимодействия. Такие и копирующие их сетевые проекты используются как средство выявления и фиксации как отдельных подростков, так и молодежных сообществ, внутренне готовых к экстремистской и террористической активности, а также как ресурс для сбора информации, разведки и фотографирования местности, доставки каких-либо грузов и совершения других действий, необходимых для подготовки и осуществления террористических актов и диверсий. Опасность подобного рода сетевых проектов и интерактивных игр заключается в том, что играющие в них молодые люди могут считать, что они участвуют в каком-то увлекательном и объединяющем их квесте, а на самом – удаленно использоваться террористами в преступных целях посредством ARG (Alternate reality games) – игр в альтернативной реальности, стирающим грани между геймплеем и действительностью и предлагающим как анонимность создателей и игроков (геймеров), так и непредсказуемость их сценария. Другими современными способами агитации и вовлечения выступают сетевая мультипликация – размещение и продвижение в Интернете фейковых коротких и запоминающихся анимационных роликов, клипов, фильмов и мультфильмов, прославляющих и выставляющих в наилучшем свете террористов и экстремистов и порождающих интерес к их криминальной идеологии и субкультуре, а равно челленджи и флэшмобы, организующиеся и освещающиеся с помощью социальных сетей, веб-сайтов и популярных среди молодежи мессенджеров.

Так как указанные выше – часто встречающиеся в киберпространстве и имеющие определенный успех – методы и средства формируют ложные представления, иллюзии и социально-политические мифы в сознании российской молодежи: идеализируют, легендаризируют и порождают эффекты героизации и прославления террористов и экстремистов, формируют вокруг них ореолы «мученичества», «праведности», «избранности» и т.п., они должны встречать полномасштабные, решительные и адекватные им контрмеры и формы противоборства – блокировки, купирования и нейтрализации, в том числе и прямо направленные на дегероизацию лидеров и участников террористических и экстремистских формирований, развенчание их ложных образов, ликов и ореолов.

В данной связи нами предлагается расширение перечня субъектов, имеющих право на обращение в

Роскомнадзор с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию экстремистско-террористического характера (в настоящее время, согласно ч. 1 ст. 15.3 ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, с таким требованием могут обратиться только Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители), а также массовый выпуск и распространение государственной и общественной социальной рекламы антиэкстремистского и контртеррористического содержания. Полагаем, что во всех школах, ссузах и вузах России любого уровня должна вестись не только постоянная разъяснительная и профилактическая работа (в виде публичных лекций, обсуждений, форумов, круглых столов и пр.), но и должны быть введены учебный курс кибербезопасности (обучения правилам безопасного поведения в сети Интернет) и защиты от распространения экстремизма и терроризма и специальные системы мониторинга и фиксации закрытых групп учащихся в социальных сетях для сбора информации о возможных проявлениях террористического и экстремистского характера в среде школьников и студентов. В отношении родителей школьников также, по нашему мнению, необходимо регулярно проводить разъяснительные мероприятия и популяризировать использование специальных компьютерных программ и сервисов «родительский контроль», дающих возможность предотвратить доступ несовершеннолетних к вредоносным Интернет-ресурсам (Kaspersky Safe Kids, SkyDNS, ESET Parental Control и др.).

Помимо Интернет-ресурсов выделенные нами отрицательные эффекты, синдромы и последствия может вызвать информация в средствах массовой информации любой формы, в особенности – телевизионных СМИ [25, 26]. Эта проблема поднимает дискуссионный вопрос о том, как освещать связанные с террористической и экстремистской деятельностью факты и события в российских и международных СМИ, чтобы избежать таких последствий. Мы считаем, что информационный контент (например, телевизионные программы формата «Криминальная Россия. Современные хроники», «Документальный детектив», «Дорожный патруль» и пр.), в котором просто освещаются те или иные соответствующие факты и события, без их критической и негативной оценки либо без подчеркивания успехов правоохранительных органов в борьбе с ними (в этом плане показательны телепрограммы «Вести. Дежурная часть», «Расследование Эдуарда Петрова» и цикл документальных фильмов «Приговоренные пожизненно» (оказывавший особенно сильное эмоционально-психологическое воздействие на зрителей), в которых всегда делались и делаются соответствующие акценты) недопустим. На наш взгляд, это правило следует распространить на печатные СМИ и (в его расширенном понимании) на продукцию отечественной киноиндустрии.

Обратим внимание, что на веб-сайтах, которые создаются (как правило, за рубежом, в иностранных юрисдикциях) либо используются популяризаторами и агитаторами экстремистов и террористов, содержится

не только вербовочный контент, но и практическая информация о том, как вести себя в обществе, чтобы не быть раскрытым и не вызвать подозрения, как правильно общаться с сотрудниками правоохранительных органов и другими представителями власти, как производить хакерские атаки на информационные ресурсы, как самостоятельно изготовить взрывное устройство или же «коктейль Молотова» и т.п., как незамеченным добраться до мест базирования крупных террористических формирований и мн. др. Запрещение и массовая блокировка таких сайтов сегодня довольно затруднительны: должным образом не разграничены участки и зоны юридической ответственности между Интернет-провайдерами, создателями, владельцами и модераторами за размещение и распространение экстремистской информации, отсутствуют специальные международные соглашения и наднациональные нормативные акты, регламентирующие порядок прекращения работы веб-узлов, порталов и аккаунтов, содержащих противозаконную информацию, а равно процедуры блокирования доступа к ним. Считаем, что юридическая ответственность (уголовная, административная, гражданско-правовая и др.) за связанные с распространением экстремистской информации в сети Интернет правонарушения должна быть четко определена и прописана для всех субъектов киберпространства, а также в значительной мере ужесточена; отчасти это возможно посредством введения в России федерального закона по типу принятого в Германии в 2017 г. нормативного правового акта «Закон о защите прав пользователей сети» (Network Enforcement Act, Netzwerkdurchsetzungsgesetz, NetzDG), который предусматривает штраф до 50 млн евро, если социальная сеть (медиа-платформа) самостоятельно и оперативно не удаляет появившийся в ней незаконный – террористический либо экстремистский – контент (согласно принятому в Великобритании в 2023 г. «Закона о безопасности в Интернете» (Online Safety Act 2023) штраф за такое нарушение составляет до 18 млн фунтов стерлингов или же до 10% от годового финансового оборота платформы социальной сети)⁹.

Помимо организационно-технического и нормативно-правового решения данных проблем, на наш взгляд, следует сформировать постоянно пополняющуюся единую информационную базу, предназначенную для всех российских правоохранительных ведомств, о вовлечении в экстремистскую и террористическую деятельность. Полагаем, что также необходимо заниматься постоянным совершенствованием работы противостоящих экстремистам и террористам российских органов правопорядка за счет эффективного подбора, расстановки, специального обучения, повышения квалификации и переподготовки сотрудников. По линии международного взаимодействия следует обеспечить непрерывный обмен информацией, а также легкий и беспрепятственный доступ к ее имеющимся носителям и появляющимся источникам (в частности, Институт международной политики по борьбе с терроризмом в г. Герцлия (Израиль) располагает крупнейшей в мире информационной базой о террористиче-

ских организациях, их лидерах, активистах и совершенных ими терактах с 1988 г. по настоящее время), причем не только представителям силовых структур, но и ученым, занимающимся этой важной проблематикой: так, например, Справочник Аль-Каиды 1677-T 1D, изначально представлявший собой объемный компьютерный файл, случайно найденный в 2000 г. полицией во время обыска в г. Манчестере жилища ливийского программиста и террориста Абу Анаса аль-Либи, до сих пор нигде не опубликован полностью и не доступен исследователям, и только некоторые из переведенных с арабского языка текстов можно найти на официальном сайте Департамента юстиции США¹⁰.

В настоящее время в работе российских правоохранительных органов имеются заметные трудности и упущения, связанные с недостаточным знанием и пониманием явлений, тенденций и процессов, протекающих в затронутой нами области преступного поведения, в профилактической деятельности не используются научные знания о специфике ювенальной психологии и мировоззренческо-поведенческих особенностях молодых людей, не преодолены связанные с несовершенством действующего законодательства сложности и затруднения в оперативно-розыскной и следственной деятельности при установлении, разработке и доказывании вины вербовщиков и иных представителей иностранных и международных экстремистских и террористических сообществ [27, 28], сохраняются недостатки в духовно-идеологической и воспитательно-патриотической работе с современной российской молодежью, а также в раскрытии и пресечении каналов финансирования терроризма и экстремизма [29, 30].

Деятельность по вовлечению молодых людей в террористические и экстремистские формирования невозможна без ее регулярного финансирования и иного ресурсного обеспечения. Современные пути и каналы финансирования терроризма и экстремизма повсеместно формируются благодаря привлечению криминальных сверхдоходов от наркотрафика, гомотрафика, контрабанды и незаконной торговли оружием и сырьем (нефтью, газом, углем, древесиной и др.). При финансировании вербовочной активности нередко используются криптовалюта (биткойны и альткойны) и хавала – возникшая в Индостане неформальная финансово-расчетная система, применяемая в наши дни в основном на Среднем Востоке, а также в мусульманских странах Африки и Азии, – ввиду ее доступности, простоты и неподконтрольности государственным органам власти. Современные политические и криминологические реалии показывают, что вовлечение молодежи в наиболее опасную форму экстремизма – терроризм хорошо организовано и часто получает мощную ресурсную подпитку, включая денежную, со стороны ряда акторов мировой политики, реализующих безнравственную и циничную доктрину «контроля и управления терроризмом». Выявление и нейтрализация каналов такого финансирования с помощью международных средств и форм взаимодействия являются сегодня приоритетными задачами в деле борьбы с террористической и экстремистской деятельностью, так

как их реализация лишит систему вербовки и склонения ее материальной основы и резко сократит приток молодых кадров в террористические и экстремистские сообщества.

Примечания

- ¹ URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1791379/?t>, <https://www.krsk.kp.ru/daily/26720.7/3745894/>, <https://life.ru/p/1526836>, <https://www.interfax.ru/russia/870516>
- ² URL: <https://ukraina.ru/20170411/1018521455.html>, <https://regnum.ru/article/2340002>
- ³ URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu.html>, <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3218>
- ⁴ URL: <https://kalin.cap.ru/news/2008/06/03/rolj-obschestvennih-vospitatelej-v-rabote-s-trudnim>
- ⁵ URL: <https://pravo.ru/news/206534/>
- ⁶ URL: https://www.pravda.ru/news/society/63925-mulla_tjumenskaja_oblast_ufsb_severnyi_kavkaz_ekstremist/
- ⁷ URL: <https://rg.ru/2024/03/27/set-pod-napriazheniem.html>, <https://www.kommersant.ru/doc/3070413>
- ⁸ URL: <https://kulturologia.ru/blogs/160923/57513/>, <https://360.ru/tekst/obschestvo/talibi-v-rossii/>
- ⁹ Netzwerkdurchsetzungsgesetz vom 1 September 2017 // Bundesgesetzblatt. S. 3352, Online Safety Act 2023 // UK Public General Acts 2023. P. 50
- ¹⁰ URL: https://www.justice.gov/ag/manualpart1_1.pdf

Список источников

1. Routledge Handbook of Terrorism and Counterterrorism / Ed. A. Silke. N.Y. : Routledge, 2019. 668 p.
2. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М. : Юрайт, 2021. 277 с.
3. Wiewiorka M. From the «Classic» Terrorism of the 1970s to Contemporary «Global» Terrorism // Societies Under Threat. Cham : Springer, 2020. P. 75–85.
4. Давыдов В.О. О способах склонения, вербовки и иного вовлечения лица в террористическую деятельность с использованием IT-технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 14–25. doi: 10.24412/2071-6184-2022-2-14-25
5. Nasiri O. Inside the Jihad: My Life with Al Qaida, A Spy's Story. N.Y. : Basic Books, 2006. 384 p.
6. Эрель А. Я была джихадисткой. Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ. М. : Кучково поле, 2018. 256 с.
7. Religion and Violence in Russia: Context, Manifestations and Policy / ed. by O. Olikier. Lanham : Rowman & Littlefield, 2018. 278 p.
8. Соснин В.А. Психология современного терроризма. М. : Форум, Инфра-М, 2017. 160 с.
9. Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М. : Ладомир, 2004. 466 с.
10. Голяндин Н.П., Горячев А.В. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2. С. 37–40.
11. Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis. N.Y. : Prentice Hall, 1973. 266 p.
12. Weatherston D., Moran J. Terrorism and Mental Illness: Is there a Relationship? // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2003. Vol. 47. № 6. P. 698–713. doi: 10.1177/0306624X03257244
13. Gill P., Clemmow C., Hetzel F., Rottweiler B., Salman N., Van Der Vegt I., Marchment Z., Schumann S., Zolghadriha S., Schulten N., Taylor H., Corner E. Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2020. Vol. 32. P. 51–78. doi: 10.1080/14789949.2020.1820067
14. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. P. 586–604. doi: 10.1111/josi.12030
15. Van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G. No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford : Blackwell Wiley, 2010. P. 256–274.
16. Кондратьева Т.С. Великобритания: радикализация мусульманского сообщества (обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 98–120.
17. Плещунов Ф.О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация мусульманской молодежи в стране // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 100–108.
18. Gelfand M., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69, № 3. P. 495–517. doi: 10.1111/josi.12026.
19. Hudson R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? Honolulu : University Press of the Pacific, 2005. 178 p.
20. Hogg M.A. Self-Uncertainty, Social Identity and the Solace of Extremism // Extremism and Psychology of Uncertainty. Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35. doi: 10.1002/9781444344073.ch2
21. Ошевский Д.С. Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность // Психология и право. 2017. Т. 7, № 2. С. 123–132. doi: 10.17759/psylaw.2017060210
22. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the Jihad: Characteristics and Outcomes Among Women and Men Involved in Jihadism-Inspired Terrorism // Journal of Threat Assessment and Management. 2019. Vol. 6. P. 1–17. doi: 10.1037/tam0000123
23. Бовин Б.Г., Москвитина М.М., Бовина И.Б. Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 3. С. 97–107. doi: 10.17759/jmfp.2020090309
24. Шойбле М. Джихад: террористами не рождаются. М. : КомпасГид, 2012. 256 с.
25. Ениколов С.Н., Мкртчян А.А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 41–46.
26. Wood W., Wong F.Y., Chachere J.G. Effects of Media Violence on Viewers Aggression in Unconstrained Social Interaction // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 109. № 3. P. 371–383. doi: 10.1037/0033-2909.109.3.371
27. Азаренок Н.В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы. Екатеринбург, 2021. 718 с.
28. Магомедов М.Д. Вовлечение молодежи в совершение преступлений экстремистского характера // Российский следователь. 2007. № 20. С. 29–31.
29. Дмитриев И.А. Новые тенденции финансирования терроризма и международная система борьбы с его финансированием // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 3. С. 47–63.
30. Хуэйянь Ш. Доклад FATF: формы финансирования терроризма // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 304–305.

References

1. Routledge Handbook of Terrorism and Counterterrorism / Ed. A. Silke. N.Y. : Routledge, 2019. 668 p.

2. Kozachenko I.Y.A., Korsakov K.V. Kriminologiya: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i spetsialiteta. M. : Yurayt, 2021. 277 s.
3. Wiewiorka M. From the «Classic» Terrorism of the 1970s to Contemporary «Global» Terrorism // Societies Under Threat. Cham : Springer, 2020. P. 75–85.
4. Davydov V.O. O sposobakh skloneniya, verbovki i inogo вовлечения litsa v terroristicheskuyu deyatel'nost' s ispol'zovaniyem IT-tehnologiy // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. 2022. № 2. S. 14–25. doi: 10.24412/2071-6184-2022-2-14-25
5. Nasiri O. Inside the Jihad: My Life with Al Qaida, A Spy's Story. N.Y. : Basic Books, 2006. 384 p.
6. Erel' A. YA byla dzhikhadistkoy. Rassledovaniye v tsentre verbovochnoy seti IGIL. M. : Kuchkovo pole, 2018. 256 s.
7. Religion and Violence in Russia: Context, Manifestations and Policy / ed. by O. Oliker. Lanham : Rowman & Littlefield, 2018. 278 p.
8. Sosnin V.A. Psikhologiya sovremennogo terrorizma. M. : Forum, Infra-M, 2017. 160 s.
9. Kepele' ZH. Dzhikhad: Ekspansiya i zakat islamizma. M. : Ladomir, 2004. 466 s.
10. Golyandin N.P., Goryachev A.V. Motivatsii verbovki v ekstremistskiye i terroristicheskiye organizatsii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 2. S. 37–40.
11. Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis. N.Y. : Prentice Hall, 1973. 266 p.
12. Weatherston D., Moran J. Terrorism and Mental Illness: Is there a Relationship? // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2003. Vol. 47. № 6. R. 698–713. doi: 10.1177/0306624X03257244
13. Gill P., Clemmow C., Hetzel F., Rottweiler B., Salman N., Van Der Vegt I., Marchment Z., Schumann S., Zolghadriha S., Schulten N., Taylor H., Corner E. Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2020. Vol. 32. P. 51–78. doi: 10.1080/14789949.2020.1820067
14. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. R. 586–604. doi: 10.1111/josi.12030
15. Van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G. No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford : Blackwell Wiley, 2010. P. 256–274.
16. Kondrat'yeva T.S. Velikobritaniya: radikalizatsiya musul'manskogo soobshchestva (obzor) // Aktual'n'yye problemy Yevropy. 2008. № 4. S. 98–120.
17. Pleshchunov F.O. Politika mul'tikulturalizma v Velikobritanii i radikalizatsiya musul'manskoy molodezhi v strane // Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2009. № 1. S. 100–108.
18. Gelfand M., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69, № 3. R. 495–517. doi: 10.1111/josi.12026.
19. Hudson R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? Honolulu : University Press of the Pacific, 2005. 178 p.
20. Hogg M.A. Self-Uncertainty, Social Identity and the Solace of Extremism // Extremism and Psychology of Uncertainty. Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35. doi: 10.1002/9781444344073.ch2
21. Oshevskiy D.S. Kliniko-psikhologicheskiye aspekty vkhozheniya podrostkov v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' // Psikhologiya i pravo. 2017. T. 7, № 2. S. 123–132. doi: 10.17759/psylaw.2017060210
22. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the Jihad: Characteristics and Outcomes Among Women and Men Involved in Jihadism-Inspired Terrorism // Journal of Threat Assessment and Management. 2019. Vol. 6. P. 1–17. doi: 10.1037/tam0000123
23. Bovin B.G., Moskvitina M.M., Bovina I.B. Radikalizatsiya zhenshchin: ob'yasnitel'nyy potentsial sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2020. T. 9, № 3. S. 97–107. doi: 10.17759/jmfp.2020090309
24. Shoyble M. Dzhikhad: terroristami ne rozhdayutsya. M. : KompasGid, 2012. 256 s.
25. Enikolopov S.N., Mkrtchyan A.A. Psikhologicheskiye posledstviya terrorizma i rol' SMI v protsesse ikh formirovaniya // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. 2010. № 2. S. 41–46.
26. Wood W., Wong F.Y., Chachere J.G. Effects of Media Violence on Viewers Aggression in Unconstrained Social Interaction // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 109. № 3. R. 371–383. doi: 10.1037/0033-2909.109.3.371
27. Azarenok N.V. Evolyutsiya otechestvennogo ugolovnogo protsessa kak proizvodstva kontinental'noy formy. Yekaterinburg, 2021. 718 s.
28. Magomedov M.D. Vovlecheniye molodezhi v soversheniye prestupleniy ekstremistskogo kharaktera // Rossiyskiy sledovatel'. 2007. № 20. S. 29–31.
29. Dmitriyev I.A. Nov'yye tendentsii finansirovaniya terrorizma i mezhdunarodnaya sistema bor'by s yego finansirovaniyem // Yevraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy. 2017. № 3. S. 47–63.
30. Khueyyan' SH. Doklad FATF: formy finansirovaniya terrorizma // Aktual'n'yye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2018. № 18-1. S. 304–305.

Информация об авторе:

Корсаков К.В. – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник управления научных исследований Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия); старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Korsakov, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation); Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.05.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 02.05.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/516/24

Уголовно-правовая и процессуальная индивидуализация как основа для продолжения дифференциации уголовно-процессуальной формы

Светлана Сергеевна Крипиневич¹

¹ Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Москва, Россия, s.kripinevich@yandex.ru

Аннотация. Изложена авторская позиция, основанная на выявленной закономерной взаимосвязи уголовно-правовой индивидуализации и уголовно-процессуальной формы, которая дает возможность взглянуть на дифференциацию этой формы с новой стороны. Заключается, что признание наличия процессуальной индивидуализации, ее раскрытие и научное развитие позволяет определить новое направление в дифференции уголовно-процессуальной формы и получить объективные ответы на значимые вопросы совершенствования уголовного судопроизводства в целом.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная форма, дифференциация, пределы, процессуальная индивидуализация

Для цитирования: Крипиневич С.С. Уголовно-правовая и процессуальная индивидуализация как основа для продолжения дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 216–222. doi: 10.17223/15617793/516/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/24

Criminal law and procedural individualization as a basis for continuing differentiation of the criminal procedure form

S.S. Kripinevich¹

¹ Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, s.kripinevich@yandex.ru

Abstract. Differentiation of the criminal procedure form occupies a significant place in scientific research, thanks to which very large-scale results have been obtained that determine the essence of the form, approaches to its development, directions of differentiation, etc. At the same time, a number of important theoretical, legislative and practical questions remain unanswered: 1) is it possible to continue the differentiation of the form or does it have certain boundaries; 2) how to determine the limits of the procedural form, due to the increasing tendency towards its differentiation; 3) are there boundaries of the procedural form in quantitative and qualitative terms; 4) what role does the detailing of the criminal procedure form play in differentiation? The search for answers to these questions is of significant scientific interest. Differentiation of the criminal procedure form occurs in an extensive way (due to the quantitative growth of minimally different forms). The analysis of existing scientific works in this field demonstrates the existence of very numerous positions concerning the differentiation of the criminal procedure form as a whole, its individual forms intended for use in specific situations, the formulation of proposals for hyperfragmentation of the procedural form, when a change in minor details of the procedure is considered as its differentiation, etc. The tendency to detail the criminal procedure form and its normative consolidation raises serious concerns that variable procedures will lose their constructive properties and turn into antipodes, which will overly complicate criminal proceedings and lead to unreasonable expenditure of time, effort, and resources, including financial resources. It is also obvious that this will objectively lead to an increase in the length of criminal proceedings. Among the problems that the formal detailing of the criminal procedure form entails, the literature indicates an overload when investigators and judges cease to properly deal with the "wave" of cases that are brought down on them as a result. The author comes to the conclusion that at present, the continuation of the detailing of the criminal procedure form is in many ways a destructive factor and its further improvement should take place on other grounds and take a different direction. As a possible alternative direction for the development of the domestic criminal procedure form, it is proposed to pay attention to the idea of individualization. The stated author's position, based on the revealed natural relationship between criminal law individualization and the criminal procedure form, provides an opportunity to look at the differentiation of this form from a new perspective. The recognition of the existence of procedural individualization, its disclosure and scientific development allows us to identify a new direction in the differentiation of the criminal procedure form and to obtain objective answers to significant issues of improving criminal justice in general.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedural form, differentiation, limits, procedural individualization

For citation: Kripinevich, S.S. (2025) Criminal law and procedural individualization as a basis for continuing differentiation of the criminal procedure form. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 216–222. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/24

Развитие дифференцированных процедур обусловлено устоявшимся научным мнением о том, что только этот путь позволяет адаптировать уголовно-процессуальную форму под конкретные фактические обстоятельства, учитывать особенности различных категорий уголовных дел и применять оптимально подходящий под сложившуюся ситуацию процессуальный порядок для их расследования и судебного рассмотрения.

С определенного периода (середина прошлого века) тенденция к развитию дифференциации в отечественном уголовном судопроизводстве стала все более заметной и в современный период мы наблюдаем ее бурное развитие.

Современный уголовный процесс характеризуется многообразием процессуальных форм, присущих главным образом досудебному производству. Многообразие обусловлено стремлением ученых и практиков определить процессуальную форму расследования преступлений, являющуюся наиболее эффективной с точки зрения полноты, своевременности достижения назначения уголовного судопроизводства, обеспечения прав личности в рассматриваемой сфере.

При этом есть и противоположное мнение, что «многовариативность перегружает уголовно-процессуальную форму, зачастую лишними процедурами». И здесь обращает на себя внимание следующее обстоятельство: детализация формы во многом ассоциируется с ее дифференциацией. Соответственно более детализированные процедуры признаются усложненными, а менее – упрощенными. В науке на этот счет отмечается, что: «В результате усложнения общая процедура усложняется увеличением сроков производства по делу, необходимостью решения дополнительных задач, выполнением требований и появлением новых этапов, предоставляющих дополнительные гарантии обеспечения законности в особых правовых ситуациях (производство в суде с участием присяжных заседателей, производство в отношении несовершеннолетних и т.д.); упрощение осуществляется за счёт сокращения или устранения некоторых этапов в ходе досудебного и судебного производства с сохранением всех гарантий прав граждан, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (дознание в сокращённой форме, порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др.)» [1. С. 95].

Исходным началом для наших рассуждений стала констатация следующего факта: дифференциация уголовно-процессуальной формы происходит экстенсивным путем (за счет количественного роста минимально отличающихся форм). В этой связи нужно отметить наличие весьма многочисленных научных исследований [2–6], касающихся дифференциации уголовно-процессуальной формы в целом, отдельных ее форм, разработанных для применения в конкретных ситуациях, основанных на гиперфрагментировании процессуальной формы, когда изменение в незначительных деталях процедуры (ее детализация) рассматривается как ее дифференциация.

Тенденция к детализации уголовно-процессуальной формы и ее нормативное закрепление вызывает серьезные опасения, что вариативные процедуры утратят

свои конструктивные свойства и превратятся в антипод – формы, которые чрезмерно усложняют уголовное судопроизводство, приведут к необоснованным затратам времени, сил, средств, включая финансовые. Очевидно также, что это объективно повлечет возрастание длительности сроков уголовного судопроизводства.

С.Б. Россинский отмечает, что «в настоящее время наблюдается... достаточно негативная тенденция развития уголовно-процессуальной формы. Она заключается в стремлении законодателя формализовать, то есть «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства поведенческих приемов, чем этого требует здравый смысл» [7. С. 76].

В числе проблем, которые влечет за собой детализация уголовно-процессуальной формы, в литературе указывается на перегрузку, когда следователи, судьи перестают надлежащим образом справляться с тем «валом» дел, который в результате на них обрушивается. К тому же, как правильно подчеркивается В.Н. Григорьевым, деятельность в процессуальной форме – трудоемкое и дорогостоящее дело [8. С. 43].

Считаем, что эти опасения оправданны, и в подтверждение приведем небольшую иллюстрацию, наглядно это демонстрирующую. Мы сравнили ряд уголовных дел по одному и тому же составу преступления – убийству (ст. 102 УК РСФСР 1960 г. и ч. 1 ст. 105 УК РФ), в каждом из которых один подсудимый и один потерпевший, примерно одинаковое количество свидетелей (5), преступления совершены примерно при одинаковых обстоятельствах (в условиях очевидности). При этом уголовные дела, датированные 1994–1995 гг., имеют в среднем 3 тома, а уголовные дела за 2023–2024 гг. – в среднем почти 11 томов, из чего следует, что объем материалов уголовного дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ вырос более, чем в 3 раза, по сравнению с аналогичными делами 30-ти летней давности.

Проведенный анализ содержания уголовных дел показал, что собственно те материалы, в которых отражены сведения, имеющие значение для разрешения уголовного дела по существу выдвинутого обвинения, имеют сопоставимый объем, но более чем в 3 раза возросло количество тех документов, которые сопровождают производство (сопроводительные письма, ходатайства и ответы на них, обращения следователя с запросами и полученные на них, часто без значимого в процессуальном отношении содержания, ответы, обращения следователя к суду, отказ в принятии ходатайств следователя, и иное).

Из полученных данных следует вывод: детализация уголовно-процессуальной формы не повлекла значимого расширения фактического материала (количества или качества доказательств), но детализация формы стала причиной для увеличения сопроводительной деятельности, выступая обязательной частью формальных требований к процедуре производства по уголовному делу.

Мы не склонны в рамках этой работы дискутировать относительно нужности или ненужности каждого из элементов формы, вызывающего необходимость в документировании. Вместе с тем, обращаем внимание

на результат детализации формы и, как следствие, на разрастание объема процессуальной деятельности (в том числе временного периода, хотя законодатель всячески стремится к ускорению). В этом видим наглядный парадокс стремления к ускорению и выбранного для этого процессуального средства – детализации формы, когда полученный результат приводит не к ускорению, а увеличению продолжительности времени производства по уголовным делам. Учитывая, что аналогичные по содержанию и результативности уголовно-процессуальные действия имеют различную процедуру (вариативны), то вопрос о продолжении прежнего направления усиления детальности процедуры при одновременном отношении к детализации как к процессу дифференциации переходит в плоскость принципиальной возможности выполнить процессуальные действия во всех деталях, установленных законодателем, не допуская ошибок и нарушений установленных правил.

Полагаем, что детализация должна быть ограничена от дифференциации уголовно-процессуальной формы. Для развития дифференциации процедуры необходимо, чтобы альтернативность порядка уголовно-процессуальной деятельности и выдвигаемые к нему (порядку) требования соотносились с такими сторонами, как установление фактических обстоятельств (например, альтернативные элементы предмета доказывания) и/или обеспечение прав участников (например, усиление уровня гарантированности прав участников). Указанные две сферы уголовного судопроизводства обладают системообразующими свойствами, находятся в тесном взаимодействии и альтернативность в правилах их процессуального осуществления закономерно приводит к существенной (содержательной и формальной) корректировке процедуры. Такого рода изменения должны быть связаны с критериями дифференциации (например, индивидуальными признаками субъекта) и предусматривать основания применения дифференцированной формы (процессуально-индивидуальные условия, наступление которых позволяет применять дифференцированную процедуру).

Детализация не может рассматриваться как направление дифференциации уголовно-процессуальной формы и считаем, что в настоящее время продолжение детализации уголовно-процессуальной формы во многом выступает деструктивным фактором, соответствующая тенденция должна быть сведена к минимуму.

В качестве возможного альтернативного направления развития отечественной уголовно-процессуальной формы предлагаем обратить более пристальное внимание на идею индивидуализации. В уголовном праве индивидуализация рассматривается как непреложное требование, обращенное к установлению совокупности фактических обстоятельств, позволяющих суду определить вид и меру наказания виновному, соответствующие содеянному. Индивидуализация в данном случае выражается в том, что существуют альтернативные (дифференцированные) санкции, из числа которых суд избирает ту, которая наиболее соответствует обстоятельствам установленного преступного события, личностным качествам субъекта и др.

В научной литературе отмечается влияние индивидуализации на процесс назначения наказания судом, определяющего вид и размер наказания [9. С. 86].

Так, Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев определяют расширенный объем обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию в уголовном праве: 1) характер и степень общественной опасности совершенного преступления; 2) личность виновного, т.е. совокупности всех его социальных характеристик; 3) всех конкретных обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих наказание, относящихся к совершенному деянию и личности подсудимого; 4) влияния назначенного наказания на исправление осужденного (прогнозирование осуществления данной цели) и на условия жизни его семьи (возможные последствия в виде материальных затруднений семьи, безнадзорность несовершеннолетних детей и др.). Вполне справедливым является следующее высказывание: «Индивидуализация назначения наказания – это определение меры наказания, необходимой и достаточной именно для данного осужденного с учетом его личности и обстоятельств совершенного им преступления» [10. С. 46].

В науке уголовного права выделяют три основных правила обращенных к назначению наказания: законность, справедливость, индивидуализация. При этом индивидуализация в назначении наказания позиционируется как принцип уголовного права, позволяющий назначить меру наказания, необходимую и достаточную именно для данного осужденного с учетом его личности и всех обстоятельств совершенного им преступления [11].

Не менее важно, в контексте нашего исследования, мнение и о том, что «суд, изучая все обстоятельства дела и личность виновного, на основе положений уголовного и уголовно-процессуального (ст. 73, 307, 308 УПК РФ. – С.К.) законов индивидуализирует наказание» [11. С. 56].

Заслуживает внимания позиция Е.Г. Арефинкиной о влиянии индивидуализации наказания на деятельность органов предварительного расследования: «В процессе расследования определяются роли каждого лица, виновного в совершении преступления, анализируются их личности, цели и мотивация преступной деятельности, выясняются отягчающие и смягчающие обстоятельства и т.п. В результате всех этих действий ответственность индивидуализируется, что впоследствии становится базой для индивидуализации наказания уже в суде и назначения наказания, соответствующего как тяжести совершенного деяния, так и виновности подсудимого» [11. С. 52].

О связи уголовно-процессуальной формы и индивидуализации наказания высказывается С.А. Кондрачев, который пишет: «в настоящее время... ведется активный поиск процессуальной формы, которая бы позволила наиболее адекватно индивидуализировать уголовное наказание, избегая как его излишней суровости и роста, в частности “тюремного населения”, так и, напротив, в каких-то случаях его излишней мягкости» [12. С. 195].

В уголовно-процессуальном аспекте индивидуализация выражается в вариативности процедуры, т.е.

прямым следствием идеи индивидуализации выступает дифференциация процессуальной формы.

Можно выделить такие направления реализации индивидуализации как материальное и процессуальное. Общим в этих направлениях выступает именно содержательное наполнение, обуславливающее возможность выбора. Особенное реализуется через специфику предмета правового регулирования – складывающиеся общественные отношения, требующие индивидуальных подходов к их регулированию.

Взаимосвязь уголовно-правовой и уголовно-процессуальной индивидуализации можно проследить в судебной практике:

- в судебном заседании *исследованы все собранные по делу доказательства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, с учетом особенностей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей*¹;

- *учтены все существенные для назначения наказания обстоятельства*²;

- *суд не выполнил предписания уголовного и уголовно-процессуального закона и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» «о строго индивидуальном подходе к назначению наказания», в результате чего судебное решение отменено*³;

- *суд осуществляет индивидуализацию уголовно-правового воздействия «в зависимости от оценки установленных обстоятельств»*⁴;

- *«наказание осужденной назначено в соответствии с положениями уголовного и уголовно-процессуального закона, ... регламентирующих порядок индивидуализации и назначения уголовных наказаний»*⁵;

- *«в соответствии с уголовно-процессуальным законом суд не обязан принимать решение о прекращении уголовного дела по данному основанию даже при наличии всех необходимых условий, предусмотренных статьей 251 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ, в чем и заключается реализация на практике принципа индивидуализации уголовной ответственности виновного за содеянное»*⁶;

- *«учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления..., в том числе конкретные обстоятельства его совершения, учитывая наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказаний обстоятельств, личность виновного, суд... в целях обеспечения дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации... наказания, считает необходимым и целесообразным назначить...»*⁷.

Примеры из судебной деятельности весьма наглядно демонстрируют процессуальную индивидуализацию путем указаний на те фактические обстоятельства, которые устанавливаются для принятия индивидуально-определенного судебного решения.

Практика и мнения ученых о роли и значении уголовно-правовой индивидуализации подводят к закономерному выводу: реализация указанного принципа назначения наказания основывается на установлении необходимых фактических обстоятельств, т.е. на ре-

зультатах уголовно-процессуальной деятельности, которая должна протекать *во вполне определенной форме, позволяющей* следователю (дознавателю) и суду устанавливать эти самые значимые фактические обстоятельства. Очевидно, что и следователь (дознаватель), и суд обязаны совершить все действия, необходимые для достижения такого уровня информированности об обстоятельствах вполне конкретного (индивидуального) события, который позволит принять решение в точном соответствии как с требованиями УК РФ, так и с правилами УПК РФ. Соответственно, можно заключить, что *уголовно-правовая индивидуализация обуславливает индивидуализацию уголовно-процессуального характера, обращенную к форме уголовно-процессуальной деятельности*.

Соответственно предусматриваемая уголовно-процессуальным законом процедура должна *позволять правоприменителям устанавливать все необходимые обстоятельства для принятия индивидуализированного решения, в том числе в части вида и размера наказания*. Это означает, что применяться должна процедура, индивидуальная по своим характеристикам. Полагаем, что такое решение находится в основе концепции обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с избранным законодателем подходом в совершенствовании уголовно-процессуальной формы в большинстве случаев используется так называемый модульный (название условное) способ дифференциации. При этом подходе правоприменителю предлагается применять единый комплекс правил, имеющих достаточно объемный масштаб. Например, законодателем предусмотрен дифференцированный порядок работы с вещественными доказательствами (ст. 81.1 УПК РФ) имеющий комплексный характер. В целом, комплексность – качество положительное для законодательных предписаний процессуального характера. Но одновременно комплексность не позволяет индивидуализировать процедуру, требуя, в силу принципа нормативности формы, применения всей совокупности закрепленных правил, без учета того фактора, что в определенных условиях отдельные правила могут (должны) отличаться индивидуальностью.

Аналогично складывается ситуация, когда законодателем установлены правила производства допроса, императивно определяющие его длительность, наличие перерыва не менее чем на один час, для отдыха и принятия пищи (ч. 3 ст. 187 УПК РФ) и др. Такого рода нормативно закрепленная процессуальная форма (весьма детализированная) вызывает затруднения в правоприменении. Так, анкетирование адвокатов-защитников показало, что наличие императива об обязательном перерыве в допросе *не менее* чем на один час, создает в ряде случаев существенные затруднения, когда приходится ждать окончания перерыва, чтобы только закончить оформление протокола и подписать его (75% респондентов отметили эту деталь как недостаток формы допроса). При этом, отметим, что в данном случае нет альтернативы (дифференциации), которая бы в большей степени отвечала интересам участников.

О проблеме модульного регулирования уголовно-процессуальной формы могут свидетельствовать результаты судебной деятельности. Обратили внимание на достаточно часто встречающееся в судебных решениях выражение: «При рассмотрении уголовного дела и постановлении приговора без проведения судебного разбирательства судьей не проводится исследование и оценка доказательств, собранных по делу. В случае если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по делу, то он постановляет обвинительный приговор»⁸. Подчеркнем, что постановление приговора в особом порядке возможно только в случае, когда судья убедился в обоснованности обвинения. Но что, если у судьи появились некоторые сомнения? Устранить их судья может только перейдя на общий порядок. Но это также означает, что подсудимый утрачивает преимущества, положенные ему в части назначения наказания, если бы судебное разбирательство проходило в особом порядке.

Значит для того, чтобы судье в полной мере выполнить собственное предназначение и принять решение (постановить приговор) в точном соответствии с требованиями УПК РФ (законность, обоснованность и справедливость), он должен лишить преимуществ подсудимого, на которые тот рассчитывал, давая согласие с предъявленным ему обвинением. Не перейти же на общий порядок означает нарушить требования уголовно-процессуального закона. На наш взгляд, в такой конфигурации процессуальной формы отсутствует баланс между публичными и частными интересами, когда достижение публичного интереса исключает реализацию и соблюдение частного интереса.

Как представляется, переход из одной формы судебного разбирательства в другую, это необходимый институт, учитывая, что законодатель применяет, как ранее уже было отмечено, так называемую модульную дифференциацию. На наш взгляд, существует возможность скорректировать этот подход и предусмотреть более гибкие уголовно-процессуальные формы, не исключая, в целом, модульного характера дифференциации. Следовательно, основная проблема модульной организации уголовно-процессуальной формы заключается в том, что ее применение в дифференциации не позволяет индивидуализировать форму с необходимой четкостью, т.е. решить ту задачу, ради которой применяется дифференциация.

Есть и другие обстоятельства, ставящие под сомнение конструктивный характер применения процессуальной индивидуализации. Так, совокупность обстоятельств, которую законодатель вводит в содержание уголовно-правовых норм в целях индивидуализации наказания и ее сопоставление с предметом доказывания, предусмотренном в уголовно-процессуальном законе, позволяет сделать вывод об их *существенном расхождении*. При этом в числе обстоятельств, подлежащих учету в рамках индивидуального подхода, законодатель в уголовном праве указывает не только материально-правовые, но и некоторые процессуальные (например, основания для постановления приговора без назначения наказания). Полагаем, что в этой части

необходима четкая, законодательно определенная, систематизация положений.

Есть еще одно обстоятельство, которое в рамках проводимого исследования необходимо подчеркнуть. Все ранее изложенное позволяет утверждать, что индивидуализация имеет значение исключительно для лица виновного в совершении преступления, и это правило (уголовно-правовой и обусловленной ею процессуальной индивидуализации) не затрагивает иных заинтересованных лиц, не влияет на их правовой статус. И в этом случае индивидуализацию некорректно использовать в качестве основы для дифференциации уголовно-процессуальной формы, в рамках которой должны быть предусмотрены ресурсы для обеспечения прав любых участников.

Такое представление о влиянии процессуальной индивидуализации на дифференциацию уголовно-процессуальной формы считаем не верным. Объективными факторами для его опровержения служат следующие аргументы:

1. Индивидуализация представляет собой совокупность подлежащих установлению обстоятельств, каждое из которых сформулировано в обобщенном виде и для его полного установления необходимо содержательное раскрытие, выявление локальной совокупности фактов. Например, для установления объекта преступления необходимо установить, чьи интересы были нарушены преступным деянием, соответственно выявляется потерпевший, характер и размер причиненного преступлением вреда. Каждое из этих и иных обстоятельств, подлежащих установлению, а также их совокупность, выполняют множественную правовую нагрузку: установление фактов, касающихся обвиняемого и используемых для индивидуализации наказания виновному и установления фактов, необходимых для защиты прав и законных интересов иных участников уголовного судопроизводства.

Думается, что именно по этой причине в ст. 73 УПК РФ предмет доказывания по большей части включает обстоятельства, адресованные к действиям обвиняемого, не упоминая такого заинтересованного участника как потерпевший.

2. Обязанность следователя (дознателя), а затем и суда установить всю совокупность законодательно определенных обстоятельств, необходимых для индивидуализации наказания.

Итак, процессуальная индивидуализация, декларируемая как основа для решения о наказании виновного, оказывает свое влияние на правовое положение всех заинтересованных участников и выполняет обеспечительную функцию в отношении их прав и законных интересов.

В свете изложенных суждений считаем закономерным следующий вывод: процессуальная индивидуализация позволяет оказывать позитивное воздействие на уровень обеспечения прав и законных интересов любых участников уголовного судопроизводства, что обуславливает конструктивное использование данной идеи для дифференциации уголовно-процессуальной формы.

В обобщенном виде этот вывод можно представить в виде следующей формулировки: дифференциация уголовно-процессуальной формы на основании процессуаль-

ной индивидуализации необходима для наилучшего решения задач уголовного права (ст. 2 УК РФ) и достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Примечания

- ¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 4-АПУ19-12СП // СПС «КонсультантПлюс».
- ² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 июля 2014 г. № 73-АПУ14-16 // СПС «КонсультантПлюс».
- ³ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 августа 2022 г. № 77-3452/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19 сентября 2024 г. № 2057-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Жигулиной Ларисы Васильевны положением пункта "а" части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 200.1 данного Кодекса» / Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁵ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 августа 2023 г. по делу № 77-2763/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁶ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2024 г. № 77-2861/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁷ Приговор Тимашевского районного суда Краснодарского края от 13 декабря 2016 г. №1-309/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2023 г. по делу № 48-УД23-15-К7, которым приговор изменен и смягчено наказание, назначенное по ч. 2 ст. 159 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Рябинина Т.К., Козявин А.А., Снегирева Д.Е. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. «История и право». 2019. Т. 9, № 5. С. 92–104.
2. Хатуева В.В. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы в доктрине уголовного процесса // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 13(13). С. 68–69.
3. Алексеев И.М. Уголовно-процессуальная форма: единство и дифференциация. Белгород : Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2015. 110 с.
4. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 131–139.
5. Лагуткина Н.Б. Особенности дифференциации уголовно-процессуальной формы // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 130–133.
6. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 105–110.
7. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 67–79.
8. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9, вып. 1. С. 42–51.
9. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. 240 с.
10. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М. : ТК Велби, Проспект, 2007. 569 с.
11. Арефинкина Е.Г. К вопросу об институте индивидуализации назначения наказания в российском законодательстве и специфике его реализации // Спутник высшей школы: межвузовский научный журнал. 2021. № 1. С. 54–55.
12. Кондратьев С.А. Современные подходы к построению судебного разбирательства по уголовным делам с точки зрения индивидуализации наказания: опыт зарубежной и международной юстиции // Закон. 2019. № 9. С. 190–196.

References

1. Ryabinina T.K., Kozyavin A.A., Snegireva D.E. Differentsiatsiya ugodovno-protsessual'noy formy: sushchnost', istoriya i perspektivy razvitiya, problemy protsessual'nogo osmysleniya // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoriya i pravO». 2019. T. 9, № 5. S. 92–104.
2. Khatuayeva V.V. Problema yedinstva i differentsiatsii ugodovno-protsessual'noy formy v doktrine ugodovnogo protsessa // Tsentral'nyy nauchnyy vestnik. 2016. T. 1, № 13(13). S. 68–69.
3. Alekseyev I.M. Ugodovno-protsessual'naya forma: yedinstvo i differentsiatsiya. Belgorod : Belgorodskiy yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. I.D. Putilina, 2015. 110 s.
4. Trubnikova T.V. Predely uproscheniya ugodovnogo protsessa // Aktual'n'yye problemy rossiyskogo prava. 2015. № 12 (61). S. 131–139.
5. Lagutkina N.B. Osobennosti differentsiatsii ugodovno-protsessual'noy formy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 12 (180). S. 130–133.
6. Yakimovich YU.K. Differentsiatsiya ugodovnogo sudoproizvodstva dolzhna imet' razumn'yye predely i ne privodit' k uproshtenchestvu // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. № 2 (12). S. 105–110.
7. Rossinskiy S.B. Ugodovno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya // Aktual'n'yye problemy rossiyskogo prava. 2020. T. 15, № 9. S. 67–79.
8. Grigor'yev V.N. Ugodovno-protsessual'naya forma ili administrativnyy reglament: sovremenn'yye trendy // Vestnik SPBGU. Pravo. 2018. T. 9, vyp. 1. S. 42–51.
9. Struchkov N.A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Obshchey chasti. M., 1984. 240 s.
10. Esakov G.A., Rarog A.I., Chuchayev A.I. Nastol'naya kniga sud'i po ugodovnym delam / отв. red. A.I. Rarog. M. : TK Velbi, Prospekt, 2007. 569 s.
11. Arefinkina YE.G. K voprosu ob institute individualizatsii naznacheniya nakazaniya v rossiyskom zakonodatel'stve i spetsifike yego realizatsii // Sputnik vysshey shkoly: mezhvuzovskiy nauchnyy zhurnal. 2021. № 1. S. 54–55.
12. Kondrat'yev S.A. Sovremenn'yye podkhody k postroyeniyu sudebnogo razbiratel'stva po ugodovnym delam s tochki zreniya individualizatsii nakazaniya: opyt zarubezhnoy i mezhdunarodnoy yustitsii // Zakon. 2019. № 9. S. 190–196.

Информация об авторе:

Крипиневич С.С. – канд. юрид. наук, зам. зав. кафедрой уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (Москва, Россия). E-mail: s.kripinevich@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Kripinevich, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.kripinevich@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 12.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 343.14
doi: 10.17223/15617793/516/25

Цифровая трансформация уголовно-процессуального доказывания: преимущества и риски

Татьяна Кимовна Рябинина¹, Дарья Олеговна Чистилина², Ярослава Петровна Ряполова³

^{1, 2, 3} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

¹ tatyanakimovna-r@yandex.ru

² darya-chistilina@yandex.ru

³ yaroslava@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу перспективных направлений цифровой трансформации доказывания по уголовным делам. С учетом зарубежного опыта цифровизации доказательственной деятельности продемонстрированы различия и общность подходов в правовом регулировании стандартов «электронного доказывания» в национальных законодательствах стран – представительниц разных правовых систем. Отмечены положительное влияние введения электронного формата производства по уголовному делу на степень обеспеченности прав участников процесса, а также положительный эффект и прогнозируемые риски от использования систем искусственного интеллекта в практике доказывания в ходе расследования уголовных дел.

Ключевые слова: цифровизация, уголовно-процессуальное доказывание, цифровые технологии, правосудие, участники уголовного процесса, искусственный интеллект, риски

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01341, <https://rscf.ru/project/25-28-01341/>

Для цитирования: Рябинина Т.К., Чистилина Д.О., Ряполова Я.П. Цифровая трансформация уголовно-процессуального доказывания: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 223–236. doi: 10.17223/15617793/516/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/25

Digital transformation of criminal procedure evidence: advantages and risks

T.K. Ryabinina¹, D.O. Chistilina², Ya.P. Ryapolova³

^{1, 2, 3} Southwest State University, Kursk, Russian Federation

¹ tatyanakimovna-r@yandex.ru

² darya-chistilina@yandex.ru

³ yaroslava@mail.ru

Abstract. The main purpose is to study the possibilities and risks of introducing information technologies and systems in the implementation of criminal procedural evidence. Their gradual introduction into the criminal proceedings can have a positive impact on the quality and speed of the investigation, as well as the interaction of participants in criminal proceedings. The main methods used by the authors were the dialectical, comparative legal and systematic method, analysis, synthesis, as well as special legal methods of cognition. The study analyzed the legislation of foreign countries where information technologies and systems operate, as well as international regulations governing this issue. The foreign experience of digitalization testifies to the positive impact of this process on ensuring the rights of participants in criminal proceedings and increasing the effectiveness of criminal procedural activities. For example, in some countries, information technology makes it possible to simplify communication between citizens and government agencies, as well as speed up the process of collecting evidence and investigating. At the international level, the issue of using electronic evidence is regulated by establishing channels of interaction between countries to simplify the process of transmitting electronic information. In many countries, an approach has been developed to define the concept and essence of electronic evidence, as well as the requirements for it, which makes it possible to eliminate problematic aspects of its collection and storage in practice. The introduction of artificial intelligence systems also requires detailed legal regulation, since criminal procedural activities are regulated not only by legal, but also by moral norms. This aspect does not allow the law enforcement officer to be completely replaced by an automated system. Artificial intelligence should become an auxiliary tool when working with a large amount of data. However, when implementing information technology, the risks that a law enforcement officer may face should be taken into account. The result of the study will be a systematization of the risks that a legislator and law enforcement officer may face when implementing information technologies and systems, and proposals for leveling these negative trends based on an analysis of national and foreign criminal procedure practice. The imperfection of technology, the unpreparedness of law enforcement officers and citizens, and the inconsistency of countries' actions in the exchange of electronic information can become

obstacles to the digital transformation of the criminal procedure. Overcoming these obstacles is possible by improving the technical equipment of investigative bodies and courts, increasing the level of information literacy of the population, developing a legislative framework governing digitalization, improving and adapting information technologies to the needs of criminal procedural activities.

Keywords: digitalization, criminal procedural evidence, information technology, justice, participants in criminal proceedings, artificial intelligence, risks of digitalization

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-01341, <https://rscf.ru/project/25-28-01341/>

For citation: Ryabinina, T.K., Chistilina, D.O. & Ryapolova, Ya.P. (2025) Digital transformation of criminal procedure evidence: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 223–236. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/25

Введение

Цифровизация является одним из основных направлений развития Российской Федерации. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1] поставил четкие цели, заключающиеся в создании единых цифровых платформ, внедрении систем искусственного интеллекта и цифровой трансформации большинства отраслей экономики, управления и социума в целом. Стратегия научно-технологического развития РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 28.02.2024 г. № 1456 [2], призвана в условиях больших вызовов противодействовать современным угрозам, создать технологии и продукцию, отвечающие национальным интересам, обеспечить взаимосвязь образования, науки, технологического потенциала страны и взаимозависимость их развития. Положения стратегии распространяются на все сферы деятельности, в том числе на деятельность субъектов, осуществляющих уголовное преследование либо правосудие.

В рамках реализации обозначенных задач созданы системы и аппаратные комплексы по дистанционному взаимодействию граждан и госструктур (электронные обращения, электронная запись на прием и др.), введены электронные медицинские карты, созданы цифровые платформы для бизнеса («Мой Бизнес», «1С:Предприятие» и др.), широко используются системы блокчейн и т.д.

Сфера правоохранительной и судебной деятельности также стремится не отставать: успешно функционируют система автоматизированного учета статистических карточек и электронные алфавитные указатели, облегчающие поиск судебных решений в ГАС «Правосудие»; модуль АМИРС22, предназначенный для автоматизации процессов судебного делопроизводства и информационного сопровождения всех стадий судебного рассмотрения уголовного дела; система видеоконференц-связи (отечественные разработчики ВКС-решений Труконф, Винтео и др.); средства аудио- и видеофиксации; средства оповещения участников уголовного процесса; интегратор судебных решений судов (sudact.ru) и др. [3. С. 142].

Более интенсивные темпы внедрения ИТ-технологий в правоохранительную деятельность во многом могли бы облегчить работу правоприменителя, в то же время прогнозируемые риски, обусловленные

опережающим воздействием цифровых технологий на уголовный процесс, становятся ощутимыми препятствиями на пути их внедрения. Как бы то ни было сфера уголовной юстиции в России является сферой, где цифровые новинки не так легко приживаются ввиду консервативности соответствующей отрасли права, непоколебимости и высокой степени защищенности на законодательном уровне процессуальных гарантий обеспечения прав личности, резком усилении формальной определенности ключевых понятий уголовно-процессуального доказывания, ментальных, психологических и пр. особенностей российского населения, а также влияния нравственных начал на уголовно-процессуальную деятельность.

Уголовно-процессуальное доказывание – регулируемая законом деятельность, состоящая в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу [4. С. 321]. Именно посредством доказывания удается установить достоверные сведения относительно обстоятельств произошедшего и постановить законный, обоснованный и справедливый приговор, при этом одной из важных процессуальных гарантий выступает уголовно-процессуальная форма, ее сущность раскрывается, в том числе, в строго установленной законом процедуре формирования процессуальных доказательств. Однако установившаяся на рубеже веков высокая формализация стандартов доказывания нивелирует большую часть процессуальных гарантий скорого и справедливого правосудия, а также прав и свобод личности, ибо не позволяет решать стоящие перед уголовным процессом задачи с содержательных сторон, вынуждая органы и должностных лиц фокусировать внимание на выполнении массы формальных предписаний закона. В этом контексте наблюдаемый процесс цифровизации доказательственной деятельности, под которым следует понимать ее оптимизацию посредством внедрения цифровых технологий на этапах выявления, сбора и фиксации доказательств, несмотря на то что данный процесс имеет незавершенный и фрагментарный характер, призван отчасти снять остроту обозначенной проблемы, положительный отклик получают те немногие «цифровые новеллы» УПК РФ, которые были приняты в последнее время, в позитивном ключе отмечаются преобразования по части автоматизации делопроизводства, сокращения времени и ресурсов в ходе осуществления отдельных следственных действий в дистанционном формате [5. С. 159–160], регламентация

правил изъятия электронных носителей информации и т.д. [6. С. 195]. В то же время сохраняются трудности методологического, правового и практического плана, которые могут сопровождать использование электронных документов в доказывании, обусловленные требованиями уголовно-процессуальной формы [7. С. 31].

Цифровая трансформация – фаза, которая традиционно следует за цифровизацией любого рода деятельности. Применительно к уголовно-процессуальному доказыванию она представляет собой более глубокую и комплексную правовую реорганизацию компонентов доказывания в условиях развития цифровых технологий. Целью настоящей работы стало исследование отдельных направлений такой трансформации, а равно обобщение прогнозируемых преимуществ и существующих рисков, с ней связанных: закрепление стандартов «электронного доказывания», переход уголовного дела в электронный формат и внедрение систем искусственного интеллекта в доказательственную деятельность. Актуализирует данные вопросы возможность изучения зарубежного опыта регламентации основных подходов к оценке цифровых доказательств: подход континентальной правовой семьи, известный принципом свободы оценки доказательств, и подход семьи общего права, известный стремлением к формализации оценки доказательств [8. С. 906–915].

Правовое регулирование электронных доказательств в России и за рубежом

«Электронное доказывание» сейчас находится в стадии осмысления и теоретического обоснования, притом, что проблематика работ, вызывающих острые дискуссии среди практиков и ученых-процессуалистов, демонстрирует первостепенное значение определения статуса электронных доказательств (к ним относятся электронные сообщения и документы, цифровые аудио- и видеозаписи, фотоизображения, сообщения в мессенджерах, информация из различных интернет-порталов и др.) [9. С. 75].

Современное уголовно-процессуальное законодательство не дает четкого определения электронным доказательствам, поэтому правоприменителю приходится вписывать их в уже существующую систему доказательств, что не позволяет в полной мере учитывать их особенности, связанные с изъятием, хранением проверкой и оценкой подобных доказательств. Специфику доказательств рассматриваемого вида определяет то обстоятельство, что электронную информацию можно уничтожить путем проведения нескольких манипуляций на компьютере, в том числе удаленно, поэтому важно своевременно и оперативно зафиксировать ее и защитить от ликвидации иными лицами [10. С. 110–112]. Ключевым признаком электронного документа А.С. Пастухов, А.А. Дмитриева называют способность человека его воспринимать с использованием электронных вычислительных машин [11. С. 274], возможность его свободной передачи по информационно-телекоммуникационным каналам связи, копирования, размещения и обработки в информационных системах.

Отсутствие официальной дефиниции в действующем уголовно-процессуальном законодательстве как самого понятия электронных доказательств, так и смежных, связанных с ним понятий приводит к тому, что к ним применяются общие требования, предъявляемые к доказательствам, что зачастую не соответствует определению их сущности, форме фиксации, способам передачи, хранения, обработки и воспроизведения электронной информации. В вопросах целесообразности дополнения перечня доказательств в тексте УПК РФ новым видом доказательств нет единства мнений и консолидированной позиции среди ученых. Отмеченное демонстрирует противоречие между «традиционной консервативной следственной моделью и более современными, а поэтому эффективными методами работы с доказательственной информацией» [11. С. 276], очевидно, что при нерегулируемом применении существующих и вновь появляющихся информационных технологий и систем повышается риск нарушения прав и свобод личности [12. С. 125], что нельзя расценивать как положительное явление.

К.В. Обидин основную проблему видит в том, что российский законодатель в основном концентрируется не на поиске оптимальных путей регулирования использования электронной информации и определении ее как самостоятельного объекта познания, а на физических хранилищах информации (электронных носителях) [13. С. 231–236], что не менее важно, однако не имеет смысла без решения первой части вопроса.

Во многих странах вопросы использования электронных доказательств регламентированы на уровне законодательных положений либо предопределены судебной-прецедентной практикой. Для восприятия зарубежного опыта правовой регламентации использования электронных доказательств рассмотрим некоторые примеры подобного регулирования.

В США рассматриваемое судопроизводственное явление возникло раньше и сопровождается динамичным развитием прецедентного права и доктрины. Американскими исследователями цифровые доказательства определяются как информация, хранящаяся или передаваемая в двоичной форме, которую сторона уголовного процесса может использовать в качестве доказательств в судебном разбирательстве [14]. Федеральные правила доказывания [15] в Правиле 101 (6) содержат указание, что ссылка на любой вид письменного материала или любого другого носителя включает информацию, хранящуюся в электронном виде; правило 1001 (d), разграничивающее доказательственную ценность копии и оригинала применительно к электронным данным определяет, что для информации, хранящейся в электронном виде, «оригинал» означает любую распечатку или другой вывод, читаемый визуально, если он точно отражает информацию. Однако в остальном Правила доказывания применяются к электронным доказательствам аналогично традиционным документам без каких-либо специальных уточнений. Американские законодатели не стали выделять «электронные» доказательства из числа обычных, но все же отметили их специфику [16. С. 185].

Суд сам определяет, являются ли доказательства относимыми и подлинными, не являются ли они «слухами» (hearing) и достаточно ли будет копии электронного документа либо потребуются оригинал, ввиду следования прецедентному праву в практических примерах американской судебной практики отражены различные трактовки надежности цифровых доказательств исходя из их аутентификации, «правил наилучших доказательств» и т.д. [17. С. 281].

При этом действует единый подход, закрепляющий необходимость получения судебного решения (ордера) для получения информации, содержащейся в цифровом устройстве, когда эта информация представляет интерес и имеет значение для уголовного дела, то есть является источником цифровой информации либо средством совершения преступления. Критерий аутентичности в сборе цифровых доказательств заключается в том, чтобы гарантировать, что доказательства на цифровых объектах, собранные на месте преступления, являются точными доказательствами и исходят из правильного источника после сохранения [18. С. 1–8].

Более предметно алгоритм использования цифровых доказательств по уголовному делу отражен в Руководстве по поиску и собиранию электронных доказательств, указания имеют рекомендательный характер для правоприменителей [19], в этом документе обобщены подходы судейского корпуса к доктрине «разумного ожидания конфиденциальности» в делах, связанных с компьютерной информацией, перечислены исключения из требования получения ордера в делах, связанных с изъятием электронной информации, сформулированы рекомендации по производству «компьютерного обыска», раскрыты условия, когда необходимо получить несколько ордеров для сетевого обыска и т.д. В Правиле 41 Федеральных правил уголовного судопроизводства США [15] отмечено, что ордер предусматривает изъятие электронных носителей информации либо изъятие или копирование информации, хранящейся в электронном виде. Ордер санкционирует более поздний просмотр носителя или содержащейся в нем информации, тем самым копирование или изъятие информации (без физического истребования ее носителя) представляет собой самостоятельное следственное действие в американском уголовном процессе.

Два громких дела иллюстрируют, как ценность и правдоподобность представления цифровых доказательств, так и ограниченный вес (weight) этих доказательств (оценка этого свойства доказательства относится к исключительной прерогативе коллегии присяжных) в отсутствие ясности и достоверности методов компьютерной судебной экспертизы, примененных для их получения.

Показательным примером стал случай, когда электронная информация имела решающее значение при установлении обстоятельств совершения преступления. Так, по делу об убийстве в 2014 г. своего малолетнего сына Купера и жестоком обращении с детьми Джастином Россом Харрисом судебная экспертиза его компьютера, мобильного устройства, флэш-накопителя, внешнего жесткого диска, SD-карты и DVD-

диска обвиняемого помогла выявить, чем он занимался в то время, когда на семь часов оставил своего сына одного в раскаленном автомобиле с закрытыми окнами. Выяснилось, что в момент гибели сына он вел переписку с несколькими женщинами, кроме этого, с помощью извлеченных доказательств удалось уличить его в сексуальной связи с несовершеннолетней. Впоследствии спустя девять лет после смерти Купера, в 2023 г., вследствие череды пересмотров вынесенного обвинительного приговора Верховный суд Джорджии прекратил преследование Харриса ввиду отсутствия мотива преднамеренности убийства, поддержав версию защиты о том, что отец забыл про оставленного ребенка в машине, вместе с тем Харрис до сих пор остается осужденным на двенадцатилетний срок по другим обвинениям, связанным с его сексуальной деятельностью, включая преступную попытку сексуальной эксплуатации детей и распространение запрещенных порнографических материалов среди несовершеннолетних [20].

По другому делу большое жюри округа Орандж, штат Флорида, предъявило Кейси Энтони обвинение в убийстве его дочери Кейли. Эксперт, проводя экспертизу данных, содержащихся на компьютере, дал показания в пользу обвинения, заявив, что кто-то просматривал слова «хлороформ» в общей сложности 84 раза на компьютере, изъятном из дома обвиняемого, что свидетельствовало о его преднамеренности, при этом у присяжных возникли сомнения в надежности таких выводов вследствие того, что временные метки, которые указывают, когда был сделан конкретный поиск, не согласовывались с используемыми экспертом инструментами поиска по ключевым словам. Энтони была признана невиновной из-за недопустимости представленных цифровых доказательств [21].

На территории Великобритании Управлением полиции принято Руководство по передовой практике в области цифровых доказательств (АСРО) [22], которое является комплексным актом, содержащим нормы и правила извлечения информации с электронных носителей, данные рекомендации предназначены для использования в работе правоохранительными органами. Руководство закрепляет четыре принципа, которые могут быть восприняты если не законодателем, то ведомственными структурами, а именно: недопустимость изменения электронных данных, которые впоследствии могут быть использованы в суде; компетентность и ответственность лица, имеющего доступ к исходным данным, проверяемость всех манипуляций с электронной информацией, поступившей в распоряжение органа расследования (создание и сохранение контрольных записей всех процессов, применяемых к цифровым доказательствам), независимая третья сторона должна иметь возможность изучить эти процессы и достичь того же результата; лицо, ответственное за расследование, несет общую ответственность за обеспечение соблюдения закона и вышеуказанных принципов².

Законодательство стран Германии и Франции отличается своеобразное единство нормативных подходов в использовании цифровых технологий при сборе доказательств, при этом легального определения понятия

электронных доказательств, а также принципов работы с ними в законах не содержится.

Особенностью института доказывания во Франции является его четкая направленность на научно-техническую сторону, в УПК Франции достаточно подробно урегулированы вопросы перехвата корреспонденции, отправленной посредством электронных средств связи, использование программного обеспечения, условия анализа, обработки, хранения и передачи персональных данных, а также использования технологии обработки больших данных, порядок получения данных геолокации, целые главы посвящены использованию национальной платформы судебных перехватов (или прослушиваний) (глава 6, ст. 230-45 УПК Франции), съемке и фиксации и использованию в расследовании изображений, полученных в общественных местах с помощью воздушных средств (глава 8, ст. 230-47–230-53 УПК Франции) [23]. Ст. 706-96 УПК Франции разрешает следователю использовать технические средства получения цифровой информации, размещаемой, хранящейся и передаваемой посредством телекоммуникационных сетей. При этом такие средства могут работать не только посредством удаленного доступа, но и внедряться на компьютеры или иные цифровые устройства подозреваемых лиц без их согласия.

Отличительной особенностью УПК Франции является обширный перечень гарантий прав и свобод личности при применении цифровых технологий в ходе судебного расследования: прокурорский и судебный надзор; практика обжалования гражданами своих прав в связи с применением специальных средств и обязанность должностных лиц принять соответствующие меры с информированием заявителей в установленный срок; ограничительный перечень сотрудников правоохранительных органов, имеющих право применять специальные средства; запрет использования специальных средств в административных или иных целях; установление сроков хранения информации, полученной в ходе применения специальных средств; установление запретов на хранение информации о частной жизни, если это не связано с целями применения специальных средств; указание на этические стандарты применения специальных средств и т.д. [24. С. 71]. В качестве доказательств по уголовному делу может использоваться не только оригинал цифровой информации, изъятый вместе с его носителем, но и копия такой информации (ст. 56, 97 УПК Франции).

В немецком законодательстве строго регламентированы правила обнаружения и фиксации электронной информации (поиск с помощью сети, наблюдение за телекоммуникациями, онлайн-поиск, сбор данных об использовании цифровых услуг и т.д.) [25], при этом, как отмечают немецкие процессуалисты, оценка цифровых доказательств, исследуемых в порядке строгого доказывания, является свободной, т.е. не привязанной к формальным правилам оценки [26. С. 13]. Согласно §249 УПК ФРГ суду разрешается зачитывать электронные документы без их распечатки на традиционных бумажных носителях: причем вне зависимости от того, был ли документ первоначально создан в цифровой

форме или представляет собой электронную копию бумажного документа. Уголовно-процессуальное законодательство ФРГ содержит положения относительно защиты данных в ходе расследования уголовного дела и применимые к электронным доказательствам, подробно регламентируются правила об обязательном уничтожении электронных данных, не относящихся к делу (§ 101 УПК ФРГ). § 110 УПК ФРГ был дополнен ч. 3, предусматривающей возможность получения цифровых доказательств посредством удаленного доступа к электронным носителям как составной части обыска компьютерных устройств. Тем не менее посредством удаленного доступа следствие не может получить информацию с тех устройств, которые находятся за пределами Германии, в связи с отсутствием у них юрисдикционных полномочий действовать на территории иностранных государств.

Согласно закону о доказательствах Индии 1872 г., раздел 65В действующей редакции данного нормативного акта закрепляет следующие условия, которым должны соответствовать электронные доказательства:

- 1) электронная запись должна быть создана с помощью компьютера, который регулярно использовался для хранения или обработки информации в целях любой регулярно осуществляемой деятельности лицом, имеющим контроль над использованием компьютера на основании закона;
- 2) информация, содержащаяся в электронной записи, регулярно вводилась в компьютер в ходе обычной деятельности;
- 3) компьютер работал должным образом;
- 4) копия должна быть воспроизведена с оригинальной электронной записи [27].

Кроме того, допускается установление подлинности электронных доказательств путем допроса свидетеля, если невозможно предоставить сертификат подлинности, однако такие документы должны быть доступны для воспроизведения в оригинальном виде, сохраняя целостность формата без изменений. Информация, содержащаяся в электронной записи, считается оригинальным документом, даже если она напечатана на бумаге, сохранена, записана или скопирована на носитель, созданный компьютером, при условии соблюдения установленных требований [28. С. 55]. Таким образом, в Индии, которая имеет смешанную правовую систему, на законодательном уровне не только закреплено понятие электронных доказательств, но и определен алгоритм их использования при осуществлении доказывания.

Знаковым событием в китайской юрисдикции стали дополнения ст. 48 УПК КНР, в соответствии с которыми в 2012 г. перечень видов доказательств был расширен новым видом – «электронные данные», в 2016 г. Верховным Народным Судом КНР совместно с Верховной Народной прокуратурой КНР и Министерством общественной безопасности КНР были приняты положения по ряду вопросов, касающихся сбора, обработки, изучения и вынесения решения по электронным данным при рассмотрении уголовных дел. Точное значение электронных данных было определено как «данные, которые формируются в процессе расследования

дела, хранятся, обрабатываются и передаются в цифровой форме и могут подтверждать факты по делу» [29], В ст. 2 Положения «О решении некоторых вопросов, касающихся собирания, получения и анализа электронных данных по уголовным делам» [30] Китая приведена классификация электронных доказательств. К ним относятся: веб-сайты, блоги (онлайн-дневники), микроблоги, страницы в социальных сетях, идентификаторы приложения (например, WeChat), форумы, онлайн-диски (онлайн-овые хранилища). Безусловно, наличие подобной классификации значительно облегчает процесс их изъятия и использования. Также обращается внимание, что достаточно четко должен быть определен их источник (лицо, от которого исходила данная информация; зарегистрированный пользователь на сайте и др.).

Развитие высокотехнологичной транснациональной преступности в киберпространстве, появление новых видов преступлений в сфере электронной торговли и цифровой экономики обусловило разработку межгосударственных мер, направленных на совершенствование правового режима использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Интерполом принято руководство по обращению с электронными доказательствами, в котором указано, что при проведении обыска и выемки, их идентификации с помощью методов, гарантирующих их целостность, рекомендуется обращаться с ними, как и со всеми другими традиционными доказательствами. Особого внимания заслуживает их хранение и транспортировка с учетом того, что они могут быть подвержены негативному воздействию электромагнитных полей, вследствие чего данные, содержащиеся на электронных носителях информации могут быть повреждены или безвозвратно утрачены [31].

В практике Международного уголовного суда электронные доказательства также достаточно давно используются при осуществлении правосудия: суд в качестве доказательств исследовал спутниковые снимки в деле о насильственной кампании правительства против повстанцев. Прокурор подробно ссылаясь на доклад Комиссии по расследованию, опирающийся на спутниковые снимки, предоставленные правозащитными организациями, которые использовали их для выявления разрушений и поджогов деревень, а также перемещения беженцев. В деле Аль-Махди прокурором также было представлено значительное количество доказательств из открытых источников, включая спутниковые снимки. Однако для установления достоверности подобных доказательств требуется, чтобы к ним прилагались метаданные, включая информацию о цепочке поставок в хронологическом порядке, личность источника, первоначального автора и получателя информации [32. С. 13–16]. Отмечается, что во всех странах следует установить единые правила для использования электронных доказательств, что должно привести к единообразию правоприменительной практики. Данный аспект важен ввиду того, что преступность, особенно киберпреступность, носит транснациональный характер, поэтому единые стандарты использования электронных доказательств могут помочь в обмене данными между странами.

Европейским агентством по сетевой и информационной безопасности (ENISA) в 2014 г. принято руководство для работы с электронными доказательствами, которое содержит рекомендации о том, как обращаться с доказательствами и собирать их. Положения данного документа определяют пять международно признанных практических принципов: целостность данных, контроль, поддержка специалистов, соответствующее обучение и законность.

Сбор электронных доказательств должен проходить в несколько этапов: подготовка, выезд на место, изъятие, осмотр, оценка и представление. Однако в Руководстве отсутствует информация, касающаяся обмена электронными доказательствами, нет указаний на регламент защиты данных и др. Кроме того, электронные доказательства должны отвечать правилам приемлемости – установлением того, что доказательства получены законным путем и являются подлинными, то есть прошли проверку и аутентификацию. Обращается внимание и на то, что доказательства необходимо хранить безопасным способом для защиты от изменений. При сборе и обработке электронных доказательств целостность, подлинность и неизменность таких доказательств должны быть гарантированы на протяжении всей цепочки хранения – от изъятия до судебного разбирательства. Таким образом, цепочка хранения должна регистрироваться, а доступ к доказательствам должен быть ограничен лицами, уполномоченными обрабатывать доказательства [33].

Глобальной проблемой в фиксации электронных следов преступления является то, что провайдерами интернет-услуг зачастую являются частные компании, которые находятся в других странах, поэтому каждый раз для получения информации необходимо направлять запрос в другое государство и ждать его обработки. Причем запрос направляется в страну, где находится провайдер, через государственные органы, которые и передают его в частную компанию. Вся эта процедура занимает много времени, по истечении которого повышается риск того, что цифровые следы могут быть скорректированы либо вовсе удалены. И это при условии, что с соответствующим государством установлено соглашение о взаимной правовой помощи. В противном случае, эту информацию никак не удастся получить [34. С. 230–235].

На эту проблему внимание обращается и в Регламенте (ЕС) 2023/1543 о производстве и хранении электронных доказательств в уголовных процессах и об исполнении приговоров к лишению свободы, вынесенных в рамках уголовного процесса. В нем указано, что не существует гармонизированной структуры сотрудничества с поставщиками услуг, как следствие, государства-члены все больше полагаются на добровольные каналы прямого сотрудничества с поставщиками услуг, если таковые имеются, и применяют различные национальные инструменты, условия и процедуры. При этом отмечается, что применение Регламента не должно зависеть от фактического местонахождения учреждения поставщика услуг или объекта обработки или хранения данных. Кроме того, поставщики услуг должны обеспечить, чтобы назначенные ими учреждения или законные представители могли использовать

децентрализованную ИТ-систему через соответствующую национальную ИТ-систему для получения сертификата Европейского постановления о предоставлении или сохранении данных (ЕРОС, ЕРОС-PR), отправки запрашиваемых данных в выдающий орган и любого другого взаимодействия с выдающим органом и правоприменительным органом [35]. В Директиве (ЕС) 2023/1544, устанавливающей правила определения уполномоченных учреждений и назначения законных представителей для целей сбора электронных доказательств в уголовном судопроизводстве, отмечается, что сетевые услуги могут предоставляться из любой точки мира и не требуют физической инфраструктуры, помещений или персонала в стране, где предлагается соответствующая услуга, или на самом внутреннем рынке [36]. Поэтому система взаимодействия между странами по данному вопросу требует значительного упрощения.

Таким образом, регулирование электронного доказывания имеет неоднородную правовую основу в национальных законодательствах различных стран. Законодательные тренды указывают на потенциальную возможность цифровых доказательств выступать пригодным и надежным источником сведений об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Если в одних государствах традиционные правила доказывания распространяются в полном объеме на цифровые доказательства, то в других эти вопросы регламентируются специальными правовыми нормами и институтами. При этом общность подходов законодателей и представителей юридической доктрины разных стран заключается в признании и необходимости учета неординарных свойств информации, содержащейся в электронном виде и могущей стать основой для формирования доказательства; необходимости соблюдения специальных требований по ее хранению, копированию, расшифровке и т.д. При этом подчеркивается неизменность гарантий прав личности при собирании конфиденциальных электронных данных в уголовном судопроизводстве, необходимость обеспечения требований их аутентификации, надежности, полноты и целостности в ходе оценки таких доказательств судом. Также можно сделать вывод о том, что имеющиеся различия в правилах оценки традиционных видов доказательств, существующие в правовых системах англо-американского и континентального права, также проявляются и в работе с разновидностью «диджитал» доказательств.

Электронный формат производства по уголовному делу

Упорядочивание работы с электронными доказательствами требует перехода на цифровой формат уголовного дела.

На страницах юридической печати давно и регулярно звучат призывы к переходу на систему электронных уголовных дел [37. С. 83–94], что позволило бы всем участникам уголовного процесса в более короткие сроки получать доступ к материалам уголовного дела, создавать, редактировать и подписывать бланки

уголовно-процессуальных актов, не затрачивая на это чрезмерно много усилий и ресурсов. Очевидное преимущество состоит также в том, что внедрение электронного документооборота по уголовным делам способствует обеспечению транспарентности правосудия в целом, усилению мер контроля и надзора со стороны прокуратуры и суда. Субъекты ведомственного контроля могли бы в условиях перманентного мониторинга и режима реального времени проводить своевременную проверку законности и обоснованности действий и принимаемых решений, что в своей совокупности обуславливает в том числе усиление гарантий прав личности.

Во многих странах подобный переход уже осуществлен. В Казахстане предусмотрена возможность использования в качестве протоколов следственных и иных процессуальных действий, постановлений и приговоров электронных документов, удостоверенных электронной подписью. Более того, защитник также может использовать электронные средства фиксации при опросе лиц с их согласия. В 2018 г. в этой стране было впервые рассмотрено «электронное» уголовное дело [38. С. 75]. Бельгия запустила проект системы электронного правосудия «Phenix» одной из первых стран, еще в 2001 г., в результате доступ к цифровому профилю (с помощью электронного паспорта) и размещенных в ней электронных файлов получили участники судопроизводства: судьи, сотрудники полиции, адвокаты [39]. Согласно УПК ФРГ по каждому уголовному делу формируется электронное досье, в котором содержатся все материалы дела в оцифрованном виде. Защитник может получить электронные версии документов на свой специальный ящик, однако это не мешает ему произвести сверку полученных материалов с бумажными носителями в случае возникновения сомнений в их подлинности [40]. Примером успешного перехода к электронному уголовному делу является опыт Саудовской Аравии, где с 2008 года все материалы хранятся в цифровом формате, что позволяет довольно быстро и без лишних формальностей за несколько дней завершить производство по ним. Практика судопроизводства в электронном формате распространена также в рамках судебных систем Австрии, Дании, Италии, Канады, Швеции, Южной Кореи и др. [41. С. 11].

Изложенное свидетельствует о том, что многие страны либо уже перешли на электронный формат ведения уголовного дела, либо делают большие шаги в этом направлении. Стоит отметить, что в России на теоретическом уровне имеются разработки и предложения о переходе на электронный формат хранения материалов уголовного дела. О.В. Качалова, Ю.А. Цветков выдвигают предложения о создании единого информационного портала, содержащего всю информацию по уголовному делу. Каждый участник судопроизводства будет иметь специальный доступ к материалам дела, с которыми он может знакомиться. Причем документы будут классифицироваться по группам (участникам, стадиям, должностным лицам) [42. С. 95–101]. Подобная система позволит ускорить процесс доступа к информации и обеспечить оперативный контроль законности со стороны прокуратуры и

суда. Если добавить возможности использования искусственного интеллекта, то он будет анализировать загруженные материалы и давать подсказки следователю относительно полноты доказательств и корректности оформления процессуальных актов.

Переход в электронный формат будет способствовать большему обеспечению прав участников уголовного процесса, так как позволит более оперативно получать доступ к материалам дела и будет способствовать улучшению коммуникации между представителями государственных органов и гражданами. Более того, это позволит без лишних задержек разрешать ходатайства и жалобы, что также усилит уголовно-процессуальные гарантии.

Однако в краткосрочной перспективе прогнозируемые изменения сопряжены с разрешением ряда трудностей, связанных с низкой степенью подготовленности как самих правоприменителей, так и граждан к полному переходу в цифровой формат. Внедрение возможностей ведения дела в электронном формате не означает полной замены бумажного документооборота, на первых порах сохранится необходимость изготовления документа в двух форматах, что обуславливает определенные сложности в случае необходимости подписании такого документа несколькими должностными лицами. К тому же, оцифровка материалов дела на бумажных носителях будет занимать определенное время и требовать затраты ресурсов (каждый отдел должен быть оснащен достаточным количеством оргтехники и помощниками, которые будут оцифровывать данные). Закономерно требует решения вопрос о едином стандарте «цифровой зрелости» следственной деятельности в целомстом информационном пространстве системы уголовной юстиции [43. С. 4].

Также необходимо будет решить вопросы информационной безопасности и контроля доступа к материалам уголовного дела, а также повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Следователь должен знать IT-процесс, чтобы понимать, как размещать в сети электронные документы, обеспечить их сохранность и неизменность, оформить электронное поручение органу дознания для производства процессуальных действий, оформить и направить в суд ходатайство о производстве следственного действия или об избрании меры пресечения и т.д. [44. С. 82–88].

Сохраняются риски несанкционированного искажения, передачи или распространения электронных данных, а значит нарушения конфиденциальности и тайны предварительного расследования, если вся информация по уголовному делу будет храниться в электронном формате и обрабатываться на недостаточно защищенных ресурсах. Новый формат ставит вызовы перед решением проблемы сохранности электронных данных при системном сбое, заражении вредоносной программой, хакерских атаках и т.д. Кратно усиливает риск утраты конфиденциальности и то обстоятельство, что специалисты сторонних организаций, обеспечивающие техническую поддержку и контроль работы систем и аппаратных комплексов, отвечающих за электронный документооборот, получают доступ к охраняемой законом информации.

С позиции соотношения частных и публичных начал актуализируется проблема «цифрового неравенства», когда для отдельных лиц все еще остаются недоступными для понимания или использования достижения электронных технологий.

Каждое вводимое законодателем технологического решение не должно выступать каким-либо ограничением или препятствием для реализации заинтересованными субъектами своих законных интересов.

В условиях ведения электронного уголовного дела присутствует постоянная угроза конфликта при взаимодействии пользователей, заказчиков и разработчиков специализированного программного обеспечения, используемого для работы с электронными материалами уголовного дела, риск технической несовместимости новых интеграций и существующих программных продуктов; необходимость дополнительных расходов на обновление программного обеспечения ввиду изменения законодательства, «моральное» устаревание аппаратных комплексов и т.п.

Наконец, существует риск, что любая информация в электронном формате по уголовному делу будет ошибочно восприниматься как доказательство, поэтому может возникнуть опасность неправильной оценки материалов расследования.

Внедрение систем искусственного интеллекта в доказательственную деятельность по уголовным делам: преимущества и риски

Еще одним направлением интеграции цифровых технологий в доказательственную деятельность следует признать внедрение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ). Одним из основных преимуществ данных систем является то, что за короткий срок они могут обработать значительный объем информации, что ввиду когнитивных ограничений недоступно простому человеку.

Американские исследователи выделяют пять основных областей правоприменения, на которые системы искусственного интеллекта окажут наибольшее влияние в ближайшем будущем: поиск информации по обстоятельствам дела; поиск прецедентов; составление документов; подготовка материалов дела; прогнозирование исхода дела [45. С. 1230–1250]. На основе выводных знаний ИИ можно сформировать и автоматизировать базы данных, что повысит информационно-аналитические возможности криминалистической регистрации, учетов органов внутренних дел, иных правоохранительных органов.

В некоторых странах уже используются системы на основе искусственного интеллекта, значительно облегчающие работу правоприменителям. Так, в США функционируют системы «Judicata», «BriefMine», «LawDepot», которые могут структурировать судебные прецеденты, систематизировать и анализировать судебных иски, формировать пакет юридических документов и т.д. [45. С. 1230–1250]. В странах Латинской Америки также начали активно использовать генеративные модели в области правосудия и государственных услуг [46. С. 37].

Зарубежный опыт использования систем искусственного интеллекта позволяет констатировать его

позитивное влияние на правоприменительную практику правоохранительных органов. Так, в Ханчжоу (Китай) с 2017 г. функционирует интернет-суд, в рамках которого взаимодействие между участниками судопроизводства происходит полностью дистанционно, что значительно сокращает время, затрачиваемое на формальные моменты. Причем система сама подсказывает участникам, каких документов не хватает и какие ошибки были допущены при заполнении форм [47. С. 705–710]. В Японии на законодательном уровне установлены четкие правила в отношении защиты частной информации и определены границы применения систем искусственного интеллекта при расследовании уголовных дел. Законодательство Великобритании уделяет внимание практическим аспектам применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, в частности для анализа больших массивов данных и создания профилей преступников. Такой подход позволяет эффективно использовать потенциал искусственного интеллекта для оптимизации процессов расследования при сохранении надлежащих гарантий защиты прав личности [48. С. 818–824].

Подобные системы могут быть применены и в отечественном доказывании. Если с помощью специальных программ удастся выявить устойчивые, повторяющиеся связи между доказательствами, средствами доказывания, обстоятельствами, подлежащими доказыванию и объектом доказывания, то можно выявить некоторые закономерности, которые в последующем станут основой для создания целых систем, оказывающих помощь следователю при расследовании. Безусловно, это потребует большого количества усилий для проведения анализа большого массива эмпирических данных в виде судебно-следственной практики [49. С. 89–95], что по силам искусственному интеллекту.

Систему искусственного интеллекта следует рассматривать как вспомогательную технологию в следственной и судебной работе. Например, использование GPT-4 дает возможность одновременно обрабатывать текст и графические изображения. Возможности компьютерного моделирования могут помочь создать модель объекта в виде конечно-элементной схемы, что позволит не только увеличить наглядность представленных материалов дела, но и более четко представить обстоятельства произошедшего [50. С. 273–279].

В контексте использования технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании перспективным видится создание цифрового профиля лица, учение о котором разрабатывают О.А. Зайцев и П.С. Пастухов. Они предлагают фиксировать идентификационные признаки криминальных следов и вещественных доказательств, а также характеристик человека, чтобы в последующем использовать данную информацию для раскрытия не только конкретного уголовного дела, по которому она была изъята, но и всех других преступлений, связанных с подозреваемым (обвиняемым). Причем предлагается систематизировать сведения, полученные из различных источников. Данная информация поможет раскрыть конкретное преступление, а также идентифицировать неизвестное лицо по другому делу. Цифровой профиль

авторы определяют как совокупность сведений о физическом лице, включает четыре групп идентификаторов: анкетных персональных данных; регистрационных данных субъектов и объектов в информационной инфраструктуре и системе цифровых правоотношений; биометрических персональных данных в цифровой инфраструктуре; цифровых идентификаторов оконечного оборудования, информационных систем и компьютерных сетей» [51. С. 294]. Важность выявления индивидуальных психологических качеств личности, осуществляющей преступную деятельность в сфере информационных технологий, отмечена в исследовании Д.В. Алымова, К.Г. Балашова, А.Ю. Дериглазовой. С помощью детализации признаков подобной преступной деятельности повышается шанс нейтрализации механизмов, посредством которых она осуществляется [52. С. 190–192].

Актуальной задачей для субъектов законодательной инициативы является разработка вопроса о закреплении дополнительных прав и обязанностей у субъектов уголовного судопроизводства ввиду внедрения информационных технологий в уголовный процесс. А.Н. Першин, в частности, полагает, что следователь должен получить такое «цифровое право», как возможность осуществления поиска, изучения, фиксации криминалистически значимой информации в информационно-телекоммуникационных системах, а также подтверждать правомерность ее получения и использования в качестве доказательств. При этом для реализации данного права должны быть созданы соответствующие базы данных, к которым у него должен быть доступ [53. С. 108–115].

На данном этапе в условиях законодательной неопределенности использование подобных систем может приводить к нарушению прав граждан, так как отсутствует четкий алгоритм работы с системами ИИ, отсюда неопределенность на практике и разный уровень гарантий прав, фактический зависящий от усмотрения правоприменителя.

Несмотря на то, что технологии искусственного интеллекта включают в себя множество программ и систем, каждая из которых отличается по составу и сложности, разнообразием методов и моделей, к общим, применимыми ко всем системам ИИ рискам следует отнести следующие:

- 1) искусственный интеллект функционирует на основе данных, сформированных до этого в большинстве случаев человеком, который не свободен от различного рода предубеждений и субъективизма, в связи с чем даже самая совершенная система будет подвержена влиянию человека и его взглядов, кроме того, обрабатываемые данные могут содержать эпизоды судебных и следственных ошибок, которые при их систематическом проявлении будут имитироваться и воспроизводиться программой (эффект «усиления» человеческой ошибки);

- 2) несовершенство алгоритма машинного обучения и введенных в систему критериев, что влечет ошибки в отраженном результате и несправедливому решению. Так, американская система COMPAS, в задачи которой входит прогнозирование рисков повторного

совершения преступлений лицами, претендующими на освобождение под залог или условно-досрочное освобождение, функционирует с рядом недостатков. В ней прослеживается некоторая предубежденность относительно расовой и половой принадлежности обвиняемых. Фактически в системе нашли отражение установки писавших ее лиц [54. С. 65–68];

3) сложность определения субъекта ответственности в ходе поддержки принятия решений с использованием ИИ, в том числе в случаях обнаружения ошибок и нарушений в его работе, в настоящее время отсутствуют предпосылки для наделения искусственного интеллекта «субъектностью в процессе доказывания» [55. С. 481];

4) несовершенство систем искусственного интеллекта, которые не могут распознать и учесть некоторые нравственные понятия. Так, нельзя заложить в систему возможность оценки таких нравственных понятий, как «примерный семьянин», «чувство долга», «добропорядочность», «честность» и др., не используя при этом различную степень глубины данных категорий [56. С. 81–90];

5) ограниченные возможности для проверки и оспаривания решения, вынесенного с помощью искусственного интеллекта ввиду непрозрачности и сложности для понимания используемых алгоритмов или их закрытостью со стороны разработчиков (эффект «черного ящика»), современные ИИ-модели способны скрывать собственные алгоритмы, источник своей логики;

6) неумелое обращение правоприменителя и иных участников уголовного процесса с подобными системами (неточное формирование промптов, излишнее доверие, неприятие, саботирование, злоупотребления, когда вектор доказывания и вся доказательственная база строится в фарватере результатов запроса ИИ, ярким примером этого является нашумевшее уголовное дело в отношении ученого-гидролога Александра Цветкова, который был задержан по делу об убийствах 20-летней давности, система распознавания лиц, установленная в аэропорту, определила сходство изображения ученого на 55% с ранее составленным фотороботом предполагаемого убийцы) [12. С. 152–153];

7) юридические галлюцинации («непреднамеренные искажения»): при подготовке проектов процессуальных документов ИИ-системы генерируют ответы на основе статистических закономерностей, полученных из больших наборов данных, а не путём проверки фактов в этих наборах, иными словами, создают несуществующие факты, отличающиеся своей убедительностью. Много таких негативных примеров демонстрирует судебная практика стран прецедентного права;

8) негативные свойства авторегрессивности ИИ-моделей (алгоритма оценки значений ряда по прошлым значениям этого же ряда), когда языковая модель принятого решения по поставленному запросу

опирается на наиболее часто упоминаемые в прошлом языковые цепочки, их совпадение и распределение, система не учитывает изменения обстановки, формирующейся региональной практикой и новейшие разъяснения высшей судебной инстанции прочее.

Как мы видим, многие страны перешли уже на уровень законодательного регулирования проблемных аспектов, возникающих при функционировании систем искусственного интеллекта, когда как в России только обсуждается вопрос их внедрения. В связи с этим необходимо проанализировать и понять, где искусственный интеллект может реально помочь, чтобы осуществлять постепенное его внедрение в российскую уголовно-процессуальную систему. Для этого необходимо разработать эффективную правовую базу, обеспечить доступ к современным инструментам расследования и методам, организовать обучение правоприменителей и гарантировать технические возможности, сбалансировать соотношение участия человека и систем искусственного интеллекта в ходе рассмотрения и разрешения уголовных дел без ущерба принципам уголовно-процессуальной деятельности.

Выводы

Таким образом, в результате обобщения и анализа опыта зарубежных стран относительно использования цифровых технологий в доказательственной деятельности по уголовным делам продемонстрированы различия и общность подходов в правовом регулировании стандартов электронного доказывания в национальных законодательствах стран – представителей различных правовых систем, проанализированы прогрессивные нормативные подходы в регламентации правил работы с электронными доказательствами, которые в последующем могут быть учтены российским законодателем, также показана и обратная сторона процесса интеграции цифровых технологий в компоненты доказывания, что может значительно повлиять на степень гарантированности прав участников процесса и в целом достижение назначения уголовного судопроизводства.

Россия находится только на первоначальном этапе цифровизации доказательственной деятельности, в силу чего ей предстоит взвешенно подходить к передовой практике использования электронной информации в качестве доказательственной, прогнозировать риски функционирования информационных технологий и систем в ходе доказывания с учетом существующей правовой системы и факторов неправового характера – технических возможностей и «цифровой зрелости» различных правоохранительных органов, степени подготовленности граждан и т.д. Данный процесс потребует много времени, в связи с чем поэтапная цифровая трансформация уголовно-процессуального доказывания будет являться наилучшим выходом в данной ситуации.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 02.04.2025).

3. Миронова Е.Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная неизбежность или неизбежная трансформация // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1 (146). С. 136–149.
4. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 1008 с.
5. Химичева О.В., Панфилов П.О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 158–164.
6. Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 193–197.
7. Гришина Е.П. К вопросу об использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2020. № 3. С. 31–34.
8. Абдулкарим Ф.А., Семеновский А.И. Оценка цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве: романо-германский и англосаксонский подходы // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 5. С. 906–915.
9. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 74–84.
10. Нечаев В.В., Прысь Е.В., Теренков И.Е. Организационно-правовые основы использования цифровых технологий в уголовно-процессуальном доказывании (вопросы теории и правоприменительной практики) // Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 108–113.
11. Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (1). С. 270–295.
12. Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 498 с.
13. Обидин К.В. О роли электронной информации в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 231–236.
14. Novak M. Digital Evidence in Criminal Cases Before the U.S. Courts of Appeal: Trends and Issues for Consideration // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2020. Vol. 14, № 4. Article 3. doi: 10.15394/jdfsl.2019.1609
15. Federal Rules of Criminal Procedure on December 26, 1944 (As amended to December 1, 2024) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre> (дата обращения: 23.06.2025).
16. Карташов И.И., Лесников О.А. Особенности получения и использования цифровой информации в уголовном судопроизводстве некоторых зарубежных стран // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 184–191.
17. Бирюков П.Н. О цифровых доказательствах в зарубежном уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 275–286.
18. Yeboah-Ofori A., Brown A.D. Digital forensics investigation jurisprudence: issues of admissibility of digital evidence // Journal of Forensic, Legal & Investigative Sciences. 2020. № 6 (1). P. 1–8.
19. Searching and Seizing Computers and Obtaining Electronic Evidence in Criminal Investigations. URL: https://www.justice.gov/d9/criminal-ccips/legacy/2015/01/14/ssmanual2009_002.pdf (дата обращения: 23.06.2025).
20. Prosecutors Won't Retry Father Whose Son Died in Hot Car // New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/25/us/georgia-hot-car-child-death-charges-dropped.html> (дата обращения: 02.04.2025).
21. Casey Anthony Trial: Did Cindy Anthony Really Search for Chloroform? // ABC News. URL: https://abcnews.go.com/US/casey_anthony_trial/casey-anthony-trial-cindy-anthony-search-chloroform/story?id=13981375 (дата обращения: 02.04.2025).
22. The Good Practice Guide for Computer Based Electronic Evidence [ACPO]. URL: https://www.7safe.com/docs/default-source/default-document-library/acpo_guidelines_comp_uter_evidence_v4_web.pdf (дата обращения: 23.06.2025).
23. Code de procédure pénale (Dernière mise à jour des données de ce code: 15 juin 2025). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 23.06.2025).
24. Белоносов В.О. Доказательства и доказывание по УПК Франции // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 4. С. 62–73.
25. Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 2 Absatz 1 des Gesetzes vom 7. November 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 351) geändert worden ist. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html> (дата обращения: 22.06.2025).
26. Доминик Б., Маттиас Я. Цифровые доказательства в немецком уголовном процессе на стадиях предварительного расследования, рассмотрения дела по существу и ревизии // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 4–18.
27. Indian Evidence Act, 1872. IEA India, Act No. 1 OF 1872. URL: <https://devgan.in/iea/> (дата обращения: 16.06.2025).
28. Popova E.I. Impact of Digital Technologies on Criminal Procedure in Russia and India: Comparative Legal Aspect // International Journal «Law in Changing World». 2023. Vol. 2, № 1. P. 52–65.
29. Provisions on Several Issues concerning the Collection, Taking, Examination, and Judgment of Electronic Data in the Handling of Criminal Cases (2016). URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/provision-on-collection-and-review-of-digital-information-in-criminal-cases/> (дата обращения: 02.04.2025).
30. Rules of Obtainment of Electronic Data as Evidence by Public Security Authorities in Handling Criminal Cases (2019). URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/Public-Security-Organ-for-Collecting-Electronic-Evidence-in-Criminal-Cases/> (дата обращения: 02.04.2025).
31. Guidelines for digital forensics first responder. Best practices for search and seizure of electronic and digital evidence. (2021). URL: [https://www.interpol.int/content/download/16243/file/Guidelines to Digital Forensics First Responders_V7.pdf](https://www.interpol.int/content/download/16243/file/Guidelines%20to%20Digital%20Forensics%20First%20Responders_V7.pdf) (дата обращения: 02.04.2025).
32. Collecting Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems: Monograph / editors S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.). Moscow: Publishing House «Gorodets», 2024. 224 p.
33. ENISA. Electronic evidence – a basic guide for First Responders. URL: https://syntheticdrugs.unodc.org/uploads/syntheticdrugs/res/library/cybercrime_html/Electronic_Evidence_A_Basic_Guide_for_First_Responders_ENISA.pdf (дата обращения: 02.04.2025).
34. Mifsud Bonnici J.P., Tudorica M., Cannataci J.A. The European Legal Framework on Electronic Evidence: Complex and in Need of Reform // Handling and Exchanging Electronic Evidence Across Europe. Law, Governance and Technology Series. 2018. Vol. 39. P. 189–235.
35. Regulation (EU) 2023/1543 on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:4682020> (дата обращения: 02.04.2025).
36. Directive (EU) 2023/1544 laying down harmonised rules on the designation of designated establishments and the appointment of legal representatives for the purpose of gathering electronic evidence in criminal proceedings. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:4682020> (дата обращения: 02.04.2025).
37. Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 83–94.
38. Задорожная В.А. Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 71–75.
39. Bruno de Vuyst and Alea Fairchild. 2006. The Phenix project: a case study of e-justice in Belgium // Proceedings of the 8th international conference on Electronic commerce: The new e-commerce: innovations for conquering current barriers, obstacles and limitations to conducting successful business on the internet (ICEC '06). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA. P. 327–333.

40. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB) on 13 November 1998. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 16.06.2025).
41. Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14, № 5. С. 4–22.
42. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
43. Валов С.В. Ресурсное обеспечение цифровой трансформации следственной деятельности // Российский следователь. 2023. № 3. С. 2–6.
44. Малышева О.А. Особенности доказывания, осуществляемого следователем, в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 82–88.
45. МакГиннис Д.О., Пирс Р.Дж. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 2. С. 1230–1250.
46. Виноградова Е.А. Технологии искусственного интеллекта и нарастающие киберугрозы в Латинской Америке // Латинская Америка. 2023. № 3. С. 34–48.
47. Чистилина Д.О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 705–710.
48. Byelov D., Bielova M., Rushchak I. Artificial Intelligence in Pre-Trial Investigation of Criminal Cases: Some Issues of International Practice // Analytical and Comparative Jurisprudence. 2025. P. 818–824.
49. Афанасьев А.Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 89–95.
50. Рамалданов Х.Х. Влияние информационных технологий на процесс доказывания в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7. С. 273–279.
51. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 281–308.
52. Алымов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю. Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 185–192. doi: 10.17223/15617793/506/23
53. Першин А.Н. Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 2 (78). С. 108–115.
54. Мичурина О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 65–68.
55. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 2. С. 481–497.
56. Спесивов Н.В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологии при отправлении правосудия по уголовным делам? // Lex Russica. 2023. № 2 (195). С. 81–90.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 g. № 309 «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (data obrashcheniya: 02.04.2025).
2. Ukaz Prezidenta RF ot 28.02.2024 g. № 145 «O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii» // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (data obrashcheniya: 02.04.2025).
3. Mironova YE.YU. Nравstvenn-yye nachala ugovnogo protsessa v usloviyakh tsifrovizatsii: printsipial'naya neizbezhnaya transformatsiya // Aktual'n-yye problemy rossiyskogo prava. 2023. № 1 (146). S. 136–149.
4. Lupinskaya P.A. Ugolovno-protsessual'noye pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma : INFRA-M, 2024. 1008 s.
5. Khimicheva O.V., Panfilov P.O. Izmeneniye ugovno-protsessual'noy formy v usloviyakh tsifrovizatsii: nov-yye riski i vozmozhnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 1. S. 158–164.
6. Zuyev S.V., Cherkasov V.S. Nov-yye pravila iz'yatiya elektronnykh nositeley i kopirovaniya informatsii (stat'ya 164.1 UPK RF): preimushchestva i nedostatki novelly // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. 2019. T. 16, № 2. S. 193–197.
7. Grishina YE.P. K voprosu ob ispol'zovanii elektronnykh dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve // Administrator suda. 2020. № 3. S. 31–34.
8. Abdulkarim F.A., Semenovskiy A.I. Otsenka tsifrovyykh dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: romano-germanskii i anglosaksonskii podkhody // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarn-yye nauki. 2025. T. 18, № 5. S. 906–915.
9. Voronin M.I. Elektronnyye dokazatel'stva v UPK: byt' ili ne byt'? // Lex russica. 2019. № 7 (152). S. 74–84.
10. Nechayev V.V., Prys' YE.V., Terenkov I.E. Organizatsionno-pravov-yye osnovy ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v ugovno-protsessual'nom dokazyvanii (voprosy teorii i pravoprimenitel'noy praktiki) // Kriminologicheskii zhurnal. 2023. № 4. S. 108–113.
11. Dmitriyeva A.A., Pastukhov P.S. Kontseptsiya elektronnoy dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (1). S. 270–295.
12. Churikova A.YU. Ispol'zovaniye informatsionnykh tekhnologiy i sistem v ugovnom sudoproizvodstve: vozmozhnosti, riski, pravovoye regulirovaniye : dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2024. 498 s.
13. Obidin K.V. O roli elektronnoy informatsii v ugovnom sudoproizvodstve v usloviyakh tsifrovizatsii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2020. № 10 (74). S. 231–236.
14. Novak M. Digital Evidence in Criminal Cases Before the U.S. Courts of Appeal: Trends and Issues for Consideration // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2020. Vol. 14, № 4. Article 3. doi: 10.15394/jdfls.2019.1609
15. Federal Rules of Criminal Procedure on December 26, 1944 (As amended to December 1, 2024) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre> (data obrashcheniya: 23.06.2025).
16. Kartashov I.I., Lesnikov O.A. Osobennosti polucheniya i ispol'zovaniya tsifrovoy informatsii v ugovnom sudoproizvodstve nekotorykh zarubezhnykh stran // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 4. S. 184–191.
17. Biryukov P.N. O tsifrovyykh dokazatel'stvakh v zarubezhnom ugovnom protsesse // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2022. № 1 (48). S. 275–286.
18. Yeboah-Ofori A., Brown A.D. Digital forensics investigation jurisprudence: issues of admissibility of digital evidence // Journal of Forensic, Legal & Investigative Sciences. 2020. № 6 (1). P. 1–8.
19. Searching and Seizing Computers and Obtaining Electronic Evidence in Criminal Investigations. URL: https://www.justice.gov/d9/criminal-ccips/legacy/2015/01/14/ssmanual2009_002.pdf (data obrashcheniya: 23.06.2025).
20. Prosecutors Won't Retry Father Whose Son Died in Hot Car // New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/25/us/georgia-hot-car-child-death-charges-dropped.html> (data obrashcheniya: 02.04.2025).

21. Casey Anthony Trial: Did Cindy Anthony Really Search for Chloroform? // ABC News. URL: https://abcnews.go.com/US/casey_anthony_trial/casey-anthony-trial-cindy-anthony-search-chloroform/story?id=13981375 (data obrashcheniya: 02.04.2025).
22. The Good Practice Guide for Computer Based Electronic Evidence [ACPO]. URL: https://www.7safe.com/docs/default-source/default-document-library/acpo_guidelines_comp_uter_evidence_v4_web.pdf (data obrashcheniya: 23.06.2025).
23. Code de procédure pénale (Dernière mise à jour des données de ce code: 15 juin 2025). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (data obrashcheniya: 23.06.2025).
24. Belonosov V.O. Dokazatel'stva i dokazyvaniye po UPK Frantsii // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. 2023. T. 9, № 4. S. 62–73.
25. Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 2 Absatz 1 des Gesetzes vom 7. November 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 351) geändert worden ist. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html> (data obrashcheniya: 22.06.2025).
26. Dominik B., Mattias Y.A. Tsifrovyye dokazatel'stva v nemetskom ugolovnom protsesse na stadiyakh predvaritel'nogo rassledovaniya, rassmotreniya dela po sushchestvu i revizii // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. 2020. № 3. S. 4–18.
27. Indian Evidence Act, 1872. IEA India, Act No. 1 OF 1872. URL: <https://devgan.in/iea/> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
28. Popova E.I. Impact of Digital Technologies on Criminal Procedure in Russia and India: Comparative Legal Aspect // International Journal «Law in Changing World». 2023. Vol. 2, № 1. P. 52–65.
29. Provisions on Several Issues concerning the Collection, Taking, Examination, and Judgment of Electronic Data in the Handling of Criminal Cases (2016). URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/provision-on-collection-and-review-of-digital-information-in-criminal-cases/> (data obrashcheniya: 02.04.2025).
30. Rules of Obtainment of Electronic Data as Evidence by Public Security Authorities in Handling Criminal Cases (2019). URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/Public-Security-Organs-for-Collecting-Electronic-Evidence-in-Criminal-Cases/> (data obrashcheniya: 02.04.2025).
31. Guidelines for digital forensics first responder. Best practices for search and seizure of electronic and digital evidence. (2021). URL: [https://www.interpol.int/content/download/16243/file/Guidelines to Digital Forensics First Responders_V7.pdf](https://www.interpol.int/content/download/16243/file/Guidelines%20to%20Digital%20Forensics%20First%20Responders_V7.pdf) (data obrashcheniya: 02.04.2025).
32. Collecting Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems: Monograph / editors S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.). Moscow : Publishing House «Gorodets», 2024. 224 p.
33. ENISA. Electronic evidence – a basic guide for First Responders. URL https://syntheticdrugs.unodc.org/uploads/syntheticdrugs/res/library/cybercrime_html/Electronic_Evidence_A_Basic_Guide_for_First_Responders_ENISA.pdf (data obrashcheniya: 02.04.2025).
34. Mifsud Bonnici J.P., Tudorica M., Cannataci J.A. The European Legal Framework on Electronic Evidence: Complex and in Need of Reform // Handling and Exchanging Electronic Evidence Across Europe. Law, Governance and Technology Series. 2018. Vol. 39. P. 189–235.
35. Regulation (EU) 2023/1543 on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:4682020> (data obrashcheniya: 02.04.2025).
36. Directive (EU) 2023/1544 laying down harmonised rules on the designation of designated establishments and the appointment of legal representatives for the purpose of gathering electronic evidence in criminal proceedings. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:4682020> (data obrashcheniya: 02.04.2025).
37. Zuyev S.V., Morugina N.A. Elektronnoye ugolovnoye delo: teoreticheskaya model' // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15, № 3 (57). S. 83–94.
38. Zadorozhnaya V.A. Proizvodstvo po ugolovnomu delu v elektronnom formate po zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 4 (19). S. 71–75.
39. Bruno de Vuyst and Alea Fairchild. 2006. The Phenix project: a case study of e-justice in Belgium // Proceedings of the 8th international conference on Electronic commerce: The new e-commerce: innovations for conquering current barriers, obstacles and limitations to conducting successful business on the internet (ICEC '06). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA. P. 327–333.
40. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB) on 13 November 1998. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (data obrashcheniya: 16.06.2025).
41. Stepanov O.A., Pechegin D.A., D'yakonova M.O. K voprosu o tsifrovizatsii sudebnoy deyatel'nosti // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2021. T. 14, № 5. S. 4–22.
42. Kachalova O.V., Tsvetkov YU.A. Elektronnoye ugolovnoye delo – instrument modernizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva // Rossiyskoye pravosudiye. 2015. № 2. S. 95–101.
43. Valov S.V. Resurnoye obespecheniye tsifrovoy transformatsii sledstvennoy deyatel'nosti // Rossiyskiy sledovatel'. 2023. № 3. S. 2–6.
44. Malysheva O.A. Osobennosti dokazyvaniya, osushchestvlyayemogo sledovatelem, v usloviyakh tsifrovizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2020. № 10 (74). S. 82–88.
45. MaKGinnis D.O., Pirs R.Dzh. Velikiy podryv: kak iskusstvennyy intellekt menyayet rol' yuristov v okazanii yuridicheskikh uslug // Aktual'n-yye problemy ekonomiki i prava. 2019. T. 13, № 2. S. 1230–1250.
46. Vinogradova YE.A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta i narastayushchiye kiberugrozy v Latinskoj Amerike // Latinskaya Amerika. 2023. № 3. S. 34–48.
47. Chistilina D.O. Ispolzovaniye vozmozhnostey iskusstvennogo intellekta v ugolovnom protsesse // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya ekonomika i pravo. 2021. T. 31, № 4. S. 705–710.
48. Byelov D., Bielova M., Rushchak I. Artificial Intelligence in Pre-Trial Investigation of Criminal Cases: Some Issues of International Practice // Analytical and Comparative Jurisprudence. 2025. P. 818–824.
49. Afanas'yev A.YU. Sistemy iskusstvennogo intellekta v mekhanizme ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 1 (49). S. 89–95.
50. Ramaldanov KH.KH. Vliyaniye informatsionnykh tekhnologiy na protsess dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2023. № 7. S. 273–279.
51. Zaytsev O.A., Pastukhov P.S. Tsifrovoy profil' litsa kak element informatsionno-tekhnologicheskoy strategii rassledovaniya prestupleniy // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. 2022. № 56. S. 281–308.
52. Alymov D.V., Balashov K.G., Deriglazova A.YU. Kriminalisticheskaya kharakteristika tipovykh sledov prestupnika, osushchestvlyayushchego kriminal'nuyu deyatel'nost' v virtual'nom prostranstve (na primere dropovodov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 506. S. 185–192. doi: 10.17223/15617793/506/23
53. Pershin A.N. Tsifrovyye prava lits, osushchestvlyayushchikh predvaritel'noye rassledovaniye // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2021. № 2 (78). S. 108–115.
54. Michurina O.V. Iskustvennyy intellekt protiv vnutrennego ubezhdeniya: vzglyad v budushcheye ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3. S. 65–68.
55. Spiridonov M.S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v ugolovno-protsessual'nom dokazyvanii // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1. № 2. S. 481–497.
56. Spesivov N.V. Ot fantasticheskikh teoriy k ob'yektivnoy real'nosti: yest' li budushcheye u iskusstvennogo intellekta i prediktivnykh tekhnologiy pri otpravlenii pravosudiya po ugolovnym delam? // Lex Russica. 2023. № 2 (195). S. 81–90.

Информация об авторах:

Рябинина Т.К. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: tatyana.kimovna-r@yandex.ru

Чистилина Д.О. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Ряполова Я.П. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: yaroslava@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.K. Ryabinina, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: tatyana.kimovna-r@yandex.ru

D.O. Chistilina, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Ya.P. Ryapolova, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: yaroslava@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.04.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 17.04.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 347.4
doi: 10.17223/15617793/516/26

О значении субъективной обязанности должника в правовой конструкции гражданско-правового обязательства

Сергей Константинович Соломин^{1, 2}, Наталья Геннадьевна Соломина^{3, 4}

^{1, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

^{2, 4} Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

^{1, 2} sksolomin@mail.ru

^{3, 4} ngsolomina@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи подводят теоретическое обоснование под догматический подход к пониманию гражданско-правового обязательства. Доказывается, что гражданско-правовое обязательство может восприниматься исключительно в качестве простой правовой связи, в рамках которой первостепенное значение придается обязанности должника, что отражает глубокий смысл специфики перераспределения материальных благ между участниками гражданского оборота.

Ключевые слова: обязательство, должник, кредитор, субъективное право, субъективная обязанность, правовая связь, перевод долга, прощение долга

Для цитирования: Соломин С.К., Соломина Н.Г. О значении субъективной обязанности должника в правовой конструкции гражданско-правового обязательства // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 237–246. doi: 10.17223/15617793/516/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/26

On the meaning of the subjective obligation of the debtor in the legal structure of a civil obligation

S.K. Solomin^{1, 2}, N.G. Solomina^{3, 4}

^{1, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

^{2, 4} Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

^{1, 2} sksolomin@mail.ru

^{3, 4} ngsolomina@mail.ru

Abstract. The concept of an obligation changed with the development of society and the state: from a primitive perception of an obligation as a personal connection between a creditor and a debtor, when the power of the former extended to the personality of the debtor, to the perception of an obligation as a simple legal connection consisting of a subjective obligation and a corresponding subjective right. Despite the fact that the essence of an obligation is quite correctly reflected in positive law, it is not necessary to insist that the legislator managed to include all of its essential features in the definitive norm of an obligation. The purpose of this work is to understand the essence of an obligation through the prism of studying the legal connection between the subjective obligation of the debtor and the subjective right of the creditor. To achieve this, it was necessary to study the development of domestic scientific thought on the obligation, taking into account the state of the legislation in force in the relevant period of time. The methodological basis of the study was formed by the general scientific dialectical method of cognition, universal scientific methods (systemic, functional, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction), as well as special legal methods (historical and legal method, formal-logical method of interpreting law, method of legal modeling) used both at the empirical and theoretical levels. The analysis of civilistic thought on the essence of obligation in the context of two centuries of its development made it possible to identify two main approaches to the construction of a civil-law obligation: (1) the concept of "obligation as a right to someone else's action"; (2) the concept of "obligation as a debt". In the course of the study, it was established that the dogmatic approach to the perception of obligation through the concept of "obligation as a debt", when the fulfillment of the obligation by the debtor comes to the fore, reflects the deep meaning of the specifics of the redistribution of material goods between specific persons. The authors have proven that one of the key features of such redistribution is the debtor's awareness that any debt requires its repayment (the presence of a moral obligation). This makes any obligation potentially enforceable. As a result, the authors came to the key conclusion that an obligation is a simple legal connection - a connection between a subjective obligation and the corresponding subjective right. Such a legal connection, characterizing only one specific obligation, is unique, which allows us to single out the desired obligation from the entire set of legal relations existing between subjects of civil law.
Keywords: obligation, debtor, creditor, subjective right, subjective obligation, legal connection, transfer of debt, debt forgiveness

For citation: Solomin, S.K. & Solomina, N.G. (2025) On the meaning of the subjective obligation of the debtor in the legal structure of a civil obligation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 237–246. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/26

Во всем многообразии гражданско-правовых отношений, несомненно, выделяются обязательства. И дело не только в том, что на них приходится значительная доля всех возникающих в частной сфере правоотношений. Через призму динамики обязательств формируется представление о действии общих законов экономики, связанных с движением стоимости и получением прибавочного продукта. И в этом смысле обязательства отношения противопоставляются вещным, по отношению к которым они носят вторичный (производный) характер.

Формулировка п. 1 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не позволяет раскрыть сущность обязательства как правового явления, поскольку в этой норме дефинитивного характера закреплены основные, но далеко не все признаки исследуемого понятия. В идеале содержание обязательства как категории права (то есть знания застывшего в норме права) не должно отличаться от содержания обязательства как правовой категории, выступающей познавательным образом соответствующего правового явления. Сложность, связанная с закреплением того или иного правового понятия в нормах права заключается в том, что используемые для этого законодателем юридико-технические приемы не всегда позволяют отразить сущность соответствующего явления с учетом общих законов взаимодействия базиса и правовой надстройки. Поэтому при квалификации отношения, когда таковое примеряется на ту или иную закрепленную в законе конструкцию, немаловажное значение имеет уровень теоретической подготовки правоведа, осуществляющего такую квалификацию. Последний должен иметь представления о характере отношений, предопределивших формирование этой конструкции в правовой надстройке.

Вообще экономическую суть любого обязательства следует воспринимать в качестве отношения, в рамках которого происходит движение стоимости от одного лица к другому, приводящее к перераспределению между ними тех или иных материальных благ. Такое перераспределение обусловлено наличием интереса одного из участников в имущественном обогащении (в регулятивной сфере) или в восстановлении имущественного положения (в охранительной сфере), что невозможно в отсутствие активного действия со стороны другого участника, направленного на то или иное материальное благо. Действие последнего, облеченное в правовую конструкцию «объект обязательства», становится осязаемым за счет возложения на него обязанности совершить такое действие и наделяния его контрагента субъективным правом требовать совершения соответствующего действия. Именно поэтому лишь в отношении обязательств (в отличие от иных видов гражданско-правовых отношений) используется специальная терминология: «субъективное право имеет право требования, а обязанность – долг»;

управомоченный – кредитором, а обязанный – должником» [1. С. 7]. При этом в отсутствие активного действия обязанной стороны (действия, направленного на то или иное материальное благо) невозможно удовлетворить имущественный интерес управомоченной стороны (интерес в получении материального блага), что выдвигает на первый план в обязательственной правовой связи именно субъективную обязанность (долг), а не субъективное право (право требования). Возможно, именно по этой причине еще разработчики Проекта Гражданского Уложения 1899 г. при оформлении определения понятия обязательства оставили в нем лишь указание на то, что таковое есть *обязанность* одного лица совершить известное действие в пользу другого лица. Они не видели потребности в указании на то, что обязательство представляет собой правоотношение, «ибо если обязательство есть законная обязанность одного лица в пользу другого с соответствующим ей правом требования на стороне верителя, то отсюда само собой следует, что оно есть юридическое отношение» [2. С. 9].

Действительно ли так важно определиться с тем, что в конструкции гражданско-правового обязательства является первичным – право требования кредитора или обязанность должника? Ведь в действительности обязательство всегда будет рассматриваться как правовая связь между субъективным правом кредитора и субъективной обязанностью должника. На что может повлиять та или иная расстановка этих элементов в данной правовой связи? Что изменится, если вместо выражения «субъективной обязанности должника соответствует субъективное право кредитора» использовать смысловую конструкцию – «субъективному праву кредитора соответствует субъектная обязанность должника»?

Как правило, правоведы редко задумываются над ответами на поставленные вопросы. А те из них, кто в принципе не исключал возможности различного оформления содержания понятия гражданско-правового обязательства (то есть либо через право требования кредитора, либо через обязанность должника), указывают на то, что по большому счету разницы от этого никакой нет [3. С. 14]. С таким утверждением нельзя согласиться. Выбор в пользу приоритета субъективного права или субъективной обязанности в правовой конструкции обязательства имеет, на наш взгляд, принципиальное значение не только с точки зрения цивилистической доктрины, но и с позиции формирования позитивного права и правоприменительной практики.

Несмотря на то, что развитие отечественной правовой доктрины начиная со второй половины XVIII века находилось под большим влиянием научных воззрений представителей правовых школ Западной Европы [4], отечественные цивилисты не стремились копировать иностранные правовые конструкции. Это касается

в том числе и определения обязательства, содержащегося в Проекте Гражданского Уложения 1899 г. и являющегося результатом кропотливой работы отдельных российских правоведов с учетом накопившихся к тому времени знаний об обязательстве. Так, согласно статье 1 (Книга 5. Том 1) указанного проекта «обязательством именуется законная обязанность одного лица к передаче имущества или к совершению либо несовершению иного действия в пользу другого лица». В данном определении четко просматривается подход к построению правовой конструкции обязательства через обязанность что-либо исполнить, который в свое время был заложен еще в Своде Законов Российской империи 1832 г. (ст. 569 Том X): «всякий договор и всякое обязательство, правильно составленные, налагают на договаривающихся обязанность их исполнить»¹. Праву требования в Своде Законов Российской империи отводилась второстепенная роль. О нем речь шла лишь в случае дефекта динамики обязательства: «Всякий договор и всякое обязательство, в случае неисполнения, производят право требовать от лица обязавшегося удовлетворения во всем, что поставлено в оных» (ст. 570 Том X).

Что касается отечественной цивилистической доктрины, то первые очертания того, что впоследствии будет названо обязательством, усматриваются в работе В.Г. Кукольника «Российское частное гражданское право», писавшего об обязанности, которая может возникнуть в результате совершения как позвольительных (договоров и контрактов), так и непозвольительных (преступлений и проступков) действий. Такая обязанность воспринималась им в качестве нравственной необходимости, налагаемой законом на конкретное лицо, чтобы это лицо в итоге соотносило с ним свои свободные действия [5. С. 281]. В данном подходе внимание привлекает то, что В.Г. Кукольник ведет речь о последствиях проявления тех или иных жизненных обстоятельств (договоров, контрактов, преступлений, проступков) исключительно в контексте возникновения обязанности, исполнение которой обеспечено законом. Впоследствии именно данная идея будет воспроизведена в Проекте Гражданского Уложения 1899 г., но, к сожалению, останется незамеченной большинством отечественных теоретиков гражданского права второй половины XIX – начала XX столетий.

В наиболее завершенной форме представление об обязательстве встречается в работе Д.И. Мейера. Обязательство рассматривалось им как «юридическое отношение, в котором одному лицу принадлежит право на действие другого лица» [6. С. 391]. Не трудно заметить, что в таком подходе на первый план выдвигается право требования. Это объяснялось тем, что «лицо, которому принадлежит право на действие другого, вправе подчинять это действие своему господству, т.е. вправе требовать, чтобы действие было совершено» [6. С. 391]. Здесь явно прослеживается влияние германской исторической школы: в свое время Ф.К. Савиньи определил, что «обязательство состоит в господстве над чужим лицом, но не над всем лицом (иначе оно вело бы к уничтожению личности), а только над оди-

ночными его действиями» [7. С. 48]. Что касается учения Д.И. Мейера об обязательстве, то оно полностью пропитано представлением об обязательстве как праве на чужое действие [6. С. 411].

Аналогичный подход к пониманию существа обязательства можно встретить и в работе С.В. Пахмана «Обычное гражданское право в России» [8. С. 65], написанной им за несколько лет до начала работы над Проектом Гражданского Уложения Российской империи. Однако, в Проекте Гражданского Уложения 1899 г., как уже было отмечено, обязательство раскрывалось не за счет права требования кредитора, а за счет обязанности должника совершить определенное действие. Такой подход впоследствии был воспринят лишь И.А. Покровским, писавшим о том, что общим назначением обязательства «является установление известного отношения между двумя лицами, в силу которого одно из них (должник) делается обязанным к известному специальному поведению (действию или бездействию) по адресу другого (кредитора)» [9. С. 226]. В связи с этим любое обязательство характеризовалось И.А. Покровским как некое специальное должностное (долг). Ничего подобного мы не найдем в работах других правоведов того времени. Так, например, В.И. Синайский воспринимал обязательство как право на действие должника [10. С. 3]. Г.Ф. Шершеневич под обязательством понимал «такое юридическое отношение, из которого обнаруживается право одного лица на известное действие другого определенного лица» [11. С. 395]. И.М. Тютрюмов писал о том, что «обязательством называется юридическое отношение, в котором одной стороне (верителю или кредитору) принадлежит право требовать от другой (должника) исполнения какого-либо действия» [12. С. 222]. В качестве имущественного права обязательство воспринимал и А.М. Гуляев [13. С. 316], отмечая, что «обязательство есть связь между двумя или несколькими лицами, в силу которого одно лицо – должник – мерами юридическими принуждается к исполнению требования другого лица – верителя, кредитора» [13. С. 312].

Как видим, на начало XX столетия в цивилистической доктрине отчетливо прослеживался уклон в сторону восприятия обязательства через призму права требования кредитора (права на чужое действие). Такое единодушие в отношении существа гражданско-правового обязательства отразилось и на первой кодификации гражданского законодательства XX столетия. Разработчики проекта ГК РСФСР 1922 г. склонились в пользу концепции восприятия обязательства как права на чужое действие, что в итоге нашло отражение в норме ст. 107 ГК РСФСР 1922 г.², гласившей: «в силу обязательства одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) определенного действия, в частности передачи вещей или уплаты денег либо воздержания от действия». Правда, с развитием цивилистического учения об обязательстве исследователи вновь стали возвращаться к уяснению существа обязательства через призму исполнения обязанности совершить определенное действие. И уже все последующие

кодификации, начиная с Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.³ и заканчивая Гражданским кодексом РФ, определяли понятие обязательства следующим образом: «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие...».

Изложенное выше позволяет выделить два основных подхода к построению гражданско-правового обязательства: (1) концепция «обязательство как право на чужое действие», в которой на первом месте в конструкции обязательства стоит право требования кредитора; (2) концепция «обязательство как долг», в рамках которой приоритет имеет обязанность должника совершить определенное действие.

Восприятие обязательства как право на чужое действие подразумевает, что воля кредитора распространяется на все это обязательство: только кредитор может решить, быть обязательству или не быть. Соответственно, обладая правом требования, кредитор выражением своей воли вовне может погасить это право требования, что одновременно приведет и к прекращению обязательства. В принципе, именно об этом говорилось на страницах юридических изданий дореволюционного периода. Так, например, А.М. Гуляев писал: «Так как всякое обязательство создает для кредитора право требования, то кредитор может распорядиться этим своим правом и в таком направлении, что отказывается от юридической возможности его осуществления» [13. С. 366]. В.И. Синайский отмечал, что отказ от обязательства может быть выражен кредитором путем его отречения от своего обязательственного права, которое не требует согласия должника [10. С. 81]. Аналогичные суждения высказывали и другие правоведы, что в то время полностью соответствовало нормативной установке статьи 1547 Тома X (Книга 4. Раздел I) Свода Законов Российской империи 1832 г. При этом некоторые правоведы при изложении своего теоретического материала дословно воспроизводили указанную норму. Так, в частности, поступил Г.Ф. Шершеневич, писавший о том, что: «Если сторона, имеющая по договору право требовать исполнения, отступится добровольно от своего права в целом договоре или в части, тогда действие договора в целом его составе или в части прекращается» [11. С. 444]. Кстати, именно данный нормативный подход был поддержан и разработчиками Проекта Гражданского Уложения 1899 г., определивших: «веритель вправе отказаться, полностью или в части, от принадлежащего ему требования» (ст. 165 Книга 5. Том 1). Такая позиция аргументировалась следующим тезисом: «если только права третьих лиц не нарушаются сложением долга, то нет практической надобности непременно требовать, чтобы отказ верителя от требования имел обязательную силу лишь в случае принятия его должником» [2. С. 346].

Таким образом, если транслируемая большинством правоведов того времени точка зрения, допускающая возможность погашения обязательства в силу волевого (одностороннего) акта кредитора, полностью соответствовала их представлениям об обязательстве через

концепцию «обязательство как право на чужое действие», то на уровне положений Проекта Гражданского Уложения 1899 г. наблюдалось явное противоречие: допуская возможность погашения права требования в отсутствие согласия должника, разработчики проекта, тем не менее, однозначно закрепили приоритет обязанности должника в конструкции гражданско-правового обязательства (ст. 1 Книга 5. Том 1), что соответствует концепции «обязательство как долг», с которой в принципе не согласуется идея, допускающая возможность погашения права требования кредитора без учета воли должника.

Правда, на страницах юридической литературы все-таки нашлось место обоснованию тезиса о необходимости получения согласия должника при отказе кредитора от своего права требования. Так, Д.И. Мейер, вопреки законодательному подходу того времени, определял, что одностороннее отступление верителя (отречение) имеет значение дара (веритель прощает долг), а само действие рассматривается как дарение. Необходимость получения согласия должника на прощение долга правовед объяснил очень убедительно: «насколько вообще существенно для действительности дарения принятие дара, настолько же и для прощения долга существенно согласие должника» [6. С. 669]. Таким образом, Д.И. Мейер проводил параллель между дарением и прощением долга. Через несколько десятилетий его высказывание будет материализовано в ст. 243 (Книга 5. Том 1) Проекта Гражданского Уложения 1899 г., предусматривающей, что дарение может заключаться в отчуждении или установлении права, *в отказе от права* или в принятии дарителем на себя обязательства. В этой связи не понятна позиция правоведов, которые в начале XX столетия в своих работах даже не предпринимали попыток усмотреть договорную основу в «отказе от права» («прощении долга»), равно как не понятна логика разработчиков Проекта Гражданского Уложения 1899 г., которые, с одной стороны, завели возможность отказа от права в конструкцию договора дарения (ст. 243), а с другой – допускали отказ верителя (кредитора) от права требования без согласия должника (ст. 165).

С введением в действие ГК РСФСР 1922 г. концепция «обязательство как право на чужое действие» приобрела догматический характер. При этом данный кодифицированный акт не знал такого основания прекращения обязательства как прощение долга, а непосредственно сам договор дарения, что соответствовало общему смыслу ст. 138 ГК РСФСР 1922 г., сводился лишь к безвозмездной передаче имущества. Поэтому сам закон в то время не давал прямого ответа на вопрос о допустимости отказа от права требования, совершенного в силу одностороннего волеизъявления кредитора. Только на страницах юридических изданий можно встретить взаимоисключающие высказывания: например, если М.М. Агарков утверждал, что кредитор имеет право освободить должника от обязанности без согласия последнего [14. С. 24], то Л.А. Лунц, напротив, исключал такую возможность, утверждая, что «прекращение обязательств односторонним волеизъ-

явлением кредитора или должника вообще не допускается» [15. С. 412]. Последнее утверждение в итоге получило закрепление в рамках статьи 233 ГК РСФСР 1964 года⁴. Правда, это следует не из буквального толкования нормы указанной статьи, а выводится из ее смысла. Сама же норма предусматривала, что «обязательство прекращается соглашением сторон». К частному случаю такого соглашения в то время цивилистическая доктрина относилась соглашение сторон об освобождении от долга [16. С. 425] (соглашение о сложении долга [17. С. 539; 1. С. 193]), что поставило, пусть и не жирную, но все же точку в уяснении сущности действия кредитора, направленного на отказ от права требования. На аналогичной позиции стоит и современная цивилистическая доктрина [18. С. 326; 19], основанная на толковании положений ст. 415 ГК РФ.

Правда, утверждать, что в действующем Гражданском кодексе РФ последовательно проводится концепция «обязательство как долг» не приходится. В результате совершенствования (реформирования) гражданского законодательства его содержание раздирают внутренние противоречия⁵. Примером тому служат нормы о переводе долга (ст. 391 ГК РФ): если классическая модель перевода долга, которая полностью согласуется с подходом восприятия обязательства через концепцию «обязательство как долг», предполагает соглашение первоначального должника и нового должника (для совершения которого требуется согласие кредитора), то с некоторых пор (а точнее с 01 июля 2014 г.) для замены первоначального должника новым в обязательстве, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, достаточно соглашения кредитора и нового должника. Ни о какой необходимости получения согласия первоначального должника применительно к последнему соглашению в законе речи не идет. Из смысла норм ст. 391 ГК РФ следует, что ни кредитора, ни нового должника не интересует мнение первоначального должника: вопрос несения бремени решается соглашением, но таким, в котором первоначальный должник не участвует. Естественно, возникает риторический вопрос, как законодатель в принципе допустил ситуацию, когда третье лицо (новый должник) без учета воли первоначального должника вклинивается в межсубъектную связь, в которой не принимает участие?

Данный пример приведен лишь с одной целью – показать, что обновленный Гражданский кодекс РФ содержит положения, основанные на восприятии обязательства через концепцию «обязательство как право на чужое действие». Ведь очевидно, что в приведенном примере первоначальный должник вытесняется из процесса перевода долга лишь по той причине, что кредитор рассматривается как лицо, осуществляющее полное господство над действиями первоначального должника. Однако такое недопустимо хотя бы потому, что те времена, когда это было приемлемо уже давно прошли. И здесь нельзя оправдаться отсылкой к крылатому выражению «все новое – это хорошо забытое старое», ведь правовые нормы не возникают сами по себе, они являются отражением состояния отношений экономического базиса.

Согласимся с тем, что одна и та же правовая конструкция обязательства (но не само правовое понятие обязательства) с позиции развития правового регулирования общественных отношений может быть закреплена в правовых источниках различной периодизации действия. Так, в принципе и получилось с правовой конструкцией обязательства, закреплённой в п. 1 ст. 307 ГК РФ (когда на первый план выходит обязанность должника совершить определенное действие), если рассматривать ее применение, например, через призму кодификаций отечественного гражданского законодательства, начиная с Основ гражданского законодательства 1961 г. Однако важно понимать, что само понятие обязательства не является единым для всех времен и народов. Выступая результатом познавательной деятельности соответствующего явления реальной правовой действительности, обязательство как правовое понятие является исключительным (т.е. является таковым только «здесь и сейчас»). Правда, здесь надо сделать одну принципиальную оговорку: те особенности общественных отношений, которые оказывали влияние на формирование понятия обязательства (в качестве родового понятия), по крайней мере, на протяжении последних двух столетий развития нашего государства, являются сходными – эти отношения связаны с перераспределением материальных благ между конкретными участниками гражданского оборота в условиях его нормального развития. И здесь нет места (как это было в древнем праве) восприятию обязательства, когда его содержание сводилось исключительно к установлению обязательных частных штрафов, как реакции на противоправное поведение. И, как писал И.А. Покровский, именно в таких случаях власть кредитора простиралась на личность должника [9. С. 228]. Но даже в тот момент (а он у разных народов отличается), когда обязательства из деликтной сферы получили признание в сфере регулятивной (например, в виде древнейшего римского обязательства формального займа), эти обязательства еще долго воспринимались через призму «власти кредитора над личностью должника». О таких обязательствах И.А. Покровский писал, как о примитивных обязательствах, воспринимаемых как «чисто личная связь между кредитором и должником, в силу которой последний является ответственным, “обремененным” первому» [9. С. 229], что исключало саму идею имущественного взыскания при неисправности должника. «Быть должником значило <...> быть “обремененным” власти, произволу кредитора», что, по мнению правоведа, составляло основное содержание всякого обязательства того времени [9. С. 229–230].

Только с уничтожением личной ответственности должника при его неисправности меняется сущность обязательства: «на первый план выступает имущественная сторона»; «договор делается живым фактором имущественного общения»; «личность должника исчезает за имуществом и, если еще сохраняет значение, то почти лишь как центр, вокруг которого стягивается подлежащее ответственности имущество» [9. С. 230–231]. В этих условиях, как писал И.А. Покровский, целью обязательства становится «получение известной имущественной ценности от должника, и под

влиянием этой преобладающей цели вырабатываются формы для такого имущественного взыскания» [9. С. 231], в качестве которых выступают возмещение убытков и исполнение обязательства в натуре.

Но где же та отправная точка, после которой можно судить о том, что в законодательстве утвердился подход к восприятию обязательства как имущественного отношения? Таковой с позиции формальной догматики выступает момент, когда закон признал за правом требования кредитора качество объекта, способного к обороту: в этот момент обязательство как личная связь кредитора и должника, пропитанная, как писал И.А. Покровский, «эмоциональным элементом», уступило место обязательству как имущественному отношению, в котором интерес кредитора может быть удовлетворен исключительно за счет имущественного предоставления со стороны должника. И, естественно, основным примером вовлечения права требования в гражданский оборот выступает механизм уступки права требования, который полностью очистил обязательство от личной связи двух лиц (кредитора и должника). С этого момента необходимо вести речь о восприятии обязательства через призму имущественного долга, когда исполнение последнего обеспечено ни какой-либо карательной функцией закона (в таком случае мы вновь возвращаемся в положение «личной ответственности должника»), а нравственной обязанностью должника, в основе которой лежит осознание должником недопустимости обогащения за счет своего недобросовестного, а равно неправомерного поведения.

Через данный постулат раскрывается суть концепции «обязательство как долг». При этом не следует смешивать «нравственную обязанность» и «имущественную обязанность (долг)»: если последняя составляет содержание обязательства (наряду с правом требования кредитора), то первая характеризует правовой статус лица, выступающего на стороне должника в обязательстве. У данного постулата есть и обратная сторона: должник, неся бремя нравственной обязанности, должен быть уверен в ее неприкосновенности в том смысле, что только он в пределах предоставленного ему масштаба добросовестного поведения может определять способ исполнения обязательства. Любые посягательства третьих лиц на указанный нравственный аспект исполнения обязательства недопустимы. В противном случае это приведет к уничтожению должника как субъекта гражданского права (непризнанию его правосубъектности) в рамках динамики конкретного обязательства. К сожалению, именно так поступил законодатель в рамках статьи 391 ГК РФ, допустив возможность исключения первоначального должника из динамики обязательства на основе соглашения кредитора и нового должника, реанимировав концепцию «обязательство как право на чужое действие». Однако, чтобы осознать ущербность данного подхода достаточно понять, что концепция «обязательство как право на чужое действие» в своей гипертрофированной форме выступает прообразом восприятия обязательства как «право на личность должника».

Конечно же исключение первоначального должника из динамики обязательства несопоставимо с действиями, которые мог совершить кредитор в древнем

праве (например, убить неисправного должника или продать его). Но не об этом мы хотим сказать, когда указываем на то, что законодатель использует недопустимые средства правового регулирования обязательственных отношений. В условиях цивилизованного гражданского оборота игнорирование должника как его равноправного участника, пусть даже, если такое игнорирование приведет к его имущественной выгоде, вступает в противоречие с основными началами гражданского законодательства и целями правового регулирования обязательственных отношений.

Таким образом, догматический подход к восприятию обязательства через концепцию «обязательство как долг», отраженный в норме пункта 1 ст. 307 ГК РФ, когда на первый план выходит именно исполнение обязанности должником⁶, отражает глубокий смысл специфики перераспределения материальных благ между конкретными лицами: во-первых, в условиях нормального развития гражданского оборота стороны обязательства, учитывая законные интересы друг друга, руководствуются только тем набором стандартов добросовестного поведения, который приведет к достижению цели обязательства; во-вторых, достижение этой цели немыслимо в отсутствие необходимой имущественной составляющей на стороне должника, а значит кредитор заинтересован не столько в личности должника, сколько в его имущественном состоянии; в-третьих, только осознание должником того, что любой долг требует его погашения (наличие нравственной обязанности), делает любое обязательство потенциально исполнимым; в-четвертых, даже в ситуации неисправности должника обязательство остается потенциально исполнимым, однако такое исполнение по причине отсутствия добросовестности на стороне должника (пренебрежения нравственной обязанностью) становится возможным в силу принуждения, носящее имущественный характер.

В обозначенной модели обязательственного правоотношения нет места личной связи кредитора и должника, что позволяет критически оценить высказанное в цивилистической доктрине суждение о том, что «в наиболее элементарном виде обязательство представляет собой правовую связь двух сторон, из которых одна наделена правом, а другая несет обязанность» [20. С. 461]⁷. Обязательство может восприниматься исключительно через призму простой правовой связи, состоящей из одной субъективной обязанности и корреспондирующей этой обязанности субъективного права. И если в этой правовой связи возникает потребность учета личности кредитора или должника, то речь, естественно, не идет о том примитивном восприятии сущности обязательства, о котором в начале прошлого столетия писал И.А. Покровский. Речь идет о частных случаях ограничения развития обязательства, когда либо субъективное право, либо субъективная обязанность имеют тесную (неразрывную) связь с личностью одной из сторон обязательства.

Так, в контексте недопустимости перехода прав к другим лицам закон выделяет случай, когда субъективное право неразрывно связано с личностью кредитора (ст. 383 ГК РФ); в контексте ограничения цессии, когда

таковая допускается лишь с согласия должника, закон выделяет случай, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника (п. 2 ст. 388 ГК РФ). В каждом из этих случаев речь идет об обязанности, исполнение которой предназначено исключительно для конкретного кредитора. Заметим, что подобная связь (связь между субъективной обязанностью и личностью кредитора) имеет значение не только в механизме перемены лиц в обязательстве на стороне кредитора, но и в механизме прекращения обязательства (ст. 418 ГК РФ), когда такое обязательство неразрывно связано с личностью кредитора (в частности, когда исполнение предназначено лично для кредитора). Наличие такой связи погашает обязательство в случае смерти кредитора-гражданина, равно как погашает обязательство и смерть должника-гражданина в случае неразрывной связи обязательства с личностью должника (в частности, когда исполнение обязанности не может быть произведено без его личного участия). Все обозначенные случаи объединяет одно – они раскрывают суть обязательства строго личного характера (строго личного обязательства). При этом правовая конструкция строго личного обязательства несколько не подрывает состоятельность концепции «обязательство как долг», а, напротив, отражает одну из сторон ее проявления, оставляя неизменной идею о первичности субъективной обязанности в структуре обязательственной правовой связи.

Примеров правовых моделей и механизмов, которые наглядно демонстрируют реализацию концепции «обязательство как долг» на уровне позитивного права, немало. И в первую очередь, это касается положений об исполнении обязательства (глава 22 ГК РФ), что позволяет сделать еще один немаловажный вывод: реализация принципа надлежащего исполнения обязательства через все его элементы стала возможной исключительно благодаря восприятию обязательства через концепцию «обязательство как долг», что, в свою очередь, позволило сформировать цельную модель масштаба добросовестного поведения должника в динамике обязательства. Так, например, в отношении обязательства, срок исполнения которого не определен (пункт 2 ст. 314 ГК РФ), в ситуации, когда кредитор в разумный срок не предъявляет требований об исполнении обязательства, должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение. Данный пример наглядно иллюстрирует применение одного из стандартов добросовестного поведения должника – совершение действия, направленного на надлежащее исполнение обязательства (исполнение обязанности).

Итак, обязательство всегда представляет собой простую правовую связь – связь субъективной обязанности и соответствующего ей субъективного права. Такая правовая связь, характеризуя только одно конкретное обязательство, уникальна, что позволяет из всей совокупности существующих между субъектами гражданского права правоотношений выделить искомое обязательство. У этого тезиса есть практическое значение: с прекращением субъективной обязанности прекращается и субъективное право (равно, как и наоборот), что навсегда погашает обязательство. При этом

стороны конкретного обязательства одновременно могут состоять и в других обязательственных правоотношениях как с другими субъектами гражданского права, так и между собой. Более того, кредитор и должник в рамках одного обязательства, могут оставаться в этом же статусе в рамках другого обязательства. Некоторые из таких обязательств могут возникать из одного договора. Это означает, что правовая связь между субъектами гражданского права (межсубъектная связь) обеспечивается не возникшим правоотношением, а наличием различного рода юридических фактов (в первую очередь, договоров), что не противоречит общему подходу к пониманию гражданского правоотношения как правоотношения, возникающего между субъектами гражданского права по поводу различного рода благ.

Обозначенный выше тезис о том, что обязательство есть простая правовая связь, следует воспринимать в качестве догмы, не знающей исключений. Это означает, что обязательственная правовая связь не может быть сложной, когда содержание обязательства составляли бы взаимные права и обязанности его сторон. Тем не менее именно данная точка зрения продвигалась отдельными правоведами в разные периоды развития отечественной цивилистической науки. Так, например, В.С. Толстой, анализируя дефинитивную норму ст. 33 Основ гражданского законодательства 1961 г., указывал на то, что она до предела ограничивает содержание обязательства, упоминая лишь о праве и обязанности в единственном числе [22. С. 8]. По его мнению, такой подход к пониманию обязательства является несостоятельным, поскольку в подавляющем большинстве случаев обязательство выступает примером сложного правоотношения, содержание которого составляют несколько обязанностей с соответствующими правомочиями [22. С. 8–10]. И, если в этом утверждении еще не совсем понятно, закрепляются ли данные правомочия (а равно, обязанности) за одной из сторон обязательства или одновременно за обеими сторонами, то все становится яснее, когда В.С. Толстой предпринимает попытку разграничения обязательств по критерию их содержания, выделяя односторонние и взаимные обязательства [22. С. 179]. Последние, видимо, и выступают примером сложного правоотношения. Правда, никакой общей логики выделения конструкции взаимного обязательства мы в работе В.С. Толстого так и не нашли. Например, в одном случае он признает за обязательством качество сложного (взаимного) правоотношения лишь потому, что закон (ст. 44 ОГЗ 1961 г.) «передачу продукции, принятие и оплату ее называет обязанностями сторон, заключившими договор поставки», а значит обязательство – это весь комплекс перечисленных прав и обязанностей [22. С. 8]. В другом случае он усматривает свойство взаимности в обязательстве, в котором исполнение обязанности поставить товар покупателю зависит от предоставления последним необходимой разрядки [22. С. 181]. В третьем – обязательство становится взаимным лишь по причине того, что, если существует обязанность передать вещь, значит есть обязанность ее принять [22. С. 184]. Однако, на наш взгляд, положения ст. 44 ОГЗ 1961 г. следовало толковать во взаимосвязи

со ст. 33 ОГЗ 1961 г., а значит необходимо было выделять ни одно, а два обязательства (обязательство по передаче продукции и обязательство по ее плате); действие по предоставлению необходимой разнарядки следовало воспринимать в качестве условия исполнения обязанности поставить товар; а что касается обязанности принять товар, то таковая характеризует не содержание обязательства, а правовой статус приобретателя вещи как добросовестного субъекта.

Каким бы противоречивым не выглядел подход В.С. Толстого (прежде всего с точки зрения формальной догматики) после введения в действие Основ гражданского законодательства 1961 г. он стал транслироваться целым рядом ведущих на тот момент времени правоведов [1. С. 13; 23. С. 156], и это несмотря на то, что их предшественники (М.М. Агарков, И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц), разработавшие авторские учения об обязательстве в период действия ГК РСФСР 1922 г., придерживались понимания обязательства как правоотношения, содержание которого составляет одно субъективное право и одна субъективная обязанность. А вот непосредственно зачатки восприятия обязательства как сложной правовой связи впервые обнаруживаются в учебнике Д.И. Мейера «Русское гражданское право», где он помимо односторонних обязательств выделил и взаимные, то есть такие, «в которых каждая из участвующих сторон обязывается совершить в пользу другой какое-либо действие» [6. С. 392]. Справедливости ради заметим, что в то время предложенный Д.И. Мейером подход полностью соотносился с законом, который не различал договор и обязательство: согласно статье 569 Тома X Свода Законов Российской империи 1832 г. «всякий договор и всякое обязательство, правильно составленные, налагают на договаривающихся обязанность их исполнить». Поэтому говорить о том, что сформированный в период действия Основ гражданского законодательства 1961 г. доктринальный подход к возможности выделения правовой конструкции взаимного обязательства выступает примером преемственности во взглядах на правовую природу обязательства не приходится. Более того, утверждать о том, что во второй половине XIX столетия в принципе сформировалось хоть какое-то полное учение об обязательстве было бы большим преувеличением. Учебник Д.И. Мейера — это полноценный труд, в рамках которого впервые системно излагались вопросы гражданского права, в том числе те, которые затрагивали общее учение об обязательстве. И здесь ключевое слово «впервые». Правда, следует признать,

что с точки зрения полноты и достоверности изложения этих вопросов работа Д.И. Мейера, на наш взгляд, не нашла себе достойного конкурента среди учебников, написанных правоведами во второй половине XIX — начале XX столетий, что, естественно, не скажешь о работах советского периода, авторы которых шагнули далеко вперед, создав солидный научный фундамент для познания обязательства как правового явления. Не понятна лишь причина, по которой советские правоведы (а ныне и современные цивилисты [24. С. 417; 25. С. 317]) отклонились от подхода к восприятию обязательства как простой правовой связи.

В дефинитивной норме пункта 1 ст. 307 ГК РФ закреплены сущностные признаки понятия обязательства, которых вполне достаточно для того, чтобы не говорить об обязательстве как о некоей общей правовой модели, рамки которой можно раздвигать до пределов сложной правовой связи (связи, включающей взаимные права и обязанности), которую усматривают в большинстве возмездных договоров⁸. Однако, когда мы говорим о взаимных правах и обязанностях в рамках одного договора (что позволяет вести речь о восприятии договора в качестве двустороннего), это означает лишь одно — договор порождает два взаимных обязательства, каждое из которых с точки зрения оценки правовой связи всегда будет простым правоотношением. Именно так воспринимали обязательство правоведы, принимавшие участие в разработке проекта части I Гражданского кодекса Российской Федерации [26. С. 319]. Что касается таких понятий, как «одностороннее обязательство», «двустороннее обязательство», «взаимное обязательство», то таких понятий в гражданском праве в принципе не существует. Их формирование основано на ложном предположении об обязательстве, искажении сущности имущественных отношений по перераспределению материальных благ между их участниками.

Восприятие обязательства как простой правовой связи, в рамках которой первостепенное значение придается обязанности должника, исполнение которой связано с движением материальных благ от должника к кредитору (что позволяет удовлетворить имущественный интерес последнего) устанавливает такой барьер доктринального характера, который оставляет в стороне всевозможные ложные интерпретации сущности обязательства. И это касается не только попыток подвести обязательство под модель сложного правоотношения, но и попыток обосновать существование обязательств неимущественного характера и обязательств, направленных на воздержание от совершения определенного действия.

Примечания

¹ См.: Свод Законов Российской Империи: Том X. Часть 1. Свод Законов Гражданских. Книга 2. Раздел II (издание 1900 г.). URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/62.html#img63> (дата обращения 09.03.2025).

² Гражданский кодекс РСФСР от 31.10.1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

³ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 08.12.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁵ Положения закона построенные на разных концепциях понимания обязательства принципиально по-разному регулируют одни и те же отношения.

⁶ Ф.К. Савиньи писал: «сущностью всего обязательства должна считаться деятельность должника, деятельность же верителя — только второстепенною» [7. С. 48]. Правда, данное суждение никак не приблизило его к восприятию обязательства через концепцию «обязательство как долг». Ф.К. Савиньи выступал ярким сторонником концепции «обязательство как право на чужое действие».

⁷ Аналогичное мнение транслировалось и в дореволюционной отечественной литературе. Так, например, А.М. Гуляев в 1913 г. писал: «обязательство есть юридическая связь по крайней мере двух субъектов» [13. С. 321]. Подобное восприятие обязательства объясняется тем, что А.М. Гуляев воспринимал субъективное право кредитора исключительно в качестве личного права [13. С. 313]. Правда, такой подход не является «достоинством» отечественной цивилистической науки. На этом подходе построено восприятие обязательства по гражданскому праву Франции. Так, в частности, Е. Годэмэ писал: «Личное право <...> есть право требовать от определенного лица предоставления, действия или воздержания». Это, в свою очередь, позволило ему говорить об обязательстве исключительно как о личной связи двух лиц [21. С. 14, 22].

⁸ В качестве примера чаще всего приводят договор купли-продажи, порождающий, как считают, одно сложное (двустороннее) обязательство, каждая из сторон которого имеет как право требования, так и несет определенную обязанность. Если такой подход признать достоверным, значит реализация его не должна давать сбой при решении любого вопроса в динамике обязательства. Однако, конструкция сложного обязательства не способна дать ответы на элементарные вопросы юридико-формального характера. В частности, когда такое обязательство следует считать исполненным? В какой ситуации следует говорить о том, что обязательство не исполнено либо исполнено ненадлежащим образом? Подобных вопросов можно формулировать сколько угодно и понятно, что концепция «расщепления правовой связи в обязательстве на простую и сложную» при решении данных вопросов беспомощна.

Список источников

1. Иоффе О.С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975. 880 с.
2. Гражданское уложение. Кн. 5, т. 1: Обязательства: с объяснениями: Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. СПб., 1899. 618 с.
3. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 192 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань : Типография Императорского Университета. 1893. 244 с.
5. Кукольник В.Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1. СПб. : Типография Департамента Внешней торговли, 1815. 400 с.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право / под ред. А.И. Вицына. 3-е изд., испр. СПб.: Издание Николая Тиблена, 1864. 780 с.
7. Савиньи Ф.К. Обязательственное право / предисл. В.Ф. Попондопуло ; пер. с немец. В. Фукса, Н. Мандро. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 576 с.
8. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. 463 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград : Издание Юридического книжного склада «Право», 1917. 328 с.
10. Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. II. Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев : Типография Р.К. Лубковского, 1915. 451 с.
11. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5 : учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. 832 с.
12. Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев : Типография К. Маттисена, 1922. 543 с.
13. Гуляев А.М. Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. сената и Проекта гражданского уложения: пособие к лекциям. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1913. 638 с.
14. Агарков М.М. Перевод долга // Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. Книга третья. М. : Право и Жизнь, 1923. С. 23–34.
15. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. : Госуд. изд-во юридической литературы, 1950. 417 с.
16. Гражданский кодекс РСФСР : учебно-практическое пособие. Ч. 1 / отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1965. 431 с.
17. Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. М. : Юрид. лит., 1979. 552 с.
18. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. М. : Статут, 2016. 336 с.
19. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. М. : Статут, 2015. 288 с.
20. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1985. 544 с.
21. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер.с франц. И.Б. Новицкого. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 511 с.
22. Толстой В.С. Исполнение обязательств. М. : Юридическая литература, 1973. 208 с.
23. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / под ред. С.Н. Братуся, Е.А. Флейшиц. М. : Юридическая литература, 1962. 419 с.
24. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М. : ТЕИС, 1996. 552 с.
25. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под. общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 464 с.
26. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М. : Редакция журнала «Хозяйство и право», Фирма «СПАРК», 1995. 597 с.

References

1. Ioffe O.S. Obyazatel'svennoye pravo. M. : Yurid. lit., 1975. 880 s.
2. Grazhdanskoye ulozheniye. Kn. 5, t. 1: Obyazatel'stva: s ob'yasneniyami: Proyekt vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo Ulozheniya. SPb., 1899. 618 s.
3. Agarkov M.M. Obyazatel'stvo po sovetскому grazhdanskому pravu. M. : Yuridicheskoye izdatel'stvo NKYU SSSR, 1940. 192 s.
4. Shershenovich G.F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii. Kazan' : Tipografiya Imperatorskogo Universiteta. 1893. 244 s.
5. Kukol'nik V.G. Rossiyskoye chastnoye grazhdanskoye pravo. CH. 1. SPb. : Tipografiya Departamenta Vneshney trgovli, 1815. 400 s.
6. Meyyer D.I. Russkoye grazhdanskoye pravo / pod red. A.I. Vitsyna. 3-e izd., ispr. SPb.: Izdaniye Nikolaya Tiblena, 1864. 780 s.
7. Savin'i F.K. Obyazatel'svennoye pravo / predisl. V.F. Popondopulo ; per. s nemets. V. Fuxsa, N. Mandro. SPb. : Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. 576 s.
8. Pakhman S.V. Obychnoye grazhdanskoye pravo v Rossii: yuridicheskiye ocherki. T. 1: Sobstvennost', obyazatel'stva i sredstva sudebnogo okhraneniya. SPb., 1877. 463 s.
9. Pokrovskiy I.A. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava. Petrograd : Izdaniye Yuridicheskogo knizhnogo sklada «PravO», 1917. 328 s.
10. Sinayskiy V.I. Russkoye grazhdanskoye pravo. Vyp. II. Obyazatel'svennoye, semeynoye i nasledstvennoye pravo. Kiyev : Tipografiya R.K. Lubkovskago, 1915. 451 s.
11. Shershenovich G.F. Izbrannoye. T. 5 : uchebnik russkogo grazhdanskogo prava / vstup. slovo, sost.: P.V. Krashennnikov. M. : Statut, 2017. 832 s.
12. Tyutryumov I.M. Grazhdanskoye pravo. Yur'yev : Tipografiya K. Mattisena, 1922. 543 s.
13. Gulyayev A.M. Russkoye grazhdanskoye pravo: obzor deystvuyushchego zakonodatel'stva, kassatsionnoy praktiki Prav. senata i Projekta grazhdanskogo ulozheniya: posobiye k lektsiyam. 4-e izd., peresmotr. i dop. SPb. : Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1913. 638 s.

14. Agarkov M.M. Perevod dolga // Pravo i zhizn': zhurnal, posvyashchenny voprosam prava i ekonomicheskogo stroitel'stva / pod red. A.M. Vinavera, M.N. Gerneta, A.N. Traynina. Kniga tret'ya. M. : Pravo i Zhizn', 1923. S. 23–34.
15. Novitskiy I.B., Lunts L.A. Obshcheye ucheniye ob obyazatel'stve. M. : Gosud. izd-vo yuridicheskoy literatury, 1950. 417 s.
16. Grazhdanskiy kodeks RSFSR : uchebno-prakticheskoye posobiye. CH. 1 / otv. red. O.A. Krasavchikov. Sverdlovsk : Sredne-Ural'skoye knizhnoye izd-vo, 1965. 431 s.
17. Sovetskoye grazhdanskoye pravo : uchebnik. T. 1 / otv. red. V.P. Gribanov, S.M. Korneyev. M. : Yurid. lit., 1979. 552 s.
18. Sarbash S.V. Elementarnaya dogmatika obyazatel'stv : ucheb. posobiye. M. : Statut, 2016. 336 s.
19. Khokhlov V.A. Obshchiye polozheniya ob obyazatel'stvakh : ucheb. posobiye. M. : Statut, 2015. 288 s.
20. Sovetskoye grazhdanskoye pravo : uchebnik : v 2 t. T. 1 / pod red. O.A. Krasavchikova. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Vysshaya shkola, 1985. 544 s.
21. God'em'E YE. Obshchaya teoriya obyazatel'stv / per.s frants. I.B. Novitskogo. M. : Yuridicheskoye izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1948. 511 s.
22. Tolstoy V.S. Ispolneniye obyazatel'stv. M. : Yuridicheskaya literatura, 1973. 208 s.
23. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Osnovam grazhdanskogo zakonodatel'stva Soyuzu SSR i soyuznykh respublik / pod red. S.N. Bratusya, YE.A. Fleyshits. M. : Yuridicheskaya literatura, 1962. 419 s.
24. Grazhdanskoye pravo : uchebnik. CH. 1 / pod red. YU.K. Tolstogo, A.P. Sergeyeva. M. : TEIS, 1996. 552 s.
25. Grazhdanskoye pravo : uchebnik. CH. 1 / pod. obshch. red. T.I. Illarionovoy., B.M. Gongalo, V.A. Pletneva. M. : NORMA–INFRA·M, 1998. 464 s.
26. Kommentariy chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. M. : Redaktsiya zhurnala «Khozyaystvo i pravO», Firma «SPARK», 1995. 597 s.

Информация об авторах:

Соломин С.К. — д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sksolomin@mail.ru

Соломина Н.Г. — д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: ngsolomina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Solomin, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sksolomin@mail.ru

N.G. Solomina, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ngsolomina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*

Научная статья
УДК 340
doi: 10.17223/15617793/516/27

Понятие, виды и классификация предпосылок формирования новых отраслей в системе права

Александр Александрович Храмов¹

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Новокузнецк, Россия,
Khramov_alexandr@mail.ru

Аннотация. Исследуются выделяемые в общей теории права и отраслевых науках предпосылки отраслевой дифференциации и интеграции в системе права. Делается вывод, что далеко не все из них в действительности являются основаниями или условиями формирования новой отрасли. Выделяется и кратко характеризуется ряд таких оснований, присущих большинству формирующихся (или сформированных ранее, но также находившихся на стадии формирования) отраслей права.

Ключевые слова: предпосылки, отрасль права, основания, условия, дифференциация, интеграция

Для цитирования: Храмов А.А. Понятие, виды и классификация предпосылок формирования новых отраслей в системе права // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 247–253. doi: 10.17223/15617793/516/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/27

Definition, Types and Classification of Prerequisites of Formation of New Bodies in a System of Law

A.A. Khramov¹

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, Khramov_alexandr@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is explained by the lack of a unified approach to sectoral differentiation and integration in the legal system in the general theory of law and branch sciences, which allows scientists to identify exotic bodies of law that are already being counted not by dozens, but by hundreds. The current situation is also aggravated by the absence in many cases of objective prerequisites for this, indicating the need and possibility of systematization of legislation. If they are given, then in fact not all of them are actually as such, in some cases being either the fantasy of a single scientist, or the result of an unjustified confusion of various legal categories (for example, "prerequisites" and "criteria" for the allocation of a body). As a result, there are not so many actually existing prerequisites for the differentiation and integration of legal bodies, as it is stated on the pages of the legal press. Moreover, the bulk of them, as the study shows, corresponds to almost all the bodies that are proposed to be distinguished in the general theory of law and branch sciences. Taking into account the review of the stated and existing prerequisites for the formation of various bodies of law, the need to distinguish them from other legal definitions, their division into grounds and conditions is proposed. The former confirm the need for a new branch, the latter – an opportunity. Such a classification is of great theoretical importance, since it is based on the principles of scientific validity and allows combining most of the types of assumptions proposed in the legal literature. Based on the study of modern legislative practice and trends in system formation in the legal sphere, a number of grounds inherent in the majority of emerging (or previously formed, but also at the stage of formation) branches of law are highlighted and briefly described, indicating the need for sectoral differentiation or integration. These include the need to: qualitatively improve the level of consistency of current legislation and legal regulation, improve the convenience of practical use (law enforcement) and accessibility (understanding), determine the optimal ratio and legal consolidation of the fundamental elements of the structure of legal relations and the links between them, ensure state (or public) interests, expressed primarily in political and economic terms, legal decisions of the state, its individual authorities or officials. In its turn, the conditions, depending on the industry specifics of the formation of a legal body, can be divided into general (related) and special (necessary and sufficient for the formation of a particular body), depending on the orientation – political, historical, legal, theoretical and others. It is concluded that these grounds, together with the conditions, may determine the need and possibility of integrating or differentiating new branches in the legal system.

Keywords: prerequisites, body of law, conditions, differentiation, integration

For citation: Khramov, A.A. (2025) Definition, Types and Classification of Prerequisites of Formation of New Bodies in a System of Law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 247–253. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/27

Согласно теории организации сложных систем, именуемой в учебной и научной литературе синергетикой [1. С. 23; 2. С. 113], порядок и беспорядок являются периодически сменяющимися фазами единого процесса развития. Не является исключением в этом плане и сфера правового регулирования [3, 4], которая со второй половины прошлого века подверглась серьезным изменениям.

Следует отметить, что подобное обстоятельство было обусловлено не только стремительным развитием общества и государства и необходимостью урегулирования возникающих в различных сферах общественных отношений, но и отсутствием в общей теории права единого подхода к отраслевой дифференциации и интеграции. В конечном итоге это привело к тому, что ныне в юридической литературе можно насчитывается более трех десятков критериев отраслеобразования (!) [5. С. 38], позволяющих ученым выделять экзотические отрасли, счет которым уже ведется не на десятки, а сотни. К сожалению, при выдвижении тех или иных идей о необходимости формирования новой отрасли (либо уже о существовании таковой) авторы нередко основываются на субъективных представлениях об их важности и значимости, оставляя «за бортом» рассмотрение, в том числе, существующих для этого объективных предпосылок. Если же таковые и приводятся, то на деле далеко не все из них в действительности являются основаниями или условиями формирования новой отрасли, в отдельных случаях являясь либо «выдумкой» (фантазией) отдельно взятого ученого, либо результатом неоправданного смешения между собой различных правовых категорий (например, «предпосылки» и «критерии» выделения отрасли).

В итоге фактически реально существующих предпосылок формирования новых отраслей права, на наш взгляд, не так и много, как об этом заявляется в юридической литературе. Причем львиная доля из них, как показывает исследование, соответствует почти всем отраслям, которые предлагается выделять на страницах юридической печати. Подобные предпосылки предлагается классифицировать на исторические, социально-культурные, политические, экономические и правовые [6. С. 101], материальные и юридические [7. С. 154], базовые и не базовые [8. С. 48]. Однако анализ содержания указанных предпосылок позволяет сделать вывод, что некоторые из приведенных разновидностей к таковым вообще не относятся.

В этой связи может быть также предложено разделение всех существующих предпосылок на основания и условия. Если первые позволяют ответить на вопрос «почему нужно (необходимо)?» появление такой отрасли, то вторые – «почему можно (что позволяет)?» ее сконструировать. В юридической литературе подобные основания и условия нередко не разграничиваются между собой и именуются факторами [9. С. 34–35]. Несмотря на то, что указанная классификация предпосылок не нашла хоть сколько ни будь обстоятельного исследования в общей теории права и отраслевых науках, она, в отличие от перечисленных выше видов имеет важное теоретическое значение, поскольку строится на

принципах научной обоснованности и позволяет объединить в себе все существующие классификации предпосылок. Остановимся коротко на них.

Основания формирования новой отрасли права

Анализ юридической литературы, законодательства¹ и правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что в настоящее время оснований для формирования новых отраслей права в количественном соотношении меньше, нежели условий. Фактически, чтобы ответить на вопрос, почему нужна новая отрасль права, следует обратиться к существующему правовому регулированию той или иной сферы общественных отношений и выяснить, что именно не устраивает общество и государство в существующем его формате и границах (пределах), если таковые вообще существуют. Если же они ранее не были урегулированы правом совсем, следует ответить на вопрос: есть ли вообще необходимость регламентировать эти отношения посредством именно юридических или достаточно существующих иных социальных норм, и, если да, то какие преимущества от этого получит общество и государство. С учетом изложенного, учитывая современную практику, а также тенденции системообразования в правовой сфере, выделим и кратко охарактеризуем ряд таких оснований, присущих большинству формирующихся (или сформированных ранее, но также находившихся на стадии формирования) отраслей права.

1. Необходимость качественного повышения уровня системности правового регулирования, и, как следствие, его эффективности². Поскольку определяющими свойствами системы являются необходимость и достаточность ее элементов [10. С. 31], повышение эффективности регулирования той или иной сферы социальных отношений посредством юридических норм должно обеспечиваться, прежде всего, за счет устранения не только недостаточности, но и избыточности последних.

Подобные недостатки, снижающие или вовсе устраняющие системные качества различных отраслей права проявляются в виде различного рода недостатков законодательной техники, недостаточного уровня закрепления правового положения субъектов отношений, в конечном счете, ведущих к проблемам реализации прав и свобод человека и гражданина. Об этом в последние годы свидетельствует, помимо прочего, удельный вес удовлетворенных жалоб на несоответствие действующего законодательства положениям Конституции РФ. Так, если в 2019 г. он составлял 0,125, то в 2023 – 0,22³. Налицо рост признанных на государственном уровне недостатков действующего правового регулирования почти в два раза, что, на наш взгляд, является одним из оснований необходимости совершенствования правового регулирования различных сфер общественной жизни, в том числе посредством кодификации.

2. Повышение удобства практического пользования (правоприменения) и доступности (понимания). На страницах юридической печати справедливо отмечается, что существующее в настоящее время недостаточно высокое качество, содержательное и юридико-

техническое несовершенство правового регулирования в конечном итоге существенно осложняет его реализацию, дезориентируя не только правоприменителей, но и граждан⁴. В этой связи, как справедливо отмечает Д.Е. Вергелес, в целях обеспечения удобства использования всего массива правовых актов, а также его дальнейшего развития, создания условий для их информационной доступности и удобства использования необходима кодификация [11. С. 138]. В идеале ее результатом должно стать принятие единого кодифицированного акта (например, в виде Кодекса), относящегося к наиболее высокому уровню систематизации правовых норм и существенно сокращающего временные затраты правоприменителя (и иных субъектов) на поиск необходимой информации в системе права.

3. Определение оптимального соотношения и юридического закрепления основополагающих элементов структуры правоотношений и связей между ними (подобное основание можно именовать «институциональным»).

Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод, что всякая сфера общественных отношений состоит из ряда основополагающих элементов. Их количество до сих пор в общей теории права и отраслевых науках не определено, однако все исследователи сходятся на существовании в структуре экономики, политики, права и иных сфер: институционального субъекта, институционального объекта и институционального механизма [12. С. 36]. Помимо прочего, поскольку правовое регулирование, по справедливому замечанию Г.М. Лановой и И.Н. Правкиной, представляет собой именно специфический процесс целенаправленного воздействия права на поведение людей, в качестве еще одного важнейшего институционального элемента следует выделить цель правового регулирования [13. С. 15]. Именно цель (с позиции системного подхода) и совокупность существующих иных условий позволяет обоснованно судить о степени необходимой достаточности элементов системы [14. С. 73–75].

О необходимости выделения и последующего законодательного оформления новой отрасли права свидетельствует и наличие (увеличение количества) либо наоборот, утрата (уменьшение количества) конструктивно-функциональных (системных) связей между отдельными элементами системы права (нормами, институтами, отраслями). В первом случае, как правило, происходит отраслевая интеграция, во втором – дифференциация. В юридической и иной литературе подобные связи принято именовать конструктивными и функциональными [15].

Конструктивные связи правовых норм проявляются, прежде всего, в единстве (или значительной схожести) правовых понятий, институтов, принципов, форм источников тех или иных правовых образований [16. С. 154–155]. В свою очередь функциональные связи выражают взаимообусловленность и взаимную зависимость юридических норм, правовых институтов, отраслей права в процессе их функционирования [17. С. 39]. Увеличение числа подобного рода связей, по справедливому мнению ученых, является одной из предпосылок формирования новых правовых отраслей

[18. С. 17], как закономерного результата диалектического противоречия (взаимодействия противоположных сторон, свойств, тенденций в предметах и между ними) [19. С. 403].

4. Необходимость обеспечения государственных (или общественных) интересов, выражающихся, в первую очередь, в политико-правовых решениях государства, его отдельных органов или должностных лиц. Причем, здесь следует отличать, когда эти решения выступают именно основанием формирования новой отрасли права, а когда – условием. Одним из немногих примеров, когда такое решение выступало основанием появления новой (хоть и именуемой «комплексной») отрасли, является Указ Президента РФ от 15.10.1999 № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации», в котором среди задач государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации являлось формирование муниципального права как комплексной отрасли права.

Условия формирования новых отраслей в системе права

Предпосылки, свидетельствующие о возможности отраслевой дифференциации или интеграции могут классифицироваться в зависимости от отраслевой специфики на общие (сопутствующие) и специальные (необходимые и достаточные для формирования конкретной отрасли), в зависимости от направленности – политические, правовые, исторические, институциональные и др. Следует при этом оговориться, что данные условия тесно связаны между собой, а, потому, рассмотрение одних невозможно без рассмотрения других (например, политических без правовых или исторических). В рамках статьи остановимся лишь на тех, что, на наш взгляд, характеризуют появление весьма большого количества правовых отраслей.

1. Политические условия. В юридической литературе рассмотрение механизма образования отраслей в системе права вполне обоснованно начинается с анализа внутренних и внешнеполитических факторов, влияющих на изменение правовой системы государства.

Если говорить о российской правовой системе, то за последние сто с лишним лет политическая, а вслед за ней и правовая система претерпели серьезные изменения, вызванные политико-трансформационными процессами, т. е. переходом от одного типа политической системы к другому, от одной общественно-экономической формации к другой [20. С. 72]. Так, если доминировавшая с 1920-х гг. марксистская теория предусматривала, что по мере продвижения к коммунизму установленное и санкционированное государством право должно отмереть, а вместе с ним и отрасли права (как минимум гражданское право – в силу «отмены» частной собственности), то по мере развития капитализма, наоборот. Определяющую роль в отраслеобразовании играет и политический тип режима, его изменение на той или иной стадии развития государства [21, 22].

2. Правовые условия. К правовым условиям можно отнести изданные правовые (в том числе – стратегического планирования) документы, определяющие возможность совершенствования не только существующих правовых отраслей, но и появления новых⁵. Тому наглядный пример – отрасль гражданского права, предмет которой предлагалось расширить в соответствии с указом Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» за счет еще одной группы отношений – корпоративных. В целях реализации государственной семейной политики предполагалось совершенствование и семейного права в соответствии с принятым в 2014 г. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». Аналогичным распоряжением предусматривается также совершенствование предпринимательского права (Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р).

Не обошло стороной совершенствование и публично-правовые отрасли. Аналогичными документами стратегического планирования в настоящее время предусматривается совершенствование: экологического права (указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440, распоряжение Правительства РФ от 03.07.2014 № 1216-р), финансового права (указ Президента РФ от 01.07.1996 № 1008), уголовно-исполнительного права (распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р) и др. Если говорить о ранее действовавших стратегических документах, то, например, можно выделить Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР», которым предусматривалась необходимость дифференциации форм судопроизводства. В конечном итоге, как известно, это привело к появлению арбитражно-процессуального, административно-процессуального права. Вместе с тем, сюда мы не относим Концепции (стратегии), именуемые в юридической литературе «квазиофициальными». К таковой, например, относят Концепцию уголовно-правовой политики Российской Федерации [23. С. 9].

Помимо издаваемых правовых документов, немаловажным условием модернизации отраслей (в первую очередь – охранительных) выступает фактическое (но не юридическое) повышение статуса норм в правовом регулировании различных сфер общественных отношений. Речь идет о возведении норм подзаконных актов (в том числе – ведомственных) в ранг норм закона (для гарантии прав и свобод человека и гражданина), а также различных методических рекомендаций, издаваемых учреждениями уголовной юстиции, в ранг нормативно-правовых (как минимум – подзаконных)⁶.

3. Исторические условия. В исследованиях по социологии права отмечается, что сохранение правовых принципов и базовых законов может и должно сочетаться с модернизацией институтов и норм. При этом выбор меры сохранения и изменений должен быть не субъективным, а исторически обусловленным. Только в этом случае концепции, модели, акты и институты

смогут развиваться с опережением событий. Показателями же смены циклов, по мнению Ю.А. Тихомирова, служат изменения концепций, правовой политики, соотношения законов и подзаконных актов и иных регуляторов, уровня деятельности органов публичной власти, социальных и экономических организаций с точки зрения закона [24. С. 16]. Таким образом, исторические предпосылки появления новых отраслей права имеют тесную связь с политико-правовыми решениями государства на различных этапах его становления и развития.

Так, например, исследуя вопросы формирования в России отрасли оперативно-розыскного права, Е.В. Кузнецов в истории правового регулирования оперативно-розыскной деятельности выделяет шесть ключевых исторических этапов его развития, связывая каждый из них с принятием того или иного нормативного правового акта [25. С. 28–30]. Аналогичным образом связывает этапы развития отрасли военного права с появлением специфических нормативных актов и А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин [26]. Схожим образом определяют исторические условия и другие ученые [27. С. 20]. В то же время едва ли правильно относить к историческим условиям появления новой отрасли права исторические события, никаким образом не связанные с самим правом [28. С. 170].

4. Теоретические условия. К теоретическим условиям мы, прежде всего, относим расширение предмета юридической науки, и, как следствие ее развития – появление новых учебных дисциплин. Несмотря на то, что формирование и общественное признание самостоятельной отрасли юридической науки, как и появление в юридических вузах учебных дисциплин с аналогичным названием отрасли, далеко не во всех (можно сказать – в исключительных) случаях приводит к появлению новой правовой отрасли, все же подобную тенденцию можно назвать одним из условий формирования отрасли⁷. Одним из таких примеров служит муниципальное право, научно и методологически обоснованная концепция формирования которой была разработана А.Н. Костюковым еще до принятия соответствующего закона об общих принципах организации местного самоуправления, а также уголовно-исполнительное право, предмет правового регулирования которого предлагалось изменить еще в 1970–1980-е гг.

Помимо прочего, отраслевой интеграции и дифференциации способствует активно проходящее в последние десятилетия реформирование номенклатуры научных специальностей. Причем, если в период с 1995 по 2021 г. в юридических науках происходила, в основном, отраслевая дифференциация, то после – интеграция. Если в 1995 г. Номенклатура насчитывала 13 научных специальностей по юриспруденции, то в 2000 г. уже 15 (и это при том, что специальность 12.00.13 была полностью изменена). В период с 2000 по 2018 г. появилось земельное право в наименовании специальности 12.00.06, информационное право выделилось в отдельную специальность 12.00.13, появилось конкурентное право в наименовании специальности 12.00.07. С принятием в 2021 г. новой номенклатуры научных специальностей, их количество сократилось с 15 до 5 за счет объединения.

5. Иные условия. Меняющиеся тенденции отраслевой дифференциации и интеграции являются одним из сопутствующих условий (фоновых факторов) появления новых отраслей права. В настоящее время, как отмечают А.А. Клишас и В.Н. Плигин, развитие системы права и системы законодательства идет по пути модернизации традиционных отраслей, которая предполагает сочетание базовых отраслей с новыми, претендующими на самостоятельное регулирование, на основе обогащения методов правового регулирования, комплексного их использования, научно-обоснованного прогноза и соотнесения с предметом регулирования⁸. Все это, в конечном итоге, влияет на появление интегративных правовых отраслей, институты и иные элементы которых связаны между собой конструктивно-функциональным единством. Свидетельством тому может служить разработка проекта единого Гражданского процессуального Кодекса, основным предназначением является установление единой процедуры рассмотрения споров в гражданских и арбитражных процессах⁹, а также Гражданского Кодекса, который должен включить в себя нормы Жилищного, Семейного и Трудового кодексов¹⁰. Налицо интеграция законодательства, которая по мере увеличения числа системных связей может в перспективе привести к отраслевой интеграции уже в системе права (пока что попытки объединить нормы в едином Кодексе, как отмечают разработчики кодексов, представляют собой лишь инкорпорацию, а не кодификацию).

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что в современной юридической литературе представления о предпосылках отраслевой дифференциации и интеграции чрезмерно «размыты». Многие из них либо не представляют научной ценности (например, деление на «материальные» и «юридические», «базовые») либо

не имеют прикладного значения (в частности, выделение в качестве предпосылки формирования новой отрасли – появление специфического термина, опубликование множества научных работ и пр.). В этой связи предлагается классификация всех предпосылок на основания и условия, которая, в отличие от перечисленных выше видов имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку строится на принципах научной обоснованности, позволяет объединить в себе все существующие классификации предпосылок и обосновать необходимость закрепления внешней формы выражения исследуемой отрасли.

Учитывая современную правотворческую практику, а также тенденции системообразования в правовой сфере к основаниям, присущим большинству формирующихся (или сформированных ранее, но также находившихся на стадии формирования) отраслей права, следует отнести: (1) необходимость качественного повышения уровня системности правового регулирования; (2) повышение удобства практического пользования (правоприменения) и доступности (понимания); (3) определение оптимального соотношения и юридического закрепления основополагающих элементов структуры правоотношений и связей между ними; (4) необходимость обеспечения государственных (или общественных) интересов, выражающихся, в первую очередь, в политико-правовых решениях государства, его отдельных органов или должностных лиц.

В свою очередь условия, в зависимости от отраслевой специфики формирования новой отрасли права могут быть разделены на общие (сопутствующие) и специальные (необходимые и достаточные для формирования конкретной отрасли), в зависимости от направленности – политические, исторические, правовые, теоретические и иные.

Примечания

¹ Здесь и далее законодательство понимается в широком смысле как система нормативных правовых актов, включающая не только законодательные, но и подзаконные нормативные акты.

² Если исходить из того, что правовое регулирование представляет собой воздействие юридическими средствами на общественные отношения и поведение людей, то следует говорить о двух аспектах (слоях) его эффективности: (1) самих норм и (2) их реализации.

³ Количество обращений в Конституционный Суд РФ по годам. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statisticnew.aspx>

⁴ Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году. URL: http://www.szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/Otchet_o_sostoyani_Rossiyskogo_zakonodatelstva_v_2014_g.pdf

⁵ Последствия влияния ранее существовавших и утративших силу отдельных правовых актов на формирование отраслей права мы относим к историческим предпосылкам (условиям).

⁶ Например, Методических рекомендаций по контролю за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, изданных ФСИН России.

⁷ В то же время, например, вызывает сомнение и выделение в качестве самостоятельного условия формирования новой отрасли права появление самой по себе учебной дисциплины, поскольку ее предмет составляет система знаний, умений и навыков, отобранных именно из определенной отрасли науки, но не наоборот.

⁸ Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/Otchet_o_sostoyanii_Rossiyskogo_zakonodatelstva_v_2014_g.pdf

⁹ В России появится единый Гражданский процессуальный кодекс. URL: <https://rg.ru/2016/04/07/v-rossii-poiavitsia-edinyj-grazhdanskij-proces-sualnyj-kodeks.html>

¹⁰ ГД представила концепцию новой структуры Гражданского кодекса. URL: <https://pravo.ru/news/258067/>

Список источников

1. Матузенко Л.И. Синергетика как одно из перспективных научных направлений // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. 2000. № 2 (14). С. 21–27.
2. Черезов А.Е. Системность и синергетика – парадигмы методологии науки // История и философия науки : Учебно-методическое пособие. М. : Книгодел. 2020. С. 111–115.
3. Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. М. : Наука, 1986. № 10. С. 39–45.
4. Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 64–69.

5. Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 34–40.
6. Вагапова Р.Р. Предпосылки формирования отрасли спортивное право // Modern Science. 2020. № 8-1. С. 101–104.
7. Шаронов С.А., Шестаков В.И. Охранное право: отрасль, наука и учебная дисциплина // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 154–160.
8. Эмельянов А.С. Публичный интерес и генезис административного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 48–76.
9. Грушин Ф.В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 630 с.
10. Уткин В.А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1(57). С. 29–36.
11. Вергелес Д.Е. Основы кодификации законодательства // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 3 (31). С. 137–141.
12. Локалов А.А. Институциональная структура инновационной экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 4 (43). С. 35–39.
13. Лановая Г.М., Правкина И.Н. Механизм правового регулирования: понятие и содержание // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 14–17.
14. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 432 с.
15. Джермакян В.Ю. Толкование конструктивно-функционального единства устройства: Роспатент меняет позицию? // Патентный поверенный. 2017. № 4. С. 59–67.
16. Кирин В.А. Законодательство о борьбе с преступностью. Отрасли и их взаимосвязь. М., 1978. 280 с.
17. Алексеев С.С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. 264 с.
18. Свирин Ю.А. Исполнительное право в системе российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 39 с.
19. Философская энциклопедия : в 5 т. М., 1967. Т. 4. 592 с.
20. Мирзаев М.А. Политический фактор в развитии правовой системы России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 31, № 3. С. 72–78.
21. Степанов В.Е. Отрасли частного права при тоталитарном политическом режиме (на примере развития советского трудового права в 1918 – 1930-е гг.) // Правоприменение. 2020. № 4 (2). С. 20–27.
22. Клюкина Е.А. Влияние тоталитарного политического режима на развитие общества // Научно-исследовательские публикации. 2013. № 2(2). С. 83–93.
23. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М., 2017. 76 с.
24. Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10 (142). С. 15–22.
25. Кузнецов Е.В. Предпосылки, обуславливающие формирование отрасли оперативно-розыскного права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 4 (67). С. 28–30.
26. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 10–15.
27. Борисова Н.Е. Историко-теоретические основы «детского» права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (13). С. 14–24.
28. Вагапова Р.Р. Спортивное право в системе отраслей права // StudNet. 2021. Т. 4, № 6. С. 170.

References

1. Matuzenko L.I. Sinergetika kak odno iz perspektivnykh nauchnykh napravleniy // Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy akademii ekonomiki i upravleniya. 2000. № 2 (14). S. 21–27.
2. Cherezov A.E. Sistemnost' i sinergetika – paradigmy metodologii nauki // Istoriya i filosofiya nauki : Uchebno-metodicheskoye posobiye. M. : Knigodel, 2020. S. 111–115.
3. Vengerov A.B. Sinergetika, yuridicheskaya nauka, pravo // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. M. : Nauka, 1986. № 10. S. 39–45.
4. Vetyutnev YU.YU. Sinergetika v prave // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 4. S. 64–69.
5. Rad'ko T.N., Golovina A.A. Sovremennaya sistemno-pravovaya teoriya: novyy etap razvitiya ili metodologicheskiy krizis? // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 2. S. 34–40.
6. Vagapova R.R. Predposylki formirovaniya otrasli sportivnoye pravo // Modern Science. 2020. № 8-1. S. 101–104.
7. Sharonov S.A., Shestakov V.I. Okhrannoye pravo: otrasl', nauka i uchebnaya distsiplina // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2020. № 1. S. 154–160.
8. Emel'yanov A.S. Publichnyy interes i genezis administrativnogo prava // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2021. № 5. S. 48–76.
9. Grushin F.V. Sistema faktorov, opredelyayushchikh razvitiye ugovolno-ispolnitel'noy politiki i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva : dis. ... d-ra yurid. nauk. Yekaterinburg, 2019. 630 s.
10. Utkin V.A. Ratsional'nost' prinuzhdeniya kak printsip pravovogo regulirovaniya ispolneniya lisheniya svobody // Penitentsiarnaya nauka. 2022. T. 16. № 1(57). S. 29–36.
11. Vergeles D.E. Osnovy kodifikatsii zakonodatel'stva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan. 2013. № 3 (31). S. 137–141.
12. Lokalov A.A. Institutsional'naya struktura innovatsionnoy ekonomiki // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. 2012. № 4 (43). S. 35–39.
13. Lanovaya G.M., Pravkina I.N. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya: ponyatiye i soderzhaniye // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2019. № 3 (171). S. 14–17.
14. Sagatovskiy V.N. Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategoriy. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1973. 432 s.
15. Dzhermakyan V.YU. Tolkovaniye konstruktivno-funktsional'nogo yedinstva ustroystva: Rospatent menyayet pozitsiyu? // Patentnyy poverennyy. 2017. № 4. S. 59–67.
16. Kirin V.A. Zakonodatel'stvo o bor'be s prestupnost'yu. Otrasli i ikh vzaimosvyaz'. M., 1978. 280 s.
17. Alekseyev S.S. Struktura sovetskogo prava. M. : Yuridicheskaya literatura, 1975. 264 s.
18. Svirin YU.A. Ispolnitel'noye pravo v sisteme rossiyskogo prava : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2012. 39 s.
19. Filosofskaya entsiklopediya : v 5 t. M., 1967. T. 4. 592 s.
20. Mirzayev M.A. Politicheskiy faktor v razvitii pravovoy sistemy Rossii // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo univer-siteta. Seriya 3: Obshchestvenn-yye nauki. 2016. T. 31, № 3. S. 72–78.
21. Stepanov V.E. Otrasli chastnogo prava pri totalitarnom politicheskom rezhime (na primere razvitiya sovetskogo trudovogo prava v 1918 – 1930-e gg.) // Pravoprimeneniye. 2020. № 4 (2). S. 20–27.
22. Klyukina YE.A. Vliyaniye totalitarnogo politicheskogo rezhima na razvitiye obshchestva // Nauchno-issledovatel'skiye publikatsii. 2013. № 2(2). S. 83–93.

23. Esakov G.A., Dolotov R.O., Filatova M.A., Redchits M.A., Stepanov P.P., Tsay K.A. Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.). M., 2017. 76 с.
24. Tikhomirov YU.A. Tsikly pravovogo razvitiya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2008. № 10 (142). S. 15–22.
25. Kuznetsov YE.V. Predposylki, obuslovlivayushchiye formirovaniye otrasli operativno-rozysknogo prava // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 4 (67). S. 28–30.
26. Savenkov A.N., Kudashkin A.V. Voennoye pravo: postanovka problemy i puti resheniya // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 4. S. 10–15.
27. Borisova N.E. Istoriko-teoreticheskiye osnovy «detskogo» prava // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskiye nauki. 2014. № 1 (13). S. 14–24.
28. Vagapova R.R. Sportivnoye pravo v sisteme otrasley prava // StudNet. 2021. T. 4, № 6. S. 170.

Информация об авторе:

Храмов А.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Новокузнецк, Россия). E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Khramov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.03.2025;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 17.03.2025;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*